Юрий Безелянский

Жизнь из последних сил

Воспоминания и дневник москвича

Книга четвертая
2011–2022 годы

Жизнь из последних сил. 2011–2022 годы

Юрий Николаевич Безелянский

Аннотация
Юрий Безелянский. Жизнь из последних сил. Воспоминания и дневник москвича. Книга четвертая. 2011–2022 годы
Предисловие
2011 год – 78/79 лет
2012 год – 79/80 лет
2013 год – 80/81 год
2014 год – 81/82 года
2015 год – 82/83 года
2016 год – 83/84 года
2017 год – 84/85 лет
2018 год – 85/86 лет
2019 год – 86/87 лет
2020 год – 87/88 лет
2021 год – 88/89 лет, старт в неизвестность
2022 год – 89/90 лет
Анонс событий из жизни Ю.Б

Аннотация

Возрастной период с 80 до 90 лет – непростой, если не сказать тяжелый. Об этом представлено или рассказано в четвертой книге дневников и воспоминаний, 2011-2022 годы. Хвори, недомогания и даже хирургическая операция. Сужение круга близких и знакомых людей (утраты, отъезды), исчезновение многих творческих площадок – газет, журналов, радио, ТВ. Минимум публичных выступлений и презентаций. И только последняя отдушина – книги. Осуществлены два больших проекта – три тома об эмиграции русских поэтов и писателей и четыре тома дневников и воспоминаний. И еще издано несколько книг.

Все вроде бы неплохо, но… Творческую активность снизила пандемия, ко-вид-19, а затем специальная военная операция на Украине. Это уже кошмар. Инфляция, цены и прочие «прелести» западных санкций. Но книги издаются, и это значит, что жизнь продолжается.

Юрий Безелянский
Жизнь из последних сил. Воспоминания и дневник москвича. Книга четвертая. 2011–2022 годы

Предисловие

Итак, четвертая книга дневников и воспоминаний завершает жизнеописание одного частного человека, которому привелось жить в XX и XXI веках. Рождение, детство, школа, институт, трудовая деятельность: бухгалтер в конторе Мосхлебторга, редактор в экономическом журнале, обозреватель в Иновещании в Радиокомитете, газета «Лесная промышленность», возвращение в журнал «СПК» и в 60 лет мужественный и отважный бросок в волны свободной журналистики в статусе «фриланс». Беспокойная жизнь пенсионера-добытчика. Отдельные публикации и рубрики во многих газетах и журналах, от московского «Вечернего клуба» до нью-йоркской газеты «Новое русское слово», от «Науки и жизни» до престижного «Космополитена». Выступления на различных каналах радио и ТВ. Поездки по стране, от Бреста до Владивостока. Туристические выезды на Запад: Париж, Рим, Вена, Монтрё — последнее прибежище Набокова в Швейцарии, и т. д. Многочисленные выступления и презентации книг (издано более 40, первая — «От Рюрика

до Ельцина»). Короче, успех и некоторая популярность.

Последняя книга четырехтомника (2011–2022) — это трепыхание от 80 к 90 годам. Это тот возраст, когда человек-гуманитарий в основном пребывает на диване, читает газеты, смотрит телик и все. И как говорят в народе: не мычит и не телится. Какие книги?! Слово «сдаюсь» уже произнесено. А я вот не сдаюсь, продолжаю что-то творить, несмотря на самочувствие и нездоровье. Отсюда и название четвертого тома «Жизнь из последних сил». И это не преувеличение, это — горькая реальность. Поэт Глеб Горбовский в моем примерно возрасте называл себя «старой клячей», куда, мол, прешься, все места в литературе схвачены и оплачены. Возможно. Но мне ближе завет Луция Аннея Сенеки, жившего до нашей эры, воспитателя и советника Нерона: Vivire est militare — жить значит бороться. Хромая и спотыкаясь, брести к финалу. Жизнь из последних сил.

А теперь можно раскрыть книгу и познакомиться, вникнуть в подробности, детали одной жизни, приправленные пессимизмом, болью, но и иронией с сарказмом, насквозь субъективная и пессимистическая — такая вот книга. А других писать не умею…

15 августа 2021 г.

2011 год – 78/79 лет

Искусство – ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!..

Александр Блок.
Из цикла «Итальянские стихи», 1909

14 января — никак не начну дневниковые записи. Не хочется писать, вспоминать, анализировать. Возраст поддавливает, и никуда от этого не денешься. Ночью 1-го и 7-го жуткие боли в животе. Лежал и думал: надо вызывать скорую, и представил себе, как повезут в больницу, а там праздники — до больных нет никакого дела. К утру боль утихла. Ще поставила диагноз: газы. Газовая атака под Верденом времен Первой мировой войны?..

Первую неделю года чувствовал себя неважно, какой-то озноб. В общем, болезненно входил в 2011 год. Да и Ще чувствовала себя под стать мне. Эх, где молодые годы, бодрость и резвость, где?! И все же надо вспомнить первые дни, самочувствие

самочувствием, а хроника — хроникой.

31 декабря побоялся открыть «Мордовский бальзам» (стоял в шкафу несколько лет) и вынес на помойку, к радости бомжей. Под куранты выпили немного коньяка под красную икорку. И смотрели дурацкую ТВ-программу «Оливье-шоу»: бесформенная Пугачева, хохотун Басков, вульгарная Сердючка. И только одно выступление было хорошим: мировые теноры Каррерас, Пласидо Доминго и Лучано Паваротти. Остальное — голубая муть.

1-го приходил в себя и отредактировал Щекин материал про Беллу Ахмадулину.

Отныне болен ты. Ты не должник
Ни дружб твоих, ни праздничных процессий.
Благоговейно подтверждает Цельсий
Твой сан особый средь людей иных…

2-го вышли в нашу рощу. Легкий морозец и влажный воздух… 3-го не выходил из дома и составлял шпаргалку для своего творческого вечера. 4-го сбивали с крыш сосульки — и грохот стоял страшный. Начал заниматься Добролюбовым (юбилей: 175 лет). 6-го были в гостях у Эдика

и знакомились с «новой женщиной» — Юлей из Запорожья… 7-го снова только дома. По «Эхо» разорялся Шендерович: «малина у власти». Приступил к «Моментальным встречам» — Горбачев и др. Гоняли по ТВ старые картины, комедии — столько света, оптимизма, песен, добра и завернутая в фантик пропаганда — «Сердца четырех», «Моя любовь», «Веселые ребята».

8-го выступление в библиотеке Хикмета, 11-го — вечер в МЕОЦе — «О времени, о книгах, о себе». В зале было около 100 человек. Читал даже свои стихи, и зал аплодировал. Организатор вечера Яна: «Вы такой прикольщик». А утром этого дня в «МП» напечатан мой Альфред де Мюссе. Да, в МЕОЦе подписал зачитанный до дыр «Коктейль “Россия”»: принесла читательница из дома. Можно тихонечко гордиться.

12-го давал интервью газете «Мир новостей» по поводу героев книги «Клуб 1932». Пришедшей Маргарите показывал тома календарей и наклеенные вырезки в альбомах, она ахнула: фантастический труд! А на следующий день в «МП» опубликован Бетховен — «Юпитер музыки». 14-го звонил Витенька из Аугсбурга с печальной констатацией о себе: «Пошел развал». А он моложе меня на 13 лет. Какой развал? Публикации

идут одна за другой. А тут у Лескова юбилей — 180 лет со дня рождения, а я о нем не писал никогда. Обрадовался будущему знакомству. Обложился разными источниками и запел, как Буратино (актер Литвинов): «Это очень хорошо, даже очень хорошо!..»

26 января — хорошо-то хорошо, да не очень. Террористический акт в аэропорту Домодедово: 36 погибших и более 100 раненых. Вливают огромные деньги в антитеррористическую программу, в силовиков, и все без толку. Все приходит в негодность, поржавело и разваливается. Постыдная, жалкая, вороватая власть. Как там у Александра Городницкого в стихотворении «Русский язык»:

Ах, Родина, которой нет прощенья
За черноту ее кровавых дел…

Можно кричать и биться головой об стенку, но что можно изменить? Спасает теория малых дел. Шесть публикаций в январе: 11 — Мюссе, 13 — Бетховен, 14 — Ворчун про зиму, 18 — Павел Васильев, 20 — Мария Миронова, 22 — историк Ключевский…

И жизнь каждого персонажа чему-то учит, а мысли пополняют знание о мире и о бедной России. «Всякое молчание ведет к недоразумению, а

всякое недоразумение питает ложь» — Василий Ключевский. А сколько у нас вырвано страниц истории или искажено: Революция, Гражданская война, Голодомор, репрессии, ГУЛАГ, Террор, пакт Молотова — Риббентропа, начало войны и позор отступления, Бабий Яр, Катынь и т. д. и т. д. Все сфальсифицировано, лживо и искажено в угоду Власти… И загубленный талант Павел Васильев, который писал в одном из стихотворений, что «я еду собирать тяжелые слезы страны». И такой поэт великой стране был не нужен…

19-го выступал в библиотеке им. Добролюбова на Смоленской перед учащимися библиотечных техникумов — 40 чел. Был в кураже и, как модно говорить, «зажигал». И заработал букетик: 5 тюльпанов…

20-го довел Лескова до 15,5 стр. А потом взялся за Ворчуна: 150 лет как отменено в России крепостное право. Право отменили, а крепостные, холопы, смерды остались… У Владимира Друка (1957, Москва) есть четверостишие про Мурку:

Мурка задумчиво в небо глядит:
Может быть, там колбаса пролетит?
Мысль, что бывают еще чудеса,
Даже приятнее, чем колбаса.

И весь простой, обделенный и обобранный жадными чиновниками народ в положении Мурки: в ожидании чудес, колбасы и свободы.

17 января — вышел 7-й материал в «МП» — «Подлинный сын Арбата» (Анатолий Рыбаков). Пишу, читаю, перебираю архивы. В журнале «Юность» за 1991 год нашел созвучные мне строки Юрия Левитанского:

Жить среди книг, хотя бы не читая,
Лишь ощущать присутствие вблизи,
Как близость леса или близость моря, –
Вот лучшее из одиночеств…

В порядке отдыха — кусок из фильма «Серенада солнечной долины»: искристый танец Чуча в исполнении очаровательной мартышки (нет, я не расист!) и двух чернокожих ухажеров.

31 января — чем порадовал конец января? 28-го выступал в социальном центре на ул. Альенде. Тяжелая аудитория. Пенсионеры, ветераны, старики, слушают молча, сосредоточенно, и кажется — ничего не понимают. А вечером поехал в ЦДЛ на презентацию книги Феликса Медведева, в афише я подразумевался под «и др.». Ну, и другие

выступающие… 30-го не выходил и занимался Врубелем. Когда-то в «Вечерке» Долин похвалил моего Врубеля, чем вызвал негодование у пишущих вечеровников… Кажется, это было в 2006-м.

Вечером 31-го по ТВ картинки охваченного огнем Каира. На площади Тахрир (по которой я когда-то ходил) — танки, стрельба, убитые. Господи, везде одно и то же: насилие — протест — кровь. И сразу в памяти строки Заболоцкого о судьбе Данте:

Так бей, звонарь, в свои колокола.
Не забывай, что мир в кровавой пене.
Я пожелал покоиться в Равенне,
Но и Равенна мне не помогла…

А как реагирует на события в Египте «наш всероссийский аятолла», по выражению Евгении Альбац?..

4 февраля — 3-го поход на Вятскую за февральским «Алефом», там — Александр Аронов (1934–2001). Советский еврей с партийным билетом, а как же иначе? Иначе — хана. Аронов был одним из значительных поэтов-шестидесятников, и тем не менее оставался самым неизвестным из них. Вот и меня знают и не знают. Если нет сканда-

лов, то и не заметят… «Читаешь и пишешь — и что же ты плачешь?..» — задавал поэт сам себе вопрос. Грустные стихи писал Аронов, а какие они могут быть в стране, где «Спляшут на костях, / Бабу изнасилуют, / А потом — простят. / А потом — помилуют…»

Газетный очерк — зарисовка-эссе об Аронове потом вошла в книгу «Опасная профессия: писатель» (2013). Бедный Аронов, он молил:

Скользить, исчезнуть, не проснуться.
Но дай хоть раз еще успеть
Остановиться, оглянуться.

3-го встретил Евсеева и Михайлова, основателей ВК, выглядели потерто и старовато, как вышедшие в тираж. Евсеев уже в «Журналистике» не работает. Где теперь? — спросил я. «Потом скажу», — мрачно ответил Евсеев. Вспыхнули и погасли — банальная история. На моей физиономии читалось сочувствие, на их лицах — совсем иное…

13 февраля — в дневнике длинная запись под названием «Пока ничего». Книга не выходит, а 11-го напечатан Ворчун: «Отцы и дети, деды и внуки» о проблемах поколений.

Не зацикливаюсь на своей творческой судьбе и слежу за другими персонами. Михаил Козаков борется в Израиле с раком легких. Завершила жизненный путь в 80 лет примадонна оперетты Татьяна Шмыга (в конце жизни узнали, что она на самом деле полька Яна Мицкевич — сколько пропущено подобных национальных мистификаций в «Коктейле “Россия”»!). Автор «Интердевочки» Владимир Кунин жалуется, что о его книгах совсем не пишут, да к тому же все время путают с Акуниным. Отжаловался и Николай Доризо, что «ежеминутно, ежечасно» Дантес «может выстрелить в меня». Очень хочется хотя бы посмертной славы? За эти строки его высмеял Александр Иванов: «Могу и в Доризо, конечно, какая разница, в кого…» Выстрелил не Дантес, а судьба, рок…

Умерла актриса Лидия Савченко / Люська во «Взрослой дочери» Славкина. Подхалимы славят Константина Эрнста — «он умница и полон амбиций», а эта «умница» губит ТВ пошлыми и вульгарными программами. Ну и т. д. Розенбаум разухабисто поет: «Я всю жизнь пролетаю мимо кассы…»

Гоп-стоп, ты отказала в ласке мне.

Гоп-стоп, ты так любила звон монет…

«Мне-монет» — хорошая рифма. По ТВ в поединке сошлись Венедиктов и бешеный Кургинян, который вопил: «Красный проект еще не закончен!..» В Египте завершилась эра правления Мубарака. И процитирую свою точную фразу из дневника: «Всем надоело гигантское воровство, обман, вранье и золоченое византийство с кремлевскими завитушками…»

И последнее. Ще выступала в кафе у Комраковой по теме «Жена в тени гения». Весьма успешно, но очень устала, побывав в моей шкуре…

15 февраля — в «Московской правде» (надоело писать «МП») опубликована 1-я часть о Николае Лескове, об «очарованном страннике» (1831–1895). Он описывал «маленьких», а не «особенных людей», как у Чернышевского. О «маленьких» и с «просторным сердцем».

Официоз не жаловал Лескова (особенно Катков), и считали, что он «не наш», «совсем не наш». Лесков отмечал: «Меня все топили и не утопили с головою». Он не поддавался давлению, гнул свою линию «христианского гуманизма» и красочно описывал «небывальщину» на Руси. Основную коллизию жизни Лесков видел в вопиющем несоответствии между неограниченными возможностями развития страны, обладающей

огромными природными богатствами, и ее нищетой и отсталостью по сравнению с передовыми странами Западной Европы.

«В России что ни шаг, то сюрприз, и при том самый скверный», — говорил Лесков устами одного из своих героев.

В «МП» — Лесков, а в «Новой газете» стихи неизвестного мне Миши Атрошенко:

Жутко на родине, словно на плахе.
Люди мычат только «мэ» или «бэ».
Всюду бандиты, ворье, олигархи
И берегущая их ФСБ…

Что сказать на это? Апофеоз лесковской небывальщины на Руси. Нет, в РФ.

27 февраля — закончил Сергея Прокофьева, 37 стр. Самоподарок ко дню рождения. И мечтания: издать бы книгу «Театр, музыка, балет». На уговоры издателей нет сил.

28 февраля — привезли на дом книгу «Наедине со временем, или Дневник интеллигента в очках», 1-я часть, 1950–1989. В мягкой обложке. Самиздатовский тираж — 60 экз. Стоимость набора и печати: 32 тыс. руб. И, увы, опечатки…

2 марта — 79 лет. Куча звонков и четыре из-за рубежа: Нью-Йорк (Людочка), Дортмунд (Наташа), Аугсбург (Черняк) и Тбилиси (Лика).

5 марта — выставка «Коллективное бессознательное. Графика сюрреализма от Де Кирико до Магрита». Как тяжело бывшим совкам, воспитанным на Сурикове и Шишкине, воспринимать безумные фантазии сюрреалистов…

15 марта — наш меценат Эд привез машинку из ремонта и словарик по идишу, и я тут же стал импровизировать:

Ах, писатель, шрайбэр-шрайбэр,
Не летит в ворота шайба,
А летит все не туда, –
Вот такая ерунда…

17 марта — в музее Брюсова Дина Федина представила лирико-музыкальную композицию по моей книге «Тысяча и два поцелуя». Мне не понравилось: приторное сюсюканье. Я выступил жестче…

18 марта — очередной «Ворчун» в «МП»: «Рублевка и Парижская коммуна». Парижская коммуна утвердилась в столице Франции 18 марта 1871

года, продержалась 72 дня и была разгромлена 28 мая. Как написала газета «Монд», «Коммуна была яркой ослепительной вспышкой, временем праздника мечты, которая, едва успев воплотиться в жизнь, была убита». Еще одна вспышка и долго пылавшая — Октябрь 1917 года. Свобода, выродившаяся в диктатуру и власть богатых. Рублевка — это ухудшенный вариант французского Версаля. В день Х Рублевку захватят новые коммунары. «Оковы тяжкие падут, темницы рухнут — и свобода!» — как писал Александр Сергеевич. А после свободы последует новая неволя. Циклы исторического процесса.

Вернусь назад. Что-то пропустил, и надо восстановить. 20 февраля — первая попытка овладеть компьютером. Что-то нажал — и все набранное исчезло. Перефразируя Игоря Северянина, его «Валентину»:

Этот день – с него начало –
Незнакомый мне компьютер,
Начинающий наборщик, –
Сколько страха, сколько сил!..

Ще, как учительница, замучилась со мной. К тому же я упорно называл курсор «луксором» (египетские воспоминания).

К своему 79-летию листал дневник Корнея Чуковского, как он отмечал эту дату в 1961 году: «Встретил этот предсмертный год без всякого ужаса, что удивляет меня самого… Очень интересно отношение старика к вещам: они уже не его собственность. Всех карандашей мне не истратить, туфлей не сносить, носков не истрепать. Все это чужое… И все это знают. И все делают вид, что я такой же человек, как они…»

Нет, у меня таких ощущений, слава Богу, еще нет. Машинка, публикации, книги, выступления — пока я кружусь в этом вихре и не подымаю руки с криком «сдаюсь!..». И вышедшая изумрудная книжка по цвету в мягкой обложке — «Дневник интеллигента в очках» — меня греет. Хотя книга неполная и много пропущено…

Забавное интервью Познера с губернатором Кубани Ткачевым:

— А сейчас несколько вопросов от Марселя Пруста.

— А что это? Кто это?

— Ну, мой друг, Марсель Пруст.

— А он еще жив? — спросил губернатор.

Из интервью с Людмилой Улицкой («МК», 14 февраля): «…Страх власти, подобострастие, раболепие, власть чиновничья, бюрократическая,

мы опять превращаемся в Акакиев Акакьевичей, потому что над нами опять неопределимая, неуловимая, в общем, сатанинская власть».

Грандиозное цунами и землетрясение в Японии, опасность взрыва на реакторе «Фукусима-1»! Японцы мужественно переносят национальную трагедию, а наши патриоты-идиоты радуются: это японцев Бог покарал за требование возврата Курильских островов. Н-да, и трудно комментировать. Смог Белковский: «Мы — русские! С нами — дьявол» («МК», 18 марта).

21 марта — ощущение, что разваливаюсь: то ли весенняя погода, то ли возраст. Нервически реагирую на уходы. Гимнаст Николай Андрианов, 7 золотых олимпийских медалей. Крикливый депутат Виктор Илюхин. Ровесница, член «Клуба 1932», красавица Элизабет Тейлор. Она старела, ее замучили недуги, ей предлагали пластику лица, чтобы избавиться от морщин, а Лиз отвечала: «Я хочу позволить себе роскошь жить со своим настоящим лицом, со своими морщинами и трясущимися руками…» Нет, наши примадонны отчаянно цепляются за молодость и идут на всякие опасные операции, уродуя себя и теряя свое лицо (Пугачева, Гурченко).

Корина уходит из ЭКСМО, причина: отказ

делать сборник стихов о вампирах (мои литературные портреты она готовила к печати с удовольствием). Вышел на издательство «Минувшее». Казалось бы!.. Но на все мои предложения последовал ответ: «Почтили бы честь вас издать, но… нет денег!» А тем временем мой изумрудный дневник Наташа увезла в Германию, прочтет круг ее друзей.

Но вернемся к хронике. В телеграфном ключе: ушел из жизни певец Александр Барыкин с популярной песенкой «Я буду гнать велосипед». Все! Велосипед сломался, и колесо куда-то отлетело. Вроде мне Барыкин — чужой человек, а вот как-то от его отсутствия не по себе.

2 апреля — в 75 лет умерла Гурченко. Общее рыдание: «Люся ушла!..»

7 апреля — в «Алефе» на 4 полосах с цветными репродукциями Хаим Сутин…

Рассмешил Стрижев своим возмущением, почему? — по кочану!.. Всегда кому-то чего-то не хватает или недодают. Вот и Александр Блок в 28 лет — в пору цветения — сокрушался: «И стало беспощадно ясно: Жизнь прошумела и ушла».

16 апреля — в «МП» — Сергей Прокофьев. Считай: «Петя и волк» и «Любовь к трем апель-

синам».

19 апреля — в «МП» — Шарль Бодлер. Цветы зла без цветов надежды.

20 апреля — запись в дневнике: «…во рту ералаш, поясницу прихватывает. Какой-то Развалов-Развалюхин-Скочебочинский — боярин эпохи Ивана Грозного. И тут еще любимое “Динамо” буксует. Степашин об игроках: “Полудохлые миллионеры”».

2 мая — допечатал Якова Полонского с прицелом для второй книги «Русские классики». А до Полонского крутил-вертел Аполлона Майкова.

4 мая — закончил маленькую «Жизель» (170 лет со дня премьеры балета Адана по сценарию Теофиля Готье, которому приходилось заниматься журналистикой из-за денег, и он считал это занятие «невыносимым» и «унизительным»). А я не ропщу. Я пишу… И вышел в «МП» очередной «Ворчун» — с «С чего начинается Родина?». Конечно, с Лубянки и КГБ.

9 мая — за окном пышная зелень, молодая, упругая, радующая глаз. Зацвела черемуха. Казалось бы, гулять и гулять. Ан нет. У меня и у Ще проблемы с нездоровьем.

13 мая — НТВ, программа о Горбачеве: споры, крик. 28% высказались, что Михаил Сергеевич — великий реформатор, 72% — что могильщик СССР. И подобный разлет мнений по многим вопросам.

14 мая — выступил в Тургеневке перед объединением КЛИО на тему «Рассвет и закат Серебряного века».

18 мая — Макаренков («Рипол-классик») заявил: «Книжный рынок мертв. Если хотите, то забирайте свой “Коктейль “Россия” назад». А я, несмотря на плохое самочувствие, занимался хроникой 90-х. Ще: «Ты как заболеешь — работаешь как сумасшедший». Точно. Вот и Борис Акунин (он же Григорий Чхартишвили) признавался: «Писать никогда не перестану. Я ведь больше ничего не умею!»

25 мая — неврология замучила. Боли, уколы, лекарства.

Света нет в окошке.
Темень непролазная.
Рассвети немножко,
Жизнь ты светозарная.

А она, напыщенная,
Отвернулась разом.
И ушла. Не сыщешь ее.
Ах ты, жизнь-зараза!..

Еще древние говорили: сказал — облегчил душу. А пока записывал в дневнике, пришла толстая медсестра с уколами: «Кого колем?» И не смог поехать на презентацию только что вышедшего журнала «Аккорд».

1 июня — два материала в «МП»: «Фрагменты из жизни Михаила Булгакова» и «Красота и гармония Дюрера».

6 июня — и все-таки доковылял до «Аккорда». В журнале два материала: «Умирающий и вечно живой Лебедь» и «Золотая труба Европы» (Эдди Рознер).

7 июня — в «МП» напечатан Владислав Ходасевич. Печально-безрадостный поэт-классик Серебряного века. Вот и меня, хотя я не поэт и никакой не классик, тянет на какие-то грустно-болезненные строки, типа «Я — развалины Помпеи»… Или вот такие, написанные 29 мая:

Жизнь, как птица, пролетела,

И на небе нет следа.
А когда-то что-то пело,
И сверкало, и звенело.
Ну а ныне– тишина.

17 июля — получил анализы: сахар — 6,1. Многовато. Еще один ровесничек с 1932-го выбыл из игры — бард Юрий Кукин. У него в одной из песен: «Ну что, мой друг, не спишь — мешает жить Париж…»

26 июля — в «МП» — Виктор Некрасов. Эмиграция, печаль, а до него вышел «Ворчун» — «Есть ли секс в СССР», это — развлечение или, говорит молодежь, развлекуха (такой сленг не употребляю). Написал аккуратно и воздержался от цитирования Эдуарда Лимонова: «Девки красивые, девки печальные, / сиськи спесивые, писькы нахальные…». «Лимон» — тот еще фрукт!

1 августа — в связи со своим днем рождения Ще подарила мне свою книгу «Повороты судьбы» с надписью «Юрочка, ты — самый главный поворот жизни».

Еще в августе.

Занимался Вальтером Скоттом, Ниной Берберовой. В «МП» вышли «Русский Ницше» (мой

любимый Василий Розанов) и два «Ворчуна»: один про погоду, другой с прикольным заголовком «А я люблю Буденного!».

Допечатал Довлатова — 18 стр. Получил гонорар за Столыпина в «Аккорде» (прихоть Сперанского). По какому-то ТВ-каналу рассказывал о Марии Кантемир.

24 августа — в «МП» напечатан Леонид Андреев. А еще суета с получением виз.

30 августа — случайно натолкнулся на книгу про Альпы, и мгновенно пришла идея написать книгу «От Воробьевых гор до Альп». Идей много, но реализовать их не хватает сил…

10–16 сентября. Тур «Классическая Швейцария».

Особенно насыщенным был день 14 сентября: Берн — местечко Грюйер, где делают знаменитый сыр, — Женевское озеро, Монтрё, отель, где жил Набоков, памятник писателю в парке, Шильонский замок — Лозанна — переезд в Женеву.

> Маленькое отступление. Не знаю, как читатели, но автор устал от клиповых наплывов данной книги. Романного сюжета нет, как, к примеру, «Домби и сын»

Диккенса или «Обыкновенная история» Гончарова. Все дробится, распадается на клочки и фрагменты. Много стихов, цитат из чужих книг и публикаций, и идешь не по асфальтированной дороге традиционного сюжета, а бродишь по лесным тропкам, спотыкаясь на каких-то корягах. А может быть, это новый сладостный стиль? Клип. Крик. Ах. И бабах. Вышло так, как вышло.

И, возможно, кто-нибудь из дотошных читателей заинтересуется судьбой автора, его падениями и взлетами, его поиском и упорством и будет немножечко (словечко из популярной еврейской песенки: «немножечко танцуем») следить за всеми зигзагами и поворотами Ю.Б., сопереживать его жизненным ходам, мотать чужой опыт на собственный ус. Возможен и такой вариант. А кто-то и отложит книгу: «Муть какая-то!» По той причине, что он, читатель, любит ясность и простоту, без вывертов и экзерсисов. Пришел. Увидел. Победил. Но именно победа – самая сложная и загадочная штука. В одной из последних своих песен-баллад

Булат Окуджава заключал:

«Где уместны, конечно, утраты и отчаянье даже, но чтобы милосердие в каждом движенье и красавица в каждом окне». Красавица – это неплохо, все равно что хорошая книга.

Вернемся в весну и лето 2011 года, к пропущенному и сокращенному. Что не вспомнил, считай, пропало!..

В апреле 50 писателей России (я приглашения не был удостоен: одиночка, вне коллектива и без желания слиться с писательской массой) кучковались в Лондоне. Ольга Славникова жаловалась, что в Лондоне ощутила полное отсутствие интереса к русской литературе. Обидно. Чувствуешь себя недооцененным, неузнаваемым, ощущаешь вакуум…

В апреле шумели все СМИ по поводу 62-летия Пугачевой. Лично меня раздражало и пугало ее чужое лицо, да и говорила она что-то маловыразительное, как тетка Алла Борисовна Галкина. С каким-то внутренним смаком пела: «А я такая, блин, такая-растакая…» Да, не удержалась мадам примадонна на пьедестале. Рухнула…

Эдуард много помогает, делает добра, а я в ответ

лишь пишу стишки. Вот последние, на 73 года:

Снова дата подлетела.
Отмечай – не отмечай, –
Будто птичка сверху села.
Что-то спела невзначай…

А далее пожелание, чтоб «в душе звучал орган» (Эд– поклонник Гарри Бродберга).

Пусть играется токката.
Звук плывет, как по волне.
Наша жизнь совсем не смята.
Мы еще совсем вполне…

10 апреля — выпала полумесячная норма снега, деревья в белых снежных одеждах, улицы в туманной дымке, под ногами лед-вода, а снег продолжает валить. Люди с зонтами перепрыгивают через водяные препятствия. Если Блок в марте 1909 года писал, что «Весенний день прошел без дела у неумытого окна…», то у меня этих дел по горло, хотя, конечно, обилие сделанного — не гарантия успеха.

Апрель и опять уходы: сатирик Павел Хмара, Валерий Аркадьевич Горбунов, который нежно относился ко мне и печатал в своем издании

«ЛГ-досье». На пороге 90 лет ушел Яков Аронович Костюковский, он у меня выступал на вечере в ЦДЛ. И рассказывал о буднях советской цензуры, когда запретили фразу из фильма «Кавказская пленница»: «А в соседнем ауле жених украл члена партии». Как это можно?! Члена КПСС!

И еще один уход: Михаил Козаков, он моложе меня на 2,5 года. Прекрасный актер, чтец стихов Бродского, автор «Покровских ворот» (в смысле — режиссер). Актер большого масштаба и личность, нынешним Певцовым и Домогаровым до Козакова далеко…

Апрель-май. Добил Аполлона Майкова. Для рядового читателя (и, увы, возрастного) Майков — это только «Весна! Выставляется первая рама…». А он был поэт более глубокий и пытался открыть секреты:

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов…

После Майкова — Яков Полонский с прицелом для второй книги «Русская классика» (увы, не вышла). И сотворил маленькую «Жизель» (170 лет со дня премьеры одноименного балета). Композитор Адан, сценарий Теофиля Готье, которому

приходилось заниматься журналистикой из-за денег, и он считал это занятие «невыносимым и унизительным». Я так не считаю. Не ропщу. Я пишу… Параллельно занимаюсь хроникой 90-х годов. Интенсивная работа на фоне недомогания, лечения и уколов.

Я – развалины Помпеи.
Где-то колет, где-то саднит,
И совсем уже не всадник.
Нет, не Гойя, не Моне.
Разболезненный вдвойне.
Не иду, а ковыляю
И Помпеи вспоминаю…

Короче, шучу, подбадриваю. И никак не вырвусь из эпохи зубов, если выражаться высокопарно.

Раньше был с надеждой, а сейчас я без.
Раньше были зубы, а сейчас – протез.
Ах, какая драма! Пиковая дама!
Спутал бес все карты и теперь – хана!
Нет фортуны рядом –
Гуляет там за садом
И чужому дяде сыпет все сполна…

19 июля — вышел в «МП» «Неистовый Виссарион» (Белинский). «Великий русский революционный демократ», — как писали в советское время. Ныне «демократ» — что-то ругательное и ненужное. «Отрицание — мой Бог!» — часто говорил Белинский. В его тщедушном теле жил неистовый и пламенный критик. «России нужен новый Петр Первый», — мечтал он. Некрасов писал о Белинском:

В те дни, как все коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел…

Господи, что выходит, что в XIX веке — «дремля и раболепствуя позорно», и картина не изменилась в начале XXI века? Дремлем и раболепствуем… Виссарион Григорьевич умирал в 37 лет от чахотки, медленно и мучительно. Семья жила в долг, денег на похороны не было…

Да, 12 июня был День России, и по этому поводу на Красной площади устроили бесовский концерт для молодежи. В Мавзолее труп Ленина, в Кремлевской стене захоронения, а на площади танцуют, скачут, поют, оттягиваются, не ведая ни этики, ни элементарных приличий… Надежда Бабкина источала восторг по поводу Путина и

«Единой России».

И еще разные записи из дневника. 16 июня — расторжение договора с отдачей компакт-диска «Коктейля “Россия”», запись, что финансовых претензий «стороны друг к другу не имеют». Да, аванс давно истрачен… Но какова стоимость аванса? Вот Андрей Малахов выложил, как пишут, 150 тыс. евро за свадьбу в одном из залов Версаля, — это деньги. А мой удел находить в истории созвучные параллели, к примеру, в 1907 году старый Алексей Суворин записывал в дневнике: «Мои старые идеи, мои старые слова не отвечают больше тому, что около меня действует и говорит. Что мне делать в этом мире? Общество живет автомобилями, механикой, и душа его стала механической…» А спустя 104 года после этого признания мир изменился радикально, кругом электроника, все летает по воздуху — тексты, признания, разочарования и прочие фейсбучные факты из какой-то посторонней жизни. И стон Евтушенко и многих прочих: «Я — не формат!»

И скаламбурим: Кто спорит? Прав старик Суворин…

На затычке моих книг нашел строки Некрасова из 60-х годов XIX века. Классик жаловался:

Пропала книга! Уж была

Совсем готова – вдруг пропала!..
...Ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!
...Так редки книги не пустые...
Мне очень жаль, мне очень жаль...

Ничем не закончились контакты и обещания издать дневник в «Русском Зарубежье». Ничем и поход в издательство НЛО: они в отпуске...

Также ничем не реализовалась неожиданно пришедшая идея написать пьесу, типа «Варшавской истории», о двух возрастных людях, испытавших снова давно угасшие чувства. Идея пришла и так же тихонечко ушла... Отвлекает конвейерная работа: рубрики и обязательства. А еще чтение прессы: никак не могу изжить сидящего внутри летописца текущих событий. Как не записать строки Тимура Зульфикарова («ЛГ», 6 июня):

Над Россией веет дым из ада,
А в Кремле витийствует пастух-волк-лицедей...
Блеет малое православное смирное стадо,

Спасаясь в церковной ограде,
А покорный народ пожирает лукавая
Пьяная дымная смерть…

Легко представить, как возмущаются патриоты и сторонники нынешней власти таким инвективам. А сами кремлевцы удивляются: оказывается, не все их уважают, а тем более любят. Как кто-то из старых классиков определил тех, кто нами правит, как «властителей поганых».

В июле, в жару, написал строки в стиле Дмитрия Пригова:

Как живут пенсионеры,
повара и пионеры?
Все работают без меры –
Полисмены, воры, мэры,
И нужны еще примеры?
Пашут, жнут и сеют веру,
Насыщая атмосферу?
Но напрасно! Все так серо,
Без просвета, тьма и тьма.
Горько всем пенсионерам,
Поварам и пионерам.
Все смешалось. Кутерьма…

1 августа совпало с уходом жары за 30 градусов и духоты. И стали думать об отпуске. Черногория — не очень привлекательно, Фрайбург — трудно добираться, Швейцария — дорогая. Боденское озеро? И даже рассматривали Будапешт с озером Балатон…

Вернемся в август. В день рождения Ще — 71 год — много звонков. Никуда не поехали. Сидели дома. Вкусно покушали и выпили по лафитничку кошерной водки. Украшение стола — роскошная голландская роза. Подкачало только ТВ: в роли Радзинского выступал Сева Шиловский, Витин приятель, и бездарно. Я был бы лучшим рассказчиком на экране, но после «Дарьял-ТВ» так и не пригасили. Так что мне дать? — если выражаться по-народному. Заявки на программы лежали на столе руководителя «Культуры» Шумакова, и никакого ответа… Лакомые кусочки давно все распределены между своими, а я — чужак, «провинциальный» писатель с Арбата.

4 августа — отвез в «МП» материалы на сентябрь: Теодор Драйзер, Михаил Чехов, Вальтер Скотт и Леонид Андреев (копия из книги «99 имен Серебряного века»). Вдогонку допечатывал Бербе-рову и «Ворчуна»: «Погода благодать или жуть?»

8 августа — на маяковке, на улице Чаянова, в турагентстве купили путевки в Швейцарию — 100 тыс. р., плюс 500 за фото на визы. Замаячили Женева с Цюрихом. Сначала испытали эйфорию, а потом посчитали, сколько еще нужно вложить дополнительно: питание, экскурсии и т. д. И Ще произнесла восклицательную фразу: «Ах, какой ремонт можно было бы сделать за эти деньги!..» Но мы с Ще не ремонтники, не кочегары и не плотники, как пели в советском фильме «Высота», мы — транжиры и прожигатели жизни. Книги, сладкое и что-то из украшений жизни и быта. А ремонт — недосягаемая мечта.

10 августа — в «МП» вышел «Русский Ницше» — мой любимый Василий Васильевич Розанов. «Душа озябла» и прочие розановские перлы. Ситуации перед революцией Розанов сравнивал с «Божественной комедией» Данте:

«С диким лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историей железный занавес.

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось».

Напечатал, не скрою: с удовольствием, Розано-

ва и тут же почти без передыха взялся за Сергея Довлатова (13-го допечатал, 18 стр.).

18 августа — в связи с годовщиной путча газеты полны материалов. В «МК» Юлия Калинина, «Домохозяйка», ехидно написала, что победившая «команда мечты» быстро разбогатела, обнаглела и, грабя народ, пугают, что «опять коммунисты придут». Потом к власти пришла Дримтим № 2 и тоже начала беспредельничать, уже не ради победы над коммунистами, а во имя поднятия с колен великой России. И горькая концовка: так и живем…

А что удивляться? Такова природа любой тоталитарной власти: себе — все, а народу — жалкие подачки…

21 августа — звонок с канала ТВ-3: срочно нужен рассказ о Марии Кантемир. Рассказывал в парке у к/т «Ленинград». Дождичек, я в плаще с шелковым шарфиком из Парижа и лихо говорю о Марии Кантемир, которая мечтала заставить Петра Первого с войском пойти на Восток и вскрыть могилу Тамерлана, — жуть какая-то!.. Но, рассказывая исторические анекдоты и апокрифы, я уже думал о Швейцарии и вечерком набросал несерьезные строчки:

Ах, это Цюрих! Там ведь Ленин
Скрывался от российских дурь
И там сидел, склонив колени,
То ль от ума, а то ль от лени,
Не вождь, не лидер, просто куль.
Да что там Ленин! В. Набоков
Млел скромно там, в своем Монтрё!
И озирал суровым оком,
Насколько озеро глубоко,
Наверно, глыбже, чем метро…

Все шуточки, конечно. А на серьезе начал выполнять заказ Егорунина о героях Отечественной войны 1812 года и начал с Барклая-де-Толли… А параллельно листал книгу про Альпы, думая о том, что хорошо бы написать книгу «От Воробьевых гор до Альп». Придумщик и мечтатель…

27 августа — надо записывать, а не хочется. Накопился огромный груз усталости. И все же надо зафиксировать для будущего, как оценивали сегодняшний день аналитики и эксперты. Белковский (в «МК», 25 августа):

«Современная Россия» — самое антисоветское государство в мире. Советский Союз строился на

идее «единственно верной» идеологии, коллективизме, низком уровне потребления и коррупции. Российская Федерация стоит на полном отсутствии идеологии и тотальной коррупции…

Да, еще на рекламной раскрутке лидера, вождя, «отца нации», который совершает удивительные чудеса: в августе достал со дня моря древнюю амфору, которую подсунули ему лизоблюды-аквалангисты. И народ обмер: амфора! Эффект для дураков…

7 сентября — поехал на книжную ярмарку: испытание ногам и пустые разговоры про книги. Радуют пока газетные публикации: за Вальтером Скоттом вышел Марк Бернес (все прыжки и перелеты во времени и по странам). На День города 4-го купили торт «Прага», от былого вкусного торта остались одни воспоминания. Нет кондитеров, есть бракоделы. И горестные уходы: Жанна Прохоренко, Алла Баянова, Ия Савина…

Да, забыл написать, что на ярмарке сотрудники Библиотеки иностранной литературы сказали, что как только бывает оказия, то посылают мои книги в Оксфорд и Кембридж, коллегам-славистам, но до меня никаких откликов не доходит, что очень жаль…

Обычное волнение (у меня меньше, у Ще боль-

ше) перед вояжем. «Утешил» Набоков. В письме к сестре Елене иронически сообщал из Штатов: «Обзавелся чудными фальшивыми зубами». Что беспокоит? Конечно, ноги: выдержат ли нагрузку? Глаза плохо видят и у меня, и у Ще. И далее по списку. И тем не менее 21-я поездка за рубеж. Приезжал Э. Привез бумагу под будущие книги со словами: «Здравствуйте, товарищи-писатели!» Молодец.

Итак, летим в Швейцарию в ночь 10 сентября.

А чем примечательным был день 10 сентября в моей жизни? У меня была когда-то попытка в календаре «Морфлота» просквозить по всем городам. Может быть, эта идея кому-то пригодится, но для этого надо вести дневник и все записывать, а это, как сказал бы Ильич, архитрудно.

10 сентября по годам жизни Ю.Б

1950 — решил уйти из дневной школы № 554 в вечернюю школу рабочей молодежи.

1955 — записался в Ленинку. Строки в дневнике: «Волшебное хранилище книг ошеломило меня…»

1967 — «любовь на стороне» — с Ще в Нескучном саду. Ще мешали высокие каблуки, а мне — гвоздь в ботинке.

1972 — отдых в Софрино в доме отдыха от Радиокомитета.

1978 — ветеранский футбол на стадионе «Серп и молот». Наша тройка, в которую входил я, победила известных соперников: Давидовского, Костроменко и художника Шелушкова со счетом 10:8. Один гол забил и я.

1987 — в к/т «Ленинград» фильм «Скромное обаяние буржуазии».

1988 — посещение выставки «Искусство Берлина за 300 лет».

1992 — в еженедельнике «Щит и меч» (тираж 550 тыс. экз.) напечатан мой календарь о несчастливом дне с цифрой «13».

1994 — на ТВ в программе Анэли Меркуловой: «Слушать историка Безелянского — одно удовольствие».

1996 — коллективный сплав с редакцией «Вечернего клуба» на пароходе «Георгий Димитров» вместе с Бруновым, Шендеровичем, Борщаговским и другими знакомыми персонажами.

1999 — переезд из Франкфурта-на-Майне в Мюнхен в туре по Германии.

2004 — покупка новой куртки в «Реалисте» на Соколе.

2007 — получили визы и все документы для

поездки в Сан-Ремо. Занимался Салтыковым-Щедриным.

2009 — выступление в библиотеке им. Тютчева на Чонгарском бульваре. Общее мнение: «Вы подарили нам праздник». В ответ подарили… нет, не цветы, а пирожки с капустой.

И вот 10 сентября 2011-го дорога, начало тура — предвкушение, преднаслаждение перед тем, что впереди. А потом все быстро пройдет и останутся лишь воспоминания. Так что совет: живите в вечном благословении предвкушения, лелейте надежду, мечтайте о том, чего еще нет, а только предвидится в дымке ближайшего времени.

13 сентября — пока был в Швейцарии, в «МП» вышли три материала кряду: Барклай-де-Толли, Иннокентий Анненский и Ворчун — «20 лет после путча». Война 1812 года, поэзия Серебряного века и путч августа 1991 года — заговор путчистов, трясущиеся руки вице-президента Янаева и «Лебединое озеро» на экране ТВ.

17 сентября — Господи, как все быстро проходит: и мы уже дома! Только что вернулись с тяжеленными сумками (холодильник пуст!), и вот сидим вдвоем на Куусинена, на кухне. Ще готовит обед, я долблю по клавиатуре «Олимпии

Traveller» — и все это на одном кухонном столе, без четко обозначенной демаркационной линии. Швейцарская сказка закончилась. И наплывы приятных воспоминаний.

Ну а дальше: контора пишет! Без остановки: биографические записки-эссе и небольшой рассказ о поездке по Швейцарии.

25 сентября — «Ваше любимое занятие?» — спросили Карла Маркса, он ответил: «Рыться в книгах». Вот и я постоянно роюсь в книгах, журналах, в газетах. От Паганини («Юбиляры» для «Аккорда») к Лиле Брик, а от нее к Россини. И думаю про себя: прыткий энциклопедист! А еще слепил Ворчуна: «Октябрь и Октоберфест» и нырнул в пушкинскую опору: 200-летие Царскосельского лицея. Работа — не труд, не усилие, а живой интерес. Работа как хобби, как увлечение.

26 сентября — разрулилась политическая интрига, кто следующий президент? Позорно, но миленько прошла корректировочка: Путин — снова президент, а Медведев — в премьеры. И искры от быстроходного тандема. Велополитики, и народ с открытыми ртами от удивления. Кирилл Рогов в «Новой»: «Проблема в том, что Путина не любят. Его не любят серьезно и, ка-

жется, уже почти все. Ему предстоит трудная и неприятная часть жизни. Посмотрим, посмотрим, как дело пойдет дальше» (а дальше «Крым наш!» и ура!!! — 13 марта 2020 г.). А о Медведеве Белковский уничтожающе кратко: «Кукольный президент». Наверху большие игры, а у меня — маленькие. Поехал в издательство «Человек» и предложил своему первому издателю Штейнбаху (ах, Рюрик, Рюрик!) несколько заявок на книги. Штейнбах в ответ: будем думать. Все издатели — Чапаи, и все думают, соображают, прикидывают. Ну, прямо стратеги книжного рынка.

2 октября — в два присеста напечатал Ференца Листа — 7 страниц. И пришла в голову идея: сделать двойной портрет: Лиля Брик — Вера Набокова (5-го все сделал — 22,5 страницы). В «Алефе» вышел Камил Писсарро с прекрасными иллюстрациями. Европейский отдых оказался продуктивным. Доедаем швейцарский сыр грюйер, пьем швейцарский кофе и наслаждаемся швейцарским шоколадом с орехами.

9 октября — вчера был прекрасный день, температура аж +21 — сладкий стон бабьего лета.

В «Московской правде» передали мне письмо от читателя Шмарова (в последнее время чита-

тельские письма с откликами стали редкостью). О моих публикациях он написал: «Каждое произведение насыщено Вашей заботой и любовью к людям. Спасибо за такое! Не стесняясь, пишу, что, читая строки о Бернесе, я плакал, плакал от любви и счастья…» И что он такое, этот читатель, вычитал у меня, или это просто старческие слезы? И в конце письма: «Будьте здоровы на все четыре ветра и счастливы! Почаще ворчите в МП». Интересно, как слова моих текстов по-разному воспринимаются читателями: кто плачет, кто возмущается и т. д.

И для истории: курс доллара 32,64.

Еще одна утрата: умерла режиссер Лиознова. Тихонова-Штирлица за «17 мгновений» наградили и одарили, а Лиознову почему-то нет. Как точно отметил Мандельштам: «Власть отвратительна, как руки брадобрея…»

20 октября — 13-го заключил договор с электронным издательством «ЛитРес» на реализацию 7 моих книг в электронном виде: «Вера, Надежда…», «Коктейль “Россия”», ЭКСМОвские книги о писателях. И продолжают выходить газетные варианта ЖЗЛ: 7-го — Агата Кристи, 11-го — Нина Берберова, 18-го — Семен Липкин: «Еврей в окопах Сталинграда», Царскосельский лицей, Аркадий

Райкин. Сделал новый вариант к 190-летию Достоевского и что-то еще. Не пенсионер, а живая печатная машина. И кручу досье Ломоносова… А Штейнбах определился с книгой о советских писателях.

2 ноября — информационная дробь: в ЦДЛ был плохой вечер памяти Андрея Вознесенского, какая-то невнятица речей и воспоминаний — ушли с половины. 21-го убит, а точнее, растерзан ливийский тиран и диктатор Муаммар Каддафи — настигла кара за все его «художества». Кто следующий?

3 ноября — свое 44-летие отметили с Ще походом на Волхонку на выставку «Парижская школа». А на следующий день запись на ТВ-3 о Вере Холодной.

7 ноября — в «МП» объемная публикация о Достоевском — «Человек есть тайна».

Ездил в редакцию и набрал газет. Постоянный процесс: набираю новые и выкидываю старые газеты. Среди взятых оказался и Денис Давыдов кисти Ю.Б.

Денис Давыдов, поэт-гусар, «питомец муз, питомец боя», организатор партизанского движения в войне 1812 года. Петр Вяземский так определял

Дениса Давыдова: «Поэт, рубака, весельчак».

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!..

Если Вуди Аллен мне близкий человек, то Денис Давыдов — очень далекий (мне «служба царская» не по душе). Но мне интересен зигзаг жизни поэта-рубаки. После войны испытал неудачную любовь, женился на другой, куча детей, хозяйственные заботы. Вместо удали и храбрости — покой и безмятежность духа. И вздохи об ушедшем?

Жомини да Жомини!
А об водке – ни полслова!

Кстати, Анри Жомини — военный теоретик, основавший русскую Академию Генерального штаба. Ну, а Денис Давыдов — поэт, гусар, беспечный гуляка, превратившийся в образцового домоседа, скоропостижно скончался на 55-м году жизни — 22 апреля 1839 года.

8 ноября — все время кто-то уходит из жизни. Не обо всех пишу, иначе хроника превратится

в сплошной мартиролог. Но вот — композитор Георгий Мовсесян. И две его популярные песни: «А ведь это проводы любви…» и «Мои года — мое богатство…». Н-да, так и хочется воскликнуть: лет много, а богатства мало.

10 ноября — в «МП» «зазвучал» Ференц Лист, а я уже засел за Александра Фадеева.

14 ноября — со Штейнбахом подписал договор на книгу «Опасная профессия: писатель». Но нужен набор, за который, между прочим, надо платить. Эра машинописных стараний прошла, а теперь — электронно-наборных. 25-го получил первую порцию набора (Луначарский, Горький, Тарле и др.), и читается текст иначе, чем на машинке, — весомее и книжнее…

27 ноября — звонок Полевичка: «А как у тебя с памятью?» Жалуется, что в полном раздрыге. Ну, а я в рабочем тонусе: напечатал Куинджи и взялся за другого художника — Константина Коровина. Тренинг-тренинг. «Не позволяй душе лениться…»

29 ноября — выступление в библиотеке Вересаева. И «гонорар»: два букета роз — темно-красных и желтых — и коробка конфет. Приехали, а по

ТВ-3 Ю.Б. уже рассказывает о Вере Холодной.

10 декабря — грандиозный митинг на Болотной площади «За честные выборы» и «Россия без Путина!». Мы с Ще голосовали за «Яблоко», но яблочники не прошли в Думу. Единоросс Неверов надрывался: «На улицы выходят разные немцовы и навальные, у кого трудовые книжки лежат в Капитолии». Старая история: это Америка мутит воду.

13 декабря — ездил в Плехановскую академию к проректору Гришиной договариваться о выступлении выпускника Плехановки, ставшего писателем. Переговоры были, а выступление так и не состоялось — плехановские импотенты. Лишь вручили альбом-книгу об академии с моими воспоминаниями.

18 декабря — занимался поисками речевых перлов современных политиков — «Цицерон и цицерончики». Черномырдин: «Никогда не было, и вот опять!»

20 декабря — повело на стихи.

Декабрь несносен иногда, когда нет снега, тьмы и лужи…

И далее:

Какой же в городе климáт!
И довелось же здесь родиться!
Согреть тут может только мат,
Лавиной грозною излиться.
И ждать, и ждать весенней цвети.
Придет когда-нибудь тепло
В одно из ближних нам столетий.

21 декабря — если не считать рождение тирана Сталина, то обычный день. Лишь неосталинисты пытаются вспомнить это стальное имя. Хорошо, что еще не поют прежние песни, типа «На просторах родины чудесной» Александра Суркова:

Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.

Или казахская песня:

Ты растил нас, как цветы,
Здравствуй, Сталин, мастер счастья!

До этого еще не дошло, но страна движется в «правильном направлении». Да и новый вождь,

водила, не вылезает из ящика. Наш народ исключительно царистский…

Ну, а что я? Клепаю материалы, и все время кто-то подбадривает. Мариэтта Чудакова по телефону: «Вас почитываю, всё вы делаете по делу».

22 декабря — в «МП» «Ворчун» по теме: «Интеллигенция — госпожа или рабыня?» И напомнил читателям, что русская интеллигенция всегда боролась за «либерти» — за свободу, равенство и братство против произвола и насилия власти. И было за что бороться: «Везде бичи, везде железы, законов гибельный позор», — как писал Пушкин. Вспомнил в комментарии и сборник «Вехи». «Русская интеллигенция не любит богатства» (из статьи Семена Франка). Ну, и никуда без «самоубийцы» Николая Эрдмана — «Литература — это белая рабыня в гареме пролетариата».

А сегодня? Власть старается интеллигентов и писателей превратить в дрессированных зверюшек, стоящих на задних лапках и просящих финансирование (3 августа 2018 г.).

24 декабря — характерные плакаты на митинге на площади Сахарова — «Вова, отойди от больной матери!». Больная мать — это кто? Россия?

28 декабря — небольшое отдыхновение —

«Джаз под Новый год» в «Аккорде».

31 декабря — как обычно, вдвоем и немного ТВ. Лучшее — Хибла Герзмава и Николай Цискаридзе, остальное — жуть и муть в тумане…

* * *

«Ох, нелегкая это работа — из болота тащить бегемота», — вздыхал детский придумщик и сказочник Корней Чуковский. В таком положении оказался и я, пытаясь отразить свою жизнь и то, что окружало меня в 2011 году. Есть полный дневник — 129 машинописных страниц (считай, треть объема книги). То есть Левиафан, и передо мною еще лежат две отдельные сокращенные попытки зафиксировать то ушедшее время. И вот я по этим, скажем, трем источникам делаю, по существу, 4-й вариант для компактной книги за 20 лет с хвостиком, начиная с 2000 года. Бегемот упирается, брыкается, рычит, и я постоянно в растерянности, как лучше представить на читательский суд этот 4-й книжный вариант. Безжалостно сокращая, прессуя, сжимая, что-то выкидываю. Если говорить в музыкальных терминах, то presto (быстро), то fortissimo (очень громко).

Надорвался и концовку года (ноябрь-декабрь) представил tempo rubato — в свободном стиле. Но, глубоко вздохнув, решил все же что-то добавить.

4 ноября — когда по ТВ показывают хорошие западные фильмы, я всегда отмечаю их в дневнике, но для книги опускаю. Но «Гибель богов» Висконти пропустить нельзя. Классика и прекрасная игра актеров. Эсэсовца Ашенбаха играет Хельмут Грим (16 апреля 1932 — 19 ноября 2004, член моего виртуального «Клуба 1932»). Мартина играет Хельмут Бергер (на его счету роли Людвига Баварского и Дориана Грея), в роли Фридриха Брукмана — Дирк Богард, баронесса Софи — шведская актриса Ингрид Тулин. Распад империи и семьи барона Иохима фон Ашенбаха — такова кинофреска Висконти (1969).

8 ноября — в жуткую непогоду, в дождь со снегом, ездил куда-то в тьмутаракань в издательство «Прозаик», где обретается ныне когда-то всесильный Костанян. Предложил ему издать дневник и «Коктейль», а он в ответ, как по писанному в газетах: Россия превращается в страну менеджеров, охранников, мигрантов и пенсионеров, — и прощайте, книги! Некому их читать…

15 ноября — в «МП» вышел Сергей Аксаков, он

родом из древней дворянской семьи со своим родовым имением Ново-Аксаково. Помещик, барин, не то что я, беспоместный, бескаретный и т. д. У Аксакова, небось, имелся переписчик книг, а мне пришлось платить за электронный набор из своих скромных барышей. Аксаков собирал по субботам друзей и потихоньку, без всяких скоростных гонок, вел записи об ужении рыбы. Да, что там говорить и вздыхать…

24 ноября — выступал в кафе на Бутырской у Комраковой, тема: сатира и юмор. Всего пришло 12 человек, но все было мило. Юморил.

Какая-то женщина призналась: «Вы для нас как глоток чистой воды…»

Для них. А для себя? Разбитость и усталость. А потом 24-го выступал в социальном центре на Соколе, и там удостоился фразы: «Какой вы счастливый человек: много знаете, пишете, востребованы…» И, кстати, закончил материал о Фадееве (Сталин в литературе) — 19 страниц с хвостиком.

26 ноября — сенсация: в Москву привезли пояс Богородицы, и к ней очередь поболее, чем в Мавзолей к Ленину. ТВ-каналы захлебываются от счастья. «Новая газета»: «Тошнотворное чудо ТВ».

Что происходит со страной, с народом?

30 ноября — получил декабрьский «Алеф» с первой частью о Сергее Довлатове и 70 долларов. Болезненная тема: уходы. Василий Алексеев, штангист, супертяжеловес, 80 мировых рекордов. И это помогло жить? Юрий Карякин, публицист (1931), поэт Владимир Фирсов (1937): «И вряд ли все помнят нас, русоволосых, великих, не умевших жить».

1 декабря — пошел на книжную ярмарку нонфикшн. Длиннющий хвост в кассу. Стою, мерзну и отчаиваюсь, и тут подлетает какая-то дама: «У меня приглашение, кого провести?» Я кричу: «Меня! Меня! Я старый писатель!» И провела. Очень смешно.

10 декабря — народное кипение-негодование на Болотной площади. И звонок от О. Ю. Я ее спрашиваю, как она относится к волнениям на Болотной, она: «Все суета сует. Главное — вера в Бога!» Вот так расходятся отцы и дети. Я в активной жизни, она с головой в религии. Тут спорь не спорь, а разлом по Никону. Поднял книгу Екклесиаста, глава 4, часть 4:

«Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми

зависть. И это — суета и томление духа!»

А до этих слов идет перечисление и один-единственный ответ: суета. А что не суета? — уже задаю вопрос я: сидеть у окна, лежать на диване и ничего не делать полезного для людей? Далее не комментирую.

20 декабря — идет накат на Путина. А он скалит зубы. Удав Пу — так назвал его Дима Быков. Впрочем, историки разберутся, — как предсказывал Александр Галич.

А тем временем смерть за смертью: Светлана Аллилуева, несчастная дочь тирана и злодея, Вацлав Гавел (75 лет) — умница и светоч демократии и свободы, Ким Чен Ир (70 лет) — маленький северокорейский злыдень, наверное, прямиком пойдет в ад.

27 декабря — Галерея, Гинзбург, заседание художественного совета под водочку и елочку. Маленький очажок интеллигенции, который со временем, естественно, прикрыли (о чем вздыхаю и вспоминаю, спустя годы. — 10 марта 2020 г.). Как кто-то сказал: «Кто виноват? Что делать? И куда бечь отсюда?»

Итоги 2011

28 февраля держал в руках книгу «Наедине со временем, или Дневник интеллигента в очках» (1950–1989). Самиздат крохотным тиражом. Книга как маленький флакончик «французский пробник», чтобы запах заворожил.

В СМИ опубликован 91 материал («Московская правда», «Алеф», «Аккорд» и что-то еще). Плюс ТВ и выступления. И приведу маленькое литературное приложение: выдержки и кусочки из некоторых публикаций.

Август, «Алеф» — «Профессор песни» (Евгений Долматовский).

«…Стихи Долматовского я читал, но ничего из них не запомнил. А вот песни, написанные на слова Долматовского, многие пел. И про Лизавету, и про любимый город, который может спать спокойно, и другие популярные и, можно даже сказать, народные песни».

Долматовский — сын своего времени. Он принял сталинское время, жил по его законам, был певцом и одновременно жертвой и пленником той эпохи. Когда шаг влево и вправо — расстрел. Шагать должно только прямо, по указанной дороге и, главное: в общем строю советских писателей

и поэтов. Долматовский и шагал, и он отнюдь не Булгаков, не Платонов, не Мандельштам, не Пастернак. В конечном счете он не хотел гореть на костре, как Джордано Бруно, и не помышлял высказывать что-то неодобрительное по отношению к власти, а только горячо одобрял все ее действия, чтобы жилось «спокойно, как за кремлевской стеной» (строчки из его стихотворения).

За год до смерти Долматовский в интервью признался: «Не хочу представляться несчастным, но дерьма нахлебался бочками. Но в итоге прожитые годы оцениваю не со знаком плюс или минус, а со знаком “жизнь”. Ведь говорить о том, что было, если бы было по-другому, — бессмысленно».

«В тридцать седьмом случайно недобитый…» — строчка из Долматовского. Но не террор, так машина сбила старого профессора Литинститута. Евгений Аронович умер 10 сентября 1994 года, на 79-м году жизни.

«Орден Ленина и две копейки — вот и вся жизнь…»

«МП», 24 сентября — Заметки Ворчуна — «А я люблю Буденного!»

«…В Гражданскую войну, когда в смертельной схватке сошлись белые и красные, были созданы мифы о геройстве одних и измене других… О по-

двигах Буденного слагали песни, писали книги и рассказывали анекдоты. Пышноусого Семена Михайловича спросили, как он относится к Бабелю? Буденный, поглаживая усы, сказал: “Это смотря какой бабель…”»

С неба полуденного жара не подступи,
Конница Буденного раскинулась в степи, –

писал настоящий поэт Николай Асеев. В Гражданскую Буденный был в прямом и метафорическом смысле на коне, а вот потом — озеро Хасан, японцы, Великая Отечественная война, — маршал с пышными усами сдулся. В годы террора Буденный и Ворошилов уцелели, но был момент, когда приехали и за Буденным, он позвонил Сталину и сказал, что будет отстреливаться, и достал старый запрятанный пулемет. Сталин дал «отбой», и маршал умер позднее естественной смертью в 1973 году, в возрасте 90 лет.

Французский афорист XIX века Пьер Буаст утверждал: «Несчастна страна, которая нуждается в героях». И кто прав?

«МП». Рубрика «Книга в Москве», 26 сентября — «Соло на ундервуде» Сергея Довлатова. На двух полосах.

Начало. «Последними словами прижизненной книги Сергея Довлатова были: “Все интересуются, что будет после смерти? После смерти начинается — история”.

В случае с Довлатовым — полное признание и канонизация. Из почти “никто” в современные классики. При жизни и не признавали, и многие состоявшиеся писатели смотрели на него свысока, а после смерти все в восхищении: “Довлатов! Это такое!” А дальше фейерверк восклицаний и провал. Ничего не остается, как присоединиться к общему хору…»

Далее главки жизни, творчества и оценкой. «Мытарь», «Таллин. Поиски удачи», «Женщины Довлатова», «Каким он парнем был…». И три «урожая» с Довлатова: «Московская правда», журнал «Алеф» и в книге «Опасная профессия». Не я один прикоснулся и восхитился Довлатовым. Юнна Мориц написала стихи про то, как повстречала Довлатова в Нью-Йорке: «огромный Сережа в панаме идет сквозь тропический зной»:

И всяк его шутке смеется,
И женщины млеют при нем,
И сердце его разорвется
Лишь в пятницу, в августе, днем.

А нынче суббота июля,
Он молод, красив, знаменит.
Нью-Йорк, как большая кастрюля,
Под крышкой панамы звенит.

Сергей Донатович Довлатов умер в Нью-Йорке 24 августа 1990 года от сердечного приступа, за 10 дней до своего 49-летия. В своем творчестве он ярко освещал не героев, а слабых людей, лишних, аутсайдеров, лузеров, у которых неустроенность бытия, туманность будущего, неопределенность замыслов и планов, неясность и сбивчивость чувств…

К себе Довлатов относился с изрядной долей иронии: «Я был и гением, и страшным халтурщиком». Он называл себя просто «строкогоном» и «трубадуром отточенной банальности». Был за ясность и простоту в творчестве и боролся против литературного модернизма и авангардизма, чем козырял, кстати, Андрюша Вознесенский. Но многим иронии, самоиронии, юмора, сатирических нот и немножечко цинизма. Вот только одна выдержка из записных книжек Довлатова:

«Заговорили мы в одной эмигрантской компании про наших детей. Кто-то сказал:

— Наши дети становятся американцами. Они

не читают по-русски. Это ужасно. Они не читают Достоевского. Как они могут жить без Достоевского?

И все закричали:

— Как они смогут жить без Достоевского?!

На что художник Бахчинян заметил:

— Пушкин жил, и ничего».

* * *

18 октября в «МП» к 100-летию Семена Израилевича Липкина, поэта, прозаика, переводчика, мемуариста, был опубликован мой материал «Жажда для неутоленного» (в книге «Опасная профессия: писатель» текст обрел другой заголовок — «Еврей в окопах Сталинграда»).

Все мы часто возмущаемся глупостью и тупостью окружающих нас людей (о персонах власти разговор особый). Но среди всей биомассы неразличимых и одинаковых есть небольшая прослойка умных, благородных, начитанных людей, которыми хочется восхищаться. Липкин — один из них.

«Я родился при царе и 8 лет жизни прожил в нормальных условиях», — говорил Липкин. А дальше? «Век сумасшедших мне сопутствовал…»

Многие современники Липкина отмечали его

мужество. Сам он говорил: «Безупречным человеком я бы не мог себя назвать. Все мы грешные. Но я старался быть честным. Я никогда не подписывал никаких подметных писем, но не могу сказать, что я активно боролся с режимом».

Нет, Липкин не был диссидентом. О своей позиции он говорил так: «Я не наступал. Я тихо сопротивлялся: полвека писал в стол».

Семен Липкин писал замечательные стихи, но был всегда в тени громких и напористых поэтов-шестидесятников. Не умел пиариться и рекламировать себя. Свою первую книгу издал в 1967 году, в 56 лет:

Я сижу на ступеньках деревянного дома.

Между мною и смертью пустячок, идиома.

Пустячок, идиома – то ли тень водоема,

То ли давняя дрема, то ли память погрома…

Бродский точно определит сущность поэтического творчества Липкина:

«Липкин пишет не на злобу дня, а на — ужас дня». Да еще в оглядке на Серебряный век, на

Бунина «словесное великолепье».

Семен Израилевич — несмотря на ужасы времени, долгожитель: прожил 92 года.

«“Бойся, грешник, будет кара”, — черный ворон мне кричит». Это строки Липкина из стихотворения «По Эдгару По».

* * *

«МП», 6 декабря — «Джентльмен русской эмиграции» — к 125-летию со дня рождения Марка Алданова.

Его первая книга вышла в 1918 году. Однако русско-советскому читателю Алданов стал известен сравнительно недавно, в годы гласности, а до этого долгие десятилетия был под запретом: эмигрант и матерый враг советской власти. Эмиграцию Алданов определил точно и кратко: «Эмиграция — не бегство и, конечно, не преступление. Эмиграция — несчастье».

Но именно в эмиграции Алданов (Марк Александрович Ландау) стал популярным европейским писателем. Его кумиром был Лев Толстой, но в отличие от великого Льва Алданов строил исторические романы почти как сложные детективные сюжеты, и его книги читались взахлеб. Критики называли Алданова скептиком за то,

что он предрекал победу варварства, дикости и хамства во всем мире. Но при этом призывал бороться с «черной природой» человека, укрепляя разум и волю, прислушиваясь к сердцу.

В своем последнем интервью, данном 7 ноября 1956 года радиостанции «Голос Америки», Алданов пожелал России освобождения от «бытовой, духовной, политической несвободы», то есть обрести «свободу от страха». С той поры прошло 70 лет, а страх перед властью, перед демократией, переменами довлеет над бывшей советской страной. Нет советской империи, уже другая страна, а страх прежний.

Сам Марк Алданов был абсолютно свободным человеком, благородным и честным, многим приходил на помощь и помогал материально. «Последний джентльмен русской эмиграции» — так определил Марка Алданова Иван Бунин.

А закончу это литературное попурри «Заметками Ворчуна» — чистой публицистикой. Точнее, отдельными выдержками из них. Итак, «Московская правда», 4 февраля — «Мы рабы или не рабы?».

Начнем от печки. 150 лет назад — 19 февраля (3 марта) 1861 года Александр II подписал манифест об отмене крепостного права. «Великий день ма-

нифеста, — записал в дневнике князь Владимир Одоевский. — На радости велел принести шампанского и с гостями пил за здоровье государя…»

Неописуемая радость. Однако все было не так лучезарно. Свободу получили 22,5 млн крестьян, но собственниками земли так и не стали. Спустя 15 лет Всеволод Гаршин подвел первые итоги:

Но раны трехсотлетние остались,
Натертые железом кандалов,
Изогнута спина безмерным гнетом,
Иссечена безжалостным кнутом,
Разбито сердце, голова в тумане
Невежества: работа из-под палки
Оставила тяжелые следы…

Выздороветь не успели, а тут революция 1917 года. Новые кандалы несвободы, не крепостнические, а социалистические. Изменились только официальные песни: «Легко на сердце от песни веселой…» Еще бы: паспорта, прописка, трудовые книжки, милицейский надзор и прочее. А главное: страх репрессий никуда не делся.

— Почему мы такие покорные, робкие, послушные? — спросил я у своего школьного товарища, ставшего великим кинорежиссером Андрея Тар-

ковского.

— Как почему?! — воскликнул Андрей. — Мы до сих пор от крепостного права, от рабства никак не отойдем.

Крепостничество, отсутствие свобод, жесткая вертикаль власти, по сути, самодержавие.

Я раб царя. С восхода до заката,
Среди других, свершаю тяжкий труд.
И хлеб гнилой – единственная плата
За стон и пот, за тысячи минут…

Так писал Валерий Брюсов ровно 100 лет назад, в царские времена, в октябре 1911 года. Тогда Брюсов был на стороне народа, а после октября 17-го примкнул к диктатуре пролетариата и запел другие песни. Продал душу дьяволу, и это — старая-престарая история.

И все же мы не рабы. Мы просто никак не можем сбросить с себя бремя рабской, холопской психологии и гогочем, как глупые пингвины, в сказке Максима Горького. А надо садиться за старый букварь и долбить: «Мы не рабы!»

Под конец 2011 года — 12 ноября — другой Ворчун: «Признак жизни в призрачной стране». Комментарий в связи с музыкальным шоу «Призрак оперы».

Когда-то всех пугал «призрак коммунизма», сконструированный Марксом и Энгельсом. Сегодня экономический кризис и чреда арабских революций. Растерзанный Муаммар Каддафи — зрелище не для слабонервных.

А что мы? А что Россия? У нас социальная пассивность и гражданская апатия. Да еще генетический страх перед властью (призрак 1937 года и ГУЛАГа). Современная Россия занимает первое место по убыли населения, по числу сирот и беспризорных ребятишек. Ужасающая картина. Прочих «первенств» среди остальных стран мира не привожу. Позор и только…

Как написала поэтесса Лариса Миллер:

А Россия уроков своих никогда не учила,

Да и ран своих толком она никогда не лечила.

И любая из них воспаляется, кровоточит,

И обида грызет, и вина костью в горле торчит…

Иногда власть сквозь зубы признает: «Есть масса претензий к оборзевшим чиновникам». К себе, конечно, никаких претензий: высшая власть вне критики! Чиновник, дворик, гаишник — это

другое дело.

Часть вины падает на народ, который отстранился (или его отстранили) от решения мелких проблем. И это есть. Все вокруг родное и одновременно чужое. В итоге в РФ, в нынешней России, извините — в империи ВВП нет ничего настоящего, одна имитация. Имитируется общественная жизнь, политика, институты власти, либерализм, образование, искусство с литературой, футбол, любовь… Все, что есть, все ненастоящее, имитация услуг и выборов. А уж попса и эстрада — это нечто! Как говорят дети: жуть на палочке! Но каждый или каждая из этой жути и дичи с пафосом объявляется как великий или великая. Короче, призрак величия…

Полное отчаяние? Возвращаясь к Ларисе Миллер:

> *Стараюсь убедить, что даже тут В краю пропащем небеса цветут…*

* * *

Допечатал эту страницу, открыл «Собеседник», а там колонка писателя Михаила Веллера со знакомым, но переиначенным заголовком: «Мы не рабы. А кто же мы?!»

А в колонке краткая история последних 30 лет, когда в 90-х народ нашел себе нового «хозяина». И спустя годы негодует, бурчит, возмущается, почему власть не меняется. Веллер пишет: «И когда сетуют бессильные массы, говоря “ну, что же делать теперь”, — это расписывание в собственном рабстве. А у рабов всегда найдется хозяин».

Вспомнил своего «Ворчуна», свои заметки, прочитал колонку Веллера спустя 9 лет, достал носовой платок и стал вытирать бессильные рабские слезы, вздрагивая всем телом: доколе?! Доколе?! Да навсегда!..

Швейцария, 2011. 10–16 сентября

9 сентября — с учетом того, что вставать в поездку надо рано, легли в 21 час. Через два часа Ще проснулась и заявила: «Мне плохо!» Что делать? Вызывать врача? Я был готов уже не ехать и сказал об этом Щекастику, мол, гори огнем эта Швейцария! И моя решимость сразу повлияла на Ще, и она взяла себя в руки: «Нет, едем!» Это было преодоление предпоездного страха. Кое-как успокоились и попытались заснуть. А в 2 часа ночи — подъем.

10 сентября — отлет. Цюрих.

В 2:45 сели в такси и за 45 минут домчались до Домодедово. Аэробус 321 швейцарской компании Swissair. Все четко, никаких претензий. В 7:05 взлет, приземление в 10:35 — все по московскому времени, часы, как обычно, не переводил. Из Москвы летели 33 человека по туру, потом присоединились еще 11.

Итак, Цюрих. Швейцарский законодатель мод, как представляют его рекламные проспекты, город с высочайшим уровнем жизни. Неофициальная столица Швейцарии, около 400 тыс. жителей, расположен на пути между Рейном и Альпами. Город, где обитают гномы-банкиры, а в банковских сейфах и хранилищах запрятаны всякие финансовые тайны.

Нас сразу повезли показывать озеро Лиммат, оно явно проигрывает Лугано, какую-то церковь с витражами Шагала. Все аскетично и просто — протестантизм. Поразили башенные часы, самые большие в Европе — диаметром 8,7 м. Ходим, смотрим, первое впечатление: никаких архитектурных красот и изысков Парижа и Вены нет. Все добротно, основательно и без красивых излишеств.

Утомленные дорогой и экскурсией, добрались до отеля «Ренессанс» (в проспекте обещали «Ма-

риотт») на окраине Цюриха. Небоскреб в 24 или более этажей, номер 817. Просторный. Окна во всю стену и, кажется, рядом — протяни руки — горы. Необычно красиво… Отель находится в новом строящемся районе, и повсюду торчат башенные краны. Вышли из отеля и долго искали-плутали в поисках кафе. Явное неудобство. Первая трапеза: салат, макароны с моцареллой, «бир», кофе — 25 швейцарских франков (на наши 1000 ре). На обратной дороге нашли магазинчик, закупили йогурты (не чета нашим) и в 21:30 завалились спать. За стеной-окном нас сторожили горы и над ними огромная луна, как круг швейцарского сыра…

11 сентября — экскурсия. Штайн-ам-Райн, живописный средневековый городок на границе с Германией, водопад Райнфаль — самый большой водопад в Европе.

Завтрак — шведский стол, но не столь обильный, как в Германии (банкиры особо не раскошеливаются?). По дороге гид Люба не умолкает: о швейцарских коммунах, которые решают все свои проблемы без указов сверху, о швейцарцах, которые честные и открытые люди, о том, как они богаты, но при этом не любят роскоши, и даже о швейцарских коровах, дающих по 30–40 литров

молока, и т. д. Самая низкая з/п — 6 тыс. франков (на наши деньги где-то 250 тыс.). С детства детей приучают к хозяйству и ремеслам.

За разговорами о швейцарском чуде подъезжаем к первой остановке — Штайн-ам-Райн. Крохотный городочек (3100 жителей) с маленьким собориком. Но именно тут — истоки Большого Рейна. Далее Шаффхаузен и Рейнский водопад. Ширина 150 м, высота более 20 м, с которой с шумом низвергается вода, и сразу Тютчев: «О смертной жизни водомет, о водомет неистощимый…» Несколько смотровых площадок. Все смотрят, покоренные водной стихией. Встречу с водопадом отметили вкусным мороженым, хотя шампанское подходило бы лучше.

Тут группа разделилась: одна часть поехала в Лихтенштейн (увы, дорого, да и силы надо рационально тратить), другая десантировалась, в том числе и мы, в центре Цюриха. Несколько часов побродили по Цюриху. Ленин в Цюрихе, а теперь вот и мы. Подкрепились томатом-зуппе и прочими рядовыми кушаньями, опять же «бир», и пошагали дальше. Цюрих не Москва, все компактно, по-человечески, по-пешеходному. Шагай и крути головой. Романо-готический собор Гроссмюнстер, XIII–XIV век. Ратуша с ренессансным

фасадом, «Дом человека» — проект Корбюзье. Кунстхаус, увы, не посетили. В Швейцарии работали многие художники немецкого Возрождения — Дюрер, Бальдунг, Хольбейн-младший и др.

На трамвае — какая прелесть! — вернулись в отель. Помылись, оделись в отельные белые халаты и наслаждались чаем с пакетиками. И снова в громадное окно просились в гости горы, и светила мерцающим светом луна… Вторая ночь в Цюрихе.

12 сентября — Люцерн, Берн. Утром разбудил какой-то крик «Талибы!». Очевидно, в отеле проводили какое-то учение на случай вторжения афганских воинов-талибов. Но завтрак прошел спокойно, и в 11:05 двинулись в сторону Люцерна (436 м над уровнем моря). Старинный мост Капельбрюкке с деревянной кровлей в венце белоснежных вершин Альп. Фирвальдштетское озеро и прочие «вещи», вызывающие восхищение.

А тем временем нас запускают в парк-музей с прудиком, где установлено изваяние «Умирающий лев» работы знаменитого Торвальдсена. Музей ледников мы не стали осматривать, а вот по зеркальному лабиринту поплутали, где изображение проходящего двоится и троится. Некий

загадочно-мистический аттракцион, где легко можно потерять собственное «я».

Люцерн считается архитектурной жемчужиной, и, действительно, все кругом выглядит очаровательно без всяких урбанистических стандартов. Привлекает взор гора Пилатус (2132 м), и верно сказано в путеводителе: «Не удивляйтесь, если вам не захочется уезжать отсюда». А когда был основан этот Люцерн? В 1178 году, где-то ровесник Москвы, но лучше сохранивший свой старый исторический облик.

На набережной посидели в кафе, выпили капучино и съели по кексу. Полюбовались, повздыхали и обратно в автобус, чтобы преодолеть 100 км до Берна через долину Энтлебух. Везде, где проезжали, ровненько, чисто, аккуратно подстрижено, заботливо ухожено, как на картинке, и кажется нереальным. Нам, русским, непривычно: а где хаос, беспорядок, разгильдяйство, заброшенность и российская бедность с нищетой? Дырявые крыши, покосившиеся заборы, рытвины и овраги? Мусор и грязь? Ничего этого нет и в помине. Все размеренно, спокойно, зажиточно.

Швейцария прошла славный и драматический путь к обретению своей государственности. Изгнав римлян, противостояли агрессии, боро-

лись против Габсбургов, и в 1291 году 3 кантона заключили «вечный союз» и образовали Конфедерацию, затем число кантонов увеличилось до 22. В Первой и во Второй мировых войнах Швейцария соблюдала нейтралитет. Ни в какие чужие страны никогда не лезла — ни в Чехословакию, ни в Афганистан, ни в Сирию. Главное: благо собственного народа.

В 16 часов въехали в Берн, мимо казарменных зданий (не попадайте со стула от смеха: в швейцарской армии насчитывается 780 офицеров). Погуляли в парке, среди роз, не Богатель, но все равно райское местечко. На улицах дома с аркадами на случай защиты от дождя. Магазинчики, кафе — все для жизни, а не для военных побед.

Берн — столица Швейцарии. Здесь говорят на бернском диалекте швейцарско-немецком — эдакий «берндютч», и девиз горожан: «Главное — не торопиться!», считая, что дела никуда не уйдут.

Любопытен комплекс маленьких фонтанчиков под названием «Пожиратель детей» (1546), гуляя дальше, вышли на Крамгассе, где в доме 42 жил Альберт Эйнштейн. Строгий и простой кафедральный собор. Здание федерального парламента — и никакой охраны. Тут же овощной рыночек и детская площадка, где можно поиг-

рать в огромные шахматы. Короче, никакой имперской надутости, выпячивания, величия, гордости, страха и охраны. Депутаты на виду, они с народом и по-настоящему отчитываются перед ним, все депутаты-парламентарии — простые швейцарцы, а не наши «слуги народа», далекие от народа, небожители, заласканные привилегиями и служащие только своему сюзерену-королю-царю-императору. Когда в Берн приезжал Медведев, то его охраняли с машинами БТР, чем швейцарцы были шокированы.

Пока готовили места в отеле, мы гуляли до дрожи в ногах. И, наконец, отель «Аллегро» — относительно новая гостиница за мостом, 205 номер, скромный, но достойный. Немного передохнув, снова на осмотр без всякого автобуса. Венский шницель под пиво добавил силы. Колокольня Цитглоггетурм со знаменитыми башенными часами (XVI век) работы Каспара Бруннера. Поет петух, и дефилируют фигуры медведей и иных сказочных существ. Нагулялись и залегли спать, игнорируя бары и дискотеки. Не тот возраст! А когда-то!..

13 сентября — отказались от поездки за дополнительную плату в Бернские Альпы и курорт Интерлакен. Силы и деньги, где вы, ау?! Без груп-

пы самостоятельно провели весь день в Берне. Многое посмотрели, но при этом Ще все время причитала: «Такие большие деньги! И ничего особенного. А я так ждала красоты!» Действительно, никакой особой красоты, в этом смысле Швейцария проигрывает Франции, Италии и Германии. Я не скулил, мне было на швейцарской земле комфортно. Потом, нагулявшись, долго сидели на веранде отеля рядом с живописным прудом. Пообщался с какой-то работницей отеля, говорящей на многих языках мира, и даже поцеловал ее в щечку: она заверещала от восторга: ах, эти русские! Какие они экстремалы! Щекастика эта сцена лишь слегка позабавила. Затем снова отправились гулять по вечернему Берну, отдыхали на террасе ресторана «Казино». Заправлялись мороженым.

14 сентября — утром прощание с Берном и отъезд в Женеву (где-то 170 км). Немного тумана и дождичка. Остановка — Грюйер, какое-то маленькое населенное местечко на холме (1700 жителей). Здесь делают знаменитый сыр «Грюйер». Купили полкило для Москвы, а были бы силы — взял бы с собой кг 10, не меньше. И еще выпили кофе со сливками в деревянном бочонке. Вкуснотища до обалдения!

Далее Шильонский замок на берегу Женевского озера, а в нем тюрьма, где томился в течение 4 лет Франсуа Бонивар. «На лоне вод стоит Шильон», сторонник церковной реформы в Женеве, воспетый за свое мужество Байроном — «Шильонский узник». Не знаю, как замок-тюрьма выглядел раньше, но сегодня в его развалинах нет никакой мрачности. Просто туристический объект. И вокруг разноязычная жующе-пьющая публика со щелкающими фотоаппаратами.

А вот Монтрё — центр швейцарской Ривьеры — весьма впечатлил и даже очаровал, ибо говоришь «Монтрё», а подразумеваешь «Набоков». Набережная Монтрё, конечно, значительно меньше набережной Ниццы, но покрасивее за счет субтропической зелени. И дома на возвышенности, рядом с горами — сочетание старых дворцов с ультрасовременными виллами. Здесь в разное время жили и отдыхали Петр Ильич Чайковский, Лев Толстой, Игорь Стравинский, а еще Гоголь, Достоевский. Мягкий климат зимой и летом, цветущая, благоухающая набережная.

В отеле «Монтрё Палас» с 1961 по 1977 год жил Владимир Набоков со своей женой Верой и сыном Митей. В номере было несколько комнат, и Набоковых устраивала жизнь в отеле на всем го-

товом: питание, уборка и т. д. Содержать прислугу хлопотно, а так удобно и не надо отвлекаться на бытовые мелочи. Здесь, в Монтрё, Владимир Владимирович писал и занимался своим хобби — охотой на бабочек.

К сожалению, на Монтрё было отведен всего лишь один час времени. На отель только посмотрели и провели несколько минут в маленьком парке у набережной, где в центре на скамеечке притулился Владимир Набоков, задумчивый и печальный. И сделаю отсылку к своей книге «Страсти по Луне» (1999), где к 100-летию Набокова помещено о нем эссе «Как трепет бабочки жемчужной». Революция отняла у Набокова все и «наградила» эмиграцией. На чужбине он часто обращался к теме России. Вот одно из них:

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
От слепых наплываний твоих…
…Ибо годы прошли и столетья,
И за горе, за муку, за стыд, –
Поздно, поздно! – никто не ответит,
И душа никому не простит…

Покинули Монтрё и покатили дальше, мимо городка Веве, где на кладбище упокоились Чарли Чаплин, Набоков, Фредди Меркьюри. Далее в Лозанну, и опять недочеты тура: не увидели местный собор Нотр-Дам, дворец русского графа Рюмина, который завещал свои богатства городу Лозанне. Остановились почему-то у комплекса зданий МОКа — Международного олимпийского комитета. В музей олимпийского движения не пошли, провели время на воздухе. Я болтал с водителем автобуса сербом Зораном, он оказался отчаянным футбольным болельщиком, и я быстро нашел с ним общий язык, вспомнив знаменитых игроков Югославии: форварда Райко Митича, вратаря Франьо Шоштарича и других. Зоран был восхищен, а Ще после мне сказала: «Я и не подозревала, что ты можешь обольщать не только женщин, но и мужчин!» Зоран презентовал мне две бутылочки воды, что было очень кстати, все время пересыхало горло.

Ближе к вечеру въехали в Женеву. Неудобная гостиница «Кроун Плаза» в 11 км от центра города, и поэтому всем выдали проездные билеты на транспорт. В номере очень шумит кондиционер и много различной электроники, и пришлось вызывать двух горничных: они пришли, опасаясь,

что их будут насиловать (двоих сразу?), наслушались про французского деятеля Стросс-Кана, но они остались девственно нетронуты, хотя точно были не девственницами.

15 сентября — уже гид не Люба (ей подарили книгу «Жизнь и гибель принцесс» — пусть находится в Швейцарии, раз не существует такой организации сегодня, как «Международная книга»), а Катя Топоркова классом повыше, никаких ахов и охов, только все информационно и по делу. Экскурсия по Женеве — 3 часа. Женева — швейцарский центр мировой культуры на границе с Францией, и город очень французский (по-немецки говорят с неохотой). Центр средневековой реформации, Жан Кальвин (надо будет почитать о нем), протестант против католиков, никаких излишеств, никаких ювелирных украшений (ювелиры перешли в ряды часовщиков), аскет, поборник равенства — таким был Кальвин и его учение: кальвинизм. Женева лишь в 1815 году вошла 22-м кантоном в состав Швейцарской конфедерации.

Первая остановка на холме Женевского озера. Красивый вид. Дворцы и виллы богатых, в том числе и небогатого Шарля Азнавура. Музей фарфора, цветочные часы, дом, где жил Вольтер. Улица

Гранд руе, 40, где родился Жан-Жак Руссо, знаменитый Руссо. Который дал совет полякам после первого раздела Польши: «Не можете помешать тому, чтобы вас проглотили, — постарайтесь хотя бы, чтобы вас не могли переварить».

После экскурсии предложили за 220 евро — на двоих 440 — отправиться во Францию, в ближайшие Анси, Ивуар и Эвиан. И снова отказались, о чем ныне жалею. Остались в Женеве. Ясная, солнечная погода, прекрасный город, только вот бурчит в животе, и бросились на поиски подходящего ресторана, нам подсказали: торговый комплекс «Манор» с залом самообслуживания. Сами выбрали и плотно покушали, и уже веселым шагом отправились к набережной Женевского озера. Сели на катер, переехали на другой берег, а потом обратно. Приятная водная прогулка с бородатым приветливым капитаном.

По возвращении нашли памятник австрийской Елизавете — Сисси, возведенный на месте, где ее убили, что описано в «Жизни и гибели принцесс». Прошлись по элегантным улицам Rue du Rhone, du Marche, de la Croix, где расположены торговые центры, магазины и бутики. Изрядно устали и отсиживались в кафе в уголке какой-то старой площади, с громадной порцией ванильного и

еще какого-то мороженого — дорвались… И снова гуляли. Часы кругом: в одной только Женеве 26 часовых заводов. И еще одна особенность: небрежно одетые женевцы, то есть не наряженные, а очень будничные. Может быть, роскошь демонстрируется лишь в концертных залах и на приемах?

Наелись Женевой сполна, устали и отправились к своей «Плазе». Йогурты на ужин — и конец швейцарской то ли сказки, то ли были. Да, забыл упомянуть самую длинную скамейку в Европе — в Берне, ее длина более 100 м, на целый колхоз Михаила Ивановича Калинина. Скамейку увидели и сфотографировали, но сколько знаменитых мест в Швейцарии не увидели: до перевала Сен-Готард не добрались, Чертова моста не видели и к местам знаменитого перехода Суворова не дошли. Что касается живописи, то тут сплошной провал: не видели ни одной из работ швейцарских художников — Арнольда Бёклина, Фердинанда Ходлера, Пауля Клее, примитивиста Адольфа Вёльфли.

О литературе не говорю. В свое время читал и Фридриха Дюрренматта, и Макса Фриша. Швейцарской кухни так и не отведали: ни фондю (хлебный мякиш с расплавленным сыром), ни

расклет (тоже с сыром), ни телятину по-цюрихски, ни базельскую мучную похлебку. И вин не дегустировали. Про альпийский туризм вообще молчу. Монблан видели лишь издали. Перевал Сан-Бернардино не преодолевали. Над пропастью не балансировали. Знаменитую фирму «Нестле», основанную в 1867 году, не посетили. И возникает вопрос: а зачем вы ездили в Швейцарию?

Подышали «ароматом денег» — витает в воздухе. Кратко познакомились с несколькими швейцарскими городами. Побывали в Монтрё, у Набокова. А в Женеве посетили магазин шоколада (такого обилия разнообразного шоколада никогда и нигде не видел!). И разве это мало за одну коротенькую недельку? Будем благодарны судьбе.

16 сентября — подъем, завтрак, автобус. И аэробусом из Женевы в Москву. В Домодедово какая-то неразбериха. По песне: «Я милого узнаю по походке». Неорганизованная, неупорядоченная, но надутая величием РАША, то бишь Россия. И из последнего стиха Быкова в исполнении Михаила Ефремова: «Видны лишь руины демократии и Пугачевой».

Из Домодедово экспрессом до Павелецкого вокзала, далее метро, маршрутка, и дома. Хо-

лодновато, тяжелый воздух. Воздух империи… Пожухлая листва… Впереди гнилая осень…

Заключение. Небрежный отчет о поездке в дневнике, видно, не было сил подумать, покомбинировать, посмаковать. И на основе дневника чуть скорректированный данный текст. Последняя отпечатка – 20 марта 2020 г.

2012 год – 79/80 лет

Вот вам Гегель – полистайте,
Вот вам Брейгель – и посмотрите…

Из песни какого-то барда

Забегая вперед, следует отметить, что 2012 год выдался особенным: 80-летний юбилей — интервью и вечера, пребывание в больнице, и в течение года каждый месяц публикации из подготовленной рукописи «Погода и слово» (увы, книга так и не вышла). И начну не с дневниковой хроники, а с дебютной публикации в «Московской правде» — 14 января — «ПОГОДА И СЛОВО».

ПОГОДА И СЛОВО

Погода и слово взаимосвязаны. Хорошая — мы вслух восхищаемся: «Какая благодать!» Плохая — бурчим, мрачнеем и порой чертыхаемся: «Какая мерзкая погода!» Но правильно ли такое отношение? «Не надо обвинять природу, — говорил английский поэт XVIII века Джон Мильтон, — она сделала свое дело, делайте теперь свое». Но

мы постоянно отвлекаемся от дел, ибо прочно связаны с погодой, особенно метеозависимые и метеочувствительные люди в возрасте (молодым, конечно, и море по колено!).

Как утверждал Лион Фейхтвангер: «Чувствительная душа — это роковой дар небес. Тот, кто наделен ею, становится игрушкой стихии: солнце или туман определяют его бытие, направление ветра решает, счастлив он или несчастлив».

Погода, климат — это сфера науки, наблюдение и анализ. Но погода — это еще и компонента, определяющая историю и психологию народа. Как утверждал Александр Пушкин: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии» (из статьи «О народности в литературе»). Можно даже сказать, что явления погоды — это катализатор творческого процесса. Сколько картин нарисовано — от «Весны» Боттичелли до саврасовских грачей, которые прилетели. Сколько песен сложено («Ой, мороз, мороз!»), не говоря уже об описании погодных явлений в художественной литературе, а также в дневниках и письмах.

«Когда вступает в спор природа и словарь», как говорил Арсений Тарковский, — тогда на свет

появляются прекрасные слова и тексты, вплоть до парадоксальных: «Я живу — который год — в ожидании погод» (Николай Глазков). Вечное ожидание — это уже наша русская ментальность: мы все время чего-то ждем.

Я давно собираю материалы о климате и погоде, и особенно стихотворные строки. Собирал-собирал, и набралось материала на целую книгу, перефразируя Юрия Олешу: «Ни дня без погоды». Осталось только найти издателя. Надеюсь, что будущая книга заинтересует многих. А пока публикация в газете:

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней младые были
Пришли доверчиво из тьмы…

Это — Александр Блок. Вот этих «младых былей» мною собрано великое множество. Будущая книга — это сплав фенологии, поэзии и мемуаристики. Предлагаю испить хотя бы небольшой глоток из этого коктейля «Погода и слово». Он шипуч и обжигающ.

Итак, Январь.

Январь — начало года, зиме середина. И как

писал Булат Окуджава:

Неистов и упрям –
Гори, огонь, гори!
На смену декабрям
Приходят январи.

Как правило, в январе по сравнению с декабрем (речь идет о средней полосе России) — глубже снег, толще лед, морознее воздух. Как говорили в старину: глухозимье.

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

(Николай Огарев)

А еще январь из-за больших каникул называют Пьянварем: много нерабочих дней и обилие алкогольных возлияний, для отдыха, расслабления и согрева. «Выпьем, что ли? Где же кружка?»

Погода в январе… Но тут следует вспомнить, что существительное «погода» женского рода. Стало быть, погода, как женщина, переменчива, капризна и взбалмошна. Помните, как пел герцог в опере «Риголетто»: «Сердце красавицы склонно

к измене и перемене, как ветер мая…» Но и в январе частенько встречаются погодные колебания и шатания то в сторону сильных морозов, то в сторону неожиданной оттепели. Вот на выдержку три дня из разных лет — из моих дневниковых записей. Это по Москве.

1 января. 1989 год — с утра за окном (а это район Сокола) — минус 16. Много снега, который приятно скрипит под ногами… 1991 год — в 12 часов дня 0 градусов. Ясно, солнечно, снег и рядом лужи. Слякотно и противно… 1995 год — вечером за окном +3, с крыш капает и льет, во дворе остатки грязного снега, и в воздухе густо разлит пасмур.

12 января. 1986 — ясно и снежно, –10. 1990 — оттепель сменилась морозом, с утра минус 10, а к вечеру уже –21… 1993 — в 14 часов термометр за окном показывал +4 — новый погодный рекорд? По улицам можно передвигаться только ползком, под ногами лед, лужи и грязь. Свет тусклый и навевает уныние. 1999 — полуясно, полупасмурно, лег снег, минус 10.

27 января. 1985 — мороз, –10. 1987 — снова мороз, –15. 1990 — с утра +2, лед, лужи, грязь. 1995 — с утра +4, капель, по улице ходить затруднительно — сплошной каток.

Так что в январе бывало по-разному. «Стоял январь, не то февраль, какой-то чертовый зимарь», — восклицал Андрей Вознесенский. Этот «чертовый зимарь» приключился 12 января 2009 года, когда жители и гости Москвы обнаружили, что по улицам просто невозможно идти, скользко до невероятия. Медики зафиксировали, что такого массового поступления в травмопункты по причине гололеда не было с 1981 года: ломались все — от 10 до 80 лет. Газеты переполошились, что ждать от погоды дальше? Все надежды были на «спасительный снежок». А в середине января 2010 года Европа ушла под воду. Уровень Рейна поднялся до 8 метров. Германию стали называть новой Атлантидой. Вот такие погодные сюрпризы, и с каждым годом их становится все больше. Сюрпризы уже не сюрпризы, а некая данность.

Конечно, лучше, чтобы был в природе раз и навсегда установивший порядок: зима — так зима, чтобы поэты могли спокойно живописать, как это делал поэт Серебряного века Георгий Иванов:

Благословенные морозы
Крещенские, настали вы.
На сводах – ледяные розы
И крепче стали – лед Невы…

Ну, добавим строки Сергея Клычкова: «И дух такой морозно-синий, / что даже расширяет грудь…», «Крещенская крепчает стужа» — это уже Ирина Одоевцева. Ну, и строки из «Январского сонета» (1925) Глеба Струве: «Морозный день, чуть-чуть туманный, / Щекочет ноздри холодком…» Какая благость! Но не всегда. Иногда восприятие зимы бывает совершенно иным, как у Анатолия Жигулина:

Холод ползет, как каратель,
В небе месяц бельмом…

Эти строки Жигулин написал в лагере, отсюда и мрачное восприятие природы. А вот — в другие времена, давние, — у поэта-губернатора Гавриила Державина в стихах играл явный восторг:

«В убранстве козырбацком, / Со ямщиком-нахалом, / На иноходце хватском, / Под белым покрывалом — / Бореева кума, / Катит в санях Зима…»

Так теперь никто не напишет. Если брать поэзию Константина Случевского, то он нам поближе, и его меланхолическое ощущение зимы нам знакомо:

«Мало свету в нашу зиму! / Воздух темен и не чист; / Не подняться даже дыму — / Так он грузен

и слоист… Мгла по лесу, по болоту… / Да, задача нелегка — / Пересиливать дремоту / Чуть заметного денька!»

У Осипа Мандельштама никаких дремотных настроений, он весь в мучительном ожидании чего-то неприятного и непоправимого:

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок.
От замкнутых я, что ли, пьян дверей?
И хочется мычать от всех замков и скрепок…

Эти строки написаны в 1937 году, в ссылке, в Воронеже. А вот отрывок из стихотворения Бориса Пастернака «Январь 1919 года»:

Тот год! Как часто у окна
Нашептывал мне, старый: «Выкинься».
А этот, новый, все прогнал
Рождественскою сказкой Диккенса…

Выкинься — Диккенса! Какая рифма!.. Но кто-то скажет: то классики! А что пишут обычные, рядовые поэты? Какое у них восприятие и какие ассоциации вызывает погода? «Зима, дороги, одинокий путь, от ревматизма вновь свело коле-

ни…» — строки Марины Вирты (журнал «Аврора», 1990).

Но, пожалуй, хватит стихов — в них можно утонуть. Перейдем к прозе. Одна из записей в дневнике императора Николая II. 31 января 1895 года: «Мороз дошел до 14 градусов, но было тихо. Гуляли по обыкновению около получаса…» Последний русский император обычно фиксировал в своих записях температурные отметки, но при этом описывал погоду весьма сжато и скупо (увы, не художественная натура).

Другое дело — Михаил Пришвин, писатель-натуралист: «Какой у снега в этот утренний час бывает аромат! Да, если дома тепло и можно быть сытым, и есть хорошая лампа, то зима куда интереснее лета… Сколько зла, сколько злобы в зиме, столь красивой для тех, кто живет в тепле, и столь ужасной для застигнутого врасплох в поле путника…»

21 января 1917 года. Из дневника писательницы Рашели Хин-Голдовской: «Боже, какие холода! сердце стынет. С Крещенья — непрерывные морозы, 22 градуса, а потом 25 и 27!.. Дома топишь, топишь — и все холодно. Дрова страшно дороги — 450–60 рублей сажень… Только и слышно со всех сторон: “Неужели этой проклятой войне

конца не будет?”…»

Следует добавить, что тут же подоспела революция и война — гражданская. Бедные люди, жившие в те страшные годы! Мороз, голод и революция — тот еще набор!

Но вот другие времена. 24 января 1937 года Константин Паустовский пишет из Ялты своему знакомому Генриху Эйлеру:

«Мне очень жаль, что Вас нет в Ялте, у моря — на днях выпал густой снег, стоит мягкая приморская зима, много серебра, солнца, блеска и тишины. Перевалы закрыты, мы почти отрезаны от мира. На море — зеленый веселый шторм, из моей комнаты слышно, как ревет прибой и на маяке все время звонит колокол, — над морем мгла. В воздухе пахнет весной… Очевидно, надо переверстать жизнь, вышвырнуть из нее все мелочи, отдохнуть среди друзей, опереться на людей, действительно родных, любящих и чистых. Нужны настоящее содружество, настоящая работа, милые женские сердца и, наконец, природа. Без нее нельзя прожить ни одного дня, и я, главным образом, за то и не люблю Москву, что там вместо природы — слизь, пропитанная трамвайным бешенством…»

Прыжок во времени. 18 января 1940 года Лидия

Бердяева, жена философа Николая Бердяева, живущая в эмиграции во Франции, записала: «Вот уже две недели стоят сильные холода с ветром. Около 10 градусов мороза. У нас испортилось отопление, заперли часть дома и мерзнем… Но когда думаешь о фронте, то стыдно делается думать о своих невзгодах, вокруг жизнь будто бы тоже замерзла».

Из дневника Корнея Чуковского. 1 января 1957 года: «Вышел в 5.30 утра на балкон, звезды, как апельсины. Морозно. Снег — как декорация».

У Корнея Ивановича восторг, а Валерий Брюсов в 1909 году испытывал другие чувства и ощущения:

Гуляет, волен и беспутен,
Январский ветер ледяной.

«Загадочная русская зима» — так назвал одну из своих статей в газете «МК» немецкий журналист, корреспондент газеты «Зюдвест» в Москве Штефан Штолль:

«Каждый год одно и то же. С середины января русские ноют о зиме: “Сколько можно?” “Достало”. “Мерзкий холод”. “Авитаминоз”. “Надоела зима”. На такой запрос в Яндексе получишь восемь миллионов ответов. Предлагаются: недви-

жимость в Испании, секс-туризм в Таиланде, любительские стихи:

Холода! Надоело! Довольно зимы!
И снегов, что покрыли собою весь мир.
Ругань, мрак, нищета коммунальных квартир
И ночей бесконечных мерцание тьмы.

А дальше немецкий журналист рассуждает о том, что русские всё же зиму терпят, а вот немцам русская зима — смерть. «В Германии уже много лет говорят об “исчезновении времен года”. Дождливые серые зимы, дождливое серое лето. Из-за капризов всемирного потепления в последние годы в Германию возвратились морозы и сугробы древних времен. Но в основном лишь на сутки…»

Однако оставим Германию. Мы в России. У нас особый путь. У нас особая зима. Что же касается холода, то, как писал поэт Николай Глазков, мастер парадоксов: «Шебуршит колючий снег. / В стужу и во мраке / Мерзнет белый человек — / Лучший друг собаки».

Ну, и отчаянное стихотворение Дины Терещенко (1915–2008):

Застекли мои окна, стекольщик,
чтоб январские ветры не дули,
чтоб февральские ветры не дули.
Застекли мои окна, стекольщик.
Я сегодня в простуде, в простуде,
я сегодня простудой больна.
Застекли мои окна, стекольщик.
Я в тревоге, и я не вольна
изменить в своем доме печальном
ничегошеньки, ничего…

Зима, январь, ветер, снег. Вроде бы, как сказал классик, «январь-волшебник». Но постоянно от поэтов слышишь жалобы и какие-то звучат претензии, мол, «январчик сопливый / сморкается громко» (Арсений Миронов) и вообще, «В начале января истаяли снега, / Московская зима пообветшала, / А помню, некогда она иной бывала, / И было правильно — морозы и вьюга» (Семен Гринберг, из книги «Самиздат века»).

К сказанному подверстаем еще строки современного поэта Александра Щербакова:

Ах, какая зима на дворе:
Снег не снег, а «поэма экстаза».

Жаль, теперь не один, не два «рэ»
Стоит пропуск на лыжную базу.

Все смешалось в нашей жизни: погода, цены, слова и даже футбол.

Перед переходом на систему «осень-весна» наши футбольные руководители советовались с президентом УЕФА Мишелем Платини, а тот ответил: «Это ваши проблемы. Играйте, как хотите. В чемпионате Франции то делались зимние перерывы, то нет. Когда перерывы были, погода стояла как раз теплая, и все спрашивали: вы чего не играете-то? А когда мы не делали перерыва, шли дожди, поля покрывались льдом, и все спрашивали: кто придумал играть в такую погоду? В этом споре будет прав тот, кто договорился с погодой».

С погодой не договоришься. Но есть такая профессия — синоптики, метеорологи, они-то, наверное, знают (или должны знать), какая будет погода? Об этих предсказателях погоды существует много анекдотов. Вот один из них:

В одном государстве решили синоптиков расстрелять за то, что ни один из их прогнозов не сбылся. Привели бедолаг. Поставили к стенке. Прицелились. Вдруг истошный крик: «Постой-

те! Не надо их расстреливать. Они еще могут принести людям пользу!» Главный обвинитель поинтересовался: «Какую еще пользу? Что вы предлагаете?» — «Предлагаю их повесить. Пусть хоть направление ветра показывают».

Н-да… Черный юмор.

Ну вот, с синоптиками разобрались: они играют в угадайку и не угадывают. Пора подводить черту под январской фенолого-филологической сюитой. А право последнего аккорда отдадим Иосифу Бродскому:

Зимой глобус мысленно сплющивается. Широты

наползают, особенно в сумерках, друг на друга.

Альпы им не препятствуют. Пахнет оледененьем.

Пахнет, я бы добавил, неолитом и палеолитом.

В просторечии – будущим…

А каково оно, будущее? Никто не знает — ни синоптики, ни политологи, ни колдуны с ворожеями. Никто, если не считать, конечно, Господа Бога.

Непроницаемым туманом
Покрыта истина для нас, –

когда-то изрек Николай Карамзин. Истина — как будущее, ну, и как погода.

«Будущее укрыто даже от тех, кто его делает», — сказал Анатоль Франс, и с ним нельзя не согласиться. Точно одно: за январем придет февраль.

Сокращенные записи из дневника

1 января — не печатал, отдыхал, смотрел по ТВ концерт Венского филармонического оркестра. Полька «Трик-трак», «Голубой Дунай», Марш Радецкого, показывали картинки Вены — благодать. Мы там были, и приятно вспомнить.

4 января — в гостях у Стрижева. Квартира писателя Сергеева-Ценского, набитая раритетами и старыми книгами. Легкая зависть: ничего подобного у меня нет.

6 января — сел за машинку. Думал заняться Лео Бакстом, потом переключился на Александра I, а в итоге занялся Виктором Гюго. И кто-то на ухо: что-то, батенька, вас так шибко шарахает от одного к другому… А по «Эху» чихвостят предсе-

дателя счетной комиссии Чурова — «бесстыжий, наглый, мерзкий». И от Чурова к власти…

10 января — набросился на вышедшие после новогодних каникул газеты. И снова уходы-уходы: художник Михаил Ромадин, постановщик ТВ-бенефисов Евгений Гинзбург на 88-м. Моя ровесница актриса Светлана Харитонова, отец Лии Ахеджаковой — Меджид из Адыгеи, 97 лет. Грандиозная катастрофа с пассажирским кораблем-гигантом «Конкордия» — повторение гибели «Титаника», спустя 100 лет. Правда, жертв меньше. А еще Гена Сперский (1937) из моей бывшей Латиноамериканской редакции. Что можно сказать? Только глубоко вздохнуть.

13 января — ездил в музей Мих. Булгакова и отдал свой дневник о лихих 90-х для вручения Мариэтты Чудаковой. Насиловал телефон, ведя переговоры о своих юбилейных вечерах. Если не организуешь сам, то ничего не будет. «Ручная работа» (точнее, телефонная), как говорил Володя Вишневский.

18 января — жалобы в дневнике на самочувствие. Донимают зубы, проблемы с жеванием. Ощущение развалин Помпеи. Да и Ще не лучше. И можно перефразировать фразу Буркова из «Иро-

нии судьбы»: «Мы оба плохо себя чувствуем». И отсюда отношение к личным записям: кажется, что эра дневников закончилась. И не хватает позитива: отвергнут «Коктейль» в «Рипол», никак не проявится «Летний сад», по поводу книги о погоде Вайсман утешает: «Ребята работают!» Должны сойтись звезды, а они — никак…

21 января — в «МП» вышла 1-я часть Лили Брик и Веры Набоковой. По «Эху» развлекаются Быков-Ефремов по поводу сбежавшего с «Конкордии» капитана Франческо Скелетино — песня о нем и о нашем капитане: «В Ленинграде его воспитали…», «И уж лучше такая скотина, чем отеческая наша путина» и призыв: «Капитан, уходи с корабля!»

23 января — встреча в МГУ с деканом факультета журналистики Засурским (1929) на предмет выступления перед студентами. Начало «высоких переговоров», но, увы, выступление не состоялось: сначала на факультет приехал Путин, потом — Медведев, и при таких именах мое имя потускнело.

24 января — в «МП» почти на полосу вышел «Генсек литературы» — Александр Фадеев. Серьезный материал. А какая серьезная и тра-

гическая жизнь. Любимец Сталина, защищал литературу от недругов и внутренней оппозиции. А потом вождь умер, и Фадеев остался наедине со своей совестью. Лег на диван, обложился подушками и застрелился. В конце материала я высказался так:

«Я полагаю, что это нас, литмладенцев, предупреждал Фадеев тем выстрелом: не живите, как я, не живите! Не проматывайте свои таланты в речах, на заседаниях, в болтовне и пьянстве, не крутитесь, не суесловьтесь, не лижите сапоги вождей, как бы ни были они велики, а сидите за столом, работайте, чтоб не было такого движения, как у меня: от “Разгрома” — честной и долговечной книги, до слащаво-жалких беспомощных главок о “рабочем классе” в “Черной металлургии”, которые лизоблюды тут же начали возносить чуть ли не до масштабов “Войны и мира”».

Фадеевский выстрел прогремел, а большинство его даже не услышали.

Фадеев — не мой писатель, у меня компания другая и многочисленная, от Пушкина к Достоевскому, от Бунина к Набокову, от Бабеля к Вознесенскому и т. д. Ну и, конечно, Байрон, Пруст, Стефан Цвейг, Андре Моруа, Умберто Эко

и т. д. А Иосиф Бродский, который в 20 лет писал о том, что «Теперь все чаще чувствую усталость». Какого?

28 января — в «МП» — 2-я часть Лили и Веры. Погода: холод, мерзлятина. В библиотеке на Песчаной прошли первые литературные посиделки (и последние). Все слушали, разинув рты. Только один «товарищ» (очевидно, пенсионер из органов) все пытался перевести стрелки на Сталина и евреев. Пришлось резко его осадить.

29 января — занимался Александром Гладковым — 100 лет! — такой же, как я, бумажно-книжный человек. Горячий поклонник Мейерхольда. Считал себя «протоколистом времени» и вел подробный дневник (опубликована лишь часть). В биографическом словаре приведена одна запись Гладкова от 8 августа 1937 года, где он сравнивал время с эпидемией чумы: «Наша “чума” — это наглое вранье одних, лицемерие других, нежелание заглядывать в пропасть третьих; это страх, смешанный с надеждой “авось пронесет”; это тревога, маскирующаяся беспечностью, это бессонница до рассвета». Александр Константинович Гладков (30 марта 1912 — 11 января 1976) много читал, писал быстро. Да еще все время

сомневался. Словом, много совпадающих черт…

31 января — можно сказать, день настоящего газетчика. Позвонил в отдел культуры «Российской газеты» заведующей Ядвиге и предложил дать отповедь Тамаре Катаевой за ее книгу «Анти-Ахматова» с нападками на Анну Андреевну. Ядвига тотчас соединила меня со стенографисткой, и я продиктовал текст. И он был опубликован 7 февраля под заголовком «Герострaты и герострaтчицы». Вот если бы все так оперативно происходило, но нет, чаще процесс печатания тягучий и нудный.

4 февраля — два митинга в один день: в 20-градусный мороз нормальные люди вышли на Якиманку и Болотную площадь, «обманутые и оскорбленные», а на Поклонную — сторонники Пу, которых привезли туда автобусами. На Болотной: «Не замерзнем. Не пропустим». А на Поклонной брызгал слюной Кургинян. Административный ресурс брошен на победу Путина в первом туре.

7 февраля — в МЕОЦе вечер журнала «Алеф», полный зал. Я в героях журнала, по экрану крутили мои фотографии. Выступал, среди прочего рассказал шутку про Бастилию. В школе учитель-

ница: «Вовочка, кто взял Бастилию?» — «Марь Ивановна, я не брал!» Родители: «Да, он такой: возьмет и никогда не признается». С блеском выступал солист еврейского ансамбля Евгений Валевич, подарил мне свой компакт-диск. «Сукно в Европу, сукно в Европу!» А потом был банкет.

По ТВ в программе «Русские сенсации» рассказывали о дружной тройке: Балбес, Трус и Бывалый, как Моргунову и Вицину трудно пришлось в лихие 90-е. Особенно ревновал и завидовал преуспевающему Никулину Моргунов. И я пережил такое со стороны некоторых своих друзей, которым мой творческий успех стал костью в горле.

Радио сообщило о погоде в Москве: –24, на градуснике за балконом: –21. Надоело. Зима тянется и тянется, как не выходят книги. Хоть тресни! Неожиданно умерла Уитни Хьюстон, певица и актриса, шоколадная красавица (фильм «Телохранитель», 1993 г.). Жалко…

К диску Валевича: «Сегодня мы танцуем, немножечко шикуем» добавлю: и много печалюсь.

15 февраля — позвонил в МГУ, Засурскому, итог отразил в строчках:

Я спросил у Ясеня, когда же будет лекция?

Ясень мне ответил, что думают пока.
Старая история. Чисто ретроспекция:
Думают-решают, валяют дурака…

Еще один звонок Вайсману. «Держу в руках вашу книгу». И далее: надо быстро ее продать, вернуть деньги. Делали книгу полтора года, а теперь продать в один миг?

20 февраля — раскрыл «МП», а там — мой Юрий Левитанский. «Жизнь моя кинематограф, черно-белое кино». Нет, иногда и в цвете. А потом Вайсман приехал и привез 40 штук только что изданной книги: «Серебряные трели судьбы. Звезды ретроэстрады Америки, Франции и России». Изд. «Летний сад», тираж 300 экз. А 40 книг в качестве гонорара. И еще передал мне письмо своего старого харьковского друга Рыбальченко, в котором он написал, что книгу «Золотые перья» рассматривает как «своеобразную энциклопедию-путешествие по стране ПОЭЗИЯ». И в конце письма: «Я искал на книжном рынке другие сочинения Ю.Н., но тщетно…» Разрушена система распространения книг.

22 февраля — одна книга вышла, а другая в виде верстки: «Опасная профессия: писатель» — 586

наборных страниц. Прочитал со спринтерской скоростью. Увы, много ошибок и марашек. А до верстки еще умудрился пролистать три сборника Светланы Комраковой:

Не претендую на шедевр,
Не возношу себя поэтом,
Без выкрутасов и манер,
Пишу… еще легко при этом.

Хорошо, что пишет и откровенничает: «У нас, у дамочек, бывает же так, / так эдак всякий раз, / Когда рассудок уплывает / И все вокруг тревожит нас…»

Но вернусь к своей книге. 31-я по счету. И вспоминаю оператора Грачика, который снимал «Академию любви»: «Слющай, харошо!»

2 марта — 80 лет! И неожиданный «подарочек» в ночь на 27 февраля: что-то прихватило в районе желудка. Будить Ще не стал и тихо думал: кажется, помру. И что будет потом? Обязательно крематорий, сожжение и урна в колумбарий Ваганьковского кладбища. Или развеять пепел. Не хочу истлевать в гробу. Об этом думал, корчась от боли. Под утро боль утихла и снова захотелось жить и сражаться. Ходить, дышать, печатать,

встречаться с читателями, выслушивать мнения. А утром в «МП» вышел мой февраль «Сказки и были февраля». И неприятность: письмо из налоговой инспекции, прийти к ним 1 марта, хорошо, что не 2-го. Пришлось ехать во Дворец Налогов на Тульскую: оказалось, всего лишь небольшой штраф за что-то.

И 1 марта в «Московской правде» вышло интервью Юлии Никольской «Юрий Безелянский: Феномен Успеха». На вопрос, в чем успех, «секрет феноменального успеха»? — ответил: в удаче и кропотливой работе, в сделанном «в стол» Календаре мировой истории. И вспомнил, как на улицах в 90-е годы на стендах висели газеты, и люди припадали к ним, читая с упоением, в том числе и мои публикации. По поводу книг я сказал, что, к сожалению, эпоха Гуттенберга закончилась, началась эпоха визуальная.

Поздравил журнал «Алеф»: «Юрий Безелянский forever!» Позднее, 24 марта: проснулась суперпопулярная «МК» и поместила краткий текст с фотоснимком — «Ловец информационного жемчуга». Интервью брала по телефону Вера Копылова.

Короче, собрал целый словесный букет. В «Алефе» написали, что я для журнала — «наша самая

яркая звезда». На стенде в ЦДЛ поместили фото нескольких юбиляров-писателей, в первом ряду — я. Библиотекарша Людмила Федоровна: «Чистый Голливуд». Очень смешно и чуточку щекочет…

3 марта — дома с Ще объявили День тишины, отключили телефон, чтоб не трезвонил. Сидели дома, погуляли немного по роще. Обед с французским коньяком и по ТВ старый фильм «Последний раз, когда я видел Париж» (1954) с молодой Элизабет Тейлор. / И дополнение к дневнику: никогда не знаешь, что будет впереди, а в октябре мы с Ще поехали снова в Париж, и этот парижский тур действительно окажется последним в силу лет и нездоровья — и не только в Париж, а вообще на Запад (23 марта 2020 г.).

6 марта — в воскресенье 4-го были выборы президента: победил, а точнее, проломил Путин. До выборов на Поклонной был в ярости и призывал победить врага у ворот Москвы, враг — это оппозиция. И сбивчиво читал лермонтовское «Бородино», призвал умереть за Россию, но имея в виду, конечно, себя. Провинциальный чтец-декламатор. В газетах высказывали утверждение, что можно провести выборы, но нельзя провести

народ. Эволюция подполковника П. в сторону полковника Каддафи с военно-полицейским бюджетом и ядерной дубиной. О, если бы ВВП прочитал все это сам, но ему подсовывают в папочках совсем иное: хвалебный елей, курят фимиам, от которого кружится голова. Впрочем, что это я разошелся? Он правит, я пишу книги, у каждого свой выбор.

Возвращаясь к 6-му. Ходили в Хрустальный переулок, где ныне находится галерея «Дрезден», там выставка картин Варламовой. Выступил и поддержал. А когда-то в этом комплексе располагалась центральная контора Мосхлебторга, где в общей комнате я сидел среди прочих бухгалтеров магазинов Центра. Проверял бухгалтерские отчеты и читал чужие художественные книги, чтобы потом, спустя 30 лет, прийти сюда же, в Хрустальный, в качестве популярного журналиста и писателя. Неисповедимы пути Господни…

12 марта — побывал на пресс-конференции для журналистов в преддверии книжной ярмарки, ничего особенного, один поток слов. Рядом редакция «Нового мира». Поддался искушению и зашел. Показал главному редактору Андрею Василевскому свой дневник, он полистал и сказал, что, увы, есть сертификационный номер и издать

не могут, только рукописи. Но все равно было приятно пообщаться с главным, хотя он, увы, не Твардовский. Василевский с 1955-го, окончил Литинститут, работал в «Новом мире» курьером, а в 1998-м стал главным редактором. У каждого своя «кредитная история». «Новый мир» для меня так и остался непокоренной вершиной (мой Эверест!), но какие-то достижения есть. В Российской парламентской газете в рубрике «Взгляд. Готова ли Россия к демократии?» поместили два интервью — историка, академика Юрия Пивоварова и самодеятельного историка и не академика, человека без степеней, Ю.Б. Выпячиваю грудь…

15 марта — очередная публикация в «МП»: «Великий австриец Гайдн». Великий в музыке, а в жизни 29 лет был подневольным капельмейстером у князей Эстерхази. И зависел от княжеских милостей, вот вам и великий Йозеф Гайдн!

16 марта — чествование с 80-летним юбилеем в галерее «Творчество» у Гинзбурга с большим фуршетом («наливайко», по определению Григория Николаевича). Пришло 30 гостей (рассчитывали на большее). Выступал, по мнению О.Ю., как Жванецкий — весело, с юмором, тем более что «текст» прожитой жизни позволял. Многие захотели

высказаться и наговорили кучу определений: единичный, штучный человек-энциклопедист, человек из прошлого с огромным запасом знаний, тонкий и рафинированный эстет и прочее, как говорится, дели на 10. Были юбилейные стихи, конфеты, бутылки вина и шампанского, более 60 роз, два тома воспоминаний Анастасии Цветаевой и т. д. Ну, а мы с Ще выложили 15 тыс. на фуршет, и все остались довольны. И процитирую Игоря Северянина:

Дни, лепестковые как розы!
Вдыхали счастья впопыхах.

Анна Николаевна (Тютчевская библиотека) преподнесла листки с выдержками из интернета из раздела «Книгоеды» — я даже не подозревал, что есть такое (ну, стреляйте меня, — не интернетовский человек!). Некая Галина пишет:

«Недавно приобрела книги Юрия Безелянского “99 имен Серебряного века” и “55 портретов знаменитых писателей Запада”, открыла — и зачиталась. Думала, пригодится для работы, а вот уже неделю оторваться не могу. Потрясающий, образный, свободный, живописный русский язык, много интересных и малоизвестных фактов, полный охват материала. В общем,

замечательные издания!»

А тем временем в «Москвиче» вышла фитюлечка обо мне, под заголовком «Московский календарист». Упомянули — уже хорошо. Но более привлекательной оказалась заметка рядом о какой-то Ольге Тумайкиной: «Я такая в юбочке барышня…» Вот что главное: юбочка, коленочки. А я при чем тут со своими серьезными культурологическими книгами. Вникать в них — какая скука! А что касается «девочек» моей юности, то многие из них ушли за горизонт. Теперь новые со свежими коленочками.

18 марта — приходил в себя после юбилейных зверств. Дома слушал старые романсы: «Мне бесконечно жаль моих несбывшихся мечтаний…» И вспоминал смешную сценку, как в «Галерею» случайно забрели Половик с Петей. Неожиданно увидели меня и предложили: «Давай выпьем — у нас с собой бутылка». Видение из советских времен: украдкой, от безнадеги, с горя. А у меня — вечер, восторги, фуршет, совсем иная жизнь. И на 2 марта Светлана написала стихи, вот начало:

Юрию Безелянскому

«Новые книги из книг получаются» –
Эти слова у Вольтера встречаются.

Но, чтобы книга явилась на свет,
Нужен писатель, прозаик, поэт.
Именно он нам откроет заветное,
Все объяснит про любовь безответную.
Именно автор – вот книги творец,
Мудрый создатель, владыка сердец.

И пожелание:

Радости жизни и радости творчества!
Делать всегда только то, что захочется.
С легкостью тонко изящно шутить.
И с удовольствием радостно жить!

20 марта — заключил договор на издание дневника «Наедине со временем», или «Дневник интеллигента в очках». Лихие 90-е годы. Обратно помог слепой девушке (она — композитор) дойти до метро «Баррикадная». Была такая пьеса или книга «Спешите делать добро!». (И опять же в скобках: через 8 лет сам буду плохо видеть и нащупывать ногой ступеньки… — 25 марта 2020 г.)

21 марта — начал печатать про Беллу Ахмадулину. И пришлось ехать за рано вышедшим апрельским номером «Алеф», а в нем мои воспо-

минания «Мимолетные встречи со знаменитыми людьми». С Андреем Тарковским и Андреем Вознесенским не мимолетные, а можно сказать, более или менее основательные. Ну, а с другими звездами накоротке, мимоходом, по воле судьбы. Михаил Жаров, Алла Баянова, Алиса Фрейндлих, Геннадий Хазанов, Никита Богословский, братья Вайнеры, Василий Аксенов, Войнович, Римма Казакова и т. д. Не буду пересказывать все эти встречи. Вспомню только начало разговора в Фонде Горбачева с уже экс-генсеком и президентом Горбачевым. Я стоял как вкопанный, а он шел мне навстречу, охранник остался у дверей. И я судорожно соображал, как начать разговор с ТАКИМ человеком. И придумал:

— Михаил Сергеевич, а знаете, мы с вами родились в один день — 2 марта…

Горбачев удивленно вскинул брови:

— И вы тоже?!

Смешно, но это врезалось в память.

22 марта — еще один юбилейный вечер на Старом Арбате, в музее-квартире мыслителя Алексея Лосева. Собралось человек 20 в уютной библиотечной комнате Алексея Федоровича. Накануне я написал стихотворение, прочитал его на вечере и отдал текст музею. «Он был подвижник, нет,

фанат, / Фанат свободных, вольных мыслей… / Он видел свет в кромешной тьме. / Он не терял надежд на чудо…» И концовка:

Он – Лосев! Ну, а мы – глупцы,
Не ведущие истины и боли,
Не знающие, где найти концы,
Чтоб вырваться из нынешней неволи.

Когда Лосева, после долгих лет мытарств и непризнания, хвалили, он говорил: «Я великий? Я великая ломовая лошадь».

Еще Маяковский признавал, что «все мы немного лошади». И эти творческие лошади, к сожалению, дохнут. Последний список: Тонино Гуэрра, 92 года, человек Возрождения. Достаточно вспомнить «Амаркорд» с Феллини и «Ностальгию» с Тарковским.

Умер Станислав Рассадин (род. 4 марта 1935), как написал критик Смелянский, у Рассадина был «озноб историзма». И у меня такой же озноб, стремление понять и осмыслить историю, отделить ложь от правды. И опять же, как Рассадин, я радуюсь точному «чужому слову» и стараюсь его сохранить.

24 марта — в гостях у Эдуардо, на дне рожде-

ния:

Что может быть лучшим в мире,
Чем цифра «74»?
Еще не старость, силы есть,
Хоть седина, а есть и цветь.
А если опыт, то тележка,
И можно совершать пробежку.
И ненароком, не спеша,
Обнять подругу, чуть дыша.

Ну и т. д. И последние строки: «Но не суди за сей стишок, / За мною тоже есть грешок…» Господи, сколько строк-посвящений я написал за свою жизнь. Строк много, поэтому так и не стал, в смысле, профи-поэтом.

3 апреля — Марина Тарковская пригласила меня и Володю Боряка в Дом кино на вечер, посвященный 80-летию Андрея Тарковского, а я как раз накануне написал эссе об Андрюше. Полон зал, но почти все выступающие говорили как-то невнятно и плохо, а вот музыка из фильмов Андрея звучала прекрасно и печально: Перголези, Бах, Джон Травор, Артемьев… Отвратителен был Никита Михалков — самовлюбленный и наду-

тый фальшак. Возвращаясь с вечера, с Боряком говорит о школе, об Андрее, о режиме, который берет нормальных людей за горло.

Мы говорили о том, о чем писал Андрей в своем дневнике: «Нельзя здесь жить. Так изгадили такую замечательную страну! Превратили ее в холуйскую, нищую, бесправную» (запись от 11 августа 1981 г.). И в крайнем раздражении: негодяи! Мерзавцы!..

4 апреля — вечер за вечером, и отправились уже с Ще на свой третий вечер в дом-музей Цветаевой. Пришли лишь 18 человек. Но настоящие. Я больше говорил о своих ровесниках, членах «Клуба 1932», чем о себе, и прочитал стихотворение Евтушенко «Шестидесятники»:

Но все равно мы легендарные,
Оплеванные, но бессмертные!

Евтушенко, Вознесенский, Тарковский — да! Ну, а я, как кто-то определил: «неизвестный шестидесятник». Можно даже сказать: кандидат в… в шестидесятники? В диссиденты? В инакомыслящих?..

5 апреля — после вечера 29 марта кружилась голова, в прямом смысле, а отнюдь не от успе-

хов (успехи скромные). 30-го печатал Джорджа Гершвина. 31-го в «МП» вышел Март в рубрике «Погода и слово», кстати, тираж газеты ныне тоже скромный — 72 300.

Радиокомитетские новости: умерла Валя Юшина, с палочкой еле ходит Левченко, Игорь Кудрин с каким-то нервным смехом спросил: «А ты все пишешь?» Подтекст: пора завязывать со всеми этими глупостями. И все бывшие коллеги-латиноамериканцы давно перестали писать и печатать.

13 апреля — я не сдаюсь. Сочинял про Леонида Пастернака, затем взялся за Паустовского, — все интересно для себя лично, не только для гонорара. 7 апреля в «МП» напечатан Сергей Дягилев, как сказал бы Володя Куриленко: «Это вотще!»

А в «МК» Ал. Минкин разделал под орех неудачного президента Медведева. «Он чеканил слова, как будто и дикция, и артикуляция могут заменить мужество и силу воли. Это был муляж, это было потерянное время». Короче: «Бесславный конец». Горе-правители несчастной России.

О «Димоне» вряд ли вспомнят с сожалением, а вот об ушедшем актере Равиковиче лично я сожалею и вспоминаю с теплотой. Он создал прекрасный персонаж в фильме «Покровские ворота» — интеллигент Хоботов, специалист по

книгам и неудачник по быту.

13 апреля — новое для меня издание: Товарищеский переулок, Таганка, редакция «Наука и религия».

Какие повороты и кульбиты я совершил в свой журналистской деятельности: от «Науки и жизни» через «Щит и меч» к «Работнице» и «Крестьянке», под «Огонек», мимоходом в «Крокодиле» с остановками в «Космополитене», в «Woman» и в «Капризе» — прямехонько в «Науку и религию». Словом, этапы большого журпути. И просятся слова Владимира Набокова:

«К Богу приходят не экскурсии с гидом, а одинокие путешественники».

«Что мы можем сказать о Боге? Ничего. Что мы можем сказать Богу? Всё» (Марина Цветаева).

Познакомился с главным редактором — Ольга Тимофеевна Брушлинская. Знает меня еще с «Вечернего клуба» и давно хотела познакомиться. Посмотрел я журнал (тираж что-то почти 70 тыс. экз.) и что-то там себя не увидел. Но узнал, что в нем печатался Юрий Карякин. Это успокоило.

16 апреля — Наталья Лайдинен (поэтесса, окончила МГИМО) переслала интервью со мной «Книжный человек Ю.Б.», которое вышло в Герма-

нии в сетевом издании «Зарубежные задворки». «Он настоящий эрудит, спокойно ориентируется в книжном мире и в море исторической информации, блестяще владеет навыками систематизации материала. Продуктивность его поражает…»

На вопрос, есть ли сходство с кем-либо из писателей, я ответил: «С драматургом Александром Гладковым. Родственный мне человек: он любил читать энциклопедии и словари, был домоседом, всю жизнь много работал, вел дневники, создавал жизнеописание близких ему по духу людей. Гладкова называли “Эккерманом при Мейерхольде”. Только вот я ни при ком».

18 апреля — закончил маленькую биографию Михаила Нестерова — 8 стр. Евгению Рейну посулили премию «Поэт» и 50 тыс. долл. И сразу весело вспомнилось, как однажды на Соколе он попросил дать ему денег, ибо «на пельмени не хватает». Теперь хватит?

20 апреля — была Библионочь, и Алла из «Совпадения» уговорила меня поехать в Некрасовку, привезла и отвезла. Выступил, слушало человек 25. Преподнесли 9 бледно-розовых тюльпанов.

А накануне, 19-го, в «МП» вышел Иван Ильин,

а сколько лежит и ждет своей очереди. По этому поводу написал «Стенания в связи с невыходом написанных опусов». Только кусочек:

Все материалы мои как на складе
Лежат принаряжены в полном параде, –
И тишина. Где крик и где звяк?
В тиши пребывает отец Пастернак,
Борис проскочил, Леониду не дали…
И тихо мерцают газетные дали…
Статьи не выходят.
И где же Гюго?
Возможно, он с Беллою бродит.
А Лотман? Он любит кого?
В «Московскую правду» совсем не заходит.
Пропал и Давыдов. Гусар и Денис.
С Любовью Орловой неужто подвис?
А автор хотел получить гонорар
За свой, как казалось, божественный дар.
Увы. Все отложено.
Будет? Не знаю.

Душа заморожена.
Возможно, до мая…

Юмор и легкая насмешка помогают переносить все жизненные трудности. И несколько высказываний для облегчения души писателя.

«Книга должна быть топором, пригодным для того, чтобы вырубить море льда, которое застыло внутри нас» (Франц Кафка. Из дневника).

Польский культуролог Кшиштоф Теплиц (1933): «Рекомендовать кому-нибудь книгу — все равно что предлагать поносить ботинки, которые вам не по ноге».

Из журнала «Пшекруй»: «Каждый человек читает такого Бальзака, которого заслуживает».

Ну как, полегчало?

23 апреля — поехал на Академическую за верстской «Опасные профессии: писатель». Более 600 стр. Интересно, информационно, с налетом печали. Около 60 портретов-эссе, в начале — «Буревестник, пойманный в сети» (Максим Горький), «Многоликий нарком просвещения» (Анатолий Луначарский) и в конце Лев Лосев и Сергей Довлатов. Все герои были уже представлены ранее в разных изданиях, кроме, пожалуй, Демьяна Бедного — «Поэзия и лакейство». Примечательная

и колоритная фигура: в первые советские годы купался в славе. Луначарский отмечал: «у нас есть два великих писателя: Горький и Демьян Бедный, из которых один другому не уступает».

Во как! Советские классики! Только вот бывший фаворит Демьян (1883–1945) ныне в полном забвении. Его ранние пламенные призывы «Мир торгашей и богачей / Напором пламенно разрушим…» ныне воспринимаются нелепо. Старый мир разрушили, новый строили-строили (и социализм, и коммунизм), а в итоге получили увесистый мир новых торгашей, богачей, олигархов и нуворишей, покой и богатство которых тщательно охраняют полицией и национальной гвардией, не говоря уже о личной охране. Выходит, Демьян Бедный зря старался, воспевая справедливый мир рабочих и крестьян. Россия снова поделена на богатых и бедных. Нынешние власти только изображают борьбу с бедностью и нищетой. И оборву на самом интересном месте… (28 марта 2020 г.)

2 мая — дни бегут и бегут. На эту тему даже импровизировал:

Поезд мчится, поезд едет, поезд тащится…

За окном проплывает, пролетает и мелькает.

Что-то важное. Но нету остановки.

Не сойти и не сбежать…

Поезд сам внезапно встанет, будто вкопанный,

Или сразу под откос – ну, и опа-на!

Сам на себя удивляюсь: почему так мрачно. И еще:

Не надо печали. Не надо тоски,

И так уже жизнь захватило по горло.

Мечты и надежды разбиты в куски,

И ясно одно. Согласись: не поперло!

Но хватит об этом. Пойду я к подушке

И буду дремать…

Нет сил ни на битву, ни на борьбу.

Лишь тихо в углу про себя: бу-бу-бу…

Прочитал эти строки Ще, она в недоумении: ведь вроде все хорошо — печатают, выходят книги, грех жаловаться. Вроде да. Но тем не менее. Барахлит механизм здоровья, и это угнетает. 80 лет — не шутки.

И мелкие обиды донимают: была программа у

Волгина «Игра в бисер», посвященная Флоберу. Все несли какую-то окололитературную чушь, видно, никто никогда не занимался Флобером и не сформулировал, что такое боваризм. Я бы смог. Но меня не пригласили. Но с другой стороны: я не в тусовке, не встречаюсь, не общаюсь, и отсюда: «неизвестный шестидесятник», неизвестный литературовед…

4 мая — два события: закончилась эпопея новых окон — стеклопакетов немецкого производства. Шум-гам-тарарам. «Ну не дают работать!» — как не вспомнить возмущение Банана.

Второе событие: в Домжуре чествовали ветеранов войны, и к Дню Победы подверстали два юбилея: гроссмейстеру Юрию Авербаху — 90 лет и Ю.Б. — 80. Собралось человек 40–50, в основном люди с орденами и медалями. Среди них я чувствовал себя мальчишкой, бойким журналистом-писателем. Поздравления и разговоры шли под выпивку и закуски. Многие фронтовики разомлели, глаза загорелись, и пошли тосты за Победу и за Сталина! Неужели эти старые люди так ничего не поняли про вождя и генералиссимуса? И только один ветеран высказал истину: «Палач! Сколько людей угробил!» Но его сразу прервали, мол, собрались на праздник, а не для

дискуссий.

Вела стол секретарь Союза журналистов Москвы Людмила Щербина, женщина-кремень. И как командир: «Где Хваткин?» Хваткин встал из-за стола. «А ну-ка, расскажи, как воевал?» И Хваткин не очень хватко рассказывал… Подняла Щербина и меня: «Послушаем замечательного писателя Юрия Безелянского, который печет книги, как пирожки». Писатель-пекарь тоже послушно встал. В довершение встречи всем вручили пакеты от Министерства обороны. А я получил еще грамоту от Союза журналистов «За большой вклад в развитие отечественной журналистики и в связи с юбилейной датой» и три розы…

5 и 6 мая — печатал про Роберта Фалька для «Алефа», 10,5 стр. А в майском «Алефе» опубликован «Костюмер Шахерезады» — Лев Бакст. Интересно, как это я переключаю некий тумблер и пишу то о литераторах, то о художниках. Разные области искусства. А потом неожиданно божественные звуки музыки. Это что, профессионализм?

7 мая — инаугурация нового-старого президента. Незабываемая телевизионная картинка, снятая с вертолета сверху: пустынная, зачи-

щенная Москва. По которой двигается кортеж — глянцевитая черная машина, похожая на катафалк, в сопровождении эскорта мотоциклистов. Одинокий Путин без народа. «Имперская мощность инаугурации» (Дондурей). «Высокоодиночество» (Мельман). И тот же Ал. Мельман в «МК»: «Есть монарх, царь, немного сподвижников, а остальные все — подданные… Мы здесь никто, сидите у своего “ящика”, когда понадобится, то вас позовут… В Москве миллиардеры, рестораны, небоскребы, а дальше — тишина». И только в залах Кремля без преувеличения визг счастья верноподданных, и запомнился крик «Ура!» взбудораженной певицы Надежды Бабкиной. Артисты, телевизионщики, министры, чиновники — вот и вся свита. И это не Париж, где простые парижане высыпали на улицу и приветствовали Франсуа Олланда, сменившего Николя Саркози на президентском посту. Там выборы. А у нас божественное назначение…

И знак небес: катастрофа широко разрекламированного самолета «Суперджет». Белковский откликнулся в «МК» 12 мая: «Самолет невозможно сделать, где правит тандем Распильщика и Охранника».

14 мая — вечер в ЦДЛ, посвященный 100-ле-

тию Игоря Северянина. Говорили скучно, вяло, неинтересно. Не выдержал и «зажег». Аталия Беленькая: «Как будто зазвучал другой музыкальный инструмент».

И прочитал изыски Северянина:

Я не влюблен в нее нисколько,
Как, впрочем, и она в меня.
Мы лишь слегка флиртуем только –
День ото дня. День ото дня…

И еще удивительное:

Котик, милый, деточка!
Встань скорей на цыпочки,
Алогубы-цветики жарко протяни…
В грязной репутации хорошенько выпачкай
Имя светозарное гения в тени!

15 мая — в редакцию «Науки и религии» за майским номером (тираж крохотный — 20 тыс. экз.). В нем интервью «Собиратель мудрости», которое брала Ольга Тимофеевна Брушлинская, главный редактор. Фото и врезка:

«Безусловно — энциклопедист. Безусловно — просветитель. Об этом свидетельствуют его

книги… Они несут невероятное количество информации, которую воспринимаешь легко и даже радостно — язык изящен и чист, мысль выражена ясно и четко». Читать такое было даже неловко: взахлеб.

А еще в номере журнала об Андрее Тарковском, мой текст «Человек, который видел ангела».

16 мая — салон-магазин «Аккорд» на Масловке (и откуда было столько сил мотаться каждый день. Сегодня на такое я не способен. Но тогда! В свои молодые, цветущие 80 лет, как шутил Корней Чуковский, я был прыток и жизнедеятелен. — 29 марта 2020 г.).

В журнале три автора-юбиляра: композитор Леонид Сидельников, Анисим Гиммерверт и Ю.Б. Вдобавок мой материал «Три юбиляра» (Гайдн — 280 лет, Паганини — 230, Россини — 220). Но это еще не все — материал о Петре Столыпине «Реформатор России», написанный по прихоти Сперанского. В музыкальном журнале? Но, как говорится, хозяин — барин. Захотел — получил…

21 мая — сформировано новое правительство во главе с Медведевым — деталью от тандема. Ах, этот Айфончик опять крутит педали! Человек, который гордо вещал: «Свобода лучше, чем

несвобода». Но никакой свободы в годы своего правления не принес. Классический популист. По словам Минкина в «МК»: он больше боится взгляда начальника, чем суда истории.

24 мая — в самой популярной и тиражной газете «МК», с опозданием, появилось интервью со мной — «Ловец информационного жемчуга». С фото: благородный красивый человек в очках, галстуке-бабочке — фото, которое было снято для книги «В садах любви», но по каким-то причинам не попало в книгу.

Закончил печатать про Жан-Жака Руссо — 21 стр. Руссо мечтал об естественном человеке, человеке-природы: «Боже, возврати нам счастливое невежество». И вот XXI век. В тоталитарной стране (угадайте с первого раза!), благодаря массированной обработке пропаганды, человек массы стал невежественен, опутанный ложью и мифами, счастливо бредет за вождем, пастырем, пастухом, царем и главнокомандующим. Счастливый в своем тотальном неведении. Жан-Жак, вы довольны?

29 мая — Путин подписал драконовский закон о митингах и шествиях. Сплошное низ-зя! Народ мгновенно отреагировал: «Запреты, запреты

— сидеть всем дома и плевать на портреты».

2 июня — доллар взмыл вверх — 33,74 (а в конце марта 2020-го в один из дней достиг отметки 80,88. Взлетевший доллар и обрушенный рубль — два сапога, но не пара). Добил Зиновия Гржебина, дореволюционного издателя, о котором Корней Иванович отозвался: мазурик. Сегодня о махинаторах и мошенниках высокого полета говорят иначе: мерзавец и негодяй!

6 июня — дальний поход в какой-то Научный тупик от остановки метро «Калужская» — туда и обратно 25 остановок на метро, 4 пересадки, — и все это ради журнала «Дилетант». Главный редактор журнала Виталий Дымарский (сын Наума Дымарского) принял меня радушно и пообещал что-то выбрать для печати из 7 предложенных материалов, от генерала Ермолова до поэта Лебедева-Кумача.

И что? Да ничего, автором журнала «Дилетант» не стал, хотя давно уже хожу в ранге профи. Но в журнале кто-то меня не захотел, и предполагаю, что подножку подставил Дима Быков. Но, как говорится, Бог ему судья. Замечено, что высоколобые меня не переносят.

9 июня — а я все вздрагиваю от публикации

«морте» — Мементо мори! Мементо, квиа пульвес эс — «Помни, что ты прах» и т. д. И вот в списках выбывших: легендарный фехтовальщик Марк Мидлер (80 лет), хоккеист Крутов (52), архитектор Глазычев (72 — с ним я где-то пересекался), композитор Минков (68), автор знаменитой песни о милиции «Наша служба и опасна, и трудна». И где-то что-то там порой… Умер певец Эдуард Хиль (77). Советские хиты: «Как провожают пароходы», «Ходит песенка по кругу», «Человек из дома вышел», «Моряк вразвалочку» и т. д. А еще фантаст Рэй Брэдбери. Фантастика фантастикой, а пока человек смертен, и об этом надо помнить.

10 июня — к вечеру в воскресенье прихватили боли в желудке. И в 20 часов пришлось вызывать скорую. Загремел в больницу № 52. За метро «Октябрьское Поле». Боль, высокое давление, озноб. Сразу — уколы, капельница и т. д. Впервые в жизни гастроскопия — камера, как зонд, введена в пищевод. Искры из глаз. На следующий день сердобольная раздатчица в столовой предложила мне апельсин.

— Разве можно?

— Да ешьте. Откачаем!

Какой-то больной поразил фразой: «Самое главное, Иван, — сказал он вновь прибывшему, — тут

тебя замучают, а помереть не дадут!» Вообще, больница — не место для лирики, но тем не менее там, на коленке, я набросал кое-какие строки:

Никогда ничего не откладывай –
Завтра может не наступить.
И будешь на сковородке адовой
О несовершенном в жизни выть.
Не откладывай и путешествия –
И Париж, и Мюнхен тебя так ждут.
Порадуй их своим пришествием,
И услышишь отклик «бьен» и «гут».
Не откладывай женщину сжать в объятиях,
Прислониться нежно к ее щеке.
Всю ее нужно взять. Целиком, без изъятия –
И сейчас, и сегодня, а не потом, вдалеке…

Шероховатости стиля спишем на больницу. Главное: больничные мысли и выводы… Нет, главное другое: вердикт врачей. Один из них, не внушавший никакого доверия, заявил: «Разрежем — посмотрим». Мне такой метод резко не

понравился, а так как приступ прошел и боли прекратились, я настоял на выписке. И 15-го Ще привезла меня на машине домой.

16 июня — возвращение к жизни: разбирал, резал и читал газеты. И даже пел, почти как в оффенбаховской «Периколе»: «Какой компот нам подавали!» Домашнее питание, прогулка по роще. И нет медсестры с шприцем, входящей в палату со словами: «Готовьте попу!» Ничего этого нет, так, лишь немного диеты, по поводу которой набросал строчки (стихотворный отклик на каждый писк):

Зина, слушай, ты мой цветик!
Это я – Олег, диетик,
Тот, который уж не ест
И лежит, коль дует вест.
Тощий, слабый, доходяга,
Не ухоженный дворняга.
Как иду – уже качает.
Как обед – лишь чашка чая.
Слушай, Зина, ты мой цветик,
Это я, Олег, диетик.

18 июня — публикация в «МП» — «Поэтический

сад Беллы Ахмадулиной». Один лишь отрывочек из «Дачного романа» (надо же разбавлять свои доморощенные стихи профессиональными и глубоко пропитанными талантом):

Вот так, столетия подряд,
Все влюблены мы невпопад,
И странствуют, не совпадая,
Два сердца, сирых две ладьи,
Ямб ненавистный услаждая
Великой горечью любви.

22 июня — 20-го Ще подстраховала меня и поехала за июльским «Алефом», вышел Джордж Гершвин — «Мистер джаз из питерских Гершковичей». А сегодня с утра «мальчик» притаранил на 4-й этаж 9 пачек книг из «Никитских ворот». Вторая книга дневников — лихие 90-е годы. На обложке: на сером асфальте растоптанный красный тюльпан. Увесистая книга, 490 стр., но тираж всего лишь 100 экз. Вступительная часть: «Что такое дневники? Зачем ведут дневники?» Как восклицал Петр Вегин:

История души
Любого человека

Не может жить в глуши
Отечества и Века.

Но с тиражом 100 экз. из «глуши» не вырваться (впоследствии несколько книг раздарил, немного продал на своих вечерах, и — и все!). Попытался заинтересовать дневником ЭКСМО, на что издательский гигант-спрут отказался: «Некоммерческий проект». Летопись жизни интеллигента в очках неинтересна: где скандалы, где сенсации, измены, мордобой и прочие «завлекаловки»?

Но хоть малым тиражом, но Дневник вышел — и это прекрасно. А вот другой начатый проект написать про Альпы никак не двигается. Слабость. Прислушиваюсь к своему животу, и нет сил взбираться на Альпы, которые я лицезрел в Швейцарии и Австрии.

26 июня — войти во второй раз в воды «Науки и жизни» не получилось: редакция поворотила нос от Руссо и Тарле, да и к Луначарскому отнеслась с прохладцей. Нет так нет. И я с удовольствием взялся за забытых сатириков для «Алефа»: Арго, Пустынин, Эмиль Кроткий и др. А еще сокращал свои архивы и собранные вырезки по Москве, про женщин и политиков — кому это нужно? Буду потихоньку делать исключительно для себя и об-

ходить стороной разные СМИ — новая философия жизни, сокращенно НФЖ.

А что происходит в общественно-политической жизни? На волнение и брожение народа откликнулась Юнна Мориц стихами в «ЛГ» (6 июня):

…А тесто протеста месится,
Пока эта власть не повесится,
Не застрелится, не отравится –
Что из этого ей понравится?
Протестуция – вот красавица
В свете солнца и в свете месяца!
Протестуты и протестутки –
Демократии незабудки…

Жалко, что не встретился с Юнной: договорился о встрече и не смог выбрать время. И сколько было таких невстреч!

Лето. Пора отпусков. С Ще постоянно обсуждаем, куда? В Венгрию на озеро Балатон или в подмосковное Абрамцево? По какому-то каналу ТВ передача об Аркадии Северном (антиофициоз!):

А после поцелуйчиков
И скушанных огурчиков

Мы принялись нащупывать ландшафт…

Нет, этой песенки в программе не было, но о трагической судьбе артиста все же сказали. И жаль, что я написал о Северном и сам же выкинул его из книги о ретроэстраде, слишком Аркадий контрастировал с моим любимым Вертинским. И в последний момент снял материал о Северном.

11 июля — Запад и Восток борются с мировым экономическим кризисом. Не утихает война в Сирии, и мы, естественно, на стороне диктатора Асада (Боже, как мы любим диктаторов и тиранов, патологическая любовь: рыбак рыбака). А в Швейцарии с помощью Большого коллайдера пытаемся приблизиться к пониманию Вселенной. А мы никак не можем разгадать суть устройства России. Загадочная страна. Разбухшая от завоеванных земель империя, гибнущая от своего богатства. Ни освоить, ни придумать что-то путное. Можно перечислять и многое другое, в том числе немереные траты на Олимпиаду в Сочи и остров Русский. Все — показуха, потемкинские деревни. Страна напоминает человека без штанов, а в шляпе. Дорог нет, деревни мало газифицированы, туалетов нет и т. д. И катастрофы:

утонуло судно «Булгария», наводнение в Крымске и… Нет, хватит, стоп! Я не летописец бед, несчастий, несуразностей, воровства и коррупции. Да, я — гражданин, но все же в первую очередь писатель-индивидуал.

5 июля — досрочно вышел августовский «Алеф», в нем Роберт Фальк, и просится книжечка о художниках, почти вся собрана. Но как уговорить издателей — вот в чем вопрос… Егорунину отвез 3 материала: Вяземского, Сергея Лемешева и давно написанного Крамского.

12 июля — в «МП» появился в связи с 200-летием Отечественной войны «залежавшийся» Денис Давыдов, эстетизирующий гусар, удалой и грубый. Почти всю жизнь работал над «Дневником партизанских действий». Жаждал грозы и бури: «Надо, чтобы что-нибудь ворочало душу и жгло воображение!» Немного не дожил до 55 лет. Выход Давыдова подстегнул меня на дальнейшие опусы: О'Генри, Метерлинк, Аполлон Григорьев.

13-го Дума приняла закон о клевете, чтобы закрыть рот журналистам. И теперь надо прикрываться фразой: «Это мое оценочное суждение». Весь мой дневник — это оценочное суждение. И никакой критики. Лишь отдельные всплески

субъективизма. Срывы в заблуждения. А так, мы великая страна, самый лучший народ, мудрый, трудолюбивый, гуманный, мухи не обидит, ну, а власть справедливая и милостивая, кого ни возьми — отец нации или ближайший родственник, любезный друг, товарищ и брат. И без возражений!

15 июля — только написал светлые слова о положении в империи, как подвел ведущий журналист «МК» Михаил Ростовский, написавший в своем комментарии: «Сегодня доминирующая эмоция в политической жизни общества — это крайняя озлобленность». Но что тут скажешь? Журналюги — и только!

И еще свеженькое. Маститый Мэлор Стуруа перефразировал старую песню «Москва — Пекин»: «Русский с сирийцем братья навек. / С песней шагает простой человек. / Путин и Асад слушают нас…» Ну, и припев: «Москва — Дамаск, / Москва — Дамаск…» Путин и Асад, а еще Путин и Уго Чавес. И как ехидничал Стуруа: «Сталин и Мао не слушали нас — это мы слушали их…» Что крепче и верней бывает, кроме тоталитарной дружбы.

Ну, а я в свою дуду. Закончил Метерлинка.

О жизни ринг! О Метерлинк!

17-го вышел в «МП» Михаил Нестеров. Религиозный художник: картины «Пустынник», «Отрок Варфоломей» и др. Он был как бы сам по себе: не принят передвижниками и не вошел в круг «Мира искусства». Да еще непростая личная жизнь.

20 июля — с печатного конвейера сошел Аполлон Григорьев, сделал новую модификацию. Можно снова и снова слушать и сопереживать, как григорьевские «две гитары за стеной / жалобно заныли».

22 июля — по НТВ новая программа «Луч света» с новой квазизвездой Светой Курицыной из Иваново (специально так не придумаешь, какой-то убогий ужас!).

25 июля — печатная дробь или пулеметная очередь (хотя не терплю военные сравнения), но вышло подряд: 23-го — Паустовский, 24-го — Ошанин, 25 июля — оперная знаменитость Собинов. Горжусь, что напечатал про Паустовского, он главный. А Лев Ошанин… Ну, не вычеркнешь из Лит. энциклопедии: лауреат Сталинской премии. Умело рифмовал дидактические, наскоро зарифмованные лозунги из передовых статей — так написал Лев Иванович Ошанин о других поэтах, а себя вывел за скобки.

28 июля — хотел написать что-то поздравительное ко дню рождения Ще, но перо вывернулось, и покатились совсем не оптимистические строки, а совсем иные, с мрачным налетом. Только концовка:

…Господи, куда же все ушло?
Что пылало и искрилось?
Неужели все так отцвело,
Ну, ответь, Господь, на милость.
Рифмы тоже прыгают, шаля,
И размер хромает, словно лошадь.
А кругом березы… тополя…
А на сердце давит ноша.
Прожитых бездарных лет, –
Дайте снова! Проживу иначе!
Но судьба упорно шепчет «нет»,
Упустил, дружище, ты удачу.
Значит, так. Смирися и молчи,
Как советовал Ф.И. товарищ Тютчев.
На грядущее чихни – апчхи!
И запомни: уж не будет лучше.

И почему занесло в этот мрак? Сам не знаю.

Понесли кони, а поводья оборваны.

29 июля — «отдыхал» за Львом Гумилевым — 14 стр. Тоже мне, отдых, сплошной пассионарий! И все время отвлекался на газеты, а газетчики как с цепи сорвались, пишут, что власть гнусная, обожание Путина ушло. Пришло отрезвление, понимание, что Россией правит корпорация «Начальники и сыновья». Страна миражей.

Старина Белковский в «МК» (27 июля) отмечает, что в путинскую эпоху бытовых свобод мало — пить, есть, путешествовать, спать, читать, смотреть, ковырять в носу — для европейского самоощущения недостаточно. Необходимы свободы политические, что подтвердили митинги и марши. В итоге произошло — тотальное этическое и эстетическое отчуждение общества от власти. Путин — президент села, городских люмпенов и национальных окраин. Москва и Питер его отторгают. Россия с ее краснокирпичным Кремлем заняла нишу «евразийской Нигерии» — таков вердикт Белковского. Да еще плюс морально-политическая катастрофа РПЦ.

Суровую картину рисует и Артемий Троицкий («Новая», 25 июля): «Сейчас имеем градус мракобесия, паранойи и беззакония времен Ивана IV плюс электронные СМИ. Позор нам всем, позор

русской цивилизации, что мы допустили этих попов на амвон, судей — в суд, этих журналистов — в эфир, этих ментов — к дубинкам, эту мразь — в управление великой страной. Да, бывали в России времена пострашнее, но никогда моя родина не была такой отталкивающей и жалкой одновременно. Жить в ТАКОМ — позорно и невыносимо. Скальпель, срочно!»

А кто-то говорит, что нет свободы слова. Вот она! «Свобода приходит нагая», — как предвещал футурист Хлебников. Кого смущает обнаженная женщина, тот может закрыться медным тазом: и знать не хочу про голую правду! Патриоты беснуются и все время что-то предлагают сугубо патриотическое: «Ледовитый океан переименовать в Единорусский, Волгу — в Вову» и т .д. Старый лозунг «Гей, славяне! Веселися, храбрый росс!»

4 августа — два дня назад в «МП» вышел материал об Андрее Тарковском, до этого — в «Науке и религии». Меня поразило, что один и тот же текст читается по-разному. Неужели из-за разности шрифта и бумаги — газетного и журнального?

Но «Московская правда» тормознула очередного «Ворчуна» про Свету Иванову. Газета не захотела раздражать ТВ? Я в «МП» исполнил

канкан, посвященный простодушной девушке, поразившей страну глубоким историзмом: «Мы стали более лучше одеваться» Вот это победа!

Бедный изобретатель ТВ Владимир Козьмич Зворыкин. Он-то думал, что изобретает для человечества что-то умное и полезное — разумное, доброе, вечное… А получилось совсем иное: исключительно пропагандистское, недоброе, тупое и сиюминутное.

Однако спокойно работать не дают. За окном взрывают асфальт, кладут новый и в который раз повторяют крик Банана: «Ну не дают работать!»

И еще: чреда уходов: Тереза Дурова, дрессировщица слонов, на манеже выступала с 5-летнего возраста. Умерла и ее любимая слониха Монри. Ушел из жизни Евгений Пастернак, сын поэта. У него истинно христианское сочетание силы и беспомощности, бессмертия и хрупкости — почти «Доктор Живаго».

Умер Федор Чеханков (Федор Яковлевич Вайнштейн) в 72 года. Ни жены, ни детей. Герой невидимых фуэте. Мечтал о балете, но мечта не осуществилась. Был куражным артистом. Лучшая роль в «Учителе танцев» — Альдемаро, партнер Зельдина. Еще один уход: Валентин Черных, 77 лет, сценарист. «Москва слезам не верит».

Зачем вставляю в Дневник имена ушедших? Писательский интерес: смерть высвечивает весь жизненный путь. Как сказал драматург Леонид Зорин: жизнь — это маленькие победы и окончательное поражение.

12 августа — Мор идет. Ушел член «Клуба 1932», режиссер Петр Фоменко, в июне отметил 80 лет и… и сразу славословие: великий, гениальный. Я с ним так и не встретился, но за ним следил, и его уход — как обухом по голове.

Печатание материалов совмещаю с просмотром по ТВ сражений на Олимпиаде. Наши спортсмены без улыбок, со сжатыми челюстями, они защищают Родину, как будто спорт — это некий Сталинград. Иностранцы ведут себя иначе, более расслабленно, но и пружинисто. Пловец Фелпс, потрясающий бегун Усэйн Болт, марафонец Мохаммед Фара и другие герои Олимпиады. И наши со странными фамилиями: Каниськина, Харась-кина, Кирдяпкина, Кривошапка!

И заканчивая тему, Александр Рубцов в «Новой газете» (10 августа) в статье «Политика стыда» отмечает, что «Атрофия стыда и каких-либо представлений о правилах поведения в обществе стали естественным состоянием власти». Большинство людей ненавидят власть: «Просто-

ры родины буквально заливает тяжелая густая нелюбовь».

18 августа — прослушал с утра сводку новостей «Эха Москвы», и затошнило. Взял ручку и с ходу написал строки:

Что происходит в стране?
Почему в ней столько зла и насилия?
Почему мы под конем, а не на коне,
И растоптана окончательно рашен-идиллия?
Мерзопакостно стало, да и нечем дышать.
Негодование душит в своих объятиях.
Хочется плюнуть и куда-то сбежать
От ужаса и всех неприятий.

И далее: «Попы и чекисты сплелись в экстазе / И вытворяют черт-те что! / Превзошли все подвиги КГБ и Штази, / Для них человек — это просто ничто. / Готовы сожрать и жрут с удовольствием, / Лишь хруст по России идет. / Корежат души, ломают кости, / И дух “победителей” от всего этого прет».

А вот другой пример и другие стихи почти ком-

сомольского классика Роберта Рождественского, сборник «Огромное небо» (изд. «Амфора», 2012) и на выдержку «За того парня» — песня:

И живу я на земле доброй
За себя и за того парня.

Много горячего оптимизма, верноподданной любви к стране, все это есть. И вдруг в сборнике раздел «Из последнего», и неожиданные строки, доселе мной не слышанные и не читанные:

Будем горевать в стол.
Душу открывать в стол.
Будем рисовать в стол.
Даже танцевать в стол.
Злиться и грозить – в стол!
Будем сочинять в стол.
И слышать из стола стон.

Непрост Роберт, непрост. Не только аплодисменты, но и переживание и страдание.

26 августа — лето кончилось. Засентябрило. За окном ржавая зелень, серо и дождь.

20-го достал старое эссе «Плач по возрасту» и решил его модернизировать, не подозревая, что идея впоследствии превратится в книгу.

А 23-го — выступление в МЕОЦе, в зале более 40 чел. С Эдиком на машине туда и обратно. Перед выступлением подкрепился кофе и, смешно звучит, кошерным пирожным «Наполеон». И не смешно, а горестно звучал приговор группе за панк-молебен: 2 года колонии. И тут «Новая газета»: «Полицейщина: ум с горошину, кулак с арбуз». По оценке судьи Сыровой: «Они лишили граждан общественного спокойствия». Возбудили во время сладкой дремы. «Мойте руки после суда!» — еще один репортаж в «Новой».

27 августа — определились с поездкой: Париж. Сдали аванс и на вопрос: «Вам две кровати или одну большую?» Ще мрачно ответила: «Все равно, лишь бы было два одеяла». И сплошные некрологи: Сергей Капица, телепрограмма «Очевидное-невероятное», Нил Армстронг, 82 — первый человек, вступивший на поверхность Луны, дирижер Борис Тевлин (с 1931), маршал Сергей Соколов, прозевавший полет Матиаса Руста на Красную площадь.

29 августа — позвонил в библиотеку МЕОЦа, похвалили: «Вы — брендовый автор. Ваши книги зачитаны до дыр». В «Библио-Глобусе» неожиданно возникла книга «Плата за успех». Доп. тираж?

Работница магазина: «Почему так мало издают ваших книг, их постоянно спрашивают». Это не ко мне, это к издателям.

1 сентября — в «Плаче по возрасту» вышел на 44-ю страницу. Дую без черновика, набело. А как получится с изданием — вопрос. А как обстоит дело с кино? Тут в «МК» режиссер Мария Саакян заявила: «Наше кино никто не смотрит, оно никому не нужно. Значит, это — ж».

Опрос в СМИ: какие города в России счастливые, по ощущению жителей? Москва занимает 52-е место «по счастью». А первые 5 мест: Грозный, Тюмень, Казань, Сургут, Краснодар. Вадим Степанцов, поэт-маньерист, в «МК»:

Я смотрю телевизор, ты вертишь «фейсбук»:

Мерзость власти, протестная гнусь.

Неужели же снова России каюк?

Что нам делать с тобой, Мусипусь?

6 сентября — в «МП» появился «“Блудный сын” своего века» — Жан-Жак Руссо. Всю его личную жизнь сократили, но хоть так. Ездил на 25-ю книжную ярмарку. Увидел лишь одну свою книгу — «Золотые перья». Но что книги? Все внима-

ние — президенту. Он слетал в специальной экипировке с журавлями. Топ-журавль. Виктор Шендерович возмутился: «Президент ядерной державы в роли предводителя журавлей — бред и абсурд!» А Сергей Мнацаканян в «ЛГ» о земных делах:

Пусть державные ветры дуют
И меняются времена –
Что в России? Опять воруют?
Только нету Карамзина…

8 сентября — Ще соревнуется со мной: выступала в библиотеке на Песчаной, но, увы, 5 человек! Один из пятерых, старенький дяденька, сказал: «Я плохо слышу, а у вас голос тихий. Но все равно что-то слышу, а вы такая милая, уютная, получаю удовольствие».

Ще вернулась домой и гордо об этом поведала. Утешают отдельные частности, возмущает общая атмосфера. «Это наша с тобой страна: / торжество воровства и свинства» (опять Мнацаканян).

10 сентября — в «Алефе» напечатан Альфред Шнитке. Его я не столько писал, а сколько — выкручивал.

По кусочкам и по ниткам

Сочинял эссе о Шнитке.
Превращая страсти, муки
В темпераментные звуки…

11 сентября — вслед за Ще моя очередь выступать на Песчаной, у Хикмета перед старшеклассниками, которых привели трое взрослых. Я рассказывал школярам о Бунине. Учительница: «Вы рассказываете ребятам так, что им интересно». И слава Богу. Я об Иване Алексеевиче, а Быков все о Владимире Владимировиче: «Прошла пора шутить над журавлями / Пора подумать, как нам дальше жить… / Что ему? Ему важнее саммит, / Чтоб мост еще неделю не упал» (саммит во Владивостоке, а мост на острове Русский).

Вслед за Шнитке в «МП» вышла Наталья Гончарова — Натали. И вновь редакторское вмешательство: вычеркнуто в письме Пушкина к Натали: «Какая же ты все же дура». Подобное, на взгляд пуристов, снижает образ Мадонны. А в тексте о Циолковском «Космический пророк» все сохранено. Никакой дури, один космос.

20 сентября — ощущение: культура идет под откос. И я вместе с ней. Хотел засесть за Марину Цветаеву (120 лет) и отложил. Вернулся к книге «Плач по возрасту». По ТВ сокрушался Михаил

Швыдкой: теперь нет прикосновения к бумаге, к ручке, одни только кнопочки — нажимай и только… Ще доблестно набирает, а я боязливо обхожу компьютер.

25 сентября — в книгу «Плач» добавил писателей с почтенным возрастом: Гранина, Бориса Васильева, Наума Коржавина и Ваншенкина. Получил октябрьский «Алеф», там — издатель Зиновий Исаевич Гржебин, разумеется, еврей из города Чугуев (кстати, там родился и Репин). К Гржебину было отношение полярное: от прохвоста и мазурика до доброго человека и настоящего поэта дела. Свой опус я назвал «Дело прежде всего». Неутомимый издатель, печатал многих поэтов и писателей Серебряного века. В эмиграции издал множество книг. Постоянные стрессы свалили Гржебина, он умер от разрыва сердца под Парижем 4 февраля 1929 года. Не знаю, как читатели отнеслись к судьбе Зиновия Гржебина, но меня он заинтересовал: деловой, кипучий человек. Ленивых и мямлей не терплю.

26 сентября — в «МП» два материала: в разделе «Книги» — О'Генри. Знаменитые «Дороги, которые мы выбираем». В культуре — Сергей Лемешев, кумир лемешисток и Большого театра. Моему

ровеснику Войновичу — 80 лет. И он, как всегда, резок: «Наша Дума — какой-то паноптикум».

3 октября — в Доме журналистов сбор ветеранов (1 октября — Международный день пожилых людей). Собралось человек 40, и все были оживлены приглашением и вниманием: выпили, закусили, пообщались и получили по коробке конфет «Ассорти». Не густо, но все же внимание.

А потом «подарок» от налоговой службы: так как я попал в категорию «работающих пенсионеров», с меня сняли так называемую «лужковскую надбавку» и надо вернуть 69 тыс. рублей 38 копеек. Стервецы и негодяи: боятся, что старые люди могут разбогатеть, работая из последних сил. Скупая и жадная власть… Но переживем и эту гнусность режима.

4 октября — были на выставке Жени Кокоревой. Еврейская тема. Мрачная, беспросветная, как воспоминание о черте оседлости. Как записной выступальщик, выступил. А возвращаясь, запутались в арбатских переулках. Ще негодовала, а потом поменяла пластинку: как хорошо прогулялись под мелкий дождичек. О, женщины!

7 октября — Путину 60 лет. Странный человек: без жены, без детей (все скрыто, все секретно),

рядом только собака и куча охранников.

9 октября — в «МП» — мой выкрученный Метерлинк: «В поисках синей птицы». Кто-то сострил: раньше была Синяя птица, а теперь Золотой телец… Ну, и человек-мачо на фоне страдающей и умирающей страны.

10 октября — продолжается вымирание. Ада Якушева, бард, первая жена Визбора, 76 лет. В «Комсомолке» кто-то написал: Ада умирала в муках, потому что поликлиника — это гестапо. Еще Эдуард Володарский, 71 год, не успел дописать сериал о Пушкине. А кто-то холит себя: бассейн, массаж, творог от патриарха, витаминный коктейль и только в 13 часов за работу, — об этом ТВ с придыханием.

13 октября — готовились к Парижу. И снова печаль: ушла жизнерадостная актриса Голуб, как написал Мельман в «МК»: «Она ушла на пике своего счастья. Какая же эта сука-жизнь». Обзывай — не обзывай, но жизнь — это жизнь. В ней есть и Париж, хотя Бродский наставительно советовал: «Не будь дураком! Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция». А мы именно во Францию. В 8-й раз. Дождь, насморк, годы, а мы все туда. Первый раз увидели Париж 5 апреля 1995 года

(автобусом из Дортмунда).

Париж. 14–21 октября

Отель «Вилла Евгения» на руе де Рома

Единственная поездка — 18 октября — Фонтенбло, прежде всего место охотничьих забав целой плеяды французских королей. И, увы, именно в замке Фонтенбло Наполеон Бонапарт подписал в 1814 году свое первое отречение.

21 октября — отлет на родину и давящая мысль: неужели больше мы не увидим Париж?

22 октября — тяжелый московский воздух. Серость и уныние. Взрыды и плачи по поводу 10-й годовщины «Норд-Оста». Правды о тех трагических событиях как не было, так и нет…

24 октября — вышел ноябрьский «Алеф», там помещена 1-я часть публикации «Смех и слезы. Юмор и сатира» дореволюционных авторов. Решил наперекор мрачностям развлечь читателей журнала в России, Америке и Израиле, развлечь и отвлечь, ибо, как писал Саша Черный:

И смех, волшебный алкоголь,
Наперекор земному аду,

Звеня, укачивает боль,

Как волны мертвую наяду…

И куча веселых и насмешливых цитат из давних текстов Осипа Дымова, Петра Пильского, Осипа Д'Ора и, конечно, Тэффи. Из рассказа Тэффи «Курица».

«Потом сели обедать. Ели серьезно и долго. Говорили о какой-то курице, которую когда-то ели с какими-то грибами. Иван Петрович злился. Изредка пытался заводить разговор о театре, литературе, городских новостях. Ему отвечали вскользь и снова возвращались к знакомой курице».

25 октября — напечатана Марина Цветаева в «МП». Тихо горжусь… А Светлана Комракова почитывает мой дневник и возмутилась: брюзга! Такие успехи и всем недоволен.

31 октября — печатная фабрика «Ю.Б. без сыновей» продолжает выпускать свою продукцию отменного качества: допечатал о парижских хождениях и впечатлениях. А в последующие дни вышли в «МП»: 28-го — Эраст Гарин, 29-го — Самуил Маршак, 30-го — Леонардо да Винчи, 31-го — Матильда Кшесинская, и еще — философ

Ильин в журнале «Наука и религия». Тук-тук, милый друг!

3 ноября — Эдик отметил наше с Ще 45-летие. Роскошные розы, «Шоколадница» на Тверской: блинчики с творогом и ягодами, капучино, торт «Опера», мороженое. А с утра я еще успел напечатать про Голду Меир. А на следующий день для книги «Дети войны» о своих военных воспоминаниях. Хотя это не мой жанр…

13 ноября — выступал в музее-квартире Алексея Лосева на заседании литературного объединения Арбата.

21 ноября — закончил книгу «Плач по возрасту», все время что-то добавлял, последнее имя — Борис Покровский. А концовку выкрутил так:

«Ну, а как же Плач во возрасту? Плач Ярославны, что ли? Плач, слезы, рыдания… Французский писатель Анри Дювернуа, обращаясь к женщине, говорит: “Как бы искренне ты ни плакала, рано или поздно нужно взглянуть в пудреницу”.

Практичный совет. Попудрили носик, и сразу возникает вопрос: “А что сегодня у нас на ужин?”

Это совсем другое дело. Откладываем книгу и идем кушать. Вот это финал, достойный любого возраста.

Питье, еда и никаких плачей».

26 ноября — хочется тепла, травки, зелени, а тут нагрянула зима. Снегопад. В голове вертятся строчки Георгия Шенгели:

Тиберий стар. Он, медленно жующий,
Все зубы стер, прожевывая Рим…

Вспомнил и написал свой вариант про римского императора:

Он вял и дряхл. А был-то ведь лихой.
Он раньше шастал в рестораны
И уходил в глушительный запой…
Тиберий стар. Он никому не нужен.
История, знакомая в веках.
Один, несчастный, коротает ужин.
Один – в печали и в слезах.

Возникает вопрос, а кто такой Тиберий? Согласно Советской энциклопедии, римский император 14–37 г. н. э., укрепил принципат августа — военную диктатуру рабовладельцев. В общем, по-нашему: редиска!

30 ноября — из потока событий: умер Борис Стругацкий. «Трудно быть богом?» Наверное.

Подарок от «Динамо»: разнесли ненавистный «Спартак» со счетом 5:1. 28-го побывал на 14-й книжной ярмарке нон-фикшн, переговоры-разговоры без конкретного результата. Писатель Андрей Яхонтов подивился моим трудностям: «Да ведь вас все знают». Может быть, и знают, но что это дает? Доклеил Парижский альбом фотографий. 30-го вечер, посвященный 45-летию «Аккорда» в музее Глинки. Все было ничего, но фуршет испортил все благолепие: все бросились, как голодные псы, к столам. Стало противно, и мы с Ще ушли. А так все было хорошо: ансамбль «Гренада», фортепианные пьесы Шуберта и Бузони, в заключение — джаз.

В «Хаме» на Водном стадионе предложил начальствующей Грете издать «Плач по возрасту», безгонорарно, и раздать в подарок всем ветеранам. Грета: как благородно! И тут же вздох сожаления: но денег нет…

16 декабря — в начале декабря (в декабре забыл написать точную дату) — отлично организованный вечер в знаменитой Некрасовке. Собралось под 50 человек. На стенде выставлены мои книги и вручено поздравление: «Сердечно поздравляем вас с юбилеем. Вы талантливый журналист, публицист, писатель. Вы вносите значительный

вклад в развитие современной литературы, болея душой за Отечество: стремитесь содействовать сохранению и популяризации богатейшего исторического, культурного и духовного наследия нашей страны».

Короче, вклад есть, а наград и премий нет. Парадокс… Но я не сетую, я живу как портной Мотэле Иосифа Уткина: «Прикажете плакать? Нет так нет! — И он ставил заплаты на брюки и на жилет».

На вечере я выступал часа два, где-то устал, замолчал, и Раиса Васильевна строго спросила: «Юрий Николаевич, где вы, ау?» А еще какой-то певец оживил вечер пением и слезно просил: «Ямщик, не гони лошадей!» После предложил свои книги, и купили штук 10 по 350 ре. А какой-то экскурсовод попросил подписать принесенный из дома «Огненный век», сказав, что очень помогает в работе.

В «Алефе» вышла 2-я часть Сатиры и Юмора и рецензия на Дневник: «Дела и миражи». В «МП» — Самуил Маршак. И уходы-уходы: Галина Вишневская, мой ровесник писатель Василий Белов, мультипликатор Федор Хитрук, русская Бриджит Бардо — Наталья Кустинская. И морозы, каких не было в декабре 75 лет. Да, еще пошел в

издательство «Русский мир», но там патриоты приняли меня сурово и нахмуренно: для Некрасовки я — популярный писатель, для «Русского мира» — явный чужак, не Проханов с Личутиным, приспешник Запада.

17 декабря — не выхожу из дома, опять боли в желудке, температура, а тут еще поэт Ваншенкин подкачал и расстался с жизнью. В Архангельске печатается «Опасная профессия», и никак не могут напечатать и привезти. Штейнбах: «Странные эти архангельские ребята северные».

А теперь прибегну к старому советскому термину «оживляж», когда скулы сворачивали от пропагандистских идеологических материалов. 8 декабря вышла 2-я часть «Смех и слезы», и там собрано много перлов, к примеру, эпиграмма Луначарского на Демьяна Бедного:

Демьян, ты мнишь себя уже
Почти советским Беранже.
Ты, правда, «Б», ты, правда, «Ж»,
Но все же ты не Беранже…

А записные книжки Ильи Ильфа, искрящиеся неподдельным юмором:

— Перестаньте влачить жалкое нищенское

существование. Надоело.

— Тяжело и нудно жить среди непуганых идиотов.

Тонкий ироник Эмиль Кроткий:

— У строителей воздушных замков всегда хватает стройматериалов.

— Когда вагоновожатый ищет новых путей, вагон сходит с рельсов.

Улыбнулись? Теперь двинемся по дневниковой хронике дальше.

23 декабря — пытался взяться за работу и не смог. Болезненное состояние. А тут еще истерика в СМИ по поводу американских санкций в связи с делом Магнитского, уморенного в нашей тюрьме. Российское общество поляризовалось: одни горят ненавистью к американцам, другие яростно ненавидят наш режим — алчный и наглый. Жируют чиновники, банкиры, силовики, а народ нищает. И ненависть к думцам, которые принимают антинародные законы. В «МК» объявление на первой полосе: «Интеллигентная американская семья возьмет на воспитание умственно отсталого депутата Госдумы».

И снова отличился ВВП. На пресс-конференции он осадил женщину в возрасте, задавшую ему неудобный вопрос: «Вас как зовут? Мария? Сядь-

те, Маша!» На что женщина адекватно ответила: «Спасибо, Вова!» Зал онемел от подобной дерзости первому лицу.

25 декабря — у Ще рухнули две печатные площадки: «Москвичка» и «Студенческий меридиан». Обычная история шатающегося времени. Главное — здоровье. Из-за плохого самочувствия не поехал в «Аккорд» на Рождественский вечер, на котором представляли мою книгу о ретроэстраде.

28 декабря — два дня подряд Жорик с подачи Эдика возил меня в РАМБАМ для проведения анализов. Прояснилась картина: камни в желчном пузыре — надо оперировать. А пока диета: стол № 5. И непременно мерить давление, чего я не делаю. Последнее: 160 на что-то. Звонила Катерина из Звенигорода, у нее вышла первая книжечка, и что я являюсь ее «крестным отцом». Подтолкнул к писательству…

30 декабря — пытался работать и печатал вставочки про великих старух из театра: Турчанинова, Пашенная, Рыжова.

31 декабря — Новый год встретили с бокалом «Смирновской воды», хотя в шкафчике-баре стоя-

ли бутылки «Мартини», коньяк «Камю», какое-то «Бордо» и еще что-то, и при всем этом обилии — минеральная водичка. Ирония судьбы и восклицание попугая «Дожили!». Легли в 1:30. Что сулит новый год? Что ожидать, помимо книги «Опасная профессия: писатель»?

Промежуточные итоги

В мае 2012 года сделал попытку подсчитать, сколько сочинил биографий-эссе в жанре мини-ЖЗЛ. Если не ошибся в подсчетах, то:

Русские дореволюционные писатели-классики (от Ломоносова) — 57.

Писатели XX века, в основном советские — 277.

Философы, мыслители — 21.

Писатели и философы Запада — 73 + черновик Руссо.

Актеры и режиссеры — 38.

Композиторы — 28.

Художники, скульпторы, архитекторы России — 30 (последний Фальк), Запад — 25.

Итого более 500 портретов-эссе. А еще отдельные политические и общественные деятели.

А если прибавим 3 книги об эмиграции (2017–2019), то как минимум еще 200 персон (5 апреля 2020 г.).

Ну, а Париж требует подробностей.

Париж, 2012

Ну, вот и Париж позади. Вчера поднял большущее досье на Париж и Францию, и там случайно наткнулся на строки неизвестного мне Валентина Резника («Юность», 1990):

Все, о чем так безумно мечталось,
Все, чего так хотелось тебе,
Вдруг случилось, состоялось,
Ветром счастья прошло по судьбе…

Действительно, безумно хотелось в Париж. Еще раз увидеть. Походить по нему. Попрощаться с городом (уж точно больше туда не приедем). И вот «случилось, стряслось, состоялось». Очень помешали 4 фактора: неудобная далекая от центра гостиница, несколько раз принимавшийся за свое гнусное дело дождь, а осенний дождь — не летний. Конечно, возраст: ноги и быстрая утомляемость. И последнее: насморк, из носа лило, как из ведра. «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!» Париж есть Париж, он стоит мессы, фимиама, восторга и наслаждения: город прекрасный. Архитектура, история, аромат,

туристическая суета и праздность. К сожалению, нет сил писать подробно, — да и зачем? — поэтому кратко, сухо, информационно. В случае чего потом припишу дополнительно. Итак, по дням:

14 октября, 1-й день. Прилет, размещение. Ступеньки Гранд-Опера.

Встали в 5 утра, в 6 — приехала «тойота» от «Миледи». Меньше получаса и 1200 р., и Шереметьево, новый терминал Е. Часа три кантовались там. И, наконец, французский аэробус А-321, взлет в 10:19, приземлились в аэропорту Шарля де Голля в 14:00 (часы, как обычно, не переводил и жил по московскому времени). По прилету сразу ЧП: выбились из графика, и нас продержали в самолете минут 30, а потом в автобусе столько же: не выпускали, и все. Наши туристы покорно молчали, а оказавшиеся в автобусе итальянцы чуть не выбили окна. Затем быстро-быстро через контроль на выход. Колошматит дождь, все серо вокруг, и сверлящая мысль: а зачем приехали?!

Ехали минут 20–25, не более, rue de Rome, Villa Eugenie, 4-й этаж, 601-й номер. Никакого сопровождающего гида, сами объяснялись с негритянкой-портье, оказалась тупой и требовала каких-то финансовых гарантий, хотя мы ей предъявили ваучер. Препирательство: она не понимает нас,

мы не понимаем ее, — вот оно, незнание языка! Наконец стали обладателями ключа с бомбошкой (кистями) и вошли в номер, предварительно поднявшись на лифте. Номер крохотный: дверь с балконом, одна большая кровать, впритык стол, один стул и ванная комната с туалетом. Телевизор, но нет бара с напитками. Но жить можно. Проблема другая: далеко от метро, и тем более от Опера . Немного передохнули и отправились на встречу с гидом на ступеньках Гранд-Опера. 53-й автобус, один билет 1,90 евро, на двоих 3,80 (на наши деньги где-то под 160 ре). Какая-то сумбурная встреча в спецкомнате в музее Фрагонара и предложение поездок за дополнительные деньги, мы выбрали лишь одну поездку в Фонтенбло за 100 евро (на двоих), проигнорировав Лувр, Версаль, Нормандию и Бургундию (по отзывам, все было плохо организовано).

После «совещания» походили в районе Опера — дождь, голод, неуют. Париж — не Париж, где-то перекусили и обратно на 53-й. Вышли на нашей остановке «Кардинет» и в лавочке у араба купили на ужин бутылку «Эвиана» и две коробочки йогурта — «Perle de Lait», явно лучшего качества, чем продают у нас. Окончательно осели в отеле в 19:30 (вставали в Москве в 5 утра). Бриош с яб-

локами, эвиан — весь ужин. Немного футбола по ТВ, и залегли в 21:30.

15 октября. День 2-й. Монмартр, Людочка, «Фушон».

Первая ночь. Оказалось, балконное окно выходит на ж/д и по ней весело бегут подчас четыре поезда разом в разных направлениях, при закрытом окне слышно «нежно», при открытом — «погуще», но в целом это не мешало, зато вид был красивый: сверху уходила вдаль какая-то транспортная артерия и лента огней от фонарей и фар автомобилей, как вьющаяся гирлянда. У нас в Москве взгляд упирается в противоположный дом, а с другой стороны — в зеленый двор. В 8:30 встали и на первый этаж в «буфет», и все утра завтрак был одинаковый: брали по кусочку сервелата (вкусный), по две нарезки ветчины, запечатанный в пакетик сыр (иногда брали с собой) — вроде «Эдама», но вкуснее, горячую порцию омлета с чем-то, джус, кофе, полторы булочки, масло и две баночки джема. Вполне обильно и достаточно. Возвращение в номер, «ожидание животов», и в путь-дорогу. Никакого дождя, все сухо и вполне тепло, чуть теплее для наших одежек. Пошли вперед по «нашей Роме» и дошли до станции метро «Rome», поехали — Плас де

Клиши, Бланше, Пигаль, Анверс. Вышли в районе Монмартра, зашли в какой-то храм, а далее нашли улицу Лепиг и по ней дунули кверху. Первое наслаждение от Парижа — извилистые улочки, разнообразные дома, непременные магазинчики, особая атмосфера, приветливые люди — спрашиваешь, отвечают, улыбаются, увы, не как у нас… Очень круто вверх, дошли до Монмартра, с тыла: не лето — никакого коловращения, но салоны работают, художники сидят и рисуют. Немного прошлись и пошли спускаться по многоступенчатым лестницам. Купили Ще шляпу (7,50), фартук (10). На Клиши выпили по капучино (по 4,50). Да на Лепиге Ще нашла дом, где жил Репин и что-то там рисовал (смотри в книге Носика). Бредя по бульвару Клиши, Пигаль, Ще не давала мне заглянуть в разные двери порока… Снова метро, снова автобус и на своей остановке в траттории — брассери — салат и треска. В номер, передышка, сон, а в 16 часов пресловутые ступеньки театра Гарнье — Шарля Гарнье, Опера открылась в 1875 году. Подробностями заниматься некогда.

В 16 часов на ступеньках Опера встреча с Людочкой Лапшиной — специально из Нью-Йорка. Постарела, но спортивна. «Хочу вас сводить в лучшую кондитерскую Парижа — в Фушон!». Фу-

шон так Фушон. Сели в метро и куда-то поехали, точно не зная маршрута, по многим станциям, переходам, то поднимаясь вверх по лестницам, то опускаясь по ним вниз. Людочка ничего, а мы с Ще уже еле идем, Ще говорит: «Дальше не пойду! Никакой Маделены!» И вдруг — церковь Мадлен, она оказалась недалеко от Опера, а мы кружили-кружили, — бывает! Мистика: именно там впервые исполняли «Траурный марш» Шопена. Шопен нас и подвел! Зашли в «Фушон» на втором этаже — изысканно, дорого. Людочка заказала по пирожному (принесли поднос с образцами) и по кофе. Не могу сказать «ах!», но вкусно. Вышли и гуляли втроем. Скульптура «Часы», «Чемоданы», вокзал Сент-Лазар, улица Матадор, далее к Лафайетту. После «Фушона» гуляли более 4 часов. День получился насыщенным и гулятельным. Возвратились без ног. И легли по-московски в 22 часа.

16 октября. День 3-й. По Ситэ и по набережной обратно.

В 10 часов (или в 12 по Парижу) снова встреча с Людочкой у Шарля Гарнье, на ступеньках, и поездка в Ситэ. Под мелкий дождичек по Лютеции, где прекрасно сохранились памятники готического зодчества. Из метро сразу — ансамбль Дворца правосудия, который часто показывают

в кино. Далее — Нотр-Дам, около собора какие-то строительные работы. Небольшая очередь в собор. Вошли. Людочка: «Темно и неинтересно». Неинтересно, когда не знаешь истории: и первая коронация завоевателя Франции Генриха VI Английского в 1430 году, и в 1804 году — Наполеона Бонапарта. А 26 августа 1944 года торжественная церемония, посвященная освобождению Франции от фашистской оккупации. Сен-Шапель на ремонте. Двигаемся дальше. Фотографии в заднем парке Нотр-Дама и кофе в какой-то «Эсмеральде». Дошли до острова Сан-Луи, и у Ще идея найти дом, где жил и работал Роден с Камиллой Клодель. Вышли на набережную Бурбона и стали искать рю Анжу. Нашли. Но музей закрыт.

Перешли мост Сены, и Ситэ соединяется, кстати, 8 мостами с правым и левым берегом. Плывут кораблики, в перспективе виден замок Консьержери с двумя башнями Цезаря и Серебряной. Во времена Французской революции здесь в тюрьме томились Андре Шенье, Шарлотта Корде, Дантон, Сен-Жюст, Робеспьер, ну и, конечно, бедная Мария Антуанетта. А мы тем временем идем вдоль Сены и идем, и неожиданно выходим на Отель-де-Виль, перед ним пространство для гуляния, и опять же именно здесь когда-то проводил свои

метеоопыты Блез Паскаль, изучая давление воздуха. Нам не до опытов — дойти бы до Опера. Не дошли. Расстались с Людочкой, и в метро через кучу станций, благо они мелкие, как горох, через Сталинград до Ромы. Автобус, наша вилла Евгения, она же Женя, и рухнули на кровать — два часа провала или сна.

Помывка в душе. Вечерний променад по соседней улице Джофруа Аббасенс (а это кто?), и хватило еще немного сил на первый тайм матча Испания — Франция.

17 октября. День 4-й. Елисейские поля и вечером кафе с Людой.

Встали чуть поздно, сели в автобус 31 и доехали до Триумфальной арки, в конце Елисейских полей. И пошли вниз. Не лето, не океан людей, но озеро точно есть и, конечно, мало столиков на улице — прохладно. Зашли в «Marionland», rou avenue des Champs Elysees, и купили Ще парфюм — флакон духов, помада и перламутровый лак для ногтей от Диора на 95,04 с 20% скидкой. И еще каких-то пробников и кремов надавали — это русский менеджер Ольга — в Париже уже давно. Поговорили о Париже, о книгах, расцеловались и расстались, — очень мило. И далее по Шампс Элизе, зашли в какой-то музей внизу

Елисейских полей и вышли на улицу, где ателье кутюрье, снуют какие-то модели, и тут зарядил дождь. Пришлось «бечь» обратно вверх по Полям, прикрываясь зонтами. А тут еще одолела жажда кофе и пирожного, зашли вовнутрь дорогого кафе Георга V, я неудачно сел за столик и смахнул с соседнего приборы, зазвенело стекло, Ще объял ужас, но гарсоны и бровью не повели: не такое видели! А потом подошли к нам, что закажете, месье? Месье надулся, встал и пошел на выход. Георг V не состоялся, но зато зашли в кондитерскую бриош и осуществили кофейную мечту. А далее на 31-й и в конец де Ромы.

В 18:30 по-московски снова ступеньки Гранд-Опера (такое впечатление, что там встречаются все!), и пошли смотреть отель Людочки в районе Маделены. Крохотный номерок, но в холле улыбчивый портье и рядом лежащий на ковре маленький белый бульдожек. В номере Люда угостила нас дорогим коньяком, шоколадными бельгийскими «пуговицами» и миндалем. Посидели и пошли… ужинать. Выбрали какой-то ресторан, в котором не было ни одного посетителя, а потом, с моей легкой руки, он набился до отказа. Обслуживала некая Надя (с армянскими корнями) из Вологды. Еще одна Ева? Милая болту-

нья, которой я заморочил голову, говоря, что я из Австралии, с ужасным акцентом и исковерканным русским. Мои дамы хохотали. Людочка от нью-йоркских щедрот заказала фуа-гру, равиоли, артишоки, что-то еще, воду, хлеб, а потом кофе с мини-пирожными, которые я съел почти один, опять же под хохот: «Аннушка, как ты ему все это позволяешь?» Под конец я признался Наде, что я не из Австралии, а из России — старый писатель. «А с вами можно сфотографироваться?» Я позволил. Поцелуй в щечку и расставание. А мы далее двинулись потихоньку в сторону Опера, к остановке 53-го. Вернулись в номер в 0:25. Дождя не было. Вечер теплый, приятно парижский.

18 октября, четверг. День 5-й. Фонтенбло.

Поездка с 13:22 до 18:22. На автобусе (был полон наполовину) проехались по Парижу. Любуюсь из окна видами. Мост Александра III, башня Монпарнас, Дом инвалидов, пригород Монруж и т. д. А далее 60 км от Парижа по дороге совсем не подмосковной. Гид испанка Пахита неплохо тарахтела на русском языке. И вот Фонтенбло — первое упоминание о нем в 1137 году в грамоте Людовика VII. Ну, а позолоченные ворота возвели во времена Франциска I — начало XVI века. Длинные проходы по дворцовым комнатам и залам,

паркет под ногами как живой (сколько миллионов ног прошли по нему!). Картины, фрески, скульптуры, шпалеры. Как всегда, у Ще желание: пожить бы тут во дворце! У меня таких желаний совсем нет. В Фонтенбло — это история королевских забав и тревог, зависти и заговоров, любви и убийств. 10 ноября 1657 года в Галерее оленей убили маркиза де Моналдески, оруженосца королевы Христины Шведской, где-то тут царствовала мадам де Монтенон (о которой писали и Ще, и я), 5 сентября 1725 года состоялась свадьба Людовика XV с Марией Лещинской. Переустройство замка во время Наполеона, и тут 6 апреля 1814-го Наполеон подписал акт отречения в гостиной императора, а 20 апреля прощался со своей гвардией во дворе Подковообразной лестницы. А потом Наполеон III, времена французской республики, оккупация.

Число зал — 1536, не считая подсобных помещений, более 100 га парков, число посетителей в год — 300 тыс. Ну, и всякие сад Дианы, грот Сосон, Двор принцев, часовня Троицы и т. д.

Вернулись к Опера, хотели пойти в Лафайетт, но дождь, и поехали на свою окраину, где выпили кофе, съели какие-то булочки, купили молочные изделия — йогурты. Сели на большую кровать и

меланхолически смотрели в окно. Потом я сел к столу и написал:

Небесный вождь,
За что ты так?
Все дождь и дождь
И жизнь впросак…
А мы-то думали: Париж
Пригреет солнцем и любовью.
А тут дождина со всех крыш,
И хочется сказать всем «Кыш!»
С такою заграничной новью…
Нет лучше дома в Тетюшах,
В Мытищах или Кологриве.
У нас ведь ширь, у нас размах.
У нас ведь Ленин жил в Разливе!
У нас ведь Путин-журавель,
У нас готовятся ведь к Сочи.
А тут, в Париже, Я и Мель,
Дурак, простак и пустомель,
Но шибко умный! Да не очень…
А Ще смеется: ей смешно,
Что опростоволосились на пару.

Хайям сказал: так пей вино!
Судьбу не принимай за кару!

19 октября, пятница. День 6-й. Около Лувра, Тюильри, Конкорд.

Ноги болят, но все равно в путь. 5 часов вполне достойная норма для пенсионеров. Поехали к Опера, — автобус не довез, — языка не знаем, причина неясна. Пошли пешком. Вышли к Лувру, к Пирамиде, там какие-то русские немцы из Казахстана: «Не подскажете, что тут можно посмотреть?» Жаловались на Германию: только арбайтен, работа и работа, поговорить не с кем. Покрутились у Лувра, затем Риволи, аркады с магазинчиками. Купили мне рубашку — 35 евро и шарф — 23. Где-то у Пале-Руаль зашли в ресторан-кафе, выпили пива и съели одну пиццу «Маргариту» (не итальянская, хуже) на двоих. Ну, а около Лувра испытали приятное чувство: Лувр рядом. Спрашиваю Ще: хочешь зайти? Ще: нет, картины задавят. Ну, конечно, Мона Лиза, Эль Греко, Гойя… Действительно, как-то не хотелось, была лишь приятная возможность: рядом! А вот по Тюильри среди скульптур, цветов и фонтанчиков было приятно пройтись. Кстати, дворец Тюильри был сожжен французскими

коммунарами.

Вышли на площадь Согласия (плас де ла Конкорд) и побрели дальше по приятным парижским улочкам и авеню. Нашли ресторан «Ле ройял» около фонтана на Плас Андре Мольро (Malraux) — взяли пиво, эвиан, Ще — лазанью, я — рыбу саймон, и вкусно поели. 42,70 евро, а рубашка-то хорошая — 35! И как жить в Париже?

Потом еще кофе добавили с бриошем, и на автобусе обратно в отель. По ТВ какая-то ерунда: мало каналов (специально для отеля?), много рекламы, шоу и разговоров. В 23 часа залегли.

20 октября, суббота, 7-й день. Торговый центр Лез-Аль, Центр Помпиду.

Последний день перед отлетом, и куда податься бедному крестьянину-пенсионеру? К готической церкви Сент-Эсташ, где рядом лежит голова-скульптура Анри де Миллера и к которой мы когда-то с Ще подходили, и рядом новый Форум-дез-Аль, торговый, вместо снесенного «Чрева Парижа», описанного Эмилем Золя и закрытого 27 февраля 1969 года, что стало черным днем для парижан. Короче, едем к «фисташкам». Добрались на автобусе-метро (целая эпопея с билетами в автомате), и — дождь. Зашли в церковь, зажгли баночку со свечой. Постояли. Громадный собор,

и практически никого, сказывается, очевидно, идущее рядом грандиозное строительство. Да, до этого из метро попали в торговый центр Лез-Аль, грандиозный, но Ще там затошнило от обилия магазинов, и мы быстренько его покинули, правда, с трудностями, где выход, где «сортие»? А из него в Сент-Эсташ. А далее доблестно с зонтами двинулись в сторону Бабура, Центра Помпиду, и дошли. Господи, всё рядом! С криком радости Ще бросилась к скульптуре Зидана-Матерацци, бодающихся футболистов. А далее сели в баре-мороженом, — опять одни! — и умяли по баночке мороженого разнообразного и вкусного, и кофе. А бар называется «Аморино».

Далее Сена, но все книжные развалы закрыты на замочки на ящиках, к Консьержери и так далее, «вдыхая Парижа аромат», если перефразировать романс. В туристическом центре набрали буклетов. И снова Гарнье — постоянный гарнир к путешествию! И на басе в отель. Отдохнули, поспали, Ще стала собирать вещи. Прогулка по Джофруа Аббансу в поисках кофе и пирожных, но что есть навалом в центре, того на окраине почти нет — только необходимое и обыденное, но в разнообразных количествах и хорошего качества, часть лотков на улице и выбирай. По-

следний вечер в номере. По ТВ об Уитни Хьюстон (годовщина смерти) и свеженькая — Сильвия Кристель, 60 лет исполнилось в сентябре — бесподобная эротическая Эммануэль (я ее представил в книге «Плата за успех»). Соблазняла, будоражила, — и все, финиш секс, как сказала бы девушка из Сан-Ремо.

21 октября, воскресенье, 8-й день. Отлет.

Прощай, Париж. Париж наших грез. «Он часть истории, идея, сказка, бред» (Валерий Брюсов, 1903). Культурная Мекка. Как каждый мусульманин мечтает совершить паломничество (хадж) в Мекку для молитв и очищения, так и российские интеллигенты мечтают приобщиться к Парижу, подышать им, помолиться ему.

Проснулись в 5 утра, заснули снова и встали в 9. Физически разбитые, но с осознанием, что усталость пройдет, а Париж будет постоянно всплывать в памяти. Позавтракали без вкуса, и уже дорожный настрой. Опять дождит. Вышли в местные окрестности и натолкнулись в отдалении на бульвар Пьерре, — надо было погулять там, но уже поздно. В 12:15 спустились в холл с сумками. Короткое ожидание, и за нами приезжает авто, араб Александр лихо болтает по-русски (жил в Перми): доволен Парижем и жизнью,

работы навалом, и только ленивые сидят на пособиях.

Аэропорт Шарля де Голля, отсек 2Е огромный, проход через «машину» — Ще разобралась, я нет. Кусок сыра в дьюти-фри, какая-то еда, и в самолет, тот же А-321 — «бонжур» и «мерси». В самолете Ще болтала с какой-то новосибирской принцессой, повзрослевшей Стасей: «А это романтично?» Прилетала повидаться в Париже с женихом из русских немцев. Дура дурой… Летели 3,10 с двумя заходами над Шереметьево, такси от «Миледи». И вот в 23:15 мы уже дома. После отеля наша квартира — хоромы, где можно свободно ходить и гулять.

Дополнения к Парижу

Как оценивали Париж наши предки?

«Кто сам в себе ресурсов не имеет, тот и в Париже проживет, как в Угличе» (Денис Фонвизин, из письма, 1778).

«Слабое перо не в силах изъяснить впечатление сих поражающих видов! (Александр Краснокутский, русский офицер, вступивший в 1814 году в составе союзных войск).

«Время течет здесь как вода, как деньги: не успеваешь оглянуться, как уже нет дня, недели.

А голова кружится, и в суетах позабываешь нужное» (Михаил Погодин. Дорожный дневник, 19 мая 1839).

«Париж, что там ни толкуй, — единственное место в гибнущем Западе, где широко и удобно гибнуть» (Александр Герцен, из письма).

«Несмотря на скверную погоду, в Париже чувствуешь себя удивительно крепко, работать хочется, только негде, всё рыскаем» (Илья Репин, из письма Вас. Сурикову, 15 октября 1873 г.).

«Париж оставляю, несмотря на усталость, неохотно» (Михаил Нестеров — О. Нестеровой).

О, сколько русских побывали в Париже! В «Отеле де Виль» принимали Николая II и императрицу Александру Федоровну, позднее давали обеды в честь Хрущева, Брежнева, Косыгина и Горбачева. А площадь перед мэрией когда-то называлась Гревской и была местом казни. На Риволи за столиком в кафе сидел Александр Блок. В кафе на Пале-Руале сиживали Герцен, Бакунин, Белинский и Маяковской. Разумеется, в разное время. В театре Елисейских полей (авеню Монтеня, 13) проходили «Русские сезоны» Дягилева, гастролировал тут Художественный театр, а в 1923 году — камерный театр Таирова. Собору Парижской Богоматери посвящал стихи Осип Мандельштам:

Но чем внимательнее, твердыня Notre-Dame,

Я изучал твои чудовищные ребра,

Тем чаще думал я: из тяжести недоброй

И я когда-нибудь прекрасное создам.

Сколько было во французской столице русских — жили, ходили, вздыхали, разговаривали, работали, любили, — не перечесть! Борис Носик в своей книге по поводу сада Тюильри писал: «Успевай только оглядываться, полюбоваться — так коротка жизнь, где они все — Тургенев, Полина Виардо, Белинский?»

На Елисейских полях есть аллея Марселя Пруста. Куда он в юности приходил с замиранием сердца на свидание с юной Мари (потом он изобразил ее в образе Жильберты). Об иностранных литераторах и говорить не приходится — в Париже их был легион!

Квартал Пале-Руаль — «сколько ни говори, еще и на завтра останется». А проститутки в галереях Пале-Руаля в старые времена! И живьем, и в объявлениях: «Жюли, брюнетка, довольно красивая, большие груди, все умеет, на все готова… Цена 6 ливров». Раньше ливры, теперь евро, но суть

неизменна: продажная любовь. «Нимфы удовольствий», «лоретки» или как там еще называли женщин, для которых любовь являлась работой.

Париж — город порока, но и город прогулок. Жаль, не побывали в квартале Маре, в Вогезах, да и рю Пигаль не изучили, а тут жили писатели и художники: Бодлер в доме № 60, в 55 — Гюго, в 28 — Боннар, в 16 — Жорж Санд с Фредериком Шопеном, и даже где-то бедняга Ван Гог. На улице Фонтен был когда-то кабак «Омар Хайям», где играл на гитаре Саша Масальский. Бульвар Клиши, где жили Дега и Пикассо, Тулуз-Лотрек и Сёра. Квартал и бульвар Батиньоль, здесь селились польские и русские эмигранты. А еще жили Золя, Малларме, Верлен. Вокзал Сен-Лазар, к которой выходит рю де Рома. Клод Моне написал 11 полотен из серии «Вокзал Сен-Лазар». Отсюда на родину через Гавр уезжала Марина Цветаева и писала последнее письмо Анне Тесковой от 12 июня 1939 года.

А кладбище Пер-Лашез. Мы там были с Эдиком и практически не нашли ни одну знаменитость, а там! От Мольера и Абеляра до Айседоры Дункан, батьки Махно и коммунистов Мориса Тореза и Жака Дюкло. И, конечно, Бальзак, Мюссе, Оскар Уайльд, Лафонтен, мавзолей Демидовых… На

Пер-Лашезе целое кладбище возлюбленных Наполеона — мадемуазель Дюшенуа, мадам Саки, мадемуазель Марс, Тереза Бургуан, Полина Белиль, Мария Валевская, мадемуазель Жорж (позднее она переключилась на нашего графа Бенкендорфа, сперва адъютанта, затем шефа жандармов). Нет, в этот раз не было желания посещать кладбища, да и метро настораживало.

В досье обнаружил статью: «В Парижском метро заблудишься, в Лондонском лоб расшибешь, в Нью-Йоркском просто ограбят, в Мадридском с ума сойдешь» («Неделя», 1995). В этот раз метро пугало: сплошные переходы и лестницы. И, конечно, за прошедшие 7 лет, когда были в Париже, город почернел: очень много черных, и неожиданно в груди возникает приступ расизма. Из статьи «За рубежом» (1989): «Современные французы считают главной чертой своего национального характера острый ум, рационализм, тяготение к ясной, точной, логичной, изящно сформулированной мысли. Во Франции любят повторять: “Неясно — это не по-французски”».

Н-да. Но сколько в Париже истинно французов? Наверное, не больше, чем коренных москвичей в Москве. Эмигранты, гастарбайтеры, глобализованный мир. Смешно, но Лев Троцкий утверждал,

что Париж похож на Одессу, только Одесса лучше. Нет, конечно, парижане другие, чем одесситы и москвичи, более приветливы и более улыбчивы. Мы мрачнее и угрюмее.

И возвращаясь к Гранд-Опера: оказывается, в здание вложен красный порфир из Финляндии, черный порфир из Бельгии, зеленый мрамор из Генуи, аметист из недр Монблана, гранит из Шотландии. И эти ступеньки, перед которыми часто выступают самодеятельные музыканты и группы, что мы все время возвращались к ступенькам Опера, и они нам более чем надоели (усталость, усталость!), и я вспомнил строки отчаявшегося в эмиграции Георгия Иванова, нищего и больного:

И что же делать? В Петербург вернуться?

Влюбиться? Или Opera взорвать?

Иль просто – лечь в холодную кровать,

Закрыть глаза и больше не проснуться.

Бедный-бедный Жорж… И еще о печальном. Феликс Кривин в своих симпатичных заметках «В местечке Париже» («Юность», 1990) писал, что в замке Консьержери он попал в комнату, где на стене были списки казненных во Французскую революцию — 2780 человек, которые погибли на

гильотине. И он задал вопрос: а сколько погибло в России? Что было, то было. А сейчас в Париже — площадь Согласия (Конкорд), хотя были попытки ее переименовать — и в Революцию, Людовика, то 15-го, то 16-го. Но в конце концов зуд переименований прекратился: плас де ла Конкорд. Согласие — и все! Отлично распланирована, а от Триумфальной арки — площадь Звезды (Этуаль) расходятся лучами улицы.

Ну, а Фушон, точнее, Фошон, и там магазин Маркиза де Совеньи — превосходный выбор шоколада. Ну, и не попали в главный «Галери Лафайетт» — магазин ведет свою родословную от идеи магазинчиков «Бомарше» — по сходной цене, по дешевке. Но нынешний Лафайетт, конечно, не дешевый, но доступный, демократический. Интересно, что приодеться в Париже дешевле, чем питаться и пить «Эвиан», а у нас все наоборот.

Ну, и чем кончить эти заметки вдогонку? Может, гневом Владимира Владимировича Маяковского, удивленного парижанкой в уборной ресторана:

Или мне наврали про парижанок,
Или вы, мадемуазель, не парижанка.

Выглядите вы туберкулезно и вяло.

Чулки шерстяные… Почему не шелка?

Почему не шлют вам пармских фиалок

Благородные мусью от полного кошелька?

Почему да почему. Да потому. Пожил бы ныне в России Владимир Владимирович во времена другого Владимира Владимировича, и что бы, интересно, запел про российские полные кошельки?

Ну, а теперь все. Оставим Париж в покое. Сознание и память, что мы там с Ще снова были, греют душу…

27 октября 2012 г.

2013 год – 80/81 год

Не изменить, что нам готовят дни!
Не накликай тревоги, не темни
Лазурных дней сияющий остаток.
Твой краток миг! Блаженствуй и цени!

Омар Хайям

Год черной змеи. Предыдущие змеиные годы: 1941, 1953, 1965, 1977, 1989, 2001. Расшифровывать эти годы нет сил, оставим расшифровку Дмитрию Медведеву — Димону, который признался журналистам после пресс-конференции (при отключенном микрофоне): «Я мог бы трепаться бесконечно». И этим признанием себя разоблачил. Сибарит, краснобай, пустомеля, квазигосударственный человек.

Два месяца не вел дневник. 28 февраля вернулся к записям и вспоминал, как попал в больницу. Итак:

4 января — терпению боли пришел конец —

и скорая отвезла меня в больницу № 50 на ул. Вучетича. Сразу куча анализов, лекарства, капельница. Лежал в палате № 403 на шестерых, но вначале нас было четверо.

6 января — утром в палату пришел хирург и сказал, что откладывать операцию нельзя, а потом, после нее, признался: «Вы были на флажке».

Пришла медсестра, побрила низ живота, раздели донага, прикрыли белой простыней и повезли в операционную, как на плаху. Лежал и думал: это конец или еще нет? Операция проходила под наркозом и длилась более 3 часов. Помню, что хирург похвалил, что я не толстый, а худой. Вырезали желчный пузырь с камнями и даже подарили их в мешочке, и, естественно, я их выбросил: нам такие сувениры не нужны. После операции я был в состоянии грогги, и Ще осталась на ночь (благо рядом пустая кровать) и помогала в некоторых движениях, а я лежал с двумя пластиковыми пакетами, куда стекала жидкость. А еще молодец Эдуардо, который снабдил меня бутылочками дорогой воды «Эвиан».

В свою очередь я подарил лечащему хирургу-дагестанцу Али Исаевичу книгу «Культовые имена». Он вертел книгу в руках и никак не мог понять, что это такое? Подобного он отродясь не

читал. А на следующий день в палату ворвался главный хирург: «А где моя книга?» Обычно дарят врачам деньги или коньяк, а тут невидаль: авторская книга. А сестре, которая делала перевязки, подарил «Веру, Надежду, Любовь». Она из Кабардино-Балкарии. А еще в больнице практиковал латиноамериканец Хулио Санчес, чему я страшно удивился и написал строки:

Зачем тебя занесло, Хулио, в Россию,
Сидел бы в своей Никарагуа,
Где растут бананы и небо синее,
Где звонко кричит попугай ара.

В больнице пролежал 2 недели (4–17 января), и все соседи по палате охотно рассказывали историю жизни и болезней и удивлялись на меня: «Неужели вам 80 лет?» Очевидно, несмотря на послеоперационный вид, на почтенную старость никак не тянул. Первую неделю ничего не ел, только пил. Распух язык, ушел голос, губы покрылись коркой (от лекарств?) — короче, 33 удовольствия. Но при этом Ще хвалила меня, что я не раскис, а я хвалил ее за каждодневные посещения.

17 января — я уже был дома. Приходил в себя,

носил немецкий бандаж и боролся с горечью во рту (желчь поднималась кверху). И Ще в последующие дни провожала меня в поликлинику на перевязку. И домашнее питание: вегетарианские супчики и каша «Геркулес», которую я переиначил в «Гургулес». Из-за наркоза подсели глаза. А кое-кто в январе-феврале «сыграл в ящик»: композитор Оскар Фельцман, «Ландыши» отцвели и опали? Ушел философ Григорий Померанц, член «Клуба 1932» Фридрих Незнанский, автор ужасного романа «Тля» черносотенец Иван Шевцов, боксер Владимир Енгибарян, певица Ирина Масленникова, кинорежиссер Алексей Герман (фильм «Проверка на дорогах»). Неужели и на том свете проверяют?

А в период, когда я не вел дневниковые записи, кое-что вышло в СМИ, но, правда, не все, что ожидал. В «Алефе» я представил в январском номере будущую книгу «Плач по возрасту». Там много собрано чего, к примеру, «Три возраста человека: молодость, средний возраст и “Вы сегодня чудесно выглядите!”» — так классифицировал возраст американский кардинал Фрэнсис Спеллман. Другой американец, Боб Филипс, ехидно отмечал: «Жизнь делится на три части: когда ты веришь в Санта-Клауса, когда ты не веришь в него и когда

ты уже сам Санта-Клаус». В февральском номере (и окончание в мартовском) вышел Лев Копелев: «Гуманист негуманного времени».

Запущена рубрика «Погода и слово» в журнале «Наука и религия» (январь, февраль — первые два номера). И три публикации в «Московской правде» (сокращенно «МП»): 23 января — Леонардо да Винчи, 2 февраля — дуплетом Лев Копелев и 7 февраля — «Московский Цицерон» (Вадим Шершеневич). Сначала эгофутурист, а затем стал одним из идеологов имажинизма. В Декларации имажинизма (январь 1919) выражено неприятие политики нового государства в области искусства. «Долой государство! Да здравствует отделение государства от искусства!» Умница, Цицерон и бунтарь Вадим Шершеневич прожил не так много: умер в мае 1942 года в эвакуации, в барнаульском госпитале. О нем мало кто вспоминает, а я отдал ему маленькую дань с большой хвалой.

Позвонил какой-то читатель, возбужденный книгой «Ретроэстрада», и сообщил: «Я вас люблю». Я возразил: «Я не женщина, чтобы меня любили».

28 февраля — возобновил записи в дневнике. Эпохальная запись: выходили с Ще в магазин.

Много льдистого грязного снега, какие-то торосы. Депрессивный день, и хочется запеть дурным голосом: «Когда весна придет, не знаю!» Наверняка придет, и даже завтра. И как на собрании: «Не надо волноваться, товарищи!»

И все время идут наплывом воспоминания о больничных днях, как уважительно меня называли сопалатники: Патриарх и Николаевич, как однажды доктор привел студентов и, показывая на меня, стал объяснять, что произошло со мной и как меня лечили. Чувствовал себя не экспонатом на выставке. И попросил доктора обратиться к студентам с маленьким напутствием. Он разрешил, и я сказал студентам об их благородном выборе в жизни лечить и спасать людей. В первую очередь думать о профессии, а не о деньгах и заработке, деньги придут потом… В какой-то день сосед-строитель орал по мобильнику: пока он лежал в больнице, уволили его и всю его бригаду.

А вернулся из больницы и окунулся в истории, рассказанные нашими СМИ. О непутевых матерях, бросающих своих детей, а Дума против их спасения в американских семьях. О том, что Депардье дали русское гражданство, и крик Юлии Калининой в «МК» о том, что «властям плевать на

своих граждан, зато какой-нибудь хрен с горы — это им дорогой гость». Кирилл Рогов в «Новой» (27 февраля) о том, что мы строим невиданный род «коммерческого тоталитаризма» с элементами фундаментализма, корпоративизма, полицейское государство, а средний городской класс объявлен персональным врагом режима. Оп-па… Можно вспомнить и дореволюционного философа Георгия Федотова: «Ненависть к чужому, нелюбовь к своему — вот главный пафос современного национализма». Какое уж тут либертэ, эгалитэ и фратернитэ. Сплошное мракобесие с ксенофобией.

Евгений Ройзман с печалью отметил: «Закрываются последние книжные магазины. У молодежи утеряно чувство языка, люди с высшим образованием не читают и не умеют грамотно писать».

Молодые кричат «Вау!», старые падают в обморок. И на этом фоне я продолжаю свою просветительскую деятельность, сочиняю «умные» тексты.

2 марта стукнул 81 год. Анна Николаевна из Тютчевской библиотеки позвонила, поздравила и сообщила, что на сайте «Эхо Москвы» поместили рейтинг родившихся 2 марта: Горбачев, какой-то миллиардер, актер Пореченков, на 5-м

месте — Ю.Б., далее экс-премьер Степашин и т. д.

4 марта — начал заниматься Анной Карениной, отложил и перешел к А.Н. Островскому. Капризно-прихотливый сочинитель.

12 марта — и снова утраты: не доиграл Ван Клиберн, не дописал Борис Васильев. Обзванивал ВИПов на свой вечер в ЦДЛ, в том числе Алле Гербер: «Юрочка, спасибо, но я уезжаю».

16 марта — закончил маленькое исследование про Анну Каренину — в книге, в театре, на экране. 23 страницы. На улице вода, снег, лед. Не выходил. Расставшись с Карениной, приступил к Рахманинову и начал с чтения чужой книги «Рахманинов. Две жизни». А после напечатал свой вариант — 14 страниц.

23 марта — СМИ кипят по поводу убийства Бориса Березовского: убийство? Самоубийство? Просто смерть? Миллион версий. Развеселая политическая жизнь: педофилы, американцы-убийцы, «пиндосы», нелепые и звероподобные думские законы, обыски, аресты, суды и вот венец — Борис Березовский.

Вечером по ТВ старый фильм Антониони «Фотоувеличение» (1966) — снято завораживающе. И

опять, а что мы?

24 марта — презентация альманаха «Чонгарский бульвар» в библиотеке Тютчева. Выступали оба. Отклики: «Какие знаменитые люди к нам ходят!» «А какой мужчина! Яркий!» Я яркий? Увы, уже блеклый…

28 марта — в 13:40 приехал «мальчик» и притащил две пачки новенькой книги «Опасная профессия: писатель». 20 штук. Толстенный том, хорошая бумага, крупный шрифт. 640 страниц. Еле-еле доехала фура из Архангельска. В книге 57 блистательных имен, от Горького до Довлатова. И громко известный Бабель, и почти забытый Пильняк, «Я выбираю свободу!» — Александр Галич, и «Текст — это жизнь» — Лев Лосев и т. д. Тираж 1000 экз.

29 марта — закончил нового «клиента» — Лев Лунц, и посидели втроем с Наташей, приехавшей из Германии, в кафе «Чайковский» на маяковке. 26-го Борису Давидовскому исполнилось бы 80 лет. Но не дожил до внуков, родившихся уже на Западе. Дойч-внуки.

2 апреля — в ночь смотрел отличный футбол ПСЖ — «Барселона», 2:2.

4 апреля — в знак протеста против рецидива зимы («Восемь месяцев зима, / Вместо фиников — морошка», — как возмущался Саша Черный) печатал про июнь для «Науки и религии». Лето хотя бы на бумаге. А потом пришлось ехать в ЦДЛ (очень просили: явка!) на отчетно-выборное собрание членов клуба ЦДЛ. Единственно приятный момент: Кирилл Ковальджи подарил свой сборник стихов с надписью: «Юрию Безелянскому — с восхищением!» Ну, а само собрание — голубая муть. Привлек внимание книжный стенд с выставленными моими книгами перед вечером.

После ЦДЛ поехал в «Науку и религию», получил два номера: март и апрель. Тираж 20 тыс. экз. Крохотуля, но есть свои многолетние читатели. Текст и подбор стихотворных строк читается хорошо.

Город зимнее снял.
Снега распустили слюнки.
Опять пришла весна,
Глупа и болтлива, как юнкер.

Это Маяковский, «Весна», 1918. А вот иное сравнение. Семен Кирсанов:

Наконец-то апрель,

Наконец-то капель,
Наконец-то запел
Хор весенних капелл…

Эх, все бы это в книжечку, да с иллюстрациями. Но мечта так и осталась мечтой. (7 марта 2020 г.)

Получил журналы, крохотный гонорар, точнее, гонораречик. А Ще по моей просьбе отправилась на Савеловский, в «Алеф», там гонорар покруче — 120 долларов. И тоже 2 журнала: апрель — Галина Вишневская, май — Григорий Померанц. Вишневская и Померанц достойны развернутых цитат из текстов, но объем, объем. Книга распухает на глазах.

8 апреля — вечер в ЦДЛ «О времени, о книгах, о себе». В зале наполнения на ¾ — человек 70. Присмотрелся: из писателей — никакого, хотя приглашал многих. Пришла Анна Николаевна, хотя у нее был выбор: спектакль в театре «Шалом» и юбилей Ю.Б. Она сомневалась: а куда? Но ее подруга убедила: «Зачем вам жиды с их фаршированной рыбой?» (н-да, обычный бытовой антисемитизм). Рассказывал минут 50 (и это без половины зубов). После были выступления, среди которых был Сергей Луконин, сын поэта Михаила Луконина. И 6 букетов цветов. Издательство

привезло книги, но продали, кажется, штук 15, не более. Дорого: 400 (а в магазине накрутят до 600).

В «МП» к 190-летию Александра Николаевича Островского вышла моя публикация «Бешеные деньги на сцене и в жизни». Она разбита на главки, первая «Певец Москвы»:

У Петра Вайля есть книга «Гений места», в ней рассказано, кто из деятелей культуры воспел какой город. Рим — это Петроний, Афины — Аристофан, Верона — Шекспир, Париж — Александр Дюма, Руан — Флобер, Дублин — Джойс, Барселона — Гауди, Прага — Гашек и т. д. Можно продолжить ряд: Ялта — это Чехов, Вена — Штраус, и, конечно, Петербург — это явь и сновидения Достоевского. Ну, а Москва? Москва, без сомнения, — это Александр Островский. В его пьесах отражена целая жизнь Первопрестольной, в основном быт и нравы, богатых и не очень. У меня до сих пор в ушах звенит одна из фраз: «Маменька, у меня к вам финансовый вопрос…» Деньги — это и есть стержень, импульс, мотор и двигатель всей московской жизни раньше, а уж теперь, я вас умоляю, не погубите!

Вечером по ТВ старый фильм Феллини «Джинджер и Фред» (Мазина и Мастроянни) — прекрасная и печальная лента о старых танцорах и

неудачная попытка снова выступить.

13 апреля — и как бы поддам, в телепрограмме Андрея Малахова был почетный гость, звезда экрана Жан-Поль Бельмондо. Он моложе меня на год — родился 9 апреля 1933-го. Герой-любовник, победитель различных схваток и обстоятельств, быстро бегал, ловко прыгал, лихо дрался, легко заваливал женщин и т. д. И вот живой 80-летный почетный гость из Франции: старый, больной седой человек, опирающийся на палочку. И от прошлого геройства и лихости осталась одна улыбка и, увы, не победная. Горько. Сам такой… И как сказал поэт: «Все, что было веселым в начале, то стало печальным в конце». Короче, читайте «Плач по возрасту», в книге многое кое-чего об этом.

18 апреля — неделю гоняли по ТВ старые фильмы с Диной Дурбин. Она — очаровательная девочка-подросток Пенни в фильме «Милые девушки». Но вот вопрос: почему они с возрастом превращаются в неприятных старух, сварливых и злобных?

Очередная попытка: договориться об издании своих книг — «Плача, Дневника и погоды» в издательстве «Время». Ответ: посмотрят, подумают,

просчитают, то есть: не надейтесь!

А тем временем в «НГ», в приложении «Экслибрис» книга «Опасная профессия: писатель» представлена в 5 лучших книг недели. А в «ЛГ» — ни гугушеньки.

19 апреля — библионочь в библиотеке им. Тютчева. Пришло человек 50, как на праздник: мало живых развлечений. Я рассказывал о литдатах 19–20 апреля, а Ще об Амалии Крюденер, о возлюбленной Федора Ивановича: «Я встретил вас, и все былое…» А потом чаепитие для избранных. Ще с удовольствием хрумкала сушками. Гонорар сушками — это что-то новенькое.

22 апреля — пока занимался Никитой Богословским, в «МП» вышел Эраст Гарин, актер-буфф, эксцентрик, игравший еще в театре Мейерхольда. Хлестакова в театре я не мог видеть, а вот в фильмах видел. Потрясающий напыщенный жених в чеховской «Свадьбе», удивившийся своей дремучей невесте: «Как, вы не читали Зола? Интереснейший автор» (цитата по памяти). Гарин был написан для ноября, а напечатан лишь в апреле. И приступил к Рихарду Вагнеру, имея в виду 22 мая — 200 лет со дня рождения. Жизнь и творчество Вагнера для меня загадка, и поэтому с

интересом погрузился в материалы о композиторе. И учусь, и пишу одновременно, как говорится, все в одном флаконе. Кстати, дореволюционная книга «Рихард Вагнер, поэт и мыслитель», на мой взгляд, провальная: длинно, академично, сухо, неинтересно. Придется посоревноваться в стиле…

28 апреля — запись в дневнике Александра Блока: 20 апреля 1913 года: «Так тянется, тянется непонятная моя жизнь». А у меня иначе: бежит, скачет, кувыркается. Занимаюсь Вагнером и отвлекаюсь на старые западные фильмы по ТВ: «Графиня из Гонконга» Чаплина, «Пурпурная роза Каира» Вуди Аллена, ну и, конечно, радио и газеты. Народу вешают лапшу на уши, что у нас все хорошо и прекрасно, а эксперты, и даже Зюганов (!), возражают: «Агрессивно спекулятивный капитализм корчится в муках кризиса». «Страна, по сути, превратилась в криминальный полигон, в торгово-сырьевую биржу». «Мы перестали производить самые простые изделия». Вспомнили и братьев Стругацких, которые называли наших горе-умельцев «коекакерами». Даже спички ломаются в руках. Удается лишь транспортировка «руководящих задниц» на импортных машинах с одной должности на другую. Незаменимые кадры

без головы! «Страна подневольных г-на Вовы» (это Матвей Ганапольский). Юлия Латынина в «МК»: «Ощущение такое, что наша страна оторвалась от берега и плывет. А куда — неизвестно».

На одном из совещаний наверху не выдержал сам хозяин земли русской ВВП: «Ни хрена себе страна!» Сам выстроил, покрасил и сам же удивляется…

1 мая — Дневник «ковыляет во мгле»: что-то не пишется. Но надо что-то записать. Недавно вспоминал Дину Дурбин, и вот ее уже нет. Умерла в 91 год. Удивительная актриса: рано начала сниматься и рано ушла из кино. А как пела «Очи черные»: «Эх, раз, еще раз, еще много-много раз!»

2 мая — поехали в Центр и даже сделали несколько снимков. Зашли в магазин «Педагогическая книга» на углу Камергерского. Сюрприз: лежит единственный экземпляр «Опасной профессии», цена: 710 ре. И пришлось повторить восклицание Воробьянинова: «Однако!»

8 мая — за 15 дней сделал Вагнера — 27 страниц. В ночь смотрел фильм Стэнли Крамера «Нюрнбергский процесс».

9 мая — много пафоса и трескотни. У нынеш-

ней власти нет побед, и она паразитирует на победе предков, представляя себя доблестными наследниками. Но нет достижений в экономике, в уровне жизни, сужаются демократические возможности, и не случаен появившийся плакат «Смерть кремлевским оккупантам!». А Артемий Троицкий приложил правящую элиту как «банду дегенератов». Нет, не дегенераты, а ушлые умельцы, мастера грести все под себя: им хорошо! А народ? А зачем народ? Пусть сами думают о себе…

10 мая — праздник по каналу «Культура» — программа «Большой джаз» с Новоорлеанским джаз-бандом. И хорошие ведущие: Алла Сигалова и трубач (забыл фамилию). И как бывшему стиляге подарок: «Караван», «Чуча» и прочий кайф! И воспоминания разных танцевальных веранд и залов. Эх, раз, еще раз, еще много-много раз! Нет, разов уже не будет. Молодость ушла. Каблуки уже не те…

12 мая — мучился с проблемой выбора: кого брать, о ком писать для очередного «Алефа»? Варианты: провокатор Азеф, Лагин — старик Хоттабыч, Алексей Герман? Перебирал, размышлял и придумал: «Серебристые перья из Серебряно-

го века», не Бунин с Мережковским, а 3-й и 4-й ряд. Определился и вгрызся, напечатав первые 6 страниц от Льдова до Лурье. Вы знаете Наума Изральевича Лурье? Вы — нет, я — кое-что. Некоторое лит. имя в Серебряном веке, для звучности именовал себя на западный манер: Артур-Оскар-Винсент. Это уже звучит!

14 мая — вечером в программе «Игра в бисер» — писатель Платонов с многострадальным «Котлованом», а у меня с утра свой зубной котлован: сняли старый мост, вырвали 3 зуба. И в последующие дни мастер Саша снимал, надевал, подпиливал, ставил пломбу и т. д. И все проходило с болью и мучением. И уже много лет подряд мучаюсь с зубами. Зубарики — ласково говорил Аркаша Болдинский.

19 мая — возился с архивом. Почистил литературу. Безжалостно выкинул досье на Джами и Чеслава Милоша, но оставил для будущего интереса Джона Донна и Мицкевича.

21 мая — роскошный концерт по ТВ, посвященный Вагнеру. Тангейзер, дуэт Зигфрида и Зиглинды, полет Валькирий и др. Дирижер Аббадо. Жаль, что услышал все это после, а не до написания текста о Вагнере.

23 мая — презентация журнала «Аккорд», в нем перепечатан из книги Вадим Козин. «Подстреленная птица». Драматическая судьба. Певца с редким серебристым голосом 16 мая 1944 года арестовали и отправили в Магадан, из которого он не захотел вернуться в Москву после реабилитации. Козин не пел, он рисовал лирико-импрессионистические картинки:

Осень, прозрачное утро…
Небо как будто в тумане,
Даль из тонов перламутра,
Солнце холодное, раннее…

29 мая — поход слаженным тандемом с Эдуардо в РАМБАМ, на ул. Образцова. Хирург (онемевший палец на ноге) и гастроэнтеролог (боли в животе), и у Эда свой «букет», на машине туда-обратно, но и немного пешком, держась друг за друга. Глядя на нас, кто-то вполне мог вытирать слезы. И этот врачебный поход я переплавил вечером в строки:

Как два бедуина в пустыне
Брели, спотыкаясь, они.
Закат догорал, и над ними
Довлели унылые дни.

Ах, два бедуина, два старца
Брели, спотыкаясь, держась.
Глаза не горели, как кварцы,
И старость давила, как власть.

Куда же брели бедуины?
В последних попытках брести
Искали свои половины
На бренном унылом пути.

Напрасно. Пути перекрыты.
Остались одни тупики.
А кто-то, довольный и сытый,
Все прет. И не знает тоски…

Как два бедуина в пустыне
Брели, спотыкаясь, они.
А ветер, зловредный и синий,
Жевал безутешные дни…

Написал, прочитал и хмыкнул: н-да. А что тут еще скажешь?

* * *

Май закончен. Добавлю две публикации — 15

мая в «МП» вышли «Живые строки про нашу жизнь», посвященные 80-летию Андрея Вознесенского (юбилей 12 мая), и в майском номере «Алефа» Григорий Померанц: «Быть самим собой». Немного об этих персонах.

В книге «Опасная профессия: писатель» Вознесенский представлен эссе «Интеллигент в эпоху беззаконий», в «Мос. правде» — другая вариация. Вот начало в газете:

«Все страсти по Вознесенскому отошли в сторону: споры, разговоры, пересуды, сшибки мнений, восторги и хула, все отошло в прошлое и стало уделом специалистов, литературоведов. Они во всем разберутся и вынесут окончательный вердикт. Нет, не так. Вердикт уже вынесен: Андрей Вознесенский — классик русской литературы XX и XXI веков. Ну, а потомки найдут лишь дополнительные штрихи к творчеству Андрея Андреевича. Откопают нюансы. Откроют детали. И найдут новые краски и эпитеты».

Вознесенский всегда был гуманистом, поборником правды и справедливости: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек».

У поэта было все, что надо: признание, тиражи, поездки и награды, но он никогда не погружался в покой самодовольства, он не мог быть спокой-

ным, зная и видя безобразия, которые творятся вокруг него: попрание законов, вопиющее социальное неравенство, разгул криминала и т. д.

Из нас любой полубезумен.

Век гуманизма прошумел.

Мы думали, что время – Шуман.

Оно – кровавый шоумен…

Вознесенский находил едкие, уксусные слова: «Мои Палестины дымятся дыбом. / Абсурдный кругом театр…» И все время играл на параллелях своей эрудиции. «Шопенгауэр — в шокинге». И ужасался, что «Нас победила масскультура».

И еще на посошок:

Обещано счастье в конце третьей серии,

И нас не смущает, что фильм двухсерийный.

И добавлю к публикации: Вознесенский — поэт интеллигенции, для умников и книжников. А для простого народа — это Высоцкий с надрывом и криком. «Беспартийный, нееврей»:

Я на лестнице ночую,

Где тепло от батарей.

Это жизнь! Живи и грейся –
Хрен вам, пуля и петля!..

Ну, а теперь опять про «гнилую интеллигенцию». Григорий Померанц. Оригинальный философ, не имевший никаких научных званий. В 1980-х годах его имя было известно за рубежом, но в СССР не замечали, игнорировали.

Григорий Соломонович Померанц родился 13 марта 1918 года в Вильно, в тогдашней Польше, в семье бухгалтера. Значит, деревянные счеты: костяшки влево и костяшки вправо.

Юноша не пошел по стопам отца, а поступил в Институт истории, философии и литературы (ИНФЛИ). Весной 1935 года он написал некое сочинение под названием «Кем быть?». И закончил его 17-летний Гриша словами: «Я хочу быть самим собой». Весь советский народ был сколочен в один единый коллектив рабочих и колхозников для решения грандиозных сталинских планов, а какой-то кучерявый еврейчик Померанц гордо заявил, что он не хочет шагать в ногу в одной шеренге со всеми, а желает оставаться самим собой и идти туда, куда ему хочется. Все ахнули: караул, крамола!

В институтскую пору Померанц зачитывался

Достоевским, и «Записки из подполья» приводили его в восторг. Однажды он громко на кафедре провозгласил, что Достоевский — величайший русский писатель. За этот выпад Померанца громко осудили и захлопнули перед его носом двери в аспирантуру.

Померанц — участник войны. Храбро воевал, имел награды, но о войне не любил вспоминать. После работал… киоскером. Другой возможности зарабатывать на хлеб у философа не было. «Узнаю страну свою родную», — написал я на мотив песни «Широка страна моя родная».

Судьба подарила Померанцу интеллектуальную подругу, поэтессу Зинаиду Миркину. Лишь в последние годы в его дом пришли известность, книги и небольшой материальный достаток. Григорий Померанц немного не дожил до 95-летия. Ушел из жизни 13 февраля 2013 года уникальный человек. Ручная работа. Штучный экземпляр матери-природы.

Ну, а теперь можно снова вернуться в хронике Ю.Б., который, как Померанц, всю жизнь хотел быть самим собой и не поддавался социально-общественной шлифовке и пропагандистскому зомбированию.

* * *

Перед хроникой несколько вступительных слов. Иногда находит недоумение, чем я занимаюсь? И даже термин придумал: культурологическое дуракаваляние. Тешу то ли свою душу, то ли ублажаю свой ум, то ли еще что-то: развлечение, отвлечение, умопомрачение и еще что-то. Это молодой Иван Ургант занят серьезным ремеслом «три ха-ха» на ТВ, но он молод и материально защищен, а я пенсионер на сходе и занят литературными арабесками.

И идея: дать хронику всего лета предельно сжато, без рассусоливания.

2 июня — позвонил Ларисе-Лоре в «Алеф» по поводу Вагнера. Она: в Израиле на музыку Вагнера наложен запрет — антисемит. Значит, Вагнера надо пристраивать куда-то еще. Переключился на Адама Смита и с ходу напечатал 5,5 стр.

И все время печалюсь по поводу ухода хороших людей: режиссер Петр Тодоровский, москвовед Сигурд Оттович Шмидт — так и не собрался прийти на его секцию москвоведов, а он приглашал. Шмидту было 90 лет, а вот кинорежиссеру Алексею Балабанову — всего 50. Как написала

«Комсомолка»: «видно было, что Леша выработался и не хотел жить…» Марина Зудина: «Честные и нежные уходят, ушлые и циники остаются».

3 июня — в Москве на Тверской в книжном лежит «Опасная профессия» рядом с Леонидом Гроссманом и Львом Гумилевым.

4 июня — на Ваганьково. Маме — 104 года (родилась в 1909-м).

9 июня — напечатал про Александра Кугеля (Авраам Рафаилович), 6 стр. Про писательницу Донцову знают все, а вот кто такой Кугель, мало кто ответит. Моя миссия: восстанавливать забытые имена.

Блистательный театральный и литературный критик Пильский написал о Кугеле: «Он обладал настоящим умом талантливого дилетанта».

13 июня — доклеил альбом. Куча оригинальных альбомов, и кому они достанутся? Эти мысли невольно приходят, как их ни гони.

17 июня — ездил в издательство «Слово» (метро «Пролетарская»). Переговоры с директором. Была любезна. А что дальше?

18 июня — еще один поход в «Библио-Глобус».

Переговоры с Озеровой. А затем в 18 часов выступление в зале на 1-м этаже. Подписал книг 10, не больше. Кто-то принес «Улыбку Джоконды», чтобы я подписал. Трогательно…

19 июня — начал набрасывать черновик Джорджа Оруэлла, выстраивать четкий и ясный материал о непростой судьбе писателя и о его ненависти к тоталитарному государству, к Старшему Брату.

22 июня — суббота — снова программа «Большой джаз» с прекрасными ведущими трубачом Вадимом Эйленкригом и Аллой Сигаловой, кокетливой и заводной.

26 июня — Ще закончила набор «Плача», а я — Оруэлла, 15 стр. Лилия сказала Ще: «Анечка, хоть ты живешь настоящей жизнью, а я вся погрязла в быте».

27 июня — в «МП» вышел Д'Аннунцио (а дата 12 марта). В редакции набрал газет и отдал Оруэлла. Приехал, и тут же нагрянула ТВ-бригада. Рассказывал об Эйнштейне, Ландау, Блоке.

4 июля — ездил на Вятскую, в «Алефе» вышел Лев Лунц. И в «Книжной полке» — представление «Опасной профессии». Вечером занимался Полем

Валери, модернизировал когда-то написанный старый материал.

9 июля — на Никитской Мария разахалась: почему не издают ваш Дневник? По поводу «Плача» предложила издать 300 экз. Я отказался: дорого. Потяну лишь 100 экз.

10 июля — в «Московской правде» Дмитрий Ольшанский гневно о тех, кто присягнул деньгам и воспевать власть — «довольные жизнью свиньи». Ну, а народ «беднеет, спивается, голодает, стареет и умирает». Картина маслом…

И заголовок из «МК» у Людмилы Алексеевой: «Несвобода, неравенство, рабство».

11 июля — получил июньский и июльский номера «Науки и религии» — «Погода и слово». И договорился о рубрике на 2014 год — «Юбиляры месяца». Все хорошо, кроме мизерного тиража и жалкого гонорара.

В «МП» вышел Адам Смит: «Государство и человек».

20 июля — допечатал Петра Лаврова — 7,5 стр. О Петре Лавровиче в советские времена писали как об идеологе народничества и противнике марксизма. Его громил Ленин в статье «Что такое

“друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» (1894).

Лавров из царской ссылки бежал во Францию и закончил жизнь на парижской улице Сен-Жак. «Важно — не кто победит: важно — что победило. Важна торжествующая идея», — говорил Лавров.

А что победило сегодня? Идея капитала, наживы денег.

23 июля — допечатал Наума Коржавина и схватился за Алексея Лосева.

25 июля — в «МП» вышел Никита Богословский: «Феерический жизнелюб». А Ще привезла от Аталии альманах «Лесной орех», там восторженный отзыв о книге «Опасная профессия: писатель» и перепечатка об Ольге Берггольц.

29 июля — в «Комсомолке» на первой полосе фото президента-мачо с голым торсом и пойманной щукой — 21 кг. Все это выглядит вызывающе неприлично: во я какой!

А бедный мой газетный «издатель» Егорунин во второй раз загремел в больницу.

1 августа — Наташа из Дортмунда поздравляла Ще — 73 года! «Как у вас дела? А мы тут заплесневели». В России не заплесневеешь: каждый день

штормит и тошнит.

5 августа — добил погодный декабрь и закончил рубрику в «Науке и религии».

6 августа — в «Днях литературы» вопли по поводу Валерия Ганичева — 80 лет — «росс неутомимый», «замечательный русский писатель-державник» (Бондаренко). Я таких россов и державников не читаю. Все они, как правило, боятся Запада и люто ненавидят коллег писателей-евреев. И жалуются: «Русская национальность унижена как никогда», — заявил некий Геннадий Муриков. А Путин? «Белый рыцарь» (определение Суркова). «Муторно все это и мутно» (Артемий Троицкий в «Новой газете»).

12 августа — отдал верстку «Плача» и подписал обложку — наши с Ще молодые фейс-мордашки.

18 августа — умер Василий Песков (83 года). Не грязной политикой занимался, а писал о природе. И вздох о нем: «Таких журналистов больше нет». Ушел и актер Адомайтис, снимался в фильме «Никто не хотел умирать». И вот…

По ТВ гоняют фильмы с Моникой Витти («Алая женщина»), с Эммануэль Беар («Лифт слева»), с Миу-Миу («Чтица») и др. Какой разительный

контраст с нашими!

20 августа — наконец-то в «МП» вышел Николай Заболоцкий — «Душа, полная тайн».

Я увидел во сне можжевеловый куст…

И концовка:

Облетевший мой садик безжизнен и пуст… Да простит тебя Бог, можжевеловый куст!

22 августа — новая идея и новая персона: Константин Симонов. «Фаворит власти». Большущее досье на него и на Валентину Серову. Разбираюсь.

28 августа — для «Аккорда» придумал «Четырнадцать юбиляров 14 года» — от Глюка до Шнитке.

Позвонил Ольге Кузьминой, новой заведующей культурой в «Вечерке»: «Вы хотели когда-то сделать со мной интервью?» — «Я-то хочу, но начальство наше не всех хочет». Меня не хотят. Бывает.

А днем пришлось поехать в летнее кафе «Черри-берри» — на выездное выступление от библиотеки им. Тютчева. На тему «Советское кино»

собралось около 40 человек. Кратко коснулся истории: от «Трактористов» до «Сталкера», о некогда любимой Орловой, а далее об актерах, с кем довелось встречаться: Михаил Жаров, Леонид Марков, Алиса Фрейндлих, Элина Быстрицкая, Татьяна Окуневская, Лидия Смирнова и т. д. Я еще провел аукцион на книгу «Киностори», объявив стартовую цену в 150, а какая-то женщина сразу же предложила: 300! И все замолкли — аукцион провалился.

* * *

Дробно простучал каблучками по всему лету. Основное взял из дневниковых записей, но многое осталось за кадром. И визиты к зубному врачу: «Откройте ротик! Закройте ротик!» И постоянные волнительные разговоры, куда поехать в Европу, где лучше отдохнуть: Ницца, озеро Гарда, Кёльн, на худой конец Звенигород… Но не только о поездке, но и литература: без нее никак! Ще занялась братьями Гонкур и все начало июня только о них и говорила. «Мне так хорошо… интересно… может быть, это и есть счастье…» Для филолога — точно: а для обычной домашней хозяйки — это гонять пыль по квартире, ну, и новые занавесочки… А мне, мужу филологини,

пришлось не отставать и прочитать с ходу Реми де Гурмона «Книгу масок» с прицелом написать о Гонкурах…

3 июля — приезжала ТВ-бригада, и рассказывал, как складывались у знаменитых людей отношения с женщинами: Блок, Эйнштейн, Ландау, Набоков, Шнитке… Творчество великих мало кого волнует, а вот женщины! Какая лакомая тема… А на следующий день поехал за июльским «Алефом»: вышел Лев Лунц, он ушел из жизни в 23 года и не успел познать женщин. Лев Натанович — юный гений, один из организаторов группы «Серапионовы братья», бросивший лозунг «На Запад». Писать не тягучие русские романы, а короткие динамичные вещи, сегодня бы сказали: экшн!

В дневнике от 11 июля коснулся язв политики и процитировал строки, опубликованные в «ЛГ»:

Цветут Газпром, Роснано и Минатом –
…От их чудес заходит ум за разум:
Чем дальше в лес, тем круче балаган.

Поэт Александр Тимофеевский вернулся из любимой им Италии, а в России, по его признанию, «положительно не нравится — ни законы, ни

тренды, ни веяния, ни люди… Сволочь новорожденная обосновалась, обустроилась в России… и пляшет, и поет… И тошно, невыносимо тошно…»

Даже правоверный, далекий от оппозиционных взглядов, а поэтому обласканный властью и признанный Андрей Дементьев не может жить с закрытыми глазами. И в «МК» в середине июля написал:

Отныне в России
Есть два государства:
Одно – для народа,
Другое – для барства.
В одном государстве
Шалеют от денег.
В другом – до зарплаты
Копеечки делят.

Конечно, это не стихи, а рифмованные социальные взрыды и причитания.

1 августа — отмечали вчетвером, плюс Эдик и Комракова, в «Чайковском» на маяковке. Пили итальянское «Кьянти», только вот о Канте не толковали, то есть не по Агнивцеву.

И опять о политике, о главном, о Воване. Ста-

нислав Белковский в «Собеседнике»: «Пожилой школьник-заднескамеечник, оставленный историей на третий срок, обиделся — и все тут». Хочет показать Америке кузькину мать и обещает в 127-й раз поднять Россию с колен. Позднее историки разберутся, что ЭТО БЫЛО?

Для истории: за «Плач по возрасту» были выложены с авансом — 38 тыс. р. И сразу Маяковский: «Небольшие деньги, поживи для шику!» И он же: «Что нам деньги, транжирам и мотам! / Мы даже не знаем, куда нам деть их…»

Это классик, а вот только вступившая на тропу Поэзии Лариса из Монино (псевдоним: Лора Веселова) посвятила нам с Ще стихотворение «Судьбоносная встреча» (вместе были в Италии):

Судьбоносные встречи бывают,
В этом я убедилась сама.
Что-то жизнь они резко меняют,
Словно росчерком свыше пера…

Лариса-Лора собирает мои книги, перечитывает их. И пишет свои рукодельные стихи: «Я иду по жизни в розовых очках. / Мир вокруг мне кажется прекрасным…» Кому — прекрасным, кому — ужасным, разное восприятие жизни.

Летние добавки закончим и откроем новую

страницу:

Сентябрь

В «Науке и религии» вышел 9-й выпуск рубрики «Погода и слово». Приведу начало:

Лето пролетело, промелькнуло, исчезло… Вот и сентябрь — первый месяц осени. Осень — это особое время года и особе состояние души.

Опять сентябрь, как тьму времен назад,

А к вечеру мужает юный холод…

Как выразилась Ахмадулина. Сентябрь называют «задумчивым». Как правило, хрустальные дни стоят тихие, из-за прозрачности воздуха горизонт как бы отодвинут, приоткрывая далекие дали. А еще сентябрь — хмурень. Ревун. Дождезвон. В сентябре лист на дереве не держится. И одна только ягода, да и то горькая рябина. В садах доцветают цветы. «Дохнул сентябрь, и георгины / Дыханьем ночи обожгло…» (Афанасий Фет). Короче, «Лето лавочкой зеленой / Тихо захлопнулось за спиной» (Новелла Матвеева).

О лете на год забудем — ныне осень. У Константина Сомова есть картина «Осень». На ней изображена неспешная прогулка дам по пустын-

ным светлым аллеям, убранным розовыми и золотистыми шелками августа… Но это если говорить про дам, а так в сентябре держись крепче за кафтан. Порой холодно и дождливо. Свистябрь какой-то…

Об осенней поре написано множество стихов. Осень как вдохновительница творчества. Вспомним хотя бы некоторые строки. И начнем с Иннокентия Анненского: «Ты опять со мной, подруга осень…» И далее:

Я твоих печальнее отребий
И черней твоих не видел вод.
На твоем линяло-ветхом небе
Желтых туч томит меня развод.

И вот отрывок из поэмы «Листопад» Ивана Бунина:

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселый, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной…
…Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца.
И осень тихою вдовой

Вступает в пестрый терем свой.

Сравнение осени с вдовой использовала и Анна Ахматова: «Заплаканная осень, как вдова / В одеждах черных, все сердца туманит… / Перебирая мужнины слова, / Она рыдать не перестанет…»

Погодный зачин сделан, а теперь сентябрьская хроника повседневных дел.

3 сентября — к вечеру привезли 9 пачек по 10 книг «Плача по возрасту». Гарнитура «Колибри», печать — офсет. Условных печатных листов 29. Стр. 460. Элегантная книжка с молодыми лицами на обложке — ЮБ и Ще. Интересно вспомнить, что тему Плача о возрасте я начал писать «в стол» 13 декабря 1981 года, в преддверии своего 50-летия. Почти 33 года назад. А потом в 2010 году была серия публикаций в «Московской правде», в «Алефе». И вот книга, 34-я по счету. Жаль, что крошечный тираж, что такое 100 экземпляров (10 взяло себе издательство).

Говорю «спасибо» Ще за ее самоотверженный труд по набору книги. И доволен, что в конце книги поместил маленькую антологию поэзии.

Принц Гамлет! Довольно червивую залежь

Тревожить… на розы взгляни!

(Марина Цветаева)

«Плач по возрасту» — книга, конечно, печальная, но с проблесками оптимизма и с ухмылкою юмора.

4 сентября — на Книжной ярмарке не было никакого «Плача по возрасту». Лишь одна книга «Опасная профессия» на стенде «Человек» и без всякой рекламы. И без спонсоров, и без пиара и раскруток. Как бедный родственник на пиру у богатого дяди. На ярмарке кто-то в уголочке пытается продать свои книги — жалкое зрелище…

8 сентября — голосование за мэра Москвы. Отдали с Ще голоса за Алексея Навального, но он набрал только 27%. Засели бояре и навсегда, и Собянин этот из яранги, со вкусом провинциала.

9 сентября — вечером пришла машина и повезла меня в район Останкино на канал «Ностальгия». Прямой эфир, программа «Рожденные в СССР» и выгородка с абажуром, чашками чая и сушками. Ведущий Владимир Глазунов. Вопрос-ответ, целый час и несколько дополнительных включений: Раневская, Тарковский. И телефонные звонки: Филадельфия, Балтимор, Балашиха,

Севастополь…

Поэтесса из Ростова-на-Дону Моника Котова прислала на программу стихи, посвященные мне (очевидно, читала мои книги):

Он не стал рабом педантичного гросс-буха…

Цифры точно говорят, но безлико, кратко, сухо.

Он упорно шел вперед по нетореной дороге –

К покорению вершин, что доступно лишь немногим.

Был высок его порыв – уловить для человека

Эхо тихих голосов из Серебряного века.

Самому понять, прожить, объяснить и вылить в строки

Чистым ясным языком – до последней в книге точки.

Так и вышло. В ряд тома на широкой книжной полке.

Он искал… и он нашел… в стоге сена – блеск иголки.

Еще подарили диск с записью программы, по-

том мы его посмотрели дома. Если честно, то я себе не понравился: староватый, но импозантный, уверенный в себе господин с глубокими складками на лице.

10 сентября — начал беловик Константина Симонова. Вышли «Погода и слово» — август и сентябрь. Вечером по ТВ программа о Лотмане и Заре — бездарно и непрофессионально. Но делает кто-то свой. Меня не приглашают — чужой.

17 сентября — раскрыл «Московскую правду» и ахнул: на 1-й полосе некролог: умер Александр Геннадьевич Егорунин (родился 15 февраля 1950 года), мой куратор и редактор. Сколько мы с ним материалов опубликовали! За более 7 лет, с марта 2006-го. «Совершенно лишенный карьеристских амбиций, начальственного зуда…» (из некролога). И что дальше с «МП»? Спокойно, дружище, спокойно!» (Юрий Визбор).

В Лиге чемпионов «Бавария» разнесла ЦСКА. «“Бавария” — это космос», — развел руками Леонид Слуцкий, тренер армейцев.

20 сентября — вечер Комраковой в музее Брюсова. Выступал и продал несколько «Плачей по возрасту» — отбиваю затраченные деньги на издание.

22 сентября — идут дожди. Прихватило поясницу. Тимур Шаов поет: «Дайте братство мне, сволочи, братство». У всех свои темы, свои интересы. Детективная писательница Маринина на ТВ с упоением рассказывала, какой прекрасный у нее дом со множеством тарелочек, ножей и вилок. Бытовая вещистка, и не стыдно. А хирург Акчурин призывает всех «культивировать в себе оптимизм… Самое главное — это эмоциональный настрой человека в любую погоду: и в дождь, и в ветер». Увы, у меня так не получается. При отчаянном трудоголизме я склонен к унынию. Не Евтушенко, который после серии операций: «Некогда унывать. Очень много дел!»

27 сентября — после многих дней сражений «добил» Константина Симонова — 48 стр. Константин Михайлович меня извел. Когда-то в юности он мне нравился, стихи, разумеется. «Пусть три шага ты мне позволишь взглядом…» И прочие из цикла «С тобой и без тебя». Симонов прожил нелегкую жизнь: от фаворита власти, от поклонения Сталину до полного его осуждения. Спустя годы могу сказать, что текст о нем долго не мог куда-нибудь пристроить, и он вошел в сокращенном виде лишь в книгу «Мужские игры во все времена» (12 апреля 2020 г.).

В ТВ-программе «Игра в бисер», посвященной «Фаусту» Гёте, Юрий Арабов (пессимист, вроде меня) высказал мысль, что сегодня не дьявол охотится за душами людей, а они стоят сами к нему в длиннющей очереди, чтобы продать ему свою душу. «Новая газета» 23 сентября поместила статью под мефистофельским заголовком «Сатана там правит бал». Я на том балу отсутствовал. Не пригласили. Но, с другой стороны, ни за какие коврижки бы не пошел. У меня свой интерес: прошлое России.

Серебряные перья Серебряного века

Моя в двух частях публикация в «Алефе» — в сентябрьском и октябрьском номерах.

В 2007 году вышла книга «99 имен Серебряного века», и было несколько переизданий. И вот я придумал некое дополнение малоизвестных имен широкой публике или вовсе забытых. Я люблю Серебряный век (конец XIX — начало XX века) за весенний разлив талантов, за энергичные поиски истины.

Первую часть начал с Витольда-Константина Розенблюма. Он родом из прибалтийских евреев. Розенблюм-Блюм-Бум — неблагозвучно, и поэтому псевдоним: К. Льдов. Профессиональный

литератор. Писал юморески, рассказы, стихи. Считался вторым Фофановым:

Бледнеют полночные тени,
Я в комнату тихо вошел…
Букет из лиловой сирени
Поставил мне кто-то на стол.

Кто-то восторгался Льдовым, а кто-то отчаянно его ругал: фальшивые бриллианты… Но когда вышел его сборник «Отзвуки души» (1899), то критики отметили «пушкинскую ясность и прекрасную соразмерность».

Льдов покинул Россию за 3 года до революции. Жил в Париже. Умер в Брюсселе. Один из эмигрантов первой волны.

Эмигрантка с трагической судьбой — Раиса Блох. Родилась в Петербурге. Уехала в Европу и погибла в фашистском концлагере. Одно из лучших ее стихотворений исполнял, как ариетку, Александр Вертинский:

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний сад, Фонтанка и Нева.
Вы, слова залетные, куда?
Здесь шумят чужие города,

И чужая плещется вода.

Мы для них чужие навсегда…

Далее Александр Браславский, Нина Бродская, Михаил Кантор… И о каждом сочувствие судьбе и слеза памяти. На фоне оставшихся в СССР строителей коммунизма выпавший им жребий был горьким, и они точно ощущали себя загнанными в угол. Тот же Кантор писал:

Ты на свете избери

Уголок, да поукромней…

…Пусть несется мимо вскачь

Обезумевшее стадо

Лицемеров и рвачей

За фортуною в погоне,

Ты не с ними, ты ничей,

Тихий зритель на балконе.

Сергей Ауслендер, поэт, драматург, критик, детский писатель. Не эмигрировал, остался на родине. В 1937 году был репрессирован. До революции носил псевдоним Серж Гелиотропов. И этот экзотический цветок грубо растоптали…

А вот Александр Дейч, знаток западноевропейской литературы, писал о Байроне, Гейне,

Беранже и т. д. Дейч чудом уцелел: гроза прошла мимо…

В октябрьском «Алефе» кратко представлены Альберт Ковнер, Николай Пружанский, Петр Коган, историк литературы, критик, переводчик, ушел из жизни в 1932-м, в год, когда на свет появился я, но это так, кстати. Марина Цветаева, вспоминая Когана, отмечала, что он был не только эрудитом литературы, но еще «ангелом-хранителем писателей, ходатаем по их земным делам».

Еще один историк литературы Лейб Пумпянский, впоследствии имя русифицировано во Льва. Автор многих статей о Кантемире, Тредиаковском, Пушкине, Лермонтове. После революции перекрасился в марксиста и стал верить в грядущие коммунистические кущи. Стал занудливым начетчиком и опирался исключительно на цитаты классиков марксизма.

Елизавета Полонская (настоящая фамилия Мовшензон) по молодости начала с марксистских кружков в Петербурге, затем учеба в Париже, в Сорбонне, вернулась в Россию и встала под флаги «Сера-пионовых братьев». В конце жизни перешла на детскую литературу и переводы: Шекспир, Гюго, Киплинг…

Нина Серпинская соприкоснулась с Серебряным веком, была знакома с Брюсовым, Ходасевичем, Маяковским. Издала «Мемуары интеллигентки двух эпох»…

Драматична судьба Серебряного века и его носителей. Кто остался в Совдепии, приспособились к новой жизни, оглушенные звоном сталинских пятилеток и стоном коллективизации. Многие ушли во внутреннюю оппозицию и в сугубо личное существование. А кто уехал в эмиграцию, мучились в духовных конвульсиях и страдали не только от ностальгии…

Вот так коротко на страницах «Алефа» я перебирал персоны Серебряного века и тех, которым выпала участь встретиться с «веком-волкодавом».

И пошли дальше по хронике

1 октября — футбол как отдушина. Смотрел матч «Зенита» с венской «Аустрией» и болел против Газпрома, противного тренера Лучано Спалетти и несимпатичного бразильца Халка. Как сказала бы Щекина подруга Лиля: «Нет, не патриотка! Стреляйте меня!»

Кто-то с придыханием сказал, что видел меня на экране ТВ. Тут уже не Лиля, а бывший спар-

таковец Валерий Карпин, ныне тренер. «Ну, и что?!»

5 октября — напечатан наконец-то Рахманинов. Вбухался в новую работу — в «Хронику творческого трепыхания»: соединить в единое полотно то, что сделано: написано, издано в газетах, журналах и книгах, все интервью и рецензии, выступления в различных СМИ, — так много всего, что в памяти ничего не удержишь. Часть творческого трепыханья отражена и в моем трехтомнике Дневнике-воспоминании. Короче: ералаш с изюмом.

Выступал в «Галерее» у Гинзбурга и продал 3 «Плача» по 500 руб.

12 октября — выступление в Тургеневской библиотеке. Более 50 человек. Говорил о возрасте, о «Плаче». Публика была в восторге. Оля Шкабельникова принесла газету «На Западе Москвы» (тираж 375 тыс. экз.), там она сделала интервью на основе моего выступления в «Библио-Глобусе». Как модно говорить: живенько… «…А жизнь, какая б ни была, / До умиления мила» (Игорь Шкляревский). Все время что-то попадается для «Плача», но он уже издан…

13 октября — беспорядки в Бирюлево, а у меня

столкновение с Ольгой Юрьевной.

14 октября — был выбит из колеи, но собрался и засел за юбиляров 2014 года, и главный — Питирим Сорокин. При этом менял ленту и отчаянно боролся с плохо работающей «Олимпией».

17 октября — в «МП» — без Егорунина (теперь рулит его дочь Майя Егорунина) — вышли первые «Книги в Москве». Моих материалов нет.

19 октября — на «Форд-фокусе» с Серегой ездили на Химкинское кладбище. Редко бываем, все заросло, и еле нашли захоронение В.П. и бабушки Ще — Стефании Ивановны… Грустные мысли добавило и ТВ, когда на 70-летие Чуриковой Поргина притащила еле ходящего Николая Караченцова. Жуткий финал жизни…

21 октября — на Песчаную подъезжала читательница, которой не хватило книги в Тургеневке, и купила у меня три «Плача по возрасту» — для себя, для подруги, которая в больнице, и для другой, которая на Западе.

Звонил Александр Соскин, бывший преуспевающий спортивный журналист, а ныне… Умерла любимая жена, сам живет с трубкой в животе, одинок, собирается писать мемуары… Прочитал

обо мне в «Севере столицы» и видел на экране в «Ностальжи», говорит: «Молодец». А мне грустно за него, как жизнь ломает судьбы людей…

25 октября — округ «разродился»: в «Севере столицы» на полосе портрет Ю.Б. на фоне книжных полок и заголовок интервью «Человек-энциклопедия». Тираж газеты — 412 тыс. экз. «Московская правда» далеко позади.

А тем временем: простуда, поясница, что-то вступило в ногу, и такие же прелести у Ще. Нездоровье…

27 октября — запись в дневнике: «Для чего пишу? Зачем пишу? И кто это все будет читать? Или все надо уничтожить в определенный момент? Всякие мысли одолевают…»

2 ноября — закончил Александра Межирова, 8,5 стр.

3 ноября — отмечали свой 46-й юбилей совместной жизни в «Галерее» у Гинзбурга. А вечером прихватило желудок и пришлось принимать какие-то капсулы «Бифиформа». Из последних сил печатал Библиографию своих изданий.

4 ноября — состоялся «Марш брошенных людей»: «…шагают мрачные мстители, обделенные

жизнью, ограбленные Чубайсом, загнанные в черные ничто окраин… обиженные властью, жизнью и судьбою, ограбленные бизнесом, лишенные надежд…» (Алексей Поликовский, «Новая газета»).

Радикальные лозунги: «Долой чекистский строй!», «Рабочий, убей капиталиста!» и т. д.

11 ноября — занимался юбилярами на февраль, и первый из них — Галилео Галилей.

21 ноября — готовился к выступлению в библиотеке Вересаева. Натолкнулся на строки Дона Аминадо, и тут же появился перифраз:

«Живем. Скрипим. И медленно седеем».

Зажаты в банки, словно иваси.

И скоро совершенно обалдеем

От всех причуд и бед на явно не святой Руси.

Живем не по Лиле: у нее размеренная растительная жизнь. И полное безразличие, что там за окном… А мы бурлим. Возмущаемся…

19 ноября — выступал в ХАМА на Водном стадионе. 15 ветеранов, которых накормили обедом, а потом предоставили возможность послушать

«умного человека».

20 ноября — закончил материал для «Алефа» «Весна, март, женщины».

21 ноября — в Управе «Сокол» меня принимал глава, некий Вячеслав Иванов. Я заикнулся, что хорошо бы издать «Плач» и раздать бесплатно пенсионерам.

Ремарка спустя годы: ничего не получилось, а этого Иванова вскоре арестовали то ли за воровство, то ли за коррупцию (8 марта 2018 г.).

22 ноября — выступление в Ружейном переулке в библиотеке Вересаева. Те же 15 человек. Интеллигенты, пришедшие именно на меня. Продал 4 «Плача» и отбил 17 тыс., плюс подношениея: два букета, коробка конфет «Комильфо» и бутылка коньяка — мне, не пьющему…

26 ноября — поехал в «МП» и забрал обратно материалы, которые «повисли» (у следователей есть слово «висяк» — дела, которые никак не идут), — Анна Каренина, Вагнер, Оруэлл, Алексей Лосев.

28 ноября — с утра звонок от Ларисы Токарь, она посмотрела по ТВ «Совершенно секретно» мое старое интервью о Леонардо да Винчи: «Как

приятно повидаться с Юрием Николаевичем!..»

29 ноября — на серебристом «Хаммере» в библиотеку Некрасова, перед выступлением написал строки:

Поеду я в Некрасовку свою,
Там среди книг найду я утешенье
И милых женщин тихий говорок,
Восторг и дружбу, вдохновенье,
Как только там переступлю порог…

Выступал полтора часа с перерывом на фоно с Шопеном.

4 декабря — новое выступление — в библиотеке на ул. Врубеля, 25 человек и два букета.

5 декабря — в «МП» вышел Оруэлл без пассажей о новоязе. Сняли…

6 декабря — Аталия через Ще передала альманах «Лесной орех», там — «Золотая роза добра» о Паустовском.

8 декабря — ездили в военный музей за ЦСКА на презентацию книги «Мое опаленное войной детство» с рисунками Аиды (я в кепке и мой краткий текст). Еще успел напечатать неболь-

шой материал «Еврейский след Эркюля Пуаро» для «Алефа». И вышел последний, декабрьский, номер рубрики «Погода и слово» в «Науке и религии» — вместо книги сжатый, сокращенный текст по 12 месяцам.

9 декабря — какой-то вирус — и 5 дней не выходил из дома. И Ще занездоровилось, а в итоге — «такая маленькая компания». Детей и внуков нет, друзей — считай, тоже нет (иных уж нет, а те далече). Помощи со стороны никакой — опора на собственные убывающие силы. Прелестно, прелестно!..

И все же умудрился немного работать — юбиляры марта 2014 года для «Науки и религии» с главной персоной — Тарасом Шевченко, который «обожал» москалей.

16 декабря — вечер в МЕОЦ. Народа немного — 40 человек. О времени, о книгах, о себе и даже читал стихи. Принимали хорошо, у многих светились глаза — бесплатный концерт. А в ответ — два роскошных букета роз.

21 декабря — выступление на Арбате, в Большом Афанасьевском переулке: всего 10 человек и ни одного букета. Вместо цветочков — восторг слушателей. Очевидно, я поднаторел в частых

выступлениях. Кстати, на Арбате — библиотека семейного чтения. И сразу рифма: Снимаю шляпу, мое почтение!..

А утром слушал первую пресс-конференцию выпущенного на свободу Михаила Ходорковского. «Наконец являет милость наш озерный исполин», — иронизировал Дима Быков.

24 декабря — черед Ще выступать в МЕОЦ и провал: собралось 10 человек (для большого зала — ужас) и не работал микрофон. Пришлось мне поддерживать Ще и что-то говорить…

25 декабря — накладка — выступление в Управе «Сокол» и вечер в «Аккорде», отдал предпочтение «Аккорду», а там было все уныло и неинтересно. По дороге зашел в прибежище «Алефа» на Савеловском и получил декабрьский номер: «Не верь разлукам, старина…» (Юрий Визбор) и январский — «Не бывает напрасным прекрасное» — о Хармсе, о Юнне Мориц и современном хамстве. А еще в январском номере Любавина на «Книжной полке» представила «Плач по возрасту» — «О, старость, лучшая весна».

26 декабря — Вайсман привез 9 книг «Ретро», коробку «Комильфо» и сообщение, что Бедрицкий хочет спонсировать книгу о «Погоде». Но я,

обманутый в надеждах не раз, говорю, как Станиславский: «Не верю!..»

29 декабря — прогулка по предновогодней Москве, и ничего праздничного нет — Красная площадь, Тверская. В основном матрешки и стандартные сувениры. Народ в основном приезжий и хмурый, радуются лишь дети. Зашли в «Москву», на полке мемуаров стоит «Опасная профессия: писатель» — 620 руб., рядом книга Аксенова (670) и книга (потоньше) Бродского — 540.

Вечером по ТВ — последствия взрывов в Волгограде и исповедь Волочковой — о мужиках, о любви, о деньгах и личных обидах. Все убого и позорно…

30 декабря — последний гонорар в «МП» — привет от Джорджа Оруэлла.

31 декабря — подвел итоги года. Две книги — «Опасная профессия: писатель» и «Плач по возрасту». Рубрика «Погода и слово», 12 номеров «Алефа», один «Аккорд», 16 публикаций в «МП». 18 выступлений. Два интервью и что-то еще. Как говорила гидша в Вене: «Неплохо, да?!»

Новый год встретили глоточками французского «Камю». По ТВ удивил «Желтый Ангел» в исполнении Скляра и доставила удовольствие моя

любимая «Серенада солнечной долины» — музыка Глена Миллера. Ну, а Вертинский:

И тогда с потухшей елки тихо спрыгнул желтый Ангел

И сказал: «Маэстро бедный, Вы устали, Вы больны.

Говорят, что Вы в притонах по ночам поете танго.

Даже в нашем добром небе были все удивлены».

История

Можно согласиться с английским историком Олдосом Хаксли, что «История — как мясной паштет: лучше не вглядываться, как его приготовляют».

Следует вспомнить и слова польского сатирика Веслава Брудзиньского: «Те, кто творят историю, часто заодно и фальсифицируют ее».

Но все равно история притягивает людей, в ней ищут поддержку, силу, величие, гордятся победами и достижениями, но не хотят помнить ошибки, заблуждения, поражения. И никто не учит уроки истории. Если только говорить о России XX века, то все плутают в разноречивом

тумане, почему рухнула царская Россия, почему власть захватили большевики-ленинцы, почему после смерти вождя у руля власти встал Сталин? А секрет индустриализации страны, причины массового террора, закулисных заигрываний с Гитлером и все, что случилось после июня 1941 года и после войны? И далее, почему произошел крах советской империи, каковы слагаемые геополитической катастрофы?

О лихих 90-х и неокапитализме рассказано в некоторых контурах во 2-й книге воспоминаний и дневников, ну, а в 3-й книге деяния и результаты нового правителя ВВП. В конце дневника 2013 года я сделал небольшой пробег по СМИ. Шквал информации давно погреб под себя все эти информационные крики, плевки и пощечины в адрес власти, и хотя бы поэтому необходимо вспомнить, как возмущенно и в то же время весело развивалась левая пресса.

Итак,

Россия во второй половине 2013 года

В одном из летних номеров «МК» Александр Минкин в комментарии рубрики «Злоба дня» написал: «Страх в России. Восемь бед — один ответ: власть». Среди бед: упадок культуры, науки,

образования, резкое снижение уровня жизни и т. д. И все это за минувшие 13 лет (за эпоху порядка, собирания земель, подъема с колен…). За 8 лет (2002–2010) русских стало меньше почти на 5 млн, а киргизов умножилось больше чем вдвое…

9 июля — «МК», комментарий Елизаветы Александровой-Зориной «Постиндустриальный феодализм». Нам даруют право участвовать в выборах без выбора и выражать мнение, от которого ничего не зависит… Мы живем не по Конституции, а по «Русской правде»: убить холопа — не преступление… вокруг — большая бунинская «Деревня», злая, забитая…

27 июля, «МК» — Эдуард Тополь — «Позолоченный совок». «Вас обманули, капитализма в России нет». Везде, блин, территория тотального воровства и по вертикали власти, и по горизонтали без власти…

В 1990–2010 годах покончили с собой 800 тыс. человек — не смогли жить в вечной войне с окружающим дискомфортом, в вечной тревоге за себя и за своих близких… Отношение к своему народу как к быдлу…

13 сентября, «МК», колонка Юлии Калининой «Жизнь глазами домохозяйки» — «Город психов».

Огромное количество кипящих от злобы людей. Их так много, что они уже вышли из разряда частных случаев и приобрели характер общественного явления…

15 ноября — та же Калинина о выступлениях депутатов Госдумы: Пукнул и прозвучал. Доллар — нельзя, суррогатное материнство — нельзя, аборты — запретить, курить — штраф, митинги — снова штраф и т. д.

18 ноября — Кирилл Рогов в «Новой»: политический режим вступил в фазу динамической деградации… Режим сеет хаос, перекрывает его репрессивной экзальтацией…

20 ноября, «МП» — писатель из Уфы Игорь Савельев: «Катастрофа в головах». — «Можно просто констатировать факт. Мы тихо звереем, граждане…»

22 ноября, «Мос. правда» — «Главный враг — коррупция. Российские чиновники перестали воровать. Они стали грабить!»

28 ноября, «МК», Матвей Ганапольский, «Окопная правда» — Смотри на мир, как на войну. 78% россиян считает, что у России есть враги…

6 декабря — «МК», Владислав Иноземцев: «Элита сумасшедшего дома — православные сталинисты, чекисты-монархисты, коммунисты-националисты и рыночные чиновники…»

10 декабря — «МК» — письмо Минкина президенту: «Г-н президент, ваша Россия — сегодня должна называться “Россия позавчера”».

12 декабря — «МК», Вл. Чуприн:

Ночь, улица, Можайск, аптека –
И ничего для человека.

13 декабря — «МК», Мих. Ростовский о послании Путина Федеральному собранию: Путин фактически объявил Россию главным мировым оплотом традиционных моральных ценностей.

17 декабря — «МК» по поводу обвинений Сердюкова в миллиардных хищениях в армии: «Правящий клан своих не сдает».

27 декабря — в «Новой» на вопрос анкеты: назовите три определяющие приметы современной России, один из ответов: «Цинизм властей. Дикое социальное расслоение. Растущее самосознание и протест».

И в этом же номере «Новой газеты» интервью

с Сергеем Гуриевым, покинувшим Россию и читающим лекции в Париже: «Постсоветский человек боится государства и не доверяет ему, но с материальной точки зрения живет в целом хорошо…» Но все ли?..

* * *

Галопом проскочили три последних месяца 2013-го. Ну и, конечно, что-то пропущено, восстановлю. На 3 ноября, на 46-ю годовщину не брака, а союза, написал, высокопарно выражаясь, стих (да простят меня поэты):

Жизнь, как вол,
Тянет и тянет.
47-й пошел,
Весь в стыках и гранях.
Дай Бог и дальше ползти,
Пыхтеть и двигаться.
Вместе нам по пути
Под возрастом ига.
Главное: сохранить вкус,
Аромат и радость,
Не ощущать груз

И не падать в вялость.
Бодрости шагу прибавь!
Кто там шагает, хромая?!
В жизнь, как в воду, – и вплавь!
Мечтая о месяце мая.
Выплывем. Спору нет.
Надежда трепещет и бьется.
И посылаем привет
Тем, кто не сдается!..

Из дневника: Такого теплого ноября не бывало за все 34 года наблюдений за погодой. Ноябрь был теплее на 5,2 градуса климатической нормы…

В Риге обрушилось частное здание, и правительство Латвии ушло в отставку. И отклик на «Злобу дня» Минкина («МК», 29 ноября) — любо-дорого читать, так откровенно и по морде: «у нас никакой совести, хотя были ЧП похлеще: и “Курск”, и “Норд-Ост”, и Беслан, и Крымск, и Саяно-Шушенская ГЭС, и много чего еще — список так велик и ужасен, что продолжать его не будем… и наши министры, депутаты, губернаторы и пр. не признают своей моральной ответственности. И никакой другой тоже. Они бесстыжие…» («Власть без совести»). Более того, после каждой катастро-

фы кого-то награждают, якобы за спасение…

5 декабря в «МП» вышел Оруэлл: «Большой брат рядом». В альманахе «Лесной орех» полный Паустовский — «Золотая роза добра».

И, конечно, зло. Умер актер Юрий Яковлев, и множество посмертных газетных воздаяний… Ушел и профессор из «Осеннего марафона» датчанин Норберт Кухинке (род. 1 января 1940). И хочется повторить шутку из фильма с обратным знаком «Хорошо сидим!» — «Хорошо лежим!..»

В ноябрьском номере «Алеф» опубликован Наум Моисеевич Мандель, известный как Наум Коржавин, как определил в заголовке: «Русский поэт с еврейской душой».

Как жил я – судить не берусь,
Но вспоминать все это – боюсь…

Так написал Коржавин, а я вот пишу и пишу… О Коржавине я вспоминал с любовью: столько созвучий, столько совпадений, вместе с ним могу с горечью признаться:

Да – тоской исходили.
Да – зубами скрипели.
Все равно – допустили.
Все равно – дотерпели…

Короче, не могу себя не похвалить. Написал, и было напечатано немало хороших материалов и «проба пера» — цикл «Погода и слово», с января по декабрь. Вот только первая страничка декабря с дальнейшем обрывом (объем! объем!..). Как написал Вяземский:

Пусть все худое в вечность канет
С последним вздохом декабря
И все прекрасное проглянет
С улыбкой первой января.

Ну, и что принес следующий, 2014 год? Улыбающееся прекрасное или новое горькое разочарование?..

Если у читателей остались силы, то читаем дальше.

ПОГОДА И СЛОВО

Декабрь

Вот и дождались: Декабрь год кончает, зиму начинает. Зазимник-ноябрь уступил дорогу студеному декабрю-просинцу. Декабрь — лютовей. Декабрь и замостит, и загвоздит, и саням ход даст, — говорили в старину. Декабрь — стужайло.

Декабрь студен, на всю зиму землю остудит. А еще говорят: дубабрь. Если зимою сухо и холодно — летом сухо и жарко. Зимою вьюги — летом ненастье.

Блеснул мороз, и рады мы
Проказам матушки-зимы…

Это — Пушкин. Но в декабре не только проказы, но и феномены. В этом смысле декабрь стабильностью погодных явлений не отличается. Бывает, уже слетают листки декабрьского календаря, а настоящая зима все «стоит у входа и не решается войти». В декабре бывают и оттепели. В XX веке среднерусские реки из-за потепления вскрывались более 10 раз. Всем надоедает постылый чернотроп, и все ждут снега. Петр Вяземский в стихотворении «Первый снег» писал:

С какою радостью нетерпеливым взглядом
Волнующихся туч ловлю мятежный бег,
Когда с небес они на землю веют хладом…

И тот же Вяземский признавался: «Я себя называю природным русским поэтом потому, что

копаюсь все на своей земле. Более или менее ругаю, хвалю, описываю русское: русскую зиму, чухонский Петербург… и пр. и пр. …Пойду в потомство с российским гербом на лбу, как вы, мои современники, ни французьте меня».

Вяземский выбирал зиму как явление «пасмурной», «полуночной» природы Севера, противопоставляя ей «полуденный», яркий мир Юга, где торжествует вечная весна.

Многие русские поэты отдавали предпочтение именно зиме. «…и вот сама / Идет волшебница-зима», — Пушкин. «Чародейкою Зимою / Околдован, лес стоит…», — Тютчев. Словом, и волшебница, и чародейка. И с детства помнятся хрестоматийные строки:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь…

Ныне и крестьян почти нет, одни чиновники, менеджеры и полицейские, но все равно: пейзанин торжествует (строка из одной пародии). Летние шины надо менять на зимние и прочие хлопоты. Вспомним начальные строки стихотворения Николая Заболоцкого:

Зимы холодное и ясное начало
Сегодня в дверь мою три раза посту-

чало.
Я вышел в поле. Острый, как металл,
Мне зимний воздух сердце спеленал.

2014 год – 81/82 года

Что значит жить? Для вас – не знаю.
Игорь Северянин, 1914

Перед каждым годом встает проблема, как перевести, препарировать дневник в книгу? Целиком, без изъятий и сохраняя ненужные подробности, малозначительные детали, излишние рефлексии, уж точно не нужно. Кому это интересно? Книга должна не утомлять, а напротив — держать читателя в интересе, в напряжении, а что там дальше? Значит, надо сокращать, сжимать, оставляя только главное, и гнать читателя по страницам быстро-быстро.

В таком стиле сделан первый вариант, и 114 машинописных страниц превратились в 11 страниц наборного текста на компьютере. Информационно сжато, но с эмоциями. А к этому волею-неволею придется прибавить дополнительные страницы, связанные с упущенными событиями, с публикациями, встречами и с книгами. Такова схема представления 2014 года (17 апреля 2020 г.).

Итак, зачин сделан. И покатили по дороге Хро-

ники.

1 января — домашний день. Щекастик млел от звуков и красоты филармонического оркестра из Вены. Трансляция как новогодний подарок. А 4-го уже кайфовал я от американского фильма «Братья Блюз». Сколько выдумки, веселого закрута, оригинальных танцевальных движений. Нам до Голливуда как до Марса!.. В тот же день принимали гостей: Бориса и Сережу Кузнецовых. Крутили им диск с моим выступлением на канале «Ностальжи». Гости ахали и цокали языками…

7 января — в нашей маленькой семье витает дух соревнования: Ще с аппетитом прочитала «Дым», и я тут же взялся перечитывать Тургенева. Иван Сергеевич полезен для понимания современного русского человека…

8 января — занимался Хроникой 1998 года. Встреча с Наташей Давидовской, получили подарки, мне досталась майка футбольного клуба «Боруссия» (Дортмунд). Ответный подарок: «Плач по возрасту». Наташа: «Это то, что мне нужно», вместе с Наташей побывали на выставке Натали Гончаровой на Крымской. Гончарова — одна из ярких представителей русского авангарда. Художница прошла многие стадии творчества:

кубизм, футуризм, лучизм. Ее творчество повлияло на Малевича и Татлина…

9 января — в «Алефе» вышел мой материал «Не бывает напрасным прекрасное», в котором я порезвился на стихах Хармса и Юнны Мориц, защищая последнюю от читательского хамства: ну, не воспринимают современные дебилы поэтического мастерства и нюансов…

А в январском номере вышли «январские юбиляры» — новая рубрика в журнале «Наука и религия». Чистой воды просветительство. Главный юбиляр — Питирим Сорокин, 125 лет, он стоял у истоков науки социологии. Был выслан из России сразу после революции. В отечественных справочниках он долго числился как идеолог империализма и активный деятель партии эсеров. Питирим Сорокин нашел пристанище в США и стал ученым с мировым именем. Еще в России, будучи заключен в Петропавловскую крепость, Питирим писал в письме на волю: «Как ни темна ночь, все же впереди огни. Не умрет трудовая Россия. Не умрут великие идеалы свободы и социализма». Ныне Питирим Сорокин уважаем и почитаем. И весь мир пользуется такой полезной штукой, как социология. Только у нас, в России, в угоду власти, социология с ее данными и вывода-

ми постоянно фальсифицируется. Как говорят в народе: правда колет глаза…

Среди других январских юбиляров: 255 лет Роберту Бёрнсу, 120 — Василию Перову, 175 — Полю Сезанну, 150 — Власу Дорошевичу и скульптору Анне Голубкиной, 130 — Сомерсету Моэму (роман «Луна и грош»), 130 лет — Исааку Бродскому, первому «придворному советскому художнику» (многократно рисовал Ленина) и т. д. Последний юбиляр — 95 лет Джерому Сэлинджеру: «Над пропастью во ржи». Ну, а мы с вами, дорогой читатель, над пропастью чего?..

11 января — от юбиляров к погоде. Сплошные аномалии: в Северной Америке, в Штатах, жуткая погода для этих широт — морозы, а у нас — европейская зима, снег стаял, моросит дождичек. Теплынь в рождественские морозы, а тут еще привезли «Дары волхвов» («Святыни на поток», — съязвил «МК»), и верующие ломанулись приобщиться к чуду и чудесам…

И заодно о царствии небесном, куда отправились Николай Шмелев, Лидия Вертинская, не дожил до Нового года Калашников со своим автоматом, звезда мирового футбола португалец Эйсебио и кто-то еще.

16 января — очередная публикация в «МП» и гонорар. Пришлось напомнить: «А конверт?», и конверт появился. А 16-го выступал на Савеловском, у ветеранов, которых подкармливает «Хама». Собралось человек 20. Сначала их кормят, а потом после компота — духовная пища. Я не подкачал…

19 января — после мягкой европейской зимы с «нулевым плюсом» грянули морозы, и пришлось влезать в старую дубленку.

21 января — из печального: умер Ариэль Шарон, израильский политик, которого звали Лев и Бульдозер. У нас знаменитый метеоролог академик Юрий Израэль. У поэта Коржавина умерла любимая жена Любаня, 80 лет. «Умирать не страшно, мне только Эмочку жалко». Действительно, старый, больной, слепой…

23 января — попеременно то Хроника, то Брюсов. Ще тоже что-то кропает, а Лиля упаднически вещает, что нет никакого интереса и вообще жизнь прошла. Да… Отвозил материалы в «МП», Майя — замглавного. Встретил Алексея Пьянова, сказал, что следит за мной и восхищается, сам занимается переложениями Гомера и жалуется, что вся квартира завалена книгами и архивами.

Вечером отправились в музей Брюсова, но вечер провалился, и выступать было бессмысленно.

24 января — выступление в Управе «Сокол». В зале 25 человек: треть ветеранов откровенно дремала, а треть силилась слушать, и последняя треть испытывала от услышанного полный восторг. А потом чай с конфетами.

25 января — передохнул после рынка и принялся за Шекспира, замахнулся на «Вильяма нашего Шекспира». Погруженный в Шекспира, опрокинул чашку с кофе…

27 января — в мире конфликты, скандалы, ссоры. Кто-то в Давосе из наших сказанул: «Сегодня — Сочи, завтра — весь мир», а это перифраз фашистского гимна: «Сегодня — Германия, завтра — весь мир». Белковский о Медведеве: «Премьер политически слаб и малодееспособен».

Умер политик Ариэль Шарон, прозванный Бульдозером: восемь лет пролежал в коме… Разбился автогонщик, звезда «Формулы-1» Михаэль Шумахер. Нашли рак у 39-летней Жанны Фриске, красивой и успешной, и тут же вылезло у завистников подлое злорадство…

За наезд на «голубое церковное лобби» угро-

жают Андрею Кураеву. «Мне 51 год, — сказал он в интервью, — впереди болезни, старость и бессонные ночи…»

Ох, мне бы его 51 год — столько наворотил бы!..

29 января — занимаюсь Шекспиром, а сосед за стеной — ремонтом. Постоянно дрелит, сверлит, грохочет, — житья нет. Сделал ему замечание, а в ответ: «А что я? Я — тихо». Очевидно, у каждого из нас своя тишина.

4 февраля — весь в Шекспире, под него нашел и Достоевского, и Набокова, и Григория Козинцева, — всё в дело.

7 февраля — завершил Шекспира — 38 стр. И даже вставил свое посещение замка Эльсинор (Дания).

8 февраля — смотрю Олимпийские игры в Сочи, особенно фигурное катание. По поводу футбола отличился бандит-лингвист Кадыров, объявивший, что «судья продажная!». Русский язык вздрогнул…

Оппозиционная пресса пишет о призраке ползучего перерождения государства, Россия движется в сторону мрачного средневековья. К

временам Шекспира?..

12 февраля — полило из носа на бумаги Шекспира — все дополняю и дополняю. И два дня была высокая температура. Отказался от выступления в библиотеке в Выхино, а они уже афишу повесили…

18 февраля — снег почти стаял, и кругом одна давящая сырость.

20 февраля — после нескольких больничных дней вышел на улицу. Заболела Ще. А мечтали о Кёльне, Базеле!.. Куда там, ноги еле волочатся. Как сказала Ще продавщица Алла в магазине «24», узнав, что я заболел: «Он нам нужен!..» (она купила пару моих книг и с упоением их читала), на что Ще ответила: «Мне он тоже нужен!..»

21 февраля — приключение с краном в ванной: он течет. Из носа тоже. Все надо лечить и ремонтировать…

22 февраля — в «МП» вышел «Узник инквизиции» — Галилей.

25 февраля — завершилась Олимпиада — Путин сияет. Бросил миллиарды на собственное удовольствие. В Киеве победил майдан, и Янукович

позорно бежал в Россию. Украинский политолог Дмитро Корчинский сказал: «Украинцы — это нация повстанцев и разбойников. Мы все в душе махновцы, мы хорошо себя чувствуем только в ситуации восстания…» («МК», 25 февраля). А Кремль в страхе сажает «болотников».

27 февраля — получил два «Алефа»: февральский (окончание Юнны Мориц) и мартовский (Эркюль Пуаро). И 100 долларов. А он, доллар, скакнул за 36 рублей.

События событиями, а работать надо, сделал 7 страничек о Шекспире для «Алефа». Ще выступала в Тургеневке — «Жена для гения».

2 марта — стукнуло 82 года. С Эдуардо поехали в Инженерный корпус на выставку Зинаиды Серебряковой, потом посидели в ресторане «Братья Третьяковы». Сели в машину и доехали до Волхонки — родного гнезда. Уехали, а после нас вышли демонстранты: «Нет войне!» А без нас дома трезвонил телефон, который зафиксировал аж 57 звонков…

10 марта — погодный рекорд: +10. Печатал про апрель и английский фильм «Анна Каренина» с Кирой Найтли. И привет Сергею Соловьеву.

14 марта — радикулит оставил Ще дома, а я поехал на проспект Вернадского в большую библиотеку им. Гагарина. 30 человек. Продажу «Плача» увеличил до 67 книг и выручил 29.850 руб. Почти окупленные затраты. Получил газету «Запад Москвы» (от 7 марта) с моим интервью «Поздняя ягода».

16 марта — печатал про Алексея Хомякова. Было интересно.

20 марта — вышли юбиляры марта в «МП», а для «Науки и религии» долбил юбиляров июня, там главный — Чаадаев…

На конгрессе интеллигентов прозвучал диагноз, что мы — «страна с врожденной тоталитарной патологией». Идет «пышное патологическое умопомрачение».

21 марта — поддался на идею Сонечки Безелянской выступить в документальном фильме «28 июня» об убийстве австрийского престолонаследника Фердинанда, что явилось началом Первой мировой войны.

Подготовился, сел в белую «Шкоду» и поехал на съемки. Студия оборудована где-то за Павелецким вокзалом в здании бывшей швейной фабрики. Режиссер Сергей Ильин и еще какая-то вторая

фамилия. Режиссер предупредил: ТВ-аудитория — сплошные дебилы, поэтому не надо никаких стихов, мемуарных воспоминаний и прочих сложностей, попроще, покороче, погрубее. На меня сразу напала тоска зеленая, и захотелось, как Подколесину в «Женитьбе», выпрыгнуть из окна. А тут еще на меня надели какой-то фрак, повязали бант, еще белые лакированные ботинки, и в руку вручили трость с набалдашником, — эдакий господин-эксперт из начала XX века.

Мотор! — и я бросился, как Катерина в Волгу. И с ходу прочитал раннего Маяковского:

В небо люстрой подвешена
Целая зажженная Европа!..

И Сергея Городецкого об ура-патриотах того времени:

И в ад убийственный сойди
В руке с мечом своим суровым,
С крестом, сияющим в груди…

Меня, как Остапа Бендера, «понесло», и Сергей не остановил меня, а как зачарованный слушал. Потом сказал мне, что все было блестяще, но при монтаже кое-что вырежет… Кто-то из снимающихся артистов подошел после съемки ко мне

и спросил: «Вы артист или историк?» Я ответил: «Нет, журналист и писатель».

25 марта — преследуют всякие болячки: палец на ноге, распухла левая ноздря и т. д. И тем не менее врубился в Александра Пятигорского, зацепила ТВ-программа о нем. В два приема 6 стр. Звонил Штейнбаху по поводу гонорара, а он: «Не знаю, что делать: вешаться или стреляться?..»

31 марта — слег. Артрит. Вызвали врача, ползанье по квартире. Ползая, сделал черновик о Великой французской революции, а потом еще — «Юбиляры июня».

С 30 марта по 13 апреля не выходил из дома. Ступни наступить больно.

Ковыляю, ковыляю. Ковыляю, как ковыль.
А когда-то пер, как трактор,
И нахально да по тракту
И без всякого контракта,
Только искры, дым и пыль…
Никакой теперь не Гамлет,
И не Чацкий, и никто,
Не танцор в каком ансамбле,

Что взлетает так легко.
И не форвард, что бьет по голу,
Не защитник на ходу,
Не исполню нынче соло
На эстраде там в саду…
Лишь слова качаю тихо,
Потихоньку слезы лью…

И так далее, длинно и жалостливо.

8 апреля — позвонила Ира Гиммерверт: «Он ушел…» Немного дурной, но хороший ровесник, увлеченный творчеством. Мы познакомились в Радиокомитете во времена Лапина. В 90-е Анисим носился с идеей своего журнала, своей ТВ-программы, меня постоянно смущал. И ничего не вышло. Но я заразил его своими книгами, и он тоже издал пару…

17 апреля — отек ноги прошел, но Ще продолжает меня страховать и привезла из «Алефа» два журнала: апрель — Александр Межиров «Воин, поэт, эмигрант». И май — 1-я часть Джорджа Оруэлла «Старший брат рядом». В «Московской правде» вышел апрель…

24 апреля — выступал в библиотеке Плато-

нова на Усиевича перед старшеклассниками о Шекспире.

26 апреля — в субботнем номере «МП» на целой полосе появился мой Уильям Шекспир. Тираж газеты 75 тыс. экз.

29 апреля — уходы — Габриэль Гарсиа Маркес и Бенедикт Сарнов. Оба в 87 лет.

О себе Маркес говорил: «Я бедный человек, у которого временно завелись деньги».

3 мая — подготовка к ТВ: помывка, подстрижка усов и бороды и концов длинных волос (богема!). А в начале 5-го ввалилась ТВ-бригада из 5 человек с канала «Доверие» («А Лаврентий Берия потерял доверие»). Закатил монолог о Розалии Землячке (она же Залкинд). Два часа длилась съемка, я устал, а они молодые, полные сил (Боже, как я им завидую!), и для них еще жизнь как программа, которую они снимают: «Нераскрытые тайны». А вечером маленькое ЧП: вставал с кресла, за что-то зацепился и рухнул на пол, к счастью, обошлось без переломов. И главное — живой! А один из авторов «Алефа», Яков Коваленский, в апреле был сбит машиной насмерть. Ушла из жизни и Татьяна Самойлова, о которой я писал.

О, эта жизнь, и радость, и печаль.

6 мая — мне никогда не бывает скучно, всегда чего-то придумываю для саморазвлечения. Пришла идея выпечатать названия всех интервью за период 1991–2014, их набралось 91. Вечером с Ще решили пересмотреть записи старых ТВ-программ «Академии любви» — Гёте, Северянин, Айседора Дункан, Суворов и Кутузов, Ленин…

Спустя годы что можно сказать? Снято архаично, примитивно, слабые девочки, но я вроде бы на уровне и… молодой. Относительно, конечно.

7 мая — гуляли. Но как? –

И пошли до Сокола,
В парк, где есть кино.
Ходим только около –
И грустно, и смешно…

14 мая — ездил в «Науку и религию», отдал материал на июль. Получил майский гонорар, Брушлинская со вздохом: «В “Коммерсанте” гонорар 20 тысяч. Вот вам бы туда!..» А что, уже приглашают? Там своя свора, и чужих не берут…

15 мая — с Эдиком ездили к врачам в РАМБАМ, на обратном пути заехали в наш «24», и Эдик накупил всяких фруктов и далее на машине к подъезду, как «белый человек». Удобно и…

грустно.

21 мая — Ще была в глазной на Тверской, врач сообщила, что читает книг мужа. На обратной дороге в вагоне метро Ще увидела женщину, читающую «Опасную профессию». Ну, а я среди юбиляров натолкнулся на дневниковую запись Владимира Одоевского от 30 июля 1866 года: «Сегодня мне клюнуло 62 года. Никогда не ожидал выжить столько, и, если бы не ноги, — всем бы я был молодец…»

Ноги — это актуально.

27 мая — вышли в «МП» «Юбиляры мая».

28 мая — с ходу сделал нечто о Дмитрии Минаеве. «В полуденный зной на Сене я искал напрасно сени…» И все время нахожу какие-то дополнения к Шекспиру.

30 мая — на «Эхо Москвы» Сванидзе: «Упертая и вздорная страна, первичны лишь внешнеполитические понты… хочется империи!..» Ну, а мне хочется заняться «Русским Фаустом» — Вл. Одоевским.

4 июня — ездили за Щекиной книжкой «Двое» (тираж 50 экз.). Симпатичная книжка. Одно плохо: лето-2014 встречаем в развальном состоянии,

причем оба: нога, спина, глаза…

Умер Святослав Бэлза (1942). Бодрячок и нате! Очень жалко: он был книжником и ценил мои писания… Интеллигентное поколение уходит. И торжествует новое — шушера, «обалдеть можно!» и непрофессиональные неумехи.

Книга Ще подтолкнула меня сделать «Избранное» и издать за свой счет. Нет сил мотаться по издательствам и вести переговоры-уговоры. «Юноша бледный со взором горящим!..» Нет, ветеран и еле ходящий.

6 июня — возился с томами «Русского архива» и заинтересовался новой персоной для себя — Фаддеем Булгариным, заплеванным и оболганным.

10 июня — жара сменилась грозами и какой-то электрической погодой. Все время что-то не так и действует на самочувствие. Или это просто возраст?..

11 июня — с утра печатал про Булгарина, а в 16:30 поехали с Ще в «Аккорд». Вышел 20-й, юбилейный номер. Я им дал 14 юбиляров 14-го года, а они поместили только двух композиторов-песенников Аркадия Островского и Марка Фрадкина. А где Глюк?! Куда исчез он вдруг?..

На презентации славословие, затем фуршет. И музыкальная часть, фантазии на тему Гершвина.

15 июня — закончил Булгарина, получилось 22 стр. Назвал материал так: «Фаддей Булгарин — Бармалей Золотого века русской литературы». Чужак. Изгой. Булгарин — Фиглярин — так назвал его Пушкин. Пушкин — это наше все. А Булгарин — наше чужое (Польша, Франция). Однако не все так однозначно: многие считали Булгарина отличным литератором. Но многие не любили его и третировали. И дело не в якобы доносах, а в личном приятии и неприятии, и это, может быть, главное, что его не приняли в семью писателей. Аристократы отторгли плебея. «Евгений Онегин» против «Ивана Выжигина». Булгарин как предтеча массовой литературы. Разбираться во всем этом было интересно.

17 июня — уже занимался взятием Бастилии.

20 июня — взялся за Ахматову и ругал себя за то, что сам организовал вечер в центральной библиотеке Таганского района. Сам организую и сам же негодую, зачем?..

22 июня — ключевой матч чемпионата мира Бельгия — Россия, 1:0. Отклики: «За сборную не

стыдно. Ее жалко». «Мы решили, что, купив Фабио Капелло, купили результат» и т. д. Короче, пресса размазала…

25 июня — выступление в библиотеке, почти полный зал, более 30 человек, много мужчин и молодых. И казус: забыл дома шпаргалку об Анне Андреевне с ее стихами. Пришлось выкручиваться и полагаться на свою память. Не подвела. И коробка элитных трюфелей как гонорар.

Ну, а сборная России не вышла из группы и завалила очередной чемпионат, хотя накануне газеты призывали: «Всем мечтать!», «Россия, покажи зубы» и т. д. И показали свое полное убожество…

У Ахматовой нашел слова, обращенные к Иннокентию Анненскому: «И славы ждал, и славы не дождался» Я жду не славы, а всего лишь признания, что сделал много интересного и полезного. Но высоколобые критики молчат. А есть ли критики?! Тут узнал, что покойный Евсеев успел выпустить книгу «Вечерний клуб», а Михайлов ее отрецензировал и умудрился не упомянуть мою фамилию, хотя в газете я был звездой первой величины. Вот так: чужак, не тусовщик, не выпивоха, короче, не наш человек…

2 июля — ездил за августовским «Алефом» — «Шекспир на все времена», первая часть.

8 июля — написал короткое эссе «Бегство» по поводу альбома фотографа Данилы Ткаченко, внука Эльвиры. Добивается признания в Европе…

10 июля — делал декабрьских юбиляров, а Лермонтова решил выделить отдельно.

11 июля — к ночи закружилась голова и повело… Эх, играю с огнем.

12 июля — в «МП» напечатан сокращенный вариант Великой французской революции. И жаль, что мое маленькое историческое эссе (33 страницы машинописного текста) не вошло в какую-нибудь книгу. А я старался, и в тексте был подзаголовок «Прогресс. Страх. Террор».

А какие яркие люди вершили Французскую революцию, герои и злодеи одновременно, — Мирабо, Дантон, Робеспьер и другие. После революции народ надругался над прахом Робеспьера и сочинил эпиграмму:

Прохожий, не печалься над моей судьбой,
Ты был бы мертв, когда б я был живой.

И концовка исторического эссе (1–14 апреля 2014 г.):

«Лично я люблю Париж, где каждый камень дышит историей и свобода разлита в воздухе.

Я брожу по Парижу из района в район. Между 15-м и 16-м округами расположен мост Мирабо. Гийом Аполлинер написал строки, которые знает каждый француз:

Под мостом Мирабо катит волны Сена

И проходит наша любовь…

По-французски это звучит мелодично и поэтично. Проходит любовь. Проходит жизнь. Тяжелой поступью проходит история…»

13 июля — смотрел финал чемпионата мира Германия — Аргентина, 1:0. Вся Германия ликовала, а мы снова у разбитого корыта завышенных мечтаний, требований и просто «хотелок».

16 июля — отклики на чемпионат в Бразилии: восхищение немецкой машиной. А Россия, как написали в «Советском спорте»: «Она была словно постная каша. С трудом проглотили и забыли».

19 июля — выходя из троллейбуса, зацепился за детскую коляску и рухнул на асфальт. Ушибы…

27 июля — завершил небольшое исследование о Лермонтове. Занимался Михаилом Юрьевичем почти 10 дней и закончил 27 июля, в день его гибели по новому стилю.

200 лет Лермонтову, а что изменилось за два века в «стране господ, в стране рабов»?.. Тут попались на глаза слова академика РАН Гринберга: «Наш человек либо барин, либо лакей. Главная забота жизни — вырваться из народной толщи и попасть в президиум». Н-да…

1 августа — Ще 74… А в ночь по Первому каналу — фильм — «Первый выстрел Первой мировой». Фильм сделан в жанре и стиле Рашен-клюква: сплошная конспирология, заговор темных сил. Не Гавриил Принцип стрелял, а какой-то профессиональный киллер или адъютант, ехавший на подножке автомобиля. И в заговор вплетены масоны, евреи, банкиры. Меня показали в фильме два раза. Первый канал — это актив или пассив?..

9 августа — Эдик повез нас в Царицыно — лет 10 собирались. Хорошо погуляли, вкусно покушали. Полюбовались видами. Царицыно — маленький островок в море безумия, злобы и глупости.

12 августа — ездил в «Науку и религию». В но-

мере, помимо юбиляров, помещен Владимир Одоевский — «Философия русских ночей»…

И утраты, утраты… Умер на футбольном поле во встрече ветеранов Андрей Баль, 56 лет. Прекрасная смерть!.. В 90 лет ушла звезда Голливуда Лоран Бэкол, которая когда-то снялась в фильме «Выйти замуж за миллионера».

17 августа — Ще закончила набор Шекспира — 54 стр. Я вычитывал написанного Лермонтова. Получил результаты сданных анализов: главное, сахар — 6,7 при норме 4,1–6,4… И поверх всего крик главного санитарного врача России Онищенко: «Прекратить пищевой космополитизм!» Никакого пармезана, только щавель и крапива.

23 августа — допечатал предисловие к книге «Избранное». И придумал главку «Личный архив. Памятные события и даты».

25 августа — в СМИ публикация «Прощай, глобальная Россия!». Мы стремительно изоляционизируемся… И на Запад теперь не поедешь…

26 августа — в солнечную и ясную погоду совершили прогулку по отреставрированной Пятницкой улице. Что хорошо, то хорошо. Далее Красная площадь, ГУМ, мороженое — детские

удовольствия…

28 августа — телефонная стычка с О.Ю. Полное непонимание друг друга. Я ей: «Мы с тобой как с двух разных планет». Она: «Да, я с другой планеты после того, как ты ушел от нас с мамой…» Господи, прошло 47 лет, а она не может побороть комплекс детской обиды. И будучи взрослой, не смогла ужиться с мужем и развелась. О.Ю. — самое большое разочарование в жизни. Ни профессии, ни работы, ни семьи, ни детей, ни друзей и лишь вера в Бога да кот Филимон.

2 сентября — в «Алефе» вышла 2-я часть Шекспира.

4 сентября — рухнула стиральная машина «Канди». И приключение с подключением, новая, производства Словении, — 17.900. «Вам привет от Мордыхая», как поет Вилли Токарев. Попросили подключить приехавшего с ней мастера. Он подключил не так. Вызвали нового, и крик Ще: «Какая я дура!» Короче, страсти по «стиралке». «Трали-вали — пассатижи». А то все Шекспир! Анна Каренина!..

А что вокруг? Веллер по «Эхо»: «Богатая страна с нищим народом». Иронический Сванидзе: «Нудно, тоскливо, неприятно заниматься экономикой,

а воевать приятно…»

10 сентября — звонок Али: «Юра ушел…» Я знал его более 60 лет с «Советского студента», где мы познакомились. Интенсивно и весело дружили, а потом наши пути разошлись: я остался в журналистике, он стал делать карьеру. Апофеоз: Хача в своем кабинете, я у него в «гостях». Звонок из Кремля, и он важно:

— Меня вызывают в Кремль.

— Кто?

— Бодюл.

— Ну, и что?

— Ты не понимаешь: Бо-дюл! Зампред Совета Министров СССР.

— Ну что ж — беги.

И он побежал…

Да, и тем не менее до карьерного взлета Хачатурова, до того, как он стал замминистра, мы дружили. И вот нет старых друзей: Борьки Давидовского, Хачи, Анисима.

Друзей в моей жизни было немало, и дружил, приятельствовал со всеми по-разному, но объединяло одно: начало дружбы и ее конец (иногда по физической причине). Виктор Крючков, Слава Савва, Андрей Тарковский, Борис Давидовский, Игорь Горанский, Саша Стрижев, Анисим Гим-

мерверт, Игорь Добронравов, Володя Соловьев, Илья Симанчук, куча приятелей на Пятницкой, на Радио и т. д.

Были размолвки, расхождения, а потом пошли уходы. Ще сообщила о последнем Лиле, та потрясла наивным вопросом: «А сколько осталось?..» Остался пшик.

И о Бодюле. Был и сгинул, и никто, кроме близких, его не помнит. Работал вместе с Брежневым в Молдавии, а потом Леонид Ильич взял его в Москву. Типичная партийная дружба. Бодюл — не фигура и не личность, а партийно-хозяйственная функция.

15 сентября — воспалился печатающий палец. По ночам мучают судороги ног. Пришлось покупать лекарства — опять за 2 тыс. Зарабатываем — тратим: перпетуум мобиле.

18 сентября — в «МП» «Юбилеи сентября». Юбилеи знаменитых людей и литераторов как календарную идею я использовал во многих газетах и журналах и, кажется, съел на этом собаку, причем большую. И вот тянул ее в «Московской правде» — для любознательных и гурманов. И что я выделил в сентябре 2014 года?

540 лет со дня рождения Людовико Ариосто,

«неистового Роланда».

490 лет поэту Пьеру де Ронсару, и привел его строки в переводе Вильгельма Левика:

Три времени, Жамен, даны нам от рожденья:

Мы в прошлом, нынешнем и будущем живем.

День будущий – увы! – что знаешь ты о нем?

В догадках не блуждай, оставь предрассужденья,

Дней прошлых не зови – ушли они как сновиденья,

И мы умчавшихся вовеки не вернем;

Ты можешь обладать лишь настоящим днем,

Ты – слабый властелин лишь одного мгновенья.

Упомянул и Фенимора Купера. Кто сегодня читает про Соколиный Глаз и Кожаный Чулок?..

210 лет Александру Полежаеву, который, по словам Герцена, не мог «сделаться полицейским поэтом и петь доблести Николаю не мог…». Отсюда и запрещенный цензурой сборник «Разбитая

арфа», чахотка и смерть в 33 года.

Другое дело — Алексей Суворин, издававший «Русский календарь», серию «Дешевая библиотека». Его газету «Новое время» читала вся Россия. Но сам Суворин был человеком далеко не ординарным…

Мигель де Унамуно, мыслитель в поисках «вечного я».

Мартин Хайдеггер — еще один философ, утверждавший, что «язык — это дом бытия»…

Польский поэт и сатирик Юлиан Тувим.

— «Помни о бедных, — говаривал некий лодзинский фабрикант, — это ничего не стоит».

— «Здоровье только одно, а болезней тысячи». Это все Тувим.

А в конце юбиляров отметил Виктора Бокова — 100 лет.

…Эх, Витя! Теперь уже не вылеты,
А выползы на сугревы.
Ты вспомни, какие мы были-то,
Какие к нам ластились девы!..

Нет, мои юбиляры никогда не были скучными. С их помощью я размышлял, эстетствовал и лукавил (14 сентября 2018 г.).

20 сентября — выступление в Тургеневской библиотеке на заседании секции КЛИО — более 30 человек. Тема: Шекспир на все времена. Кто-то из зала задал вопрос: «А скажите, влиял Шекспир на Лермонтова или Лермонтов на Шекспира?» Я разозлился и ответил: «Конечно, Лермонтов на Шекспира!» Какая же бывает у некоторых читателей каша в голове… Но, с другой стороны, как обижаться на читателей. Когда мы пришли за ограду Тургеневки, остановились около афиши с моим именем. И для забавы спросил, а кто выступает? Женщина посмотрела на меня с возмущением: «Это известный писатель». Ще умирала от смеха…

25 сентября — в нерве колотил предложенную для «Алефа» тему: Еврейские мотивы Лермонтова.

Да, расколотый народ: умные и нормальные в меньшинстве, а в большинстве — глупые и покорные холопы, рабы и смерды, ну, и примазавшиеся патриоты-карьеристы.

1 октября — в Домжур пригласили на День пожилых людей. Щербина: «А вот и знаменитый Юрий Безелянский с женой!» Все повернули головы. Стол был скромным (санкции, конечно)

— в основном осетинские пироги. Я, выступая, говорил о книге «Плач по возрасту». Журналистка из газеты «50+» Гульнара Брик возбудилась: как интересно!..

8 октября — в октябрьском «Алефе» 1-я часть Булата Окуджавы — «Печальные песни веселого барабанщика» и 100 долларов, а доллар, кстати, взлетел до 40,53 при дешевой нефти. Кризис…

10 октября — после приступа радикулита вышел на улицу. Вспомнил, как лет 10 назад Додо по телефону из Тбилиси спрашивала Ще: «А Юра выходит?» Выходит…

12 октября — в книге «Избранное, или Салат воспоминаний» решил отсечь главы «Отдых», «Командировки», «Зарубеж». И без них книга распухает, хотя вспоминать свои многочисленные поездки заманчиво…

14 октября — в библиотеке Платонова провел выездной урок литературы для старшеклассников. Говорил о Лермонтове и призывал ребят беречь время, не тратить его на пустяки. И гонорар: шикарный букет роз и коробка конфет.

15 октября — в «МП» вышла 1-я часть Лермонтова.

17 октября — выступление в библиотеке Фурманова на Беговой. Провал: собрали лишь 10 человек. Какой-то бизнесмен и поэт Вл. Козенец купил 3 моих книги: «Дневник», «Плач» и «Опасную профессию» за 1800 руб. И подарил свою книжечку стихов: «Я поэт не по значку литвуза…» Графоманство жуткое.

19 октября — с утра семейная идиллия: вдвоем с Ще резали яблоки для варенья. И вспомнилась запись Василия Розанова о возбуждении одного пылкого юноши: «Что делать? Что делать?!» И Розанов писал: «Что делать? — летом собирать ягоды, а зимой пить чай с вареньем…» А потом я буквально вгрызся в жизнь Аркадия Белинкова.

26 октября — закончил Белинкова под 20 стр. Как дерзко и смело высказывался.

О системе: «Тиранические системы неисправимы, не могут быть исправлены. Они могут быть только уничтожены…»

О режиме: «Самый гнусный самодержавный режим никогда не бывает всегда во всем и для всех гнусен…»

28 октября — появилась 2-я часть Лермонтова в «Московской правде». И как говорил Михаил Юрьевич:

У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу…

30 октября — поехал в синагогу на Бронную получить деньги (помощь от богатых американских евреев) и налетел на стеклянную дверь: очки вдребезги!.. Не первый случай подобного рода: плохо вижу.

7 ноября — ничем не примечательный день. А была ли революция в октябре 1917 года?

9 ноября — ездили на Речной в «Перекресток» и угомонили 3 тыс.: кофе, чай, шоколад, подсолнечное масло, куриное филе и т. д. Лиля по телефону с вызовом: «Я не могу себе позволить покупать мясо!..» Играет в бедную?

20 ноября — возмущение излил в стихотворные строки:

Жизнь дорожает. Как и гречка,
Все нынче дорого и круто.
И каждый блеет, как овечка,
Что вся раздета и разута.
Осталось лишь одно величье:
«Крымнаш!» – и крик победный.

И на врагов озлобье бычье.
А в остальном народ-то бедный
Обманут. Туп и замордован.
Чужие мысли вбиты крепко.
И эта кара Иеговы?
Или того, кто правил в кепке?..
Кто всю Россию об коленку
Сломал и на века отбросил.
И только слюни… только пенки…
И тьма кругом. И вечно осень.

22 ноября — вихрь каких-то хозяйственных дел. То нужно ставить водосчетчик (веяние времени?), для этого надо долбить стену и устанавливать вентиль. А еще пришлось покупать новый холодильник «Атлант» взамен старого ЗИЛа (с 1961-го).

Маялись, когда привезут.
Ожидание холодильника,
Словно девушку на свидание…
И траты, траты, и деньги, деньги…

25 ноября — звонок Людочки из Нью-Йорка: «Вы не голодаете?» Видно, на Западе считают, что

в России совсем худо…

26 ноября — Нон-фикшн на Крымской. Потрясли две красавицы на стенде ЭКСМО, рекламирующие не обычные автомобили, а книги. Роскошные девицы.

Немного поболтал с Андреем Макаревичем. Он продавал свою книгу, и никого вокруг…

27 ноября — получил два «Алефа»: ноябрьский с окончанием Окуджавы и декабрьский — философ Пятигорский.

29 ноября — занимался Григорием Баклановым, 1 декабря закончил его. И всплыло новое имя: Евреинов!..

9 декабря — что-то накатывает и накатывает, и вот новый стих «Байрон, Лермонтов и сегодняшний день».

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!

Вот арфа золотая…

М. Лермонтов.
Еврейская мелодия (из Байрона)

Скорей, певец, скорей!

Вот арфа золотая!..

Нет, ныне все не то,
И жизнь пошла иная.
Не арфа – барабаны.
И дробь, и шум, и крики.
Кругом одни обманы,
Все серо и безлико.
Не нужен ни певец,
И ни поэт, ни гений, –
Пришел всему конец,
Всем прежним песнопеньям.
И только барабаны
И шелест ассигнаций.
Танцуют все канканы,
И нет конца оваций.
Бесстыдство и порок,
И зла кривая морда.
Не выучен урок –
И что мы видим? Орды…
Ликуют и кричат,
Грозятся уничтожить.
Не жизнь, а сущий ад,
И дрожь идет по коже…

Что добавить? С двух часов дня начинает темнеть, и эта темнотища действует на меня угнетающе…

26 декабря — плохо себя чувствую. И все время что-то теряю и не могу найти. Хотел написать о режиссере Михаиле Ромме и не смог найти книжку его рассказов. Хотел написать об Евтушенко, достал досье, а оно огромное, вздохнул и отложил. Зато с удовольствием чищу архив: и в пакет на выброс полетели Прилепин с Гришковцом. Смешно мне о них писать…

31 декабря — встречаю Новый год в состоянии какого-то развала и ужасного настроения. В газете «50+» вышли отрывки «Плач по возрасту». В альманахе «Лесной орех» опубликован Шварц, а в «Науке и жизни» так и не появился Руссо — обида на меня тлеет с середины 1995 года, не могут простить, что оборвал «Один день из календаря Ю.Б.». Для «Алефа» подготовил «Гвардейцев вождя» — Авербаха, Лелевича, Родова.

Вот и год подошел к концу. Как кто-то написал: год в сапогах… в недоверии ко всему и ко всем, в унынии и глубоком отвращении (это уже оценка Ал. Минкина в «МК», 28 декабря).

А главное: чтобы здоровье не подвело. За окном

снег и минус 8.

* * *

Краткий пробег по хронике завершен. Но кое-что хочется добавить, дополнить.

23 января — в «Мос. правде» встретил Пьянова, бывшего главного редактора «Крокодила» (а жив ли он в эпоху удушья?). Пьянов сказал, что следит за мной и восхищается, так как подобной культурологической работой никто не занимается, «кроме вас». Приятно было слышать похвалу в свой адрес. Только вот издателям все это до фонаря. Они считают, что мои культурологические изыски и экзерсисы денег не приносят…

Вспомнили и Ленина в связи с 90-летием со дня рождения. И чего только не вспомнили: и определение «думающая гильотина» (Струве), и «змей-искуситель»: обещал именно то, о чем мечтало большинство населения. Обещал и… Бисмарк: «Революции замышляют гении, осуществляют фанатики, а их плодами пользуются ничтожества». Все так и происходит периодами истории. Кто-то заметил в прессе, что иногда кажется, что обитатели Кремля прибыли с другой планеты. Кремляди…

30 января — в рамках оптимизации добрались до галереи «Творчества» и уволили опытного Гинзбурга, Григорий Николаевич в дауне, да и я лишился неплохой площадки…

К 25 февраля следует добавить к бегству из Украины Януковича. Вспомнил Маяковского, его строфы о члене кадетской партии Сергее Ник. Прокоповиче:

И только под вечер:
– Где Прокопович?
– Нет Прокоповича.

Как интересно, что в истории часто бывают аналогии… А если читать «Бесы» Достоевского, то не только отдельные события, но и повторяются целые картины. Вот слова одного из персонажей романа Кармазинова:

«…Святая Русь — страна деревянная, нищая и… опасная, страна тщеславных нищих в высших сферах своих, а в огромном большинстве живет в избушках на курьих ножках… Одно правительство не хочет сопротивляться, но машет дубиной в темноте и бьет по своим. Тут все обречено и приговорено. Россия, как она есть, не имеет будущности… русскому человеку честь одно только лишнее бремя…»

Вышел мартовский номер «Науки и религии» с юбилярами месяца, март — это мой месяц. И кого отмечал? 270 лет Екатерине Дашковой, сподвижницы Екатерины II. Благодаря Дашковой появился первый толковый словарь, который весьма высоко ценил Пушкин.

160 лет актрисе Марии Савиной, 125 лет американкой звезде немого кино Перл Уайт. 100 лет Татьяне Окуневской. 470 — Торквато Тассо, итальянскому поэту эпохи Возрождения. 190 лет педагогу Ушинскому. 175 — Мусоргскому, 170 — Римскому-Корсакову, 140 лет Николаю Бердяеву. Мировую славу ему принес этюд «Новое средневековье» (1924). 125 лет моему любимцу Александру Вертинскому. 80 — Юрию Гагарину.

Но главный юбиляр созвездия РЫБ — Тарас Григорьевич Шевченко, 200 лет (по новому стилю родился 9 марта 1814 года). Великий кобзарь призывал граждан Российской империи пробудиться:

Кто приветит, угадает
Праведное слово?
Все оглохли, все смирились,
В кандалах не тужат…

Мало кто из современных людей опечален бед-

ствиями родины, как Тарас Шевченко. Он мечтал, чтобы «все славяне стали добрыми братьями». Многие его называют и по сей день «националистом» и говорят о его нелюбви, вплоть до ненависти к «москалям». К каким москалям? К власти, к самодержавию, к царскому режиму? Да! К русскому народу? Нет! И русские, и украинцы поют его знаменитые «Думы»:

Думы мои, думы мои,
Лихо мені з вами!..

М. Ростовский в «МК» о верховном, он «ловит кайф и купается в атмосфере праздника и триумфа…». А в конце комментария уже не за здравие, а за упокой: «Крымская драма России еще только начинается…» Оль-ля-ля!..

31 марта — ввели комплекс ГТО, как пошутил «МК», «Вместо старого “Готов к труду и обороне” — “Готов к безработице и наступлению!”». Запреты следуют за запретами, даже сайт закрыли дома-музея Льва Толстого. Школьникам противопоказана «Женитьба Фигаро» Бомарше, а вдруг какие-нибудь чуждые мысли появятся?.. Писатель Савельев в «МК»: «возвращаясь к Эзопу»…

1 апреля — в альманахе «Лесной орех» (300 экз.).

Выступали вместе с Ще, она о Гайто Газданове, я — об Александре Аронове. Почти молитвенное:

Пока я здесь таскаю кости,
Пока плетусь в кино и в гости,
Пока мои продлятся дни,
Пока не замер на погосте, –
От ненависти, злобы, злости…

Александр Аронов — поэт-иронист. Писал замечательные стихи. Он умер осенью 2001 года, в 67 лет. Как кто-то из его друзей сказал: «Таланта Бог дал ему много, а славы судьба дала ему мало». Так бывает довольно часто… Я включил Аронова в свою книгу «Опасная профессия: писатель» (2013).

Но дай хоть раз еще успеть
Остановиться, оглянуться.

20 апреля — газеты полны событиями на оторгнутых (или аннексированных) территориях. Одна женщина в Луганске в крике: «А що нам Россия?! Видали мы Россию, 20 километров всего, все то ж самое: то же ворье. Или вы думаете, там медом намазано?..»

Вышли два номера «Алефа» — апрель и май, —

там Межиров и 1-я часть Оруэлла «Старший брат рядом», Межиров назван так: «Воин. Поэт. Эмигрант». И войну описывал не героически: «По своим артиллерия лупит…» В конце 80-х Межиров писал:

Что ты плачешь, старая развалина,
Где она, священная твоя
Вера в революцию и Сталина,
В классовую сущность бытия…
Шли, сопровождаемые взрывами,
По своей и по чужой вине.
О, какими были б мы счастливыми,
Если б нас убили на войне.

Такое мог написать только человек, осмысливший всю свою предыдущую жизнь во времена Сталина и после… И печальные последние годы:

Все приходит слишком поздно,
И поэтому оно
Так безвкусно, пресно, постно,
Временем охлаждено.
Слишком поздно – даже слава,
Даже деньги на счету, –

Ибо сердце бьется слабо,

Чуя бренную тщету…

Это Межиров. А что говорить мне, «поздней ягоде», когда некая известность пришла после 60 лет?.. Ну, а английский писатель Джордж Оруэлл — ставлю себе в заслугу, что написал о нем. Это важная и полезная работа для понимания мира, в котором мы живем.

В романе «1984» Оруэлл представил во всей красе пафос власти: тотальный контроль с напоминающими плакатами — «Большой Брат видит тебя» — наблюдение за всеми и всегда, для чего действует специальная Полиция мысли и активно работает Министерство Правды:

Война – это мир,

Свобода – это рабство.

Незнание – сила.

Три зомбирующих кита, на которых держится государство Большого Брата… В конце романа главный герой Уинстон Смит с упоением слился с общей массой. Мысли и чувства перестали тревожить его душу и ум. И Оруэлл описывает финальную сцену:

«…Две пахнувшие джином слезы скатились

по его носу. Но теперь все хорошо, все хорошо — борьба закончена. Он победил себя. Он любит Большого Брата».

Статистики нет, и поэтому неизвестно, сколько людей любит Большого Брата по велению души, сколько за деньги и сколько заблудившихся и зомбированных, и никакой Чаадаев с Бердяевым им не помогут увидеть свет истины, они верят лишь Министерству Правды…

В августе и сентябре в «Алефе» напечатан «Шекспир на все времена» к 450-летию великого Шекспира. В предисловии написал: «Шекспир потрясает. Ошеломляет. Удивляет. Печалит, развлекает. Учит».

Есть многое в природе, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

Это из «Гамлета» в переводе Мих. Вронченко. В своей работе я обращался к нескольким переводчикам Шекспира.

Жизнь – это только тень, комедиант,
Паясничавший полчаса на сцене:
И тут же позабытый; это повесть,
Которую пересказал дурак:
В ней много слов и страсти.

Нет лишь смысла…

Всем хочется постигнуть высшего смысла человеческого бытия и всемирной истории, а он ускользает даже от мудрецов. Может быть, этого смысла и вовсе нет… (23 апреля 2020 г.).

Какие есть возражения? Сгустил краски, перебрал с критикой?

Давным-давно в романе Тургенева «ДЫМ» некий персонаж Потугин рассуждает:

«…Нам во всем и всюду нужен барин… главное дело, чтоб был у нас барин… а на все остальное нам наплевать! Чисто холопы! Новый барин народился — старого долой! То был Яков, а теперь Сидор; в ухо Якова, в ноги к Сидору!.. Все унывают и исполнены надежды… все, мол, будет, будет. В наличности ничего нет, и Русь в целые десять веков ничего своего не выработала, ни в управлении, ни в суде, ни в науке, ни в искусстве, ни даже в ремесле… Но горазды восторгаться до пены у рта тому, что мы, мол, русские…

— Ну, а Россию, Созонт Иваныч, свою родину, вы любите?

— Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу… Да-с, я и люблю, и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину…»

* * *

Ушли из жизни яркие персоны — политик Эдуард Шеварднадзе и правозащитница Валерия Новодворская — 64 года. Дивный ребенок с несгибаемым духом. В одиночку воевавшая с государственной машиной.

28 июля — задумал издать еще одну книгу «Избранное из избранного» — некое интеллектуальное ассорти или Вербальный салат и начать с Шекспира.

Добавление к записи в дневнике: И книга вышла! Придумано — сделано. Книга была подписана в печать 10 марта 2015 года, увесистый том — 590 стр.

8 августа — в нынешнее гнусно-липкое сюрреалистическое время невольно вспоминаешь застойные времена Леонида Ильича, когда нас убаюкивали умилительные телерепортажи, но ныне как бы рожь не колосится, и комбайны не работают, и нет программ «Шире круг!» и «Лейся, песня!». Все иначе, в основном ЧП, скандалы, аресты и посадки… Кто-то мрачно бросил: «Страна-морок». «Страна шагает в никуда». Военная истерия. В «Новой газете» стихотворные строки:

«Время угрюмое, кончились праздники…».

14 августа — ездил в РАМБАМ на ул. Образцова, сдал анализы, сделал УЗИ, комментарий врача: «Кроме вырезанного желчного пузыря, вы неинтересны для врача». Я не возражал… Юбиляры месяца выходят в двух изданиях: в «Мос. правде» и в «Науке и религии»,

29 августа — «Умереть от скуки. Третья мировая как альтернатива надоевшему миру». Белковский утверждает, что война — естественное состояние человека, во время войны есть ты и есть враг. «При мирной жизни ты был пьяницей, вором, даже мелкобытовым убийцей. Ты пошел на войну — и все это исчезло. Ты начинаешь жизнь с нуля. Если погиб — мертвый герой, выжил — живой. Но все равно типа герой. В любом случае ты имеешь право не спрашивать с себя, почему ты так бестолково жил до войны. Это ли не счастье?..»

Добавим к этому. Очкарики-интеллигенты предпочитают сидеть за столом и ворошить свои бумажки, а отвязанные и отмороженные парни с наколками берут в руки автомат Калашникова. И какой адреналин!..

А чиновники из Евросоюза считают, что Рос-

сия присоединением Крыма и дестабилизацией Востока Украины нарушила фундаментальные основы европейской безопасности… И первые итоги санкций Запада, точнее, продуктового эмбарго: качество еды хуже, цены выше…

24 октября — вчера была неплохая программа «Культурной революции» на тему: надо мечтать или не надо? Кардиолог Бузиашвили и педагог Ямбург считают, что надо не мечтать, а добиваться поставленной цели. Ну, а у большинства, проще говоря, обывателей, есть «мечтулечка»: квартира, мебель, кухонно-бытовые приборы и т. д. И как вершина — автомобиль. Это не про нас с Ще: у нас главное: книги, архивы и поездки на Запад, но последние, увы, в прошлом! Силы иссякли…

Отличился председатель Конституционного суда Зорькин, заявивший, что важнейшее достижение нашей уникальной цивилизации — крепостное право, которое остается ключевой духовной скрепой русского народа. Хоть стой, хоть падай! У наших правителей что-то явно неладное с головой. Одна забота: удержать власть, ну, а крепостничество — подходящее дело. Вздрагивают даже Маркс с Лениным!

Зорькин грезит о безропотных крепостных

для царя, которому служит, а писатель Веллер рассуждает в «МК» (3 октября) о книгах: «Любой человек мечтал бы написать книжку о своей жизни. Своя жизнь ценна в старости, хочется все запечатлеть… и я решил написать книгу, где будет запах эпохи, коммуналки, запах дефицита…» Лично я давно этим занимаюсь, ведя многие годы дневник, что-то улавливая и запечатляя. И вот уже 4-я книга воспоминаний и дневников. Но моя книга не столь бытовая, сколь литературоцентричная: больше о том, что прочитал, что написал сам, о каких писателях, поэтах и мыслителях написал, каким параллелям и сходствам в судьбе подивился и т. д. По существу, мои книги не для простого читателя, а скорее для книжника. И опять стихи, цитаты, выдержки из чужих книг…

А как же старые довоенные песни: «Я другой страны такой не знаю, где так вольно дышит человек…» Какие удивительные метаморфозы!.. И кстати о старом времени: парад на Красной площади 7 ноября 1945 года, главные лица: Сталин, Жуков, Рокоссовский.

69 лет спустя – 2014 год, тройка «главных»: Путин, Шойгу, Бортников. Большая

разница, как говорят в Одессе. Нет, лучше о сексе. Фильм «Хлоя» (стародавние времена, Дафнис и Хлоя) – известный врач-гинеколог (ее играет Джулианна Мур) нанимает сексапильную блондинку узнать, верен ли ей муж. Блондиночка совращает мужа, потом жену – Джулианну Мур (сцены лесбийской любви), а затем покушается на сына-юношу. Это не наше кино: «Три танкиста – три веселых друга. Экипаж машины боевой!» Это растленный Запад, демократия со вседозволенностью. Ату ее? Ату! Фашисты, понимаешь! (с интонацией Ельцина).

20 ноября — политика, кино, а быт не хотите? Целая эпопея с установлением водосчетчика (новое из жизни ЖКХ), долбили стену, устанавливали загадочный вентиль, оформляли какие-то бюрократические бумаги и плюс заплатили немалые деньги. Живем теперь с водосчетчиком.

Запись о Февральской революции 1917 года: «Сплошной карнавал, красный променад, праздник веселья неистощимого и восторга…» Еще бы: наконец-то российская империя пала, конец Романовщины. И о новых лидерах: «Боже, что

они несут. Что они несут!» Размышляя о будущем, сын Амфитеатрова предупреждал о последствиях революции: «…и проснутся все бесы жадности, зависти, ненависти, коих в нашем народе-богоносце — легион…» (9 апреля 1917 г., Петербург).

А после 1917-го многое чего было, и что мы имеем на сегодняшний день? Путин построил «капитализм для своих друзей», как кто-то сказал, а миллионам тружеников-бедолаг оставил выбор: крутитесь, как хотите! Выживайте!..

10 декабря — Виктор Шендерович в «Новой газете»: «…им не надо столько населения: для нефтедобычи и обслуги хватит пары десятков миллионов крепостных, ну, плюс артисты для корпоративов и немножко художественной гимнастики. А мы все — гельманы — перельманы — зубовы — ахеджаковы, интеллигенция и просто свободные люди с достоинством… — мы только мешаем сделать из этого места Узбекистан…»

21 декабря — каждую запись в дневнике озаглавливаю, эта: «Падение рубля. Паника». Шутка Матвея Ганапольского: «Встали с колен — и к обменному пункту». И он же в другой программе: «140 миллионов ничего не могут сделать и изменить в стране, довольствуясь ролью зрителей в

этом бездарном и провинциальном спектакле!..»

Президент проводит каждый день совещания, точнее, накачку: надо и надо! И сразу вспоминается стихотворение Иосифа Бродского «Одному тирану» (январь 1972):

Когда он входит, все они встают,
Одни – по службе, прочие – от счастья…

25 декабря — все время что-то ищу, на этот раз эпиграфы, и открыл том есенинских поэм. Главный герой в «Пугачеве» говорит:

Послушай, да ведь это ж позор,
Чтоб мы этим поганым харям
Не смогли отомстить до сих пор?
Чтоб с престола какая-то блядь
Протягивала солдат, как пальцы…

Песенный витязь был не чужд политике и не понаслышке знал, что такое ЧК, и в поэме «Страна негодяев» Есенин вывел одного такого типа с точной фамилией — Чекистов:

Ха-ха! Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,

А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей…

Это вот первые годы советской власти. И это писал человек, который отказывался, «задрав штаны, бежать за комсомолом» (цитата по памяти).

31 декабря — в результате опросов ВЦИОМа героями года стали Путин, Плющенко, Нагиев, Донцова… Все как на подбор, и как написал Ал. Минкин («МК», 29 декабря): «Государство шатается, законы рушатся, политическое единство, раздираемое интригами, дробится. Элита дичает и вырождается: все ощущают предсмертную слабость… В умах рождается тоска по прошлому, опасение за будущее, недоверие ко всем и ко всему, уныние и глубокое отвращение…»

За 6 дней до публикации Минкина (23 декабря) я написал строки своего состояния и ощущения, с эпиграфом Блока: «И вечный бой! Покой нам только снится!»:

Почему стихи мрачны?
Нет покоя, тишины.
Только нервы, дрожь, тревога,
Да и страха есть немного.

Для чего стихи такие?
Леденящие, чужие…
То ли дело: тихо, ясно,
Без угроз, и жизнь прекрасна.
На душе легко и чисто
И достаток Монте-Кристо…
Не бывает так, увы,
Все в бою и на крови…

Итоги 2014

Газетно-журнальных публикаций: в журнале «Алеф» — 13, в «Науке и религии» — 13 (юбиляры + Одоевский), «Лесной орех» — 2, газета «50+» — 1. «Московская правда» — 17, помимо юбиляров месяца, Лосев, Галилей, Шекспир, в двух номерах — Лермонтов. Итого: 46

Вышла книга «Избранное из избранного».

Творческие вечера и прочие выступления — 14, включая дома-музеи Лосева, Цветаевой и ЦДЛ, 3 декабря. И все это после операции в январе…

Михаил Лермонтов – герой на всю жизнь

200 лет назад — 3 (15) октября 1814 года — родился в Москве Михаил Юрьевич Лермонтов.

Конечно, Пушкин — это наше все. Но в молодые годы моими героями, кумирами были Байрон, Наполеон Бонапарт (он был кумиром и Марины Цветаевой) и Михаил Лермонтов. Стихи Лермонтова как-то по-особенному ложились на мою душу. Это — «Бородино», «Парус», «А вы, надменные потомки!..», «И некому руку подать...» и т. д. Давно собираю материалы о великом поэте. Несколько заголовков навскидку: «Звездный мальчик», «Мистический гений», «Ясновидец», «Тайный холод», «Кремнистый путь в железный век» и т. д.

Но из многих прочитанных работ и исследований выделю Дмитрия Мережковского «Поэт сверхчеловечества».

Горжусь тем, что в лермонтовиаду внес свою небольшую лепту. 25 октября 2014-го в «Московской правде» вышел подвал «Жизнь — вечность, смерть — лишь миг», а потом и 2-я часть. А свой текст я начал с венка сонетов, с поэтических посвящений. Приведу лишь несколько:

Опальный ангел, с небом разлученный,
Узывный демон, разлюбивший ад...

Ну и, конечно, не мог обойтись без хрестоматийной оценки творчества поэта, данной Анной

Ахматовой:

Есть речи – значенье
темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

И не важно, как выглядел Лермонтов: приземистый, маленького роста, с большой головой и бледным лицом. Многие находили его злым, угрюмым, заносчивым, едким… «Вы знаете, что самый мой большой недостаток — это тщеславие и самолюбие…» (из письма Лермонтова к Лопухиной), короткая жизнь Лермонтова — это непрерывная цепь разочарований в друзьях, в женщинах, в военной службе, боевой славе и т. д. Певец мечты: Лермонтов даже больший байронист, чем сам Байрон.

Я говорил тебе: ни счастия, ни славы
Мне в мире не найти… –

писал Михаил Юрьевич в 1837 году, за 4 года до гибели «среди громад Кавказских»:

Где мог он так красиво умереть,
Как не в горах, где небо в час заката –
Расплавленное золото и медь…

Это строки Бальмонта, который ушел из жизни не так «красиво», как Лермонтов, в душевной депрессии, в 75 лет, в эмиграции, в Нуази-ле-Гран, в русском приюте в окрестностях Парижа — 24 декабря 1942 года. У всех поэтов разные судьбы, впрочем, как и само творчество. У Лермонтова — золотые слитки творческого наследства, мерцающие загадочным мистическим светом… (28 апреля 2020 г.).

2015 год – 82/83 года

В Европе спорится работа,
А здесь – по-прежнему в болото
Глядит унылая заря…
…Еще чернее и огромней
Тень Люцифера крыла…

Александр Блок.
Поэма «Возмездие», 1919

Прежде чем приступить к хронике жизни, сокращенной из дневниковых записей, хочу в который раз объясниться с читателями. Я не мыслю себя эгоцентриком, вокруг которого крутится мир (ведь каждый человек — это песчинка бытия в зыбучих песках мировой пустыни). Я вписываю себя в контекст всемирной и российской истории, частенько оглядываясь и всматриваясь в прошлое, в письменные свидетельства замечательных людей минувших лет и веков. Учусь у них, спрашиваю совета, пытаюсь не повторять их ошибок и заблуждений, естественно, городя собственные.

Юбилейные даты в календарях — отличный

способ хотя бы мельком обратиться к прошлому, к делам минувших дней. Если в 2014 году я вел в СМИ даты по месяцам, то в 2015 году я подготовил один общий календарь на весь год. 20 января в «Московской правде» (сокращенно «МП») вышел обзор «Юбилеи 2015 года», а затем дуплетом — расширенный вариант с портретами юбиляров в январском номере журнала «Наука и религия». И кого отмечал. Коротко, рысью проскочим по юбилярам.

Юбиляры 2015 года

270 лет создателю русской социальной комедии Денису Фонвизину. Его комедия «Недоросль» с отрицательным героем Митрофанушкой стала вместе с «Ревизором» и «Мертвыми душами» — зеркалом российской действительности.

В своей «Всеобщей придворной грамматике» Фонвизин отмечал: «Что есть придворный падеж? — Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, бессильных к подлости». И по сей день это неискоренимо на российских просторах.

По 185 лет двум одногодкам: яркому критику и публицисту Дмитрию Писареву и поэту-лирику Алексею Апухтину. Писарев часто эпатировал

читающую публику: «Что выше — Шекспир или сапоги?» Ну, а Апухтина помнят и исполняют романсы, положенные на его слова: «Ночи безумные, ночи бессонные…» И, конечно, «Пара гнедых» с надсадным вздохом: «Были когда-то и мы рысаками…»

Еще двум ровесникам одинаковый юбилей — по 150 лет: «королю фельетонов» Власу Дорошевичу и прозаику, философу, критику Дмитрию Мережковскому. Дорошевич советской власти был не нужен и вскоре после революции ушел из жизни.

У Мережковского другая судьба, он эмигрировал и умер в Париже в декабре 1941-го. О нем подробно я рассказал в первом томе книге «Отчизна. Дым. Эмиграция» (2017). Знаменитая статья Мережковского «Грядущий хам» прогремела в 1905 году. Как мудрый прорицатель, он угадал будущее, хотя и ошибся в деталях: сегодняшний хам еще циник и агрессор.

По 125 лет Борису Пастернаку и Вере Инбер. О Борисе Леонидовиче много чего написано, но достаточно привести строки Александра Архангельского, написанные еще в 40-х годах прошлого столетия:

Все изменяется под нашим зодиаком,

Но Пастернак остался Пастернаком.

Те, кто его критиковали и мордовали, давно забыты, а Пастернак свят и чист, как стеклышко…

Далее менее солидные по годам и по таланту юбиляры: Вадим Шефнер, Евгений Долматовский, Сергей Смирнов, Маргарита Алигер, Константин Симонов. И совсем «молодые» — по 75 лет — Григорий Горин, Иосиф Бродский, Дмитрий Пригов. Талант у этой троицы был разный, но была одна общая черта: служить власти не хотели, хотели творить по велению своей души и сердца… Но так или иначе мне все юбиляры близки, я их уважаю и почитаю… В 22 года Бродский записал:

Ты поскачешь во мраке
по бескрайним холодным холмам…

Ну, а мне в 82 года скакать уже не приходится и поэтому поплетусь по извилистой дорожке собственной судьбы. А теперь — ХРОНИКА.

* * *

6 января — встреча Нового года вдвоем, тихо, уютно, телевизор не столько развлекал, сколько ужасал своей деградацией и пошлостью. Лишь Нетребко поразила своей искрометностью в роли

опереточной Сильвы, а все остальное — наши Киркоров, Кобзон и прочие мамонты, как кто-то заметил: «шоу мертвецов без живого звука». В один из первых дней января ностальгически порадовал Джо Дассен — старая запись из «Олимпии». «Люксембургский сад» и прочие парижские вздохи. А все первые дни — телефонные звонки, разбор архива.

Отвлекся от работы, вспомнил, что скоро мне исполнится 83, года и вздрогнул. Боже ты мой!..

2 января — в первые дни нового года не было никакого желания вести дневник. Украина, подскочившие цены и прочие неприятности, но, как говорит внук Бориса Давидовского маленький Бен, живущий в Германии: «Главное, не нервничать!» Действительно, зачем расшатывать свою и без того раздолбанную нервную систему… Надо заниматься своими делами. Съездил в редакцию газеты «50+», получил газету и гонорарчик за короткое интервью и отрывки из «Плача по возрасту».

13 января — на Никитскую отвез флешку с набором Личного архива и выложил аванс — 20 тыс. руб. А еще Олеся попросила рукопись книги об актерах «Негаснущие звезды», чтобы подать

на грант и издать ее. Не очень верю, но рукопись отдал. (Примечание от 26 марта 2012 года: грант не дали на том основании, что «Безелянский и так издается без всяких грантов», и рукопись благополучно лежит «У Никитских ворот» уже 4-й год…)

16 января — январские юбиляры в «Науке и религии» и 20 января — дублет в «Московской правде». А еще по просьбе Брушлинской напечатал «Весна, март, женщины» — 6 стр.

26 января — очередная попытка найти новое издательство. Нашел и пошел. «Арт Волхонка» на Поварской, 11. Они занимаются живописной тематикой, и я предложил книгу «Классика и авангард глазами любителя (рассказы о художниках)», переиздать «Улыбку Джоконды» и сделать книгу с роскошными иллюстрациями «Погода и слово». Директор Ирина Лебедева традиционно сказала, что будет думать. Все думают, а книги не издаются.

28 января — в первые дни января поленился, а к концу месяца раскочегарился. Составлял книгу советской литературы, от Федора Абрамова до Бруно Ясенского, соединив очерки и эссе из уже вышедших книг («69 имен», «Золотые

перья», «Опасная профессия»), или посолидней: от Брюсова до Ахмадулиной. Даже отказался от выступления в библиотеке Твардовского, куда пригласили и где меня ждали. И горькая ирония: вскоре библиотека проиграла битву за помещение. Вот уж истинно по Александру Трифоновичу: «Кому память, кому слава, / Кому темная вода, — / Ни приметы, ни следа…»

А была ли библиотека?..

30 января — в очередном подаренном Костей диске мы с Ще слушаем польскую песенку «Пши каминка…». Трогающая душу мелодия, а слова непонятные, и я решил написать русские. Никогда не писал песен, и вдруг:

Лишь однажды я такое испытал.
Лишь однажды я от счастья трепетал.
Лишь однажды там, на острове Ямал,
Был я нежен, был я кроток и пропал…

Ну. И дальше романсовые страсти:

Повстречал я дивчину Марусю,
Посмотрел и на нее запал.
И подумал: вот теперь влюблюся,

Пусть что будет: пан или пропал…

Короче, «пши каминка…».

31 января — крутил Юрия Кузнецова (а я в 16 лет чуть не получил паспорт на фамилию Кузнецов. Юрий Кузнецов — ?).

2 февраля — звонок от Евгения Рейна: «Юра, я получил премию “Грациано” — 50 тыс. евро. Еду в Рим. Приеду — повидаемся…» Я не завидую. Я рад за Рейна.

Кстати, о деньгах. Кризис ударил по Лилиной Маше с Андреем, и маленькая Стася недоумевает:

— А почему мы не ходим теперь в ресторан?

— Нет денег.

— А когда они будут?

5 февраля — в «МП» вышел «Лейтенант Бакланов». Закончил Юрия Кузнецова — 13 стр.

10 февраля — сел за материал «Поэты и писатели на войне и о войне».

13 февраля — опять простуда и полило из носа…

17 февраля — за окном голубое небо, солнце и морозец в 9 градусов, но попахивает весной. Так

хочется тепла. Но что нас ждет впереди — «Нам не дано предугадать…». И не будем спорить с Тютчевым.

19 февраля — в Платоновской библиотеке для лицеистов (11-й класс) провел лекцию о поэтах и писателях на войне, далее — тюльпаны и хризантемы. Кухня в цветах.

25 февраля — уже библиотека Тютчева, тут другая тема — русская классическая литература. Более 30 человек.

Один из соратников Немцова написал: «Для меня сегодня умерла Россия, в которой еще была надежда…» На ТВ Дмитрий Киселев самодовольно заявил: «Немцов был никем».

2 марта — день рождения — 83. 1 марта — День кота, 3-го — Всемирный день писателя, а я посерединке.

Приехал Эдуардо с роскошными чайными розами и с бутылкой сицилийского «Портобелло шардоне», с красной икрой, севрюгой и т. д. Он может себе позволить выступить красиво…

5 марта — на Никитской с наборщицей исправлял последние ошибки, вставил фото молодого отца — моряк в тельняшке. Мария сказала, что

книга вышла дорогая по стоимости (580 стр.) и поэтому вместо 300 экз. только 100 и без продажи в магазинах, а мне на руки. Я огорчился и обрадовался одновременно…

12 марта — уже в издательстве на Поварской, мимо памятника Бунина, в «Арт Волхонку». Отказ издать книги. Нет так нет. Взял под мышку «Джоконду» и двинулся дальше, к дому, где Пушкин читал когда-то «Полтаву», в которой поэт сетовал на свою «печальную судьбу». Ну, а другие?

Богат и славен Кочубей.
Его луга необозримы;
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы…

А вот другой персонаж:

Мазепа мрачен. Ум его
Смущен жестокими мечтами…

20 марта — ушел Валентин Распутин (1937), «гениально изображавший страдание» (Дм. Быков).

Распутин утверждал: «Герой тот, кто не поддался на весь этот срам»… Действительно, современная Россия — это позор и срам…

В «Алефе» досрочно вышел Аркадий Белинков,

а я добил Михаила Ромма — «Мечта Михаила Ильича». Отвез свою «войну» в «Науку и религию».

По сообщению «Эхо», во многих СМИ закрываются рубрики и полосы культуры и литературы. Приехали!.. Как написал в «МК» Александр Минкин, «Идет война погромная! Священная война!». Православные погромщики взялись за театр и литературу. И это XXI век!..

23 марта — прелестная публикация в «МК» — «Чужая Америка, родное Зимбабве».

25 марта — получил два «Алефа»: апрель — «Блистательный Евреинов» и май «Светящийся уголек» (Григорий Поженян).

26 марта — на машине отвезли в Центральную библиотеку Северного округа на ул. Клары Цеткин. 20 человек. Тема: «115-летие А.П. Чехова».

31 марта — в последний день месяца «МП» сподобилась на мою публикацию «Весна, март, женщины».

3 апреля — привезли 35-ю по счету книгу (и 4-ю самиздатовскую). В ударные сроки сделана: со дня сдачи флешки до привоза домой — 50 дней (13 января — 3 апреля). 592 стр. «Избранное из

избранного, или Салат воспоминаний». С портретом на обложке. Солидная, увесистая книга в трех частях.

1. Литературная часть: Шекспир на все времена, Анна Каренина, Лермонтов, Брюсов, Оруэлл, Белинков, Паустовский, Окуджава, Мимолетные встречи, Андрей Тарковский… Это первые 100 стр.

2. Лирика и импровизации, стихи 1949–2014. Рискнул вставить в книгу с уведомлением, что я не поэт, я любитель поэзии.

3. Личный архив. Важные события и даты. По существу, автобиографическая хроника. Сам написал, без всякого Эккермана (да и я не Гёте), и Лидия Чуковская не помогала (опять же, не Ахматова). А там все творческие муки: радио, ТВ, газеты, журналы, издательства, выступления… Однажды взял книгу, перечитал, подивился на самого себя…

8 апреля — идут контакты с издательством «Артбукс», с владелицей Розой Константиновной. Долго выбирала, остановились на книге о западных писателях, и я придумал заголовок «От Милого друга к Старшему брату». От Мопассана к Оруэллу. Но все идет как-то вяло, и я возвращаюсь к позиции Станиславского: «Не верю!» В плену

книжных мечтаний.

16 апреля — вслед за Ще и меня настигла простуда с температурой, сижу дома. Звонок от Рейна: «Уезжаю в Италию. Обязательно встретимся…» Уже не смешно.

18 апреля — закончил «Эрдман: самоубийца с мандатом», 16,5 стр., и тут же взялся за Марию Петровых. Поздравил О.Ю. с днем рождения — 61 год. Сообщил: болею. А она: нужен социальный работник в помощь. Подтекст: на меня не рассчитывай.

23 апреля — 5 дней не выходил из дома. Добил Петровых — 10 стр. Отменил два выступления. Разбирал архивы и выкинул многое из дополнений к книге «5-й пункт, или Коктейль “Россия”». Странная книга: у нас она не прозвучала.

28 апреля — подарил Косте свое «Избранное», а он в ответ диск с перезаписью «Крылатых амуров» (Бунин, Бальмонт, Георгий Иванов, Есенин). И диск с итальянской музыкой. Для нас он поставщик музыки.

3 мая — умерла Майя Плисецкая…

Закончил эссе о Фицджеральде. Взвесились на домашних весах:

Ще — 72 кг, а я — 73. Цифры для истории…

14 мая — первые прикидки на отпуск: Карловы Вары. 7 дней — не более 120 тыс. на двоих. Потянем? А ремонт?.. А тут еще проблемы с зубами и протезами у меня и у Ще. Окружают…

Закончил эссе о танго плюс эссюшка об Оскаре Строке — «Ах, эти черные глаза!..»

18 мая — поход в ЭКСМО в новое здание на ул. Зорге, бывший «Воениздат». Какой-то Чижик взял с удовольствием мои заявки, но, к сожалению, решают не чижики-книжники, а стервятники-решалы. Там же, на Зорге, но в другой конторе по выпуску электронных книг узнал, как идут мои книги: «Писатели Запада» — 1407 просмотров; «Серебряный век» — 1307; «Вера, Надежда, Любовь» — 1319. И удивительно, что мало — «Всё о женщинах» — всего 30 просмотров. Кратко, неинтересно, нужна, очевидно, полнота…

19 мая — мои воспоминания об Анисиме «забодали» в «Аккорде»: не понравились его жене Ире Гиммерверт, но то мои воспоминания, а не ее. Сперанский пошел у нее на поводу, я разозлился и сказал «Аккорду» — чао, прощай: все шло через Анисима, а теперь через кого?..

Продолжил смешить меня Женя Рейн: «Я завтра

уезжаю на Крит. Вернусь — первый звонок тебе». Классик. Друг Бродского — Евгений Обещалкин. Я смеюсь и заливаюсь, как говорил фотокор «СПК» Жарков.

23 мая — выступление в библиотеке Вересаева. Тема: поэты и музы Лиля Брик и Вера Набокова. Надарили цветов, конфет и коробку дорогого чая. Продал две книги «Избранное» за 1200. Надо возвращать денежки, а людям нести свет и знания. Как говорил Менахем-Мендел Шнеерсон: «У каждого из нас есть в жизни собственная миссия. Исполнять эту миссию должен именно ты, а не кто-то другой». Живу по ребе Шнеерсону…

28 мая — в «МП» — «Писатели и поэты на войне и о войне».

31 мая — поехали на Крымскую набережную посмотреть, как организованы павильончики для художников и как вообще обустроено пространство вокруг ЦДХ. Неплохо, почти как в Европе. На обратном пути зашли в Театр сатиры и оставил свой телефон Вере Васильевой у дежурного. Потом Вера Кузьминична позвонила мне: «Вы меня заинтриговали по поводу “Плача по возрасту”…» И пригласила на свой новый спектакль.

5 июня — выступление в библиотеке на улице Клары Цеткин о Пушкине. Всех поразил рассказ об Александре Онегине (фамилия Отто, 1845–1925), собирателе пушкинского наследия и создателе пушкинского музея в Париже.

7 июня — с утра посмотрел в окно, и сложились строчки:

Шумит листва. Зеленая, густая.
И кажется, шуметь ей на века.
Но подлетит октябрь, как вороны из стаи,
И облетит листва.
И задрожит рука.
В душе – тоска.
Опять зима…

Откуда дует ветер уныния? Пишут, что в мире бродит синдром хронической усталости — вирус Эпштейн-Барр (ВЭБ).

Вечером пошли в Театр сатиры на «Роковое влечение», как сказано в программке: нуар в двух частях Андрея Житинкина. В роли старой и забытой голливудской дивы Вера Васильева (вариация фильма «Бульвар Сансет». Там был Уайльдер, а тут постановка Житинкина, и сразу

чувствуется разница. Но Васильева была хороша).

Кончился спектакль, актеры вышли на аплодисменты, и я вылез на сцену и вручил Васильевой «Плач по возрасту». Возмущенный Житинкин стал меня оттаскивать от премьерши. Выглядело это забавно, как продолжение спектакля.

Через пару дней Вера Кузьминична позвонила: это не моя тема, но в книге много интересного…

11 июня — перевел за 619 руб. кассету о Марлен Дитрих на диск, более долговечный. Мой первый и последний ТВ-фильм.

Популярное выражение: «А ты кто такой?! Давай, до свидания!..»

15 июня — сборная России проиграла Австрии. Как написал Ловчев, Капелло (итальянский тренер) сделал сборную трусливых зайцев. А великий чиновник-мошенник Мутко громогласно объявил: зато мы как ахнем на чемпионате мира в 2018 году!..

Но что об этом! Видно, что Россия сорвалась в крутое пике, а я — в явное нездоровье. Хожу по ступенькам и боюсь споткнуться: слабые ноги, плохо вижу. Но что сетовать: за 80! А вот красавица Жанна Фриске умерла в 40 лет — вот

это трагедия… Сплошной гоп-стоп, как говорят в Одессе…

19 июня — в «Науке и религии» вышел мой военный материал о писателях. Вечерами с Ще пристрастились пересматривать мои программы по «Академии любви» — вайнерское время, и давно уже народ перешел из Академии любви в Школу ненависти к врагам России.

22 июня — выступление в квартире-музее Алексея Лосева на Арбате. То ли лето, то ли что, но в зале было только 9 человек. В год литературы говорил о писательских судьбах. Слушали вдумчиво…

25 июня — поехал на Книжную ярмарку на Красной площади: справа Мавзолей, слева — ГУМ, а посередине — книги. Посмотрел, поговорил кое с кем. Хотел купить пятитомник Газданова, но куда ставить? Проблема.

28 июня — начал заниматься Тамарой де Лемпицкой — сколько еще мне неизвестных имен, с которыми интересно заниматься. У меня сильно развито аппетитное любопытство (или любознательность).

30 июня — продолжается серия Евгения Рейна:

«Я только что с Крита, завтра поеду в Тарусу на фестиваль Ахмадулиной, приеду — увидимся обязательно…» А с Рейном мы встретились на страницах «Алефа»: там заметка о Жене и мой материал о Ромме. А Михаил Ромм вышел в двух номерах — в июльском и августовском.

2 июля — выступление в МЕОЦ. В зале более 40 человек, тоже не густо. Часа полтора. Представлял свое «Избранное» (подарил Аталии Беленькой, а она в ответ — альманах «Лесной орех» с Евгением Шварцем, моим, разумеется). Отвлекался от книги, немного о политике, чем вызвал недовольство Ще, и прочитал несколько стихотворений, в том числе о Тиберии и двух бедуинах. В общем, все нормально.

А когда шел на сцену, то услышал, как две престарелые читательницы говорили обо мне: «Он пишет гениально». Мне стало смешно, и я чуть не споткнулся…

На следующий день приходил в себя, 4-го поход на рынок, 5-го печатал беловик Лемпицкой…

9 июля — по наводке магазина «Москва» приезжала некая Елена Ильина, оптовичка, и взяла на продажу 30 книг «Избранное» (по 255 руб.), 20 книг «Наедине со временем» (по 250). Как будут

продавать, где? — не ясно. Но лучше, чем раздаривать…

14 июля — поехал в «Москву» и увидел «Избранное из избранного» — 600 руб., Дневник — 580, и лежат мои книги рядом с книгой баронессы Ханны Ротшильд (переводная) и огромным томом писем и воспоминаний Алексея Хомякова, — хорошее соседство: знаменитая финансовая фамилия и славянофильская. Спросил: покупают? Ответили, что с ходу продали 3 книги.

25 июля начал, а 27-го закончил беловик Владимира Смоленского, 16 стр., нового для меня поэта. «Самый лермонтовский» из всех поэтов русской эмиграции.

Я никогда не пережил победы,
Всё только пораженье, пораженье,
Всё только горечь, горечь, беды, беды,
Сны, ритмы, рифмы, головокруженье…

После Смоленского взялся за перечень написанных русских классиков — 72 имени: от Татищева до Будищева (в рифму!). Серебряный век и русское зарубежье — 85 персон. Советская литература — 38. И западная литература — 192. Итого написано и почти все напечатано — писателей, поэтов,

философов — 407 персон.

31 июля — «Совсем забросил дневник и не хочется записывать. Если честно, то вообще ничего не хочется, полная апатия. Плохое самочувствие, какие-то физиологизмы. А тут еще неустойчивое лето: дожди, прохлада, северный ветер…»

1 августа — Ще исполнилось 75, мне — 83, и что дальше? Бороться за жизнь? Другого выхода нет.

2 августа — Эдик с дарами. Ще — парфюм «Елисейские поля» — Шанс Элизе… Спонсор повез нас в МЕОЦ в кошерный ресторан, где выпили по бокалу и съели рыбку и с собой прихватили сырники и блинчики с творогом. Спасибо благодетелю, в книжном магазине в синагоге подарили нам красивую тарелку-хлебницу. Дары… А вечером смотрели в который раз «Клуб “Коттон”» с молодым Гиром.

6 августа — приступил к новой книге: Русское зарубежье, поэты и писатели вне России. Короче — эмиграция. Новая работа — и сразу встряхнулся от сна и дурмана. Появилась цель: за год должен сделать книгу.

Примечание: тогда я не предполагал, что не уложусь в одну книгу, а будет трехтомник о рус-

ской эмиграции. Грандиозно!.. (7 марта 2019 г.).

9 августа — каждый день ДТП, всякие ЧП, гибнут люди. Санкции, взлетевшие цены, импортозамещение — и вот выбросили «Советский» сыр — отвратный, купили мороженое — несъедобное и т. д. Но пафос, патриотизм, танковый батальон. Напрасное взбадривание, как выразился «МК», «депрессия шагает по России». Спасает новая книга с названием «Отечество. Дым. Эмиграция».

10 августа — клуб «Гнездо глухаря» — песни Нины Дилон. Полез на сцену подарить ей «Серебряные трели», за что-то зацепился и упал, — что это? Все возраст? А так — песни плохие, еда невкусная, лишь реклама зазывная и броская.

22 августа — печатаю про эмиграцию. Высказывания Бунина, Мережковского, Гиппиус о народе и о России, — и все в десятку сегодняшнего дня.

26 августа — вышел сентябрьский «Алеф» — начало Николая Эрдмана. А следом — октябрьский, с продолжением «Мандата». Комракова уколола Ще: «А вы по-прежнему в тени Юрия Николаевича?..» Негодование феминистки?..

5 сентября — поехали с Ще на День города на площадь Революции. Все оцеплено, кордоны

полиции, не пройти, только по спецпропускам — праздник для персон, приближенных к императорскому двору, и почетных гостей из провинции. «Свобода приходит нагая…» Пришлось «огородами» выходить к Мясницкой. Посидели в кафе и с радостью вернулись домой. А Эдуардо улетел в Иерусалим и тут же попал под хамсин — песчаную бурю. Каждому — свое.

23 сентября — в библиотеке на Чонгарском бульваре крутил тему русских поэтов и писателей, уехавших в эмиграцию. Привыкаю к теме. Неожиданно заплатили за выступление: 2 тыс. ре — кошкины слезы…

25 сентября — а погода роскошная — бабье лето, вчера был плюсовой рекорд. А мы с Ще, как два сундука, сидим и долбим. Сочиняем. Но ужас в другом: нет сил выходить на улицу…

2 октября — мой вечер в Цветаевском музее. Увы, всего 12 душ. Но все равно был в кураже. Обратно на машине домчал Гриша Арутюнян.

9 октября — на Никитской получил верстку книги «Негаснущие звезды» (актеры, режиссеры) с фотопортретами. Но верстка — это не книга. Гранта нет, денег нет…

11 октября — Ще читает «Очарованную душу» Ромена Роллана, а я модернизирую хронику Цветаевой для книги.

12 октября — Костя вручил мне записанный им диск «Танго» с тремя моими комментариями. Любопытно.

16 октября — семейный тандем занимался Максимом Горьким: Ще читала «Клима Самгина», а я рылся в своих архивах и искал любопытные штрихи из жизни писателя. Порвал кучу писем, пришедших в разные редакции на мое имя в разные годы. Да, в них много хвалы и благодарственных слов, но из них компот не сваришь. Вздохнул и выбросил… Все это устаревает: пришло время серого на сером. Я ныне не в тренде, не в моде и не в формате.

30 октября — встречались с Наташей и обменялись подарками: я — книгу «Избранное» и диск «Танго», она — шаль, носки, крем, сыр «Пармезан» (из-за санкций он в России исчез).

31 октября — книга об эмиграции вчерне готова, но все время что-то нахожу и дополняю: то Тарсис, то Есенин-Вольпин, то профессор Восленский. Хочется втиснуть в книгу как можно

больше информации, собрать ее в кулак, но уже ясно, что не все войдет во вторую книгу. Неужели придется делать третью?..

9 ноября — ходил в Старосадский переулок на выставку Лены Павловской. Куча немытых бородатых художников (а после фуршет и выпивка). Все лезли выступать и хвалить. Посмотрел я на эту гопкомпанию и тихо, по-английски, ушел.

11 ноября — по «Культуре» смотрел старую программу Виталия Вульфа о Марии Бабановой: академично и вяло. Увы, а мне не дали на канале «Культура» блеснуть своими рассказами. И остались одни воспоминания о канале «Дарьял-ТВ», где было мало денег и мало профессионализма… Утешала Аталия Беленькая, после прочтения «Избранного из избранного». В разговоре с Ще она сказала, что читает книгу с восхищением и это лучше, чем подобное у Льва Анненского. Там чрезмерно витиевато и не очень гладко, а Ю.Н. изящней, аналитичней…

19 ноября — у нас в библиотеке Назыма Хикмета выступал перед 30 учениками 10-х классов. Тема: год литературы.

20 ноября — а это уже не литература, а быт:

пришлось ехать, покупать, вызывать мастера и менять раковину в ванной. Все рушится, требует замены и ремонта, а мы с Ще всё занимаемся литературой да книгами: подобралась парочка…

29 ноября — ноябрь выдался очень пасмурным и серым. Медленно рассветало, и быстро угасал день — для работы времени в обрез, а под лампой печатать тяжело. Дневник заброшен, а работа над книгой кипит и полыхает. Это в комнате. А в мире — идет война, сбит наш самолет, идет антитурецкая истерика.

1 декабря — вышел декабрьский номер «Алефа» — «Королева артдеко» (Тамара Лемпицкая) с цветными иллюстрациями. Красиво. Три полосы, и на трех полосах январь 2016-го «История танго и его короля» (Оскара Строка). И сел за следующий материал: двойной портрет «Пастернак и Бабель в Париже и в Москве» С «Алефом» все в порядке: что ни предложу и напишу, то все идет в номер. Так и живем: что-то публикуется, а что-то отлеживается в архивных папках без надежды появиться на свет.

3 декабря — в ЦДЛ вечер «Лесного ореха». Вела Лариса Поламарчук, советская поэтесса, и советской осталась. Все тягуче, вяло, неинтересно.

Пришлось взбодрить публику, и, как сказала когда-то на вечере в МЕОЦ Люда: «Ну, Юрий Николаевич, вы — трибун». Трибун — не трибун, но многие после окончания вечера подходили и благодарили, как смело, как свежо. У нас боятся сказать что-то, не отвечающее «курсу партии». Холопьи натуры…

В продолжение темы: ура-патриоты, бешеные псы режима. Председатель Конституционного суда Зорькин призвал жить по законам сурового военного времени. А кинорежиссер Шахназаров предложил на сбитый наш Су-24 «ударить ядеркой по Стамбулу». И поехал кровожадный турецкий гамбит…

20 декабря — дни идут, и все время что-то происходит, но, честно говоря, надоели дела, детали, встречи, разговоры. За прошедшие две недели с гаком, конечно, что-то происходило. В «Лесном орехе» был Гранин. В Театральной библиотеке на Пушкинской, куда я зашел, обрадовались мне, как новогодней елке, и начальница: «“Вера, Надежда, Любовь” — моя настольная книга» и прочие восклицания. Договорились провести творческий вечер, но на библиотеку наехали с горячим желанием отобрать у них помещение в центре Москвы. И возглас Людмилы Сидеренко

«Какое счастье вас видеть!» повис в воздухе. А был ли он искренним?

И был очередной звонок Евгения Рейна: «Я лежал в больнице и думал о тебе… У меня будет скоро юбилей, я обязательно приглашу тебя в “Эльдорадо” на Сретенке…» (замечу в скобках: так и не пригласил).

24 декабря — открыл «Московскую правду», а там пространная рецензия Ал. Славуцкого на мою книгу «Избранное»: «Сам себе интернет». Начало такое: «Юрий Безелянский для читателя, круг интересов которого не замыкается детективами и женскими романами, несомненно является фигурой знаковой…» Тираж газеты — 85.400 экз.

Отдал Майе Егоруниной материал о Добролюбове — 180 лет.

28 декабря — поехали с Ще вечером в центр смотреть новогоднюю иллюминацию. Тверская темноватая и непраздничная. Огорчил и звонок на Никитскую: грант на актерскую книгу не дали. Опереточный перифраз: «В кино мы не попали, и гранта нам не дали…»

31 декабря — мрачный день. По «Эхо» не праздник, а сплошное возмущение российским государством: указы и законы о запретах, ужесто-

чениях, поборах и прессовании. Ничего нельзя и все запрещено. Шендерович: «Себе награбили и боятся все это богатство потерять. Отсюда и истерика…»

Ну, а мы снова вдвоем в новогоднюю ночь до 1:30. Телефонные звонки, чилийское белое сухое вино «Селлар», красная икра с рынка и кое-что еще. Смотрели дурацкий телевизор, из увиденного выделю Бриджит Джонс (Рене Зеллвегер).

Итоги 2015

Вышла одна книга «Избранное из избранного, или Салат воспоминаний». Не вышли актеры-режиссеры. Втуне остались заявки и подготовленные рукописи других книг. Начата книга о поездках и путешествиях, но была отложена Начат первый том об эмиграции «Отечество. Дым. Эмиграция». Газетно-журнальных публикаций немного — 31. Выступлений — 14, в разных библиотеках, в МЕОЦе.

Заявки в ЭКСМО привез 18 мая, «отлуп» по телефону — 23 октября… Пустые хлопоты с другими издательствами. На всякий случай собрал рукописи и подготовил 6 книг: русская классическая литература, Серебряный век и русское зарубежье, советская литература, западная литература,

художники России и Запада, — подготовил и лежат.

Под новые книги подготовил: «Фаворит власти» (Константин Симонов, 53 стр.), Мария Петровых, Юрий Кузнецов, Константин Леонтьев, «Ночь нежна» (Скотт Фицджеральд)…

9 января 2015 года начал крутить тему о поездках (командировки и отдых) под рабочим названием «Мир путешествий», или «Мир за окнами дома», на основе дневниковых записей. 8 февраля были написаны первые 10 стр. Подобрал все под солидную книжку и… отложил. Это все-таки частная тема, интересная для себя, возможно, и для читателей, но не для издателей. Заранее видя мороку, решил отставить и занялся другим.

> Почти воспоминание. Натолкнулся на стихи Владимира Смоленского и напечатал – «Самый “лермонтовский” поэт в русском зарубежье» (16 стр.), и возникла идея: сделать книгу об эмиграции. Это было в июле, а в августе начал делать книгу и – о ужас! – в 400 страниц не влезаю и решил сделать две книги: по 400 стр. Советскую эмиграцию выделить от-

дельно. А пока Ще доблестно набирает: Арцыбашев из Второго ряда. А там далее Третий ряд – эмигранты с младых лет и т. д. В порыве и в нерве щелкаю материалы один за другим: дочери из гнезда Толстых (Татьяна и Александра), Брешко-Брешковская, Гайто Газданов…

Вот так в трудах праведных провел год Ю.Б. в свои 83 года… 21 публикация в газетах и журналах, 14 публичных выступлений.

Краткие итоги подведены, и сделаю я краткое литературное приложение. Хотя бы немного раскрою темы, о которых писал и которые были опубликованы. Дополнительное блюдо для книжных гурманов. Итак:

Литературное попурри 2015 года

5 февраля в «МП» вышел «Лейтенант Бакланов». В феврале в «Алефе» явился Аркадий Белинков — «Легенда советской интеллигенции» (в мартовском номере продолжение). Бакланов — официальный писатель, Белинков — подпольный. Характерный выбор тем для меня. Бакланов не был фрондером, но тем не менее четко определил свое кредо, линию поведения: «Я должен

чувствовать себя свободным в своих поступках». Бакланов в возглавляемом им журнале «Знамя» боролся за историческую правду, так же как Твардовский — в «Новом мире».

Бакланов критиковал власть, но не покушался на ее основы, а вот Аркадий Белинков покусился, более того, сделал анатомическое вскрытие и вынес окончательный диагноз смерти.

Какие дерзкие книги писал Белинков. Вслед за Тыняновым написал рукопись «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша». На примере Олеши Белинков показал, к чему приводит позиция конформиста. Две главы книги вышли в журнале «Байкал», а продолжение было заморожено. Критика негодовала, что этот Белинков себе позволяет?!.

Это было время венгерских событий и подавления восстания за свободу Венгрии против советского диктата, Белинков негодовал: «Я буду уничтожать нашу интеллигенцию-потаскуху!», считая ее верной обслугой тоталитарного режима. Белинков направил гневное письмо в Союз писателей СССР и вернул членский билет. В письме написал:

«Я отработал ваш хлеб, ваш кров 13 годами тюрем и лагерей, номером 1-ЮБ-860, которым вы

меня наградили…»

Знакомясь с эскападами Белинкова, можно считать, что он был человеком прямого текста и никаких фиг в кармане не складывал.

Аркадий Викторович Белинков умер в США 14 мая, в возрасте 49 лет. До сих пор его имя почти в запрете, и я не слышал и не читал, чтобы на Белинкова кто-нибудь ссылался. А у Белинкова много чего можно процитировать, к примеру:

«Литература не однажды отмечала, что народ сам строит для себя тюрьмы, возводит виселицы и выкармливает околоточных надзирателей…

Тиранические системы неисправимы: не должны быть и не могут быть исправлены. Они могут быть только уничтожены. Важно понять, что тиранические системы не бывают хуже или лучше: они бывают только омерзительны…»

В апрельском «Алефе» вышел совсем другой материал и о совсем другом человеке — «Блистательный Евреинов». Основная масса читающих не знает Белинкова, но не знают и Николая Евреинова, драматурга, теоретика и историка театра (народу достаточно одного Станиславского!).

Дебют Евреинова как драматурга состоялся 22 декабря 1905 года в Александринском театре Петербурга. Одноактная пьеса «Стёпик и Ман-

юрочка» в стиле Оскара Уайльда. Выступал как режиссер, и поставил, между прочим в Царском Селе, гоголевского «Ревизора». На одном из представлений Николай II даже ослабел «от хохотуна», так это было искристо и зло.

Многие пьесы и фарсы Евреинова ставились и в «Бродячей собаке», и в «Приюте комедиантов». Последняя пьеска — революционная — «Самое главное» была поставлена в 1921 году, а вскоре Евреинов отправился в эмиграцию. Его формальные изыски советской власти были чужды. На Западе написал и поставил пьесу, где вывел Сталина как постановщика разных исторических танцев…

Николай Евреинов — Арлекин-трудяга. Это все, если коротко.

Но, пожалуй, нужно добавить еще одну деталь про национальность. Откуда у Евреинова пыл, напор и искрящийся юмор? От матери — француженки де Гранмезон, из старинного французского рода, но обрусевшей в России и ставшей Валентиной Петровной. Ах, эти иностранные вливания в русскую кровь, «инъекции» трудолюбия и таланта. Об этом в 2001 году я издал книгу «5-й пункт, или Коктейль “Россия”». И в ней вывел многочисленный ряд знаменитых людей России

с различными национальными корнями. Если выделить писателей и поэтов, то это Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Жуковский, Карамзин, Блок, Саша Черный, Бальмонт и многие другие. Если вспоминать литературных звезд моего времени, то Илья Ильф, Михаил Кольцов, Багрицкий, Светлов, Аксенов, Войнович, Бродский, Высоцкий, Ахмадулина и еще персон на 2–3 страницы. А еще политики, ученые, архитекторы, художники, полководцы и другие профессии, составляющие цвет нации. Да еще вопрос: а есть чисто этнические русские? Может, за каждым стоит какой-нибудь печенег, половец или татарин из Золотой орды?

Но вернемся к нашему литпопурри. Военная тема — не моя тема, но к 70-летию Победы в «Московской правде» и в «Науке и религии» я опубликовал патриотический (но без всякого пафоса) текст: «Советские поэты и писатели на войне и о войне». Вспомнил огненную публицистику Ильи Эренбурга, поэму Алигер «Зоя», цикл пламенных ленинградских стихов Ольги Берггольц. Еще Семен Гудзенко, Казакевич, Виктор Некрасов с одной из лучших книг о войне — «В окопах Сталинграда», небанальные стихи Давида Самойлова:

Война гуляет по России,

А мы такие молодые…

Ну и, конечно, прославленные строки Константина Симонова, звучащие как заклинание: «Жди меня!» И простенькие строки Долматовского: «В кармане маленьком моем / Есть карточка твоя, / Так, значит, мы всегда с тобой, / Моя любимая…»

Я написал не твердокаменный победный текст, а чисто человеческий, без всякого воспевания войны, как таковой, по заветам Твардовского:

Не прожить наверняка –
Без чего?
Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька…

В мае в «Алефе» вышел еще один военный материал: «Григорий Поженян. Светящийся Уголек» о непростой военной судьбе поэта, по его признанию, «недомолотом войною».

Хватит о войне, вспомним кино. В двух номерах «Алефа» (июль и август) опубликована «Мечта Михаила Ильича» о кинорежиссере Михаиле Ромме. Первый фильм — «Пышка» по рассказу Мопассана. 1934 год. А вскоре и трагический 37-й.

Ромм избежал репрессий, возможно, потому, что поставил два фильма о Ленине: «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Картины в мифологическом ключе. И кто кинет камень в Ромма? Мифология — не преступление. Далее Ромм резко свернул курс и поставил фильм «Мечта» о суровых реалиях жизни с бесподобной Фаиной Раневской. Ее Роза Скороход — сварливая, желчная, суровая женщина, знающая точную цену всему белому свету.

Не пересказываю прочие перипетии творческого пути Михаила Ромма, надо лишь выделить фильм «Обыкновенный фашизм» — эмоциональный и резкий. «Зиг хайль!» — и горы трупов, и море человеческих слез. В СССР этот документальный фильм не прозвучал широко, а на Западе на него водили школьников, чтобы привить ненависть к мещанской пошлости, невежеству и жестокости, породившим этот исторический феномен — фашизм.

В сентябре-октябре все в том же «Алефе» опубликован еще один, выстраданный мною, материал «Николай Эрдман». Самоубийца с мандатом. «Мандат» (1925) и «Самоубийца» (1928) — две блистательные социальные комедии меткого остроумца Николая Робертовича Эрдмана.

Главный герой «Мандата» Павел Гулячкин, из «бывших», рвется в коммунисты, для чего нужна «бумага», мандат. Пьеса начинается с разногласия в семье, какую картину повесить на стену:

— Теперь, мамаша, подайте «Вечер в Копенгагене».

— Нет, Павлуша, мы лучше сюда «Верую, Господи, верую» повесим.

— Нет, мамаша, «Вечер в Копенгагене» будет намного художественней.

На крайний случай у Гулячкина был еще один вариант — портрет Карла Маркса, вершина благонадежности. И не придерешься!..

Мамаша Клячкина пребывала в растерянности: «Как же теперь честному человеку на свете жить?»

— Лавировать, маменька, надобно лавировать! — отвечал Павел Гулячкин.

После революции средний класс и интеллигенция и занималась этим лавированием, приспособлением к «диктатуре пролетариата», лозунгам и приказам его вождей.

Следующую пьесу Эрдмана «Самоубийца» — сатирическую модель общества, как карнавала мнимостей и фальшивых представлений, «как надо», великий Мейерхольд репетировал 3 года, с

1928 по 1932 год, но все напрасно: попытка протащить на сцену «реакционную пьесу» не удалась. «Самоубийца» не прошел и в МХАТе.

Кончилось все это арестом Эрдмана и ссылкой в Енисейск. Некоторое время Эрдман провел в «ссылке» — в ансамбле песни и пляски НКВД (туда послали на перевоспитание?). А дальше — никакого взлета. Истощение таланта. Закат. Николай Эрдман немного не дожил до юбилейных 70 лет, он умер в августе 1970-го. В конце концов и «Мандат», и «Самоубийцу» поставили в театрах, они имели успех, но уже без его автора.

Свой текст об Эрдмане я закончил вопросом:

— Граждане, не вы ли потеряли мандат на свободу?

В октябре в «Алефе» вышел еще один знаковый для меня материал об Окуджаве «Печальные песни веселого барабанщика». В нем я пытался расшифровать тайнопись текстов Булата Шалвовича, ведь неспроста заплакала девочка, что «шарик улетел». Булат без надрыва и крика Высоцкого, пел тихим нутряным голосом о том, как мы победили в войне и к чему пришли после:

А мы рукой на прошлое – вранье!
А мы с надеждой в будущее – свет!

А по полям жирует воронье,
И по пятам война грохочет вслед…

Булат призывал: «Возьмемся за руки, друзья!» Почти все соглашались, но за руки не взялись, чтобы прогнать разжиревшее и обнаглевшее воронье. И осталась от Окуджавы только жалостливая просьба: «Господи, дай же ты каждому, чего у него нет…»

Но, увы, жалобами и просьбами не вымолишь ни свободы, ни справедливости…

Еще одна важная для меня персона — и о нем в декабрьском «Алефе» — «Странный человек Александр Пятигорский», интеллектуал, мыслитель. Александр Моисеевич с 1929 года рождения. На три года старше меня, но мы оба из послевоенного поколения. Пятигорский тоже не хотел ходить в общем строе и раствориться в массе однодумающих патриотов. Искал свою нишу в друзьях, в музыке, в книгах, позднее в редких языках и философии. На дух не переносил тоталитаризм! Постулат Пятигорского шокировал многих: «У тебя есть только один враг — ты сам, который сейчас…» Конечно, дороги Советского Союза и Пятигорского разошлись. Он эмигрировал. Умер в Лондоне в возрасте 80 лет. На Западе выступал с

лекциями и выражал надежду: «Люди после моих лекций начнут думать…»

При глубоких знаниях старый профессор Пятигорский сохранил немалую порцию наивности…

И, наконец, последняя достойная публикация «Королева арт-деко» («Алеф», декабрь 2015). В этом материале меня заинтересовали не идеи, а сама канва легендарной женщины Тамары де Лемпицкой. Она сама творила миф о самой себе и достигла мировой известности. Рядовая девочка Гурвич-Горская, нет, не рядовая — и в этом заключена отгадка успеха. Тамара де Лемпицкая стала модным художником жанра арт-деко и портретировала светских дам, коронованных особ и миллионеров. Предвестница эпохи гламура. Постдекадентка.

5 мая 2020 г., День советской печати

2016 год – 83/84 года

Меня привели к больному,
И я не узнала его.
Он сказал: «Теперь слава бо-
гу», –
И еще задумчивей стал…

Анна Ахматова. Слепнево, 1914

Карл Маркс не понял, что более совершенное общество не может быть создано людьми, не претерпевшими внутреннего морального Перерождения.

Эрих Фромм, немецко-американский философ, социолог

История не дает покоя.

И что, в Гражданскую войну бились за интересы новой постсоветской буржуазии? Нет, бились за землю, правду и справедливость. Только вот в итоге: ни земли, ни правды, ни справедливости. И вновь маленький слой богатых, и тьма-тьмущая бедных и нищих, не живущих, а выживающих.

Ну, а я? Летописец в башне из слоновой кости? Нет, крот, зарывшийся в свою трехкомнатную

нору, и копошусь среди книг, архивов и бумаг. Лишь вздрагиваю от резких комментариев и оценок в СМИ. Ну, а теперь вспоминательный пробег по отрывочной дневниковой Хронике-2016. «Давай читать и плакать над этой книжкой…» Нет, не Карамзина, а нашего современника Ю.Б. (11 мая 2020 г.).

Хроника года

8 января — добил для эмиграции Ивана Елагина — «бесконечно перемещенное лицо».

И написано строго
Было мне на роду,
Что торжественно в ногу
Я ни с кем не пойду.

Елагина заметил сам Бунин, и трудно было не заметить:

Мы далеки от трагичности:
Самая страшная бойня
Названа культом личности –
Скромно. Благопристойно…

11 января — вдруг мороз: минус 21. Только что вышли газеты после новогодних каникул: транс-

порт ходит, а газеты не выходят, — странно.

В прессе подводят итоги и смотрят в будущее. И мнение Германа Грефа: «Мы проиграли будущее».

13 января — первый деловой выход из дома — отнес 4 материала.

27 января — лента бледная, глаза плохо видят, печатание на машинке превращается в одно мучение (а Ще набирает — тоже не сахар). И хочется повторить знаменитый вопль Банана: «Ну не дают работать!»

А не так давно были другие песни. Вот строки некоего Ник. Рыбалко из настольного календаря Политиздата за 1980 год:

Я – человек. Иду по свету
И весь в снежинках и в заре.
Я – человек. Мне званье это
Присвоил Ленин в октябре…
…Иду я – не устанут ноги! –
Иду за счастьем для людей…

Конечно, стихи графоманские, но идея, идеология была такая: мир, дружба, счастье. Риторика как бы перепрыгивала установленный железный

занавес. Были империалисты, но было и много друзей.

28 января — первый материал года– «МП», сокращенный вариант Николая Минского из Серебряного века.

9 февраля — в «МП» вышел Добролюбов. Господи, кому сегодня интересен Добролюбов, который поначалу был «тих, скромен, послушен», а потом вдруг перевернулся и стал даже близок с «падшей женщиной» — Терезой Грюнвальд. Со слабым здоровьем, болезненный, он был «суровым критиком» и «расторопным журналистом». Называл себя «отчаянным социалистом». Николай Александрович сгорел в 25 лет…

Звонок Ларисы из «Алефа»: у нее проблемы с автором рубрики «Камешки на ладони» — датные колонки (родился, умер и особые даты). Она просит меня повести эту рубрику: «Ну что вам стоит? У вас есть всё». Ну, и гонораричик. Меня уговорили, и с ходу новое название — «Узелки на память». Начал с майского номера, и первая дата: кончина Кристофора Колумба 510 лет тому назад. Странное чувство: возвращение в календарь. Боже, сколько я их написал!..

Начался снос палаток и киосков. «Ночь хру-

стальных киосков». Очередной наезд властей на малый бизнес. На Соколе картина погрома. А еще стали жечь книги. Заголовок в «МК»: «Книги жги — спасай Россию», в «Новой» — «Страна заболела Средневековьем». И новое понятие «нищеброд» — человек, вынужденный выживать в нечеловеческих условиях.

А Проханов в своем чудовищном «Завтра» вспоминает присоединение Крыма: «Это был год русского чуда, обожания, ликования». Я лично не обожал и не ликовал, возмущался циничному попранию международных договоров…

18 февраля — в «МП» вместо моего материала дали интервью с Радзинским, и я, подражая Высоцкому «Куда мне до нее — она была в Париже!..», написал строки об Эдварде, который ходит в шляпе: «Куда мне до него: он вечно на экране…» Приведу только концовку:

Куда мне до него: он что ни год – в Европе.

А я все в Тетюшах и кверху с голой попой.

Куда мне до него? А впрочем, на хрен он!

Подумаешь, какой-то жрец и Тутан-

хамон,
Я сам себе игрец – на дудочке играю
И сам себя тихонько развлекаю…

Развлекаю, забавляю, отвлекаю от нездоровья (а уколы для укрепления десен не хотите?!) и насущных проблем. «Утешила» писательница Елизавета Александрова-Зорина в «Свободной теме» в «МК» — «Хроника пикирующего государства»: «В России наперегонки идут два процесса: вымирание и вырождение…» «Во всем мире во главу угла ставился профессионализм и высокие технологии, у нас наступила эпоха дилетантизма и варварства. А дальше-то что?..»

29 февраля — вышли февраль и март в «Алефе», там две части «Авербах, Лелевич, Родов — гвардейцы вождя». Были такие веселые ребята, громившие тех, кто был не согласен с линией партии. Леопольд Авербах в 21 год стал руководителем РАППа, продвигал пролетарских товарищей и тормозил гнилых интеллигентов. Но все кончилось печально: «Авербах авербабахнулся». А Лелевич? Писал, что Ахматова «объята жаждой любовных увлечений, которые рождаются в сетке гамака во время сладостного безделия». Ну, о третьем, Семене Родове, Павел Васильев

говорил:

Не хочу, чтобы какой-то Родов
Мне указывал, про что писать.

СМИ. Январь-февраль

Я жил не в вакууме, вокруг меня клубилась жизнь, шли сложные социально-экономические процессы, происходили политические сшибки и баталии. И если о сталинской конституции 1936 года говорили только с восхищением: «Да здравствует конституция свободы, радости и счастья», а любая критика была недопустима и невозможна, то после распада СССР стала резвиться и громыхать свобода слова. Понеслась критика, если так можно выразиться, и в хвост и в гриву. Отброшен эзопов язык, и били в лоб и наотмашь. Укоротить язык недовольных никак не удавалось. Критики режима опровергали официальную пропаганду и предъявляли народу истинное положение вещей. Горькую правду, о которой мечтал Твардовский.

С начала года СМИ продолжали долбить, как дятел, о том, что в стране происходит расгосударствление и расчеловечивание. Что-то невообразимое: жгут даже книги, «книги, жги

— спасай Россию?» — язвил Минкин («МК», 19 января). «Страна заболела Средневековьем» («Новая газета», 22 января). «Экономика деградации» («МК», 22 января). Пресса отмечала появление нового понятия: «нищеброд» — человек, вынужденный выживать…

И в то же время СМИ обратили внимание на «синдром оптимизма»: чем тяжелее становится жизнь, тем радужнее ее оценивают россияне. И объяснение психологов: патологический оптимизм бывает у людей, страшившихся смотреть правде в глаза. И безраздельно доверяющих официальной пропаганде, отсюда «Солнце Крыма, свети!» в газете «Завтра». И о Западе: «Чер-солнце наживы». Зомби советикус еще бродит по российским полям и весям.

Геннадий Гудков о внешней политике: «Мы обидчивы и завистливы. Если заставить Запад нас уважать и любить не можем — заставим бояться» (из статьи «Национальные комплексы России», «МК», 16 февраля).

Увлекательно цитировать зубодробительную критику, но, пожалуй, хватит, и вернемся к дневниковой хронике, но сначала последний анекдот:

В рамках импортозамещения французский

поцелуй будет заменен на костромский и адыгейский…

1 марта — колонка в «МК» — «Бедность — наше будущее».

2 марта — и сколько? 84 годика. С утра вспоминал, как мы с Ще смотрели спектакль Гурвича «Я стэпую по Москве».

И где мой прежний хлесткий стэп?

Я ныне стар и чуть нелеп…

И все развлечение — поход с Эдуардо в кафе «Чайковский» — по бокалу белого вина. Вечером дома, футбол по ТВ и музыка — сплошные Костины танго, с «утомленным солнцем, которое нежно с морем прощалось!..»

Ще предложила мне поучаствовать в ее книге «Жила-была женщина». И я тут же стал собирать материалы: расширил «Поэтический сад Беллы Ахмадулиной» и заново написал про Ханну Арендт, критика тоталитарного режима. Она призывала к борьбе, но в рамках европейского гуманизма опасалась лжи, как заразной чумы. А Бертольт Брехт, с которым Ханна Арендт постоянно общалась, констатировал:

У зла сегодня уверенный шаг.

Угнетатели устраиваются на тысячи лет.

12 марта — поездка к Аиде в Домодедово в загородный коттедж, сначала на метро, потом Аида подхватила нас на машине.

Двенадцать избранных гостей, включая профессора филологии Изольду Леонидовну. Новое застолье и интеллектуальное общение, меня попросили выступить и что-то почитать. Прочитал Агнивцева, чтобы разбить атмосферу некоей светской выспренности:

Как-то раз порой вечерней
В покосившейся таверне…

23 марта — интерес к дневнику все снижается. Время съедается различными мелочами: печатанием, поиском информации в собственных архивах и книгах, хозяйственные хождения. И как утверждал Жан де Лабрюйер, писатель XVII века: «Жизнь — трагедия для того, кто чувствует, и комедия для того, кто мыслит». Эту цитату я использовал в предисловии к книге «Жила-была женщина». И что-то все время добавляю в свою Эмиграцию.

В предисловии к совместной книге с Ще я на-

писал:

«С чего начинается книга? С заголовка, с названия, — и это такая мука, как назвать, как озаглавить, все равно что выбрать имя ребенка. Людмила — тривиально, Эльвира — претенциозно, Глафира — старомодно. Иван — то ли простачок, то ли будущий Иван Грозный. Борис? Но во дворе будут кричать: “Борис, борись!..” Абрам — анекдотично, Альфред — аристократично и т. д. Так же и с книгами.

Классики наши не заморачивались и часто выбирали предельно простые названия: “Обрыв”, “Метель”, “Деревня”, “Степь”, “Дым”, “Ревизор”, “Идиот” и т. д. “Горе от ума” и “Человек в футляре” — это уже оригинально. А то громко и с вопросом: “Кто виноват?” и “Что делать?”

Анна Безелянская решила назвать свою книгу “Жила-была женщина”. Проще не бывает. Я, как соавтор, проголосовал “за”. “Жила-была…” — это про жизнь. Английский писатель Сомерсет Моэм утверждал: “Жизнь на 10% состоит из того, что вы в ней делаете, а на 90% — из того, как вы ее принимаете”».

Ну, и т. д.

Кстати, из современной социологии: в России три категории граждан благополучные, борющи-

еся и страдающие, последних на начало 2015 года 47%. Мэр Вологды поделился будущим: «Придет весна — пойдет крапива, и будет легче…»

Не комментирую.

2 апреля — состоялся долго обговариваемый визит к Светлане Безелянской в Высоковольтный проезд. В черт знает какой-то промышленный район, где высотные дома прижаты друг к дружке на Алтуфьевском шоссе.

Замечательные дети. Внуки. Все галдят, и общее увлечение — Италия (бабушка, т. е. мать Иры, итальянских кровей). В Италии они частые гости и с удовольствием рассказывают об итальянских приключениях, а моя племянница Оля живет в Удино, выйдя замуж за итальянского карабинера. У нас с Ще такой большой семьи нет. Родственники на отшибе, и мы только вдвоем, в окружении рукописей и книг.

4 апреля — профессор Андрей Зубов в «Новой газете»: «Обществу надоело, что им управляют двоечники». А как их вытащить из Кремля и Белого дома?..

7 апреля — ездил на ул. Солженицына, куда переехал из особняка журнал «Наука и религия». Получил журнал за март с публикацией о Марии

Кудашевой: жена Ромена Роллана и секретный агент Кремля при нем. Для «Алефа» завязывал «Узелки на память» для очередного номера и «лепил» материал о Томасе Манне.

11 апреля — ездил на Флотскую улицу, — и «Алеф» переехал! Все куда-то переезжают под тяжестью невыносимой аренды. Получил апрельский и майский журналы про Бабеля с Пастернаком и денежки, в пересчете на рубли — 7.520. И в мае напечатаны первые «Узелки».

12 апреля — выступление в Тургеневской библиотеке, за спиной бюст Ивана Сергеевича. Было более 20 человек. Аида с мамой (как они признались, мама читает мои книги, а Аида в это время рисует свои военные портреты). Была Эльвира со своим внуком Данечкой, восходящей фотозвездой. Он про меня: «Бабуля, какой он необыкновенный!..» Неужели? В самом деле? (по Корнею Чуковскому). И Тамара Александровна с коробкой «Мерси».

А я им взамен грустные рассказы об эмиграции поэтов и писателей. И некоторые строки, к примеру, строки Николая Оцупа:

Конкорд и Елисейские поля,

А в памяти Садовая и Невский,
Над Блоком петербургская земля,
Над всеми странами Толстой и Достоевский…

Не читал Раису Блох, мог бы привести такие пронзительные строки:

И струится небо голубое,
Острова седые унося,
Чтоб нам жить в безоблачном покое,
Ни о чем у Бога не прося.

13 апреля — приходил компьютерщик Женя и часа 3 колдовал над «кампутором» (услышанное словечко). Чему-то учил Ще, а мне досталось расплатиться за все это — 7.500. Куда уходят деньги? Вот туда они и уходят…

21 апреля — Ще набирает «мою» Собаньскую для книги, я весь в Сергее Есенине. Оторвался от бумаг, посмотрел вокруг и громко, обращаясь к Ще, воскликнул: «Чем мы занимаемся?! Надо бы ремонт делать в квартире, а мы!..» «А мы!» так и повисло в воздухе без ответа.

24 апреля — завяз и никак не выберусь из главы «Туда-сюда обратно» о поездках на Запад кое-кого

из выездных.

28 апреля — на Никитской получил какой-то странный макет на больших листах и вычитывал несколько дней. Куча ошибок и опечаток: вместо правильного «чисто русский вариант» — «систо русский», Пильняк набран как Пидьняк и т. д. Мария говорит, что книга к 3 июня к Красной площади выйдет.

26 апреля — в Третьяковке смотрели выставку английских портретов «От Елизаветы до Виктории» — как бы путешествие в Англию. И сколько героев, о которых я писал: Байрон, Вальтер Скотт, Киплинг, Диккенс…

29 апреля — на большом джипе повезли на Рогожскую заставу (вотчина старообрядцев) в библиотеку. Было всего 10 человек, но ощущение теплоты и семейственности. Три книги купили и две я подарил. Говорил о писательских судьбах.

6 мая — буйно зелено и вроде бы прекрасно. Но самочувствие какое-то развальное. Жарко, душно, да еще топят — батареи горячие. Чувствую себя как бегун-марафонец: бежать еще далеко, а сил уже нет и одна мысль: хотя бы доползти, если не добежать. Да еще Ще в таком состоянии, впору

повторить за Бурковым из «Иронии судьбы»: «Мы оба рухнули!»

А тут еще всякие уходы: международник Валентин Зорин. Отработал, отфанфаронил и стал ненужным. Игорь Фесуненко, мой коллега по Радиокомитету. У меня с ним были непростые отношения, в последнее время он неодобрительно спрашивал: «Все книги пишешь?» Сам написал две или три о бразильском футболе, так на нем и застрял…

7 мая — по ТВ все вспоминали «Семнадцать мгновений весны». Броневой-Мюллер старый совсем и дремал. Радистка Кэт Градова жутко изменилась и похожа на Надежду Крупскую — та еще разведчица! Боже, что делает с нами время!..

9 мая — решили поехать на праздник на Речной вокзал — а там никакого праздника. Увы! Угрюмая толпа взрослых, веселятся лишь дети, которые не знают: Крым наш или не наш, есть санкции или их нет?..

По экрану телевизора все время шагает «Бессмертный полк» — нашли новую пропагандистскую картинку, всё пытаются вылезти из сегодняшней экономической ямы за счет Победы. Нынешние пораженцы.

А как плакат «Родина-мать хочет танцевать» или «Скажи бармену: “Гитлер — капут!” и получи 50 грамм для храбрости» Н-да…

11 мая — ходили на рынок, творожница Наташа отвалила за стихи внучке Полиночке творог и сметану. Строки, конвертируемые в молочные продукты:

Полина, Полина, Полина –
Начало жизни, не середина,
Не половина,
А только начало. И ты безвинна –
Полина, Полина, Полина,
Ты ария в опере, ты – каватина,
А еще прелестная картина,
Как в лесочке где-то куртина,
Среди горных вершин долина,
И где-то рядом еще плотина, –
О, Полина, Полина, Полина!..
Полина, Полина, Полина,
Ты – сладкая, как малина…

14 мая — пошли на вечер в ЦДЛ, посвященный Лермонтову. Хотел выступить и сказать о Смо-

ленском, самом «лермонтовском» поэте русской эмиграции, но меня остановила Ще: не мечи бисер!.. Действительно, и ведущий поэт Парпара, и сидящая в зале публика — все было бездарно и уныло…

16 мая — день биографов. Мой день! И умер Никита Струве (1931). В некрологе о нем сказано: «Все, что он делал, он делал с душой и без выпячивания себя». Не Анатолий Парпара…

Залез в какой-то старый короб, а там архивы — целое собранное богатство, которое ныне, можно сказать, убил интернет. В 90-е годы я был поставщиком исторической и культурной информации. Интерпретатором и кулинаром вкусной подачи. Но интернет перечеркнул мои многолетние поиски и находки, да и текст заменил картинками. Визуальность победила вербальность. И я, как собиратель и сочинитель, — в отставке, на пенсии. Чао, бамбино!..

18 мая — Людочка через океан прислала конверт с денежкой — в помощь бедным пенсионерам. На наши протесты: «Вы у меня единственные…» Заслужили?..

21 мая — удар по болельщицкому сердцу (а оно болеет с 1945 года после визита «Динамо»

в Англию): проигрыш «Зениту», и динамовцы вылетают из высшей лиги в ФНЛ. Заголовок в газете: «За “Динамо” — не чокаясь».

«Динамо» — брошенная любовница. Руководители общества и клуба — генералы МВД и ФСБ и олигархи (братья Ротенберги) не умеют руководить ни страной, ни футбольным клубом, да и Андрей Кобелев, как тренер, вяленая рыба. А тут еще удар со стороны СМИ: «Московская правда» переходит на электронную версию, а я признаю только печатные шуршащие страницы. И еще один гудбай!.. Разговор с Ще:

— Что будешь делать?

— Буду переживать.

22 мая — Ще набирала Томаса Манна, я сделал «Узелки на память» и вернулся к книге: Андрей Синявский и Мария Розанова.

24 мая — в тур. конторе узнавали про Карловы Вары: 10 дней стоит где-то 200 тыс. Потянем или нет? И хочется, и колется…

31 мая — вторая книга эмиграции получается, на мой взгляд, интереснее, чем первая, ибо по времени нам ближе. Занимаюсь Василием Шульгиным.

5 июня — на Житной, 10, в кафе отмечалось 50-летие Аиды (она родилась в 1966-м в Эфиопии). Было много народа, все прошло достойно, и Аида получила медаль от Уго Чавеса. Кто-то из гостей подошел ко мне и пожаловался, что не знает, где теперь можно почитать Ю.Б. Помнит меня по «Вечернему клубу» и «Вечерке».

6 июня — остро переживал за Париж, там наводнение, Сена вышла из берегов, Лувр закрыт и каково туристам?..

7 июня — вечер в ЦДЛ, посвященный 130-летию Михаила Зенкевича. Все бы ничего, но, когда к концу Сергей, внук Зенкевича, выкликнул меня, я отказался выступать: уже сморился от духоты. И еще был смешной эпизод: кто-то обратился к Ще, указывая на меня: «Это Кублановский?» Нет, я не Байрон и не Кублановский, я другой… Получил до начала вечера переработанный набор книги — 423 стр. и прочитал его за 3 дня.

15 июня — в «Алефе» в июньском номере — окончание Бабеля-Пастернака, а еще вышел июль с Валентином Парнахом. И 200 долларов, который подскочил по курсу — 66,03.

20 июня — сборная России продула — и как! —

на чемпионате Европы во французской Тулузе команде Уэльса 0:3. Тулузеры! Позорище. Позор и тренеру Слуцкому, и игрокам — слабаки! Крым наш, а маленький Уэльс взять не смогли!

23 июня — начал заниматься Александром Зиновьевым, никогда им не интересовался, а личность прелюбопытная, совершившая политический кульбит, от антикоммунизма («Зияющие высоты») до прославления режима. Эволюция бывает с разными знаками… Не утихают страсти по поводу нашего поражения. Пуликовский: «Зачем нужен этот напыщенный гламурный футбольчик миллионеров, созданный властью и олигархами?»

20 июля — в конце июня в Москве было жарче, чем в Мадриде. А затем в середине июля новая напасть: грозы. Ну, и куча всяких международных и внутренних событий. Ужасный теракт в Ницце: какой-то маньяк-террорист задавил на грузовике 84 гуляющих людей, в основном туристов, на знаменитой набережной. Ще по телефону поведала Лиле:

— И вот 84!..

— А что 84?

— На Лазурном берегу…

— А что на Лазурном берегу?

— Лиля, ты что, не знаешь — радио не слушаешь, телевизор не смотришь, газет не читаешь?!

— Нет, — последовал чистосердечный ответ.

— Ну, я не знаю?! — задохнулась Ще в возмущении.

А что, Лиля, как и многие обыватели, живут исключительно своим бытовым мирком: дети, внуки, кухня, уборка. А что кругом — ни гугу. А помимо Ниццы, в Турции заговор против Эрдогана. 300 погибших. В Киеве убили хорошего журналиста Павла Шеремета. На «Никитские ворота» напали какие-то хакеры, и пострадали рукописи, в том числе моя эмиграция. Пришлось все восстанавливать, и это замедляет выход книги. Но это только часть и многое чего еще!.. Стрельба в Мюнхене. Взрыв в Кабуле…

Смотрел первый матч «Динамо» в ФНЛ против Тюмени. Какие-то неизвестные игроки: Шляпкин, Кобыленко… Эх, скорей бы вернуться в привычную Премьер-лигу со знакомыми именами. А в Америке некая Джекки Сэмюель придумала платную услугу: объятия без интима. И тысячи желающих: «Хочу, чтобы меня кто-нибудь обнял и погладил по голове». А по кумполу не просят? Или это чисто российское…

2 августа — Никитская, разбирались с набором, подписал договор. В договоре себестоимость книги — 150, отпускная цена для магазина — 300, а продажная — как минимум 600. И кто наваривает больше? А одни убытки у автора.

3 августа — на Флотской получил августовский «Алеф» «Куранты судьбы» (Михаил Кузмин) на 3 полосы с представлением обложек его книг. Хорошо смотрится!.. Ну, и плюс «Узелки». Гонорар за два номера 220 долл. Щекастику выдал «зарплату» за набранные материалы — играем в деньги. В «Алефе» рецензия на новую книгу Володи Вишневского (ЭКСМО) — какой-то дурацкий постмодернизм с претенциозными мыслями: «Начинать надо при жизни». Рядом с Кузминым — выглядит убого.

5 августа — завязывал августовские «узелки» — шло тяжело (очень много сочиняю, пишу всякого), и решил померить шагами расстояние от окна в кабинете до окна в кухне — 25 шагов.

8 августа — начал главу «А кто в лавке остался?». То бишь не эмигрировал — уже 3-я книга эмиграции под названием «Огни эмиграции». Пишу остро, с перцем, без оглядки, тем более что критики делают вид, что ни меня, ни моих книг

не знают.

13 августа — умерла Рада Никитична Аджубей, «крестная мама» моего исторического календаря Ю.Б. в «Науке и жизни». По существу, календарь открыл мне дорогу в литературу.

19 августа — начал новый зубоврачебный тур, решил поменять вставку челюсти — 16 тысяч, со скидочкой, как выразилась Тамара Ал. А спустя несколько дней во время обеда, на второе — цветная капуста, мягчайшая, выпали два зуба из протеза и вместо них торчали два штыря, — мучился несколько дней, пока стоматологи не привели рот в порядок…

31 августа, среда — в 17.15 привезли книгу «Отечество. Дым. Иммиграция» с корабликом на обложке и с абрисом Нины Берберовой. 6 пачек по 8 штук в каждой — 48 книг. 430 стр. «Хорошенькая», — как выразилась Мария.

1 сентября — с Ще повезли на Никитскую флешку с книгой «Жила-была женщина». За денежки. Еще к Тамаре с зубами. Быстро все сделала и бесплатно: «Я же вас люблю и читаю». Спасибо, друг! Выручили!..

4 сентября — заканчивается дурное лето, с

дождями, грозами, ливнями, духотой и жарой, и невозможностью куда-то поехать, была идея даже — Калининград, точнее, Светлогорск. А еще зубы, книги? С ума можно сойти, но удержался в здравом рассудке…

И зубы, и книги,
И губы, и миги,
А это и есть настоящая жизнь.
Я требую правды, а вижу лишь фиги,
Что с толку сбивают.
Что делать? – Держись!..

И последнее. В программе Андрея Малахова выступал Евтушенко. Выглядит ужасно: человек-скелет. Но бодро говорил о своих стихах, песнях, женщинах и женах. Выделю его признание: «Не дай Бог вляпаться во власть!» А многие сидят во властной грязи по уши и наслаждаются, балдеют от счастья…

10 сентября — на 29-й Международной книжной ярмарке на ВВЦ в проходном зальчике зала «С» в «Литературной гостиной» состоялась презентация книги «Отечество. Дым. Эмиграция». На стульях расположились человек 25, и еще подходили и стояли. Было шумно, но я справился.

Потом подходили ко мне многие и признавались, что давно знают и читают. А какой-то пожилой мужчина сказал, что так интересно и нежно никто не пишет, кроме меня. На стенде «ЛГ» пообщался с Юрием Поляковым, он обещал прислать корреспондентку для интервью. Были родственники: племянник Андрей, сын Светланы, его жена Юлия, дочь Аня. Домой нас с Ще отвезли на белой «Шкоде» — Саша, муж Тамары Александровны. Мы ей постоянно деньги на зубы, а она в ответ на встречах дарит шоколад, на этот раз швейцарский горький «Бухер».

18 сентября — никак не решим проблему с отдыхом: снова всплыл Зальцбург, и Людочка захотела присоединиться к нам и даже забронировала номера в «Зальцбург-Сити» на конец апреля 2017-го. А пока даже в Царицыно не выбрались…

23 сентября — появилась хорошенькая Катя Писарева из «ЛГ» брать интервью. Около 3 часов мы с ней просидели за чаем и за диктофоном.

26 сентября — сразу вышли два «Алефа»: сентябрьский (Томас Манн) и октябрьский (Юз Алешковский). Доктор Фауст мировой литературы говорил: «Кто такой писатель? Тот, чья жизнь

— символ. Я свято верю в то, что мне достаточно рассказать о себе, чтобы заговорила эпоха, заговорило человечество, и без этой веры я отказался бы от всякого творчества».

Иные цели преследовал Юз, «мастер смеха и выживания». Он смеялся и издевался над режимом, сидел, боялся ареста и только в эмиграции, в Америке, ощутил себя в безопасности и счастливым. И без всякой претензии на роль выразителя эпохи.

30 сентября — закончил Зиновия Гердта, его воспоминания о зарубежных поездках, как пасли там каждого, и к вечеру поехал на Полянку, в «Молодую гвардию» — еще одна презентация «Дыма эмиграции». Магазинная цена — 590. Увы, не всем по карману. Власть все время обещает, что жизнь улучшится: «Каждый раз обещала и ни разу не сделала» — это из комментария Минкина в «МК».

5 октября — в «ЛГ» вышло интервью «От календаря к ЖЗЛ» с традиционной и надоевшей кепкой. Тираж газеты 112 тыс. экз. Какая-то женщина с прежней работы Ще позвонила и отметила восхищенно: «Кратенько, но увесисто».

6 октября — выступал в нашей библиотеке

на Песчаной. Уговорила заведующая. Пришли 16 студентов то ли института, то ли техникума с какой-то милой женщиной, представившейся «специалистом по молодежной политике». Молодым рассказывал о Есенине, о поэзии и о жизни вообще. Слушали очень хорошо: думаю, что так с ними открыто и интересно никто не разговаривает.

9 октября — готовился к вечеру в ЦДЛ — объявление о нем в «ЛГ» и в «НГ» (Экслибрисе), просматривал газетные вырезки — надо ведь быть в курсе последних событий. Вот патриот Дугин выдал фразу: «Пока в Киеве гниды, русский человек спокойно существовать не может». И это говорит философ. Философ-патриот. Министр культуры Мединский требует убрать «грязные руки» от подвига 28 панфиловцев. Дима Быков возмущается «торжеством невыносимых морд», а Леонид Гозман — православными сталинистами, ну, и т. д.

11 октября — состоялся вечер в ЦДЛ. С утра маялся и причитал: «Зачем мне все это надо?!» Собрался почти полный зал: человек 80. Не стал подглядывать в подготовленную шпаргалку и бросился в пучину импровизации. Поймал ку-

раж и заворожил пришедших теток, студентов, многих наших знакомых и каких-то неизвестных мне собирателей моих книг. Кстати, купили 28 книг по благодатной издательской цене — 350 ре. Короче, вечер прошел на ура. На очереди Дом русского зарубежья. И мгновенно память подсказала вспомнить роман «Обломов» и незабвенного Илью Ильича. В начале романа дан яркий эпизод, когда к лежащему уютно на диване Обломову прискакал некий франт Волков и стал рассказывать о том, как он весело проводит время. И Гончаров пишет от лица Обломова:

«“…да в десять мест в один день — несчастный!” — заключил он, перевертываясь на спину и радуясь, что нет у него таких пустых желаний и мыслей, что он не мыкается, а лежит вот тут, сохраняя свое человеческое достоинство и свой покой…»

Илья Обломов — «лет тридцати двух-трех от роду, приятной наружности, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы…»

Я ныне старше Обломова на 50 лет, мне 84 года, а я до сих «не сохраняю свой покой» и мечусь,

и мыкаюсь. Во имя чего? Ведь не только ради заработка, не из тщеславия или амбиций. Рильке утверждал, что жизнь — это пустое пространство, через которое пролетает птица. Именно птица придает значение и смысл существованию. Птица — это образование, знание, культура, искусство, книги…

13 октября — проза жизни: в сберкассе сняли с долгоиграющего вклада проценты и тут же, как я люблю говорить, в порядке бреда, зашли на распродажу и купили две дубленки мне и Ще (15 и 18 тыс.). Прочитал книгу поэта Талова и тут же сделал 4 стр. для своей эмиграции.

24 октября — ездил в Литинститут на встречу с ректором Алексеем Варламовым. Хотел договориться о выступлении, но институт весь в ремонте. Подарил институту две свои книги: «Эмиграцию» и «Опасную профессию». Варламов даже их не раскрыл, был угрюм и недоброжелателен, как будто я прибыл к нему из далекого чужеземья. Короче, не наш, чужой. Чужаком и покинул я Литературный институт — наши судьбы никак не перекрещиваются… По дороге утешался словами Леонида Завальнюка: «Сам на себя я ставлю и бегу…» А еще вспомнил, что в ны-

нешнем здании Литинститута располагался Дом Герцена — не то клуб, не то ресторан, и в одном из стихотворений Маяковского есть строки: «Хрен цена вашему дому Герцена…»

25 октября — из последних российских новостей. СМИ в захлебе от победы: из 450 депутатов в Думу прошли 343 представителя единороссов. Сокрушительная победа «ЕДРА» и Дивана… Пишут о сказочных богатствах чиновников. Популярна фраза из «Двенадцати стульев»: «Может, тебе еще дать ключи от квартир Захарченко?!» Полковник-миллиардер из силовых структур.

27 октября — выпал первый снег…

28 октября — написал для главы «Туда-сюда» о двух Ерофеевых, о Венечке и Викторе, о двух столь различных судьбах…

31 октября — умер Владимир Зельдин, 101 год…

4 ноября — презентация первой книги об эмиграции в Доме русского зарубежья в малом зале на 5-м этаже, было под 40 человек, в основном знающая публика и пришедшая именно на объявленную тему. Это была презентация книги, от которой осталось приятное послевкусие.

7 ноября — поехал в бывший Дом звукозаписи, подарил Ларисе Марковой «Плач по возрасту» и «Эмиграцию» с надеждой, что покажет книги нужному ТВ-человеку, но, видно, напрасно. Единственный улов: она дала телефон программы «Линия жизни». Я позвонил шеф-редактору, она: «У нас длинная очередь…»

10 ноября — на Никитской Олеся сказала, что подумывают о втором тираже «Эмиграции». Собираются в Питер на книжную ярмарку, спросила: вы поедете с нами? Идея неплохая, но под нее нет сил.

15 ноября — у меня свои идеи: увлекся «датским Сократом» — Сереном Кьеркегором (по «Эху» услышал каламбур: «Кьер чего?»). За два дня написал 5 страниц, перечитав предварительно книжечку Бернарда Быховского из серии «Мыслители прошлого», 1972. Быховский из легендарного МИФЛИ попал в Плехановку. В 1940-м получил Сталинскую премию за книгу о западноевропейской философии. А тут война. Про немцев? Значит, враг, и Сталинскую премию аннулировали, правда, при этом медаль не отобрали и деньги назад не востребовали. Ему до конца жизни припоминали его меньшевизм в

ранние годы.

Еще одна идея: предложить что-то журналу «Октябрь». Позвонил. Ответчик Анна Воздвиженская аж взвизгнула: кто нам позвонил! читаем и любим!.. Она из семьи Галины Белой, где, оказывается, с интересом читали меня в «Науке и жизни». Воздвиженская сказала, что доложу о вас главному редактору Барметовой. Доложила. И во втором звонке разговаривала со мной сухо и заявила, что никакая эмиграция журналу не нужна. Кульбит. Очевидно, мое имя или подкусывающий стиль вызвали у главреда реакцию отторжения… М-да, любопытный казус… Поднял досье на Галину Белую. Евгений Пастернак сказал о ней, что она была человеком с самыми живыми глазами во всей советской филологии. Умерла в 2004 году. Интересно, а какие глаза и взгляды у Барметовой? Может быть, она черносотенка?..

24 ноября — приходила Наташа Лайдинен и брала интервью для мартовского «Алефа». Потом прислала текст, и я ахнул: золотое детство, с Анной Львовной часами разговариваем на диване и прочая чушь. Пришлось переписать текст, от которого уже на дыбы встала Лайдинен, а затем компромиссный текст.

27 ноября — поздравил Половика с 80-летием. «Что-нибудь пишешь?» — «Нет, давно с этим тормознул», — был ответ. Несостоявшийся поэт, несостоявшийся журналист — удел многих…

29 ноября — придумал еще одну главку «Чужие эмигранты из чужих стран» — Томас Манн, Фейхтвангер, Зигмунд Фрейд, Стефан Цвейг и Альберт Эйнштейн. Не только же свои вынуждены были бежать…

30 ноября — вышел декабрьский «Алеф» — там Юрий Карабчиевский. «Еще один канувший». В ночь на 30 июля 1992 года совершил самоубийство — принял яд. В свой материал вставил и свои строки — верлибр:

Он не эмигрировал. Он уплыл туда,
Где тихо плещется Стикса вода.
Туда, где мудрейший, тишайший Харон
Направляет ладью в одну из сторон,
Где девы тихонечко слезы там льют,
Где ангелы спокойненько вместе поют,
А кипарисы склоненно смиренно молчат,
Не ведая, что это – рай или ад?..

И строки самого Карабчиевского (он с 1938-го): «Мы так же с тобой одиноки, / как каждый из нас одинок».

4 декабря — выступление в кафе при геологическом факультете МГУ на Моховой. С утра мучение: бреюсь и плохо вижу, что выбриваю. Из-за плохого зрения бритье впотьмах. Ну, а в комраковском кафе было все окей. По договоренности привез диск с фильмом о Марлен Дитрих. Его показали, потом я коротко откомментировал, потом ответы на разные вопросы. Продали 4 книги «Эмиграции» по 500 ре и одну — «Плату за успех» разыграли на аукционе. Говорю: стартовая цена — 300. И какая-то женщина с ходу: 400! Остальные молчат. Продано. Скоротечно и не интересно.

Возмущает «Эхо Москвы»: все время рекламируют старые передачи замечательных людей, но давно ушедших. И когда я слышу слова «С вами Анатолий Агамиров», — мне нехорошо. Ну, а добивает знаменитая фраза главы налоговой службы РФ Александра Починка: «Вы будете смеяться!» Сегодня, когда нет Починка, фраза выглядит зловещей. Но работники «Эха» ни хрена этого не чувствуют. Этическая и эстетическая глухота.

9 декабря — в основном я пользуюсь своим годами собранным архивом, но иногда приходится просить любезную Владу в библиотеке Хикмета, и она из интернета вытаскивает то, чего мне не хватает: на этот раз Льва Халифа и Ирину Ратушинскую. В интернете есть факты, но нет концепции и судьбы. Все разрозненно и не связано между собой. Нет оценок и эмоций, чем я порой занимаюсь. И пока я между двумя книгами — «И плеск чужой воды» и «Огни эмиграции» (это 3-я книга).

11 декабря — допечатал двух трубачей революции — Михаила Голодного и Джека Алтаузена. Звонила Оля Шкабельникова, читает первую книгу эмиграции, с «восторгом», и оценка «божественно» (перехлест, конечно, но приятно). А некоторые знакомые и те, кому подарена книг, угрюмо молчат.

15 декабря — дебют новой дубленки — черной с серым «каракулем». Теплая. И Ще в новой мутоновой. Обновки. На Соколе купили «НГ» с книжным приложением «Экслибрис», там в «пяти книгах недели» представлена «Отечество. Дым. Эмиграция».

31 декабря — две недели не брался за дневник.

Плохое самочувствие — это рефрен нынешних и будущих лет, и с этим надо смириться. И беспрерывная работа. Под знаком двух классических фраз: «Ну все болит!» и «Не дают работать!». Ну, и как определило время газета «Завтра»: «Засады, вызовы, угрозы» — с этим и заканчивается 2016 год. 28 декабря рухнул в Черное море наш Ту-154, который летел в Сирию. Погибла праведница — доктор Лиза и военный оркестр с дирижером Валерием Халиловым (с ним приятно общались в «Аккорде»). Последствие политического романа с Сирией.

Перед Новым годом вышел январский «Алеф» — там мой материал «Правители новой России» — Керенский и Ленин. Плюс «Узелки на память». Рецензии на «Эмиграцию» до сих пор нет. Гомберг, который взялся написать: «Я так устал!..» А я занимаюсь второй книгой — 30-ми и 40-ми годами.

Делаю для своих лет много, а многое принимаю с возмущением и негодованием. Не могу смириться с мерзостями режима.

Из пропущенной записи в середине ноября:

Избрание президентом США Дональда Трампа, и овация в Думе по этому поводу, видно, нардепы посчитали, что два крутых президента быстро по-

дружатся и разделят мир на зоны влияния (и это мы проходили во время Гитлера и Сталина…). А еще состоялось открытие памятника Владимиру около ворот Кремля, где когда-то на углу Моховой была аптека. Теперь святой Владимир, и тут же родилась в народе шутка: три Владимира — один стоит, второй сидит в Кремле, а третий лежит в Мавзолее. Какая троица!..

Но что нам до них? Мы с Ще встречаем Новый год не в лучшей форме: оба плохо видим и неуверенно ходим. А еще замучило больное горло и насморк. Собирались поехать в Зальцбург. Но не по зубам и не по ногам. И вспомним строки Михаила Зенкевича:

Маячат деньги, пролетая мимо,
Мечты поэта неосуществимы.

Основная хроника дневниковых записей представлена. При этом сокращено многое: самочувствие, зубные и прочие медпроблемы, описания погоды, непримечательные встречи и разговоры, обилие острокритических цитат в СМИ и на «Эхо» о власти, режиме и об отдельных одиозных фигурах. Все это мелко, неинтересно для читателей, лучше помещу в книгу культурологические, эссеистические публикации, которые я считаю

своими маленькими достижениями. Вот о них и поговорим, вытащим из текстов наиболее «вкусные» кусочки и фрагменты. Пройдемся по страницам американо-израильско-русского журнала «Алеф».

Листая страницы журнала

В январском номере — Оскар Строк: «История танго и его короля».

Танец танго появился в середине XIX века в Испании, в Севилье, и в Буэнос-Айресе. Сначала как песня, а затем как парный танец: причем только мужчин. Одиноких и озлобленных. Затем аргентинское танго появилось в Париже в 1910 году и прибрело бешеную популярность. Лишь церковь встретила новый танец в штыки, и папа Пий X осудил танго как безнравственный танец…

Танго полетело по миру, в России мелодии танго сочиняли замечательные композиторы: Ежи Петербургский, Цфасман, Гольц, Марьяновский, Шапиро… Стоп! Какое танго без Шапиро!..

Но подлинным королем танго был Оскар Строк. Его «Черные глаза» — супершлягер, который исполняют во всем мире.

О, эти черные глаза меня пленили,

Их позабыть нигде нельзя,
Они горят передо мной…

Оскар Строк родился до революции в Витебской губернии. Самые счастливые его годы — 30-е, которые он провел в Риге. Потом Берлин. Его история полна трагических гримас: и вместо «Очей черных» фашистская «Ночь длинных ножей»… В 60-е годы позиции танго ослабели под напором рок-музыки. В 1975 году не выдержало сердце Оскара Давидовича. Вместо лекарства, чтобы локализовать сердечный приступ, король танго поставил послушать пластинку «Оскар Строк. Танго» и испустил дух. Отправился к ангелам, чтобы научить их слушать звуки танго…

В двух последующих номерах — в феврале и в марте — прозвучали совсем иные мелодии, под которые шло воссоздание пролетарской советской литературы. Свой опус я назвал: «Авербах, Лелевич, Родов — гвардейцы вождя». С их помощью Сталин переформатировал русскую буржуазную литературу в советскую, в прислужницу диктатуры пролетариата. Но еще до того, как Сталин стал вождем, Троцкий сформулировал цель: «Каждый господствующий класс создает свою культуру, следовательно, свое искусство».

Серебряный век породил множество литературных групп и течений: символисты, футуристы, имажинисты, «Серапионовы братья», всякие «Кузницы» и «Перевалы», всех не перечислишь. И надо было всех объединить под единое красное знамя победившей революции. Этим и занялась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), генеральным секретарем которой стал весьма энергичный и деятельный Леопольд Авербах. Среди его помощников был и Александр Фадеев. РАПП критиковал всех «старых» писателей, бил наотмашь, даже Максима Горького переименовали из ГлавСокола в ГлавУжа.

Группа РАППа во главе с Авербахом вошла в историю советской литературы как «Неистовые ревнители». Я бы добавил: как ретивые жрецы литературной инквизиции. Под каток РАППа (хорошо, что не сожгли на костре) попали многие: Есенин, Эренбург, Пильняк, Багрицкий, Леонов, Шолохов…

В апреле 1932 года одиозный РАПП был ликвидирован, и большевики задумали организовать нечто другое — Союз советских писателей. Авербах с дубинкой уже был не нужен, и в 1937-м его арестовали, а в 1939-м ликвидировали. По исторической аналогии: мавр сделал свое дело… А вот

друг и соратник Авербаха Александр Фадеев был вознесен и приближен к Кремлю. Закатилось солнце и другого страшного критикана Лелевича. Он и Семен Родов оставили о себе мрачную память гонителей и ниспровергателей.

На смену Авербаху, Лелевичу и Родову пришли другие опричники новых Иванов Грозных, новые цензоры, новые дрессировщики, сторожа и надсмотрщики. И воспитывали, и мордовали советских писателей: и Ахматову, и Пастернака, и Бабеля, и многих-многих других истинно талантливых и преданных литературе, но не власти и не соцреализму…

И так получилось, что в апреле — июне, в трех номерах, был опубликован мой текст «Пастернак и Бабель в Париже и Москве». Жанр: двойной портрет. Две полярности. Один — поэт, тончайший лирик и тяготеющий к философским вопросам бытия, — это Борис Пастернак, другой — Исаак Бабель, яркий бытописатель с ироническим и сатирическим уклоном, пытавшийся разобраться в вопросах жизни, смерти и любви. Да и по-разному выглядели они: относительно высокий и худощавый Пастернак с библейским лицом, гармоничный, но с бушующим внутренним огнем, и небольшой, округлый, с овальным

лицом и блуждающей улыбкой — Бабель. Москвич и одессит. Две большие разницы. Только разница в возрасте была небольшая: Пастернак был старше Бабеля на 3,5 года.

В апрельском номере представлен литературный путь Бориса Пастернака, в майском — Исаака Бабеля. И эти пути пролегали по разным маршрутам и с разными остановками. Но судьбе было угодно на каком-то этапе соединить их вместе и отправить на Международный конгресс в защиту культуры, который проходил в Париже в июне 1935 года. Сталину этот конгресс был нужен, чтобы получить поддержку развернувшемуся строительству социализма в стране. В советскую делегацию и включили Пастернака и Бабеля, как писателей, известных на Западе. О том, как они ехали и как жили в Париже, я рассказал далее и привел слова Бабеля о Пастернаке: «Я замучился с ним. Путешествие с Пастернаком достойно комической поэмы».

Оба выступили на конгрессе. Пастернак ошеломил весь зал, начав свое выступление со слов: «Поэзия… ее ищут повсюду… а находят в траве…» А далее призвал деятелей культуры ни в коем случае не организовываться, ибо «Организация — это смерть искусства», то есть выступил совсем

не с тем, о чем был должен говорить по заданию пославшего его Сталина.

Блестяще выступил Бабель, не готовясь к речи, а полагаясь на свой импровизационный дар. Да еще по-французски…

Ну, а в третьей части публикации я рассказал о том, что произошло с Пастернаком и Бабелем после конгресса. На рассвете 16 мая 1939 года Бабеля арестовали и завели «Дело № 419». Далее Сухановская тюрьма, пытки, выбитые показания… В ночь на 27 января 1940-го Исаака Эммануиловича расстреляли, а его останки кремировали. Потом, конечно, реабилитировали: не виновен! Но первую посмертную книгу издали лишь в 1957 году.

Бабеля уничтожили физически, а Пастернака затравили и растоптали морально. Сначала критиковали за «скудость духовных запросов» (Алексей Сурков, газета «Культура и жизнь», март 1947), а потом, когда на Западе вышел роман «Доктор Живаго», Бориса Леонидовича просто растерзали. Знаменитые строки: «Я пропал, как зверь в загоне…» Скоропостижная болезнь, и смерть 30 мая 1960 года на 71-м году жизни…

О Пастернаке и Бабеле много написано, свое отношение к двум литературным звездам выразил

и я. А когда я писал о Валентине Парнахе, то точно — о нем мало кто вспоминал, да и знал. Практически забытая фигура. Мне всегда жалко имена из небытия: они старались, они что-то делали, оставили след, пусть и маленький, в культуре и литературе, и никогда не упоминаются даже в юбилейные годы. И поэтому моя небольшая публикация, вышедшая в июле — «Валентин Парнах — человек без ореола», — некий раритет.

Валентин Парнах — уроженец Таганрога, окончил гимназию с золотой медалью, но из-за своей еврейской национальности быстро понял, что ему трудно будет найти достойное место в царской России, особенно его поразил однажды увиденный железнодорожный вагон с надписью «40 евреев и 8 лошадей». И в 22 года он рванул на Запад и в конечном счете осел в Париже. Жизнь на Западе для Парнаха стала целой одиссеей. Он писал стихи, завел знакомство со многими поэтами и художниками, увлекся танцами и превратился в страстного пропагандиста джаза. Вернулся в Россию и организовал первое выступление джаз-бэнда в Москве. Произошло это событие 1 октября 1922 года. После чего Москва заболела джазом. А потом джаз запретили, и Парнах из страстного жреца музыки превратился

в обычного занудного переводчика. Его смерть в январе 1951-го практически никто не заметил.

Следующий мой герой — Томас Манн достиг вершин творчества. О нем в сентябре очерк-эссе «Доктор Фаустус мировой литературы». Из-за объема книги, к сожалению, коротко. Свое понимание творчества Томас Манн выразил так: «Кто такой писатель? Тот, чья жизнь — символ. Я свято верю в то, что мне достаточно рассказать о себе, чтобы заговорила эпоха, заговорило человечество, и без этой веры я отказался бы от всякого творчества».

Томас Манн страдал от того, во что превратилась его любимая Германия в годы правления Третьего рейха. В дневнике он записал строки об охватившем его ужасе по поводу омерзительного безумия и о садистских патологических типах властителей фашистской Германии. Как истинный гуманист, Томас Манн клеймил на бумаге и в эфире ненавистный ему фашизм.

Последние годы жизни писатель провел в Швейцарии, в Цюрихе, и скончался 12 августа 1955 года, в возрасте 80 лет.

Сентябрьский «Алеф» — совсем иной человек и другой судьбы — поэт Серебряного века Михаил Кузмин (вошел в книгу «99 имен Серебряного

века»).

Материал о нем я назвал «Куранты любви». Но в его судьбе отразилась не только любовь, но и весь трагизм России XX века. В начале века Кузмин, по признанию Анны Ахматовой, «общий баловень и насмешник».

Если денег будет много –
Мы закажем серенаду;
Если денег нам не хватит –
Нам из Лондона пришлют.

У Кузмина был дар стиха, легкого и певучего.

Отрадно улететь в стремительном вагоне
От северных безумств на родину Гольдони.

Михаил Кузмин — человек мировой культуры, в чем он открыто признавался: «…Я люблю Рабле, Дон Кихота, 1001 ночь… Обожаю Апулея, Петрония и Лукиана, люблю Вольтера… Флобера, А. Франса». И далее про музыку, балет и живопись… Почитайте «Александрийские песни», и вам станет понятно, кто такой этот удивительный Кузмин. Он в отличие от многих серебристов не покинул Россию, а остался в ней, в революци-

онной, голодной и холодной. Советской власти Кузмин был чужд и не нужен, и поэтому его последние годы — сплошное страдание и тихий ужас. Куранты трагедии…

Михаил Кузмин мог жить только в условиях свободы, культурного раздолья, в атмосфере беззаботности, достатка и комфорта. А вот другой мой герой — Юз Алешковский — спокойно пережил драматические времена культа личности, страха и террора. Сохранил веру и не потерял самого себя. «Юз Алешковский — мастер смеха и выживания» (октябрьский номер «Алефа»).

Юз — Иосиф Ефимович Алешковский широко известен не только своей песней «Товарищ Сталин, вы большой ученый…», но и своей художественной прозой: «Николай Николаевич», «Кенгуру», «Рука». В 1949-м в 20 лет попал в лагерь, хлебнул неволи, вернулся и активно работал в самиздате. В феврале 1979-го покинул СССР и обосновался в США. И никакой ностальгии, в отличие от Есенина: «Не зову, не плачу, не жалею…» И «хреначит коньячок». Свободный человек…

В ноябре — «Майя Кристалинская. Нежность и безнадежность». Некогда популярная певица, моя ровесница, которая чисто случайно не попала в книгу «Клуб 1932». 0на прожила мало: 53 года. И

свой вспоминательный текст я закончил так:

«…Грустит “Старый клен”. Тихо звучат слова “Нежности”. Где-то “девчата танцуют на палубе”. Нет, пожалуй, с палубы перебрались в клубы и бары, где больше стриптиза, чем песен. Что делать? Другое время» . И «В нашем городе дождь», нет, не дождь, а кризис, да еще не только у нас, а во всем мире. Сплошная безнадежность. Тупая безнадега, и так не хватает «Нежности» и Майи Кристалинской. Лолита, увы, не замена…

Вот о ком я писал в 2016 году. Плюс начал заниматься эмигрантами. Книги, газеты, журналы, выступления…

2017 год – 84/85 лет

100 лет Октябрьской революции, 85 — Ю.Б. И можно подводить итоги. В 1927 году к 10-летию октября Владимир Маяковский разразился октябрьской поэмой «ХОРОШО!».

И я, как весну человечества,
рожденную в трудах и в бою,
пою мое отечество,
республику мою!

Восторг и ликование. Довольная власть улыбалась в усы. А поэт старался вовсю: «Радость прет… Жизнь прекрасна и удивительна… Год от года расти нашей бодрости».

И что мы имеем теперь, спустя 100 лет после победы Великой Октябрьской революции? За 100 лет изменились кардинально отношение к Октябрю и оценки «проделанной работы» по строительству социалистического общества и попытки шагнуть в коммунизм. Большинство народа России после распада СССР почти все поняли, и талдычить на эту тему не нужно. Лишь приведу коротенькое стихотворение Льва Лосе-

ва, покинувшего Страну Советов и уехавшего в США. Строки из сборника, вышедшего на родине, в Питере, в 1997 году — к 90-летию Октябрьской революции:

Что делать – дурная эпоха.
В почете палач и пройдоха.
Хорошего – только война.
Что делать, такая эпоха
Досталась, дурная эпоха.
Другая пока не видна.

Между восторженными аллилуйными строками Маяковского и мрачными пессимистическими оценками Лосева пролег исторический отрезок в 70 лет, срок вполне достаточный, чтобы оценить, как развеялись великие надежды на рождение страны добра, справедливости и счастья. И как мы оказались в положении осажденной крепости, в изоляции от мирового сообщества, с очень подмоченной репутацией. В каком-то глухом тупике, без светлого будущего…

Полистаем дневник одного частного лица и гражданина Ю.Б. Как он жил в год 100-летия октября. О чем думал, что писал, с кем общался, как бодро выступал на своих творческих вечерах и

как частенько плохо себя чувствовал, недомогал и лечился. «Возраст, знаете, батенька, возраст». И действительно, какой изюм в 85 лет?! И все же, все же попробуйте читать эту книгу… (19 мая 2020 г.).

Я начал эту главу с Маяковского и продолжу им:

А что, если я десяток пегасов загнал
за последние 15 лет?!

И вопрос на засыпку: а сколько пегасов загнал Ю.Б. и просто рабочих лошадей?

5 января — дожил до 2017 года, до 100-летия революции, о чем даже не мечтал. Это как бы утопия, которая сбылась. И опять вдвоем тихо, по-домашнему, понемножечку «Русского манера» и коньяка, красная икра с рынка. Много сухофруктов и авоська аргентинских апельсинов, привезенных Настей по заданию Людочки из Нью-Йорка. Отпраздновали, и за работу: я за машинку, Ще за компьютер набирать мои тексты. Сумасшедшие. Но разве мы одни такие. «Надо взять мою тоску измором — задушить непосильной работой. Вернусь за рукопись с Некрасовым, которая так же клочковата, как и все в моей жизни сейчас» (дневник Корнея Чуковского, 5

сентября 1946).

4-го немного погуляли по Москве. В троллейбусе какая-то пожилая женщина обратилась ко мне: «Я вас знаю… читаю ваши книги… на моем столе лежит Джоконда и Бунин… внучке читаю…» А вот собянинская аляповатая Москва с дурацкими арочками не понравилась. В магазине «Москва» на тумбе хитов стоит моя «Эмиграция», рядом — «Набоков в Америке» и какая-то книга о Чехове. Меня всегда интригует книжное соседство…

Сделал главку во вторую книгу «Эмиграции», и в частности о генерале Петре Краснове, который был еще и писателем. В 1922 году в Берлине вышла его книга «За чертополохом», роман-утопия о послереволюционной России, названной им ЧУМОЙ, страной, отгородившейся от внешнего мира, что сегодня мы и видим…

8 января — неожиданный звонок из Франкфурта-на-Майне из какого-то Центра по выплатам компенсации пострадавшим от фашистской Германии в годы войны. Некая Ирина терзала вопросами для решения, давать евро или нет?..

А пока трабахо и трабахо, работа и работа: готовил материалы для «Алефа» о ровесниках, исторические «Узелки», глава «Туда-сюда, обратно» в «Эмиграции» и т. д. и борьба с нездоровьем. Ко

всему прочему какие-то пятна на ногах (аллергия или что?) — надо идти к врачу, а заниматься лечением некогда.

15 января — и все-таки пришлось поехать в РАМБАМ: сильное жжение в ногах. Дерматолог Елена Коверная не знает, что это? То ли сахар, то ли аллергия, то ли вены. Кстати, сахар — 7,2, повышен. Пришлось утром и вечером мазать ноги.

18 января — поехал на Никитскую и получил 5 книг «Жила-была женщина» Анны Безелянской и Юрия Безелянского. Маленькая симпатичная книга, 500 экз. 7-я книга Ще и 3-я совместная. Потом «мальчик» привез еще 30 книг. А 10 февраля была презентация «Жила-была» в «Библио-Глобусе». Выступила Ще, потом я, был народ, активно покупали.

24 января — в библиотеке Вересаева Вересаевские чтения. Выступал как ведущий спец по Вересаеву, что, конечно, смешно. Приехал народ из Тулы из Вересаевского музея. Выступавшие туляки сделали упор в основном на тульских партизанах в годы войны, и мне пришлось потушить их пафос и патетику. А после Вересаева пришлось ехать на Водный стадион за деньгами и февральским номером с интервью Натальи Лайдинен

«Исторический пессимист». И поместили фото пожилого дяденьки в желтом пуловере. А еще в номере — «Красный граф» — Алексей Толстой из главы «Возвращенцы» («Эмиграция»).

28 января — кадры разбомбленной сирийской Пальмиры, а тут в Кремле при вручении наград вылез Василий Ливанов и заявил, что небеса просят Путина снова идти на президентские выборы. Ничтожный подхалим и лизоблюд, а еще играл благородного Шерлока Холмса!

29 января — на Соколе в книжном купил январский журнал «Читаем вместе», в нем шеф-редактор «ЛГ» Максим Замшев представляет мою «Эмиграцию» под заголовком «Драма русского исхода». Не могу не процитировать: «Эта книга — бесценное пособие для тех, кто всерьез интересуется историей русской литературы, но также она дает нам индивидуальный авторский взгляд на такую сложную проблему, как литература русской эмиграции…» И еще отрывок: «Приятно, что Юрий Безелянский не впадает в чрезмерное литературное наукообразие, а создает дивные портреты живых людей, к которым у читателей возникают чувства теплые, сострадательные, заставляющие лучше понять трагедию исхода

XX века…»

Спасибо, Максим. Признание и оценка литературного человека мне как бальзам на душу. А то пишешь, пишешь, стараешься и — гнетущее молчание.

30 января — ездил в ЦДЛ и своей поклоннице Людмиле Федоровне, зав. библиотекой, подарил «Эмиграцию» и Дневник 90-х. На мои жалобы на критиков она отреагировала коротко: «Завидуют!..» А она этих писателей повидала на своем веку не одну сотню.

1 февраля — приезжала Оля Шкабельникова, фотографировала мои книжные полки для проекта «Домашние библиотеки». И привезла газету «На Западе Москвы» (тираж почти 466 тыс. экз.) с рецензией на книгу под заголовком «Дым отечества». Кстати, общался по телефону с Сергеем Зенкевичем, тот сказал, что Турчинский (я его не знаю), автор поэтических антологий, высоко оценил книгу об эмиграции. «А это дорого стоит», — сказал Зенкевич.

5 февраля — и все же никуда не деться от какой-то грусти-печали. «Всё по-прежнему, все по-прежнему…» — как писал Северянин. Вступили в неприятную фазу недомоганий и болезней

и я, и Ще. И ничего с этим не поделаешь: ни вылечиться, ни выскользнуть из этого возрастного состояния.

3 февраля — все хлопоты по поводу юбилейной даты — 85 лет. Вчера Дом журналистов, разговор с Щербиной. 8-го в Дом русского зарубежья и уже разговор за чаем с конфетами с директором Москвиным. Подарил «Эмиграцию» и закинул удочку по поводу возможных контактов со славистами, чтобы издаться на Западе, — голубая мечта! Но Москвин нудел о нынешних трудностях. Я смотрел на фантик «Ну-ка, отними!» и подумал: не отниму, не дано издаться, а Москвин: и у Натальи Солженицыной денег нет. А вечер творческий провести — пожалуйста!..

Шендерович по «Эху» издевался по поводу заявления президента, что всех нас ожидает прекрасное будущее. Он же в 2011 году обещал, что Россия в 2016-м войдет в пятерку ведущих стран мира. Вошли? Куда? В Сирию. Да еще в СМИ истерит депутат Поклонская по поводу фильма «Матильда».

10 февраля — в «Библио-Глобусе» презентация «Жила-была женщина». Щекастик получил свою порцию если не славы, то многих приятных слов.

Вместе с Ще подписали около 20 книг, а цена-то завышенная: 549 ре.

11 февраля — Аталия вручила альманах «Лесной орех», там перепечатка Наума Коржавина.

12 февраля — совсем не лучезарная поездка в РАМБАМ: вместе с Ще сдавали анализы. Вечером ЧП: ел хлеб, раздался треск, и сломалась нижняя челюсть. Ще сказала, что в этот момент в моих глазах стоял ужас.

13 февраля — состояние отчаяния перед юбилеем: зубы, заколодило живот, горло, насморк — юбилейный набор. Зубы спасала Тамара Александровна, ангел-стоматолог. Такая вот се ля ви, как говорят французы.

14 февраля — по Черномырдину: никогда не было и вдруг опять. Ел мягонькую шинкованную капустку, и полетел мост, челюсть, зубы — какая разница. И снова отчаяние без предела. На следующий день пошел к Саше на Аэропорт, и он сделал временную сияющую белизной голливудскую вставку (и опять деньги!). Вышел на проспект, сияя зубами и слегка пошатываясь, — такая вот планида.

17 февраля — вы будете смеяться: полетела и

голливудская вставка. Третий слом подряд, и за что? Что я такого плохого написал, чтобы меня так наказывали? Вроде сею добро и правду, а дьявол подшучивает над всем этим. Снова я к стоматологам, они решили: цемент, а потом уже новый протез. Перестал есть хлеб — мягкий и вязкий, и вообще с питанием проблемы. А с чем нет проблем?!.

18 февраля — приехал Сергей Зенкевич, внук серебриста, и мучил, как лучше провести мой вечер в Некрасовке, как представить на афише и прочая ерунда. Младший Зенкевич оказался тягучим человеком, но тем не менее пришлось подарить 3 книги: два Дневника и Избранное. Часа два длилось это действие, и в прихожей еще простоял минут 10, соображая вслух, как лучше провести интервью с «этим интересным человеком».

20 февраля — сидел дома и готовился к выступлению в университете культуры. Позвонил в «МК» по поводу юбилея: написали бы!.. Марина Райкина: присылайте свои книги. Я затыркался и не повез, и, естественно, в газете обо мне не появилось ни слова. «Нужна ручная работа», — наставительно советовал Володя Вишневский. А

где силы на поездки, встречи и тяжести?

22 февраля — звонил Щербине в Домжур, как вечер? Она: не можем собрать народ. Жуткая погода, многие ветераны плохо себя чувствуют, проблемы с костным аппаратом, а собирать только студентов не годится, давайте перенесем на май и устроим вам вечер «как победителю». Как маршалу Жукову, что ли?.. Только поговорил с Щербиной, как приехала машина и повезла нас с Ще в областной университет культуры на ул. Радио. Целый час добирались, извелись. Но приехали, оказалось, старое здание пансиона благородных девиц, нами занялась Снежана Владимировна и отвела в большую аудиторию, где собралось более 40 щебечущих девочек и мальчиков. Все прошло отлично, и все были довольны, и фото на память. И гонорар: цветы, конфеты. И обратно на машине.

24 февраля — приходила Ирина из газеты «Север столицы» и просила рассказать о встречах со знаменитыми людьми (повтор темы в «Алефе»).

27 февраля — еще одно интервью для газеты «Юго-Запад Москвы», тема: шестидесятники. Я тоже шестидесятник, но не улично открытый, а скрытый, латентный. В протестах и акциях

не участвовал, в самиздате не печатался, не организовывал, не агитировал, не распространял и, соответственно, не привлекался и не арестовывался. Сидел тихо, более того, был секретарем партийной организации в журнале «СПК» и на Иновещании на радио. Но внутри разделял взгляды и мечтания шестидесятников о свободе и демократии, о смене режима. Но при этом разделял иронизм бесстрашной Натальи Горбаневской, которая писала в одном из своих стихотворений:

И верно ведь надо быть сумасшедшим,
чтобы исправлять нравы,
да еще и не ради славы
и не ради теплого место придурка…

Но я был всем сердцем с теми, «что борются с ожесточеньем / За нашу свободу и честь». Я был внутренне рядом с Вадимом Делоне, Александром Глезером, с Литвиновым, Новодворской и многими другими смельчаками. «Я бросил вызов Родине моей, / Когда ее войска пошли на Прагу…» (Делоне). В третьей книге «Огни эмиграции» будут собраны многие славные имена, кто не жалел себя ради свободы, кто погиб в неволе, кто вынужден был покинуть родные берега. Моя книга

— это дань памяти героям-шестидесятникам (4 мая 2018 г.).

28 февраля — поездка за мартовским «Алефом». «Узелки на память», окончание «Красного графа» Алексея Толстого. В своем эссе использовал сохранившееся в архивах письмо читательницы писателю и депутату Верховного Совета СССР Алексею Толстому. Написанное в ноябре 1937 года: «Сегодня я сняла со стены Ваш портрет и разорвала его в клочья. Самое горькое на земле — разочарование… Я Вас как художника искренне любила. Сейчас я не менее искренне ненавижу…» За восхваление режима, за лизоблюдство власти, за измену художественной правде…

В этом же номере, наконец, рецензия на «Эмиграцию» Леонида Гомберга «Культурная катастрофа октября 1917 года» — фотография Ю.Б. и обложка книги «Отечество. Дым. Эмиграция». Гомберг определил жанр книги как беллетризованная энциклопедия, от которой «просто невозможно оторваться. С энциклопедией ее роднит краткость изложения, достоверность фактов, точность и лаконичность аргументации. Но в то же время эмоциональный накал и образность повествования, насыщенный русский язык естественным образом превращают текст в

полноценное художественно-публицистическое произведение».

А далее даже неудобно как-то читать, что «Юрий Николаевич Безелянский принадлежит к старшему поколению отечественных литераторов. Он обладает огромным опытом литературной работы…» И т. д. В конце рецензии поздравление с 85-летием — Мазл тов! Плюс к журналу коробка бельгийских трюфелей и ликер «Бейлис». Хорошее поздравление… Приехал домой — и звонок из «Вечерней Москвы», интервью по телефону. Короче, пахнуло востребованностью 90-х годов.

2 марта — 85 лет! Телефонный бум и водопад поздравлений. Звонил какой-то Виталий Друскин из Самары: он — собиратель моих книг, от которых в восторге. Вышел дневной выпуск «Вечерней Москвы» и два поздравления рядом — Ю.Б. и Михаилу Сергеевичу Горбачеву, ему 86, и сразу вспомнилось его удивление, что мы родились в один день: «И вы тоже?!.» Отмечать была идея поехать в кафе «Чайковский», но подвел живот, остались дома, и к нам приехал Эдуардо с тортом, свечами и медалью «За взятие юбилея». Отметили втроем, без гостей, хотя, если честно, и приглашать некого: сколько друзей и хороших знакомых числятся по разряду «ушли»…

5 марта — ездил по врачам. Ноги получше, а вот горлу требуется операция, ибо голос постоянно садится. «А мне выступать…» — жалобно сказал я. Доктор Апраксин: «А вы поете?» Нет, не пою, но пишу и говорю… А вот у экс-прокурора, а ныне депутата Госдумы Натальи Поклонской радость: мироточит бюст обожаемого императора Николая II. У каждого свои беды и радости

Меня накрывает простое, мирное, подлое, очень русское, кстати, чувство — все обойдется…

6 марта — поход за картриджем на Речной вокзал — 3.500, а сколько еще мороки. Маленькое удовольствие: вышел «Север столицы» (тираж 441 тыс. экз.) — встречи со знаменитыми людьми.

7 марта — по ледяной дороге еле доползли с Ще до библиотеки Хикмета. Хотел посмотреть, что там в «Науке и религии» — номера нет, читатели зачитывают. Вернулись домой, а на двери список должников по оплате коммунальных услуг, нам приписали долг — 136 тыс. С какого бодуна, когда мы платили исправно каждый месяц. Ошибка, а Ще, бедная, жутко разнервничалась. Пришлось выяснять, звонить, ходить. Бандиты-коммунальщики: а вдруг проскочит? Ведь страна работает в режиме «авось» и обмана.

8 марта — в ночь смотрели матч Лиги чемпионов «Барселона» — ПСЖ. Чудо-матч: барселонцы отыгрались за поражение в Париже 0:4 — на этот раз 6:1. Какие игрочище: Месси, Суарес, Неймар, Сержио Рамос… И опять сравнение с нами: а в России какие-то тихоходы-дилетанты. Ну, все неважно, муторно и плохо. Одно только показное величие и единственная гордость: победа в Отечественной войне. Удивительно, что не вспоминает с придыханием Куликовскую битву…

9 марта — по просьбе Марии отправился на Народное радио, на Тверскую пиарить «Жила-была женщина». Программа «Книжный ряд». Ведущая Зинаида Белухина предупредила: у нас православное радио. Пришлось говорить спокойно, без эмоций и нападок на власть. Были звонки от слушателей в прямой эфир. Какая-то женщина: «Какой приятный интеллигентный голос, какая замечательная русская речь…» И можно смеяться: «Я месила тесто на кухне и вдруг по радио услышала вас. Как интересно!..» Возникает вопрос: какую же лабуду им вещают с Народного радио?.. Разыгрывали книгу, одна — уехала в Липецк… Все это приятно, но вот в троллейбусе одна отвратная старуха окрысилась на ровном месте на автора «Жила-была женщина», прошипев в

лицо Ще: «Ишь, молодая, полный рот зубов!..» А зубы-то и у Ще, и у меня вставные…

13 марта — творческая встреча в подвале отделения «Единая Россия» с районным «Мемориалом». В связи с юбилеем вручили грамоту «за весомый вклад в культурную жизнь района Сокол» (других слов не знают). Этих грамот у меня полно, а вот премий — ни Нобеля, ни Шнобеля — нет даже Кюхельбекера. «Так было мне и кюхельбекерно, и тошно» (эпиграмма Пушкина).

15 марта — вечер в МЕОЦе, у еврейской общественности — человек 30 или более. До выступления в кабинете какой-то детской Академии пообщался с Эллой Мендельсон и Юлией Корольковой, выпили немного вина, и я выступил не как серьезный писатель, а как какой-то баечник, рассказывая смешные истории и читая стихи.

18 марта — совсем другой коленкор: в связи с горлом поехал в многофункциональный центр и за деньги — почти 4 тыс. Два слова о международных делах. Русская весна перешла в сирийское лето. А что потом? Африканская осень и арктическая зима?

19 марта — Ще выступала в кафе «Жан-Жак»

на Маросейке и с успехом представила книгу «Жила-была женщина».

22 марта — итак, горло, нос, зубы, претензии к глазам и ногам, ну, и прочие «штучки», и это на фоне книги «Эмиграция-2». Ездил к Марии и обрисовал ситуацию: Ще набрала 325 страниц, а дальше не может из-за глаз. Может быть, дальнейшее наберут в издательстве. Мария: нет проблем. Еще Мария сказала, что первая «Эмиграция» идет хорошо и они подумывают о втором тираже.

28 марта — отвез флешку и рукопись для набора, на что ушло 10 минут общения с издательницей. И книга запустилась? А затем за апрельским «Алефом» — Джек Алтаузен и Михаил Голодный, поэты-трубачи революции. Джек Алтаузен (он же Яков Моисеевич) — оболганный и забытый поэт. А у него есть замечательные строки:

Вчера был бой.
От сабель было серо,
Кривой комбриг махал нам рукавом.
Я зарубил в канаве офицера,
А у него в кармане боковом
Нашел я книжку в желтом переплете
–

Ее писал какой-то Карамзин.
Две ласточки сидят на пулемете,
И на кустах лежит мой карабин.
Журбенко! Брось
Напрасно ложкой звякать.
Цветет крыжовник, зреет бузина.
Давай читать, давай читать и плакать
Над этой книжкою Карамзина…

(1928)

31 марта — в Некрасовке в рамках «Некрасовских пятниц» был мой творческий вечер, который вел Сергей Зенкевич. Собралось 22 человека, в том числе устроительница Гумилевских вечеров Ольга Медведко-Лукницкая. Прошло на ура. Два букета бордовых роз, по 9 роз каждый. Как кто-то отметил: очень живо, артистично, умело тонируя голос. И вообще, наговорили кучу восхитительных слов. Восторги есть, а приглашений на ТВ нет: не замечают, там свои говоруны…

1 апреля — печальное известие: умер Евгений Евтушенко. В последнее время выглядел ужасно — все шло к концу. Но он сражался на литера-

турном фронте до конца. В какой-то степени я продолжаю (и конкурирую?) с Евтушенко с его антологией «Строфы века». Только у него упор сделан на подборку стихов, а у меня — на биографию, на жизнь и проблемы поэта, а стихи идут как иллюстрация.

6 апреля — на второй полосе книжного обозрения «Экслибрис» («НГ») большое интервью «Мы все тут ненормальные. Юрий Безелянский о революционерах и безумцах, писательских скачках и горстке пыли». Вроде бы маленькое признание…

7 апреля — а это из другой оперы: вместе с Ще начали тур де зубы. У Ще выдирали плохие зубы и у меня, молодая абхазка Илона по новой технологии: раскачала — и нет зубов. Ну, и деньги: 10 тысяч на двоих. То розы дарят, то зубы выдергивают — и это называется «жизнь».

В газетах мелькают отрывки из разных блогов. Одна из блогеров Татьяна Смиронова советует: «Не путайте: родина и государство — две большие разницы. Так что это государство сделало с моей родиной? Почему мне все время стыдно за это государство?!»

8 апреля — отвлечение от зубной эпопеи — приезжал брат Боря с Сережей и подарками к

85-летию. Выпили сухое «Шаврон руж», и, конечно, Боря заговорил о политике и восхвалил правителя. Ще в ответ взвилась, я помалкивал: «Только не надо доходить до Крыма!» Боря явил собою пример, как отравлен народ пропагандистскими клише, напичкан патриотизмом и пафосом. Но, слава Богу, расстались вполне мирно, уставшие от гостей, включили ТВ, а там некий Кауфман пел «Вернись в Сорренто!». Я тут же предложил другой вариант: «Вернись в Мытищи! — Ни за какие тыщи!..» А еще занимался архивом и безжалостно выбрасывал артистов: ясно, что никто не издаст. Кстати, отец Сергея Мартинсона по национальности швед. Эх, дополнить бы «5-й пункт, или Коктейль “Россия”»! А издать «Погоду и слово»! Напрасные мечтания: кто будет издавать и кто читать? Это не детективы и не кулинария! Я по другой части…

13 апреля — в «Экслибрисе» отчет о вечере «Человек без интернета» с подзаголовком: «“Некрасовские пятницы” чествовали Юрия Безелянского».

Симпатичный отчет с ехидной концовкой по поводу премии Нобеля: «Реакции со стороны шведских академиков пока не последовало…» Увы, и в том же «Экслибрисе» известие об уходе

Кирилла Ковальджи, 87 лет. Он всегда восхищался моими книгами и дарил свои. А еще зубные удовольствия: слепок и прочее. Короче, радости и печали…

15 апреля — приключения с желудком, ох уж эти физиологизмы. Пришел в себя и хотел заняться «Эмиграцией-3» и не мог найти папку с материалами, все перерыл — нет, исчезла, испарилась. «С горя» пришла идея: начать книгу с Владимира Печерина, и засел за черновик.

18 апреля — поздравил О.Ю. с 63-летием. Она твердо мне заявила, что не испытывает одиночества и никто ей не нужен (включая отца?). Изучает историю первых христиан… Без комментариев.

20 апреля — получил майский номер «Алефа» — «Ровесники из 1932 года», там же «Узелки на память» и 100 долл. Ще ездила на Никитскую за набором. Все при деле.

2 мая — заголовок в дневнике «Первомай, зубы, плохое самочувствие». В районе Сокола почти безлюдно, ни музыки, ни песен, ни улыбок, ни праздничного смеха. Судя по репортажу на Красной площади, разрешенные патриоты

несли транспаранты, главный: «За достойную работу, зарплату, жизнь!» И никаких намеков на революцию и необходимость смены чекистско-олигархического режима. Лишь в программах «Эхо Москвы» звучал мотив: надоело — надоело нервничать и кричать, надоело жить и умирать, надоело!.. В Кремлевском дворце шла развлекуха — праздничный концерт с пучеглазым Киркоровым и старым безголосым Лещенко. Тысячи идиотов-патриотов изнывали в восторге. Холопы, влюбленные в царя и его прихвостней… И где-то в веках затерялся Печерин, беглец из России: «Как сладостно отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтоженья…» Не отчизну, не родину, а тупой самодержавный режим.

Еще одна публикация (от 17 марта) наконец-то дошла до меня — газета «На Западе Москвы» (тираж 455,7 тыс. экз.) с публикацией «Большая пирамида Безелянского» с фотоснимком книжной пирамиды, даже не верится, что столько издал книг.

9 мая — неясно: идет 2-я книга об эмиграции или нет, даже договор не заключен. Но занимаюсь уже третьей. Зубы: то примерки, то подточки. Чищу архивные залежи. Тошнит от того, что делается в стране. Как заявил блогер Антон Носик:

власть ведет войну против народа: ей все мерещится майдан. А народ тихо сопит и сосет, как говорится, лапу…

10 мая — умер Даниил Дондурей, один из достойнейших людей современной культуры. Он говорил: «Невидимое разрушение общественной морали — такое же несчастье, как гражданская война».

11 мая — в Домжуре что-то вроде чествования, и Щербина вручила мне очередную грамоту «за просветительскую миссию, за великолепные рассказы…». Заодно отметили еще двух не очень выразительных людей. Среди пришедших в Домжур был некий Иосиф, технарь, книгочей, собиратель моих книг — почти все собрал и ждет с нетерпением выхода очередной. Анна Викторовна из областного педа вручила роскошный букет из белых роз. На дневном вечере пришлось и выступить с речугой. В целом получилось ничего.

14 мая — уже кафе «Жан-Жак» на Маросейке. И снова выступал, и даже читал стихи, под мерцающий свет. А после нас с Ще поздравили с годом 50-летия семейного союза, и это было трогательно. На обратном пути зашли в «Библио-Глобус», в наличии осталась одна книга «Эмиграции» —

613 ре.

15 мая — ездил за июньским «Алефом», там мой Кьеркегор, и Лариса в качестве иллюстраций дала несколько обложек книг датского Сократа. Красиво. А я уже начал заниматься очередной персоной — американским прозаиком Солом Беллоу: всегда интересно узнавать что-то новое. Я растворен весь в культуре и литературе, а страна вся в битвах за скрепы. С пеной во рту борются с врагами отечественные ультрас — Прохановы, Кургиняны и прочие…

20 мая — по ТВ в «Культуре» дебютировала программа «Агора» с изрядно надоевшим шустроумным Михаилом Швыдким. Обсуждали фильм «Матильда». Блеснул артист Юрий Назаров, откровенно признавший: «Я — человек темный…»

21 мая — схватился за Аркадия Штейнберга. К вечеру, устав, принялся чистить архив художников, безжалостно выкидывая Глазунова и Шилова. И вдруг на глаза попался Казимир Малевич, и понял, что вслед за Шагалом и Кандинским непременно надо написать о создателе «черного квадрата».

23 мая — поехал в Литературный музей в Труб-

никовском переулке, запущенный донельзя, явно неинтересный объект для мэра Собянина. Вечер Сергея Зенкевича. Выступил, поддержал его, как хорошего литературного модератора, а он меня поддержал, когда я сходил со ступенек со сцены и чуть не бухнулся. Это было эффектно для других и горько для меня. И, возвращаясь по Новому Арбату, недовольно бурчал в свой адрес, и зачем куда-то все хожу… И даже пытался напеть лещенковское: «Все, что было, все, что млело, / Все давным-давно истлело, / Только ты, моя гитара, / Прежним звоном хороша…» Ну, не гитара, а пишущая машинка «Олимпия». Ну, о Петре Лещенко по ТВ сериал, где Петра Константиновича изображает Константин Хабенский. Не ахти что, но все же приятно… «Был день осенний, и листья с шумом опадали».

26 мая — холодрыга. Спим под одеялом и пледом. Ноги все время зябнут.

28 мая — Серега на машине повез нас на кладбище, на Планерную.

29 мая — ураган прокатился по Москве: много разрушений, погибло 16 человек, в том числе в Москве — 11, поваленные деревья, искореженные автомобили — страшные картинки по ТВ. А я до-

ма как-то ураган и не заметил, весь погруженный в материал о Малевиче.

1 июня — в «Вечерней Москве» короткое интервью, которое шло по телефону в связи с 8-й годовщиной Андрея Вознесенского. Да еще звонок из Петербурга: как вы относитесь к словам Кудрина на Экономическом форуме о необходимости запретов в культуре. Как? Отрицательно!..

4 июня — закончил Малевича, 15 стр. Он мнил себя «председателем пространства», а его сузила власть до жалких сантиметров камеры. Ну, а Черный квадрат — это бездна, в которую падаем все мы… Тут на днях Матвей Ганапольский по «Эхо Москвы» выразился так: «Единственная жизнь проходит под задницей Лубянки».

12 июня — закончил сокращенную олитературенную хронику собственного дневника за 2009 год. Можно только удивляться, до чего еще в свои 77 лет был шустрым: много делал, писал, выступал, ездил, иногда по 2–3 раза в день в разные концы и редакции. А сейчас стараюсь пореже выходить из дома и рву деловые контакты. 85 лет — это не шутка…

15 июня — Ще начала набирать 3-ю книгу об

эмиграции, в дождливо-холодрыжную погоду при холодных ночах. А я крутил текст о Новодворской — оригинальная личность.

20 июня — прислали письмо из Франкфурта от организации Клеймс Конференс — компенсация за военные страдания в размере 2556 евро, в пересчете на рубли: около 160 тыс. Сначала обрадовался, а потом расстроился: мало. О, неблагодарный людской род!.. Денежки прислали, но они не решают наших многочисленных проблем. Вся начинка квартиры, от мебели и кухни, безнадежно устарела, а еще проблема печатания: в доме 5 пишущих машинок, и все барахлят, постоянно их меняю и мучаюсь. Никакой машинописной радости!.. И никак не можем выбрать отпуск: куда поехать: Зальцбург, Карловы Вары, Париж, Хорватия, Калининград, на худой конец — Витебск. Обсуждаем варианты и тут же их бракуем, — и не столько из-за денег, сколько из-за здоровья: выдержим ли мы поездку, сил маловато…

29 июня — получил «Алеф» с Жан-Жаком Руссо и «узелками». Приятно размышлять и думать о Руссо (есть что процитировать, но не буду из-за объема дневника, лучше вставлю Руссо в какую-

нибудь будущую книгу). Руссо — это бесспорно, а вот как отнестись к социологическим опросам о том, кто самый популярный человек в России? Народ определил: Сталин, Путин, Пушкин. Боже: как Александр Сергеевич попал в эту троицу? Как отметил Мельман в «МК»: «Культура как была в загоне, так и осталась…» Самодержцы, диктаторы, тираны — эта да! А «Пушкин на эротических ножках», как метафорически написал Андрей Синявский под псевдонимом Абрам Терц, — он по народной инерции еще в списках…

30 июня — снова ураган. Все потемнело, сверкало и грохотало, и впору вопить радиокомитетское: «Ну не дают работать!» А тут еще онемел большой палец на левой ноге…

1 июля — закончил печатать материал к 3-й Эмиграции «Мой Запад» — о первой поездке, в Бенилюкс в 1973 году. Написано о поездке было много, но пришлось сократить до 10 страниц для книги. Оживляж. Бельгийский гид Роже назвал меня Юрой Вопросовичем за неуемное любопытство, точнее — любознательность. Вставил специально, чтобы развеять рыдательность третьей книги. А Ще параллельно набирает Аркадия Белинкова.

10–14 июля — санаторий в Переделкино. И это была ошибка: контингент жутковатый, много сбагренных детьми и внуками отвратительных старух. Номер сиротский и вообще запустение. Только природа вокруг хороша. И ЧП: снова полетели два зуба, и пришлось сократить переделкинские прогулки. Приехали в Москву (опять спасибо Сереге) — дожди и темень.

1 августа — волнение с книгой. Мария успокаивает: «Мы успеваем». Успеваем к сентябрьской ярмарке? Джентльменский договор: тираж 500 экз., мне 20 авторских, остальное все в погашение и в прибыль издательства. На день рождения Щекастика написал строки (плохие — хорошие, главное, написал):

Выпало две семерки,
Жаль, что не два туза.
И скользим по жизни вертко:
То удача, то буза.
Не печалься, друг мой ситный,
И не хмурь надменно бровь.
Ты живешь вполне элитно
В доме, где любовь…

Послепеределкинское житье. Кайф: тихо, комфортно, кругом книги, пыль, — привычно. Только вот тревоги: Ще консультируется по поводу глаз и хрусталика, я все хаживаю к Тамаре Александровне с зубными делами. И, конечно, печатаем и набираем. И новый интерес: любимое «Динамо» из ФНЛ вернулось в Премьер-лигу и в первом же матче чемпионата не уступило ненавистному «Спартаку» — 2:2. Книга и футбол — две скрепы, если выражаться современным языком.

Пришлось поехать за августовским «Алефом» — вышел Аркадий Штейнберг. Поэт, художник, переживший лагерь и войну, не сломавшийся и оставшийся самим собой.

6 августа — позвонила Светлана и сообщила печальную новость: еврейские спонсоры в Нью-Йорке закрыли журнал «Алеф», а издательница и главный редактор Лариса Токарь по желанию дочери уезжает в Америку, где ей уготована судьба бабушки: ставить на ноги внуков. Штейнберг — последняя публикация в «Алефе». Самая долгая (долгоиграющая) серия с января 2001 года — без малого 18 лет! — в каждом номере один или два материала. А первый, вышедший 2 января, — «Персоны февраля»: Мендельсон, Бубер, Пастернак, Шолом-Алейхем, Барто и др., многие

из эссе-биографий вошли в книги, а «Золотые перья» вышли все из алефских одежек, красивые публикации, денежки, — и вот конец. Всему приходит конец — такова жизнь.

11 августа — вчера кружилась голова. А если прибавить проблемы с глазами, ногами, зубами и кое еще с чем, то… А ничего не поделаешь: надо привыкать к новой реальности. И смиряться, и все же вслед за классиком не могу повторить, что «Печаль моя светла…». Как Пушкин предчувствовал свой конец, к примеру, в «Элегии» (1830) «мой закат печальный». Но обрываю, а то такое можно нацитировать, что, как говорят евреи, боже мой!..

18 августа — Ще проветривалась в кафе с Ровнянской, а я печатал в книгу зарисовку о страдальце Анатолии Марченко. Несколько раз звонил и уговаривал меня Евгений Данилов с телеканала «Звезда» выступить с рассказом о Ванге и прочих чудесах, я отказался. Не моя тема. Ни Ванга, ни Поклонская, которую зовут как По-По (Поклонская плюс попы). Хватит с меня «Рассвета безнадеги», как выразился Ал. Невзоров.

21 августа — получил корректуру второй книги об эмиграции. Томина: 506 страниц.

5 сентября — отвез Ще в клинику «Прозрение» на операцию по замене хрусталика. Ще держалась молодцом и вышла из «Операционного блока» улыбаясь. Сама операция длилась 25 минут. Японский хрусталик стоил с какой-то скидкой 73 тыс. А с консультациями за 90 тыс.

Да, 2017 год выдался трудным: то страхи по поводу реновации и переезда, то рушились зубные мосты, то установка электросчетчика (а Ще только дай повод поволноваться…), то операция на глазах, то съеденные весна и лето из-за непогоды, то волнения с книгой, ну и т. д.

9 сентября — в субботу на ВДНХ на 30-ю Международную книжную ярмарку. Народу тьма, не протолкнешься. Но нашел и пробился к стенду «У Никитских ворот», и Олеся вручила мне две книги — дополнительный тираж (допечатку 500 экз.) «Отечество. Дым. Эмиграция» и 2-ю книгу «И плеск чужой воды», в том же формате, на обложке Макс Волошин, тираж 500 экз. Удивительно, как успели издательство и Чеховский полиграфкомбинат. Сначала медленная тянучка с подготовкой рукописи, потом сумасшедшие гонки. Наш стиль!..

А в 3 часа в Литературной гостиной «ЛГ» была презентация книги, на стульях расселось че-

ловек 20, кое-кто стоял. Кругом толпа, шум. Но все прошло нормально. Какой-то человек с ходу набросал на меня шарж: человек с чашами весов, на одной — архивы, на другой — книги. И крупно словами: «Спасибо». Да, книги продавали по умеренной цене по 450 ре. Подписал более 10 книг, да плюс Щекина «Жила-была женщина», где я иду второй фамилией…

14 сентября — приходил фотокор из «Севера столицы» и сделал кучу снимков в связи с выходом 2-й книги. А к вечеру ввалилась бригада с ТВ-канала «Звезда» — 5 человек, и весь мой кабинет тут же был завален сумками, баулами, шнурами, штативами и прочими принадлежностями. Долго устанавливали свет, готовились — съемки для какого-то документального сериала о прошлой жизни в СССР. Я как раз оттуда.

16 сентября — встреча с приехавшей из Германии Наташей. Обмен подарками на станции «Маяковская». Она — всякие шарфики и причиндалы для Ще, мне спортивную майку, а я ей — новую книгу и журнал «Алеф»: а что еще могу?!. Ще продолжает заниматься глазами, консультируется, пускает капли в глаза и т. д. И шелест улетающих денежек… А на Юлию Латынину, на

дом и ближних в Переделкино какие-то отморозки совершили покушение. Внутренний террор на инакомыслящих. Власть потирает ручонки: кого бы придушить следующего.

23 сентября — отказался ехать выступать в библиотеку в Гольяново — далеко, позвонили — такси стоит 930… В магазине «Москва» 2-я Эмиграция стоит 690… в Щекиной клинике мне предложили поменять хрусталик на оба глаза, я категорически отказался. Уж как-нибудь продержусь… В Москве открыт памятник Калашникову с легендарным автоматом. Сколько сотен тысяч людей во всем мире полегло от этого смертоносного оружия? А изобретатель спал спокойно?..

12 октября — опять плохая лента и не хочется печатать дневник и исправлять буковки. А что новенького? Привезли 10 книг из дополнительного тиража 1-й Эмиграции и 20 книг — «Плеска чужой воды», 2-й Эмиграции. Для дарения и продажи. В магазине «Москва» в антикварном отделе сдал свой дневник, 90-е годы, для «антиреса», и поставил цену 620 ре. Неожиданно дали 100 долларов за сентябрьский «Алеф» — пустячок, а приятный, тем более последний… Занимаюсь 3-й книгой и делаю хронику двухтысячных лет

(с 2000 г.) — бурная, огнедышащая, опасная, с наскоками на власть (правда, даю ссылки на источники — газеты, эфиры и прочее), кому-то это явно придется не по душе. Но хроника нужна, хотя бы как фон, на котором проходили писательские судьбы… Самочувствие? Неважнец. Еще горло мучает. А тут в голову пришла мысль, что я по возрасту нахожусь между двумя знаменитостями: Львом Толстым и Бернардом Шоу (кстати, Лев Николаевич тоже вел дневник, а в последние годы прятал его от Софьи Андреевны). Ну, и Шоу — мастер флирта, «милый лжец», он не гонялся за счастьем, не искал иллюзий и считал, что «счастье и красота — побочные продукты». Вспомним и эпиграмму на литератора Михаила Евдокимова:

Левидов от ума большого
Стал сочинять подобно Шоу.
Но то, что хорошо у Шоу,
То у других нехорошоу.

И очень жаль, что вторая книга о западных писателях так и не была издана, рукопись лежит, кое-что опубликовано в газетах и журналах, в том числе «Ночь нежна» Скотта Фицджеральда (а Скотти с ночью лежит где-то в ящике с под-

данной рукописью). Впрочем, как и том русской классики, советских писателей, художников и т. д. Контора пишет, рукописи складируются. Такова се ля ви…

26 октября — мучает горло, но операцию решительно отвергаю. Снова радикулитные боли и хожу с обвязанным платком. Отказался выступить в Платоновской библиотеке, делать «Узелки» для электронной версии «Алефа». Но закончил хронику 2000-х — 55 стр. Оформили получение 10 тысяч на 50-летие свадьбы, но при этом отказались идти в соццентр Сокола слушать казенные поздравления и пить чай с конфетами среди старых, полуживых людей (прости меня, Господи!).

Сегодня с утра: минус 3. Закончилась роскошная золотая неделя, в парке все было в золотой желтизне, а сейчас почти все голо. Зима на пороге…

2 ноября — презентация в магазине «Москва» на Тверской (лет 5 там не выступал или больше?). В магазине теперь сделан помост, на нем столик, куда усаживается автор и куда я взобрался с большими предосторожностями. Собравшиеся более 20 человек слушали внимательно и купили

более 20 книг «Дым» и «Плеск» по 690 ре. Какой-то Александр из Томска купил две книги — 1380 ре, и попросил подписать фотоснимок из интернета. Кто-то пришел на презентацию со старыми книгами «Вера, Надежда…» и «Поцелуй от Версаче», и просили поставить автограф. Трогательно… Вечер длился 1.20, вела Екатерина Леонидовна Мосина, с которой до начала попили чай, и вот тут я от конфет не отказался, «Мишка косолапый» и «Красный мак» напомнили о советских старых временах…

3 ноября — с Ще скромно отметили 50-летие. Не печатали, не набирали. Немного прошлись и вкусно ели. И совсем немного коньяку «Зирочка». И поехали на 51-й год…

4 ноября — 3-я книга об Эмиграции в основном закончена. Теперь осталась доводка, огранка, исправления и дополнения. Переделывал тексты о Галиче и Некрасове.

5 ноября — выступление в Доме книги на Новом Арбате, и тоже в новых декорациях со сценой и со ступеньками, которых ужасно боюсь. Рядом кафе, и соответственно слушателей человек 50, не меньше. Был почти в кураже и подписал книг 15. Цена «Плеска чужой воды» выше, чем

в «Москве», — 790 ре. Среди купивших какая-то лучезарная китайская студентка. Значит, и в Китай полетят книги?..

9 ноября — на машине повезли в студию РЕН-ТВ. Отвечал на какие-то вопросы для различных программ — об Уэллсе и бунте машин, о Брюсове календаре, о Марине Мнишек и т. д. И только не спросили о «Капитане Бладе» Рафаэля Сабатини, ради которого и пригласили в студию. Причуды ТВ...

12 ноября — светская жизнь продолжается, а с учетом возраста не жизнь, а вихрь. На этот раз кафе «Бризол» напротив Консерватории. Новая аренда Комраковой. И там Светлана устроила нам с Ще чествование с шампанским, цветами и прочими подношениями. Кричали даже «Горько», а Кузьмичева отчебучила танго. Все было мило. И мысль, а что было бы, если бы я был не писателем, а простым забубенным пенсионером? НИЧЕГО! Ни поздравлений, ни слов, ни цветов, ни шампанского, и Людочка не прислала бы из Нью-Йорка конвертик с денежкой. А так книги и немножко популярности и уважения, конечно, хотелось бы больше, что-то вроде Букера-Пукера, но довольствуюсь грамотой от какой-то органи-

зации ГБУК «за профессиональное мастерство, талант, душевную щедрость, энтузиазм, открытость…» и еще за что-то. Грамота за выступление перед школьниками в библиотеке им. Хикмета?.. И подпись гендиректора Шапкиной. Спасибо, товарищ Шапкина, но лучше деньгами…

19 ноября — вчера, 18-го, завершил книгу «Огни эмиграции». Моих неполных машинописных страниц — 524. Одна из последних отпечаток — 100 лет Октябрьской революции. Завершение трехтомника при плохо печатающих машинках, ужасных лентах, плохих глазах, при прочих болячках и дикой усталости, короче, летописец Пимен с радикулитом, дальний-дальний родственник Карамзина и Ключевского. А за окном серый ноябрьский день, с дождичком, и почти раздетыми бесстыдными деревьями. Осенний стриптиз. Марина Цветаева в одном из стихотворений писала, что ей явился лик на склоне ноября, «По-диккенсовски — тусклый и туманный, / Знобящий грудь, как зимние моря…». А можно вспомнить и строки Геннадия Красникова:

Холодом тоски повеяло
В ожидании зимы,

Кроме вечности – все временно
На земле и даже мы…

Как жаль, что не смог уговорить ни одного издателя, чтобы издать книгу «Погода и слово». Все было на мази, да сняли министра погоды, а других спонсоров не нашлось.

27 ноября — в 13 часов поехал на Никитскую сдавать 3-ю книгу об эмиграции: флешку с набором Ще (стр. 70) и папки с моим машинописным текстом: 70-е, 80-е, 90-е и двухтысячные годы, плюс концовка книги. «На прежних условиях?» — «Да». Ориентир: сделать к концу мая, к ярмарке на Красной площади. Вроде бы здорово! Но омрачило сообщение, что 22 ноября в Лондоне умер Дмитрий Хворостовский, тоже эмигрант (жил на две страны), и пришлось с ходу из крупиц информации сделать мини-эссе на 3 страницы. И вот все сдано… Слушал, как Ще говорила Лиле по телефону: «С Юрой беда: он закончил книгу и не знает, чем заняться…» Нет, без занятий я не бываю, и тут же начал разбирать архив — вечная моя забава.

29 ноября — пошел на Нон-фикшн, оказалось, рано, и пошел коротать время в Третьяковку, на

живопись 20–30-х годов, «Черный квадрат» Малевича, Шагал, Ларионов, Гончарова, Татлин, Ленин за письменным столом в Кремле, кисти Бродского, распластанный в полете вратарь Дейнеки и т. д. А потом книжная ярмарка. Не получился разговор с издательницей Аллой Штейман. В расстройстве покинул выставку и в отсутствие троллейбуса чесанул по мосту через Москва-реку. Ну, прямо переход Суворова через Альпы.

30 ноября — презентация книги об эмиграции в Доме русского зарубежья. Анна Викторовна пригласила туда своих студентов, и зал на 60 человек был полон. Издательство привезло книги, по 500 ре, но купили всего 12 штук. Парадоксы: тот, кто читает, у того нет денег; а у кого они есть — не читают. На вечере под аплодисменты прочитал несколько своих стихотворений, в том числе друг Гораций». Короче, я был удовлетворен… А через пару дней позвонил Юра Герман и поблагодарил за интересный литературно-исторический концерт и сравнил меня с Михаилом Гаркави. Я помню Гаркави лишь как конферансье, и, наверное, Герман что-то напутал.

8 декабря — еще один творческий вечер в библиотеке им. Юрия Гагарина на проспекте

Вернадского, туда везли на машине, обратно мы на метро. Полный конференц-зал. Был усталый и два раза проваливался, а что говорить дальше? Но собрался, и в итоге все было хорошо. И опять прочитал пару своих стихов, на что какой-то мужчина в третьем ряду довольно громко сказал: «Застрелиться можно!» За выступление мне подарили два тома «Москва и москвичи в литературе русского зарубежья» (а там Оболенский, Зилоти, Струве, Зайцев и др.). Жаль, что не раньше, можно было оттуда что-то вычленить интересного.

19 декабря — пропускаю разные события: длительную и пустопорожнюю пресс-конференцию президента, приговор министру Улюкаеву (расправа, подстава, месть?..), смерть писателя Сергея Есина (тоже вел дневник), руководителя «Мемориала» Арсения Рогинского (71 год, энтузиаст и правдолюбец), согласно опросам высокий индекс счастья у россиян (счастье в угоду власти?!), и в то же время социологи отмечают, что каждый 7-й житель РФ живет в бедности, ну и т. д.

Отмечу лишь одно личное событие из 19 ноября: выступление в Платоновской библиотеке на Усиевича. Младшая школота по 14 лет, и я им рассказывал о жизни и творчестве Андрея Платонова. И удивительно, что им было интересно. Или

уже навык приноровиться к любой аудитории?.. А вопрос «А как вы пишете?» со всей серьезностью младых лет поверг меня в добродушный смех… А Ще осталась довольна подаренным большим букетом зимних цветов.

20 декабря — ходили с женой в ЦДЛ на вечер Арсения Тарковского: не всегда же самому выступать. Вел Дмитрий Бак. Слабовато, из всего Тарковского-отца понравились строки:

Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало…

«Только этого мало», — повторяю и я. 38 изданных книг, более 2 тысяч газетно-журнальных публикаций, более 90 напечатанных интервью, радио, ТВ, выступления… И все мало? Хочется еще? О, ненасытная душа!.. Книги расползлись по миру, попали даже в Библиотеку конгресса США, в Национальную библиотеку Франции… Ну, и что? Да ничего! Вот подарил «Эмиграцию» Баку, директору Литературного музея, и он даже не соизволил позвонить по телефону и что-то кратенько сказать: книга-то необычная. Нет,

наши молчат. «Завидуют», — сказала Людмила Федоровна из ЦДЛ.

25 декабря — католическое Рождество. Александр Сокуров сокрушался: «На Западе я в кино, а в Москве как бы не в кино…» Людочка из Нью-Йорка прислала снова конвертик и спрашивает: «А может, вы полетите в Нью-Йорк, я оплачу дорогу…» Увы, нет сил ни на Америку, ни на Европу, только до Сокола, до магазина «Придурок» (так назвала угловой магазин одна его продавщица: «А наш придурок…»).

31 декабря — решили не выставлять искусственную елочку. А по поводу настоящих елей разразился Минкин в «МК»: оказывается, лесная страна покупает елки в Канаде, Норвегии и США. Опять сага об откатах, кому-то именно так выгодно?

Конец года. «Год — как ломоть времени, его отрезают, а время остается таким, каким было…» Жюль Ренар (дневник, 31 декабря 1902).

Арсений Тарковский: «Я не буду спать / Ночью новогодней, / Новую тетрадь / Я начну сегодня…» Ну, не в новогоднюю ночь, а в какой-то из первых дней января придется снова что-то записывать в дневник. Остановись, мгновенье! Ты неповто-

римо!.. У Марии Петровых есть стихотворение «Конец года», и там строки:

Та же кружит непогода,
В тех же звездах мерзнет свет,
Но умолкло сердце года,
И другого сердца нет…

Немного дополнений

30 января — к моей книге об эмиграции прилетела публикация из «МК» (30 января) журналиста Ильи Бараникаса «Поколение на выезд: молодые россияне ищут возможность свалить на Запад» с подзаголовком «Движения в противоположном направлении почти нет». Начало:

«Хорошо быть молодым… Если не нравится в одном месте — легко сорвался и уехал в другое. Без стариковских опасений, сомнений и волнений».

Что сказать в ответ? Все верно и все грустно. Сколько людей уже уехало. «Утечка мозгов» продолжается, и для России это очень плохо. Будь мне 30 лет, я бы тоже подумал, но мне намного больше…

28 февраля — «Как совладать с судьбою-дурою?» — вопрошал Владислав Ходасевич. На эту

тему я тоже поразмышлял и написал несколько строк:

Жизнь непроглядна и туманна,
Не разберешь, куда брести…

Увы, дальше как-то не покатило… Позвонил Марине Райкиной в «МК», мол, хорошо бы отметить юбилей, она: пришлите книги. Как прислать? Значит, ехать, а сил дополнительных нет. И в голове фраза Любови Орловой из кинофильма «Цирк»: «Петрович, понимаешь?..» Петрович понимает и чувствует: сил нет.

8 апреля — в «Новой газете» о волнениях в молодежной среде и среди школьников: «Мама, но они же воруют и лгут». Ответ старших: «А ты что, революцию хочешь?» или: «А другим лучше, что ли?» Митинг в Петербурге: «Почему во всех странах говорят, а мы молчим постоянно?!.» И лозунг: «Власть — миллионам, а не лимонам!» О руководящей партии: «ЕДРО — в помойное ведро!» Школота подняла голос…

15 мая — в «Новой газете» публикация «Россия в кольце угроз». Суть: все нам, беззащитным и пушистым, угрожают. А между тем современная Россия — место, где творится произвол и

мракобесие. Нападки на инакомыслящих, возня вокруг фильма «Матильда», георгиевских ленточек, и вообще идет битва за духовные скрепы. И на этом фоне ТВ-показы, как Путин играет со своими коллегами в хоккей и забил больше всех профессионалов шайб. В этом есть что-то подхалимно-лизоблюдное: «Ваше Величество, может быть, забьете еще шайбочку? Мы будем только рады…»

10–14 июля, ПЕРЕДЕЛКИНО. Отдых в неполные 5 дней. Не дом отдыха, а кардиологический санаторий в трех обветшалых корпусах. Мы жили в третьем, 3-й этаж, 317-й номер. Все устарело и утло, и до Запада как до Аляски. Кормежка жуткая. Шведский стол, на который набрасывались, как будто голодное время. Жуткий контингент, в основном старые, угрюмые, злые. Ще: «У меня такое чувство, что мы в доме престарелых!» Лишь прогулки по территории и далеко за санаторием были хороши, ибо дышалось отменно… Хваленое Переделкино — это Недоделкино и далеко до Сан-Комфортино…

24 сентября — газеты восторженно пишут о памятнике Калашникову с автоматом. Министр культуры Мединский: «Это бренд России».

А сколько убито сотен тысяч людей в мире в различных войнах и конфликтах автоматами Калашникова? И это бренд?! А может быть, наш бренд (символ, гордость, величие) Александр Пушкин с книгой стихов? И сколько поэтов склоняли перед ним голову и с восторгом писали о нем. Только Георгий Иванов:

Александр Сергеевич, я о вас скучаю.
С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю.
Вы бы говорили, я б развесил уши,
Слушал бы да слушал…

А кто хочет посидеть с Калашниковым?

Калашников, ты брат и хват,
Дай пострелять твой автомат!..

Неожиданно вынырнули две строчки. Строчки сочиняю, но стрелять категорически отказываюсь. Пацифист… (22 мая 2020 г.)

Можно дополнять и дальше, но закончу. Книга воспоминаний и дневников тяжелеет с каждым годом.

Рассвет и закат «Алефа»

Американо-израильско-русский журнал «Алеф» — один из самых удачных проектов. Он длился 18 лет (2000–2017). В каждом номере журнала публиковался мой материал, а иногда — по два. Сначала печатались календарные подборки, потом тематические, о какой-то персоне: поэте, философе, художнике, артисте и т. д. А еще интервью со мной и рецензии на книги. Приблизительно 250 материалов, от Шолом-Алейхема до Маркса, от Сезанна до Бродского. Большинство эссе из «Алефа» перекочевало в книги.

6 августа 2017 г. лафа кончилась: мне позвонили и сообщили, что учредители-меценаты из Америки прекращают финансирование. Остались неопубликованными американский писатель Сол Беллоу и наш художник Казимир Малевич. В течение 18 лет — с октября 2000-го по август 2017-го — на страницах «Алефа» гарцевал Ю.Б. И был, по отзывам читателей в США, Израиле и России, любимым автором. И — баста, конец, «Алеф» провалился в «Черный квадрат» Малевича.

И сам Бог велел кратко представить последние

публикации канувшего в Лету журнала (в хронике года лишь краткое упоминание).

Январь — «Правители новой России» с портретами Ленина и Керенского. Кратко: карьера, взлет, судьба. Пряные детали, к примеру, стихи Марка Лисянского (1981):

А мы о Ленине. Вот именно.
А мы о Ленине, о нем.
Мы вырастаем с этим именем
И с этим именем живем…

Ленин долгое время был глыбой, любимым вождем мирового пролетариата, и лишь в последнее десятилетие XXI века развенчан и снят с пьедестала. А Керенского долгое время всерьез не принимали. И язвительный Виктор Буренин писал о нем уничижительные строки: «Что вы такое? Хлестакова / Племянник или внук родной». И все же февраль 17-го вознес Александра Керенского на вершину российской власти. Короткое время он купался в лучах славы. Все политическим противникам предлагал: «Давайте забудем ссоры и объединимся в единую семью во благо новой свободной России!..» Не захотели услышать. И суровый с ветрами октябрь заменил февраль с его демократическими надеждами.

Ленин победил, переиграл, перехитрил Керенского, да и не могло быть иначе: сила победила мягкость, жестокость Ленина оказалась сильнее демократических устремлений Керенского. Он был одиноким героем, а за Лениным стояла железная когорта большевиков-подпольщиков. И народ долго распевал песню «А Ленин такой молодой…».

Владимир Ильич воссел на трон в Кремле, а Александр Федорович отправился в эмиграцию: Франция, США, Англия. Он скончался 11 июня 1970 года, на 90-м году жизни. В конце жизни писал:

«Удивительно. Никого нет вокруг… Ни Краснова — его казнили в 1947 году… ни этого Дыбенко-матросика. Ни Корнилова, ни Черчилля, ни Ленина, ни Сталина… Я один остался на белом свете. Что это? Миссия? Или наказание? Наказание долголетием и всезнанием. Я знаю то, что уже никто знать не может».

В двух номерах — в феврале и в марте — расписан «Красный граф Алексей Толстой» (не первая публикация о нем). Среди вернувшихся из эмиграции на родину лучше всех устроился Алексей Николаевич Толстой. Будучи прекрасным писателем-стилистом, он поставил в жизненном казино

не на правду, а на лесть. На ложь и на фальшь. Он писал исторические романы, в которых через персонажей Ивана Грозного и Петра Великого прославлял Сталина и вполне заслуженно получал Сталинские премии. Русский Рабле.

Советская власть предоставила Алексею Толстому отличные материальные условия жизни. Он упивался своими застольями со знаменитыми людьми. А вот что творилось в его душе? Испытывал ли он страх в то жуткое время? В Париже, куда вырвался ненадолго, признавался старому другу и эмигранту художнику Юрию Анненкову: «Мне на все плевать!»

И еще одно признание, уже будучи лауреатом, академиком и депутатом Верховного Совета СССР, за столом полушепотом и под хмельком: «Я лучше буду писать дерьмо за столом у себя дома, чем есть г… в лагере!»

Да, кривил душою, когда писал «нужные вещи», но при этом оставался превосходным знатоком и стилистом русского языка. Толстой не раз говорил: «Я люблю процесс писания: чисто убранный стол, изящные вещи на нем, удобные письменные принадлежности, хорошую бумагу…» Эстет творческого труда. А вот как человек, как личность…

Борис Зайцев в очерке «Братья-писатели» вспоминает свою встречу с Толстым перед его возвращением на родину, в Париже. «Ты знаешь, кто ты?» — «Ну?» — «Ты дурак. Ты будешь нищим при любом режиме…»

То есть Алексей Толстой упрекнул Бориса Зайцева в том, что он не умеет приспосабливаться и не хочет быть конформистом…

Апрель. В этом номере — «Михаил Голодный и Джек Алтаузен — поэты-трубачи».

Михаил Голодный — это дореволюционный Эпштейн с аптекарским будущим. А Голодный — это уже пролетарский поэт, воспевал героев Гражданской войны. Старшее поколение помнит песни на слова Голодного: «Песня о Щорсе…» и «Партизан Железняк».

«Ребята, – сказал, обращаясь к отряду,
Матрос, партизан Железняк, –
Херсон перед нами,
Пробьемся штыками,
И десять гранат – не пустяк»

Такие песни звали на геройство, на бесстрашный подвиг. А в 1933 году Голодный написал неожиданную поэму про «Верку Вольную», которая покончила жизнь самоубийством. А в

послевоенные 40-е и сам Голодный оказался у опасной черты: враг народа. Преданность и верность власти не защитила его…

А какие надежды были у мальчика Яши из семьи ссыльного в Сибири! Он, начитавшись Джека Лондона, поменял имя и стал Джеком Алтаузеном. И по комсомольской путевке приехал в Москву, где мог вырваться в первачи и трубачи, но не вышел. Его поэтический дар завел его куда-то в другую сторону от правильного пути, и критики сразу набросились на Алтаузена: «бессодержательная шумиха». Ранняя смерть в 36 лет спасла Якова Моисеевича (псевдоним: Алтаузен) от расправы…

Майский «Алеф» — «Ровесники из 1932 года». Мне 85, им по 85, и я решил повторить основные имена из книги «Клуб 1932»: экс-президент Франции Жак Ширак, две первые леди Раиса Горбачева и Наина Ельцина, кинорежиссеры Андрей Тарковский и Александр Аскольдов (увы, в книгу не вошел, а в журнале заблистал), театральный режиссер Петр Фоменко и много артистов: Элизабет Тейлор, Анук Эме, Омар Шариф, Энтони Перкинс (знаменитый «Психо» Хичкока), наши Изольда Извицкая, Евгений Урбанский, Майя Булгакова, Валентин Никулин… В книге ровесников

много, а тут лишь избранные, и о них мельком: объем-объем!..

Июньский номер — «Философ Кьеркегор — гений одиночества». Сам он себя называл Шехерезадой, спасавшей свою жизнь сказками, то есть творчеством. Он жил одиноко. Отказался от любимой женщины. И умер Серен Кьеркегор, датский Сократ, 11 ноября 1855 года, в возрасте 42 лет. Надгробная эпитафия: «Тот Единственный». Слиться с массой обывателя для него означало смерть…

В июле — другой удивительный человек и философ — «Жан-Жак Руссо, который мечтал об общем счастье». А еще писатель, поэт, композитор. Вольтер считал его сентиментальным чудаком. Действительно, вся жизнь Руссо — извилистая дорога, полная чудачеств и вольнодумства. Его трактат об «Общественном договоре» не потерял значение по сей день. Власть, по мнению Руссо, должна действовать на основе веры и неотвратимости наказания порока и торжества добродетели…

Руссо умер в нищете и одиночестве. И до сих пор его идеи о свободе, равенстве и братстве будоражат всех людей планеты. А еще возвращение к природе, к естественному человеку…

И, наконец, последний текст из «Алефа» — август — «Необычная судьба Аркадия Штейнберга». Поэт, художник, переводчик, немного музыкант и превосходный кулинар. Почти ренессансный человек! Родился в Одессе, в еврейской семье.

Полжизни готовился жить, а в итоге
Не знаю, что делать с другой половиной.

Я не половину, а примерно треть жизни не жил, а лишь готовился к жизни, ну, а потом начал жить и действовать взахлеб, этот захлеб и всплеск творческой активности пришелся на начало 90-х, в 60 лет, и с тех пор не могу остановиться.

Вернусь к Штейнбергу: в 1937 году его обвинили в антисоветской деятельности и отправили на лесоповал. Перед войной освободили, а в начавшейся войне он пригодился как немецкий переводчик. Дошел с армией до Бухареста и подвергся второму аресту. Лагеря и война вычеркнули из жизни Штейнберга 15 лет. Последние годы Аркадий Штейнберг провел Тарусе, в литературной Мекке 60-х годов. Умер в августе 1954-го, в возрасте 76 лет.

О людских несчастьях однажды высказался так: «Скажите, в каком доме находится квартира

№ 13? В любом…»

Аркадий Штейнберг стал последним авторским материалом в «Алефе», портретом в литературной галерее Ю.Б. И в этом августовском номере закончилась рубрика «Узелки на память» на цветной подложке колонки на правой стороне страниц. Узелки — это малюсенькие биографические миниатюры на круглые даты рождений, уходов и разных событий с неизменной концовкой: «Узелки памяти развязывал Юрий Безелянский, Россия».

И в этих узелках — масса интересной информации… К примеру, в июне отметил 215 лет со дня рождения Александра Дюма-отца. И привел статистику творчества писателя: 257 романов, 25 томов пьес, 22 тома мемуаров и много других произведений. Мне до гиганта Дюма далеко, хотя и я сделал немало…

Основа жизни – календарь

И это не пустое утверждение: сделанный «в стол» многотомный «Календарь мировой истории», по существу, открыл мне дорогу в литературу. По сбору информации я, по существу, опередил интернет и в начале 90-х годов был монополистом информации минувших лет и

веков, и на основе всего собранного строил свои необычные календари и был замечен в прессе как «Изобретатель нового времени». Меня охотно печатали многие издания. Популярность взлетела вверх после выхода январского номера 1991 года журнала «Наука и жизнь» (тираж 1 млн 357 тыс. экз.). Рубрика «Некруглые даты. Из календаря Ю.Б.». Более 6 лет я печатал свой календарь в «Науке» в каждом номере и сам же его оборвал от непосильной ноши, ибо параллельно печатал календари в других изданиях: «Вечерний клуб», «Вечерняя Москва», «Московские ведомости», «Криминальная хроника», милицейская газета «Щит и меч» и т. д.

С «Вечерним клубом», «Вечерней Москвой» и «Московской правдой» было многолетнее сотрудничество, до их падения и развала. Какие только не выходили модификации календаря: «Календарь Ю.Б.», «Календарь любовных приключений и драм, или Хроника любви и разлуки», и просто «Любовный календарь Ю.Б.», и «Календарь страсти» — любовь в те послецензурные годы была очень востребована читателями. Еще историческая рубрика «Вблизи Парнаса и Голгофы», Календарь литературных дат в «Литературной газете», рубрика «Глазами Юрия Безелянского»

в еженедельнике «Век», «Строки из дневников и писем знаменитых людей из коллекции Юрия Безелянского» в журнале «Огонек» и дуплет в «Московской правде» — «Частный взгляд в контексте истории. Листая дневники и письма»…

Уф!.. Надоело перечислять: в личном архиве ворох вырезок. И надо прибавить многочисленные выступления на ТВ, в Останкино, и на разных радиоканалах с историческими датами и событиями. Отмечу только «Крылатые амуры» — литературно-музыкальные композиции на радиостанции Р-1 о поэтах Серебряного века, передач 10, не меньше. Словом, сплошные рубрики и, конечно, немалые рублики… Александр Дюма малого масштаба.

2018 год – 85/86 лет

И в сердце растрава,
И дождик с утра.
Откуда бы, право,
Такая хандра?

Поль Верлен в переводе Б. Пастернака

И вот он настал, настоящий пенсионный год, без обязательной творческой лямки, без газетно-журнальных публикаций, без колонок, рубрик, датных материалов. Пересыхающий ручеек контактов со СМИ. Лишь книги — завершение трехтомника «Огни эмиграции» да упорные занятия хроникой своей жизни и творчества. Редкие выступления, встречи, приглашения, звонки. Бурная деятельность осталась за окном дома. Можно сказать: человек не у дел, пенсионер, «уходящая натура».

Кто-то остроумно заметил: пенсионер утром встал — и делать нечего, вечером лег спать — и половина не сделана… Ну, это не про меня, я все время нахожу себе дело: разбираю, систематизи-

рую, сочиняю. Но вот нет прежнего конвейера: что-то срочно написать, отвезти, получить вышедшую газету или журнал, гонорар и т. д. Вот этой почти каждодневной обязаловки уже нет. И к новому состоянию надо привыкнуть. Очень тянет к опубликованным текстам, поэтому иногда лезу в архивы, ворошу папки, перечитываю написанное и испытываю некоторую гордость за «проделанную работу». По романсу: «Были когда-то и мы рысаками». И скакали, и гарцевали, и били копытами. Или, как говорят сегодня: зажигали. То есть зажигал…

Ну, а теперь логично перейти к дневнику, точнее, к отрывкам из дневниковых записей… (26 апреля 2019 г.) Но сначала эпиграф (и не помню, а чьи это строки, мои или чужие?):

Все круче возраст забирает,
Блажными мыслями бедней
От года к году забавляет.
Но и на самом склоне дней
И при таком солидном стаже,
Когда одуматься пора,
Все для меня игра, и даже
То, что вовсе не игра…

Ну, а после эпиграфа полистаем дневник, что-то сокращая и опуская совсем.

7 января — православное Рождество. Патриарх Гундяев своим хорошо поставленным пропагандистским голосом призвал к любви. Фарисей! Призывает к одному, а желает что-то противоположное. Первые дни января в темени: рано вечереет и темно читать. «Нет личной жизни, смотрю сериалы. Жду продолженья…» — как признавалась Римма Казакова. Лично я ТВ смотрю отрывками, и плююсь, и возмущаюсь: как все неинтересно и бездарно! И опять Казакова:

Пишу на коленке. Везде, где придется.

Пишу на коленке. Что-что, а коленка найдется.

Я не на коленке сочиняю, а на «Олимпии», которая все время барахлит (ну, и сага о ленте для машинки!), достаю другую «Олимпию» и долблю на ней. Вот из более 70 страниц полного дневника за 2018 год делаю выжимку, отбрасываю ненужные подробности и детали, все эти ахи и охи: быт, здоровье…

И точит мысль, а кому это все нужно? Учеников нет, энтузиастов-эккерманов тоже нет. Для каких-то любителей чтения о былых годах? Это

возможно. Книги останутся, — так хочется в это верить!.. Ах, книги-книги. Я иногда достаю с полки огромный фолиант «Человек читающий. Homo Legens», где собраны высказывания и, можно сказать, гимны книге. Да и со школы нам долбили слова Максима Горького: «Всем хорошим во мне я обязан книгам…» А в этом томе столько замечательных высказываний, но сдерживаю себя и не цитирую. Только призыв Всеволода Рождественского о том, чтобы глубоко постигать книжный мир:

Но мы должны спускаться в этот мир,
Как водолазы в сумрак Атлантиды…

Ще с увлечением читает «Маятник Фуко» и считает, что мой стиль немного похож на стиль Умберто Эко, та же ирония и игра словами, только у профессора академических знаний побольше, чем у меня. Я не спорю. Я не знаток, а скорее дилетант, и это совсем не обидно… А еще дилетант (от латинского слова: интересующийся) иногда пишет стихи. Вот строки, написанные незадолго до курантов, возвестивших о начале 2018 года:

Минуты тянутся и медлят,
а годы летят словно вскачь.

Ты маешься, ждешь, а уже пролетели
И годы, и жизнь, и судьба, как ни плачь.
И птичек не слышно, безмятежные трели
Давно отзвучали – они их пропели.
Что делать в итоге?..
Напрасные вопли.
Старик, не слюни. Убери свои сопли.
Пыхти потихоньку где-то в углу,
Невнятно бурча про свое бу-бу-бу.
А жизнь продолжает идти и бежать,
Но только ее не дано нам догнать.

14 января — приезжал Эдуардо с дарами: коньяк, бумага, ручки. Какие-то звонки с ТВ и из редакции газет. Ще восхищенно: «Тебя помнят!» Так и хотелось поддакнуть: «Какая радость!» Но радости совсем нет. Жду верстку. Из носа льет, горло болит, в общем, все как обычно. Рутина. И Дима Быков не утешил, написав в первом номере «Собеседника»: «Чего я жду от 2018-го? Маразм и абсурд будут возрастать». Но стойко думаю: переживем и это…

23 января — получил порцию набора «Эмигра-

ции». Куча ошибок: вместо «нежны» набрано «нужны», «бутырок» — «бутылок», «венки» — «веники» и т. д. Смешно? Нет, грустно. Слова «фауна и флора» переиначены как «фауна и флота» и т. д. Короче, «опечутки»…

Ще ходила в магазин «24», а там молоденькая продавщица-узбечка спросила: «Вы одни? А где дедушка? Он такой симпатичный. Передайте ему два яблочка…» А у дедушки с зубами проблемы, и яблочки ему не по зубам. Смех и грех…

Ушел с исторической сцены Виктор Анпилов, революционер, поклонник Че Гевары. В отличие от папаши Зю ничего не приобрел и ничего не оставил после себя. Пламенный бессребреник. Коммунист-идеалист. Я пришел в латиноамериканскую редакцию, когда он ушел или был отчислен оттуда. И еще одна утрата: Михаил Державин. В некрологе нарекли его «великим». Какой великий? Просто хороший характерный актер. Трогательно исполнял песню про морячку и «когда на море качка…».

Сегодня не качка, а повальное патриотическое воспитание: марши, присяги, песни, и, как написала какая-то учительница в комментарии в «МК» (22 января): «И все это на фоне тотального вранья».

31 января — пугает угроза переселения по программе реновации, а по другому раскладу: капремонт. Не дают спокойно жить. За окном все бело, и вспоминается «Метель» Пушкина, когда герой никак не мог доехать до церкви для венчания. Кругом ни зги. «Далеко ли до Жадрино?» — пытался узнать он.

Громыхнул юбилей Владимира Высоцкого — 80 лет. Обожание после смерти. Много воспоминаний по ТВ, каких-то мусорных и никчемных. При жизни не оценили по-настоящему, не уберегли, а Высоцкий надрывался «Парус! Порвали парус! / Каюсь! Каюсь, каюсь!..» А как он ненавидел начальников, несправедливость, плоских обывателей… И некому с ним сравниться. Строки Быкова «Наше дело — только аплодировать, кланяться и пятиться к двери…» — точны, но не рвут душу и сердце, как хрипловатые песни Высоцкого…

И кстати про политику, в «Новой» Александр Пумпянский — «Вечный сезон дождей» про Хосни Мубарака, Муаммара Каддафи до последнего диктатора Роберта Мугабе: «Чем дольше правление, тем яростнее взрыв. И тем хуже конец…» Намекает?..

8 февраля — что-то мы с Ще вдвоем расханд-

рились. У Ще серьезно: анализ, маммография, Институт онкологии им. Герцена. А у меня ноги в пятнах, как у леопарда, и наперекор всему — читаю продолжение набора 35-й книги. На очереди совместная: «Мужские игры на все времена» На книги сил еще хватает, а вот на выходы — нет. Не пошел на вечер Георгия Шенгели в ЦДЛ и на выставку Лены Павловской. К Шенгели даже готовился и листал его стихи, вот отчаянное: 30 декабря 1949 года (ему, кажется, было 55 лет):

Все, что нынче, все «только так»,
Мимолетное, бивуак!
И не будем считать обид:
Это «так», на ходу, транзит.
Настоящая жизнь – потом:
Вольный труд и свободный дом;
Послезавтра – жизнь!.. А пока
Дайте адрес гробовщика.

После наезда на Маяковского у Шенгели была трудная жизнь, и он утешал себя тем, что «настоящая жизнь» будет потом…

12 февраля — пошел отсчет тревожного времени. Врачи колдуют над Ще. И от переживаний

у меня что-то вступило в поясницу. И отсюда мрачные стихи (а может, и Шенгели повлиял):

Время тикает и мчится.
Был дитя и вдруг старик.
Жизнь огромная лишь снится,
А на самом деле – миг.
И напрасны ожиданья,
Взрыды, слезы и мольба.
Там на небе есть решенье,
Подпись и печать – «Судьба»…
…Время тикает и мчится.
Был дитя и вдруг старик,
Время – это вроде птицы,
Пролетело в один миг.

17 февраля — событий навалом: гибель наших наемников в Сирии, катастрофа Ан-143 и гибель 71 человека, секс-скандал с Настей Рыбкой, умер принц датский (83 года) — точнее, принц-консорт, французский аристократ Анри-Мари (и далее куча имен). Он должен был стать королем, но не стал. Трагедия…

Ну, а у меня свои дела. Позвонил в журнал «Читаем вместе» Юлии Гнездиловой и спрашиваю:

вы хотели прислать ко мне умную девочку для интервью, и где она? Юля: делать некому, и к тому же у нас разных интервью скопилось на полгода вперед… Ясно?!.

Любопытное интервью дал Евгений Сидоров, экс-министр культуры:

«Мы должны быть европейцами. Либо мы станем ими, либо нас не будет…» Во как! А если народ в основной своей массе не хочет? Им комфортнее оставаться восточными варварами?..

Звонок из ТВ «Спас», некая Оля «падала в ноги», чтобы я выступил в программе Аркадия Мамонтова «Следы истории» с рассказом о Гражданской войне, о белом и красном терроре. Я отказался. Не мой канал — раз. Мне чужды их слова — два (если в рифму) и религиозно-патриотический уклон.

1 марта — первый день календарной весны. Бледно-голубоватое небо и еще много снега. Дворники отважно сражаются с ним да еще скалывают лед. За окном: –10, ясно и даже солнечно. Но настроение не весеннее. Переживаю за Ще: она мечется по больницам и врачам… По случаю приближающихся 86 лет написал длинное стихотворение, и опять упаднические. Лишь несколько строчек:

Планов было почти громадье,
А в итоге рассыпалось все…
Оглянись, посмотри и скажи,
Что проиграны все рубежи,
И кругом стоит тишина,
И тебя придавила стена…

Я жалуюсь, что многое не удалось сделать, но а сколько сделано? Перечислять и перечислять, и кто-то на моем месте ходил бы гоголем, выпятив грудь и надувая щеки. А вот нет: недоволен. Или что-то в самом характере не так?.. Вот и Маша Распутина тут на ТВ почти умоляла «Отпустите меня в Гималаи, / Там раздеться смогу догола я…» Нет, мы с Ще не хотим в Гималаи, мы на диванчике и разговоры: ля-ля, тополя, интеллектуальные посиделки…

2 марта — исполнилось 86 лет. Эдуард устроил небольшое чествование в кафе «Чайковский» на маяковке и пригласил еще Костю с Ирой. Впятером выпили сухого итальянского «кьянти» под салат и лосося, по куску торта «Лебединое озеро» и плюс мороженое. И скидка 10% на день рождения. Как говорила гид в Вене: «Неплохо, да?!»

Много поздравительных звонков и даже один

поэт Володя Вишневский. Поздравила и О.Ю., но так, что я швырнул телефонную трубку. Она обвиняет все и всех, кроме себя…

5 марта — должна была приехать ТВ-бригада, и я готовился рассказать о Конан-Дойле, но корреспондентка сломала ногу (и такое бывает!), и съемка не состоялась. Но при чем тут Конан-Дойль, мрачный придумщик бытовых преступлений, когда сегодня наш Верховный грозит Америке показать кузькину мать и грозится оружием Судного дня (как выразился кто-то в прессе: «стая крылатых чернобылей»), — и все сгорит в ядерном пламени. Да, и после таких угроз Америка должна нас любить сильнее?

9 марта — В «Новой» откликнулись стихами «Ядерное», ну, и я кое-что накропал:

В бумагах тону и вязну.
Ах, тексты. Ах, смыслы и мысль!
Зачем, если слышу лишь лязги,
Как танки ползут в Перемышль.
Кругом мракобесье и гогот.
Абсурд, ерунда и бордель.
Довольны лишь Гога с Магогой,

Хозяева русских земель…

Словом, пурга — словечко, брошенное Путиным. И тут же «Эхо» подхватило: «Моя пурга — мое богатство!..»

Напечатал страничку и устал. «Где мои 17 лет? — На Большом Каретном…» Нет, в Арсеньевском переулке, потом переименованном в Павла Андреева. Господи, когда это было? И напеваю чужие строки:

Я не помню, когда это было?
Может быть, никогда…

21 марта — утром, в 10:15, после операции позвонила Ще и сообщила, что она уже в палате, лежит под капельницей. Глухим голосом… эпопея началась 20-го рано утром — на авто в больницу Герцена (не писателя Герцена). Три часа я проболтался в больнице и в состоянии полугрогги уехал домой.

25 марта — дома один. Никто и ничто не отвлекает, а делать ничего не могу. Людочка из Нью-Йорка прислала конверт — добрая душа. Многие звонят, сопереживают, а кто-то безразлично молчит. Как обычно, черно-белые полосочки… СМИ не могут спокойно перенести гнусный факт

отравления, и у всех на устах отравляющее вещество «Новичок». Легко рифмовать: «Новичок, новичок, / ну, а кто послал — молчок…»

28 марта — вчера в 13:05 на такси я привез Ще, и воссоединение семьи состоялось. Тихое семейное книжное счастье. Вдвоем (я тоже участвовал) сварили обед. И после отдыха Ще внимательно оглядела квартиру хозяйским взглядом и заключила: «Ты хорош только за письменным столом». Я не возражал. Не хозяйственный человек, одним словом: писатель. У Иосифа Бродского в одном из стихотворений есть признание, что он — «грызун словарного запаса».

В воскресенье 25-го еще одна трагедия в путинской России: пожар в торговом центре «Зимняя вишня» в Кемерово — повторение трагедии «Хромой лошади», и опять много жертв, в том числе детей. Прилетел Путин, был потерянным и не знал, что следует говорить: «Не плакать, а реветь хочется… что же у нас происходит?.. Это же не боевые действия…» Сам создал эту бездарную вертикаль власти и спрашивает, как это могло случиться?.. Юлия Калинина справедливо написала в «МК» о бесчувственности, эгоизме и тупости чиновников, о неумении поставить себя на место страдающего и разделить его боль.

Главное: отчитаться перед начальством и сохранить свое теплое местечко, — добавлю к словам Калининой.

Кирилл Мартынов в «Новой газете» (23 марта): «Это государство сломалось. Несите новое». Многие дают жесткую оценку государству Пу. Выборы прошли, переназначили главного и помчались к краю пропасти…

4 апреля потекла привычная жизнь: помогаю Ще по хозяйству: кручу мясо, тру на терке морковь, мою посуду — и все под «Улыбкой Джоконды». А Ще рассказывает, как шла жизнь в больничной палате и как шли на ура книги, лучше денег и коньяка. Лечу свои ноги, и на Ще и на меня идут (нет, летят) большие деньжища.

Регулярно пополняется список уходов: строитель финансовых пирамид Сергей Мавроди — 62 года, Олег Анофриев, певец и актер, «Какая песня без баяна», «Есть только миг» и другие песни. И т. д.

А еще умер основатель театра «Док» — Михаил Угаров. Он создал уникальный театр документальной драмы как «мировоззрение в ответ на тонны лжи, которые заполонили всю нашу жизнь («МК», 4 апреля).

Угаров про задержание и избиение матерей

Беслана, потерявших своих детей, про украинскую и сирийскую войну, про «Болотное дело», про «Дело Магнитского», про ментов и геев и т. д. «Не можешь изменить ситуацию — тогда опиши ее», — как говорил немецкий кинорежиссер Райнер Вернер Фассбиндер (умер молодым в 1982 году).

И бессмертный Виктор Черномырдин: «Никогда не было и вдруг опять…» А 9 апреля ему бы исполнилось 80 лет. «Хотели как лучше — а вышло как всегда». Добавлю: благие намерения шиворот-навыворот.

9 апреля — Ще ездила к мед. Герцену и получила «Выписной эпикриз» с цифрами и разными значками — диагноз. Впрочем, сама жизнь — уже диагноз.

15 апреля — Ще возвращается к жизни, вес 61,5 кг, хлопочет по хозяйству. А мир под угрозой. 11 апреля в «МК» Мих. Ростовский: «Если завтра война». И вопрос: «Почему мы оказались на грани войны — войны непонятно из-за чего и непонятно ради чего?..» Старая довоенная песенка: «Тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой…» Не умеем и не хотим договариваться с Западом, лезем на рожон, ведем себя хамски и роем себе

же могилу. Кретины!.. И что интересно, что региональные власти действуют, как федералы. Вслед за «Крымнаш!» — «Бухтанаш», «Берегнаш», «Заборнаш» и т. д. Каждый хочет что-то оттяпать. Хватательный рефлекс… Волей-неволей вовлекаешься в эти опасные игры, по крайней мере болезненно реагируешь на то, что происходит вокруг и внутри великой России. Другие живут в норе и ничего не хотят знать и понимать. Я так не могу по внештатной должности историка-летописца и писателя.

25 апреля — Если не записывать, то все проваливается в какую-то бездну беспамятства. И вместо жизни только тире между двумя датами — рождения и смерти. Так живут и трепыхаются миллионы бездумных россиян…

22-го Эдуард по случаю своего 80-летия собрал родственников и друзей в ресторане синагоги на Бронной. 24-го приезжала бригада из РЕН-ТВ, рассказывал о Шекспире для программы «Загадки человечества». Полтора часа без всяких бумажек, по памяти. И неожиданно для самого себя захотел перечитать «На дне» Максима Горького. Плохая пьеса, и утешения странника Луки — «Эх, бабочка! Не тоскуй!.. Все, милые, терпят…

всяк по-своему жизнь терпит…» — все это звучит как-то банально. Горький не Шопенгауэр и не Бердяев. Мне он нравился лишь в молодые годы… Вспоминается крик Андрея Тарковского под горьковского Барона: «Было, черт вас возьми!» И для тоталитарного государства смешно звучат слова Сатина: «Че-ло-век! Эта великолепно! Это звучит гордо! Человек! Надо уважать человека!..» А вместо уважения мы имеем унижение, издевательство и скудную материальную жизнь. Приехали, Алексей Максимович, в светлое будущее. Взлезайте и выживайте!..

Умер мой ровесник — кинорежиссер Милош Форман (18 февраля 1932). Знаменитый фильм «Над гнездом кукушки», еще «Регтайм», «Амадей»… Но основным жителям РФ Форман — до фонаря. Они влюблены в итальянского тренера Массимо Карреру, который прыгает, как козел, да их будоражит скандал вокруг спартаковского футболиста Глушакова…

1 мая — на прошедшей неделе маялся с болью в пояснице и завязывал шерстяным платком. Какие пикантности!.. 26 апреля выступал в библиотеке им. Хикмета перед старшеклассниками (20 школьников) и рассказывал о Тургеневе, определил его так: русский писатель, барин, по-

чти француз и однолюб. Слушали с открытыми ртами: ничего подобного в школе им не говорят.

28-го зацепился за Глеба Горбовского и решил вставить его в совместную книгу «Мужские игры» вместо большого текста о Рихарде Вагнере. Достал досье, стихи и за два дня напечатал беловик без черновика аж 7 страниц, доказав себе, что еще могу!.. А Горбовский — интересный поэт. Это не только «Лежу на нарах, как король на именинах», у него много печальных лирических стихотворений и с горьким юмором строк, много старости и смерти: «Пока не прозвенел звоночек» и т. д. И четкое предвидение в начале 90-х (книга «Из непечатного»):

Что же будет потом?
По прошествии нового времени?
Славный будет дурдом.
Ни России, ни роду, ни племени.
И придут комиссары опять.
И начнут заниматься ошибками.
Те же, к свету способные звать.
Только форма – с другими нашивками.

И вот сегодня мы видим их воочию. Сытых,

холеных, наглых, циничных, без стыда и совести, ни в грош не ставящих народ, презирающих его, правда, без нашивок. Но уже с орденами…

Ну, а Первомай? Где «Мир, труд, май!»? Никаких ликующих толп, никакой музыки, никаких песен, ну, а я?

Посмотрел я на себя? Глупый вид.
Батюшки! Опять – ра-ди-ку-лит!..

11 мая — то, что я знаю и думаю, все рассыпано по страницам дневника. Но мне важно и интересно мнение и оценки других достойных людей. В «Собеседнике» большое интервью с режиссером Сергеем Урсуляком. И что? Что-то подметил новое? Нет, уже известное «Нравы ожесточаются, и нетерпимость крепчает. Люди не видят перспективы и живут без внятной цели. Задача показать миру кузькину мать ведет в пустоту… Люди не понимают, к чему и куда мы идем, и это не дает правильно располагать свою жизнь во временном пространстве… Тревожит общее состояние раздрая и агрессии в нашем обществе, и неожиданно вылезают комплексы обиженных. Слишком много обиженных стало в стране, и они со своими обидами носятся…»

А во главе всего этого, в Кремле, в поднебесье,

господствует царь: «Когда он входит, все они встают. / Одни — по службе, прочие — от счастья…» (Иосиф Бродский).

Вот армяне — молодцы: без нагаек и кровопролития сменили власть. Бархатно. Только вот что будет потом?..

15 мая — получил макет 3-го тома — «Огни эмиграции». И еще альманах «У Никитских ворот», там дана главка из книги: Солженицын, Бродский, Андрей Тарковский. Для рекламы неплохо. Олеся рассказала, как было в Питере на книжной ярмарке: хорошо шли первые два тома и ждут 3-го — «Вас любят». А вот поехать с издательством в Питер не получилось по возрасту и нездоровью…

17 мая — выступление в библиотеке № 36 на ул. Правды (библиотека им. Фазиля Искандера). Собралось 20 чел. Выступал с энтузиазмом. В конце вручили букет желтых тюльпанов.

Открыли мост от Керчи до Крыма. «Никакой выгоды нет, но есть гордость» («Новая газета»).

25 мая — 23-го дата: 33 года назад, как не стало Веры Павловны. И мы с Ще живем одни… 24-го на Никитскую диктовал исправления ошибок в макете книги да еще вычитывал вставленного в последний номер Бориса Рыжего.

Что Ариосто или Дант!
Я человек того покроя –
И твой навеки арестант
И все такое, все такое.

Наметили мое выступление в соц. центре на Соколе, и вдруг звонок: отмена. Департамент решил, что литературная гостиная и писатели ветеранам не нужны. Нужны танцы. Ча-ча-ча вместо литературы!.. Наглядный пример отношения власти к литературе. Осталось сделать два шага до сжигания книг… Никаких книг, выступлений, разных мнений, необходимо только одобрение любых действий власти. И шагом марш к победе!..

1 июня — отправились с Ще на Красную площадь, на книжную ярмарку. Там мне вручили сделанный на скорую руку 3-й том «Огни эмиграции». На какой-то скрипучей бумаге — 50 экз. Пока только для ярмарки. И лежат родимые три тома вместе по цене 400 ре, со скидкой. Это не ВВЦ — вокруг тесно, неудобно, вместе с эмиграцией продавалась «Жила-была женщина». Подписал всего лишь две. И с каким-то неудовлетворением покинули Красную площадь. А мог бы прыгать от радости: тут тома эмиграции русских поэтов и

писателей, полторы тысячи страниц, для 86 лет — это подвиг! Хотели пройти по Тверской, но уже навалилась усталость, и направились в метро. На Соколе купили сосиски, отварили на обед и… выбросили. Качество — отврат. Ни сосиски, ни спички, ни самолеты с ракетами делать не умеют. Одно политическое словоблудие…

Неожиданный звонок от Марины Копниной. У нее тоже была операция, и у Павла — на сердце… Господи, кругом нас одни старые и больные люди. Молодых нет, так уж сложилось. И тревожно думать о будущем… А тут еще страна родная. «Россия — это какая-то ускользающая субстанция». Это определение Анатолия Гладилина я использовал на 4-й обложке книги «Огни эмиграции» в подборке цитат о России.

С приехавшей Наташей из Германии посидели в кафе «Чайковский». Подарочки, в том числе коробка конфет с Моцартом. И мысль, а если бы не был писателем, были бы приятные подношения?.. Просматриваю свою книгу «Огни эмиграции», а Ще читает Ричарда Олдингтона «Все люди враги» (написана в 1933-м, переведена на русский в 1937-м). Ну, я с интересом прочитал рецензию Александра Гениса на роман Александра Сорокина «Тридцатая любовь Марины». 30-я любовь

Марины — эго любовь к народу, к государству, к власти. Долой индивидуальности, да здравствует коллектив, растворение в общей массе. Никаких индивидуальных хотений (Черномырдин говорил: «хотелки»), только МЫ. Об этом до Сорокина писали Хаксли, Оруэлл, Замятин… Ну, а я вместо романов пишу какие-то замысловатые дневники-воспоминания о себе и о времени, с некоторыми художественными вкраплениями. Преодолевая плохое самочувствие.

Бывший лирик, что вдыхал
Жизни ароматы,
Был когда-то бодр и ал,
Ныне вроде ваты.
Скучный, бледный и больной,
Бродит между стульев
И обходит стороной
Людской жужжащий улей.
А когда-то, боже мой,
Прыгал словно зайчик.
Где ты, где ты, дорогой,
Прежний милый мальчик?
Все прошло, и не вернуть

Дней былых игривость.
Господи, какая жуть
Быть немного живым…

Немного поплакался в строчки и уже лучше. Терапия, понимаешь?!.

В библиотеке Гагарина я прочитал собравшимся что-то подобное, и кто-то из зала возмутился: «Застрелиться можно!..» Но не нужно…

17 июня — начался чемпионат мира по футболу в России (и за сколько купили чемпионат?). Поехали на Тверскую смотреть на приехавших в Москву болельщиков из всех стран. Пестрое и шумное зрелище. В молодые годы влился бы в это веселое ликование, а ныне равнодушно посмотрел, и с Ще двинулись домой. По дороге зашли в «Москву», в торговом зале безлюдье и тишина, видно, кожаный мяч больше притягателен, чем книги. Посмотрел на свои книги, потрогал…

14-го ездили на Ваганьково. Мама умерла в 43 года, а мне на сегодня в два раза больше лет: 43 и 86… Как жалко, что мама не дождалась успехов своего непутевого сына… А тем временем идет естественный процесс выбытия и ухода людей: режиссеры Кира Муратова, Станислав Говорухин, в некрологе его назвали «Печорин и лорд россий-

ского кино» — звонко. Ушел и наш знакомый с Ще Эмилий Архитектор, все писал «нетленку», но толком ничего так и не написал. Типично интеллигентские утопии…

28 июня — дневник забуксовал. Апатия, депрессион. Вести не хочется. И Ще в дауне, лезет на стенку от необходимости все время к врачам, принимать лекарства и чувствует себя больной. Я очень сочувствую, но что я могу сделать?.. Да и сам не в порядке, мажусь какой-то мазью: боли, пятна. Стоп! Дальше — пучина всяких недугов. Лучше переменим тему.

Ездил в издательство, помогал исправлять ошибки, которые бывают глупыми и нелепыми. К примеру, у Иосифа Бродского: «спать не жестко?» набрано «опять не жестко?» По ТВ смотрю матчи чемпионата мира по футболу. Наши разгромили Саудовскую Аравию и Египет — восторг, ликование. И получили по морде от Уругвая — 0:3. Но тем не менее вышли дальше. Под шумок футбола власть протаскивает пенсионную реформу — «пенсионный геноцид». Левая пресса полна возмущения, но цитировать не буду.

22-го пришло сообщение из Америки: умер Наум Коржавин, а несколько дней спустя — в Москве Андрей Дементьев. Особенно жалко пер-

вого — Наума Коржавина — «Русского поэта с еврейской кровью», как он представлен в 3-м томе «Огни эмиграции»:

Я не был никогда аскетом.
Я не мечтал сгореть в огне.
Я просто русским был поэтом
В года, доставшиеся мне…

О Науме Манделе я писал с большой симпатией, он тоже был летописцем эпохи: «Столетье промчалось. И снова… / А кони все скачут и скачут. / А избы горят и горят». Такая вот се ля ви.

Как говорили древние: жизнь полна превратностей. А Сенека в письмах определил: жить — значит бороться. Вот и боремся из последних сил…

4 июля — «Обобрали до трусов», — вопль по поводу пенсионной реформы. Заголовок в «Собеседнике»: «Бедные, бедные россияне…» По «Эхо» в программе «Культурный шок» выступали профессор Зубов и режиссер Мирзоев о русофобии, о том, как власть любую критику воспринимает как проявление непатриотизма. Ще слушала и обратилась ко мне: «Ты мой русофоб!..» Да, я не теннисный деятель Тарпищев, который полу-

чил награду в Кремле и славил «величайшего человека современности». Так и хочется запеть одесскую песенку:

А ну-ка, убери свой чемоданчик,

А ну-ка, убери свой чемоданчик!..

с пафосом, лестью, елеем и фимиамом. Господи, как много развелось лизоблюдов и фарисеев!..

22 июля — что-то стали одолевать сомнения, зачем я это все пишу? Неужели с прицелом на Стендаля, «наблюдателя человеческого сердца», который закончил свои дни и был тут же забыт. Только благодаря польскому исследователю Станиславу Стронскому Стендаль был возвращен из небытия. Дело случая…

Немного о политике. Газета «Завтра» упоенно восхищается вмешательством в Сирию: «Русские летчики над Евфратом». И что? А вот другая публикация в «Новой газете» (16 июля) без восторга и умиления, а с болью и слезами — «Страна без государства»:

«Не было в России никогда внимательного к людям и бережного государства… Сотни лет государство в России существует вне народа, над народом. Не для людей, а против них…»

Не будем негодовать. Лучше посмотрим, что

там за окном. И ясно: пол-лета съето, — почти филологический изыск.

25 июля — в молодые годы распевали лихую песенку: «По бабам!» По бабам? Какие бабы сегодня? Какие женщины? Только по врачам. Унылая пора годков пенсионных… Запор, затвор и караул! «Первый тайм мы уж отыграли!..» На второй никаких уже сил, — продолжим песню. И в РАМБАМ на ул. Образцова, к терапевту, хирургу и т. д. Но физиологизмы для книги не годятся. Повышен сахар. Хожу по краю. «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!..»

А вот лидеру движения Femen украинке Оксане Шачко — плохо. Пора бунтарских вылазок молодых женщин на Западе миновала; голые груди как знаки протеста. И вот Париж, Оксана в депрессии, и, как написала пресса, Оксана умерла от скуки.

О, юность, о, юность, года молодые,
Мы были в те годы совсем не такими…

Далее не привожу — строчки исключительно для себя. И продолжу: без воплей и скрипов, легки и крылаты… Хотя это тоже миф. В студенческие годы я не был легок и крылат, я был зажат и скован материальными и иными проблемами.

Нищий студент…

29 июля — печальное известие: ушел мой ровесник Владимир Войнович (моложе меня на полгода — 26 сентября). Был у него дома, обменялись книгами. Как написала «Новая»: насмешливый критик державы, герой вольной словесности и самиздата 70–80-х годов. После распада СССР Войнович создал свой вариант гимна:

К свободному рынку от жизни хреновой,

Спустившись с вершин коммунизма, народ

Под флагом трехцветным с орлом двухголовым

И гимном советским шагает вразброд…

Немного погоревав, схватился за книгу Войновича «Москва 2042» и перечитал ее — о мрачных перспективах страны Совдепии и об экзотических Первых лицах нового казарменного государства. И я отдал дань Владимиру Войновичу в книге «Огни эмиграции», поместив эссе о нем: наследник Салтыкова-Щедрина…

1 августа — как ни грустно, но Ще — 78 лет.

День провели умиротворенно. Немного погуляли, немного потому, что под +30 и духота. С погодой что-то происходит: в Германии от жары обмелел Рейн, в Болгарии — сплошные ливни. Вечером дома. По ТВ — «Ментовские войны» и «Морские дьяволы». Позвонила О.Ю., с претензиями и обидами 50-летней давности. Бомбит Воронеж, как говорят в народе. Разрушает последние остатки отношений… Статья в «МК» (30 июля): «Средний класс становится нищим». Президент на встрече со спортсменами заявил, что он — тоже физкультурник и будет жить (и, соответственно, править) долго. Какая радость со слезами на глазах…

11 августа — бедный, бедный дневник: записываю мало и редко. Перефразируя Мандельштама: «Немного красного вина, немного текста дневника…»

Печатаю и систематизирую свой архив: список написанных текстов, выступлений, интервью и т. д. Может, пригодится. А главное: тренировка для памяти, для мозговых извилин… В стране атмосфера тотального недовольства и злобы. Противников режима преследуют, сажают, пытают. Не 1937 год, но что-то антигуманное и отвратительное. И отвлекают народ ТВ-показами о звездных скандалах, то с Джигарханяном, то с

Петросяном, и обыватели сладострастно смакуют подробности. Такое впечатление, что поставлена задача дебилизировать широкие массы населения.

27 августа — более двух недель не вел текущий дневник, а занимался другим для книги «Дневник интеллигента в очках» — 2000-е годы. Сначала печатал сокращенный вариант, только то, что связано с творчеством, потом решил делать более полный вариант со всякими подробностями и пикантностями. Сухой творческий дневник — не для читателей. Метался между двумя вариантами и окончательно замучил себя. Словом, охота пуще неволи. Сам себя загнал в угол: издавать полный дневник бессмысленно (и не издадут, и не продадут) — это только для архива, а нужен какой-то средний вариант: главное, что было в жизни, и какие-то интересные детали, подробности, штрихи, что приближало бы дневник к художественной литературе.

После скрипучего «пробника» жду нормального 3-го тома «Огни эмиграции». А книга не ко времени, ибо власть принимает драконовские законы против исторической правды, все замалчивается и искажается. Так что мои «Огни» явно не под режим. Уж точно не похвалят, а может,

просто замолчат: ну, нет такой книги.

Остался без оперативной работы: «Московской правды» нет, рубрик нет, заказов нет. Тишина. Бултыхаюсь только в своих дневниках. 19 августа с Ще решили выйти за пределы своего Сокольиного круга и отправились искать проспект Сахарова, памятник жертвам политических репрессий. Памятник не впечатлил, а пробитый проспект академика какой-то холодный, неживой, мистический. Это не историческая Москва, а какое-то пастбище чиновничьего люда. Пастбище-лежбище офисного планктона.

Так случилось, что поездка на проспект Сахарова совпала с чтением книги Войновича «Москва 2042», в которой автор угадал кое-какие черты нашего будущего: засилье генералов КГБ, новый вид города Москореп, первое кольцо враждебности, предварительная литература, вторичный продукт, генералы госбезопасности — Дзержин Гаврилович, Коммуний Иванович, Берий Ильич, отец Звездоний, Горизонт Тимофеевич Разин, Искрина Романовна, Иночел — Институт Создания Нового человека, генералиссимус Сим Симыч Карнавалов на белом коне, сам писатель — герой книги Виталий Никитич Карцев, он же в 2042 году почтенный Классик Классикович. А еще

Пропаганда Парамоновна. Много блесток, но в целом книга Войновича не тянет ни на Оруэлла, ни на Замятина. Забавна, но слабовата… На мой взгляд, сатира средней руки… В августе умер Эдуард Успенский, которого вознесли до небес (у нас мертвых обожают!). Кедров написал:

Прощай, российская шарашка.
Ушел великий Чебурашка!

Катился и катился «Голубой вагон», а дальше стоп, пути нет, и вылезай, крокодил Гена… О погоде: зелень жухлая, дождей нет…

2 сентября — сегодня мне исполнилось 86 с половиной лет. Супер-солидно. А здоровье барахлит. Незатухающие аллергические пятна на ноге, нелады с горлом, то еще что-то. Не увлекаюсь и не перечисляю. У Ще послеоперационный синдром. А у Лилиной Маши жуткие долги по ипотеке. У каждого из нас свои проблемы и невзгоды. И продолжаются уходы: вслед за Успенским американский сенатор Джон Маккейн, который публично заявил о нашем лидере: бандит и убийца. А наши патриоты в ответ: да вы что?! Святой человек, защищает интересы народа, вот сегодня — Сирия… Умер Иосиф Кобзон, неоднозначный человек, и «МК» всплакнул: «Прощай,

король, прощай!..» Певец Кремля, но еврейские песни тоже хорошо пел… Грохнули лидера ДНР Александра Захарченко. Потом подсчитают, во что обошелся России Донбасс. Кровавые геополитические забавы… Леонид Радзиховский о главаре: «Задира и понтяра. Уже можно написать десятки томов о деяниях и подвигах. Но это все впереди…»

«МК» вспомнил Пражскую весну (август 1968) — «Пражская зима». В «Новой» воспоминания о Яне Палахе. Не один он поджег себя, а оказывается, самосожженцев были десятки. Прежде чем погибнуть, один из них, Рышард Сивец, записал обращение: «Люди, у который тлеет хотя бы искорка людских чувств! Опомнитесь! Еще не поздно!..» Не опомнились, и зло по-прежнему уверенно шагает по земле, кажется, именно так говорил Бертольт Брехт.

Удивительный мир! Кому зло, кому смерть, кому слава. Анастасия Волочкова удивляет своими шпагатами. И пишет: «Тети, берегите силы, чтобы пережить мои шпагаты. Заглядывайте в души и сердца свои, а не в мои мини-трусики…» Прямо ума шпагата! Вот ради чего надо жить и удивлять людей, а тут сидишь — никаких мини-трусиков, в протертых домашних брюках, и

пишешь какую-то книгу, чтобы удивить мир. А Волочкова раскинула ноги — и мир раскрыл рот от удивления и восхищения. Так вот, господа и девы хорошие!..

А тут в архиве обнаружил еженедельные выпуски «Частный взгляд в контексте истории, листая дневники и письма» за 1998 год (48 или 49 выпусков), 20 лет назад, с портретом автора — длинные волосы, посеребренные бородка и усы. И на 4 января 1998-го привел строки португальского поэта Камоэнса:

О, смена встреч, свиданий и разлук!
Ты к цели шел усердным пилигримом,
Ты верен был, но все уходит дымом,
Ни жертв не ценит время, ни заслуг…

Тогда это печатали. Тогда это было интересно, и я со своими экзерсисами был популярным автором, а сейчас мне далеко до шпагатов Волочковой и биатлона Димы Губера (Губерниева), уж про Сирию молчу. Не формат, вышел из моды…

6 сентября — вот и книга вышла, и ярмарка прошла (побывал и забыл), так и жизнь просвистит, как ветер.

4 сентября поехал на Никитскую за книгой.

Взял 3 штуки «Огней эмиграции», каждая по 504 стр., тяжелые, впервые маркированы +18. В отличие от первого выпуска не скрипит… Но ошибки исправлены, и ощущение, что книга выпущена (эксперимент с «пробником» мне не понравился). У Марии застал Максима Замшева, он с большим почтением и доверительно мне сообщил, что «Литературка» перестраивается и освобождается от наследия Юрия Полякова, отходит от пафосно-патриотических тем. Максим пообещал рецензию на 3-й том в октябре. Приехал домой — сюрприз: нижняя соседка Валя по случаю дня своего рождения принесла кусок арбуза. Так что третий том «Огней эмиграции» захрустели сочным арбузом.

Ну, а 5-го — книжная ярмарка на ВВЦ, 75-й павильон. Тесный, неудобный. На стенде «Никитских ворот» 2-й и 3-й тома «Эмиграции» (первый распродан, собираются допечатать еще 500 экз. второго — «И плеск чужой воды»). Первым покупателем «Огней» стал какой-то бородач из города Мичуринска. Всего подписал книг 15, не более. Какой-то молодой человек купил книгу для мамы, которая «меня читает». Но, честно говоря, думал, что ажиотажа будет больше, увы. По каким-то причинам (по издательской немощи?) «Никит-

ские ворота» совсем не занимаются рекламой книги, не удосужились даже развезти книги по некоторым редакциям, встретил Дмитрия Бака, напомнил ему о подаренной книге в ЦДЛ, он в ответ залепетал, что завалили, мол, чиновничьими делами. Был литератор, стал чиновником и померк в наших с Ще глазах. Жалко… Зато возникла Алевтина из «Пашкова дома»: «Вы совсем не изменились!..» Не верю! Сказала, что в течение двух лет пожила у дочери в Сербии и вернулась: «Эмиграция не для меня».

В 15 часов началась презентация книги в «Литературной гостиной». Увы, это не пространство ЭКСМО. Но пришли люди специально на меня. В целом получилось вполне достойно. Обратно Тамара и Александр на джипе довезли нас до дома, да еще напоили в дороге горячим чаем из термоса. Так что грех жаловаться на литературную судьбу. Как говорится, скромненько, но со вкусом. Но не без расстройства: ни в одной из газет, где писали о ярмарке, нет упоминаний об «Огнях эмиграции». Мне бегать по редакциям не по возрасту, поэтому судьба книги (а точнее, трехтомника) в руках Всевышнего или случая. Попадет в руки какого-то нормального критика или зарубежного слависта — хорошо, если нет,

то по Уткину:

– Так что же?
Прикажете плакать?!
Нет так нет! –
И он ставил заплату
Вместо брюк на жилет –

так утешал себя Рыжий Мотэле в повести Иосифа Уткина (1924– 1925).

«По-разному счастье курится, / По-разному / У разных мест: / Мотэле мечтает о курице, / А инспектор курицу ест».

Курица не курица, а Тамара Александровна подарила коробку «Пирожных № 1 — Венский цех. Ручной работы». Вена не Вена, но вкусно. Спасибо такой книжной поклоннице. Поклон…

13 сентября — немножко дождичка, немного прохлады, в листве больше ржавчины, чем желтизны. Осень, дышится легче, чего нельзя сказать об атмосфере в Москве: 9-го проходили выборы мэра, фестиваль «Цветочный джем» и акция сторонников Навального. На Тверском бульваре вроде бы благостно: дети, родители, коляски, а обратно, когда шли от здания ТАССа, — автозаки, полицейские машины, нацгвардия — все готовы

броситься на разгон демонстраций и протестов. В небе барражирует вертолет, и, кажется, вот-вот начнется стрельба, короче: «Любимый город может жить спокойно…» Режим все время чего-то боится: Майдана, «цветных революций». Противно до тошноты… На следующий день в «Новой газете» прочитали, что «людей били дубинками, чтобы они не испортили праздник»… На голосовании я вошел в кабинку и в раздражении вычеркнул всех: не мои кандидаты, не моя власть… Начнацгвардии генерал Виктор Золотов пообещал сделать из сидящего в СИЗО Алексея Навального «сочную отбивную». Как там у Будищева: «Ну, времена! Ну, нравы!..»

Идут религиозные войны, падает рубль, Ник. Вардуль в «МК» (11 сентября) спрашивает, а что мы вообще строим: «мы получили даже не госпитализм, а некий чиновничий “изм”».

Не хочу вникать в эту политическую грязь. Лучше — воспоминания, и я занимаюсь 3-м томом воспоминаний и дневников (2000-е годы). Издадут — не издадут? Не знаю. Но я хочу и упорно долблю. Упорнограф Ю.Б.

23 сентября — все время недоволен погодой: слепящее солнце пронизывает кухню, где сижу, работаю, то за окном пасмур и тяжело рассмат-

ривать буквы. Это все проблемы со зрением. И у меня, и у Ще… Вчера по каналу «Культура» была «Агора» с вечно ведущим Швыдким. Тема: современная литература. И кто приглашен? Дима Быков, модная издательница Елена Шубина, Алексей Варламов, после встречи с которым он для меня перестал существовать, молодые Гузель Яхина и Ксения Букша со своим сленгом «что-то зафигачить на заборе». Ничего особо интересного: каждый поет свою песню. А мои три тома по жгучей проблеме эмиграции поэтов и писателей как будто никого не волнуют, и, соответственно, я вне приглашений в «Агору». Переживем и это…

Смотрю футбол: прекрасный европейский и ужасный — российский. Идет накат на коуча «Спартака» Массимо Карреру. По физическому облику он отвратительный: итальянский прыгающий от радости козел…

В «Собеседнике» Иноземцев посчитал, что с 1999 по 2017 год количество чиновников выросло с 780 тыс. до 1,37 млн человек, а число силовиков приближается к 3 млн… муссируется тема «отравителей» Петрова и Боширова в Солсбери, якобы приехавших посмотреть «солсберийский шпиль собора». Какие-то агенты-дилетанты. Сколько нелепостей и злодейства. В Сирии погиб экипаж

нашего Ил-20. И кто их туда понес? Большой любитель геополитических авантюр и спецопераций. Мать одного из погибших, подполковника Алешина, причитала: «Он не шел убивать, он не убивал, он добрейший парень…» Но его послали — и вот печальный итог. Большое интервью актера Алексея Серебрякова, перебравшегося в Канаду: «Сила, наглость и хамство — это наше государство». И тут же на актера-обличителя набросились патриоты, как посмел сказать такое?!

Статья в «МК»: «Лицом нашей культуры становятся полуголые рокеры, фриковые стилисты и безголосые певички». Продолжать эту повестку дня можно без конца. Почти нет позитива, добра, благородства, зато в избытке зло, насилие, пошлость и бездарность, и за это боролись в Октябре 1917 года?..

6 октября — уходят знаковые фигуры: Шарль Азнавур — для мира, Роман Карцев — с очень мелкими и крупными раками — для России… Азнавур прожил 94 года и признан «певцом столетия». О себе Азнавур сказал: «Я так много всевозможных глупостей натворил по молодости лет, что теперь вполне могу позволить себе быть мудрым». А сколько натворил я?.. И грустное сравнение: великий Шарль Азнавур и

наша шоу-бизнес-кавалькада певцов, певичек и прочих развлекателей — пустых и бездарных! Имена приводить не хочется… Ну, а Карцев — это «Швондер на все времена», добротный сатирик из Одессы. Какая была замечательная пара: Роман Карцев и Виктор Ильченко…

И держит за горло политика замечательной Родины: «тупик внутри тупика» — так назвал Мих. Ростовский свою публикацию в «МК». Донбасс, Сирия — понятно, «а сколько абсурда, хаоса, бед и несчастий, связанных с обычными людьми, которых сажают за репосты, за баннер, за выход на митинги» и т. д.

Итог таков: жуткое неравенство в стране. Богатым — все! Бедным — кукиш без масла. Сиди, не рыпайся и голосуй за «Единую Россию», за приближенных и приблатненных к трону холуев и подлецов. Да, интересная оговорка мистера Пу по поводу отравления «Новичком» Скрипалей. Говоря об этом, Пу отметил, что это все борьба спецслужб, а спецслужба и проституция — важнейшие профессии на земле. Оговорка не «древнейшие», а «важнейшие». Для нашего лидера вся жизнь состоит из спецопераций. Недаром о нем на Западе вышла книга «Оперативник в Кремле».

10 октября — вчера в Домжуре состоялась встреча ветеранов журналистики, собралось человек 30. Скудный стол ясно отражал, что страна переживает экономический кризис. Но ветераны тем не менее были бодры (это те, кто доехал или дошел до Домжура). Неиссякаемая энергией Людмила Вас. Щербина дернула меня выступить рекламными словами: «Он печет книги, как пирожки». Я кратко сказал о трех книгах об эмиграции и призвал всех собравшихся писать воспоминания, чтобы передать их детям, внукам и правнукам.

Меня поддержали, но при этом говорили многоречиво и сбивчиво, и легко представить, какие, возможно, появятся воспоминания. Удивил международник Георгий Зубков (92), отсидевший приличное количество лет в прекрасном Париже. Во всех отечественных бедах обвинил Америку, НАТО и прочих врагов России, а еще обвинил своих коллег-журналистов, мол, пишут не так, чернят вместо восхваления. Н-да…

20 октября в «Экслибрисе», приложении «Независимой», в рубрике «Пять книг недели» представили «Огни эмиграции». Смешно, но основного тиража 3-й книги нет до сих пор. Отвез «Мужские игры на все времена» — Мария никак

не реагирует. «Подождите… потом…» А мы с Ще тем временем погружены в Хронику, Ще набирает двухтысячные годы, я все время кручу и дополняю 30–80-е года. То есть я в первом томе, Ще — в третьем…

Что ни день, то кто-то ляпает из чиновников надменно-хамское. Чиновница из Саратовской области Наталья Соколова в ответ на жалобы на низкие пенсии отрезала: вполне могут прожить и на 3,5 тысячи рублей, «на макарошки хватит!». Соцсеть и пресса взорвались. А Главмерз на форуме на Валдае спокойно говорил о ядерной войне, мол, все погибнем, но «мы как мученики попадем в рай. А они просто сдохнут…» Как мило и деликатно о наших врагах. Грязный язык — грязные мысли…

А вчера в честь 100-летия Александра Галича было много программ и песен. Это по каналу «Культура», а в газете «Культура» юбилей Галича проигнорировали: не было такого в русской культуре!.. Мерзавцы!

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака…
Им тепло, небось, облакам,

А я продрог насквозь, на века!..

28 октября — прорезался Стриж. Живой, что уже хорошо. Хвастался, что ему помогает молодая помощница: ищет информацию, подбирает тексты, отвозит, договаривается и т. д. Она и его соавтор, вместе сотворили материал об Александре Надеждине, беллетристе, публицисте. Я говорю Саше — помоги найти такую помощницу, а он в ответ валяет ваньку. Куркуль, до этого хвастался знакомством со славистами и ни с одним не познакомил. Только для себя, любимого…

24-го неожиданный выезд в библиотеку Боголюбова на Новослободскую по просьбе Дмитриенко, проректора Литинститута, который на встрече ветеранов в ЦДЖ просил заменить заболевшего какого-то писателя по ТВ-трансляции на регионы. Не знаю, что это такое (в технических новинках я дикарь из Ориноко), и пришлось говорить по маленькому экрану, обращаясь к невидимой публике, к студентам различных культурных учреждений и литстудий. Тема: литературная критика: зарождение и развитие. Начал с Белинского, а закончил советским критиком Авербахом со товарищами, о том, как травили поэта Павла Васильева ретивые ребята из журнала «На посту», а травимый и гонимый отвечал:

По указке петь не буду сроду.
Лучше уж навеки замолчать.
Не хочу, чтобы какой-то Родов
Мне указывал, про что писать.

По скайпу (это был скайп?) говорил молодым, что у начинающих литераторов несколько дорог: замкнуть в Башне из слоновой кости, слиться с массой или пресловутая половина: фифти-фифти, дружить с Компромиссом Компромиссовичем, но при этом держать фигу в кармане. Или самое отчаянное: бороться за свободу и независимость, как, к примеру, Анатолий Марченко или Вадим Делоне. Слово «баррикады» я не произнес… И было много звонков, спрашивали из Барнаула, Одессы, Севастополя и других городов. Вот такое было неожиданное выступление.

Позвонили из библиотеки Белинского, но я отказался: далеко ехать. Несколько дней страна гудела в связи со смертью Николая Караченцова: 74 года, из них 13 лет в положении «овоща». Как написала «Комсомолка»: «гений легкого жанра».

И ушел один из героев «Огней эмиграции» — Анатолий Гладилин в 83 года. И, значит, книгу прочитать не успел…

6 ноября — 3 ноября с Ще тихо отмечали 51 год

удачного брачного союза. Долго думали, куда поехать. Остановились на выставке Михаила Ларионова в Доме художника на Крымской. Приехали и раздумали: много народа, в залах духота, и мы с Ще, как люди капризные и немного вздорные, фыркнули и решили не ходить на выставку. И пошел я узнавать, когда откроется очередная Нон-фикшн. Обратно по серым невзрачным ступенькам, оступился и бухнул, но мягко — руки-ноги целы, ушибов нет, как говорится, Бог миловал. Но остался какой-то осадок: в знаменательный день. Кто виноват? Плохое зрение, слабые ноги, плохая координация, короче, 86 лет. Но собрал себя и отринул неприятное падение, и решили погулять по набережной вдоль Москвы-реки. Приятно погуляли под жалобный скулеж Ще: «Хочу море и бисквит!..» Моря нет, да и бисквиты наши делать не умеют…

Осмотрели выставку на чистом воздухе — от бюста Ленина до обнаженной женской скульптуры. Ничего выдающегося, ремесленничество. И домой… 4–5 ноября гуляли около дома с заходами в магазины за продуктами: один и тот же надоевший набор. И работали. Ще влезла в набор 2010 года, а я выстраивал хронику 1984 года — пропущенный год в «изумрудной книге» — «Наедине со

временем». Многое забыто, и читал с интересом и удивлением: это что, про меня?!. А еще футбол: классная игра «Барселоны» и «Реала», какие-то фильмы: прекрасная французская лента «Равнодушное сердце» (оно же «Ледяное») с Эммануэль Беар и Даниэлем Отеем. И так себе наш «Любимая женщина механика Гаврилова», два мира — два кино…

16 ноября — 15-го состоялась презентация 3-го тома «Огни эмиграции» в Доме русского зарубежья. У них сломался сайт и, соответственно, не вышло оповещение. Поначалу я был в шоке: 10 человек. Но потом стали подходить, в итоге полный малый зал. В большом зале был вечер, посвященный белому генералу Каппелю, и там было меньше гостей, чем у меня. Привезли книги из издательства и продали штук 20. Из своих были Юра Герман, Комракова, Аида, как всегда, опоздала с мамой… Ну, а я, кажется, не подкачал: начал рассказ с Тургенева, который жил в Париже, но не являлся эмигрантом, а далее по хронологии эмигрантских волн, от Бунина и Гиппиус до Коржавина, Войновича, Оскара Рабина и др. И 9 багровых роз преподнесла студентка от не пришедшей Анны Викторовны (были совместные планы, но так и не осуществились).

В программе «Агора» была интересная программа о наступившей цифровой эпохе. Понравилось выражение: «Объем информационного потребления».

У меня он с явным перебором… Ще, читая «Пещеры» Марка Алданова, наткнулась на цитату, которую мне зачитала: «Может быть, Россия политически спасется, но морально она обречена на гибель. Впрочем, кажется, в истории появилась такая власть, которая вполне способна всех обратить в подлецов. Отсюда и задача эмиграции — спасти остатки русской духовной культуры…» — так говорил один из персонажей алдановской книги. И в «Истоках» Алданов утверждает, что дым Отечества — не метафора Грибоедова, а метафора из Гомера.

23 ноября — на днях прочитал интервью с 82-летним композитором Раймондом Паулсом. Он говорит, что «особенно рад, что все-таки может дойти до рояля…». Я уже начал игнорировать рояль и отказался выступать перед школьниками в библиотеке на Песчаной по теме 200-летия Тургенева, не то что нет совсем сил, нет куража.

Исполнилось 90 лет Николаю Добронравову, поэту-песеннику. И у него, оказывается, есть правдивые строки:

Мы с детства жили в мире дефицита.
В стране был впечатляющий размах:
Мы покоряли звездные орбиты,
Стояли на земле в очередях…

Истинные поэты-патриоты так не пишут: «Мне повезло. Я жив. Я не расстрелян…» Дай Бог ему и Пахмутовой здоровья… Ну, а поэты и пииты власти захлебываются в любви к государству, которое создало, как выразился «МК», «Жизнь на дне потребительской корзины» («МК», 22 ноября — «Ужасы зоны нищеты»). А элита, власть, богатые и в ус не дуют: им хорошо, нет, им прекрасно! «Денег нет, а вы держитесь» — гениальный по цинизму совет Пупсика — нашего премьера, толстенького Медведева, источающего благодушие и успех. Еще «МК», 22 ноября, вопрос Александра Ципко: «Почему русские любят садиста Сталина?» Стоп! О политике хватит.

Лучше о погоде. Сухо, ясно, 0 градусов. На траве лежит тонкая белизна снега, но снега как такового нет. Колючий, резкий ветер.

4 декабря — нет позитивна. Нет откликов на 3-й том «Эмиграции». Мы с Ще барахтаемся в плохом самочувствии. Консультации с врачами не помогают. И уходы знаковых людей не способствуют

повышению настроения. Последние уходы: Жорес Медведев, режиссер Бертолуччи, диктор ТВ Юрий Ковеленов (как он метался в кризисные 90-е и пытался зацепиться за меня, а я в свою очередь за кого-то). И последний из ушедших: Андрей Битов. А этот питерский в шляпе д'Артаньян жив-живехонек и громогласно кричит, что Пу — человек № 1 на всей планете. Видно, не в силах отойти от властной кормушки. И поэтому вне моего уважения… Другое дело — бесстрашная маленькая Лия Ахеджакова… А большинство — льстецы, холуи, адвокаты дьявола. А в целом, как однажды на «Эхо» сказанул Дмитрий Глуховский: голоштанный империализм…

Совсем недавно с удовольствием отмечал, куда ездил, где выступал. А сейчас: куда не поехал, от чего отказался — библиотека им. Вознесенского, ярмарка нон-фикшн… В «Агоре» был разговор о книгах. Вл. Григорьев заявил, что «нужно воспитывать книжную компетенцию». А пока воспитывают, с прилавков магазинов расхватывают бестселлер «Мой очаровательный кишечник». Н-да…

Звонок от сестры Светланы: «Я в Вене…» Я уже так не скажу, а только: «Я вспоминаю Вену». Был в гостях безработный банковский служащий Аль-

бертик, подарил «дяде-писателю» экзотический цветок в горшочке. А дочь? Где эта дочь?!. Смотрели трансляцию из Парижа вручения «Золотой мяча» чемпионата мира: его получил маленький хорват Лука Модрич. Наших и близко нет, только крики восторга «Мы да мы!». Великая империя во мгле…

В «Новой газете» (3 декабря) разворот о молодом поколении — «Музыка, политика, идеология — власть атакует молодежь по всем направлением». Чтобы всякие Монеточки, рэперы и прочие бузотеры не вышли из «границ допустимой свободы». А в ответ песни: «Впереди меня ничего не ждет…», «Не жди, пока состаришься, скорей умри…». Мне в молодые годы было лихо из-за безденежья и всего лишь глоточка творческой свободы, а им, нынешним, — ложиться под власть или полный кирдык.

21 декабря — дневник — сирота, позабыт-позаброшен. Я с головой ушел в модернизацию и дополнения 70–90-х годов «изумрудной книги», восстанавливаю пропущенные годы, дополняю, комментирую. Увлекательная работа, но как тяжело дается: короткий световой день, машинка барахлит, лента ужасная, а тут еще поясницу прихватило — радикулит? В общем, работа со

слезами пополам. Надо бы поехать и кое-куда развезти «Огни эмиграции», но нет сил. «Никитские ворота» не хотят этим заниматься, и трехтомник оказался бесхозным. В 60–70-е годы такую книгу бы разорвали на части от жажды прочтения, а сегодня — тишь и гладь. По «Эху» рубрика «Читаем книжечки», и книжечки ни уму, ни сердцу…

В «ЛГ» материалы 100-летия Солженицына, умерла Людмила Алексеева (92 года) — «Из России ушла совесть» («МК»). Посадили 77-летнего правозащитника Льва Пономарева. Крики «Позор!». А в Париже бунт «желтых жилетов» против повышения цен на бензин (уж очень нетерпимы эти парижане: чуть что — сразу манифестации). У нас за одиночный пикет свинтят и выкрутят руки. У нас порядок. У нас полицейщина!..

В связи с 65-летием Галины Волчек был ее юбилейный вечер. Провальный. Позвонили с РЕН-ТВ прокомментировать фильм «Красавица и чудовище», отказался. В доронинский МХАТ пришел Захар Прилепин, писатель-патриот. Отличился Анатолий Чубайс, заявив, что народ должен был благодарить бизнесменов, спасших их от голода. А народ — инфантил, неблагодарный. Ну, и прочие разные новости, от которых хоть стой, хоть падай!.. И в «Новой» в связи с Солженицыным:

А просто здесь, чего ни строим,
Все превращается в ГУЛАГ…

Без комментариев! Режим не обращает внимание на все эти уколы и сарказмы и гнет свое: спецоперации, пиление бабла, насилие, борьба с инакомыслием…

По наводке Ще листал книгу Алданова «Самоубийство» о болезни Ленина в Горках. Вождь начал читать русских классиков и заметил Крупской по поводу современных авторов: «Наше дурачье так не может!» А когда Ильичу стало совсем худо, то он сокрушался: «Нет людей, никого нет. Некому оставить дело!..» Нет, Ленин недооценил своих соратников: и «дело» продолжилось, и весьма успешно. Это нынешние неумехи ничего не умеют, кроме запретов, и развалили все хозяйство…

Последние декабрьские дни. Наш лидер порадовал народ, заявив о создании новой мощной ракеты. Сванидзе тут же пошутил: «С боеголовочкой под елочку…», а Мих. Ростовский выдал в «МК» комментарий «С Новым годом — с новым страхом?».

Вот так и живем.

31 декабря — мир бушует. Истерический развод

Англии с объединенной Европой — Брексит. Неожиданные волнения в Сербии, митинги против лидера: «Президент — вор!» Кремль пытается заломить Батьку под себя, а тот сопротивляется. Истеричные крики Матвея по «Эху» в адрес известного лица: «Упырь!..» ну и т. д. На этом фоне странно звучал 100-летний юбилей Леонарда Бернстайна из Бостона, да по ТВ в сотый раз прокрученный «В джазе только девушки». Горячий шепот Джека Леммона: «Я — девушка, я — девушка...» Глупенькая, но очаровательно милая Мэрилин Монро в роли певички, постоянно неудачно влюбленная в какого-нибудь саксофониста.

Порадовал неожиданный звонок от Ник. Ник. Митрофанова, старого журналиста, который както связан с энциклопедией Москвы. Сказал, что ему попала в руки книга «Клуб 1932» — раньше он ее не видел и потрясен: как интересно, не мог оторваться, «вы — настоящий человек Возрождения». Услышав такое, я тихо сполз с дивана. Еще немного — и почти Данте. Конечно, перехлест, но человек говорил искренне: ему книга понравилась. И еще один звонок из Самары от какого-то книжного любителя (он с 1957 года) — с трудом достал «Огни эмиграции» и читал ее

взахлеб. Благодарил: как это хорошо написано, будто вы непосредственно обращаетесь ко мне, и наши мысли совпадают… Может быть, такие звонки лучше холодных бесстрастных рецензий в газетах. И которых, кстати, и нет. Профессионалы или не читают, или злобствуют. Посмотрим, что принесет 2019 год?..

Краткие итоги 2018

Главное событие: 1 июня вышел 3-й том — «Огни эмиграции», а 2 июня своими глазами увидел все три тома «Эмиграции» на книжной ярмарке на Красной площади. Трехтомник — предмет для гордости…

Если в былые, более молодые годы в газетах и журналах выходило множество публикаций, иногда по две «штуки» в одном номере, то в этом году вышла одна книга. Плюс публикация в альманахе «У Никитских ворот» — перепечатка из «Эмиграции». Из новенького: одно лишь эссе о Глебе Горбовском для совместной с Ще книги «Мужские игры во все времена». И еще в течение года занимался своими дневниками для будущей книги (или трехтомника) по годам, начиная с 30-х.

Выступал мало: одна запись для канала РЕН-ТВ

да выступление в библиотеке на Песчаной, на книжной ярмарке в Литературной гостиной «ЛГ» и в Доме русского зарубежья.

И все! Но, возможно, для 86 лет — это совсем неплохо, Боливар еще бежит рысью… (1 июня 2020 г.)

Приложение: три даты – 1933, 1968, 1998

Так как эта книга насыщена разнообразной информацией, то — вали до кучи! Добавлю две мировых даты и одну личную.

Мюнхен-1938. 80 лет назад…

Воспользуюсь фрагментами из публикации Леонида Млечина в «Новой газете» (26 августа 2018 г.) «Глупость или измена?». В сентябре 1938 года решилась судьба немцев в Судетах. Затем Чехословакии. Чехов никто не поддержал и не защитил. И Ян Масарик горько шутил, что его главная задача состоит в том, чтобы объяснить англичанам, что Чехословакия — это страна, а не экзотическая болезнь. Британский премьер Артур Невилл Чемберлен не встал на сторону чехов. Он заявил, что «мы не можем позволить Британской империи войну. Война — это кошмар».

Волновались и французы. Лидер социалистов Леон Блюм обратился ко всем депутатам: «Совер-

шенно очевидно, что завтра немецкие войска войдут в Прагу, а затем, быть может, в Париж! Объединимся же!..» Зачем? Чтобы дать отпор немцам? И правые депутаты злобно кричали: «Долой евреев! Блюм — это война!»

29 сентября в Мюнхене состоялась конференция: к Гитлеру приехали Чемберлен, премьер-министр Франции Эдуард Даладье и лидер итальянских фашистов Бенито Муссолини. К половине второго ночи все было решено: немцы получили право войти в Судетскую область, и никто не защитил Чехословакию. Представитель Коминтерна Отто Куусинен (Боже, я живу на улице Куусинена в Москве!) озвучил позицию СССР: не возражаем против раздела Чехословакии. Людоеду Гитлеру разрешили скушать Чехословакию… Чемберлен ликовал: «Это мир на многие годы». Один только Уинстон Черчилль предрекал трагическую судьбу самой Англии:

— Не думайте, что это конец. Это только начало. Это первый глоток горькой чаши, которую нам предстоит испить, пока к нам не вернутся моральное здоровье и мужество и мы не восстанем за свободу, как в былые времена.

О судьбе судетов: когда Чехословакия восстановилась и стала единой, то она изгнала всех

немцев со своей территории.

Сегодня, пишет Млечин, некоторые историки говорят, что мюнхенские соглашения мало чем отличаются от пакта Молотова — Риббентропа. Но отличие все-таки есть. Западные державы отказали Чехословакии в помощи, но они не отправили свои войска, чтобы участвовать в уничтожении этого государства, и не отрезали себе по куску ее территории…

Ну, а мы с удовольствием прирезали к Союзу западные кусочки к Украине и Молдавии. И мы не Запад, который до сих пор переживает стыд из-за позорной сделки, заключенной в Мюнхене в сентябре 1938 года…

А 50 лет тому назад — в мае студенческие беспорядки в Париже, а в августе — подавление «Пражской весны» советскими танками.

В Париже 14 мая студенты захватили Сорбонну и Национальную высшую школу изящных искусств. Лозунги: «Страна — это не казарма», «Кто нас учит?», «Поколение коллаборационистов». «Мы требуем не только демократизации университетов, но и всей французской общественно-политической системы». 22 мая бастующих насчитывалось 8 млн — самая массовая забастовка в истории страны. Через пару дней

— 10 млн. Бастуют даже работники кабаре «Фоли-Бержер». Ночи баррикад. Бегство де Голля и контрнаступление. Последние лозунги: «Мечта — это реальность», «Запрещено запрещать», «Свободы не дают, их берут», «Будьте реалистами, требуйте невозможного!». В ответ — наступление полиции. 16 июня взят контроль над Сорбонной.

Кабаре «Фоли-Бержер» после 36-дневной забастовки возобновляет работу спектаклем «Vive la folie!» («Да здравствует безумие!»).

Но, как заметил автор публикации в «Новой газете»: к прежнему безумию Франция уже не вернулась. Как и к прежнему социальному маразму.

* * *

Подборка материалов в «Новой газете» (с 20 июня 2018 г.) — «Восемь месяцев “Пражской весны”».

«Вопреки законам природы “Пражская весна” началась зимой — с приходом к власти реформаторского крыла компартии, а кончилась летом — с приходом советских танков. Мгновение надежды обернулось затяжной национальной катастрофой, стремление к свободе — уничтожением достоинства народа… Полвека назад в

Чехословакии произошли события, повлиявшие на ход мировой истории».

«Масла в огонь подлил» академик Сахаров. В июне в самиздате вышла его статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

Советский Союз не смог допустить отклонения от общего курса, допустить «социализма с гуманным лицом». Жить было можно только с советским намордником. В ночь с 20 на 21 августа войска стран Варшавского договора вторглись в ЧССР (группировка до 500 тыс. военнослужащих и 5 тыс. танков). Советские люди затаили дыхание: что будет дальше? Лишь семерка смельчаков — Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг вышли на Красную площадь с протестом против ввода войск. Сели на Лобном месте и развернули любимый лозунг Герцена: «За вашу и нашу свободу!»

Горбаневская, Богораз и Бабицкий были профессиональными славистами и систематически переводили статьи из чешских газет того времени, в том числе знаменитый манифест чешских интеллектуалов «Две тысячи слов».

Ну, а потом, как следовало ожидать: арест,

суд, сроки заключения. В книге «Огни эмиграции» я представил «портреты» Павла Литвинова («Жизнь как борьба»), Натальи Горбаневской («Несгибаемая, честная, чистая») и Вадима Делоне («Романтик во мраке бытия»). Вот стихи Делоне:

Я бросил вызов родине моей,
Когда ее войска пошли на Прагу.
Бессонницей лефортовских ночей
Я право заслужил на эту правду…
…И думал я, зачем себя беречь,
Пусть назовут в газетах отщепенцем,
Безумная игра не стоит свеч,
Но стоит же она шального сердца!

Вот такие события происходили в мире 80, 50 лет тому назад, внутренне я был на стороне парижских студентов и чешских интеллектуалов «Пражской весны». В своих газетных публикациях и в книгах отстаивал позиции свободы, независимости и демократии.

А теперь личная дата: 20 лет назад, 4 января 1998 года, вышел первый выпуск рубрики в «Вечерней Москве»: «Частный взгляд в контексте истории» с подзаголовком «Листая дневники и письма», и фото: со скрещенными на груди рука-

ми фундаментальный мужчина с устремленным взглядом, очки, усы, седая короткая бородка. И вроде рубрики: «Перекличка времен». И вот авторское предисловие перед чужими дневниками и письмами:

«Расхожая истина, что история ничему не учит. Верно. Но верно и другое: история учит того, кто у нее учится. Так что история все ж учит. Утешает. Вселяет некоторый оптимизм, ибо сколько у человечества было возможностей погибнуть, и в частности у России, но ни человечество, ни Россия не погибли. Выжили. Устояли.

Историю можно изучать по-разному: по официальным материалам, по учебникам, по литературе, а можно по сохранившимся дневникам и письмам. И этот частный взгляд на жизнь, на общество, на людей весьма интересен и ценен. Вчитываясь в давно написанные строки, лишний раз убеждаешься в библейской истине: ничто не ново под солнцем, все когда-то уже было. Войны и страдания. Революции и бунты. Социальные катаклизмы и психологическое напряжение. Нам кажется, что наш жизненный опыт уникален, но это только в рамках текущего момента, а в необъятных сферах вечности… Как писал португальский поэт Камоэнс:

О, смена встреч, свиданий и разлук!
Ты к цели шел усердным пилигримом,
Ты верен был, но все уходит дымом.
Ни жертв не ценит время, ни заслуг.

Печально? Но жизнь вообще штука невеселая, философ Ясперс говорил о жизни как о кораблекрушении. Ортега-и-Гассет назвал ее выстрелом в упор. А отечественный поэт-обэриут Александр Введенский в чисто российской манере заметил:

Но, однако, шли года,
Шел туман и ерунда.

Строки из дневников и писем (почти 50 лет собирал эту коллекцию) могут хоть немного рассеять туман и разобраться в этой ерунде, именуемой жизнью».

* * *

Это «увертюра», а далее выписки-отрывочки из Жюля Ренара, Алексея Ремизова, Блока… Александр Блок 2 января 1921 года получил письмо от одной дамы, в котором она жаловалась на одиночество и на бесцельность своего существования. Поэт поместил на письме: «Не отвечаю» и положил в свой личный архив.

2019 год – 86/87 лет

Старик – человек, который на 10 лет старше тебя.

Польский журнал «Пшекруй»

Слава богу!

Ведь все, что было,

Все, что было, – было со мною…

Давид Самойлов

И в том же стихотворении Самойлова: «Было круто, а не отлого». Но при этом хромал я, большие проблемы были у Ще. Наберитесь сочувствия, попереживайте вместе с автором книги, который с высокой степенью откровенности представил вам свою прожитую жизнь в 2019 году. Итак,

Хроника по записанным дням

7 января — стремительно летят дни. Перед Новым годом темы в СМИ: елка, салат оливье, Украина. И перед новогодним выступлением президента — беда в Магнитогорске: взрыв газа на ул. Карла Маркса (!) — 39 погибших. Опять какой-то знак… в первые дни января, как обычно,

газеты не выходили, а как вышли, то расписали об этом очередном ЧП. И первые уходы: музыкант Крис Кельми и актер Бортник.

6-го приключение: перегорела лампочка в туалете, а я не могу встать на стул из-за поясницы (радикулит?). Сцена у фонтана! С грехом пополам взгромоздился на стул и все же ввернул. Да будет свет!.. Вот таких смешных приключений стало подозрительно много. Можно даже написать целую книгу про нездоровье, болезни, боли и страдания, но таких книг не читают. Другое дело: «Поспели вишни в саду у дяди Вани…» И далее завлекательно-пикантное: дядя Ваня с тетей Груней в бане. Это читается с большим интересом, особенно если описывать груди, бедра и прочие заветные местечки у широкозадой Груни…

13 января — 8-го Эдуардо привез нас на машине в ресторан МЕОЦа и потчевал обедом: фаршированная рыба под белое «Пино гри». За столом была Сонечка, дочка Миши, которая поменяла имя на загадочную Делию. Я лично не допускаю таких мистических перемен…

12-го что-то прихватило, померил давление: 105/55. Лег, и на встречу с Наташей поехала одна Ще. Эдик и Наташа соревнуются в подарках. Немецко-израильские помогатели, и, конечно,

гранд мерси… А Проханов жалуется в своем «Завтра»: «Русский писатель за свои творения получает гроши, какой-то эстрадный фигляр с тройным гражданством деньги гребет лопатой!» Но интернет взорвал отнюдь не Проханов, а губернатор Колымы сверкнул откровением: «Мы никогда, даже во времена царской России, не уничтожали людей за инакомыслие…» Он и Колыму посчитал курортом для зэков? Это что: идиотизм или полное незнание истории своей страны?.. Миллионы пострадали, а губернатор даже Колыму видит благостным курортом…

20 января — из деятельной литературной жизни я попал в унылую бытовую. Ходили на рынок, поддерживая друг друга, как кот Базилио и лиса Алиса. У Ще проблемы с глазами (сетчатка) и почти кричит в отчаянии: «Я слепну!» Набирает лишь одну страничку в день, и уже садятся глаза. А тут еще стиральная машина забарахлила. Но что машина! Позвонила жена Вайсмана: «Григорий Михайлович умер… Обширный инфаркт…» Мой ровесник, с 32-го. Светлый человек, поклонник моих книг, и прилагал большие усилия к изданию книги «Погода и слово». И все время что-то дарил: то какую-то чашку, то шоколад. А еще любил рассказывать еврейские анекдоты.

Подвело здоровье, а могли бы дружить. Редеет мой круг хороших людей… Снаряды, как говорят, рвутся все ближе…

10 февраля — не знаю, что делать с дневником, он грозится превратиться в бюллетень здоровья, точнее, нездоровья. У Ще напасть глаза: и уже сделала 5-й укол в глазной клинике «Прозрение» на Тишинской. Меня донимает радикулит, временами еле ползаю, а еще насморк и горло, точнее, носоглотка. Лечимся, платим деньги, и мало что помогает. А тут еще уходы и утраты (пресса пишет то так, то эдак): член моего «Клуба 1932» — композитор Мишель Легран. Как написали в «МК»: «ушел последний певец Франции», и остались, это я уже добавляю, только «Шербурские зонтики». Можно, конечно, по светловской «Гренаде»: «Отряд не заметил потери бойца», но каждый уход меня как-то задевает. И вслед за Леграном — Сергей Юрский (опять же «МК» — «Умный человек», моложе меня на 4 года). И можно сказать по Ильфу и Петрову: «Командовать парадом больше некому» — один из последних интеллектуальных актеров России, который написал 18 книг и с горечью признал: «Я перестал писать. Рука не идет. И нет ощущения, что это кому-то нужно. Что будет дальше? Подозреваю, что молчание…»

Настоящая фамилия Юрского — Жихарев, отец — из дворян. Совпадение или сделано нарочно? На обратной странице «МК» интервью с Тиграном Кеосаяном, который цинично заявил, что он — «свободный империалист». И вот два деятеля культуры. Режиссер Кеосаян поет осанну Путину и считает, что он чувствует страну и делает все правильно. А Юрский считал, что он жил в полицейско-бюрократическом государстве. Одна и та же Россия в двух разные восприятиях…

И еще интервью в подбор разных мнений. Ксения Собчак: с кем хочу, с тем и сплю. И экс-супруг Максим Виторган, оставшийся в дураках. А Ксюша уверенно: «Я не боюсь начать жить заново».

Возвращаясь к стране, Виктор Шендерович на «Эхо» повторил Сашу Черного: у нас одно — парад и мордобой. А Матвей Ганапольский из Киева фамильярно бросил в эфире «Эха»: «Этот чувак в Кремле!..» Нет, этот чувак — небожитель и живет в своих небесных сферах, не обращая внимания на больных и грешных землян…

22 февраля — в сегодняшнем феврале строки Пастернака «Февраль! Достать чернил и плакать…» не актуальны: никакой слякоти, напротив, нынешний февраль снегопадный. 13-го проснулись, а за окном все бело, все в заснежен-

ной дымке, да такой, что ближайших домов не видно. И кругом сугробы.

Отказались ехать в конце мая на книжный салон в Санкт-Петербург — 60 тыс. удовольствие, вдвоем — 120. Не по карману ни книги, ни знакомство с «гастрономическим искусством Петербурга», теплоход по Неве и т. д. Поедет лишь моя книга. Мария: срочно привозите книгу! Несколько месяцев думали, издавать или нет, и вдруг оказывается надо, и сразу пожар. Короче, наш фирменный стиль… Итак, книга «Мужские игры во все времена» запускается, да вдобавок вчерне договорился о новом трехтомнике дневнике-воспоминании, от 30-х до двухтысячных годов.

1 марта — заедает быт: то засор в ванне, то поломалась стиральная машина, сломалась одна газовая ручка в плите и т. д. Поздравил Виталия Соболева с 80-летием. Книг моих читать не хочет, и признать меня писателем — значит вынести приговор себе, так ничего стоящего и не сделал.

Только включил Глеба Горбовского в книгу «Мужские игры», а он — бац! — 26 февраля и покинул белый свет. Материал о нем я начал со стихотворного признания (1969):

На лихой тачанке я не колесил,
Не горел я в танке, ромбы не носил,
Не взлетал в ракете утром по росе,
Просто жил на свете, мучился, как все.

Сколько на Руси было хороших поэтов, и, как правило, все мучились, страдали, отчаивались. И писали удивительные стихи, как Горбовский:

Пусть моей Прекрасной Даме
Рай приснится, а не быт…

10 марта — голубоватый весенний день, хотели поехать куда-нибудь на выставку, но в старых сундуках не осталось физических сил, опять же метро, дорога, масса людей… На Соколе купили Вологодский брикет мороженого да немного красной рыбы на предстоящую Масленицу, и на этом успокоились. Лишь дома трезвонил телефон. 21 звонок — это неплохо, три — из заграницы: Эдик (Израиль), Наташа (Германия), сестра Светлана (во время вояжа в Италию). Ну, а мы с Ще невыездные по случаю отсутствия сил. Мы в Тетюшах, правда, Кремль недалеко, но вопрос: нужен ли нам Кремль с его обитателями?.. Вечером по ТВ посмотрели документальный фильм о судьбе Валентины Токарской: была звездой мюзик-холла,

в картину «Цирк» Александров пригласил не Токарскую, а Любовь Орлову, отнюдь не каскадную актрису. Одна только коверканная фраза на русском языке: «Петрович, ты меня понимаешь?..» Партнер по фильму «Цирк» (1936) красавец-блондин Сергей Столяров понимал, а вот Токарская недоумевала: почему Орлова, а не она?.. А сколько таких «почему» я могу предъявить если не «Мосфильму», то нашему ТВ? Но это так, только «жалоба турка»…

Настоящие проблемы у Элины Быстрицкой, Маргариты Тереховой и закончились у Владимира Этуша. Иногда одна фраза, один жест остается в памяти: «Шляпу сними!» — попросил Этуш своего помощника Фрунзика, когда он с подносом из фруктов пошел обольщать «кавказскую пленницу»… Стихотворение «Посадочное» в «Новой газете»:

«Гибридный век, гибридная зима, / Гибридное схождение с ума… / Со всех сторон рыданье аонид, / И Петр с электрошокером стоит». Это отрывочек, но показательный. И это не цирк шапито, а наша страдальная Раша.

19 марта — бедная-бедная Ще: то глаза, то онкология, сплошные лекарства, и не видно просвета. Да и я за последний год ощутимо сдал.

Но не живописую… И пока обходимся без социального работника своими силами. Спасает работа: препарирую хронику своей жизни, перевожу дневник и воспоминания на рельсы книги.

И опять утраты: певица Юлия Началова, 38 лет, киномэтр Марлен Хуциев, 93 года. С Хуциевым я однажды столкнулся в вестибюле Дома кино, куда Иосиф Раскин пригласил меня в ресторан как уважаемого писателя. Увидев Хуциева, Раскин представил меня: «Это Безелянский, познакомьтесь…» — «Знаю, знаю», — сказал Марлен и блеснул глазами…

29 марта — ко всем минусам жизни добавилась угроза капремонта в доме. Из-за всего навалившегося не могу вылезти: то депрессия, то даун, то раздражение, то отчаяние. Раздражают плохие продукты: отечественный сыр как мыло (иностранные сыры отрезаны от России из-за санкций). И прочие товары: мыльный крем не мылит, спички спичечной фабрики «Победа» ломаются в руках (та еще победа!) и т. д. И в итоге только ракеты и угрозы врагам, которых не счесть… И опять прибегаю к цитатам из Димы Быкова: «Расхищено, предано, выжжено, загажено, полумертво…» «Мерзавцы с прожженными рожами насилуют несчастную Родину-мать». Ноу

комментс. Только изумление…

В «Собеседнике» дал интервью приехавший погостить (?) Сева Новгородцев, который у меня в книге «Огни эмиграции». Среди прочего сказал, что «меня очень удручают российские нравы. Я здесь жить не могу. Я привык к английской обходительности…».

И признание Новгородцева: «Для меня интересный человек для общения — это сам я. Мне больше никто не нужен…» Если бы это я услышал лично, а не прочитал в газете, я восхитился бы: «Узнаю брата Севу!» Ибо — родственная душа.

А вот интервью с Владимиром Познером разочаровало, и я не верю сказанному им, что он чувствует себя совершенно свободным человеком. Лукавит. Говорит, что не оппозиционер, «но как журналист в принципе всегда не доверяю власти». Фрондер с фигой в кармане?..

У меня теперь нет рубрики и нет возможности высказать свою точку зрения в каком-нибудь СМИ, поэтому приходится читать чужие и записывать для памяти (ну, прямо летописец чужих слов!).

Николай Рыбаков из партии «Яблоко» вспоминает многотысячные демонстрации 80-х годов: «Как и 30 лет назад, в России есть миллионы

людей, которые мечтают жить в свободной и мирной стране, которые ненавидят мракобесие и войны, которые хотят равенства возможностей и справедливости» («Новая газета», 25 марта).

7 апреля — прямо сговорились: уходят один за другим. Вслед за Хуциевым Георгий Данелия на 89-м году жизни. «Мимино», «Осенний марафон», «Не горюй» и другие действительно хорошие фильмы. Еще актеры Алексей Булдаков, специалист по национальной охоте и рыбалке: «Ну, выпьем, не чокаясь...» Нодар Мгалоблишвили — «Формула любви», где Абдулов с Фарадой пели суперпопулярное: «Уно, уно моменто...» Жизнь — это тоже «моменто». Древнее латинское выражение: «Мементо мори» — «Помни о смерти».

Кто-то ушел, а кто-то живет и благоденствует, пыхтит и коптит небо. Третье лицо в государстве Валентина Матвиенко (в девичестве Тютина, бывшая лимитчица) считает, что она занимается полезной «пахотой» во имя народного счастья. Вся наша верхушка пашет и пашет, и итоги налицо: богатеют, а другие беднеют, причем пропорция ужасная. Для бедных — «Муляж вместо еды» («МК», 2 апреля). Низкие доходы и все увеличивающиеся налоги под фанфары власти. «Принуждение к счастью», — как иронизирует

Никита Кричевский («МК», 5 апреля). Под старания и хлопоты телеящика. «То, что делает российская телепропаганда, — это преступление. Преступление против морали, нравственности, против здоровья нации» (проф. Валерий Соловей, «МК», 5 апреля).

А мы с Ще вчера не по врачам, а в Музей революции на выставку «Аристократический портрет в России XVIII — начала XX века». Портретная галерея князей Куракиных, Голицыных, Барятинских, Долгоруковых, Шаховских и прочих вельмож. Они верховодили на Руси, блистали, роскошествовали, интриговали, забавлялись и т. д. И в итоге покинули белый свет, и вот через века мерцают их неживые глаза с полотен художников.

Так проходит земная слава. Остаются только архивы да портреты в золоченых рамах.

А вечером на ТВ Лолита Милявская с откровениями и непотребными телесами. Никакого аристократизма, зато цинизма — хоть отбавляй… На том и закончим. Устал…

12 апреля — около 30 лет я активно работал в СМИ — газеты, журналы, рубрики, и из-за постоянной нехватки времени следил за политикой по касательной. Ныне только подготовка буду-

щих книг, но зато больше внимания газетам, что происходит в стране и мире. Вот уже 6-й год, по официальной статистике, происходит обнищание людей. Россияне бунтуют? Нет! «В том-то и беда, — считает эксперт, — что россияне вошли в состояние выученной беспомощности» («Собеседник», 9 апреля). Лишь растет потребление «беленькой» — «Россию отправляют в глубокий запой» («МК», 10 апреля).

А еще народ потчуют ТВ-зрелищами, скандальными рассказами, репортажами и шоу (мои культурологические изыски и экзерсисы ныне никому не нужны). В связи с 70-летием Аллы Пугачевой ТВ резвится по поводу ее многочисленных мужей и карьеры. Футболисты Кокорин и Мамаев учинили публичную драку, и 18 следователей не могут разобраться, как реагировать: сажать или нет?.. В «Вечерке» Кузьмина написала о женщинах Андрея Тарковского. Плоско и пошловато. Могла бы позвонить мне и посоветоваться, нет! Это раньше журналисты взирали на меня с восторгом, а теперь пробил их час, журнальных мародеров. Это не касается «МК», где меня не печатали, а «ВК», «ВМ», «Сударушки», «Москвички» и других изданий. Я бился за культуру и изящный вкус, а нынешние — ради

скандалов, сенсационности и бабла.

21 апреля — по всем ТВ-каналам мира передавали пожар собора Парижской Богоматери — Нотр-Дам-де-Пари, только наш Первый канал молчал, как будто не знали, что надо при этом говорить. Телевизионщики работают по указке и отмашке, своего мнения у них нет. А потом проснулись и пошли уже наши показы… какой удар по мировой культуре! Валькирия отечественной пропаганды Ольга Скабеева отправилась в Париж и оттуда вела свои репортажи со злорадством и сладострастием: «Языки пламени пожирают основы французской цивилизации…» Дьяволица с микрофоном!.. Но номер один в программах была «великая Алла» с 8 — или сколько там было? — мужьями, и счастливый Филипп Киркоров с радостью рассказывал, как он обожал Аллочку… Не забыли и еще одного кумира, и «МК» поместил комментарий «Сталин суперстар».

Давно не выступал, и неожиданно два приглашения. 17 апреля выступить в Платоновской библиотеке на ул. Усиевича перед 8-классниками. Тема: Литература и ее значение в жизни. Пришли 25 учащихся, слушали хорошо, но боюсь: все мимо ушей или головы. Незнакомые имена: Блок, Брюсов, Белый… Но я старался заинтересовать

школяров и был вознагражден букетом желтых хризантем…

А 20 апреля там же, в Платоновке, в рамках Библионочи, начало в 19:30. Уже взрослая публика, человек 15. На стенде выставили 7 моих книг, и я рассказывал о своем писательском пути и о последней книге «Огни эмиграции». На этот раз было и слушание, и понимание. И «гонорар»: вручили роскошную книгу афоризмов, изданную в… Пекине. Китайцы всюду и все делают на уровне.

28 апреля — зазеленел двор, и все потонуло в зеленой изумрудной дымке. О весне столько написано стихов, но выберу раннего Игоря Северянина:

Весенний день горяч и золот, –
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова – я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!
Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на «ты»…
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!..

Этот «Весенний день» написан в апреле 1911

года, а 4 (16) мая Северянину исполнится 24 года. Отсюда и лучезарный оптимизм. В 87 лет уже нет никаких признаков восторженности… да и домой, на 4-й этаж, поднимаюсь тяжело, а мечты о лифте неосуществимы.

Умерла Элина Быстрицкая (4 апреля 1928). Судьбе было угодно столкнуться вместе, когда нас во времена Ельцина принимали в члены Совета по здравоохранению и культуре при президенте РФ. Потом мы изредка встречались: я Быстрицкой подарил книгу, она пригласила на свой спектакль в Малый театр, были все основания задружить, но меня оттолкнуло то, что она считается кремлевской дамой, так я тогда посчитал, а я был далек от милостей властей. Конец Быстрицкой был ужасный, без детей и родственников, под опекой чужих людей, и ссоры вокруг денег и наследства, об этом писали в течение всего года…

Параллельно с Быстрицкой ТВ смаковало судьбу Джуны, целительницы вождей, после смерти Вахи (сына Вахтанга) вся ее жизнь пошла наперекосяк. Слава и деньги обернулись прахом. Она умерла 8 июля 2005-го.

Молодая писательница Алина Ганиева выпустила книгу о Лиле Брик и попутно затронула Маяковского: мало читал, мало знал, был ма-

лообразованным, писал с орфографическими ошибками, увлекался бильярдом, рулеткой и картами, ну и т. д. Не пример для подражания. Нет, с великими надо обходиться поделикатнее, я уж точно никого не топчу ногами…

И, кстати, принят закон о недопущении оскорбления власти (закон Клишаса) — только хвалить и возносить до небес!..

А 20 мая в «Новой газете» еще интервью Троицкого, в нем он разошелся по поводу Сергея Доренко: «крестный отец всех зловещих кликуш и хамов, оккупировавших русский телеэкран при Путине… “мочил” Примакова, Лужкова и всех, кого занесут в список инфосмертников, за ДЕНЬГИ…» Лихой Артемий, лихой!.. И молодой еще, годится мне в сыновья (16 июня 1955). И это совсем другая журналистика…

9 мая — с каждым годом все громче и громче празднуется праздник Победы. Побед у нынешнего режима нет, все больше неудач и провалов. Поэтому оседлали, как коня, май 1945 года и гарцуют, вот, мол, мы — такие победители! Но нынешние не победители, а пораженцы и губители России. И знак небес: 5 мая в Шереметьево при посадке загорелся, как факел, распиаренный отечественный «Суперджет». Погиб 141

человек. «МК» написал, что снова «страшные вопросы», почему и кто виноват? Ответов нет, один лишь раздутый до крайних пределов «дух победителей», и не стыдно, не совестно?.. Те из 45-го — победители, а кто вы, якобы вставшие с колена…

Из 27 лет послесоветской истории Россия вела и продолжает вести продолжительные войны: 3,5 года велась первая чеченская война, 9 лет — вторая, 3,5 года — в Сирии, 5 лет гибридной войны на Украине. «Испепелители» — материал Славы Тарощиной. И еще публикация «Дожить до расстрела».

В царской армии за период 1905–1917 было расстреляно 3.087 своих солдат и офицеров. В СССР количество смертных казней на фронтах Второй мировой войны возросло во много раз — 157.593, в США — всего 146 случаев, в Англии — 40… А сколько убитых в боях, плененных воинов и попавших затем в отечественный ГУЛАГ — а сколько!.. День Победы — это праздник со слезами на глазах…

21 мая — газеты полны подробностями разбившегося на мотоцикле 59-летнего Сергея Доренко. Не хочу копаться в его феерической судьбе. Торжественно прошел День пионерии: пионеров одели в камуфляж, и они давали клятву отдать

жизнь за родину, то есть за самовластный державный режим, что ли? И очень подходят новые строки постоянного автора «Новой газеты»:

У нас при нынешнем режиме,
При нашей тусклой полосе
Скомпрометированы все.
Так тухло мы еще не жили,
Какой уж там СССР…

Интересно, издаст ли Быков книгу своих политических сатир, найдет ли он смелое издательство?.. Ну, а я не в медиапространстве, а исключительно на домашней арене, а точнее, печатаю на кухне. Первый том дневников и воспоминаний «О СССР — без ностальгии» готов. И уже в работе 3-й том, с условным названием «В тисках империи» (2000-е годы). Ну, а 2-й том «Лихие 90-е» просто надо перепечатать из самиздата в офиздат.

И еще событие: поехали с Ще смотреть на возрожденный стадион «Динамо». Входишь и попадаешь в торговый центр (коммерция наступает на футбол). Ще от переполненных чувств подошла к охраннику и сообщила, что Юрий Николаевич был на стадионе 70 лет назад, 2 мая 1949 года, на матче «Динамо» — ЦСКА. Охранники

никак не реагировали на эти слова и совсем не знали, кто такой этот Юрий Николаевич. А Ще была уверена, что Юрия Николаевича, как и Льва Николаевича, должны знать все культурные люди в России. Но боюсь, что и Толстого уже не все знают. Другое дело: Пугачеву, Киркорова, военного министра Шойгу и еще кого-то знают, а что касается писателей, то зачем они нужны вообще?..

Скучно и тошно жить на этом свете, господа! Режим и культура разошлись, как в море корабли…

29 мая — осточертела политика: и якобы дружба двух президентов «братьев по оружию и газу» — Путина и Реджепа Эрдогана, и, как говорится в скобках — «А мы чего-то еще производим? И где ивановский текстиль и тульские пряники и где ленты для пишущих машинок?» Ответа нет: все кануло и исчезло… Вот и в Англии ЧП: отставка Терезы Мэй, так и не ставшей второй Маргарет Тэтчер…

25-го Эдик по традиции свозил нас в кафе «Чайковский». Все вкусно, все хорошо, да еще немного подкинул денег для будущей книги. Все вроде бы ничего. Но когда мы шли с Эдуардо к машине, неуверенно семеня ногами, то у Ще глаза округ-

лились: боже мой! На этих постаревших лошадок на ипподроме никто не сделает ставок…

19 июня — две недели не прикасался к текущему дневнику и занимался олитературиванием дневниковых записей за 2001 год, нужна приправа для остроты: уксус, лук, перец, зелень. И как можно меньше быта и нездоровья. Во дворе поставлен пугающий щит с объявлением о капремонте дома, но пока все тихо… А Ще тем временем ходит по глазным врачам и делает очередные дорогущие уколы (пока по квоте), набирать текст книги уже не может… Надо с горечью признать, что мы оба уже старые, и, кроме Эдуарда, никто нам не помогает, детей нет, родственники в таком же безотрадном положении, и что будет дальше? Стараемся не думать… Хоть телефон не молчит, звонят многие, но все это так, не более чем треп, или, скажем по-английски, ток, просто разговор о том и о сем…

В стране разгул полицейщины: схватили на ровном месте журналиста Ивана Голунова, подбросили ему наркотики, и вот уже «дело». Провокация как способ борьбы с инакомыслием. Коллеги-журналисты бросились его выручать и выручили.

В «Новой газете» (5 июня) Алексей Поликовский

написал резкий материал «Запретный оплот» с подзаголовком «Государство — против времени, против истории, против страны и против людей». Если вспоминать все запретное, то это будет кунсткамера бреда. «Медный всадник» Пушкина был запрещен лично Николаем Первым. «Конек-Горбунок» Ершова запрещался царской цензурой, а потом и советской… Книги Солженицына запрещали, осуждали, шельмовали, за их распространение выгоняли с работы, таскали на допросы и сажали в тюрьмы… Рокотова и Файбишенко расстреляли за то, что они торговали джинсами… Советский Главлит с лупой ползал по каждой гранке и верстке, выискивая опасность и налагая запрет. Запрещали Шаламова, Гумилева, Мандельштама, Бунина, Цветаеву, Ахматову, Зощенко, Пильняка, Зайцева, Осоргина, Булгакова и еще многих других… Советская власть запрещала многое, даже ленинское завещание. Глушили западные радиопередачи, боролись с алкоголизмом и вырубали виноградники. Короче, много было чудес на Руси. «Запреты — это и есть основной продукт деятельности государства», — заключает свою статью Поликовский. Запреты от генетики до кибернетики, от брюк до причесок, от сайтов до блогов наполняют русскую историю и нашу

современную жизнь…

21 июня — после трех дней нездоровья выполз из дома на улицу, выполз — это точный глагол. А до выхода взвесились на домашних весах: Ще — 57,7 кг, от приятно пышной женщины к худышке, я — чуть более 70 кг. Н-да…

По ТВ крутят обстоятельства последних дней Элины Быстрицкой. Перед смертью весила чуть более 30 кг, маленькая женщина (и это добротная Аксинья из «Тихого Дона»?), лежавшая ничком на диване… И контраст: кадр про Николая Цискаридзе и его юных учеников в балетной студии. Детские мордашки и счастливый мэтр: его ученики, как мои книги у меня… И развеселая ТВ-программа «Три аккорда». Хороши были Алла Рид с «Хавой Нагилой» и искрящийся комедийными красками Николай Фоменко…

И в заключение: жара, духота, ослепительное солнце, от которого не знаешь, куда деться…

28 июня — запись в дневнике озаглавлена «Ничего интересного». Сопровождал Ще в глазную в Мамоновский пер. Очередь на уколы по квоте 49 квотников… Вечером темно читать, по ТВ — галиматья, слушали свои диски — Танго с моими комментариями и очаровательную польскую

песенку «Пши каминку...». Международное сборище в Питере: «Форум во время чумы». Среди тем в прессе: уничтожают санкционные продукты с Запада — «Лучше свиньям, чем людям» («МК»). Комментарий Евгения Ямбурга о школах: «Змеиная отрава псевдопатриотизма»... Ушла жара. Плюс 15 и дождит.

1 июля — в «Новой газете» Юрий Пивоваров полемизирует с Владиславом Сурковым — с Сергеем Уваровым нашего времени. По ходу полемики Пивоваров вспомнил и Струве, который квалифицировал большевизм как «черносотенный социализм». Сурков в своих теориях за «долгое государство, что стоять оно будет во веки веков». Кстати, так же думали и коммунисты... В заключении публикации Пивоваров отмечает, что Сурков и публицисты «Завтра» видят в народе резервуар антизападных и антимодерных фобий. И не любовь, а ненависть, — хочется добавить от себя. И вспомним, что у славянофилов основной конструкцией была любовь. Ныне только ненависть!

3 июля — вышла «Литературка», и можно подверстать интервью Леонида Радзиховского под заголовком «Нельзя же все время хвастаться

бомбами». И подзаголовок: «Пора строить великую науку и великую экономику». Я и тоже считаю: пора! Только власть так не считает и занимается своими внутренними делами и геополитическими играми. Радзиховский пишет о нашей научно-технологической отсталости, что надо решать многие проблемы, «а не орать на каждом углу, что нас хотят захватить…». Увы, мы не великая держава, просто у нас есть великая территория и великое количество ядерных боеголовок, и мы надрываемся от «оборонного сознания». И что в итоге мы имеем? Радзиховский цитирует 66-й сонет Шекспира:

…Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живется богачу…

10 июля — держался-держался и начал рассыпаться, а можно сказать: рухнул. Рухнул вслед за Ще. Удручает, что даже газеты стал читать с трудом. Мелкий шрифт. А что будет дальше? «Карпе дием!» — говорили древние. Наслаждайся днем, сегодняшним днем и не тревожься за будущее. Вот так сам себя подбадриваю…

А тут еще ЧП: погибли 11 подводников, гидронавтов, элита морского флота, и все окутано тайной: пожар на глубоководном аппарате в

Баренцевом море. Руководители страны даже не явились на засекреченные похороны. «У руководства России не нашлось времени проститься с элитой флота» («Собеседник»).

9-го в рубрике «Свободная тема» публикация писательницы Лидии Сычевой «Осторожно, денационализация! Как российский народ превращается в население». Сычева пишет: денационализация народа российского, то есть утрата национальных особенностей культуры, языка. Его суть: «перемолоть» молодежь и детей, оравнодушить взрослых, погрузить в депрессию безнадежности стариков. Народ стремительно превращается в население, в дирижируемый электорат… Хищнически вывозятся богатства недр, вырубаются под корень леса. Свалки, пожары, наводнения, хищения, катастрофы — рутина наших дней… Уничтожение труда и возвеличивание порока «удачи», безнаказанности… и т. д. Сычева — одна из многих, кто кричит в голос: «Караул!» Со страной — беда. Страну расхищает кучка богатеев, мошенников, аферистов и предателей. И в былые века при царской России творились безобразия, только масштаб хищений и злоупотреблений был поменьше. И тогда кричали: «Караул!» мыслящие русские люди.

Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Лесков и многие другие, разве не об этом кричал в отчаянии Иннокентий Анненский в стихотворении «Петербург»:

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были…
…Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки…
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознанье проклятой ошибки…

Прошел век с гаком и то же отчаянье. Жуткое наводнение в Приангарье. Газеты пишут: Приангарье смыло. Что дальше? Один лишь совет по пупсику Медведеву: «Денег нет, а вы плывите…»

Комментарий Дмитрия Попова в «МК» (4 июля): «Две России. В одной — пустующие деревни, в другой — бесчисленные дворцы и резиденции. В одной — рабочие и инженеры с нищенской зарплатой, в другой — управляющие и эффективные менеджеры, собачек на самолетах катающие…»

23 июля — в один из дней приходила кор-

респондентка «ЛГ» Юля (1987), выпускница Литинститута. Интервью. Неинтересные вопросы — неинтересные ответы. ТВ громко отметило 85-летие Ширвиндта, и сразу померк Юрский. Ширвиндту досталось славы больше всех артистов. Он, Державин, Андрей Миронов — все из роддома Грауэрмана, мы все из одной купели…

31 июля — после жары на Москву налетел арктический северный циклон, и сразу всего лишь +10 — и это июль! Это погода, а политика! Безумные правоохранители сажают граждан за все: за булочки с маком, лайки, пропаганду, научные работы, за искажения, распространения, умаление, оскорбления, призывы, за покупку заграничных лекарств, которые Россия не производит и которые помогают выжить больным на грани смерти. Осатанелое запрещено! Верботен!.. А в субботу 27-го силовики разогнали манифестантов за честные выборы. Карусель арестов. Полторы тысячи задержанных. Художник и психиатр Бильжо по «Эхо» оценил действия «космонавтов» — полицейских в шлемах, как обыкновенных садистов, людей с психическими расстройствами. Нацгвардейцы рьяно защищают власть от протестов и народного негодования… Сплошные Мочилово и Винтилово. А Владимир всея Руси 27-го опу-

стился на дно в каком-то батискафе и наблюдал за жизнью на морском дне. На дно российской жизни он заглядывать не хочет, а тут интересно дно морское, экзотика!..

А пока главный человек передвигался на батискафе от подводной лодки «Семга» по дну Финского залива, умер Владимир Мурза-старший, «солдат демократии», всего лишь в 59 лет. На его здоровье явно повлияло отравление сына, Владимира Кара-Мурзы младшего.

Сегодня в «Новой газете» главная тема в интервью Глеба Павловского о перманентном транзите власти «Наша система всегда может рухнуть, но не рушится».

10 августа — чуть не попали под разводку: срочно менять трубы, ветеранам скидка — 26.900. Интеллигентный разводчик, который по ходу уговоров напевал Заболоцкого: «Не позволяй душе лениться…» Но я решил: не позволяй попасть в обманы! И резко сказал «нет!».

Занимался верстской «Мужских игр»: рукопись давно болтыхается. В ней лучшие материалы: Фаддей Булгарин и Казимир Малевич. У Константина Симонова Мария сама сократила весь поздний симоновский антисталинизм.

Как всегда, вздрагиваю от очередных утрат. В 82

года ушла певица Александра Стрельченко. Хотела, чтобы и с ней простились в зале Чайковского — странное желание. Поэт Тихонов в «Балладе о гвоздях» писал: «Не все ли равно, лежать где…» В 86 лет не стало Вилли Токарева (он Вилен — от Владимира Ленина). С 1934-го, родился в Адыгее, казак с пышными усами. «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой…» И еще про жизнь: «Было мрачно в ней, было и радужно… Мне грустно в ней было и радостно». Вилли сам писал тексты и мелодии. Пел про себя и про трудности, в которых приходилось выживать.

Ну, а наши ура-пропагандисты с подачи Кремля к чему готовят подрастающее поколение? Любить родину, защищать родину, ненавидеть врагов, в том числе и Украину, и, разумеется, геройски погибнуть. Вот горизонты жизни:

Когда в твоей защите будет
Нуждаться родина твоя…
…Ты на ее защиту встанешь,
И в руки ты ружье возьмешь,
И будешь защищать Россию,
И, может, за нее падешь…

Корявые строки с безжалостным злодейством:

ты не человек, не личность, винтик и гвоздь для скреп родины. Фу! В «МК» карикатура: мальчик на горшке с вопросом: «А там есть: поживи за Россию?» В чекистско-милитаристском катехизисе только одно: «Смело ты в бой падешь…» И вся доля.

26 августа — 20-го с удивлением рассматривал обложку книги «Мужские игры». Привлекательная. Молодая женщина в белом длинном платье с задумчивым лицом, а наверху — в небесах? — знакомые лица: Эйнштейн, Блок, Бернард Шоу, Экзюпери, Хемингуэй… А потом — переверстка (потеряли Володина и Слуцкого)… 23-го приходил корр. из газеты «Сокол», Дмитрий, переехавший из Томска в Москву. Подарил ему книгу «За кулисами шедевров». Он зашелся в восторге…

Про нездоровье Ще и свое плохое самочувствие умолчу. Деревья заметно пожухли. Скоро осень…

8 сентября — нельзя сказать, что я погружен в политику, но я ею интересуюсь, в основном «Эхо Москвы» и несколько левых или нормальных газет, типа «Новой». Критики бьют прямой наводкой по власти, а она огрызается и делает то, что ей угодно и надо. Рогозиновщина — полный провал в космосе — все это уже навязло на зубах.

Вот только один номер «МК», 5 сентября — доктор и профессор Евгений Гонтмахер, только заголовок и «Диагноз: паралич государства. Симптомы болезни: раздутость, прожорливость, назойливость, неприятие критики». Далее подробно и как лечить. Но вопрос: а поддается ли современная Россия лечению, когда все разъето метастазами самодержавия и тоталитаризма, и старыми болячками Российской империи…

Лучше о своих книгах. 26-го отвез переверстку «Мужских игр» и получил набор первой части воспоминаний и дневников, 30–60-е годы, 200 стр. Сразу стал читать, и ощущение: книга получилась, и не то что первая куцая самоиздатская «изумрудная книга» (как я ее называю). Интереснее, полнее и ярче. Дай бог выйти этому трехтомнику. Прочитал первый набор и вновь к 3-му тому в июль 2005-го.

На открытие книжной ярмарки на ВДНХ не поехал, а поехали с Ще в субботу, 7 сентября. Увидели и получили 2 экз. (!) «Мужских игр на все времена», на книжке тираж 300 экз., а на самом деле сделали тираж 50 экз. к ярмарке. Мизер мизеров. Продавали по 400 ре. За полчаса подписал 4 книги. Итак, 40-я книга! И 5-я (?) совместная с Ще, уже начал путаться. Никакой пресс-конфе-

ренции, никаких визгов. Покрутились, устали и покинули 75-й павильон и попали в жуткую толпу идущих или возвращающихся с концерта какого-то певца или певички. Какая-то мамаша с коляской наехала на мою ногу, чем окончательно испортила полукнижный праздник.

Ну, а как живут другие писатели, крупняки, Радзинский с Варламовым, Акунин с Веллером, и прочие пупкины?

7 сентября в «Субботней встрече» в «МК» большое интервью с Сергеем Бабаяном, я его знать не знаю и, кажется, о нем и не слышал. А он прогремел романом «Господа офицеры» (1994) аккурат с моей первой книгой «От Рюрика до Ельцина», только мне этот Бабаян не ровесник, он родился 5 июля 1958 года, моложе моей дочери на 4 года, москвич. Я его старше аж на 36 лет. Интервью так себе, с признанием «Было желание писать, как желание есть» (сравнение не эстетное). О себе Бабаян заявил: «Глубокий пессимист “по убеждениям”, был знаком с Александром Зиновьевым и упоен его фразой: “Власть кучки негодяев над толпой идиотов”». Любопытно, как, несмотря на разницу в возрасте, мы вышли из тени в одно время.

«У меня 90-е — это был расцвет. Прекрасно

жили, был творческий восторг — это самое главное», — признался в интервью Сергей Бабаян. А затем он испытал разочарование, впал в депрессию, что «все суета, и жизнь прожита, и какого черта, вообще говоря…». И вот интервью в «МК»: «Писатель, который не пишет» — «Бог в последнее время в меня ничего не вкладывает, то ли Бога нет, то ли я недостоин…»

Что, и такое бывает, господа офицеры! А я вот не останавливаюсь и благодарю Бога, что он дает мне вдохновение и мой интерес к жизни и литературе не угасает: 40 изданных книг! «Огненный век», «99 имен Серебряного века» и еще много серьезного и полезного. Но все равно — спасибо Бабаяну за откровенность, в отличие от многих не изображает из себя классика классиковича.

* * *

14 сентября — выдали залп: четыре публикации, правда, одна старая — 13 декабря 2018-го в газете «На Западе Москвы», но просто она попала в руки только в эти дни, в рубрике «Год уходящий оставим в памяти» — «Без страха, но с надеждой» с концевой фразой: «Русское “авось” авось и вывезет!» И фото… А в сентябре в газете «Мой район Сокол» — разговор с писателем Ю.Б. — «Все

гонорары тратил на путешествия» и подзаголовочек: «Жизнь среди книг» и о жене, о секретаре, помощнице и друге Ще. На фото Ще рядом с горой изданных книг — с пирамидой Хеопса. Еще один «На Западе Москвы», интервью, сентябрь 2019-го — «О “Дыме отечества” и “Черных квадратах”» (и представление «Мужских игр»).

И две публикации в самой важной газете — «ЛГ». Интервью, взятое Юлией Скрылевой, «Формула Вольтера» с подзаголовком «Культура — сердцевина национального менталитета» (4 сентября). На полосу с фотографией. Рассказ о литературных увлечениях, пристрастиях и о книгах об эмиграции русских поэтов и писателей. Один только пассаж:

«Я с детства был воспитан советской пропагандой, восхищался полетами Чкалова, пел пионерские песни. А когда начал читать классическую литературу, то поразился тому, что Достоевский, Тургенев, Гоголь и другие наши корифеи, по существу, описывали все, что неискоренимо в русском народе и русской власти…»

11 сентября «Литературная газета» в рубрике «Библиосфера. Глубокое погружение» дала обзор трех книг об эмиграции с заголовком «Туда без обратно» (хотя часть уехавших потом вернулись

на родину). Мила Яковлева (кто это? Не знаю) дала обзор по трем книгам: «Отечество. Дым. Эмиграция», «И плеск чужой воды…» и «Огни эмиграции». Обзор спокойный, обстоятельный и благожелательный.

В трехтомнике более 200 имен (точно так и не подсчитал) и поэтому выделены лишь несколько эмигрантов. Вот Владимир Смоленский, которого в России мало кто знает:

Какое там искусство может быть,
Когда так холодно и страшно жить…

Кто-то сказал, что самое удивительное в утопиях, что они сбываются. Мечтал ли я, работая в отраслевом журнале «СПК», что о моих книгах будут со временем рассказывать в «Литературной газете». И в различных газетах и журналах опубликуют более 100 интервью со мною.

Но отложим книги в сторону и вспомним, что было еще в том сентябре 2019-го. Голосование в Мосгордуму, мы с Ще дружно проголосовали за представителя «Яблока» Дарью Беседину… Но без книг никак: получил набор 70-х годов. Все очень даже неплохо, но ошибки: в упоминании Игоря Северянина вместо «рыбной ловли» — «рыбная лавка» и т. д.

Разочаровал сериал «Дипломат» по ТВ: о работе МИДа много хохм, но нет подлинной сатиры и сарказма. В главной роли Лазарев-младший.

19 сентября — и опять уходы: хорошая актриса Зинаида Славина из Таганки. А у Анастасии Заворотнюк диагностировали опухоль головного мозга. Не от этого ли диагноза ушли из жизни Жанна Фриске, Дмитрий Хворостовский, Михаил Задорнов… А вот Ксюша Собчак не боится смерти, более того, бросает вызов: и в ЗАГС с новым избранником Богомоловым отправились на катафалке. После Дворца бракосочетаний банкет в ресторане, где все официанты были в черном и в черных перчатках. Как прикольно! — восхитилась попса.

25 сентября — дома три машинки «Олимпия» и все три барахлят, поехали с Ще в Строгино к какому-то мастеру. У мастера набор машинок, включая дореволюционную 1904 года. Проблема решена. Увы! (немного попечатал на ней, и гопстоп! и снова я вернулся к старой «Олимпии» — 15 июня 2020 г.).

Трудный выдался год: оба недомогаем, в доме начался ремонт, слава Богу, косметический: фасад и подъезды, так и не вышел тираж «Мужских

игр». Заваливает любимое «Динамо».

А еще написал строки о буре харрасмента, поднявшейся в мире. Сотни женщин кричат «me too» — «И меня тоже» изнасиловали 10, 20 и еще более лет назад. И претензии, иски не к простым работягам, а исключительно к богатым звездам культуры и искусства. Под лавину обвинений попала и оперная звезда Пласидо Доминго. Я вдохновился:

Есть такая игра бинго,
Играет в нее Доминго.
Он любит любовные риски.
А в итоге – судебные иски.
Он с кофе снимает все пенки
И, о ужас! – хватает коленки.
А еще – невозможная дерзость! –
Попу гладит – а это уж мерзость!
Засудить негодяя надолго!
И заслать куда-то за Волгу,
Чтоб не было духа Доминго
И спокойно вздохнули
Маргариты, Матильды и Инги!..

Я показал стишки Марии, чтобы вставить в

«Мужские игры», но она сказала: перебор.

И еще по персоналиям. Пресса дружно отметила 85-летие Бриджит Бардо и Олега Басилашвили. Грубо говоря, Бардо мне до лампочки! А вот Басилашвили! Он прекрасно сыграл Бузыкина в кинофильме «Осенний марафон»: интеллигентного переводчика, сомневающегося и неуверенного и не знающего, как поступить, когда настал час выбора…

И мы с Ще почти горевали, узнав об уходе Жака Ширака, моего ровесника, и вспоминали, как мы в Париже подошли к Елисейскому дворцу и пытались уговорить гвардейца-охранника пустить нас во дворец, чтобы вручить президенту Франции книгу «Клуб 1932»… И, конечно, очень жаль ушедшего Марка Захарова, как написали в «МК»: «Мастер ушел, а Дракон остался». Это уж точно. Марк Анатольевич давно сражался с драконом, покусывал его, рычал на него, но все бесполезно: Дракон в России непобедим, он только меняет свою личину и риторику, а суть прежняя: людоедская, антинародная…

И еще один ушедший боец — писатель Вячеслав Пьецух, его последний сборник вышел в 2011 году. Жаль, что я не успел его прочесть. Его знали, читали, «но при этом почти полное непри-

знание» (у нас знают лишь распиаренных). Вот только одна цитата из Пьецуха:

«Надо что-то делать — зудит в голове.

— А надо ли?.. Пытаемся строить царствие Божие на Земле, а получаем краснознаменную империю и лагерь за колючей проволокой, размером в одну шестую часть суши. Боремся за свободу слова — получаем жулика и дурака в качестве гегемона. И так во всем. В России такая странная почва, что другой раз посеешь огурчик, а вырастет разводной ключ».

А еще сажают одиноких пикетчиков за плакаты «Правительство в отставку», и тут же строки: «Сидят в России два пикетчика / и выйдут, видимо, нескоро…» Ян Сидоров и Владислав Мордасов.

Кого-то сажают, а где-то идет капремонт, и рабочие в люльке нависают над окнами, красят фасад нашего дома и заглядывают в окна, как кадры из какого-нибудь триллера или фильма ужасов. Но я не ужасаюсь, я закончил чтение набора 80-х годов. И жду корректуры с исправлениями (и долго ждал, в марте 2020-го нагрянула пандемия коронавируса, и все издательское дело заглохло «В ожидании Годо» по Беккету — 16 июня 2020 г.).

Да, забыл написать, что в библиотеке им. Платонова рассказал некий апокриф, литературный

анекдот, опубликованный как-то в «Экслибрисе» и подправленный мною.

Притча об Андрее Платонове

Москва, флигель в Доме Герцена на Тверском бульваре. На узкой площадке двора пацан забавляется с мячом, неуклюжий удар, и мяч попадает в окно. Звяк стекла. Выбегает разъяренный дворник и пытается схватить пацана за шиворот, тот уворачивается и убегает. А на бегу паренек думает: на фига мне эта дурацкая игра в одиночку с мячом и этот придурковатый дворник, лучше сидел бы дома и читал бы своего любимого Хемингуэя, про «Снега Килиманджаро», или, наконец, разобрался: по ком звонит колокол… Эх, хорошо быть Хемингуэем, жить на Кубе, пить ром, ловить тунца в океане и писать замечательную прозу…

А в это время… Эрнест Хемингуэй на Кубе сидит за письменным столом своего дома и думает: как мне осточертела эта жара, этот Остров свободы, эти негры, эта идиотская рыбалка. И разве можно в тропиках написать что-нибудь настоящее? Вот был бы сейчас в Париже, как мой любимый писатель Андре Моруа, среди куртизанок, ходил бы смотреть на девочек, задравших ноги в канкане,

пил бы шампанское и писал бы захватывающие книги, типа «Три Дюма», а не свою психологическую ерунду.

А в это время… Андре Моруа в Париже, на Монмартре, обнимая кокотку и попивая шампанское, думал: как мне надоел этот шумный Париж, который не является праздником, как считает Хемингуэй, эти тупые дамы с камелиями, эти венерические болезни… Как здесь можно написать что-то настоящее, социально трагическое. Вот если бы я сейчас я находился в заснеженной Москве, в нищей России, в городе сорока сороков, как мой любимый русский писатель Андрей Платонов, то я создал бы такие шедевры, как «Котлован» или «Чевенгур»…

А в это время… Андрей Платонов гонялся по двору за пацаном с метлой и, надрываясь, кричал: «Догоню!.. убью!..»

У каждого писателя своя судьба и своя тайная литературная зависть к коллеге по перу.

* * *

Что-то забыл из октября. 22-го были в ЦДЛ на вечере двух поэтесс: Светланы Комраковой и какой-то ученой дамы Ирины С. У Светланы стихи нормальные и простые, а у дамы — выспренные,

натужные и пафосные, и какой-то человек (профессиональный клакер?) после каждого стиха кричал «Браво»! А потом ведущий в прениях вызвал меня, «публициста и писателя», я выступать отказался. «Хвалить одну и ругать другую?» — тоже не годится, а потом дома долго объяснял Светлане, почему я не выступил…

Дочитал «Кюхлю» Тынянова и не мог вспомнить, писал я о нем или нет (при моих объемах это сложно), и, можно сказать, заново написал 3 странички (единственный авторский материал за 2019 год? Н-да…). По ТВ вспоминали режиссера Плучека, как его американский брат Питер Брук сказал нашему Плучеку: «У тебя украли мировую славу…» У кого украли, кому недодали, кого загнали в угол, а кого и вовсе ликвидировали. Великая страна, великая культура…

И не забыть бы про «Новую газету», которая в рубрике «Любимые люди» отметила, что 20 сентября — 20 лет со дня смерти Раисы Горбачевой. Жены первого и единственного президента СССР. «Такая, как была» — очень теплый материал. О Михаиле Сергеевиче: «Ему было уже к 70-ти, но он по-прежнему был влюблен в Раису Титаренко, и никогда не скрывал этой любви…»

«К 1980-м годам советским гражданам было

ясно, что классовая структура их общества далека от провозглашенной ранее схемы 2+1: рабочие, крестьяне и прослойка интеллигенции. Есть новые элиты, новая аристократия, которая на фоне скудного быта раздражала неимоверно…»

В 1997 году был создан «Клуб Раисы Максимовны», в котором и мне удалось поучаствовать…

«Новая газета» вспомнила жен всех вождей. Ленин — Надежда Крупская и плюс никуда не денешься — Инесса Арманд. Сталин и Надежда Аллилуева, погибшая от выстрела в сердце из немецкого пистолета «Вальтер» в 32 года. Самоубийство или убийство?.. Далее Нина Хрущева, знавшая 5 языков, но об этом мало кто знал, ибо в те годы у нас не было понятия «первая леди», и жена Хрущева выглядела как бабушка… Супруга Леонида Ильича — Виктория Брежнева никогда не выходила на авансцену и позиционировала себя как домашняя хозяйка… Жена Андропова — почти тайна. В итоге сошла с ума… И вот Раиса Горбачева, дочь железнодорожного инженера, золотая медалистка, тайно крещенная. Светская женщина, интеллигентная и достаточно образованная. Она вызывала раздражение у кремлевских жен и простых домохозяек… Русская провинциальная интеллигентка — так опреде-

лил ее Юрий Рост в «Новой».

31 октября — Татьяна Королькова пригласила в Дом русского зарубежья на выставку «СССР и правозащитное движение». 25-го поехали. Сам сбор по каким-то причинам задержался, и мы с Ще осмотрели только выставку фотографий. Симпатичный почти юноша Вадим Делоне, один из моих героев в томе «Эмиграции». И другие одухотворенные открытые лица. Татьяна предложила поехать во Владимир на Шульгинские чтения. Заманчиво, но как все запоздало — лет бы 20–40 назад обязательно поехал, а сейчас: ноги, глаза, силы… Точнее, хватает сил лишь на печатание третьего тома «Двухтысячные…» и добавил материал «Знаменитые австрийцы: от Гайдна до Йозефа Рота».

По ТВ у Сати Спиваковой была Ольга Окуджава, вдова, и с горечью сказала, что ее давно не приглашали в эфир. А все потому, что Булат не в чести у нынешней власти: в окуджавских песнях ей слышатся намеки: «А по полям жиреет воронье…» Другой гость Сати — Юрий Рост добавил, что Булат Окуджава был живой, творческий человек, сомневающийся, а таких власть не любит. Любят верных и молчаливых. Молчалина, а не Чацкого, — это уже я добавляю. А Рост процити-

ровал Брэдбери: хорошо, когда есть человек, кто может перевести за руку через темную ночь. Да, Булат — проводник в глухой темноте…

9 ноября — сегодня день какого-то единения — придуманный праздник взамен 7 ноября. Глупая историческая придумка о давних контрах с поляками. Даже исторические памятные дни не могут выделить. А у нас свой праздник — 3 ноября нашему с Ще союзу о-го-го!

Пятьдесят два. Пятьдесят два!
Зачем нужны еще слова?..

Растрогала Людочка, приславшая по международной доставке из Нью-Йорка шикарный букет из темно-красных роз, кремовый вкуснейший торт, коробку шоколадных конфет «Ферреро» и поздравительную открыточку.

Браво, Людочка! А на бис можно чего-нибудь еще? Ну, конечно, шутка.

Дома вкусно кушали, хотели поехать на Никольскую погулять, но остановил дождь, и вечером довольствовались телевизором. Благо показывали документальный фильм о Вертинском. «Вы сегодня нежны, / Вы сегодня бледны, / Вы сегодня бледнее луны… / Вы читали стихи, / Вы считали грехи, / Вы совсем как ребенок тихи…»

Это начало одной из ариеток Вертинского, написанной в 1927 году в Польше. И далее:

В синем и далеком океане,
Где-то возле Огненной Земли,
Плавают в сиреневом тумане
Мертвые седые корабли…

Кадры хроник с Вертинским — хорошо, а комментарийный ряд — ужасный! Жизнь великого артиста раздели на три части, молодые годы представил какой-то молодой журналист, который умудрился сравнить Вертинского с Остапом Бендером, что может быть глупей?.. Андрей Макаревич рассказывал о заграничном периоде и лепетал что-то банальное. Ну, а заключительную часть Эдвард Радзинский со своим захлебывающимся смешком и искрящимися глазами. Короче, бездарно. Я бы все сделал лучше и изящнее, но… Кое-что на ТВ я сделал (программы «Академия любви» на «Дарьял-ТВ», фильм о Марлен Дитрих), но развернуться не дали, пробиться сквозь сомкнутые конкурентные плечи не удалось…

А разве я такой один? Сотни, тысячи способных людей не смогли себя реализовать. И ушли, так и не добившись того, что хотели и могли бы сделать. Умер Владимир Буковский, диссидент

с большой буквы, он мог бы быть прекрасным президентом новой России. Демократ, гуманист, но его не пустили, а связали по рукам и ногам. А никому не известный чекист шагом уверенного Штирлица из «Семнадцати мгновений», благодаря правящей элите, уверенно вошел в ворота Кремля… Режиссер Сергей Газаров, поставивший «Ревизора» в «Табакерке», вопрошает: «Почему мы все время верим идиотам, и они делают нашу жизнь, то есть решают за нас, нас и не спрашивают?» Наивный вопрос, ответ в нашей отечественной истории… Комментарий Дмитрия Попова в «МК», 7 ноября: «Мы ждем перемен». «Мы ждуны перемен». Все ждем. Еще в 1986 году в Питере на рок-фестивале прозвучала песня «Перемен!» со словами: «Перемен требуют наши сердца. / Перемен требуют наши глаза…» И вот сегодня все та же позиция: по Попову, мы — ждуны перемен! Журналисты надрываются в крике. Нормальные журналисты, а лизоблюды заходятся в восторге от нынешней жизни, как сладко, как сытно, как хмельно, и Крым наш!..

Умер Лев Аннинский. Он с апреля 1934-го, но я воспринимал его как престарелого старца. На мое предложение вести ТВ-программу «А и Б в литературном кафе» он так и не откликнулся.

Жаль, конечно…

В некрологе в «Новой» Аннинского назвали «фехтовальщиком». Я тоже фехтую и укалываю. Сам Аннинский назвал себя «литературным поденщиком», но, кажется, больше заседал в литературных редколлегиях, чем писал. По книгам, по статьям и прочему лит. творчеству я, наверное, обошел Льва Александровича. Но он — мэтр, а я… «Летописец Огненного и рыцарь Серебряного века», как кто-то в массмедиа определили меня.

Ба, забыл! 7 ноября мы с Ще поехали на Кутузовский проспект, 24, в библиотеку А.Н. Толстого (до разоблачения культа личности — им. Сталина). Массивное здание с подвальным помещением (бомбоубежище?). Там оборудован небольшой зал для творческих встреч. Вошел и обалдел: на экране что-то смонтировано из моих выступлений и фотографий — творческий путь. Тихо загордился. Выступал часа полтора и отвечал на вопросы. Все прошло на уровне. И букет в конце вручили, и в такси посадили, и оплатили… А я ехал и вспоминал, как где-то совсем рядом, на первом этаже жилого дома на Студенческой улице, я работал в редакции журнала «СПК» и не мог помыслить, что стану писателем. Ходили с Половиком в обеденное время в книжные магазины и

лишь листали с восхищением чужие книги…

Это было 19 сентября, а 23-го в «Новой газете» выступал Александр Минкин с предложением «Распустить бы Росгвардию», ибо «она защищает интересы не народа, а власти от народа».

Еще одна заметная публикация — «МК», 6 октября, в рубрике «Игры патриотов» — Алексей Каманин «Криминальное чтиво». На тему: от русской классики до Конституции России, везде можно найти экстремизм. И ненависть к неправедной власти: «А вы, мундиры голубые?..» Даже у невиннейшего Аполлона Майкова есть строки-обвинения:

Бездарных несколько семей
Путем богатства и поклонов
Владеют родиной моей,
Стоят превыше всех законов,
Стеной стоят вокруг царя,
Как мопсы жадные и злые,
И простодушно говорят:
«Ведь только мы и есть Россия!»

И какой контраст по сравнению с «МК» газета «Завтра» (6 ноября). Передовая Александра Проханова — «Время зажигать звезды». Удивительный

компот: пафос, восторг и в то же время критика: «Ненависть бедных к богатым растет. Богачи куражатся своими яхтами, пирами, непристойностями...»

И оптимистическая концовка: «Кто будет тем, кто войдет в потемневший храм русской истории и вновь зажжет погасшие лампады, поставит сияющие свечи! И мы вновь ощутим себя причастными к русскому чуду, к Русской мечте, к восхитительной бесконечности».

Какой это фантазер г-н Проханов! Ему бы лучше сходить в музей и посмотреть на серию гравюр Альбрехта Дюрера «Апокалипсис». Там и мечта, и бесконечность, и все прелести Эдема. Впереди тупик, обрыв, пропасть, бездна...

Отбросим грядущие ужасы и кошмары, а зададим простенький вопрос, который задала Юлия Калинина в «МК», 22 мая: «Что с Россией будет после нефти?» Пока аналитики и прорицатели чешут репу, продолжим хронику.

17 ноября — неприятное эхо от электронных книг: никаких денег от «ЛитРеса» не получал, а уже грозят какими-то санкциями. И пришлось ехать на 2-ю Звенигородскую улицу выяснять, что и как. Вместо чтения электронных книг одни неприятности, но тем не менее спокоен, а Ще

в нерве. Поликовский в «Новой» 13 ноября вопрошает: «Как в стране с нефтью и алмазами, в стране, тратящей миллиарды на войну и пропаганду, пособие по безработице 1500 рублей?..» А в Германии — 919 евро (64.702 ре по курсу 12 ноября), в Греции — 359 евро и т. д. Низкие пособия, пенсии, зарплаты, как написал Поликовский: «Плевок. Презрительный, спокойный плевок в страну…» и ответная реакция: «Набухает угрюмое отчаянье…».

И если бы одна Россия, бушует весь мир: Чили, Эквадор, Ливан, Боливия, откуда был вынужден сбежать президент Эво Моралес, «желтые жилеты» во Франции, страсти-мордасти в Гонконге и далее по всем меридианам. А я все это пишу под жужжанье пылесоса: в квартире убирается соцработник из синагоги Ольга из Оренбурга. Ощутимая помощь Ще, но не от российской скупердяйской власти, а от каких-то богатых американских евреев, да еще немного денежек для магазина «Пятерочка» подкидывают. Ну, а родная власть все усиливает патриотическое воспитание: любите Россию и умирайте за Россию! Чуден Кремль при ноябрьских звездах!..

20 ноября — приезжала бригада с ТВ-канала «Звезда» с просьбой рассказать о Поле Гогене, как

он совращал малолеток в Океании. Подавай скандалы и сенсации. Защитил Гогена и вспомнил вообще положение женщин по Вознесенскому: «Бьют женщину», «Бьет женщина».

Бей, женщина! Бей, милая! Бей, мстящая!

Вмажь майонезом лысому в подтяжках.

Бей, женщина!

Массируй им мордасы!

За все твои грядущие матрасы…

(1964)

7 декабря — вчера поехали на нон-фикшн по новому адресу — Гостиный двор посередине Ильинки с загибом в Хрустальный переулок, здание, построенное Кваренги после пожара 1812 года — купеческое раздолье: склад и продажа товаров. Смешно: со стороны Хрустального в здании находилась Центральная контора Мосхлеботорга, где я некоторое время работал в качестве бухгалтера, весьма далекого от литературы. И вот книжная ярмарка. Толпы народа. Билеты дорогие, пригласительного нет, и я с книгой «Эмиграция» в руках иду напролом: «Пропустите

старого писателя!» И прошел вместе с Ще.

Огромный зал, сотни стендов и секций, море книг, а я все никак не мог отделаться от воспоминаний, что где-то тут (помещение Гостиного двора было раздроблено на разные конторы) сидел с другими бухгалтерами, занимаясь черт знает чем, и ходил обедать в ГУМ, на 3-й этаж, в столовку, где было невкусно и противно. Затем переезд на ул. Горького в булочную-кондитерскую № 5 и 28 декабря 1960 года подписанное заявление об уходе из Мосхлебторга — из бухгалтеров в редакторы. Ну, а ярмарка — как ярмарка. «Никитских ворот» нет: не потянули аренду. Моих книг нигде не видел, и без сожаления покинули нон-фикшн Гостиный двор — 2019. А может быть, книги уже не нужны и, как написала газета «Культура» (25 октября): «Самая читающая в мире нация уткнулась в смартфоны…» Там — интерес и знания, а книги — уже что-то побочное, дополнительное, предмет для нового явления — буккроссинг — предлагают, передают, сплошная движуха…

С Ильинки перешли на нарядную Никольскую (и опять же: и тут я работал на Никольской, тогда ул. 25 октября, в редакции газеты «Лесная промышленность» — 50 лет тому назад).

12 декабря — не только нет сугробов, но и ни снежинки, ни льдинки. Европейская зима, +3. Тормозится процесс издания первого тома «О СССР — без ностальгии». Читаю 2-й том 90-е годы Ще, она сама читать не может. И делаю 3-й том. Одолевают всякие бытовые проблемы. Евг. Гонтмахер: «У нас тяжелобольное общество, которому придется вызывать скорую помощь» («Новая газета», 6 ноября). Александр Ципко: «В ожидании русского Нюрнберга. Почему ни одна политическая сила не заинтересована в декоммунизации страны» («МК», 15 ноября). Философ Анатолий Яковлев: «Развитой экзистенциализм»: «…наряду с бытовым идиотизмом фигурируют моральная деградация, профнепригодность, воровство, культ насилия, войны, милитаризм, мания величия, верховенство бесправия, торжество беззакония, неприкрытый садизм, охота на ведьм, систематическое унижение человеческого достоинства, преследование инакомыслия, подавление личности и свободы самовыражения, наконец, последовательное искоренение публичности как таковой…»

Да, картина маслом!.. И как жить в России с этим режимом, с этими родовыми пороками?..

Умер Юрий Лужков, мэр столицы, в «Новой»

Глуховский написал текст «Волшебный город моей юности» и о Лужкове, при котором «Москва разбогатела, оборзела, украсила себя и изуродовала, как могла».

А вот их новый герой — 21-летний студент «Вышки» (Высшей экономической школы), которого взяли практически ни за что, но уже храбрый и явно умненький Егор заявил:

«Страна исчезает, страна уходит, а мы, оппозиция, варимся в собственном котле… Я не хочу дорваться до власти, чтобы воровать там… я хочу жить в стране со счастливым населением. И я хочу, чтобы это была Россия… Ответственность и любовь. Это мой Проект…»

Так думают и так хотят жить многие молодые. Но у царя-батюшки, царя Горы, иной подход, и на возмущение митинговавших, одного из них арестовали за то, что он бросил пластиковый стаканчик в росгвардейца, мистер Пу заметил: «Бросил пластиковый стаканчик — ничего, потом пластиковую бутылку — опять ничего. Потом уже бросит стеклянную бутылку, а потом и камень, а потом и стрелять начнут и громить магазины. Мы не должны допустить этого…»

Потрясающая логика. Никаких погромов и стрельбы нет, но вот полетел пластиковый ста-

канчик, и хозяину Кремля уже видится что-то ужасное, российский Майдан. Следовательно, за мысли в голове, за намерение, которое ему чудится, надо непременно сажать. Людоедская логика страха. И вот новое «Московское дело» за готовящееся в головах у молодежи восстание. Шаман, отправившийся в Москву, тут пластиковый стаканчик в росгвардейца, — какой ужас, — и липкий страх у правящей элиты.

20 декабря — и опять о том же. А есть люди, мужики настоящие, не пластиковые стаканчики бросают, а держат в руках автомат и… ясно, что значит «и». Один из таких — писатель и воин Захар Прилепин, который о себе говорит без стеснения: «Я всегда был крымнашист и имперец… Я прослужил два года в Донбассе…» Захар Прилепин и Егор Жуков — два полюса современной молодежи. Егор Жуков на суде процитировал Радищева: «Я взглянул окрест меня — и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала».

Что добавить? У Минкина в «МК» есть рубрика «Лучше не думать» — это точно. Последний текст из этой рубрики (16 декабря): «Сталин и мы» с обильным цитированием документов: сослать, изолировать, уничтожить «врагов народа» и членов их семей, включая детей…

Сталин — злодей мирового масштаба, а еще есть тысячи и миллионы маленьких злодеев и тиранов. 3 декабря «МК» представил одного из них: Олег Соколов, доцент-расчленитель из Петербургского университета. Убил, расчленил молодую аспирантку Анастасию Ещенко, с которой сожительствовал. И останки бросил в Мойку… В СИЗО, куда его поместили, доцент, большой поклонник Наполеона, признался, что мечтает написать книгу о своем преступлении. О, сколько монстров, чудовищ и убийц-садистов ходит по земле. И зло человеческое неискоренимо. Но по сравнению с этим и конформизм — явно меньшее зло, хотя и оно — зло. Тут показали «Конформиста» по ТВ, и Жан-Луи Трентиньян блистательно показал сущность конформизма. От измены идеалам к соглашательству, предательству, служению системе и конечный пункт — преступление…

Как не вспомнить вторую мою книгу, написанную в соавторстве с Виктором Черняком, — «Терра детектива», сделанную в форме календаря по годам и дням — «Всемирные злодеяния, истории преступлений, преступников и жертв» (по существу, мини-энциклопедия мирового зла). 430 стр., тираж 50 тыс. экз., в качестве иллюстраций — гравюры Дюрера. Книга, которая проходила по

криминальному сценарию: деньги, выделенные неким бизнесменом, были украдены, и вопрос об издании опасно повисал, и все же книга, вопреки злодейству, вышла, и я дал себе слово: никогда больше не связываться с мировым злом и с чужими деньгами. А мировая история после выхода «Терры детективы» за четверть века пополнилась сотнями громких и ужасных преступлений, катастроф и всевозможных ЧП с гибелью многих сотен тысяч людей…

После «Терры» я резко перешел на любовную тематику: «Любовь и судьба», «Вера, Надежда, Любовь», «Налог на любовь» и работал над энциклопедической книгой «В садах любви», издание которой очень напоминало детектив…

Не надо смаковать никакие преступления, никакую агрессию, не надо смертей и крови. Лучше разбираться в биографиях знаковых людей (новый возлюбленный жанр: мини-ЖЗЛ).

И маленький примерчик. Был такой русский композитор Анатолий Лядов (1855–1914), он сочинял в основном миниатюры — фортепианные и оркестровые. Дягилев заказал ему написать балет «Жар-птица». Лядов дал согласие и написал в письме заказчику, что накупил для написания много нотной бумаги. Накупил, но музыку так

и не сочинил, вместо Лядова это сделал Игорь Стравинский, и его «Жар-птица» была с грандиозным успехом поставлена в Париже в 1910 году. Вот такие миленькие творческие истории мне по душе…

31 декабря — весь декабрь был бесснежным и сухим. Лишь 30-го выпал снежок и пока лежит, но уже накрапывает дождь и +3. В разные дни декабря были резкие колебания погоды с установлением новых рекордных значений, до +6. Почти все декабрьские дни были серо-темные, малопроглядные, давящие на психику.

Из малозначительных событий: водопроводчик Дима менял кран на кухне, 3800 кран, работа — 1500, цена примерно 10 моих книг об эмиграции. Но уже поздно уходить из писателей в водопроводчики. Замшеву в «ЛГ» отдал Дневник 90-х, предложив ему сделать выборку «30 лет назад — начало распада СССР»…

Весь год какой-то парад покойников, последняя — Галина Волчек. В списке ровесники Жак Ширак, Мишель Легран, а еще Элина Быстрицкая, Сергей Юрский, Марлен Хуциев, Данелия, Вилли Токарев, Карел Готт, Владимир Этуш… Можно целую книгу написать, объединив их всех, но не буду. Бррр!.. Год выдался много драматичный:

аресты, посадки, катастрофы, силовики резвились на арене жизни, явление экологической правозащитницы Греты Тунберг, пожар Нотр-Дама. Российский «триумф»: женщина, целующая поезд, проехавший по новому возведенному Крымскому мосту. Наезд на Польшу и т. д. и т. п.

Краткие творческие итоги 2019

Книги. «Мужские игры» — совместная с Ще — тянулась долго, 7 сентября на книжной ярмарке подписывал первые экземпляры, вместо анонсированных 300 экз. выпустили лишь 50, а остальное «потом». Продавали и «Огни эмиграции», дополнительный тираж или остатки первого? Не понял… И занимался 3-м томом дневников.

Две публикации в «Литературной газете»: 4 сентября — интервью «Формула Вольтера» на полосу, и 11 сентября — рецензия (а точнее — представление) трехтомника «Эмиграции».

Еще рецензия 13 сентября в газете «На Западе Москвы» — «О “Дыме Отечества” и “Черных квадратах”» с фрагментами интервью и фото «барбоса» с книгой. И в газете «Мой Сокол» — «Все гонорары тратил на путешествия» с фото: Ще на фоне книжной пирамиды книг Ю.Б. и А.Б.

И в конце года звонок читателя-книжника из Самары: с трудом достал «Огни эмиграции» и пребывает в восхищении от книги…

Три выступления в библиотеке им. Платонова — два в апреле и еще 5 октября на Платоновских чтениях. Букет и грамота.

7 ноября — библиотека им. Алексея Толстого на Кутузовском проспекте,

Помимо 3-го тома, сделал одну-единственную фитюлечку про Кюхельбекера на основе книги Тынянова.

И все! Негусто, но для 87 лет неплохо. Закончено 22 июня 2020 года.

Дневник устал

Серьезный читатель наверняка помнит историческую фразу матроса Железняка, сказанную им в январе 1918 года участникам Учредительного собрания: «Караул устал!» На этом большевики закончили демократические игры и установили диктатуру пролетариата в России. Позволю себе аналогию и скажу свое заключение: «Дневник устал!..» Я, стоящий на карауле в истории, одиночный летописец, устал вести дневниковые записи неделями за неделями, год за годом. Эфиопская это работа, скажу я вам, ребята! Лучше не писать

хронику дней, не фиксировать события, не размышлять и не давать оценки… Лучше порхать по жизни и ловить сачком бабочек, хотя ныне и бабочек нет, и сачки вне употребления. Только кнопочки, клавиши различных электронных устройств, и, соответственно, дневник без надобности. Анахронизм. Бигмак лучше дневника и вкуснее…

Три книги воспоминаний и дневников написаны. Начал с 30-х годов и решил сказать «стоп!» в 2019-м. Без малого 90 лет. Это о-го-го! Не фунт изюма! Это нечто! К концу записей сильно устал, надорвался, замучили болезни, недомогания, возрастное обессиливание. Встать утром с постели тяжело, а уж нагнуться и завязать шнурки на ботинках — маленькое приключение. Со стороны это выглядит комично, но мне не до смеха. Доживите до 90 лет, и вы будете мне сочувствовать. В преклонном возрасте трудно заставить себя сесть за пишущую машинку и набирать придуманный тобою со скрипом текст. Выйти из дома и доехать до редакции какого-нибудь издания — вообще проблема.

Об этих возрастных ощущениях я написал книгу «Плач по возрасту», издал за свои деньги, 100 экз., раритет! Часть продал на своих вечерах,

часть раздарил, и пусть теперь коллекционеры побегают и поволнуются за этим «Плачем». Изящная книжка в 459 стр., изданная в 2013 году. В ней много собрано интересного: и имен, и судеб, афоризмов и стихов. Короче, плач и стенания, но при этом много утешения, юмора и иронии. Как заметила американская писательница Гертруда Стайн: «Внутри себя все мы одного возраста».

А вот мой любимый Саша Черный:

Нет – так нет. Паркет и стены,
Посреди коробки тесной,
Словно ерш на сковородке,
Обалдевший человек…

А вот Константин Бальмонт, краса Серебряного века, прожил 75 лет, познав эмиграцию, болезни, одиночество и нищету:

Отшумели, как в сказке, погони,
Больше нет мне вспененного бега.
Где мои распаленные кони?
У какого далекого брега?

Ну, и последнее: строки Андрюши Вознесенского, как удар молотком по голове: «А итоги всегда печальны, даже если они хороши».

Короче, найдите «Плач по возрасту», прочтите, вникните — не пожалеете.

Ну, а я в этом 3-м томе воспоминаний и дневников ищу заключительный аккорд. Мажорный, светлый, моцартианский. Что может быть лучше путешествия по Европе (не всем они удались, но те, кто побывал в странах эпохи Возрождения, высочайших Искусств и благородного Гуманизма, тот счастливый человек). Лично я обожаю Европу и испытываю удовольствие от воспоминаний, как мы с женой побывали во многих исторических знаковых местах от Рима до Парижа.

Комментарий. Что сказать спустя годы? Типичная советская безнадега. Нет творческой свободы, все перекрыто, занято, схвачено, и нет возможности заявить о себе. Да еще вопрос, с какой темой? Художественно очертить советский образ жизни? Но мне хватало и радиовосхищений. А хотелось иного: обжигающей правды, запредельной откровенности, перейти за запретные флажки. Но тут полный стоп, как говорят в народе: «Да кто же тебе это дасть?..» Разумеется, нет. Отсюда и тоскливое сидение на бережку,

смотрение на стремнину и мечтание о золотой рыбке. Так было в 70–80-х годах.

Но мне повезло. Я дожил, дошмыгал до перемен, до перестройки и гласности, до развала СССР, до отмены цензуры, до удивительных новаций и реформ во времена Горбачева и Ельцина. 90-е – мои золотые годы.

Я вышел из тени, достал из-за стола свою хронику имен и событий, календари, собранные и отпечатанные, лежавшие в ящиках стола, и – есть такой глагол – жахнул! «Наука и жизнь», «Вечерний клуб», «Огонек».

Газеты, журналы, книги, разные каналы радио и ТВ. Приобрел популярность и был внесен в увесистый том «Журналисты XX века: люди и судьбы» (2003). В разделе «Открытый финал» рядом с такими медийными лицами, как Артем Боровик, Алексей Венедиктов, Александр Кабаков, Владислав Листьев, Виктор Лошак, Елена Масюк, Николай Сванидзе и др.

Но, как говорят, не долго музыка играла. Наступил период агрессивного мрако-

бесия, шоу-бизнес вытеснил культуру и литературу. И я снова попал в положение «вне игры». Не формат… (14–15 февраля 2019 г.)

31 декабря — завершается год. Оставим в старом году хандру и постараемся в новом быть энергичней, более хватким и более оптимистичным, возможно ли это?..

Пока живу, пока дышу,
Иного счастья не прошу,
Все уходящее, живое
Теперь ценнее стало вдвое… –

так писал Всеволод Рождественский (1895–1977).

2020 год – 87/88 лет

Нет, слишком стар, давным-
давно не молод,
Цепами века недоперемолот.

Александр Межиров

2 января — не бросаю дневник (по детскому стишку: «потому, что он хороший…»), хотя давно пора прекратить рефлексировать на бумаге и изображать из себя Карамзина и Ключевского. Чувствую себя усталым и измотанным. И все же решил довести дневник до 2 сентября, до 88 с половиною лет, как бы споря с Феллини — не 8½, а 88½. Так, последний «Амаркорд», а дальше поживу без дневника. Такая вот задумка…

Ну, а 31 декабря 2019-го традиционно вдвоем с Ще. Чокнулись под бой курантов соком фирмы «Сантал» — «Лесные ягоды», а в серванте томилось 5 бутылок разнообразных напитков, от ликера «Бейлис» до французского «Шаврона». Не хочется. Эх, пригласить бы старую компанию молодых друзей: все бы выпили, осушили, и кто-то побежал бы за добавкой в магазин. Где эти

годы? Как быстро все пролетело… Появившийся на экране президент изобразил теплоту. Но и впереди ничего хорошего не светит, как заключил профессор Валерий Соловей: «Это был последний спокойный год России» («Собеседник», 24 декабря 2019 г.).

Посидели, немного посмотрели на отвратную баско-киркоровщину и переключили на вечно интригующий фильм «В джазе только девушки». А что у нас? В прессе кто-то вспомнил, как Ленин, критикуя царскую власть, ссылался на Ключевского: «Государство пухло, народ дурел». И заголовочек в «МК»: «Живем хорошо, но плохо».

Утром первого дня прошли до к/т «Ленинград», давно не действующего и закрытого, символ последней «двадцаточки», как острят по поводу президентского срока. Спокойно, снежно, снег поскрипывает, 0 градусов, гуляют дети, лают собаки. И кажется, впереди никаких перемен, катастроф и потрясений…

Добавление: а они уже нас поджидали, притаясь впереди, и оглушили по голове… (12 июля 2020 г.)

4 января — журнальных рубрик нет, новые книги в мерцающем тумане, остается быт, хозяйские проблемки и сидение с Ще на диване с тягучими

разговорами-воспоминаниями: я на пороге 88-летия, а Ще в августе — 80. В эту жуть трудно и страшно поверить. И чтобы не ужасаться, достал пишущую машинку и что-то начал печатать. Машинка барахлит, я чертыхаюсь. И тем не менее жизнь продолжается. А у кого-то оборвалась. В конце декабря умерла Галина Волчек. Чувствовала уход и искала себе замену. Непонятно к кому обращаясь, Галина Борисовна рубанула: «Если вы думаете, что я мечтаю так спокойно доживать, сразу говорю — не будет этого. Спокойно доживать не сумею, не умею, не хочу…»

Сильная женщина! Я вспоминаю, как брал у нее интервью аж в 3 захода в театре «Современник», и она отказалась подписать мной написанный текст, и мы еще поспорили с ней. Это было летом 1980 года.

Из новогодних звонков выделю Ларису Ровнянскую и Аталию Беленькую: читают мои книги об эмиграции и благодарят. А газеты в праздничные дни не выходят (а почему работают транспорт и магазины?), и довольствуюсь радио, а точнее, слушаю исключительно «Эхо Москвы». Борис Гребенщиков откликнулся на действительность (осажденная крепость, кругом враги!) очередной песней протеста: «Каждому для охраны — сол-

дата в постель…» Неужели гайки будут винтить дальше, пока резьбу не сорвет? В показанном фильме «Побег» с Ришаром вмонтировали события студенческих беспорядков в Париже в мае 1968-го, — и это не пластиковый стаканчик, а настоящие схватки с полицией… Кстати, о Ришаре, престарелый Пьер в последние годы жил на барже у гранитного парапета Сены, под плеск воды. Каждый делает свой выбор… Позвонил Феликсу Медведеву: жалуется на память, говорит, что это плата за бурную жизнь. Занимается разбором архивов. А мой трехтомник об эмиграции в глаза не видел, но обещал обязательно посмотреть. А кто смотрел из критиков и литературоведов? Без рекламной раскрутки любой книге кирдык. Без рекламы и наводки — никак. А если бы нечто подобное вышло в 70–90-х годах, то весь трехтомник ушел бы в улет. Вот что меня печалит…

15 января — удивительно теплая зима, температура плюс, снега кот наплакал, злой ветер. И сразу легкая печаль: так и не была издана книга «Погода и слово», а я так старался, подбирал все, что связано с погодой, но не повезло: министра Бедрицкого куда-то перевели на новую работу, мой поклонник и спонсор Вайсман, увы, покинул белый свет. И остались только номера журнала

«Наука и религия» за 2013 год с публикациями по месяцам. Достал журнальные вырезки и тихо взгрустнул: нереализованная идея. И приведу только строки Осипа Мандельштама:

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок.
От замкнутых я, что ли, пьян дверей?
И хочется мычать от всех замков и скрепок…

Да, замки, скрепки, скрепы, запреты, табу, аресты, штрафы, посадки — это все наша милая жизнь, восставшая с колен. Извините, январь, зима, и понесло на санях вдохновения, привело в другую сторону. Короче, извиняйте дядьку…

Жириновский на новогодние праздники раздавал народу на Красной площади тысячерублевые купюры, обзывая при этом жаждущих подачки крепостными холопами. Отклик в «Собеседнике» (14 января): «Холоп — главное слово 2020 года… Можно терпеть крепостничество до его отмены, но когда оно возвращается — это уже нестерпимо. С Россией проделали именно такой фокус — посулили свободу, а потом вернули в крепостное состояние…»

И в первом номере «Новой газеты» полоса под

заголовком «Бедность как государственное преступление». Да, это так, но как все изменить?..

14-го с Ще пошли на рынок и попали в метель (то есть оба плохо видим, и тут еще метель), — и сразу вспомнилась пушкинская повесть «Метель»: «Где Жадрино?» Нет ни Жадрино, ни светлого будущего. И еще приходят на память строки Георгия Иванова о России, написанные в 1930-м:

Деревни голодные, степи бесплодные…
И лед твой не тронется –
Едва поднялось твое солнце холодное
И вот уже клонится.

И другие строки поэта:

Россия тишина. Россия прах.
А может быть, Россия – только страх.
Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума…

Если бы Георгий Иванов (он же Жорж) не покинул Советскую Россию, то с таким мироощущением и видением непременно закончил жизнь в подвалах Лубянки.

А как мои воспоминания и дневники 30–80-х

годов? Первый набор был 26 августа 2019-го, а потом пошла тянучка. Ни корректуры, ни обложки. А я тем временем продолжаю делать 3-ю книгу и закончил 2008 год, наперекор депрессии, дауну и унынию.

18 января — пока я записывал что-то в дневник, состоялось президентское послание Федеральному собранию в Гостином дворе. Куда направлен курс корабля «Россия»? К свободе, к демократизации, к счастью народа? Нет, главный одержим идеей вытащить из «геополитической катастрофы» и воссоздать Советский Союз. Короче, имперский синдром. Хочу большой Советский Союз, то есть присоединить Беларусь, Прибалтику и «кое-что еще». И 9 мая приветствовать парад Победы, как триумфатор, победитель, восстановитель. Но, как говорят в народе: гладко было на бумаге, да забыли об овраге… Профессор Валерий Соловей говорит, что есть такой безумный сценарий.

В интересное время живем. Рыдайте, матери, за своих сыновей, а жены за мужей. Для великих целей нужно много солдатской биомассы. А как там у Булата Окуджавы в одной из баллад:

Когда воротимся мы в Портленд, нас

примет родина в объятья.

Да только в Портленд воротиться не дай нам, Боже, никогда…

Все какие-то намеки, Булат Шалвович, экзотизмы, ну, и сравнения, и параллели:

Римская империя времени упадка

сохраняла видимость твердого порядка:

Цезарь был на месте, соратники рядом,

жизнь была прекрасна, судя по докладам…

Так и хочется отложить свою книгу воспоминаний и дневников, взять гитару и под легкий перебор струн глухим голосом напевать что-то из Булата:

Дураком быть выгодно, да очень не хочется.

Умным очень хочется, да кончится битьем…

Но если вернуться к «первым строкам письма», то бишь к посланию президента, то что главное? Материнский капитал, школьные завтраки,

поправки к Конституции, и вот уже создана комиссия по поправкам, в которой больше артистов, чем юристов, и повалил дым: аврал, шторм, штурм. Да, еще смена декораций: вместо премьер-министра Медведева (народное прозвище Димон, а я его величаю по-домашнему: Пупсик) назначен, — никто этого не ожидал, — налоговик Михаил Мишустин. Медведев недаром сидел в зале Гостиного двора в черном галстуке… Кто-то из прессы пустил новое словосочетание: «послепутинская реальность». Словом, новации-новации, и на их фоне померкло богемное событие: развод Максима Дунаевского со своей 7-й по счету женой. Дуня-2 — парень не промах.

24 января — лавина новостей, изменений, новаций, что их, как историк-дилетант, не могу переварить, что впору кричать «Караул!». В былые времена справлялся бы с этой лавиной, а сейчас не могу и не в состоянии подробно комментировать ни поправки к Конституции, ни новый состав кабинета министров, хорошо, что убрали министра культуры Мединского, 29-го панфиловца, который одиозно трактовал историю страны, да тупиковую министра образования Васильеву. А так в остальном: старая колода карт, лишь несколько новеньких…

Первые уходы года: умер ветеран из лагеря газеты «Завтра» Владимир Бушин, который когда-то зацепился за мое отчество — Копелевич и высказал догадку, уж не родственник ли я Льва Копелева?.. Ушел Константин Бромберг, режиссер «Чародеев» и «Приключений Электроника». Умер где? В США, в Детройте, в возрасте 80 лет, еще один эмигрант.

Это утраты. А есть и радости: 44-летняя экс-балерина Анастасия Волочкова, гордящаяся своими шпагатами, объявила всему миру: «Я выхожу замуж — за красивого, стройного и ни разу не женатого!» — сделала заявление «Комсомольской правде» Волочкова. «Он чуть моложе меня, у него нет детей, нет бывших жен. Он — только мой!» Какая редкая удача!.. О Господи! Можно только дивиться, как все по-разному устраивают свою жизнь. А уж современные дамы берут настоящий реванш за многие века угнетения и зависимости от мужчин. Ксения Собчак и др.

Но не буду обсуждать других. Пусть живут!.. Лучше поговорю о себе, как все изменилось за пару последних лет. Начиная с 90-х я пахал и пахал, как добросовестный крестьянин на пашне, много делал, сочинял, печатал, развозил, выступал по ТВ и радио, греб гонорары, вел переговоры, об-

щался, строил проекты — все бурлило и кипело. А сейчас все: заглох моторчик, и чувствую себя неважно, осторожно хожу, подкруживается голова, все хуже видят глаза и одолевают мрачные мысли, а что будет дальше?..

Тут что-то набросал «в стол» — давно этим не занимался и, пожалуй, включу этот листочек с хвостиком, как напоминания о былых столописаниях.

Феллини и Мастроянни

20 января 2020 года листал программу российского ТВ. Читал и вздрагивал от неприятия нашего «кинопроката» и телевизионного охмурения: «Пусть говорят», «Тайны следствия», «Крепостная», «Женщина в беде», «В воскресенье в женской бане», «Морские дьяволы», «Высокая награда», «Человек в проходном дворе», «Папа напрокат», «Возвращение Мухтара-2» и старые фильмы: «Доживем до понедельника», «Карьера Димы Горина» и т. д. Ломбард. Утильсырье. Мыло. Ерунда и чепуха. Плюс зарубежные боевики, триллеры, фэнтези, ужасы и модный жанр криминальная комедия «Пустоголовые» (США, 1994).

И вдруг свет в окошке, по каналу «Культура» — «8½», Италия-Франция, 1963, драма. Сподобились,

решили отметить 100-летие со дня рождения великого режиссера Федерико Феллини. Ура, господа составители телепрограммы. В плену санкций хоть какая-то маленькая подачка. От импортозамещения меня давно тошнит. Нет, не маленькая подачка, а большой подарок, ибо «8½» — это шедевр на все времена. Конечно, фильм трудный для восприятия рядового кинозрителя, сложный, многослойный, фрейдистский, с включением фантазий и сновидений самого режиссера. И я горд, что хотя бы немного написал о Феллини и вставил свое эссе о нем в книгу «Прекрасные безумцы» (2005) под заголовком «Маэстро фантазий и сновидений». Не монография, конечно, все же — даже легкое прикосновение к личности киногения приятно.

Есть искушение перепечатать все написанное, но не буду: кто захочет, тот найдет книгу, а для нелюбопытных и пары строк достаточно. Федерико родился в маленьком городке Римини, где мы с женой провели один день и одну ночь во время тура по Италии. Первый знаменитый фильм Феллини — «Дорога» (1954) с Джульеттой Мазиной и прекрасной музыкой Нино Рота. Режиссер создал несколько прекрасных фильмов, но, как правило, не любил говорить о них. «Вы хотите правды? —

сказал он однажды дотошному журналисту. — А мне хочется больше всего макарон». Макароны — это повседневность. Приятная пауза в чреде размышлений, беспокойства, сомнения, тоски, постоянного поиска правды и ужаса перед обыденностью. Не отсюда ли в творчестве Феллини ощущение внутреннего кризиса и отдохновение в феерическом балагане. Какая-то особая магия творческого преображения.

Режиссер Гвидо (в исполнении Марчелло Мастроянни) в фильме «8½» признается старому кардиналу:

— Ваше высокопреосвященство, я несчастлив.

— А почему ты должен быть счастливым? — отвечает ему кардинал. — Твой долг заключается не в этом. Кто тебе сказал, что человек приходит в этот мир, чтобы быть счастливым?

Такие утверждения Феллини были непонятны и противоестественны для советских кинозрителей, которые верили утверждениям пропаганды, что «мы рождены, чтоб сказка стала былью!..» Разумеется, счастливая сказка со счастливым коммунистическим концом.

На кинофестивале в Москве фильм «8½» чуть не остался без «Оскара». Выражая общее мнение, министр культуры СССР Екатерина Фурце-

ва посчитала картину Феллини аморальной. Эмиссаров культуры возмутил подчеркнутый индивидуализм героя фильма, и долго выкручивали руки членам жюри, чтобы не присуждать произведению Феллини первого приза. Пришлось все же признать фильм шедевром со скрипом и с оговорками.

Находившийся на церемонии вручения наград первый космонавт Юрий Гагарин через переводчика сказал: «Ваш фильм для меня загадочнее космоса!..»

После «Восьми с половиной» Федерико поставил еще несколько шедевральных картин: «Сладкая жизнь», «Амаркорд», «Сатирикон», «Корабль плывет», «Джинджер и Фред» и другие «феллинизмы» на фрейдинской подкладке. Но не буду касаться особой темы: Феллини и женщины. Судить творца имеет право только Бог!

Федерико Феллини скончался 31 октября 1993 года в госпитале. Всю свою жизнь он провел, по существу, в сновидениях и наконец обрел вечный покой. А на дверях студии «Чинечитта» еще долгое время висела табличка «Какой фильм будет следующим?». Только один: память о великом кинорежиссере.

Немного о Марчелло Мастроянни. Он родился

28 сентября 1923 года. О нем я написал в книге «КиноStory. Взлеты и падения звезд» (2006). Сыграл множество ролей: плейбоя и Казанову, представителя людей «сладкого ничегонеделанья», некоего итальянского Обломова. Но случалось, и несчастливцев: рогоносцев и импотентов. И все же Мастроянни — это прежде всего классический «латинский любовник» с пронзающим взглядом в любое женское сердце. Недаром миллионы женщин, без преувеличения, его обожали. Мечтали о нем, любили его. Мастроянни был символом красивого мужчины. Но при этом он был превосходным актером, играя самые разнообразные роли, к примеру, режиссера Гвидо в «8½» — без конца рефлексирующего и сомневающегося интеллектуала.

При всех любовных связях на экране Марчелло 40 лет прожил в браке с Флорой Карабелле. Но при этом, по выражению супруги, «порхал, как мотылек». В 80-е годы Мастроянни играл выразительных стариков и был, как всегда, убедителен. В его списке более 170 киноролей.

Он умер туманным утром в своей квартире в Латинском квартале Парижа. Церемония прощания прошла сначала в Париже, а потом в Риме. Режиссер Марко Феррери (упомянем лишь

один знаменитый фильм «Великая жратва», где, как всегда, с блеском играл Мастроянни): «Нет, Марчелло не умер, он не может умереть». Действительно, легенды не умирают. Они живут и покоряют все новые поколения кинозрителей.

По крайней мере, так хочется верить… (22–23 января 2020 г.)

23 января — мир бурлит не останавливаясь. Над президентом США Дональдом Трампом нависла угроза импичмента. В Китае закрыт город Ухань в связи с эпидемией коронавируса Covid-19. А меня пока взволновали две новости: барахлит пишущая машинка и список лучших книг по итогам 2018 года, опубликованный в «Экслибрисе». «Огни эмиграции» не попали в определяющий список, а я тайно надеялся, эксперты выбрали другие, более значимые издания, например, книги: «Переспать с идиотом», «Подарок инкассатору», «Виниловый человек», «Камушек, фантик, цветок» (детская литература) и т. д. Среди Nonfiction — книга Алисы Ганиевой о Лиле Брик, Вячеслава Огрызко «Министры советской культуры», очередная книга о Сергее Есенине и т. д. А три тома о бедных поэтах и писателях-эмигрантах в список не попали, а такого издания еще не было. Нет, неинтересно, будут жевать дальше Есенина

и Лилю Брик, что поделаешь? Без поддержки и толкачей — ни туды и ни сюды!..

А тут еще «Олимпия» барахлит. У меня одного? Нашелся товарищ по несчастью, поэт Всеволод Амелин, который пожаловался в стихах:

Вновь пришло несчастье,
Этой ночью вдруг,
У меня сломался
Старый ноутбук.
Что мне Трамп? Что Путин?
Что валютный курс?
Умер мой компьютер,
Исчерпав ресурс…

Амелин, я тебя понимаю. А понимаешь ли ты меня?..

И еще одна тема в связи с публикацией в «МК»: «Россия вводит режим патриотизма» (27 января). Под рубрикой «Лучше не думать». У меня — такова реальность — нет внуков и правнуков, и вроде бы меня этот школьный патриотизм не колышет, но не могу откликнуться, как «Гражданин Поэт», как дилетант-историк. Я солидарен с размышлениями «лучше не думать!». А кто будет думать?! Забугорный дядя?..

Александр Минкин приводит все потуги государства последних лет, в том числе и концепцию от апреля 2014 года — «концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России». В ней говорится: «Национальный воспитательный идеал — это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную…»

Минкин отмечает, что все это начинается где-то с 4-го, где с 5-го класса. Поздно, к 11 годам человек уже сформировался. Он к пяти годам уже умеет понимать, когда ему врут и когда говорят правду. К 5-му классу врать умеет каждый ребенок.

«Что слышат дети от родителей, что он получает от телевизора и из интернета? Он 7-летний идет в школу, он уже знает много, а уж чего он и в какой лексике наслушался, еще лежа в колыбели, — уму непостижимо. И вероятно, он слышал все, что угодно и о чем угодно, но не о любви к Отчизне и не к власти. В бедной семье он, еще не умея говорить, наслушался проклятий. А в богатой? Он же знает, куда всей душой стремятся папа-мама. Не в тундру, не в тайгу, не на стройки коммунизма, на Лазурный берег или хоть на турецкий…»

И автор «Московского комсомольца» заключает: все усилия государства по внедрению патриотизма «обернулись тотальным цинизмом», и вот опять, в который раз, предлагается «формирование у обучающихся чувства патриотизма».

На трибунах, на экране и в радиоэфире, ну, и в различных СМИ говорится одно о труде, о гордости, самоотверженности, правде и справедливости, а в жизни, на практике — все наоборот: несправедливость, деление на бедных и богатых, унижение маленького человека, ложь, обман и т. д., и в итоге человек любит свою родину — ее просторы, природу, ее семейно-общинный уклад, традиции и т. д. Но не любит режим — антинародный и несправедливый, где главное, как писал еще давно поэт Тютчев, главное — казарма и кнут, «а вы, мундиры голубые» (Лермонтов). Читайте русскую классику, от Державина до Бродского, там все давно определено и сказано, и, увы, мало что меняется в России. Только название, интерьеры цивилизации, самолеты-компьютеры, а в основном различного виды крепостничества, холопства, и никакой демократии и свободы. Только видимость, игра в гуманизм. Короче, по рубрике в «МК»: «Лучше не думать» Опять же

вредно…

Бушует коронавирус, и россиянам начали продавать обереги и противогазы. А в Англии своя фишка-фобия: Британия выходит из ЕС. Брексит.

И англичанам, как язвит Дмитрий Быков, «грезится Волан де Морт». Среди публикаций удивил Гутионов, наехавший на Михаила Кольцова за то, что он воспевал палачей и клеймил «врагов народов», и при этом «писал ярко, талантливо». Возможно, и все же Кольцов — жертва эпохи. На 89-м году жизни умер замечательный социолог, педагог, основатель университета «Шаненки» — Теодор Шанин. Бескомпромиссный человек с безупречной репутацией. А еще Керк Дуглас, воплотивший в кино отважного Спартака. Человек-рыцарь. 104 года. Какие люди! Среди миллионной мелочевки и серости.

О себе. Жду первой книги дневников и воспоминаний, долблю третью. И мучает быт: все время возникают какие-то бытовые проблемы. За субсидиями по электроэнергии пришлось ехать в какой-то Энергосбыт, за Речной вокзал.

14 февраля — вчера, 13-го, был мой вечер в МЕОЦе (Московский общинный еврейский центр). Выступаю теперь мало, поэтому чуть поподробнее. Если не ошибаюсь, то это 8-е по

счету выступление в МЕОЦе. Первое — 11 сентября 2006 года. 7 сентября 2010 года был праздник журнала «Алеф», и зал был полон, а так собиралось до 100 человек. А вчера собралось лишь 25 человек. Юлия Королькова сказала, что с каждым годом приходит на литературные вечера все меньше народа (общая тенденция культурных мероприятий). Но плюс — добротно изданная программа к вечеру: Юрий Безелянский о жизни, о книгах и возрасте. Юрий Безелянский — автор многочисленных биографических и исторических книг о России и ее знаменитых писателях, поэтах и актерах. Свое выступление начал с исторической даты — 13 января — 119 лет назад — в Художественном театре состоялась премьера чеховских «Трех сестер». Ольгу играла Савицкая, Машу — Книппер, Ирину — Мария Андреева (которая связала свою жизнь с Максимом Горьким). Подполковник Вершинин — Станиславский, поручик Тузенбах — Всеволод Мейерхольд…

«…Счастья нет, не должно быть и не будет для нас… Мы должны только работать и работать, а счастье — это удел наших далеких потомков», — говорил Александр Вершинин.

Через 16,5 лет грянула Октябрьская революция, и впереди замаячило счастье для простого

народа — рабочих, крестьян, солдат и матросов. Ну, а на далеких подступах к счастью осталась социальная прослойка — интеллигенция. Что получилось в дальнейшем, мы знаем и помним: грандиозные планы, террор, социализм с приближением коммунизма, рухнувший Советский Союз, как горько шутят: Зимбабве с ракетами…

Возвращаясь к теме вечера в МЕОЦе: все было хорошо, публика осталась довольной. По ТВ идет неплохой сериал «Триггер» о практикующем шоковый метод психологе Артеме Стрелецком (артист Максим Матвеев). «Шок — это по-нашему»…

23 февраля — вчера был день с голубым небом, дороги абсолютно сухие, снега нет и в помине. А сегодня возврат зимы: все занесло снегом, под ногами слякоть и злющий колючий ветер. Метаморфозы зимы… Новация: из синагоги к нам ходит уборщица Ольга из Оренбурга и жужжит пылесосом. Жужжанье — плохо, но чистота и отсутствие пыли — прекрасно. Явная помощь Ще. Мы оба сильно сдали, и громадное спасибо за помощь спонсорам синагоги на Бронной, а рядом социальный центр о помощи и не подумал. У них фишка: хождение пенсионеров с палками, новый вид оздоровления.

Из ленты новостей: из-за коронавируса застрял в море гигантский туристский лайнер «Бриллиантовая принцесса» (на борту 2666 туристов и 1045 членов команды) — нежданный «отдых»!.. Король футбола Пеле передвигается на коляске: гол в свои ворота… Заголовки из наших газет: «Можно ли спасти Россию от вымирания?», «Бедность и низкие зарплаты — главные раздражители граждан» и сплошные аресты и судебные дела, в том числе явно сфабрикованное «Дело «Сети». Из путинского аппарата ушел Владислав Сурков, большой придумщик «суверенной демократии» и «глубинного народа», — не комментирую. А вот Филиппа Киркорова, пожалуй, стоит.

В «МК» в номере от 21 февраля дали целую полосу в рубрике «Эксклюзив»: «1,5 миллиона евро на гардероб Киркорова», интервью стилиста певца Арсена Айрапетяна. «Когда мы зашли в его квартиру, то офигели: все было завалено одеждой». Каждая «гардеробка» — не шкафчик с одеждой, а комната 20–25 квадратов, где в два этажа висела одежда. От такого количества начала ехать крыша… На вопрос «У артиста есть любимые вещи?» стилист ответил: «У него все вещи любимые». Киркоров все время меняет одежду, ибо «там надо спеть, тут выступить, здесь засветиться…». И все

время в чем-то новом. И отдельно выделенная комната под аксессуары: кепки, шляпы, сумки… А обувь? «Сейчас уже обуви не 5500 пар, а поболее. «Никто в мире не тратит столько денег на одежду, сколько Филипп» Ну, и т. д.

Прочитал я этот материал и подумал: великий собиратель блестящих одежд и побрякушек этот великовозрастный Филя с выпученными глазами. Кумир пустоголовых любителей пустотекстовых песенок. Нищие духом…

29 февраля — последний день февраля високосного года. С утра серовато и как-то полуясно, снега практически нет, +2. Перед 86-летием полный неважнец: плохие глаза, вялые ноги, ну, и насморк с не дающим покоя горлом, — это уже перманентно. А у Ще в связи с проблемой сетчатки совсем плохо с глазами: не может читать ни газеты, ни книги. В отчаянии написала стихи. Пронзительные строки:

Я не вижу своего лица.
Я вижу небо: вот плывут облака.
Я не вижу своего лица,
Я вижу солнце, зелень, листва.
Но я не вижу своего лица.

Как узнать себя, если
Не видишь своего лица…

Ще показала мне написанные строки, и я сказал: нет концовки. Ще: напиши. Я написал:

Я – песчинка в море песка.
Неразличимы мои черты.
Я – ничто! И только тоска.
Я не знаю, где я и где ты?..

И можно заключить по-народному: такая вот пессимизма!.. Но, может быть, все не так и уж плохо, если учесть возраст и много прожитых лет, а сколько из круга близких и знаковых людей сошло с дистанции! И поэтому не будем гневить Бога…

А тем временем «Вирус бродит по Европе» («МК»). Эпидемия пришла в Италию. Трясет экономику, финансы, биржу, валюты.

В «Собеседнике» № 7 любопытная публикация «Довольные каменщики» с подзаголовком «От Мишустина до Кириенко — члены православного Дивеевского братства дорвались до власти». А еще есть Афонское братство (Аркадий Ротенберг и компания), возрождение масонских лож? Короче, любимая тема у Ще: средневековые тамплиеры,

Умберто Эко, «Имя розы» и т. д.

4 марта — свершилось: 2 марта исполнилось 88 лет — и засверкали две красивые цифры. Кто отмечал со мной день рождения: Михаил Горбачев, Сергей Ковалев (оба с 1931), модельер Вячеслав Зайцев (1938), Сергей Степашин (1952), актер Михаил Пореченков (1969) и др. Я в перечень родившихся в «МК» не попал. Что прикажете, плакать?.. Нет так нет. Рад за Михаила Сергеевича: «Новая газета» поместила о нем разворот, и заслуженно: остановил войну в Афганистане, падение Берлинской стены, первые свободные выборы и съезд народных депутатов (не было избрано 40 с лишним первых секретарей обкомов КПСС, и они Горбачеву этого не простили). Встреча Горбачева с Бушем на Мальте и конец холодной войны. «Угрозы насильственных действий, недоверие, психологическая и идеологическая борьба — все это теперь должно кануть в прошлое» — так считал тогда Горбачев.

21 февраля директор Левада-Центра Лев Гудков выступил в «Новой газете»: «Хватит наращивать военную мощь, даешь рост благосостояния!» Прекрасный призыв, но власть его не услышала. У нее свои планы, расклады, прожекты и увлекательная геополитическая игра!..

Пять лет назад, 27 февраля 2015 года, на Большом Москворецком мосту был убит Борис Немцов, яркий оппозиционный политик. «Я счастлив, — говорил он, — что могу говорить правду, быть самим собой и не пресмыкаться перед жалкими, вороватыми властями. Свобода стоит дорого».

3 марта поразило откровенное признание в «МК» журналиста Саида Бицоева «Вымести хама из власти» с подзаголовком «Кто виноват в деградации СМИ». Только одна выдержка: «Делается все сознательно, последовательно и целенаправленно. Многие газеты и журналы прекратили по этой причине свое существование. Остальные буквально дышат на ладан. Бывшие стриптизерши, официантки и труженики деликатной сферы стали в одночасье новыми “журналистами” и звездами виртуального пространства».

А русский язык? Кто-то из руководителей известной газеты считает, что главное в работе — «сгенерировать идею», найти «качественный агрегатор», «прошарить инфу», достать двух-трех ньюсмейкеров и «запостить комменты», и это язык Пушкина и Тургенева? И привет недавно совсем исчезнувшим советским зубрам журналистики, типа Фарида Сейфуль-Мулюкова, Валентина Зорина, Мэлора Стуруа, Отто Лациса и

других, которые писали на литературном языке, а не на этом модерно-воляпюке. Идет полный языковый деградансе. Но лично я упорно держусь за классический литературный русский язык, пахучий и многоцветный.

Ездил на Никитскую. Первый том воспоминаний и дневников пока в издательском процессе. Лишь отпечатали календарик трех книг эмиграции с нашими с Ще мордочками. На выходе из издательства остановил какой-то незнакомец, представился актером Малого театра (фамилию не разобрал). Он взволнованно обратился ко мне: «Юрий Николаевич, я до сих пор помню ваши блестящие публикации в “Вечернем клубе”: исторические календари и портреты поэтов Серебряного века». Было приятно это услышать, тем более что это было давно, лет 25 назад, и человек помнит…

А я вспоминаю, что именно 2 марта, в далеком 1970 году, Александра Твардовского изгнали из «Нового мира». Ну, а 2 марта 2020-го было около 20 телефонных звонков. Ну, а 86 лет вдвоем и вкусно отмечали за столом, но не обошлось без сюрприза: не смог открыть бутылку сухого красного «Каберне мерло». Не хватало сил у меня и у Ще. Смешно? Посмеялись. Смейся, паяц, над

не открытой и не распитой бутылкой!.. Знание истории искусств. Опера «Паяцы» Руджеро Леонкавалло, написанная в 1892 году, за 40 лет до моего рождения.

13 марта — 10 марта, по существу, совершился государственный переворот. Всей стране морочили голову поправками в Конституцию. Обсудили про Бога, семью, умаление подвига народа, защиту исторической памяти и т. д. Но как написал Борис Вишневский в «Новой» (13 марта): это ж было исключительно дымовой завесой. Главное: оставить на троне ВВП на вечные времена. Громко об этом объявила космонавтка Валентина Терешкова и своим выступлением перечеркнула весь свой космический подвиг, предложив обнулить все президентские сроки. Люди, мол, просят, чего лукавить. Оп-па! Цирковой номер. Трюк. Антраша. И тут же как по волшебству появился в Думе ВВП, заявив, что он совсем не против такого предложения. То есть согласился править холопами еще долгие-долгие годы. Холопы припали к его ногам, как некогда к стопам Ивана Грозного, соревнуясь в преданности, восторге и ликовании. Володей нами, батюшка-свет. И горько зарыдали две дамы — Свобода и Демократия.

На главном федеральном канале, в программе

«Время» зашелся от упоения ведущий Кирилл Клейменов: ну вот, свершилось. Он приехал в Думу и согласился. «А если бы не приехал? Представить страшно?..» Ну, конечно, спас нерадивый и неразумный народ: как же без поводыря и кормчего — никак?

Комментируя весь этот телецирк в «Новой газете», Ирина Петровская написала: «Ах, эти фирменные клейменовские вздохи и паузы! Эти любовные интонации в голосе (так, что порой неловко — словно подсматривать за чужим интимным актом, не предназначенным для посторонних глаз). Этот порядок слов — будто мыслям и словам тесно, и они рождаются прямо сейчас, на наших глазах, от полноты чувств, а потому не укладываются в жесткие информационные стандарты, да и наплевать на них, на стандарты, когда душа поет».

И далее Петровская: «Такие вершины пропагандистского мастерства не снились даже дикторам и политобозревателям Гостелерадио СССР времен правления дорогого Леонида Ильича Брежнева. Теперь-то понятно, что они работали без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви…»

Я работал на Гостелерадио и все хорошо помню.

Да, зубры советской пропаганды славословили, но как-то формально, исполняя некий положенный долг. А вот нынешние пропагандисты — это настоящие певцы-вокалисты, соловьи-разбойники, такие рулады выводят!.. И мне кажется, что дело тут всего лишь в высочайшем уровне оплаты. Шикарное бабло — шикарные программы. Заслушаешься…

Возвращаясь к петербуржцу Вишневскому: «Безусловно, перед нами — политическое мошенничество. Открытое и наглое попирание Конституции и закона». И заголовок в «Новой»: «Обнуление России». (А потом появилось словечко: «Обнулэнд».)

Ну, и добавлю что-то из Юлии Латыниной, которая пишет, что ВВП объявил, что готов остаться навечно ради стабильности, и рубль стремительно полетел вниз. «И все это в один день. Ребята, правда? Это у нас такая стабильность? И дальше так же будет?..»

Господи, как хорошо, что в СМИ есть еще уголки со свободой слова. Можно высказаться и прочитать неофициальную точку зрения. Во времена СССР ничего подобного не было. А сегодня — смех и слезы. Гнев и бессилие. Собаки лают, а караван идет…

21 марта — заголовок записи в дневнике «Три “К”: коронавирус, конституция, кризис».

Мир охвачен паникой. Глобальный мир тает на глазах… И у нас дополнительные игры: страсти вокруг поправок к Конституции. Терешкова — героиня дня: «Стыковка с Советским Союзом. Есть контакт!..»

«Собеседник» № 10 — «Деление на ноль». Шоу с членами комиссии по внесению поправок — с пианистом, прыгуньей с шестом и прочими не юристами — закончилось. Финал обозначен: Путин — пожизненный президент. Смелые девушки надели маски с надписью: «Обнулились». Коротко и ясно, в стиле чемпиона… В «Новой газете» рубрика «Государство — это я». Хорошо забытое прошлое… и кто-то из наивных ждал решительного поступка от Конституционного суда, ждали запрета на поправки от председателя, а он их одобрил. «Мартовские иды Валерия Зорькина». Эти зори давно предсказуемы и, соответственно, хорошо оплачены. Занервничал доллар и подскочил аж до 80 рублей… «Собеседник» — «Снова кризис. Что менять: Конституцию, рубль или руководителей?»

Многие в панике, как жить и сводить концы с концами? Лишь один человек, Дмитрий Медведев

по кличке Димон, спокоен: Путин его пристроил на хорошее место и положил оклад: 612.413 рублей — какая точность! На «макарошки» хватит с избытком?.. «Новая» (16 марта) представила вздохи одной женщины: «Не знаю: плакать или смеяться. Людей настолько задавили, испугали вирусом, у меня мурашки по телу. Возьму горох хотя бы, пусть будет...» Бедная женщина на горошине...

А ковид-19 набирает обороты. Все спортивные соревнования отменены, закрыты театры. Президент Франции Макрон: «Мы на войне, сидите дома, не целуйтесь...»

Не дождались конца эпидемии коронавируса и ушли из жизни шведский актер со скульптурным ликом Макс фон Сюдов, прожил 90 лет, а вот жена Юрия Гагарина Валентина прожила значительно меньше. Она стала вдовой после гибели Гагарина в 33 года. И еще одна смерть писателя, бунтаря, революционера Эдуарда Лимонова (1943). Интересно, что сказал он апостолу Петру у входа в Парадиз? Я — Эдичка, нагрешил с десять коробов... «Мои грехи, апостол Петр, многообразны...» Об интересной фигуре Лимонова я написал в книге «Огни эмиграции» (2018).

Но чтобы не заканчивать эту запись дневника

на минорной ноте, приведу объявление в одном из цветочных магазинов, вывешенное ко дню 8 марта: «Точно даст!» Это уже не про смерть, это про жизнь.

27 марта. А вот заголовок из «другой оперы»: в «МК» в одном из номеров дана «шапка»: «Все на каникулы строгого режима». Вирус достал Россию, и народу предложена самоизоляция: сидите дома и не паникуйте. По числу заболевших лидируют Италия и Китай. Бывшая спортсменка, депутат Думы и блондинка Светлана Хоркина сделала заявление: «Это некое Божье наказание, потому что нельзя обижать Россию, в том числе и наших спортсменов. Не зря ведь в нашем гимне поется, что нашу землю хранит Бог». Цицеронистая блондинка — это точно. А впрочем, она выразила общее мнение (и результат массированной пропаганды): кругом враги и сволочи, обижают нашу нежную и пушистую Россию.

Итак, парк Горького и вся индустрия развлечений закрыты, введен карантин. Позвонил в издательство: как моя книга? Мария в ответ: «О чем вы говорите?!.» Короче, запевай старую лирическую песню времен СССР: «Снова замерло все до рассвета…»

Сижу на самоизоляции, занимаюсь 3-м томом

своей книги, просматриваю газеты. Много материалов об Эдичке: «Казус Лимонова», «Лимонов среди овощей» и т. д. Действительно яркий, неординарный человек. Это не безликий Димон со своими товарищами из кремлевских палат.

Еще одна особая дата: 20 лет назад, 26 марта 2000-го, Владимир Путин впервые был избран президентом страны. «МК» отметил этот юбилей: «20 лет на галерах» (ВВП сам определил себя гребцом на галерах, и пусть путинисты не обижаются). Без комментариев…

31 марта — сидим на карантине, вышли только в магазин за продуктами. Пустынные улицы, людей почти нет. То ли уехали на дачу, то ли повымерли, нет, сидят в страхе по домам и боятся вируса-фашиста. Детские площадки опоясаны красной запретительной лентой. А как же дышать воздухом?.. Многие не ходят на работу и общаются по «удаленке» (сразу появился термин). Общение по телефону и по электронным приборам, которых мы с Ще не завели…

И, конечно, уходы. Может быть, это возрастное, но почему-то слежу за ними и чуточку горюю. Последние уходы: Юрий Бондарев, не мой писатель, но все же… 15 марта успел отметить свое 96-летие. В Кракове скончался польский композитор

и дирижер Кристоф Пендерецкий на 87-м году. В Париже скончалась неведомая мне принцесса Тереза Бурбон-Пармская, родственница испанского короля. Тему принцесс и королевского двора любил обыгрывать Николай Агнивцев. Вот концовка его стихотворения «Принцесса Анна», в ней говорится, что принцесса родила сына и непонятно от кого, причинив королю Гакону «стыд и боль». А король обратился к подданным:

Мы б узнать от вас хотели
(будьте честны и прямы!) –
Кто замешан в этом деле?
И сказали тихо: «мы» –
114 гофмейстеров,
30 церемониймейстеров,
48 камергеров,
345 курьеров
И 400 пажей!..

Какая милая шутка про «тайны мадридского двора». Ну, а теперь вновь о серьезном. Эпидемия заставила ярче вспыхнуть ненависть бедных к богатым, которые привозят заразу-вирус «куршевельскими чемоданами». И порадовала стихотворением «Карантинное» («Новая», 30 марта):

Российский опыт всеми признан:
Моя великая страна
Переболела ленинизмом,
Сопливым неомонархизмом,
Визгливым ретроанархизмом,
Чванливым национализмом,
Разнузданным капитализмом,
Неоднократным терроризмом,
Казарменным социализмом,
Национальным большевизмом,
А путинизмом-обнулизмом
Она и до сих пор больна…
…мы столько раз уже болели
Брехней, опричниной, чумой…

И тем не менее: «Мы смотрим в будущее смело / При нашем опыте разрух, / Нам это все не надоело…»

Запланированное выступление в библиотеке Гагарина на Вернадском пришлось отменить. Последняя шутка по поводу самоизоляции: настал момент, когда можно спасти мир, сидя дома в пижаме… «Комсомолка» вспомнила исторические параллели, Шекспир во время карантина напи-

сал «Короля Лира» (1605), Ньютон создал теорию всемирного тяготения во время чумы в Лондоне, 1665–1666 годы. А Боккаччо во время флорентийской чумы сотворил шедевр «Декамерон».

5 апреля — ушли из повестки дня события в Сирии и на Украине, все крутится вокруг пандемии и паники. Цифры заболевших и умерших. А по «Эхо Москвы» лихо крутят старую песенку Андрея Миронова:

Джик-джик! Уноси готовенького!
Кто на новенького?!.

Часть газет перестала выходить, закрыты газетные киоски, каникулы-отдых-карантин продлены дальше. Почти полностью задушен малый бизнес. У нас общение с миром только телефонное, разговаривал тут с Мариной Тарковской об Андрее и прочем. Она удивляется, как много интересного и полезного я делаю и как все это не оценено. Спасибо за сочувствие.

13 апреля — сидим дома. Выходы только с выносом мусора и в магазин за продуктами, благо это рядом. Доктор Рошаль отметил плачевное состояние нашего здравоохранения. Довели, а сейчас пошла суета и спешка. Вечный президент

оптимистичен: победили печенегов и половцев — победим и вирус. Не хочет отказываться от парада Победы 9 мая, его одолевает жажда личного триумфа. В поддам Проханов с его удивительными текстами в газете «Завтра»: «Впереди время русской мечты!..» Мечтателей хватает, прагматиков, людей дела нет.

Книжные магазины закрыты, издательства не знают, что будет дальше и как будут выживать. ТВ продолжает свои развлекательные программы. В «Трех аккордах» надрывалась певица: «Одолжила у подруги, одолжила…» И что? Мужа. Другая восторгается партнером: «А он такой, мой парень чумовой!..» Ну, и Мурка, «ты мой муреночек». А так на ТВ в основном бредятина. Западные фильмы теперь редко показывают у нас (обиделись на санкции?).

По «Эху» было интервью с двумя книжными блогерами. Какой ужасный нелитературный язык! Ну, и убогий текст они говорят: контент, ни одной цитаты, ни одной ссылки на классиков. Где замена ушедших Лакшина, Туркова, Аннинского и др. Эти блогеры — лишь мастера кнопочной технологии, а я отстал от современного века, где не нужны знания, стиль, подробности, нюансы, словом, ничего, что называется литературой…

20 апреля — жизнь идет, спотыкаясь, по треугольнику: помойка — аптека — магазин. А основное время дома. Печатаю 3-й том, по ТВ в основном новости плюс многочасовые диванные разговоры. Народ ждет материальной помощи от власти (на работе сокращение или понижение зарплат), а помощи нет, только семьям с детьми, а пенсионеры вообще балласт. Во всем мире власти помогают в период пандемии, а наша — «над златом чахнет». И основная масса россиян на карантине и проедает последние накопления. Денег не дают, и остается только шутить, что и делают юмористы, к примеру, Александр Вулых:

Предложил мне Константин
Провести с ним карантин.
Я теперь у Константина
Не слезаю с карантина…

И три ха-ха!.. А народ мрет и мрет: вслед за Александром Тимофеевским — Александр Кабаков. Его одолели: тромбофилия, диабет и болезнь Паркинсона. И конец был ужасным. А мне вспоминается, как на ТВ-программе «Старая квартира» я к Кабакову полушутливо обратился: «Товарищ Кабаков», а он в ответ сурово: «Какой я вам товарищ, обращайтесь — господин!»

Книжники — издатели, писатели, книготорговцы — вышли к правительству с просьбой о помощи: «книжная отрасль на грани выживания». Власть пока отмалчивается. Ракеты необходимы, а книги — нужны ли они? Выступила и «Литературка»: «Спасти рядового книжника» (по фильму «Спасти рядового Райана»). Переживаю за «Никитские ворота»: маленьким издательствам особенно тяжко. И не сделан пока тираж «Мужских игр», и завис процесс корректуры 1-го тома воспоминаний и дневников. Выйдет — не выйдет? — головная боль… Людмила Петрушевская в «МК» (14 апреля) считает, что сейчас «правит бал черная сила… все, что сегодня происходит, напоминает бал Сатаны… Самое страшное не эпидемия, а безумие властей». Приложила так приложила Петрушевская. Оль-ля-ля!..

1 мая — с утра с Ще вышли за продуктами в «Магнолию», — пустынные улицы, людей почти нет. Нет и автомобилей. Пустые троллейбусы. Непонятно, чего больше боятся люди: заразиться вирусом или штрафов за нарушение карантина и нацгвардейцев?.. Впору вспоминать Константина Фофанова: «Это май-баловник, это май-чародей…» Или другие строки:

Был май, веселый месяц май, –
Кому же грустно в мае?..

Нет, ныне совсем другое: «Covid да каша — пища наша». Отменен Первомай и парад Победы 9 мая. Карантин обещают снять 12 мая. Мы с Ще ходим вокруг только дома. Сокол недостижим, а про метро и совсем забыл, что это такое? Самоизоляция. Одна отрада: по «Культуре» сериал «Имя розы» — 8 серий по роману Умберто Эко: мистическое погружение в Средние века. Член францисканского ордена Вильгельм Баскервильский (его играет Джон Туртурро) ищет запрещенную книгу Аристотеля о природе смеха. На фоне наших сериальных пустышек Эко выделяется своим мощным текстом. Критики отмечают какую-то перекличку с другим писателем Хорхе Борхесом, а в целом в своей «Розе» (кстати, роза и вовсе не упоминается в романе Эко) Умберто устроил целый карнавал разных интеллектуальных штучек, идей, притч, иносказаний, что заставляет читателей романа и зрителя фильма все время напрягаться. И эти мощные образы инквизитора Вильгельма и человека-чудовище Сальваторе, который утащил молодую женщину в свое логово, чтобы она его полюбила. Прекрасный образ

ученика Вильгельма, ну, и прочее, вплоть до ужасного пожара и гибели монастыря… Проблемы зла, насилия и страха — вот основа сериала «Имя розы». А еще лихо закрученный сюжет с таинственными гибелями монахов, которые пытаются разгадать тайну древнего фолианта… Можно недоумевать, почему Эко интересовали Средние века. Ответ: нет ничего ближе… Я рад за своего ровесника, горжусь им и доволен, что написал о нем небольшое эссе. И я на одной волне с большим мастером: «Ирония — это мой подход к жизни».

7 мая — температура под 20 тепла, цветет черемуха, в траве повылезали желтенькие цветочки. А дома шпарят батареи отопления и нечем дышать. Карантин и самоизоляция продолжаются. Главный что-то лепечет и совсем не похож на прежнего мачо с голым торсом. Растерян и неубедителен. Все СМИ только о коронавирусе и экономическом кризисе, от Алексашенко до Глеба Павловского, от Невзорова до Максима Шевченко. И все сходятся в одном: Россия в пролете…

Неожиданный фавор от «Мемориала» — пакет, а в нем не продукты, а шоколадки. Подсластить пенсионеров? Пришлось кое-что раздать разным аптечно-магазинным девочкам. Раздавать

— приятно. А затем к нам свалился большой продуктовый пакет по линии ТВ — это озаботилась Лена Сылко через какой-то фонд «Красный квадрат». И как отметила Ще, мы крепко затарились, ну, а я говорю: всякое даяние есть благо.

15 мая — ужесточение карантина: предписано ношение масок и перчаток, и большинство надело намордники, и вся жизнь сразу прибрела какой-то марсианский оттенок, не люди, а пришельцы. Мы рождены, чтоб маски сделать былью… Маска или 4 тыс. штраф…

В последнем «Собеседнике» размышления «иноагента» Дмитрия Быкова, он моложе меня и, увы, креативнее. Вот его размышлизм «Победа будет, да не та»:

«Беда в том, что этой власти решительно нечего предложить в качестве объединяющей идеи — кроме все той же готовности погибнуть за родину. Новые запреты, угрозы и перспектива героической гибели — вот и все, что она может пообещать. Ни свободы, ни процветания, ни обновления: никто не верит, что она способна все это обеспечить. Только бесконечное обнуление, только вечная консервация… Тогда от победы (1945) ждали начала новой жизни — сегодня я не жду даже возвращения старой…» Прикладисто,

Дмитрий Львович, увесисто. Я, пожалуй, так не смогу. Молодой Нарышкин на «Эхо» возмущается, что Верховный ничего не решает и укрывается в надежном бункере. Ну, а народ, не защищенный ни средствами защиты, ни охраной, ни деньгами, настежь открытый вирусу, предается веселой забаве — «пальцы в рот и веселый свист». Смеется, ехидничает, издевается, отводит душу. И вот в «МК» с удивлением читаю незнакомого сатирика Сергея Плотова (род. в Омске) — подражание Давиду Самойлову:

Невыходные выходные,
Больничные и ментовские,
Где президенты обнуленные
И аусвайсы электронные.
Уже имбирь дороже нефти
Под изумленье «Скоко, скоко?»
Сидите дома, ибо нефиг
Болтаться с запада к востоку.
А это я на остановке
В неброской серенькой толстовке,
Я по привычке жду трамвая,
Купивши два кило перловки…

…Да как же это все совпало –
Страна, весна, Москва и вирус?
Как это все заколебало!
Похоже, год пойдет на выброс!
Невыходные выходные,
Сидячие и крепостные…
Россия в лапах пандемии,
А мы еще и пожилые…

Нет, я не отчаиваюсь, я долблю 3-ю книгу. Ну, а прочее?

Тут была ТВ-программа об итальянском кинорежиссере Франко Дзеффирелли, фантазер и трудоголик, я немного похож на него. Он работал в кино и в театре и поставил такие мощные картины, как «Ромео и Джульетта», «Иисус из Назарета» и др.

Ныне скупой на западные фильмы ТВ-канал «Культура» неожиданно побаловал картинами «Любовь под дождем», «Прохожая из Сан-Суси» и «Сезар и Розали», и все три с участием Роми Шнайдер. Ее партнерами были Мишель Пикколи и Ив Монтан. Роми отменно хороша, манкая женщина. Не чета нашим.

24 мая — отменен конкурс «Евровидение-2020».

Россия расколота на две части: власть озабочена парадом Победы и принятием поправок к Конституции, а у народа свои заботы и проблемы, как выжить. Хнычут, жалуются, стенают, рыдают и проклинают. Коронавирус обнажил проблемы истинного положения дел в стране (по мнению простых людей: бардак). А Путин вновь удивил всех своим пониманием всего происходящего, заявив, что Россия не просто страна, а отдельная цивилизация, с подтекстом: мы не такие, как все, мы — лучшие. Сидя в бункере, или в Кремле, или в какой-то отдаленной заповедной резиденции, оно так и кажется. И вокруг власти, — это добавляю я, — цветут лизоблюдство и византийство. И вот на горизонте молодой царедворец Захар Прилепин, создавший провластную партию «За правду». За правду, пропитанную ложью и фальшью.

Еще одна публикация в «Новой» (22 мая): «Вирус пренебрежения к культуре». В огромной России всего лишь 671 театр (и четверть зданий требует капремонта). Количество мест — 232 081 — мы далеко от США и всех стран Европы. В России на 146 млн приходится порядка одной тысячи книжных магазинов. Этому государству культура не нужна. Она даже опасна. Бренд и символ России — авто-

мат Калашникова. И определение все из «Новой»: «Самодовольное мурло… Самодостаточное зло…»

История Российского государства насчитывает немало преступлений. К примеру, историк Богуславский в «Новой газете» поместил материал «Семнадцать кавалеров» о том, как 22 июля 1937 года группу высших руководителей НКВД наградили орденами Ленина «за выдающиеся заслуги», а вскоре всех арестовали: 15 человек расстреляли, один покончил жизнь самоубийством и только один выжил — Лев Радин. И сколько таких иезуитских злодейств!

Сегодня — 80 лет Иосифу Бродскому. Он был ненужным чудаком для власти, а сейчас его настойчиво вписывают в отечественную историю, ну, как же, нобелевский лауреат! Прекрасный Иосиф нынче наш, как изгнанные в свое время Галич, Солженицын и многие другие инакомыслящие и диссиденты. И приведу одну цитату из последнего сборника Бродского «Пейзаж с наводнением» (1991) — «Письмо в оазис».

Не надо обо мне. Не надо ни о ком.
Заботься о себе, о всаднице матраса.
Я был не лишним ртом, но лишним языком,

Подспудным грызуном словарного запаса…

«Грызун словарного запаса» — какое точное определение, иронико-метафизическое…

Немного о другом. По ТВ гоняют старые программы Виталия Вульфа. Все как на одну колодку. У меня была одна лишь программа о Марлен Дитрих, и отмечу без ложной скромности, она была лучше многих вульфовских… Понравились два фильма: «Последний император» Бернардо Бертолуччи и французский фильм «Одна ночь в Лувре» о шедеврах музея…

Новые словечки: мани-тыринг, охрамление Москвы… Я придумал Холодрыжино и холодрань по поводу холодного мая этого года. Всего +10. Квартира промерзла, и приходится одеваться, как зимой. Ноги мерзнут. И это, очевидно, возраст…

Вставочка о ностальгии

Открутим время назад и вернемся к 1-му тому «О СССР — без ностальгии». 20 мая 2020 года «Новая газета» поместила большое интервью родившегося в СССР британского журналиста Питера Померанцева: «Раньше был коммунизм, а теперь триумф цинизма». Как заявил сам Пи-

тер, он специализируется по теме информация и пропаганда. И вот как он определяет ностальгию. «Ностальгия — это не про прошлое, а про то, что нет чувства будущего и неудобно жить в настоящем». В Советском Союзе идея свободного гражданина, который читает стихи, слушает джаз и может себя свободно выражать, подавлялась. Насаждалось единомыслие и преследовалось инакомыслие. Одна страна, одна партия, один вождь, и это не позволяло свободно дышать. А люди должны иметь право говорить то, что хотят, а их опутывают массовым обманом, государственной пропагандой и фабриками троллей. «Людей везде пытаются не убедить в высокой идее, а ввести их в заблуждение, запутать…» И в информационной путанице затерялся смысл фундаментальных понятий «демократия» и «свобода». И добавлю от себя: мы живем в океане лжи, где затерялись островки правды и справедливости, кругом гигантские волны неправды. Штормы. Цунами. А ностальгия — это маяк в прошлое, где кому-то мерещится, что там, в прошлом, было что-то настоящее и человеческое, а не только один террор и ГУЛАГ… Да, и Октябрь 17-го свершался под знаменами великих Надежд и чарующих Иллюзий. А к чему в итоге пришли?..

(26 июля 2020 г., в серый, затуманенный и отнюдь не летний день).

* * *

3 июня — эксперты подсчитали, что май 2020 года был самым дождливым за последние 200 лет. Старт холодно-дождливого лета. На улицу выхожу в осенней куртке и в свитере. Солнца практически нет, и дома неуютно. Власть озабочена только парадом и поправками к Конституции. В сотый раз говорят о помощи среднему и малому бизнесу, но денег не дают. Но поставлена задача: «Воспитание в детях радости от того, что мы родились и живем в России…» Условия и качество жизни — это детали. Главное: родились в России, так что дополнительные деньги ни на что не нужно — ни на образование, ни на здравоохранение, ни на культуру и т. д. Родились и будьте счастливы!.. Как пели в 30-х годах: «Здравствуй, страна героев, / Страна мечтателей, страна ученых…» А ныне совсем иные песни, так, в «Новой газете»:

Народ-созидатель, народ-судия
Ушел на невидимый план бытия:
Осталось какое-то стадо,
И стал осторожно подумывать я,

Что так ему, в общем, и надо…

И как возразить? В первые годы советской власти утверждалось, что народ — творец истории. А ныне творцы — только обитатели Кремля, они там творят-вытворяют. Как в цирке: «Видишь, морковку? Прыгни — и получишь!..»

Но оставим этот разговор, мучительный и тяжелый. Я не политик и не социолог. Переключаюсь на литературу: 1 июня Давиду Самойлову исполнилось бы 100 лет. В «Новой газете» опубликованы дневники и письма с женой Галиной Медведевой. Давид начал писать дневники с 1934 года, когда ему исполнилось 14 лет. О жене Самойлов писал, что «наши с ней отношения — самые важные в жизни, ибо обобщают всю жизнь». Вот и мы с Ще постоянные ведем диалоги, как у Самойлова с женой: «У нас уникальные отношения… всегда интенсивны, духовны, насыщены…» Я кратко писал о Самойлове, и хватит: о нем и без меня написано достаточно много. Мне подчас интересны те, о которых известно лишь в узких литературных кругах…

Подарок от ТВ — фильм «Рыбка по имени Ванда» (Великобритания, США, 1988). В роли авантюристки Ванды — Джейми Ли Кертис, дочь Тони Кертиса. А еще триллер «Пистолет “Питон

357”» с Ивом Монтаном. И бытовые страсти за стеной: в купленной квартире начался ремонт: шумы, визг дрели, стук. И это раздражает. «Ну не дают работать!..»

Послабление карантина: Собянин открыл с 1 июня парки, и вывешен график их посещения по домам — 3 раза в неделю.

14 июня — с 9 июня снят карантин, и мы с Ще спокойно дошли до Сокола, до углового магазина «Придурок» (не были на Соколе с 26 марта). Разблокирована социальная карта для поездок на транспорте для пенсионеров, — возвращение к жизни… Но социальная дистанция между людьми — 1,5 или 2 метра.

Глеб Павловский перед голосованием по поправкам к Конституции высказался о Путине, что он разрывается между двух заключений: 1) меня любят все, 2) меня обманывают все… Жуткое ЧП в Норильске: разлив 20 тонн нефти на ТЭЦ-3. Миллионные убытки, ущерб экологии. Не отстает и Америка: из-за убитого полицейским чернокожего Джорджа Флойда (мелкого уголовника) в стране развернулись расовые столкновения. Беспорядки, которые России и не снились. Мелкий воришка Флойд стал иконой протестов в Америке. Человек-никто и герой черных протестов!..

У нас пока иные волнения: дочь детского писателя Эдуарда Успенского посмертно обвинила отца в своих детских обидах, и ТВ с радостью устраивает шумные обсуждения в студии, и спьяну Михаил Ефремов совершил аварию, в результате которой погиб человек. И понеслось! Ведущая Скабеева вопит на шоу: наказать строго! 10 лет! Нет, 20! Нет, посадить навечно! И бушуют человеческие страсти. У всех накопилось и у всех накипело… По бытовым вопросам — взрыв эмоций, а по главным, определяющим (проводить ли парад, принять ли поправки к Конституции и другим) — тут тихо, как выразился кто-то: «И кротко в масочку сопят».

25 июня — получил новый набор книги и новые ошибки (где прежние дотошные корректоры?). К осени не уверен, а может быть, Новому году выйдет 1-й дневниковый том. А я приближаюсь к 3-му тому и хочу его завершить 2 сентября и поставить точку.

Здоровье какое-то шаткое, лента в машине отвратительная, а за стенами идет полным ходом ремонт соседней квартиры, беспокоюсь и сочувствую Ще, в общем не совсем все хорошо. Исправить ничего нельзя. И все же поднимать белый флаг и сдаваться не хочется. Будем биться!..

Даже с газетами нелады: кто-то закрылся, кто-то выходит через день через пень-колоду. Федеральные каналы гонят пургу-пропаганду или скажем по-другому: хреномуть. И нам доступно только дерзкое «Эхо Москвы», на волнах которого отводят душу и не стесняются нелюбви к власти Глеб Павловский, Сванидзе, Соловей, Владимир Рыжков, Максим Шевченко, Алексашенко, Гуриев, Пастухов, Мартынов, Пархоменко, отвязанный Невзоров, Юлия Латынина, кажется, из-за Прибалтики и т. д. Многие уехали и сражаются словом с властью издалека. Прямой наводкой бьют по патриарху Гуне, по главному, кто прячется в бункере, в туннеле и по его боярам-царедворцам. И находят такие слова, что вздрагиваешь, типа «обнулёныш» после обнулении сроков президентства. Ехидные и злые насмешки. И как закрыть рот народу?..

После ухода Путина будет Путин? — и вокруг этого словесная карусель.

17-го в «Новой газете» выступил Дмитрий Глуховский, писатель новой волны, со своими размышлениями «День, когда остановятся куранты» с подзаголовком: «1 июля 2020 года войдет в историю государства Российского как дата начала его конца». Глуховский считает: «В этот день

мы с вами окончательно откажемся от игры в современную демократию и распишемся в том, что страна пойдет по пути сатрапии среднеазиатского образца…» «Чтобы обеспечить покой первого лица и безвременье России, свободное общество в ней будет заморожено и упорядочено кристаллической решеткой полицейского государства…» Ни оппозиции, ни парламента. Конституция в стиле цыганского Марокко, которую мы называем «путинской Россией»… Бесконечная лесть и лизоблюдство со стороны подчиненных и подданных… «В начале Владимир Владимирович говорил нам, что он просто “работает”. Теперь он верит, что править Россией — его судьба…»

Ну, Глуховский! Не глухота, а вопль неприятия и отторжения нового российского вектора. Развития или стагнации, подъема или деградации?

5 июля — и зачем я это все записываю? Лично мне это надо? Или это простое любопытство неравнодушного гражданина страны, а что будет дальше? И пошагово вспомнить, как происходил перелом судьбы России.

Ну, а 1 июля был последний день голосования, и мы с Ще свои голоса оставили дома. Я против этого фарса-буффа, растянутого голосования где попало — во дворах, на пеньках, в багажниках

машин и других незаконных местах. Итог: «за» — 77,92% голосов, «против» — 21,27%. Эксперты взвыли: проценты — результат подтасовок и фальсификаций. Какой-то математик высчитал: вброс 26 млн голосов «за». Триумф — Путин навсегда, как Кащей бессмертный (еще одно народное определение). Сам триумфатор доволен, заявив, что теперь «никто не будет рыскать глазами, а кто преемник». Власть бессменная и нерушимая, а вам всем, холопам, смердам и прочим смертным: стоять смирно! и не дышать!.. «Новая газета» 3 июля поместила фото человека в майке с надписью: «Мы в жопе». А где, вы думали, еще?..

Кирилл Мартынов в «Новой»: «Вместо обнуления президентских сроков запущен процесс обнуления доверия к Кремлю…» Реальные союзники власти — теперь только силовики.

7 июля — все СМИ забиты итогами: кто сияет от счастья, кто сумрачно молчит, кто нервно смеется и ерничает. Россия как бы поделилась на две части: путиняне и антипутисты. Мнение восторженных выразил ведущий Клейменов в программе «Время»: «Путин — это и есть наш особый путь, наш локомотив в светлое будущее…» Ту-ту! И поехали! Только колеса дробно стучат по рельсам…

С локомотивом и будущим все ясно. Неясно с изданием книги. 6 июля отвез на Никитскую. Жду корректуру и обложку… Я жду книгу, а тем временем книжные магазины еще закрыты, и кто будет читать? В это светлое будущее с потемками средневековья?..

В «Новой» от 3 июля объясняющая публикация «банальность позора зла». Антрополог и психолог Дмитрий Дубровский объясняет, почему народ так вяло протестует против всякой несправедливости: «Просто не надо от людей слишком много требовать. Человек в его небольшой жизни вообще не обязан быть героем, борцом, революционером. У него, как правило, гораздо более скромные требования к окружающему миру».

Как у Галилея: «Но у него была семья»… Только отчаянные смельчаки, пассионарии, пламенные революционеры, народовольцы готовы отдать жизнь ради спасения остальных, пришибленных и молчащих…

Да, не написал о празднике Дня Победы, который, вопреки вирусу и логике, все же состоялся, как написал Проханов в своем «Завтра»: «Парад Победы был великолепен… Праздничный салют бесподобен. Казалось, это нашествие света, красоты имело космическое происхождение…» И далее

в таком же лжепафосном, детско-восторженном стиле. Единственно я согласен с Прохановым, когда он пишет с горечью, что «русскому человеку перестали говорить о возвышенном. Его потчуют скандалами, сенсациями, унизительными связями, жалкими, напоказ, отвратительными представлениями». Что верно, то верно. А попутно в газете Проханов лягнул Глебыча и назвал его выступления по «Эхо» «невзоровскими бредами». Эх, все мы немного бредим! У каждого пишущего случаются приступы бреда…

Вместо тишины, памяти и скорби – громыхание победы

Это не дневник, а отдельная вставка. Неистощимая жажда праздника и побед. А так как побед и достижений нет ни в развитии, ни в экономике, ни в уровне жизни народа, то нужен победоносный праздник, его даже коронавирус не остановил, а только немного отсрочил от дня 9 мая.

75 лет со дня Победы. Гип-гип ура! Столько времени прошло — новая жизнь, новые проблемы, новые задачи, а мы все оглядываемся назад, а отчаянные патриоты еще кричат: «Можем повторить!» Что повторить? Трагическую войну и

потерять снова миллионы соотечественников? И не случайно начало войны 22 июня всегда проходит тихо, незаметно, как будто и не было этого начала, и, соответственно, не хотят вспоминать, почему началась война, кто ее готовил, как СССР подготовился к войне.

И молодец коллектив «Новой газеты», выпустив 22 июня исследование «21 июня, как СССР пропустил войну» о горьких фактах, про которые власть старается забыть. И пакт Молотова — Риббентропа, и оккупация западных земель, и тут же в Бресте возвели огромные памятники Ленину и Сталину. И провели вместе с нацистским генералом Гудерианом совместный парад войск, советских и немецких. А поставки Германии для укрепления гитлеровских армий? А как мы подготовили к войне Красную армию: с 1938 по 1940 год сменив всех командующих войсками военных округов, обновлены были их заместители, начальники штабов. Кого арестовали (большой сталинский террор), кого просто отстранили. В общем, обезглавили собственную армию.

И зачем тогда удивляться победному маршу гитлеровских войск по территории СССР, и как мы, по воспоминаниям участника войны писателя Даниила Гранина, «драпали от немцев». А

пленение десятков тысяч военных в так называемых «котлах» под Смоленском и Ржевом? И еще многое-многое другое, жертвенно-трагическое. И никто не посмел спросить со Сталина за его полководческие ошибки и просчеты, и только хвала за Победу, которую одержал не он, а советский народ…

«Новая» привела выдержки из дневника Йозефа Пауля Геббельса. Любопытный дневник. Вот несколько выдержек:

27 мая 1941. «Наше величайшее достижение и деяние в области культуры состоит в том, чтобы победить демократию».

30 мая 1941. «Долго читал. За окном слышится монотонный шум теплого дождя. В комнате тихо и одиноко. Как же трудна жизнь!»

31 мая 1941. «Сводка из Латвии: отголоски русского зла. Они просто изнывают: “Гитлер, приди!” Это будет истинное крушение большевизма».

11 июня 1941. «Фюрер рассчитывает завершить кампанию за 4 месяца, я полагаю раньше…»

20 июня 1941. «Молотов высказал желание приехать в Берлин, но получил резкий отказ. Он еще наивно рассчитывал на что-то. Раньше надо было».

И так далее. А теперь выступление Сталина

5 мая перед выпускниками военных академий РККА в Кремле: «…когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению… Красная армия есть современная армия. А современная армия — армия наступательная».

А дальше факты, и один убийственнее другого. Накануне войны НКВД арестовал руководителей ВВС: Штерн, Смушкевич (дважды Герои Советского Союза), Рычагов, Ионов, Володин, некоторых из них в первые дни войны. «Всех страшно пытали, били, добились диких признаний» (автор публикации в «Новой» Павел Гутионов). Короче, подзаголовок этой публикации: «Как СССР пропустил войну». Но все эти подробности забыты, стерты, не вспоминаются под фанфары сияющей Победы, и, по существу, спорны строки Окуджавы: «Мы за ценой не постоим!» Миллион туда — миллион сюда, — подумаешь, какое дело! Главное: победа.

И еще одна публикация в том же номере «Новой газеты». «Самовары» России. К юбилею Сталина в 1949 году улицы Свердловска зачистили от искалеченных фронтовиков. А в Москве?..

* * *

9 июля — (возвращаясь к хронике дней) в «МК» от 8 июля комментарии на злобу дня «Нищета по Конституции». 44,6%, чуть меньше половины населения страны, живут с доходов ниже 15 тыс. руб. А кризис еще более увеличивает разрыв: нищие становятся еще беднее, а богатые богаче, железобетонная тенденция. И мир держится на этом. Но мы с Ще пока держимся за счет пенсий и старых накоплений, а гонораров нынче нет, лишь два раза в год синагога, организация «Джойнт», подкидывает малость. И мы пока (еще раз повторю) держимся, и даже покупаем черешню… А пропаганда продолжает делать свое дело: у нас все прекрасно, вопреки вражеским происками. И слоган: «Не ходите, дети, по ТВ гулять, может пропаганда всех перестрелять». В песне Шевчука: «Убей все, что сложно!» И, как в советские времена, народ тешит свою душу анекдотами.

Чукча вернулся из Москвы домой и рассказывает: «Однако, Москву видел. Лозунг “Все во имя человека, все для блага человека” видел. И чукча знает этого человека!»

Как отмечают шутники-аналитики: «Россия ввела режим патриотизма. А народ вместо ап-

лодисментов и криков «Ура!» только смеется и хихикает. А серьезный Леонид Гозман в «Новой газете» написал комментарий «Гибель республики» и отмечает, что властям и пропаганде не удалось убедить общество, что все в едином строю… Режим стоит на лжи и презрении к человеку». Многозначительно хмыкаю: н-да. Мое отношение? Я — не герой, да и возраст не позволяет взобраться на баррикады. Я — только летописец. Потявкал немного за машинкой на кухне и… и успокоился.

Взятие Бастилии

14 июля 1789 года — 231 год назад — день взятия Бастилии — начало французской буржуазной революции. Когда брали Бастилию, там было всего 7 узников. На стенах тюрьмы восставший народ написал: «Здесь танцуют». Через год Бастилию срыли… Крепость Бастилия была построена в XIV веке, а с XV использовалась как тюрьма.

К 1789 году из-за расточительства и роскоши королевского двора Франция испытывала сложнейший финансовый и экономический кризис, король вынужден был созвать Генеральные штаты — законодательный орган. Депутаты из третьего сословия объявили себя Национальным

собранием. 14 июля народные массы провозгласили Коммуну. Сформированная нацгвардия под руководством маркиза де Лафайета бросилась штурмовать Бастилию, чтобы захватить оружие. Лозунги: Равенство, свобода, республика — Égalité, Liberté, Republique!

Максимилиан Волошин 12 декабря 1917 года в созвучие русской революции написал стихотворение «Взятие Бастилии»:

14 июля 1789. Ничего.
Дневник Людовика XVI

Бурлит Сент-Антуан, шумит Пале-Рояль.

В ушах звенит призыв Камиля Демулена.

Народный гнев растет, взметаясь ввысь, как пена.

Стреляют, бьют в набат. В дыму сверкает сталь.

Бастилия взята. Предместья торжествуют.

На пиках головы Бертье и де Лоней.

И победители, расчистив от камней

Площадку, ставят столб и надпись:

«Здесь танцуют».

Король охотился с утра в лесу Марли,

Борзые подняли оленя, но пришли

Известья, что мятеж в Париже. Помешали…

Сорвали даром лов. К чему? Из-за чего?

Не в духе лег. Не спал. И записал в журнале:

«Четырнадцатого июля – ничего».

В 1790 году Бастилия была срыта… Ныне на ее месте на площади Бастилия высится высокая колонна с «Гением (духом) Свободы». Рядом расположилась Бастильская опера. Опера и балет — вместо тюрьмы. Да здравствует Франция! Да здравствует свобода!..

14 июля 2020-го по российскому ТВ показали праздник взятия Бастилии (он отмечается с 1880 года). Очень красочно, но скромно, без всякого военного парада, лишь пролет самолетов. Никакого пафоса, никакой фанаберии…

А теперь анекдот из нашей жизни, который я немного переиначил.

В школе на уроке истории учительница рассказывает о Великой французской революции и, в частности, о взятии Бастилии. И в конце рассказа

контрольный вопрос:

— Дети, кто взял Бастилию?

Молчание. Учительница обращается к самому шустрому мальчику:

— Вовочка, кто взял Бастилию?

— Я, Мариванна, не брал!

— Ах, ты не знаешь и не хочешь знать! Приходи завтра в школу вместе с матерью.

На следующий день учительница жалуется на нерадивого ученика Вовочку: не учит уроки, не знает, кто взял Бастилию. Мать Вовочки в ответ:

— А он всегда такой: что-нибудь возьмет чужое, принесет домой и не скажет, где взял и у кого. Прямо беда…

Учительница идет к директору школы и спрашивает, что ей делать с Вовочкой. Директор утешает коллегу:

— Мария Ивановна, не огорчайтесь, это такая семья, что Вовочка, что его отец: берут, тащат и не признаются, что отец, что сын… Недавно в подъезде пропали батареи отопления, и никто не знает, кто их унес… Ну, а в нашем школьном случае, может быть, утрату компенсировать деньгами? Кстати, вы не знаете, сколько стоит эта Бастилия?

Мариванна в шоке.

Такой вот миленький анекдот.

* * *

16 июля — 14-го была дата не только взятия Бастилии, но и появления в нашем доме Смартфона («Самсунг»). Эксперт по электронным делам Евгений Львович выбрал аппарат и провел первый урок обучения с Ще — 16 900 (смартфон 10 900, чехол — 1000, покупка, настройка, лекции — 5000). И по поговорке: не было у бабы забот, купила баба смартфон! Смартфон — это деталь частной жизни, а по стране через неделю после принятия поправок к Конституции покатилась волна арестов, и «Собеседник» съязвил: «Мы вам конституцию, а вы нам — наручники?» И свежеродившийся анекдот: «Счастье — это когда к тебе приходят с утра, стучатся в дверь с ордером на арест: “Это Мещанская, 5?” А ты гордо и радостно отвечаешь: “Нет, это Мещанская, 6!”»

Среди арестованных — «народный губернатор» Сергей Фургал (Хабаровск). Схватили, арестовали и увезли в Москву, и мгновенно в Хабаровске начались волнения и манифестации в поддержку Фургала. «А что Путин? — спросил в своей программе «Невзоровские среды» по ЭХО Александр Невзоров. — В бункере или на Луне». А тут еще

экологическая катастрофа — разлив нефти под Норильском, бенефис «Норникеля». Вместо сплочения страна пошла вразнос…

Ну и, конечно, ТВ удивляет своим разложением. Даже программу по «Культуре» о Мариусе Петипа не сумели сделать на уровне. Убогая халтура. Нет профессионалов. Торжество бездарных людей, привыкших к госкормушке — это они делают блестяще!.. Порадовало лишь интервью с моим героем в книге об эмиграции Севой Новгородцевым, ему 70 лет, он покинул Англию и перебрался в Болгарию. Живет по принципу: «Только вперед!»

24 июля — изнываю от ведения дневника, текущего и книжного. И принял решение: завязать, и выбрал даже дату — 2 сентября — 88,5! А дальше уже бессмысленно, и дневник может превратиться в бюллетень здоровья. Не встречи, не сочинительство, выступления, раздумья и книги, а только плохое самочувствие и недуги. Да это никого не интересует…

17-го в «Новой» — из репортажа из Хабаровска, мнение возмущенных хабаровчан: «Вы у нас не губернатора забрали. Вы у нас забрали надежду!» Кто-то из протестующей толпы: «Да я не то что за Фургала, просто достало все — во!..» И репортер:

«Хабаровск всегда был болотистый, унылый, послушный и вдруг взбеленился… Это протест загнанных лошадей». И отклик, резонанс, эхо пошло по всей России. И в Москве народ повалил на Пушкинскую: «Спасибо, нет!» и «Нет вечному вождю!». А федеральные каналы молчат, как будто в стране ничего и не происходит.

22-го Путин скорректировал национальные цели развития по сравнению с майскими указами 2018 года. Никакого вхождения в топ-5, а лишь через 10 лет двукратно снизить уровень бедности. То есть никакой уже Португалии. Никаких экономических рывков и достижений. А тихо и скромно, не торопясь. И достичь к 2030 году среднего возраста дожития в России — 78 лет. Развитые страны идут вперед, а мы застряли в болоте самодержавия и пятимся назад…

27 июля — я не выхожу на митинги и протесты, лишь на улицу в ближайшие магазины, не общаюсь с народом, не выступаю, полностью занят воспоминаниями (или мемуарами). Только просматриваю несколько газет («МК», «Новая», «Собеседник», «Спорт-Экспресс») да выборочно смотрю информационные каналы ТВ. И тем не менее я со страной, с народом, с его мучениями, чаяниями и надеждами. И порицаю режим и

ненавижу его пропагандистов-соловьев, которые называют протестующих «пьяной поганью».

Ирина Петровская в «Новой газете» 25 июля выступала на своей странице о лжи и умолчаниях:

«Я расскажу вам о том, что на самом деле происходит в стране, о том, что вы не увидите по телевизору. Я расскажу вам правду. По телевизору вам не покажут, что у действующего президента очень низкий рейтинг… Но это правда. По телевизору вам не покажут, что уже несколько месяцев по всей стране выстраиваются километровые очереди, которые требуют, чтобы политзаключенных выпустили из тюрем. Но это правда! По телевизору вам не покажут, что люди, которых хватает ОМОН, просто мирно гуляли по улице и не делали ничего плохого. Но это правда. По телевизору вам не покажут, что абсолютное большинство против нынешней власти и хочет нового президента. Но это правда… Сейчас телевизор в этой стране принадлежит только одному человеку, поэтому все, кто смотрит телевизор, никогда не узнают правду»…

«Пожалуй, российский телевизор сейчас — самое мощное средство дискредитации федеральной власти…»

1 августа — юбилей Щекастика — 80 лет. А если

соединить ее возраст и мой, то в итоге получится 168 лет! И можно падать в обморок! Но ничего, держимся. Хотели поехать в центр, на Никольскую, но раздумали и погуляли только в парке к/т «Ленинград». Скромный праздничный обед с красной икрой (200 грамм — 1100) и немецким пивом из немецкого бокала, подаренного в Мюнхене. Более 20 телефонных поздравлений, в том числе из Дортмунда. Наташа: «В Анином юбилее — твоя заслуга, что ты сумел довести девочку до совершеннолетия…» И розы. Людочка заказала из Нью-Йорка, и их доставили: букет роз и кремово-шоколадный торт «Черный принц», был в гостях и помогал освоить смартфон Альберт и подарил букет из 11 розовых роз. И, наконец, через Ирину Эдуард преподнес целую корзину из 30 роз и еще с какими-то цветами. Тяжеленная корзина с очень духовитым запахом, выставили на балкон, и все время подходим и восклицаем: «Настоящий розариум!» А еще парфюм из Парижа: духи «Шанс Элизе» и туалетная вода. Так что юбилей скромно, но со вкусом.

7 августа — стремительно меняется повестка дня. Ушел на задний план коронавирус, хотя штрафы за неношение масок в магазинах и на транспорте, свирепствуют.

24 июля умерла Нина Андреева. Автор письма в редакцию «Советской России», которое потрясло страну и называлось «Не могу поступиться принципами». Заурядная преподаватель химии в роли Жанны д'Арк российского большевизма. Состряпала не без помощи умелых рук манифест антиперестроечных сил. Против гласности, демократии и реформ. Манифест был опубликован 13 марта 1988 года. Демократы ополчились на Андрееву, она уволилась из института, в последние годы она жила в полной безвестности. Но ярко сверкнула. «Новая газета» поместила большой материал, как обсуждали ее на заседании Политбюро. Вырезку оставлю для архивов в досье «История СССР».

Ушел из жизни еще один известный человек и даже весьма любимый в народе — профессор Александр Беляев, который рассказывал по ТВ о погоде. Беляев признавался: «Для меня, как ведущего, важна не погода, мне кажется, нужно дать настроение — теплое, домашнее, чтобы всякие катаклизмы не угнетали людей, в жизни которых и так хватает неприятностей…» У самого «профессора погоды» умерла мать, затем жена, с 2001-го он сам боролся с онкологией. И вот в конце июля его не стало. «Собеседник» тепло написал

о нем, только вот не привел ни одной даты: ни рождения, ни смерти, что меня, как летописца, возмутило…

Еще одна утрата — создатель олимпийского талисмана — мишки умер 20 июля, на следующий день после того, как отметили 40 лет начала московской Олимпиады. Россию на Западе давно представляли в виде свирепого медведя, как слона в посудной лавке, а художник Виктор Чижиков представил его мирным, обаятельным и симпатичным…

Странно ушел из жизни ветеран советского спорта, олимпийский чемпион по вольной борьбе 82-летний Александр Иваницкий: пошел за грибами в подмосковный лес и утонул в речке (случайно или преднамеренно?). Он работал в Радиокомитете и возглавлял спортивную редакцию. Я его помню, но с ним не общался, а только с комментаторами Перетуриным и Писаревским…

Еще одна печальная публикация в «Собеседнике»: «25 лет у постели генерала Романова». В Грозном перед мостом в туннеле на площадь Минутка 43-летний генерал был взорван в своем автомобиле. Выжил, но находился в коме 18 дней, а потом долгие годы прикован к постели. За ним 25 лет героически ухаживает жена Ла-

риса Васильевна, бывший директор магазина «Библио-Глобус», которая ко мне относилась с симпатией…

В связи с праздником в Питере по Неве возили на катере мощи адмирала Федора Ушакова перед строем военных кораблей-громадин, и как написала «Новая», мощи адмирала давно разрезаны на куски и их возят по городам для поклонения, вдохновения, для прилива патриотизма, для чего?! Военно-морское мракобесие…

Ушаков отвоевал Крым у турок в Керченском сражении 1763 года. Отвоевал, а вот другие исторические события стран Балтии. Согласно советской историографии, мы принесли им свободу и счастье, приняв в дружную семью народов СССР. Ан нет, это была совсем не их история, о чем поведала «Новая газета» в номере от 5 августа, как Советский Союз в три этапа аннексировал Прибалтику после злосчастного пакта Молотова — Риббентропа. Первый этап — протекторация. 28 сентября 1939-го Эстонию заставили подписать пакт о взаимопомощи с СССР, в тот же день в Кремле подписали такой же договор с Литвой и переместили Литву из нацистской в советскую сферу влияния. Затем Латвия. Второй этап: оккупация. В ночь с 14 на 15 июня 1940 года, на-

кануне падения Парижа, в Кремле был вручен ультиматум Литве с требованием об образовании нового правительства и на ввод в страну неограниченного числа советских войск. На ответ было отпущено 12 часов… К 17 июня 1940 года все три балтийских государства были оккупированы советскими войсками.

И, наконец, 3-й этап: инкорпорация, то есть включение Балтии в состав СССР с помощью наместников: знаменитый прокурор Вышинский прибыл в Латвию, Деканозов, один из организаторов Большого террора, в Литву, а в Эстонию — новоиспеченный член Политбюро Жданов.

Президенты — Карлис Улманис Латвии и Константин Пятс в Эстонии — пошли на безоговорочное сотрудничество. А литовский президент Антанас Сметона сбежал… А далее воскресение местных коммунистических групп из подпольного небытия, формирование новых органов власти, 90-процентное голосование «за» и «дружные овации» товарищам Сталину, Молотову и всему советскому правительству.

Президент Улманис был депортирован и умер в ссылке в Туркмении, эстонский президент Пятс попал в психиатрическую клинику с диагнозом, что он утверждает, что является президентом

Эстонии, пострадали дети и другие родственники балтийских президентов. И литовский президент Сметона добрался до США и погиб во время пожара в Кливленде в 1944-м.

И последний камешек в эту историческую картинку нашего прошлого. Писатель Вячеслав Пьецух (18 ноября 1946 — 2 октября 2019). Без даты «ЛГ» неожиданно вспомнила его: «Читайте Пьецуха». Увы, я его как-то прозевал, читал о нем, но не его самого. Как написал автор публикации Марк Розовский: «При жизни его уважали, им восторгались, но как-то странно: он жил и творил без большой славы с приглашениями на все и отовсюду…» Когда Пьецух получил первую лит. премию, он даже шутливо обиделся: «Лестно, конечно. Но еще недавно какая красивая была жизнь! Ни одной награды, ни одной критической статьи за все 34 года писательства! Такой сюжет мне испортили!»

Юморист, но главным образом — сатирик. «Пытаемся ли строить Царствие Божие на Земле, а получаем краснознаменную империю и лагерь за колючей проволокой размером в одну шестую часть суши». И еще: «Посеешь огурчик, а вырастет разводной ключ». Розовский отмечает, что главным его делом было посмеяться над Росси-

ей и плакать о России — вместе с Россией… От Чехова Пьецух принял анекдотическую правду абсурда реальной жизни, своеобразный реализм житейского сюрреализма. По Пьецуху, наша Россия изначально исковеркана, безобразна и абсурдна, и ему остается видеть ее такой, какая она есть, — значит, живописать правду. «Кто же он при этом? Патриот? Клеветник? Злобный карикатурист? Да нет же, нет… Он самый настоящий, интеллектуальный почвенник…» И в заключении Розовский: он — наш классик («ЛГ», 15 июля 2020).

Мастер иронического реализма умер на 73-м году жизни. Пьецух — близкая мне душа и некоторая схожесть стилем. Полное отсутствие торжественного пафоса и половодье иронии, когда оглядываешься на прошлое России и всматриваешься в ее сегодняшний день…

13 августа — что-то руки не доходят до дневника. Из личного ничего особенного. «Никитские ворота» запутались в переверстке, и мой визит туда откладывается. Пока Ще читаю первый том и влез в 1987 год, когда мы неудачно отдыхали в Коктебеле, но не это главное, а то, что после очередной читки нахожу все время пропущенные ошибки, и нет надежд на корректора… 9-го

торжественно вынес с балкона корзину роз от Эдика (время восхищаться и время расставаться), а вечером 9-го выборы в Беларуси, и началось! Спец-репортаж в «Собеседнике»: «Ночь, улица, ОМОН, гранаты», но об этом попозже. А до этого жуткий взрыв в Бейруте: в порту взорвался склад нитрата аммония. Итог: 158 человек погибли, ранены более 5 тыс. Разрушения жилищного фонда на миллиард долларов. И снова «русский след». А конечный результат: в Ливане пало правительство, и народ бунтует.

«А у нас в квартире газ…» Нет, это не детские стихи и игрушки, а нормальные люди не могут прийти в себя, как их обдурили с голосованием за поправки и обнуление президентских сроков. В последнем номере «Собеседника» Виктор Шендерович: «Это в современном государстве люди переизбирают власть, а у нас, извините, Золотая орда»…

Историк Юрий Пивоваров: «Поезд, который отправился от станции “тоталитаризм” в сторону станции “демократия”, прибыл в тупик “неототалитаризма”. Там есть кипяток, сухари, залежалые консервы. Но нет прав институтов, выбора свободы и прочего…» («Новая газета», 10 августа). А называется пивоваровский коммента-

рий «Хождение России к урнам», и, как говорил старый профессор из фильма «Сердца четырех»: «Прелестно! Прелестно!..»

А Мельман в «МК» вспомнил первый съезд народных депутатов, письмо «Раздавить гадину» (коммунистов), выборы осенью 1993 года и крик Юрия Карякина о победе ЛДПР: «Россия, ты одурела?» И, как заметил Ал. Мельман: «Шли годы, но тот крик Карякина живее всех живых...» (29 июля).

И вот новый альбом БГ — Бориса Гребенщикова о том, как перестать бояться и выйти из Вавилона.

> *Я отказываюсь верить вашим сытым сволочам.*
>
> *Я отказываюсь быть камнем в вашей стене.*
>
> *Отказываюсь быть трупом в вашей войне.*
>
> *Отказываюсь маршировать в вашем строю.*
>
> *Идите к Богу в рай, а я еще спою!*

И кто-то написал автору песни: «Вот он и уходит, этот омерзительный Вавилон». Нет, не уходит. Он скрежещет и пыхтит в Беларуси и

чуть плавнее в России… «В стране политических нулей» («Новая», 12 августа). Беда: в стране отсутствуют структуры и институты, которым люди могли бы искренне доверять…

Хватит политики! Лучше о случившемся казусе. Лена Сылко сватает меня в какой-то фонд ветеранов радио и ТВ (какие-то льготы и прочее). И они просили дать интервью. И вот 11-го приехала бригада: то ли продюсер, то ли редактор Татьяна Ермакова с двумя девочками-помощницами. Никаких громоздких камер и шнуров, ламп освещения, а интервью на смартфон, да еще в качестве гонорара: лоток с эклерами и берлинским печеньем. Долго рассказывал о ТВ, о «Старой квартире», «Академии любви» и прочих ТВ-подвигах. Им все понравилось, досняли книги, альбомы, фотографии. «Докладываю» Сылко о визите, она: «Да это наши конкуренты! Фонд Влада Листьева. Они все у нас воруют!..» А откуда мне знать об их конкуренции и разборках? Ермакова разглагольствовала о возможностях: санатории, врачи, продзаказы, книги… На последнее я клюнул и подарил две — «Клуб 1932» и Дневник 90-х лихих годов (мой взлет на ТВ) — авось, какой-то будет резонанс или переиздание…

Летописец Пимен не успевает фиксировать но-

вости. Путин радостно сообщил, что мы первые в мире смоделировали вакцину от коронавируса. «МК» сегодня откликнулся: «Куда несешься ты, Covid!» — поспешная презентация вакцины вызвала оторопь у многих специалистов… Финальная зачистка после выборов — белорусские силовики превратили Минск в город-призрак… Экономика не выходит из штопора — экономика достигла дна? Всплытие покажет… «МК» и «Новая» отмечают 20-летие гибели атомного ракетоносного крейсера К-141 «Курск». Весь экипаж — 118 человек погибли. Что произошло? Кто виноват? Кто ответил за катастрофу? Расследование не кончено. И усмешечка главного: «Она утонула». Как написано в «МК»: «Наша главная военная тайна». Уж очень много этих нераскрытых тайн у России…

Ладно, переменим темы: на 11 августа доллар — 73,78 руб. Евро — 86,83. Потом будет интересно вспомнить эти скачки и ухмылки валюты… А в первом туре нового чемпионата по футболу первый громкий скандал: судья Василий Казарцев назначил два пенальти в ворота «Спартака», и поднялся вой спартаковских фанатов на всю страну: брань, угрозы, и Казарцев в «Сов. спорте» заявил: «Россияне, опомнитесь, давайте будем

людьми!» Общество так накалено и насыщено злостью, что вот-вот произойдет взрыв агрессии. Русская классика: кто виноват? и что делать?.. А погода тем временем не летняя — пасмурно, дождит и прохладно, всего +13.

26 августа — дневник заброшен и агонизирует, как Батька в Беларуси. 14-го ездил на Никитскую и получил верстку — 382 стр. Прочитал, отвез, и переверстка (в 3-й раз читаю). Усталость и раздражение на фоне плохого самочувствия: что-то вступило в правый бок и отдает в ногу, временами ползаю: мазь и лекарство не помогают. Мы с Ще глядим друг на друга и расстраиваемся, а что будет дальше?.. Дневник как бюллетень здоровья? Не надо!.. А тут еще уходы: борец с Юрием Любимовым Николай Губенко, певица Легкоступова (единственный хит «Ягода-малина» и какая-то нелепая смерть).

Но главное, конечно, что будоражит почти весь мир, — события в Беларуси и отравление Алексея Навального. 9-го в Беларуси были выборы, и Лукашенко «нарисовали» 80 процентов, народ возмутился, и сотни тысяч вышли на улицы с протестами. Жесткий разгон, и Батька в бронежилете, в каске и с автоматом Калашникова (!) с наследником Колей демонстрировал свою

боевую готовность против собственного народа, которому он надоел хуже горькой редьки.

Как написал Юрий Рост в «Новой газете» от 17 августа, «Каратель по вызову»: «…Оккупанты на этот раз не пришли в Беларусь. Их вырастил дома диктаторский режим Лукашенко, единственная цель которого удержать власть…» А против карателей мирные люди, которым «Нужна только свобода: можно без денег» («Новая», 21 августа). И вот два тренда: «Насильно мил не будешь» против «Не допустим краха Беларуси» («МК», 21 августа). «Лукашенко — новый Чаушеску». Ну, а с автоматом Лукашенко «в стиле Альенде» (25 августа, «МК»). Против своего народа? В ответ ненависть, смех, анекдоты:

Помощник Лукашенко: «Александр Григорьевич, наконец-то вы стали выездным». — «Да? И куда моя первая поездка?» — «В Гаагу».

Был момент, когда Лука дрогнул и запросил помощь из России. «Путин, введи войска! (Спаси меня, Путин)». Последний диктатор Европы!

Заголовки в «МК»: «Истерика, страх, агрессия», «Ты виноват лишь в том, что хочется мне править», «Он считает, что рожден для управления Беларусью» и т. д. А в ответ мирные протесты с плакатами: «Хватит мучить людей». И призыв

«мастеров культуры» России: «Сдавайте ордена!» И первым сдал Владимир Спиваков. «Не ревнуйте, хлопцы! Зарабатывайте и сдавайте свои ордена» («Новая», 24 августа). Спиваков — Лукашенко: «Мне стыдно носить ваш орден. Сегодня мое сердце бьется в унисон с народом Республики Беларусь… Люди рождаются для того, чтобы их любили, а не унижали, и тем более калечили. Вы, вероятно слышали о том, что “плачущие утешатся”? Так и будет!»

Напрашиваются аналогии, но о них промолчим… Да, есть честные, благородные люди. Их мало, но они есть. И в один из прошедших дней по «Культуре» на ТВ показали программу о Вениамине Блаженном (Айзенштадт, 15 октября 1921 — 31 июля 1993). Неизвестный мне поэт. Жил и умер в Витебске. Удивительные стихи о жизни, страданиях, о Боге, причем с Богом разговаривал на равных, хотя Бог на небесах, а Вениамин на земле. Блаженный спрашивает, где был Бог, когда убивали Пушкина и Лермонтова? Бог: я спал… Вениамин Блаженный встречался с Пастернаком и показал ему свои стихи, заявив, что у каждого поэта из 10 стихов есть два хороших. «А у меня?» — «У вас 3–4», — ответил Борис Леонидович.

Такие программы — редкость на ТВ. В основном

ментовские разборки, шоу, ДНК, мордобой и т. д. Вчера на первом канале разбирали заявочку Марии Максаковой (после убийства ее мужа Вороненкова она живет на Украине), что она — внучка Сталина. Ее бабушка — певица Большого Мария Максакова (Кармен, Любаша и т. д.), якобы родила дочь от вождя, который почитал ее как лучшую певицу. А бедная дочь Людмила Максакова (1941), артистка Вахтанговки, всю жизнь мучилась, кто же ее отец? Жгучая, загадочная история. И в студию пригласили несколько потомков по линии Сталина. Итак, внучка Сталина — это для пиара или для чего? Строки Марка Шагала: «Я сын Твой, ползать / Рожденный на земле…»

Вениамин Блаженный писал стихи о высшем, а Володя Вишневский изгаляется на злобу дня, и на его день рождения 20 августа «МК» поместил новую подборку «Не только короновирши».

Тут проснулся… И чего ж так невесело?!

— Подожди — дай начаться последним известиям…

— А ну как выпустят нас на улицу?

— Не волнуйтесь, все амбразурится!..

Дымчатое утро, 10:27. Ще поехала к врачу-офтальмологу Бурденко, а я, преодолевая боль в пояснице и ноге, засел за отказывающуюся рабо-

тать хорошо машинку…

27 августа — вернусь к анонсированному Алексею Навальному. 21 августа в «МК» в рубрике «Громкое дело» появилось сообщение под заголовком «Загадка отравления Навального». Он летел из Томска в Москву, и в самолете ему стало плохо. 20 августа он был отравлен, а еще в большей степени оказалась отравленной общественная атмосфера в России (Михаил Ростовский). Выпил чаю в томском «Венском кафе» и… 21 августа «Новая газета» на первой полосе: «Сущий яд». Алексей Навальный в коме. Такие преступления в России не раскрываются и толком не расследуют, во всех случаях отравляющее вещество не было установлено. И длинный список нераскрытых отравлений: Александр Литвиненко — тут доказали: полоний. Сергей Скрипаль и его дочь Юлия — «Новичок». А в других случаях шито-крыто: Юрий Щекочихин (2003 год), 2004-й — Анна Политковская (а затем в 2006-м убита), дважды травили Владимира Кара-Мурзу — младшего. Травили Егора Гайдара, убили Старовойтову, Эстемирову, Немцова и т. д.

Выстрел — это как-то банально, а вот отравить — это изысканно, и можно сразу вспомнить средневековых мастеров отравлений — Екатерину

Медичи и Александра Борджиа. «Яд как часть традиционных ценностей» (Юлия Латынина, «Новая», 21 августа). И в этом же номере «Новой» — историк Леонид Млечин «Корпорация киллеров»: ледоруб по черепу Троцкого, и пошло, и поехало — сплошные криминально-политические романы. И без Димы Быкова никак нельзя (его самого слегка траванули, но пощадили, и вот «Обменное» (24 августа, «Новая»):

Есть вещество у нас такое
Невидимое, как среда.
Мы, всю планету беспокоя,
Его развозим кто куда.
Мы им неслыханно богаты,
Оно нам заменяет стиль,
Его развозим мы и в Штаты,
И в край, где Солсберецкий шпиль…

Возвращаясь к Навальному, был драматический перевоз его, находящегося в коме, в Берлин, в лучшую клинику «Шарите», где в отличие от наших врачей диагностировали: отравлен (знаменитые фразы: «Лодка утонула», «Он заболел» — фамилия нарочито опущена). И вот резюме Латыниной: «Эта попытка отравления

сделала Навального крупнейшим легитимным политиком России в глазах Запада. Это Навальный — личный гость Меркель, а не Путин» (26 августа).

Ладно, теперь о другом. 2 сентября открывается книжная ярмарка, впервые в Манеже: предварительная запись, строго отмеренное время, маски, перчатки, «Никитских ворот» нет, — и я решил не ходить. Да и моих книг наверняка не будет. Время новых писателей Прилепина и Шаргунова, на этом празднике чуждых мне книг я лишний. Моя задача, чтоб вышел 1-й том воспоминаний и дневников. А пока… второй день не выхожу и не очень уверенно и с болью хожу по квартире. И неожиданный подарок: вчера на стадионе Яшина динамовцы обыграли многомиллионный «Зенит» — 1:0. Унизили Газпром. Но тем не менее в будущее «Динамо» не верю: нет классных игроков, и одного желания и воли мало для серии побед.

3 сентября — вчера, 2-го, исполнилось 88,5 лет. У Феллини фильм «8½», а у меня свой «Амаркорд»: 88 с половиной. Жуть и кошмар. И как решил: заканчиваю дневник. Обрываю этот затянувшийся свод событий, фактов, размышлений, встреч, заметок о прочитанном и увиденном,

погоде и т. д. Неужели есть чудаки, которые все записывают для истории и личной памяти? Есть! Недавно ушедший писатель Игорь Яркевич (на 58-м году жизни), автор трех романов. С 2006 года вел открытый сетевой дневник о культуре, политике, экономике, общественной жизни в России и мире. За «новые типы прозаического мышления, стиля и языка» удостоился премии «Нонконформизм». Я вроде бы занимаюсь тем же, но не сетевым, а книжным дневником, нонконформизм есть, а премии нет, ну и уже привык быть на обочине лит. тусовки. За мной никто не стоит и никто не пиарит. О Святославе Бэлзе написали «Белая ворона голубого экрана», а я белая ворона отечественной литературы. Вот Вениамин Смехов выпустил книгу «Жизнь в гостях. Воспоминания» — 848 стр., 3400 экз. Молодец, конечно. Но я думаю, мой трехтомник воспоминаний и дневников получше, пополней и круче. Предполагаю, что у Смехова все крутится вокруг театра и кино, а у меня много про разнообразную жизнь, про политические танцы, много стихов и извлечений из мудрых книг. И все равно я не выиграю соревнование у Смехова, да и первый том еще мурыжится в издательстве. Смехов уже на ярмарке, во всей красе, а Яркевич вообще умер

почти молодым. Так что не будем сравнивать: у каждого своя кредитная история (кредит, полученный от Бога?).

Многие воспоминатели не могут выйти за круг своей личной жизни, а меня почему-то волнует внешний мир и братская Беларусь (может, потому, что отец родился в Витебске, и я в детстве дышал воздухом Беларуси? Когда-то я симпатизировал Лукашенко, когда он бодался с Путиным и был несговорчивым, упертым переговорщиком и тянул союзного кота за хвост. А теперь я его не приемлю, как сумасшедшего буйного диктатора, который бросил против собственного народа водометы, армейские бронетранспортеры и боевые машины пехоты. Аресты, избиения, пытки. Ну, гусь!).

В воскресенье, 30 августа, у Батьки был день рождения. Как написала «Новая газета»: «День рождения диктатора прошел весело». Цитата по газете:

«Народ подготовил своему президенту много подарков — один другого креативнее. Одни несли здоровенного таракана из покрывала. Другие — черный гроб с надписью “политический труп”. Остальные держали в руках совершенно издевательские плакаты. Пару раз толпа прокричала

“Чтоб ты сдох!”, но это был скорее эксцесс. В основном люди над своим президентом хохочут. Нет, даже не хохочут — откровенно издеваются».

На улицы Минска вышли тысячи белорусок в белых одеждах и с плакатами «Женская сборная Беларуси по вольной борьбе с режимом!». А в ответ — «последний довод короля» — бронетехника… Многие журналисты отказываются служить режиму и покидают белорусское ТВ, одна из них, Ольга Бельмач, призывает: «Белорусы, держитесь, вы заслуживаете быть счастливыми! И живыми! Силовики, остановитесь!»

В России тоже кое-кто покинул наше ТВ, как написал Мельман в «МК» (19 августа): «Все, кто хотел у нас уйти, давно уже ушли — от Парфенова до Лошака. Остальные радуются жизни и светятся — от счастья и в “ящике”».

Ну, а 66-летний батька? Вчера «МК» в рубрике «SOSеди» опубликовал заметку «Откуда у батьки афганская грусть. Грозит ли Александру Лукашенко судьба Хафизуллы Амина». Вопрос. Амин тоже позвал на помощь советские войска, и они пришли. Амина убили и поставили во главе страны своего ставленника, и раскатилась вовсю афганская война… Мы этого хотим? Конечно, Запад хочет изъять Беларусь из объятий Москвы,

а Москва не хочет выпустить Беларусь из сферы своего влияния. А белорусский народ хочет свободы. «С днем рождения, крыса!» — кричали демонстранты в Минске. Грызунами назвал батька всех, кто вышел на улицы. Наверно, в итоге будет горячо, если на белорусскую землю вступит определенный резерв из сотрудников правоохранительных органов России, как сообщил Путин. Объявлено: Лукашенко едет в Москву на переговоры: то кочевряжился от союзного государства, а сейчас приползает на коленях сам. Интересное кино намечается!..

А отравление Алексея Навального — это начало политического сериала с весьма мрачными последствиями для России, финансовыми и имиджевыми. Успешно продолжаем «бомбить Воронеж» и все по любимой Родине. Вчерашний номер «Новой газеты» посвящен «Сезону открытых убийств»: «Отравление Навального, как и арест Ходорковского, — это начало новой эпохи. Это сигнал о том, что политические убийства и насилие приемлемы на любом уровне…» (Юлия Латынина). На первой полосе заголовок «Титушки удачи. У них широкий арсенал — от фекалий до «Новичка» — возрождение политического террора в России». Ехали-ехали и приехали. Ба,

знакомая станция: террор, и вот уже вслед за Навальным: «Егор Жуков — молодое избитое лицо российской оппозиции» («Собеседник», № 33). И комментарий: «На кого бы еще напасть?.. Кто остался-то?..» А ряды оппозиционеров давно поредели. В том же «Собеседнике» о покушении на Навального: «Нет лидера — нет протестов!»

По старой песне 30-х или позднее годов: «Эх, хорошо в стране советской жить!..» Читал я все эти материалы, затуманился от тоски и набросал строки:

Кто-то рвался ввысь –
Не положено! И рысь
Мчится, чтоб загрызть.
Или проще – «Новичок».
Нет полета. И молчок!..
Был смельчак – и нет его.
Тишина. И никого.
На поляне лишь цветы
Очень мрачной красоты…

Вот такие цветы и пирожки. Пирожки тоже с ядом?.. Волнующее время для историков.

4 сентября — после отмены карантина, кроме

«Никитских ворот», никуда не ездил, ни с кем не встречался, по телефону тоже почти не общался, только магазины вокруг и дома: читаю прессу, смотрю и слушаю информационные программы, и все! Идеальная пенсионная жизнь. Удивляюсь смелости и дерзости Невзорова, Шендеровича, Максима Шевченко, которые словесно уничтожают власть и критикуют пассивный народ. «У нас нет нации, есть разнообразный народ, размазанный по бутерброду своей огромной территории, не связанные регионы со своими проблемами и никакой объединяющей идеи…» А власть господствует, царствует, даже Максим Галкин как-то резанул правду-матку: «Беда не в том, что есть бедные и есть богатые, а то, что богатые никак не могут нажраться». Россия разделяет 137-е место среди коррумпированных государств вместе с Кенией, Парагваем и Угандой («Новая» — в материале Кончаловского, 4 сентября). Андрей Кончаловский: «Коррупция при Сталине была под жесточайшим прессингом. А сейчас мы живем в свободной стране и воровать можно сколько угодно». Добавлю: силовики крышуют и сами занимаются отъемом и грабежом богатых предпринимателей, — и это ежу ясно! «Спокойно, дружище, спокойно», — как совето-

вал Юрий Визбор.

Леонид Млечин в номере «МК» от 21 августа в «Свободной теме» вспомнил путч ГКЧП. ГКЧП продержался всего 3 дня, но эти три дня разрушали наш страну… Проблема ГКЧП состояла в полной бездарности его руководителей… Развал СССР, никому не хотелось оставаться в положении «младшего брата»… Гайдар спас Россию практически от голода и бунта. И чем все кончилось? Млечин: «Деньги и власть опять достались кому-то другому. И нет сил это изменить».

В том же «МК», 26 августа, Марк Розовский: «Сталин и Гитлер: два сапога пара. Можно ли сравнивать людоеда с палачом?» И далее подробно о том, что «тиранов многое роднило». И концовка: «Немцы отказались от гитлеризма, а мы еще плещемся в сталинском болоте».

Я предвижу, как кто-то из читателей кривится: а можно поговорить не о Гитлере и Сталине, не о злодеях, а о нормальных людях, и хотелось бы о выдающихся и со всех сторон хороших? Можно, конечно, даже нужно. Людям необходимы ориентиры, маяки, светильники ума, творцы. Но наше ТВ специализируется в основном на сенсациях и скандалах, предлагая телезрителям увидеть и послушать средненьких мерзавцев и

упырей. А иногда в этом мрачном ТВ-царстве пробивается луч Света. Именно таким лучом и стал документальный фильм по каналу «Культура» о композиторе Шнитке. Мы с Ще словили кайф и вспомнили свои публикации. Щекастик в книге «Двое» (2014) представила Шнитке так: «Один рояль на двоих» — Альфред и Ирина Шнитке. Мягкий, задушевный, интимный текст с вкрапленными стихотворными строчками Иосифа Бродского. Ще, как женщина, порассуждала о жене гения. Жизнь сделала ее спутником великого человека, и трудно сказать, награда это или испытание на преданность духа и чувств. Альфреда Шнитке не стало 3 августа 1998 года, 22 года назад…

Мой материал «Шнитке. И этим сказано все» был опубликован в журнале «Алеф» в сентябре 2012 года. Вот начало:

«Иногда мне кажется, что я — литературный авантюрист: замахнутся — и на кого? — на Альфреда Шнитке… И вот замахнулся: хотелось хотя бы издали приблизиться к музыкальному гению.

Собирал по нитке:
факты о судьбе,
несравненный Шнитке,

лунный след в воде.

Не солнечный Прокофьев,

а лунный Шнитке…

Весь переливающийся, мерцающий и зыбкий.

Между жизнью и смертью, перешедший грань.

И ушедший в вечность…»

Есть искушение перепечатать весь текст, но книга и так лопается из-за громадья страниц. Отмечу для тех, кто не знаком с жизнью и судьбою Альфреда Гарриевича: долгий путь к признанию, критика коллег за пристрастие к музыкальному коллажу. Так, Георгий Свиридов пытался уничтожить Шнитке, написав: «Комиссионный магазин: все добротное, шикарное, но все ношеное, подержанное, подновленное, чужое».

Шнитке написал много оригинальных и самобытных вещей. Упомяну лишь оперу-шедевр «Жизнь с идиотом» (либретто Виктора Ерофеева, постановка Бориса Покровского). В опере герой по имени Вова иногда надевает маску Ленина и поет: «Я слышу лебединую песню революции».

У нас «Жизнь с идиотом» не прошла, а в Амстердаме сверкнула весной 1992 года в одном из

театров. Овация на премьере длилась 35 минут.

Альфред Шнитке ушел в вечность, а мы остались продолжать «Жизнь с идиотом». Ах, если бы только с одним… И сразу в памяти возникает безумный Лукашенко с автоматом Калашникова. В коллажах жизни много подобных персон.

5 сентября — вчера оборвал дневник, устал, а хочется втиснуть в него много удивительных вещей нынешнего удивительного времени: страна святых чудес. «МК», 3 сентября — «Рамзан шагает впереди». Свою 21-летнюю дочь Айшат назначил первым зам. министра культуры Чеченской Республики. Дети новых господ-феодалов успешно лезут наверх. Ну, а детям низших классов, голытьбе, дорога в АУЕ (Арестантский Уклад Един) — в новую молодежную криминальную субкультуру, где можно лихо проявить себя и закончить жизнь в тюрьме. Срок светит и Михаилу Ефремову (шоу о нем идет нескончаемым потоком на ТВ, герой Ефремов, а не погибший в ДТП Сергей Захаров). Ефремов даже стихи написал: «Господи, дай мне немного сил, а Сергею — рая!» «МК» широко отметил юбилей Валентина Гафта, как актера и эпиграммиста: «Гафт очень многих изметелил / И в эпиграммах съел живьем». Все отлично, но Гафт на фото и на ТВ выглядит ужасно (лучше бы

не снимали и не показывали) — старый, больной, высохший некогда бравый гусар. Отгусарил — это точно…

И что-то много уходов. Когда Лиле Брик было за 80, она однажды с печалью сказала: «Вот… наступает тот возраст, когда газеты начинаешь читать с траурной рамки». И вот последняя ушедшая троица: Владимир Андреев, актер и экс-худрук Театра Ермоловой, отдавший Малому театру много лет, Борис Клюев и выделявшаяся из сонма актрис Ирина Печерникова. С Андреевым в начале 90-х я столкнулся на Шаболовке на записи какой-то ТВ-программы, он подошел ко мне и отметил, что я отлично выгляжу на экране. Владимир Андреев умер через 2 дня после своего 90-летия. А Печерникова ушла накануне своего 75-летия. Прославилась своими многочисленными любовями. Ну, а Клюев играл много, но в основном маленькие роли и, по существу, ушел недооцененным. Долго боролся с онкологией…

Перебирал вырезки и натолкнулся на январскую газету «Завтра» (иногда покупаю в качестве редьки и перца), а там в «Заметках Зоила» печальное размышление Владимира Бондаренко «Без литературы»:

«Что происходит с нашим обществом, в нашей

когда-то — совсем недавно –самой читающей, самой “литературноцентрической” стране мира?.. Литература стала у нас как бы частным делом, чего не было в России никогда: ни в XIX, ни в XX веках. Но и сама Россия становится каким-то частным делом. Чего просто быть не может и не должно!..» А у ребят из Кремля свой взгляд на Россию: нефть, газ, «Новичок» и геополитика и никакой литературы, чтобы не было никаких крамольных мыслей. Только ать-два! Смирно! Стоять!..

15 сентября, вторник — серо-прохладное утро, +12. Хочется, чтобы затопили и в квартире было бы тепло. Какие-то старческие желания. А тут еще накопился ворох газетных вырезок и в них надо разбираться. Воленс-неволенс! И неожиданно вырвались строчки:

Как надоел мне этот дневник –
Опись души и хроника дел.
Читаешь потом в удивленье: двойник!
Разлив эмоций и чувств беспредел…

И вопрос: а мне это надо уже в преклонном зафеллиневском возрасте?

11-го «Новая» сообщила, что Навального выве-

ли из комы. «Отравленными остаются отношения России со всем миром». И особенно с Германией, ее врачи утверждают, отравлен боевым отравляющим веществом. Россия все отрицает, и идет тяжелое бодание, кто прав…

Два героя дня, о которых пишут и говорят в мире: положительный — Алексей Навальный и нелегитимный президент Беларуси Лукашенко. «Новая» в одном своем номере поместила репортаж «Праздник белорусского непослушания». Креативные лозунги: «Саша, sorry, ты не наш Love Story», «Саша, будешь уходить, забери с собой мусор», «Саша, будь мужиком, уступи даме место», «Саша, не оттягивай свой конец» и т. д. С насмешкой и презрением, накопившимися за 26 лет правления Батьки. И он помчался за спасением к Путину, и тут уже ирония от «МК»: «Лукашенко получил путевку в Сочи». Не в Кремле, а в Сочи принимал его ВВП. Как Москва разрулит кризис в Беларуси, узнаем потом…

Хотел написать больше, и не смог: затошнило. А тут еще вброс информации о захоронении Ленина и судьбе Мавзолея, и заголосили в плач все коммунисты, они без Ильича — ну, никак, он их светоч. Великий губитель России.

Страсти по Мавзолею и прочим памятникам.

А русский язык, языкознание. Филолог и историк культуры Гасан Гусейнов поведал в «Новой газете» (11 сентября), как с помощью «убогой» лексики госпропагандистов в стране подогревается атмосфера ненависти (статья «Клоака и язык»). То и дело включается регистр ненависти в отношении «чужих» и врагов: фашисты, нацисты, каратели. А все пошло с 1999 года, когда верховный правитель ввел в оборот свое «мочить в сортире» — 20-летний страх перед настоящим диалогом с политическими оппонентами — констатирует Гусейнов. Настоящее раздолье для ненависти и зла, — уже добавляю я.

Нет, стоп-стоп! Лучше не об этом, а о простом человеческом. Вот маньеристу, поэту и музыканту Вадиму Степанцову (господи, какой молодой) исполнилось 60 лет, и «Экслибрис» это отметил публикацией «Посреди нахмуренной вселенной» и привел откровенные строки юбиляра, который жалуется, что простатит не дает ему собрать в «лесочке грибочки-лисички»:

А девчонки, шагая по тропкам,

Норовят поклониться грибу.

Я ж, не в силах пристроиться к попкам,

Без конца проклинаю судьбу.

Вот это проблема! А наши СМИ занимаются исключительно политикой и пылают гневом, и источают ненависть ко всем и всему, что окружает нашу лучезарную бело-пушистую страну. Одни враги и все виноваты! Гав-гав!..

По ТВ прошла юбилейная программа, посвященная Смехову: удивительно бездарно сделанная, одни только кони и мушкетеры с помахиванием шляп. Мерси боку за подобное «искусство»! А вчера еще один провал: отметили 90-летие Мераба Мамардашвили, и неудачно. Непрофессионалы, и жаль, что не успел написать о Мерабе, а о Пятигорском написал!.. (17 сентября 2020 г.)

Прости, Мераб, но я ослаб
И не могу к тебе подняться…

19 сентября — с жгучим интересом поднял досье на Мераба (15 сентября 1930 — 25 ноября 1990). Старые пожелтевшие газетные вырезки, да еще мелкий шрифт, читал с трудом. Выужу лишь несколько строчек. Из последних бесед:

«Народ, который выскочил из истории жизни (все народы, населяющие российское пространство), не мог не оказаться в итоге больным.

Больны сами люди. И это видно по тому, как они реагируют на происходящие события, на самих себя, на власть, на окружающий мир… Люди по-прежнему жаждут крови, по-прежнему везде видят вредителей… К сожалению, у нас очень мало культурных политически зрелых людей…»

Мераб о себе: «Я грузин и философ, с юности нахожусь во внутренней эмиграции… Я довольно смешной персонаж: такими изобилуют театральные пьесы. Знаете, тот, кто на секунду появляется на сцене и тут же убегает. Чуть позже опять появляется без видимых причин — и вновь исчезает. Обыкновенно это вызывает безумный смех в зале…» О своем членстве в КПСС: «Партийность была чем-то вроде социального страхования…» «С чего начинается человек?» — спросили однажды Мераба Константиновича. «С плача по умершему», — ответил он…

«Я по структуре своей космополитичен. Внутренняя жизнь у меня протекает как у гражданина мира. В любом месте я ощущаю себя как дома».

Мераб Мамардашвили — пророк для избранных.

Из тетради последних лет: «Извечное рабство не дает расти. Рабы остаются детьми, не вырастают, и глобальное, итоговое их сообщество, страна

— инфантильное чудовище».

«…На гребне Октябрьской революции произошла мутация человека. Есть печень, легкие. Но пятка вдруг начинает исполнять функцию сердца».

В свое время Мераб работал в журнале «Проблемы мира и социализма» в Праге. «Пражский феномен». Там же работали Юрий Карякин, Егор Яковлев, Отто Лацис, Вадим Загладин и др. Все они занимались буржуазной философией, а под ее прикрытием культуртрегерством, то есть распространяли информацию, выбирали соответствующие темы и сюжеты… Один из некрологов Мераба: «Рыцарь чистой мысли».

Немножечко написал о Мерабе Мамардашвили, как будто выпил глоток чистой воды в сегодняшние времена мути и жути. Мераб размышлял, а нынешние диктаторы, типа Лукашенко, и прочие (список велик) «лишь душат мысль, выкорчевывают инакомыслие, топчут демократические ценности, гуманистические принципы. Они — вурдалаки и негодяи истории. Ну, а их прислужники, певческие журналисты, рупоры-пропагандисты и вовсе нечеловеческая порода, “без совести и стыда”».

Как говорили древние: сказал и облегчил тем

душу.

Нет, надо завершить тему с «последним диктатором» Европы Лукашеску. 18 сентября в «Новой» выступил с грустной публикацией Владимир Пастухов (конечно, живущий не у нас) — «Революция отходит с Белорусского вокзала». «Надежда нескольких постсоветских поколений на мирную смену неототалитарных режимов разбилась о чугунную ограду белорусского “кладбища революций”». Стратегия мирного протеста дискредитирована. Вера в Ганди, в гандизм, себя не оправдала. Одно дело — британские офицеры и солдаты, воспитанные в определенной культуре, другое — белорусские силовики без принципов и этики, готовые на все даже против беззащитных женщин. Поэтому, считает Пастухов: «При существующих на сегодняшний день реалиях задача смены режимов в России и в Беларуси не имеет практического решения». Дорога в будущее перекрыта бетонной преградой. Надежда «вот-вот» рассеялась как дым. Но историческая драма (или трагедия) не закончена. Как отмечает Пастухов, «Кремль просовывает свои руки все дальше и дальше на Запад, фактически объявив последнему третью гибридную мировую войну. Кому-то не терпится взять реванш за поражение

в холодной войне…» И поезд с Белорусского вокзала отправляется в Европу…

В 1997 году, 23 года назад, еще на родине, в Питере, Лев Лосев писал:

Что делать, такая эпоха
Досталась, дурная эпоха,
Другая пока не видна.

И что делать поэту, литератору, интеллигенту с нормальными мозгами в эту дурную эпоху? «О муза! будь доброй к поэту, / пускай он гульнет по буфету, / пускай он нарежется в дым, / дай хрену ему к осетрине, / дай столик пониже к витрине, / чтоб желтым зажегся в графине / закат над его заливным».

Спасибо, Ирония! Помогаешь жить дальше, несмотря ни на что и вопреки всему (20 сентября 2020 г., в холодный пасмурный осенний день).

Две недели спустя, «Дом поэта»

С дневником какая-то волынка на Ходынке: то ли закончил вести, то ли нет. А тут произошло маленькое событие в затухающей творческой жизни: 25 сентября в «Доме поэта» (Трехпрудный пер., 8), в подвале дома, где жила юная Цветаева,

состоялся мой творческий вечер. Этих вечеров, встреч и презентаций я провел за последнюю четверть века где-то за 200, а может, и почти 300 (а презентации книг!), но впервые рискнул выступить в качестве поэта, коим никаким образом себя не считаю. Где-то накануне вечера пытался даже объясниться:

Я – не поэт. Я – бедный сочинитель,
Вздыхающий ночами при луне.
Не рыцарь, не герой и не воитель,
А так – прохожий, прислонившийся к стене…

Сережа Зенкевич меня поддержал, мол, надо представить стихи, я согласился, но тут произошла вспышка коронавируса, и Лена Сылко устроила истерику: да разве можно сейчас устраивать вечера?! И действительно, многие в панике отказались. Я тоже дрогнул, сказал Зенкевичу, а он накатил вторую истерику: висит афиша, народ ждет! И пришлось вызывать такси и ехать, вполне богемный подвал, современная «Бродячая собака» (и три кота гуляли по нему), и собралось всего 15 человек. И все прошло неплохо и даже хорошо, только к концу зверски устал: читал то сидя, то стоя, то наизусть, то по книге. Взяли с

собой на продажу 5 книг, но продали одну, и 500 ре ушло на обратное такси. От чаепития потом с цветаевским пирогом отказались, кто-то тут же заметил: «Нам больше достанется!»…

Зенкевич остался вечером доволен, как организатор, народ вроде бы тоже, кто-то похвалил за умелое профессиональное чтение стихов (ныне ведь бубнят, а не читают). А потом пошли судороги по поводу отчетов в прессе. «Литературка» дала отчет только в электронной версии «Поздний дебют» (Замшев прислал специальную девочку Марию), а в четверг, 1 октября, с большим трудом купил «Экслибрис» «НГ» (пресса выходит 3 раза в неделю, да и не везде купишь газету — это причуды нынешнего времени). «Экслибрис» в рубрике «События» поместил отчет Наталии Набатниковой «Сказал — и облегчил тем душу» (эту латинскую максиму я процитировал на вечере) с подзаголовком «88-летний Юрий Безелянский дебютировал как поэт на “Некрасовских пятницах”» (6-й сезон литературного клуба «Некрасовские пятницы»).

Отчет вполне пристойный, и в заключении приведены слова Сергея Зенкевича: «Получилось знакомство с поэтом Юрием Безелянским… Он, конечно, созрел как поэт давно… Стихи были

написаны много лет назад, они появлялись и в дальнейшие годы, и еще точка не поставлена…»

Поздний дебют. Поздняя ягода. Немного грустно и смешно, мы с Ще пригласили Олю, нашего соцработника, и была в восторге, в субботу приезжала убираться, и вспоминали вечер: «Даже мурашки пошли по телу». Лично я с мурашками не знаком, но она женщина простая и чувствительная, приехала с тирольским пирогом, и мы славно попили чая. Я написал ей стихи к ее дню рождения, и она прижала их к груди. А кто-то (не хочу называть имен) воротит нос. Кто-то любит, кто-то равнодушен, а кто-то ненавидит и завидует. Все по жизни. Многоцветие добра и зла… На этом, пожалуй, оборву — 6 октября, вторник, 2020 г. 11:07. Ясно, +16.

От Яна Палаха до Ирины Славиной

Какие разные истории. В августе 1968 года два чешских студента, Ян Палах и Ян Зайиц, подожгли себя и сгорели на Вацлавской площади Праги в знак протеста против оккупации страны войсками СССР и его союзников. И они стали национальными героями. Спустя 52 года, 2 октября, в Нижнем Новгороде у здания областного МВД подожгла себя и сгорела журналистка

Ирина Славина. Написав перед смертью записку: «В моей смерти прошу винить Российскую Федерацию». Мирное время, никаких чужих оккупационных войск, и тем не менее горящий факел погибающего человека. До этого ее довели местные силовики, постоянно прессовавшие и штрафовавшие отважную журналистку, которая посмела критиковать местные власти на своем сайте «Koza Press». Ее унижали, ее гнобили. И она не выдержала, бросив маленький человеческий вызов огромной государственной машине.

«Пока она горела, все молчали» («Новая газета», 5 октября). А потом стихийный мемориал живых цветов. «Государство убило человека», «Ира! Мы их не простим». «Как это кто убил? Да вы и убили».

Заявление профсоюза журналистов и работников СМИ: требуем провести расследование! И что, режим будет сам себя наказывать? Какие чудаки! Будем арестовывать, не пущать, запрещать, прессовать и валтузить дальше, чтобы изгнать отовсюду дух свободы слова и вообще о человеческой свободе. Муж самосожженной журналистки с горечью сказал о том, что жить в России хорошо, а в Российской Федерации хреново («Новая», 16 октября). «Состояние людей сегодня, — как

определил психолог Илья Латыпов (“Новая”, 8 октября), — это смесь апатии и ярости».

А тут еще эпидемия, коронавирус, маски-перчатки, изоляция, закрытие того-сего, страну трясет — мировой скандал вокруг отравления Навального, безумный Лукашеску-Лукашенко с автоматом в руках (незабываема телевизионная картинка), встреча с оппозиционерами в СИЗО с цветочками на столе, разговор о реформе. Ширма и ложь. Главное, чтобы удержаться во власти — не скинули, не убили, не повесили… А Большой брат? Разлетелось по миру бестактное замечание российского президента в интервью с журналистом Андреем Ванденко, тот вдруг закашлялся, и в ответ негодование: «Зря вы хрюкаете…» Как мило и изящно!.. «Хрюканье» Путина разошлось на цитаты («Собеседник», 14 октября).

Глава Левада-Центра Лев Гудков отметил, что ВП «обладает действительно очень низкой способностью сопереживания. Он исконно чиновник и кагэбэшник. А там в общем сочувствию и гуманности не очень учили…» («Собеседник», № 39).

Только немного распечатался, как устал и приходится, как говорил Глеб, один из героев «Сердца четырех», сматывать удочки. Убираю

машинку. Ужо потом… 17 октября, суббота, 2020 г. Ясно, 11:45.

Октябрьские сомнения

Дневник буксует, и не знаю, что с ним делать? Поставить точку и, лежа на диване, предаться воспоминаниям?

Писать иль не писать? –
вот в чем вопрос.
Кому нужны заметки эти?
Читатель ныне явно не дорос,
чтоб все понять, что происходит в свете…

Почти гамлетовские терзания (полу-ясное утро 19 октября 2020 г., сухо и никаких признаков зимы).

Коронавирус достал и нас в смысле психологического самочувствия. Статистика заболевших и умерших, карантин, самоизоляция, маски для транспорта и магазинов, в которых сразу начинаешь задыхаться. И вообще люди в намордниках вызывают отвращение. И опять заблокированы социальные карты для проезда в общественном транспорте. В последний день, в среду, 7 октяб-

ря, взяли такси и повезли альбомы фотографий молодых лет для книги. И увидели наконец-то обложку: начало улицы Горького от Пушкинской площади — старое фото под заголовком «О СССР — без ностальгии». Мария обещает, что первый том выйдет до Нового года. Обложка немного возбудила, а после снова апатия, проблемы с горлом, вялость, дойти до Сокола — уже подвиг, подняться на 4-й этаж (когда-то я радовался, что хорошо, что нет лифта и можно потренировать ноги) — это второй подвиг, да еще сумки, взбираюсь по ступеням, как в гору. И задыхаюсь. Все против меня: возраст, хроническая усталость, серость в воздухе, сокращенный день: после трех начинает темнеть, и не могу ни читать, ни писать. Где азарт творчества, драйв, желание написать, напечатать? Новая дама Равнодушие, она же Нежелание. И — заглох моторчик!.. А надо закончить третий том и написать новое предисловие ко второму — «Драма лихих 90-х».

А октябрь, как назло, подкидывает все новые и новые события и факты. Как коллекционеру-историку хочется оставить их для памяти. Вырезаю интересности и мерзости из газет и складирую. Хотел сегодня что-то использовать, но не хватило сил. Беда. Как говорится, ужо завтра.

19 октября, понедельник, 2020. 12:20. За окном +6, желтые листья как ковер, и доллар, кажется, по данным вчера — 77,96. И как написал «МК»: «Деревянный» снова тонет. Рубль готовится к рекордному падению курса. Российская валюта слабеет не по дням, а по часам…

20 октября — продолжу хотя бы кратенько, что происходит в мире. Нынешняя волна схлынет и накатит новая, и все забудется, а мне хочется хотя бы немного удержать на бумаге. Историк-любитель, историк-интересанто.

В Беларуси продолжаются акции против фальсификации выборов: «Генеральный женский марш» и Марш молодежи. И снова сажают, хватают, бьют. Режим Лукашеску во всей красе. Но безумный Батька не сдается, он хочет обхитрить, переиграть протестующих… Запылала Киргизия, без всяких цветочков и женщин в белых одеждах, а жестко, по-мужски, со штурмом правительственных зданий и схваткой с силовиками. И — победили! Как справедливо написал Быков: «Всем надоела атмосфера слежки, доносительства, злобы, обиды на весь мир и друг на друга. Всем надоели повторения старых заклинаний и бессмысленных, ничего не значащих, пустотных формулировок. Все хотят развития, просвещения,

будущего, наконец» («Собеседник», 16 сентября).

И еще жгучая тема: территория. Карабах. Спустя 26 лет снова вспыхнул армяно-азербайджанский конфликт, чей Карабах? И заполыхал огонь, наступление, обстрелы, ракеты, беспилотники (и с той, и с другой стороны русское оружие). Разрушения, жертвы и тому подобное.

В России свои военные сюрпризы. 7 октября в военном городке возле села Желтухино (Рязанская обл.) взорвался склад с боеприпасами. Взрывы, пожары, жертвы, как говорят местные: «Нас свои же разбомбили» (из репортажа «Новой газеты», 12 октября). «Бабахнуло так, что уши заложило…» Что уши — жизнь порушали!.. И это не первый случай: вся страна напичкана боеприпасами и оружием: на нас же хотят напасть! Мы в кольце врагов! Как весело от взрывов!..

А вот другая история: война за воду. Эта битва идет по всей стране. В Подмосковье и в самой столице захвачено от 60 до 90% берегов водохранилищ и рек. Там, где раньше были общедоступные места для отдыха и купания, — частные зоны, владения богатеньких, всяких Алекперовых и прочих столпов общества. Берегозахватчики — возмущается «Собеседник» от 30 сентября. Короче, современная Россия поражает полным

отсутствием стыда. «Ачетакова?! — Да ниче!..»

Но о берегозахватчиках написали один раз, а вот об Алексее Навальном страсти не утихают. Секретарь Путина Песков еле сдерживает себя, говоря о «берлинском пациенте» (фамилию называть страшно!). В программе «60 минут» ТВ-волчица Ольга Скабеева пылает гневом и брызгает слюной: да кто такой Навальный?! Почему с ним встречаются Меркель и Макрон? Другой злопыхатель Дмитрий Киселев отправился даже в отель, где отравили Навального, и провел там ночь, чтобы как-то приобщиться к мировой славе Навального. Цирк, да и только! А Навальный оклемался и дает разоблачительные интервью о своем отравлении, кто является заказчиком, главмерзом. И обещает вернуться на родину. Страшно подумать, чем эта история вся кончится…

«Новая» 18 октября поместила расследование «Токсичные отношения с государством». Перечислять все гнусности не хочется. О деле Навального (в разговоре с Макроном Путин сказал о «самоотравлении оппозиционера»). Неизменный мотив: це не мы! Газета вспомнила отравление банкира Ивана Кивелиди и его секретарши Зары Исмаиловой в 1995 году, и сколько было еще

таких резонансных отравлений. И ничего: шито-крыто и не раскрыто! И сколько было подобных позорных страниц. И режим упорно стоит на том, что ничего стыдного в истории страны не было — вся история вычищена, высветлена и сияет победами и достижениями. Гордитесь! И детей власть с раннего детства приучает к лучезарности и оптимизму. В начале нового учебного года в школе № 7 в городе Великие Луки Псковской области провели торжественную линейку для младшеклассников с музыкой, фанфарами и победными песнопениями, в итоге 14 школьников попадали в обморок — переизбыток пафоса! — и были госпитализированы.

Все так плохо? Не-ет! У настоящих взрослых «патриотов» все замечательно: они давно умело приспособились быть как можно ближе к кормушке режима. «Новые приключения красной тапочки» — рассказ в «Новой газете» от 14 октября о том, как осужденная за мошенничество и хищения в Минобороны времен министра Сердюкова стала академиком Российской академии художеств за свою «мазню». В мае 2015-го Васильева была приговорена к 5 годам лишения свободы, но в итоге отделалась домашним заключением и… и расцвела как уникальная

художница. Картины, выставки, интервью. Сын Зураба Церетели, тоже деятель искусства, назвал Васильеву «очень любопытным феноменом с точки зрения художественного процесса». Но и правового, судебного и, конечно, общественного. Такие люди режиму крайне нужны.

А вот парочка весьма предприимчивых людей — экс-фигуриста Плющенко и Яны Рудковской. Они сделали ставку на своего 7-летнего сына (домашнее прозвище Гном Гномыч) и заколачивают на нем и о нем в социальных сетях по 10–12 млн руб. в год. Режим любит подобных и удачливых людей (они отвлекают внимание от социальных проблем в обществе). Ну, а тут на ТВ программа, посвященная Николаю Баскову, всенародному любимцу (соревнуется за пальму первенства с Филей Киркоровым). Как хорошо начинал и считался преемником Лемешева в партии Ленского в «Евгении Онегине». И чем кончилось, нет, с успехом продолжается: хит «Шарманка»: «Все звучнее рыдает шарманка — / В Париже она иностранка…» Это да! Шарманка — это вам не какая-то арфа со скрипкой и виолончелью, это сама народная глубинная душа — шарманка! Крути, Гаврила, и успокой народ!..

В допутинские времена поэт Глеб Горбовский

считал:

Остановились карусели,
что нас крутили за гроши.
Прокисло шумное веселье
в тяжелой амфоре души…

И еще вспомнились строки поэта советского времени Евгения Винокурова:

…Ведь мудрость давит на затылок,
но бьет по сердцу примитив.

Вот и хорошо! Примитив — это замечательно, он отвлекает, утешает, веселит и прекрасно дебилизирует. Вот почему весело крутятся карусели, крутится шарманка, звенят литавры давно прошедших побед. И «Новичок» как украшение нового этапа российской жизни… Глубоко вздохну и, пожалуй, отложу затянувшийся октябрьский дневничок (новичок-дневничок и молчок). Хватит. Баста (21 октября, среда, 2020 г. 13:05).

Товарищ Юра, а футбол? А «Динамо»? А новый тренер? Как жаловался Остап Бендер: «Исторические вехи забываем…» Сняли молодого тренера Кирилла Новикова, доморощенного динамовца, назначили неведомого немца Сандро Шварца

(Сашу Черного?), не успели оформить все бумаги, и «Динамо» играло без Шварца — 1:3. Заголовок в «Совспорте»: «Прекрасно-синие (форма армейцев) и бледно-голубые (динамовцы)». И хватит о футболе. Меня больше интересует собственная книга. Позвонил на Никитскую, как фотографии? «Идет процесс…» — загадочно сказала Мария. Так хочется книжки!..

А кто-то обуян исключительно злом и местью за карикатуры на пророка Мухаммеда. 18-летний чеченец Абдуллак Анзоров приехал с семьей из Москвы во Францию. И с длинным ножом набросился на 47-летнего учителя истории и географии Самюэля Пати, возвращавшегося из школы с уроков. И «уроженец Москвы» отрезал учителю голову в пригороде Парижа. Чудовищно! Непостижимо! Франция вышла на улицы, чтобы защитить свои ценности, и в частности право на критику. А в России, можно сказать, никто не шелохнулся на самосожжение Ирины Славиной. Франция ценит человеческую жизнь, а в России она ничего не стоит. Бесценно только само самодержавно-тоталитарное государство. Не могу об этом писать спокойно. Поэтому перейду к нашим «святым» — русским поэтам и писателям. В октябре отмечали юбилей Есенина, Бунина, Саши

Черного, Наума Коржавина. И как-то забыли Андрея Белого — 140 лет. «Я — просторов рыдающих сторож, / Исходивший великую Русь…» Хочется цитировать и цитировать. Но сдерживаю себя: объем книги!..

А как самочувствие? Об этом лучше не говорить. И «оптимистическая» заметка в «МК»: «Волна пандемии перерастает в цунами. Эксперты говорят, что худшее нам только предстоит» (22 октября).

Смотрю в окно — ни снежинки, и улица тонет в серой пелене. Серость — царица России. Да, разумеется, на геройское самопожертвование журналистки не мог не откликнуться Быков: «Памяти Славиной» («Новая», 5 октября).

Теперь у русских есть свой Палах,
Да и захватчики крепки,
Но не дождетесь от беспалых,
Чтобы сжимали кулаки…

Разины, Пугачевы, народовольцы — лимит геройства исчерпан. Народ давно усмирен, так, отдельные вспышки бунта и гроздья гнева. А в основном покорность, апатия, безверие и полная безнадега. Конечно, рванет, но не сегодня…

Юбилей Бунина

27 октября по ст. стилю 1870 года родился Иван Алексеевич Бунин — мой литературный кумир. Какой-то буниновед Сергей Морозов работает над «Летописью жизни и творчества И.А. Бунина» — в 4 книгах, интервью с летописцем поместил «МК» — неинтересно и совсем не замечательным бунинским языком, а каким-то серењким, полуказенным. В 90-х я напечатал большую полосу в «ВК» о Бунине, потом в книге «Любовь и судьба» (Крон-Пресс, 1996) вышла глава «“Темные аллеи” Ивана Бунина», были и другие публикации. Я бережно и с любовью занимался Буниным. Сегодня, когда я, страшно вымолвить, пережил классика на 5 лет (Бунин умер в 83 года), я с трепетом обращаюсь к дневниковым строкам Ивана Алексеевича, к его переживаниям о преклонном возрасте, или, говоря иначе, он тяжело переживал годы своей старости, страшился смерти. Вот только несколько записей:

26 апреля 1936 года (65 лет): «Безнадежная тоска, грусть. Верно, пора сдаваться…»

10 мая 1936: «…С денег ни копейки доходу… впереди старость, выход в тираж…»

30 июня 1941 (71 год): «И вообще становлюсь

все грустнее и грустнее: все, все давит мысль о старости…»

28 сентября 1941: «Очень грустно, одиноко…»

16 сентября 1942 года: «Все прекрасные дни, и все мука — тянет ехать в Cannes, Ниццу, видеть море, женщин, кого-то встретить, — одиночество страшное!.. и мука воспоминаний моих прежних лет тут…»

23 октября 1942: «Странный день: мне 72!..»

В дневнике — одно, в стихах — другое, без надрыва, с четким пониманием того, что будет:

Настанет день – исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой…

Свое 14-страничное эссе я закончил так: «И все же мы не будем предаваться пессимизму (тревог и так нынче в избытке). Пока мы живы, мы можем, к счастью, еще ходить, — кто по настоящим, кто по книжным воображаемым “темным аллеям”. По волшебным, прекрасным аллеям человеческой любви».

23 октября 2020 г.

И снова перерыв

3 ноября — дневник, как живое существо, говорит: хватит! В бушующем океане нельзя оседлать все волны. Если не первая, то вторая или десятая обязательно захлестнет. Мир переполнен событиями. Что-то подобной драматической концентрации агрессии и негатива не припомню. Все страны ищут спасения от пандемии, от таинственного Covid-19. Полный спектр: от боязни до паники. Психические сдвиги. Трещат все экономико-социальные показатели. А тут еще исламский радикализм. Эхо от карикатур в сатирическом журнале «Шарли Эбдо». Франция грудью встала на защиту своих европейских ценностей, и президент Макрон посмертно наградил погибшего учителя Самюэля Пати орденом Почетного легиона и сделал его командором ордена Академических пальм. Высокая оценка отрезанной головы Пати. Кто возмущается, кто радуется, и, как написали в «Новой»: «Все делятся на тех, кто с головой, / И кто с ножом и с чувством оскорбленным…»

«Новая газета» поместила статью Бориса Вишневского «Где кончаются святыни». «Религиозные фундаменталисты всех мастей, требующие ува-

жать религиозные чувства… присваивают себе право самостоятельно наказывать нарушителей за “оскорбление религиозного чувства”, обвиняя их в “провокациях”: дескать, сами виноваты… Фундаменталисты-террористы выступают и как прокуроры, и как суд, и как исполнители приговора…» (2 ноября). И идет террор. За Парижем последовало еще несколько террористических актов во Франции: и головы отрезали, и просто резали. Чудовищно, и это в XXI веке! А вчера стрельба в Вене…

А на бывшей территории СССР свой монстр: безбашенный Лукашенко, который грозит всем выходящим на улицы: если дотронутся только до силовиков, то необходимо сразу отрывать руки нарушителям. Грозный Батька, закидал своих белорусских силовиков деньгами, чтобы они защищали трон и его самого, и силовики заявляют: «Мы будем биться до последней дубинки» («Новая», 26 октября).

А столкновения в Карабахе. А Америка перед президентскими выборами (Трамп или Байден) в преддверии насилия и хаоса. Да и у нас, как вчера откровенничали на «Эхо Москвы», все разбалансировано и шатается, и Путин готовится к транзиту власти по медицинским делам и под

давлением семьи Алины Кабаевой (со временем тайное станет явным), в 2021 году, по мнению публициста Соловья, грядут грандиозные перемены.

Сегодня 3 ноября, и это наша 53-я годовщина союза с Ще. Оба неважно себя чувствуем (у меня очередной прострел-радикулит), но держимся. Людочка прислала трогательный букет из роз и белых цветочков, и плюс бисквитный торт. В открытке вспоминает наши совместные прогулки по Парижу (ныне Париж недосягаем — ни по здоровью, ни по деньгам, ни по пандемии). Приятно, что есть кто-то, кому ты дорог (О.Ю. растворена вся в детских обидах). Вчера неожиданно порадовала программа Сати Спиваковой «Нескучная классика»: беседа с виолончелистом Мишей Майским, весь белый, но явно моложе меня. Конечно, эмигрант. Большой мастер, и учился у больших мастеров: Мстислава Ростроповича, Григория Пятигорского, у испанца Пабло Казальса. Как замечательно, хотя бы по ТВ, познакомиться с талантливым человеком (от Володина, Матвиенко и прочих столпов общества меня подташнивает). Я не Миша Майский, он более энергетичен, чем я, и собирается написать мемуары «Мои не последние 79 лет!».

Ноябрьские взрыды

В ноябре в неизданной книге «Погода и слова» (но сокращенно вышедшей в журнале «Наука и религия», 2013) я начал со строк Анатолия Жигулина:

Как сердце устало! Как нужно минуту:
Уйти, раствориться в туманной заре,
В чернеющем поле, ветрами продутом,
В просторном, холодном, седом ноябре.

А спустя 7 лет, в ноябре 2020-го, я подвергся ноябрьскому взрыду и написал:

Ноябрь – темнее не бывает,
И безнадежней, и мрачнее.
И в окна ветер задувает,
И ощущенье: все больнее.
Не пишется и не творится,
Нет стимула и нет охоты.
Ложатся грузом лишь заботы.
А жизнь на это – мастерица.
И что же делать? На диване

Тоске предаться и тревогам,
О чем-то думать и грустить,
Как тот герой в одном романе,
Коньяк глушить и тихо выть…

Не ахти что, но выражено и отрефлексировано ноябрьское настроение.

А когда-то, невзирая ни на какую погоду, 7 ноября — демонстрация трудящихся, колыхание знамен, праздничные лица, музыка, песни, выкрики «Да здравствует!».

Воодушевление, праздник!.. Где он, этот праздник? Вместо него придуманный день народного единства. И вместо всеобщего ликования — горсть патриотической молодежи. При этом, как написала в «Новой» Ирина Петровская, «Красная площадь стерильна и пуста», президент после «удаленки» вылез из своего бункера на свежий воздух и с юными патриотами «слушает колокольный звон, и по его челу сразу видно, сколько дум наводит он».

Экономика в пролете, никаких достижений, «провал народовластия в России (статья Александра Ципко в «МК», 6 ноября). А 10-го Алексей Каманин вспомнил недавние «самые честные страницы нашей истории», а на самом деле это

были «никакие не выборы. Это циничная имитация их». И заголовок заметки: «Голосуй, а то расстреляем». Все шуточки и где? Уверенно шагает «Бедность в богатой стране» (статья доктора экономических наук Ал. Бузгалина; «МК», 28 ноября) — «Почему половина россиян с трудом сводит концы с концами». Статья Бицоева («МК»): «Проверка на разрыв» — «Чем богаче номенклатура, тем беднее простой человек». Подобных публикаций немало, а федеральные каналы ТВ утверждают иное: все хорошо, и мы процветаем. Андрей Пивоваров в «Собеседнике» от 12 ноября пишет о самом ярком и главном адвокате режима Владимире Соловьеве, что он «готов бросаться, как шавка, на выразителя любого мнения, не разделяющего позицию власти». Да еще с глумливым смешком.

«Когда-то мы умели летать» — обширная публикация в «Новой газете» от 11 ноября в рубрике «Прощание с эпохой» в связи с последним рейсом гражданского отечественного самолета Ту-154. Все кончилось. «Исчезли из нашей жизни инженеры как класс, как понятие, как особая гордость, как чувство принадлежности к важному и большому делу…»

«Нет больше генеральных конструкторов, одни

лощеные менеджеры в корпорациях. Нет больше наших пассажирских самолетов…» («МК», 29 октября). «Ежедневные похороны родины». Ныне космическими полетами Роскосмоса руководит потрясающий человек — космический фанфарон Дмитрий Рогозин, галактический Ноздрев. Он умело просаживает космические деньги и при этом сочиняет комические песенки, ну прямо перлы:

На небесном склоне звезды моросят,
И скрипят, скрипят планеты нашей тормоза.

Что за чушь и дичь? Или «новым хозяевам земли русской» позволено все?..

Что еще новенького? Можно сказать, везде полыхает, рвется, взрывается. Пандемия превратила наш шарик в пылающую планету зла и насилия. Вслед за бунтом в Киргизии началась война за Карабах, и Азербайджан победил Армению. Не утихает Беларусь, и бесчинствует Батька, этот колхозник.

А выборы 3 ноября в Америке? Как написал «МК»: «Хрен Трампа и редька Байдена», — очень дипломатично! Много пишут об обоих. И оба с удовольствием поливают друг друга грязью. По-

бедил Байден, но до сегодняшнего дня эту победу не признает Трамп, и результаты выборов оспариваются в судах. Но когда агентства объявили о победе Байдена, то канал «Евроньюс» передавал, как на радостях гуляли в Вашингтоне и Нью-Йорке, а мне сразу вспомнились тишайшие победы Путина: ликовала (а искренне ли?) только привластная элита, а народ не пел и не танцевал на улице, как в Америке. Новый президент — это всегда новые надежды на перемены и улучшение жизни. А когда правят 20 лет?..

Тот же еженедельник поместил материал о том, что стало с «девушками Путина», вспомнив 2010 год, когда на 57-й день рождения ВВ студентки журфака МГУ снялись в эротическом календаре полуобнаженными со словами к Путину: «Леса потушили, а я вся горю», «Как насчет третьего раза?..», «С годами вы только лучше», «Вы — мой премьер», «Я вас люблю» и т. д. Увы, никаких преференций и назначений девушки не получили, но свой кусочек хлеба с маслом и икрой ухватили.

Закончу Жириновским, лидер фракции ЛДПР сказанул в Госдуме: «Везде будет все полыхать, но единственное место, где будет тишина, — наша страна. К нам пойдут деньги, потому что куда им

еще бежать?!. Все складывается в пользу России — мы страдали весь XX век, а теперь банкет у нас будет, русский банкет — весь XXI век».

Вот это сияющий российский прогноз. Дума в восторге завыла от счастья. У Жирика и думаков действительно все прекрасно и, наверное, будет еще лучше. А народ? А народ пусть подыхает. На банкете места всем не хватит…

Не знаю, как насчет русского банкета, а вот Ще зовет меня обедать: «Убирай бумажки!» Покорно убираю бумаги и уже с ходу мечтаю, как Наум Коржавин, о супченко.

12 ноября, четверг, 2020 г. 13:08.

* * *

Вернусь к прерванному тексту и продолжаю кипеть, как гражданин «родины чудесной». Это замечательное сочетание придумал Алексей Сурков, один из классиков советской поэзии. Автор хрестоматийной песни:

На просторах родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде.

Ну, и дальше: «Сталин — наша слава боевая, / Сталин — нашей юности полет!..» и т. д. Нынешний руководитель Госдумы более прозаичен: «Россия — это Путин, Путин — это Россия», ну, а разбор полетов отдан на откуп критиканам-оппозиционерам: пусть позубоскалят, покуда караван идет по пустыне. Но вернемся к песенной классике сталинской эры. «Песня о Родине» Лебедева-Кумача начинается величавыми словами:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек…

Какая песня! Музыка Дунаевского. Пели и верили во времена романтического строительства социализма. И до чего допелись? «МК» за 11 ноября 2020 года — публикация «Топорная экономика» о наших российских лесных богатствах: «Черные лесорубы и неизвестные рубки, нищета и разруха лесопромышленного комплекса, дремучие инстинкты и предрассудки в человеческих отношениях — вот далеко не полный перечень проблем…»

Это леса. Поля или застраиваются жилищными массивами, или не засеяны и брошены на

произвол судьбы, или отравлены ядовитыми химикатами или промышленными отбросами. Совсем исчезло слово «чернозем». Ну, и такая же история с реками: загажены, обмелели и прочие «водные процедуры».

А что касается того, как «вольно дышит человек», то можно только шутить: «Не смешите мои тапочки!» Вернемся к истокам свободы, к Великой Октябрьской социалистической революции. Сколько произошло событий, сколько создано мифов и легенд, сколько сложено стихов и песен, а какие были грандиозные надежды. Анатолий Мариенгоф писал:

Каждый наш день – новая глава Библии.

Каждая страница тысячам поколений будет великая.

Мы те, о которых скажут:

– Счастливцы, в 1917 году жили…

Это Мариенгоф, автор «Романа без вранья». Горы написанных воспоминаний, предпочтения отдавались восторженным и ликующим. Настоящая правда по микродозам узнавалась позднее. «Новая газета» (6 ноября 2020) поместила специальный репортаж из того прошлого: фотографии и выдержки из московских и питерских газет под

общим выразительным заголовком: «Расстрелы, грабежи, погромы». Очень внушительное эхо 17-го года прошлого столетия.

Та же «Новая» (13 ноября) в рубрике «Жернова истории» отмечает 100-летнюю дату: приказ генерала Петра Николаевича Врангеля об эвакуации из Крыма. Белые ушли, красные победили, Врангель пишет: «…Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье». Газета помещает душераздирающие подробности тех трагических событий. Их не привожу, но тот, кто испытывает боль за потерянную старую Россию, все это непременно прочтет.

История России: что ни дата, то условно каждая вторая полна человеческих страданий и горя. Голодомор, коллективизация и индустриализация на пределе сил, годы Большого террора, ГУЛАГ, Отечественная война с ее непомерными жертвами, борьба с инакомыслием и т. д. Но вот новая Россия без коммунистического диктата и… новые сюрпризы.

Приведу только один, опять же по «Новой газете» (самая честная и открытая) — «Кущевская Русь» (6 ноября 2020) — «История кровожадной банды Цапков, заменивших государство в кубанской станице». Десять лет назад, 4 ноября 2010

года, в станице Кущевской Краснодарского края были зверски убиты 12 человек.

Банда Цапков — отец семейства — дядя Коля, Николай Цапок, с сыновьями (главный бандит и садист Сергей Цапок) с подельниками (один Вова Беспредел чего стоит!) совершили резню в доме фермера Ахметова, садистски убили 12 человек, включая 4 детей, самой младшей девочке было всего 4 месяца. Кровавая бойня. Кубанское Чикаго! Были и другие убийства, а для развлечения — 220 изнасилований, в основном студенток. Россия ахнула. Было расследование, суд, тюремные сроки и шокирующее фото в газетах, как в неволе один из «Цапок» жрет бутерброды с красной икрой. Были и смерти, и самоубийства, и неизменно возникал вопрос, как такое могло быть, «как закалялась шваль» — как написали журналисты «МК».

А все просто, Кущевская ОПГ (организованная преступная группа) прикармливала местные власти, органы правопорядка, и те закрывали глаза на все художества Цапков. Все шито-крыто, станица процветала, и главное — лояльность. Подобные кущевки по всей стране, главное, чтобы было тихо, без бунта и цветных революций. Кущевская Русь, одним словом. Цапки были

управляемы и вместе с тем держали территорию под полным контролем — таков вывод «Новой газеты» (6 ноября), и «10 лет равнодушия» («МК», 4 ноября).

Старая история: воруют, убивают, беспредельничают и тип-топ! Порядочек.

Вот только с эпидемией, с коронавирусом власть справиться не может. Только хорохорится и играет цифрами. Та же «Новая» 13 ноября выделила главную тему: «Города сдаются на милость “короны”». И конспективно: все большему числу людей отказывают в госпитализации, оставляют дома — в аптеках дефицит лекарств от коронавируса — скорые в некоторых регионах приходится ждать сутками — в ряде медучреждений пациенты заявляют о закупках кислорода за свой счет. Среди врачей также серьезная заболеваемость, в большинстве нехватка кадров. Коронавирус атакует педагогов. Школы вынуждены отменять уроки из-за массовой болезни учителей (это уже «МК», 11 ноября).

Как говорится, без комментариев. Ноу комментарий.

И самое время вспомнить уходы. Урожайный год на потери. Мартиролог длинный. Маршал Язов, писатели Юрий Бондарев, Эдуард Лимонов,

Леонид Зорин, Кабаков, сатирик Трушечкин, зарубежные актеры-звезды Кирк Дуглас и Макс фон Сюдов, наши Инна Макарова, Ирина Скобцева, днями ушел Армен Джигарханян, итальянский композитор Эннио Морриконе, Аллан Чумак.

А один из первых умер Владимир Бушин, публицист из лагеря газеты «Завтра», и удостоился восторженного некролога: «Как орел, он бросался на негодников, которые хулили нашу великую Родину, выклевывая им глаза. Он без устали сражался день и ночь…» И, конечно, попал в рай.

Еще не стало протоиерея Дмитрия Смирнова, который отличался оригинальными и явно шокирующими высказываниями, к примеру: «Если сравнить, что сделала советская власть с нашим народам и деяния Гитлера, то Гитлер отдыхает» («МК», 22 октября).

Покинул белый свет и милый человечек с экрана телевизора, предсказатель погоды профессор Александр Беляев. Не для зрителей однажды сказал друзьям: «Чувствую себя объективно хреново». И по одной этой фразе — мой человек. Ну, а Жванецкий…

16 ноября 2020 г.

Эпоха Жванецкого

6 ноября ушел из жизни в возрасте 86 лет Михаил Жванецкий (Михаил Эммануилович (Маньевич), 6 марта 1934). Интересно, что в 1958–1960 годах был секретарем комитета ВЛКСМ Одесского порта. На закате жизни говорил, что прожитые первые 57 советских лет были ненастоящими…

Жванецкому отдали должное. От смехачества и мимического юмора Райкина Жванецкий с возрастом ушел в тонкую иронию и стал грустным философом жизни.

«Его тексты были невероятно стильными, короткими, точными и концентрированными. От был снайпером от сатиры» (Егор Арефьев, «Комсомольская правда»).

«Он бродил среди нас, постоянно отличаясь. Хотел примкнуть к успешным: собратьям по перу, по сцене, по жизни, пытаясь убедиться, что он первый в своем деле. Он переживал, нервничал, болел. Он наслаждался своим даром и стеснялся его. Называл себя “автором”, чтобы самодостаточная пишущая элита часом не определила его в литературный амфитеатр вместо литературного партера, которого, чувствовал, достоин. Бодрил и шутил с внимательными глазами, ожидая оцен-

ки…» (Юрий Рост, «Новая газета») с эпиграфом: «Он жил мучительно радостной жизнью».

На первой полосе «МК» от 10 ноября: «Погасло солнце русской иронии». «Прощайте, гений слова» (только Жванецкий мог сказать, что «Лысина — это полянка, вытоптанная мыслями»). «Этот Жванецкий, он так смешно грустит» («ЛГ»).

«Жванецкий — удивительное сочетание великого таланта и великой доброты, редко встречающееся даже у гениев…» (Ник. Сванидзе).

А от себя скажу: какая бездна одесской иронии и самоиронии: «Меняю яркие воспоминания на свежие ощущения».

О старости: «Это право целовать женщину, любую женщину, без ее согласия и без своей надежды».

«История России — это борьба невежества с несправедливостью».

«Жизнь человека — миг, но сколько неприятностей».

«Мало знать себе цену — надо еще пользоваться спросом».

«Хочешь всего и сразу, а получаешь ничего и постепенно».

Когда он читал свои тексты, то на публику действовали не только его произносимые слова, но

и актерское мастерство, магнетическое обаяние и харизма.

Один из журналистов «МК» точно отметил, что Жванецкий «дал язык безъязыкому большинству. Он сформулировал то, что мы боялись сформулировать сами для себя. Он нам помог выжить тогда, когда, казалось бы, выжить невозможно…»

И снайперское определение сатирика: «В такое время или умереть, или молчать»

И вот нет Жванецкого. Умолк. «Жизнь как рояль: клавиша белая, клавиша черная, крышка», — его определение без всяких сантиментов.

«Все идет хорошо, только мимо».

Предельно жестко об удачниках сего мира: «Рожденный ползать — везде пролезет». И точно. Как посмотришь вокруг: почти нет гордо шагающих людей, большинство — ползущих путиноедов. Пробились к корыту и хрюкают от удовольствия. Хрю-хрю. И чавкают шумно. Прости, читатель, залез не в свои сатирические дебри. А Жванецкого не переиграть.

— Вчера был на рынке. Раки по пять. Но очень крупные! А сегодня по три, но очень мелкие. А вчера!.. (Зал падает от смеха и сочувствует совку — он, советский человек, еще не исчез…)

17 ноября 2020 г.

Ползущий дневник. Дневник давно потерял свою четкость и ритмичность, надо завязывать, и никак не получается.

Суббота, 21 ноября. Вчера к вечеру выпал первый снег, точнее, снежочек. Сегодня утром глянул в окно: лежит беленький, и по нему проложены черные дорожки. Мы отвыкли от таких картинок. Климат изменился, одна европейская невнятица. «Мороз и солнце; день чудесный!..» — это в прошлом. В основном серость. Изменился не только климат, мы с Ще с возрастом — старые, болезненные, плохо смотрящие и плохо идущие, неуверенные, держащиеся друг за друга.

У Глеба Горбовского есть печальные строки в стихотворении «Себе, любимому»:

Твоя невнятной стала речь,
как дребезжанье молотилки.
Вот и заткнись, и не перечь –
ни Господу, ни той подстилке,
что где-то в гуще бытия
тебя назвала старой клячей…
Завидна долюшка твоя:
живой! И четко обозначен.
Пыхти, как тульский самовар,

пускай пары и кипяточек!
И ощущай бесценный дар,
пока… не прозвенел звоночек.

Глеб Яковлевич — почти мой ровесник, родился 4 октября 1931 года. А что касается звоночков, то они как-то подозрительно часто позванивают. Вслед за Жванецким ушли Армен Джигарханян, фантазер и придумщик Роман Виктюк (с 1936), замечательный театральный сценограф Бархин, смелая журналистка и правозащитница Лидия Графова и кто-то еще. Не забыть бы и ранее скончавшегося первого агента 007 Шона Коннери (25 августа 1930), и вот вчера сообщили, что не стало Диего Марадоны (60 лет), кумира футбольных фанатов. Ах, это Morte. Memento Mori. Куча латинских изречений про Mors. Смерть стучится ногой одинаково: как в хижины, так и во дворцы. И только тираны и диктаторы держатся за трон, считая, что власть продлевает им жизнь.

25 ноября в «Новой газете» разразился статьей Александр Минкин «Вспоминая виселицы Нюрнберга» об избиениях, пытках, убийствах в Беларуси — месть Лукашенко народу. Он наказывает свой народ за то, что его не любят, презирают, ненавидят. Минкин сравнивает режим Лука-

шенко с фашизмом. Не фашист, никакой идеи нет, но при этом фашистские приемы. Лука как картофельный фюрер. Омерзительное цепляние за власть…

Начало официальной зимы. Хаотические заметки: не то дневник, не то книга, не то непонятно что.

О своих личных делах (и какие нынче дела, кроме походов в магазин «Пятерочка»). Государство не хочет помогать пенсионерам, а американские толстосумы из организации «Джойнт» помогают через синагогу бедным евреям. Не утихает внутри меня летописец, хроникер, наблюдатель, и продолжаю собирать кое-какие фрагменты и осколки из прочитанного и услышанного. «А вы работаете в архивах?» — однажды строго спросила одна дама на презентации моей книги. В отличие от рядового обывателя меня волнует, как извиваются разные страны мира и как корчится и вздрагивает Россия от разных проблем и бедствий. Сам удивляюсь на себя: ну, прямой потомок русского Колумба Николая Карамзина, первого популяризатора отечественной истории.

В книге «69 этюдов о русских писателях» (2008) есть и этюд о Ник. Михайловиче: «“Чародейство” Николая Карамзина». «Старина для меня всего

любезнее», — отмечал Карамзин. А для меня, что прошло при моей жизни — это интересно. Подобно Карамзину я

– и, вместо острой шпаги,
Взял в руки лист бумаги…

Ну, а по поводу того — прав летописец или не прав, Карамзин печатал, но вздыхал:

Непроницаемым туманом
Покрыта истина для нас.

И все равно до нее хочется добраться. И я долгими годами творил в стол «Календарь мировой истории», из которой, как из гоголевской шинели, вышла первая книга «Хроника российской истории. От Рюрика до Ельцина». Продирался в чащобе фактов и мифов, чтобы нащупать хотя бы приблизительную истину. А она замылена, запропагандирована, сфальсифицирована советскими историками — прислужниками престола. Суть выразил недавний министр культуры, ныне экс, Владимир Мединский: «Главное не факты, а миф». Не преступления, а героика. А я все эти годы шел вразрез с официальной пропагандой в своих книгах, рубриках и комментариях (не забыть бы сериал в «Московской правде» — «За-

метки ворчуна»). Я не был 29-м панфиловцем, как Мединский, я был и есть одиночка: не громко кричащий, а тихо шепчущий историк-самоучка. Чуть не написал, как Ломоносов, но вовремя остановился. Эко, батенька, куда тебя занесло! Поскромнее, браток, поскромнее…

В дневнике последних лет, в эпоху вставания с колен и присоединения Крыма, громких политических убийств и зловещих спецопераций, в абсурде и мракобесии всего происходящего, я зачастую прибегаю к мнению медийных авторитетных лиц, в высказываниях которых нахожу поддержку своим мыслям и размышлениям. Не я один так думаю! Не один я так считаю!..

Вот, к примеру, Егор Кузьмич Лигачев, старейший долгожитель советского Политбюро, которому 20 ноября исполнилось 100 лет! С ума можно сойти, как много! Как написала «Комсомольская правда», «последний динозавр социализма» (25 ноября). В идейной схватке с публицистом Виталием Коротичем Лигачев завелся: «Так ты говоришь, что я вымирающий динозавр? Мамонт? А ты не задумывался над тем, что после эпохи динозавров начинается эпоха крыс. Вы еще о нас, о мамонтах, пожалеете!»

О начале демонтажа советской власти Лигачев

сказал так: «Это было перерождение группы руководителей-коммунистов в центре и республиках, жаждавших личного богатства и безраздельной власти. Они решили разрушить партию и страну, чтобы забрать народное добро в свои руки. Многие стали миллионерами. Сами, или их родственники, что одно и то же…»

И это вставание с колен? Деление России на богатых и нищих? Под сладкозвучные восхваления прислужников новой власти. У первопроходцев перестройки не было дворцов и миллионов, но в их среде уже пестовались новые кадры. «Чертовски хочется работать!» — некогда признавался Лигачев. А ныне пришедшие, из ЧК и Лубянки, из органов, хотят чертовски обогатиться и окончательно унизить и закабалить народ. Забетонировать режим навечно. Руки чешутся, и хочется вставить что-то из русской классики (Пушкин, Лермонтов, Чаадаев и т. д.) — все известно и цитируемо. А вот Александр Бестужев-Марлинский, проживший в тоске «по родине и воле»:

Ах, тошно мне
И в родной стороне,
Все в неволе, в тяжкой доле,

Видно, век вековать.

Марлинский состоял в дружеских отношениях с Пушкиным. Они переписывались. Пушкин восхищался Марлинским: «Мил, жив, умен».

В январе по-старому был убит на дуэли Пушкин, а в апреле того 1837 года в Адлере в стычке во времена покорения Кавказа погиб Александр Бестужев-Марлинский.

Прошло почти 200 лет. И что мы имеем сегодня? Из еврейского ДАО: «Человек — это звучит горько».

На этой минорной ноте и завершим запись от 1–2 декабря 2020 г.

5 декабря — продолжу хаотические заметки. Сегодня 5 декабря. Забыли все и вспоминать не хотят, что 5-го — день Сталинской конституции, которая действовала без малого 41 год, с конца 1936 года по 6 октября 1977-го. Какая была конституция! Алексей Николаевич Толстой захлебывался: «Хартия вольности, хартия человеческого счастья». И вся страна ликовала. Джамбул написал «Закон счастья»:

Сам Сталин заботится ночью и днем
О каждом из нас, как о сыне родном.

Сегодня в стране действует новая, исправленная и дополненная, и это не хартия счастья (прежняя звучала прекрасно, а в реалии…). Нынешняя о счастье не говорит, а закрепляет права сильных и богатых и ущемляет права бедных: не протестуй! не митингуй! не критикуй! Сиди и сопи в тряпочку (или в масочку). Табу, запреты, иностранные агенты и т. д. Ну, а хозяин, который «заботится ночью и днем», сидит не в Кремле, а в бункере, и оттуда не заботится, а рулит страной.

И что мы имеем в итоге? Вот статья Сергея Голубицкого в «Новой газете» — «Поминки по индустрии» (30 ноября): «…Могучее государство, нерадивые бояре на местах. Справедливый царь, периодически ставивший бояр на место… (индустрия в дауне), на рынке — изобилие чужих продуктов и услуг… творчески бесплодное государство… Трагедия не в том, что творческий потенциал иссяк, а в том, что государство выжало его за собственные пределы. Это трагедия и преступление».

Руслан Гринберг, «МК», 30 ноября — «Нам предстоит приготовиться к долгому прозябанию».

«МК», 1 декабря — «Россияне налегают на хлеб». В магазинах резко выросли продажи продукта № 1. Можно привести кучу газетных расследо-

ваний и комментариев по поводу сегодняшних дел в России, типа «В нише изгоя» («Новая», 23 ноября). Про экологию, про нелегальный рынок лекарств — «Врачи без границ» («Новая», 25 ноября). Куда ни ткни, всюду безобразия, беспредел, хищения, коррупция и т. д. Словом, раздолье для возмущения и критики, и для иронии в «Новой газете»: «Спасибо, брат… / За то, что не уйдешь… / и любишь нас: / косых, босых, / хромых и кривоногих».

Словечко «кривоногих» случайно? Слухи ходят, и 2 декабря «Собеседник» в рубрике «О чем говорят» выдал заметочку «Яхта “подруги” Путина Светланы Кривоногих плавает с эскортом ВМФ». Милая картинка?

«Подруга» родила дочь Елизавету Владимировну (все в тайне, ни слова, — ша). И она, конечно, миллиардерша. И суперкатер ВМФ, разумеется, за бюджетные деньги, сопровождает прогулки Кривоногих по морской глади.

А в деревне Гадюкино, нет, не в Гадюкино, а в башкирской деревне Мендим, нет ни мобильной связи, ни газового отопления, люди задыхаются от вредных выбросов. Возмущаются, а им чиновники говорит: «Вы здесь никто. Покупайте противогазы и дышите». Короче, два мира — два

Шапиро.

Воскресенье. Гнетущей серости нет, но какое-то затуманенное солнце. Вроде свет, но как-то плохо светит, и я мучаюсь с глазами: плохо вижу, и газетный мелкий шрифт дается с трудом. Но в куче вырезок натолкнулся на заметку «На солнце русской поэзии появились пятна» («МК», 16 ноября). На памятнике Пушкину какие-то пятна, «ряд волшебных изменений милого лица». Это «достижение» наших реставраторов, они освежали памятник, и на нем появились 50 или даже больше оттенков зеленого, бурого и голубого. Умельцы времен Пу! Автор заметки отмечает, что обработка поверхности памятника проведена варварски. Ну ничего не умеют! Бедный Александр Сергеевич!..

И продолжим печальную тему уходов. Виктюка похоронили на прекрасном Лычаковском кладбище во Львове, там успокоился этот «человек бескрайних амбиций, без берегов», по определению режиссера Виталия Манского. За Виктюком потянулись другие. Ирина Антонова — музейная редкость, как выразился Юрий Рост в «Новой газете», поистине Железная леди, маленькая, хрупкая, но сколько сделала для пропаганды искусства в нашей стране: привезла Джоконду,

познакомила с безумной живописью Пикассо, организовала грандиозные выставки Москва — Париж и Москва — Берлин, перечислять и перечислять.

По поводу Джоконды сомневалась министр культуры Фурцева: «А это интересно?» И по поводу выставки Тышлера. «Хороший художник. — А мне сказали плохой…» Об Антоновой можно написать много, но отмечу одно, материнскую линию, ее мать — Ида Хейфиц, еврейка, и мне сегодня жаль, что об этом узнал слишком поздно, а то бы непременно отметил в книге «5-й пункт, или Коктейль “Россия”» (2000). Аргентина гордится Марадоной, а мы — Ириной Антоновой, которая расширила горизонты культуры для необразованных советских людей.

Две актерские смерти: Борис Плотников, прекрасные роли в фильме «Восхождение» и в «Собачьем сердце», доктор Борменталь. Много играл в театре. Прожил 71 год. Коронавирус… Нина Иванова, героиня культового фильма «Весна на Заречной улице», учительница Татьяна Сергеевна. Ушла из кино и старалась его не вспоминать. Работала медсестрой. Драматическая жизнь и смерть на 67-м году, в одиночестве и забвении…

Долгожителем был 20-й по счету президент

Франции Жискар д'Эстен (1926). Он стал президентом 19 мая 1974 года и в своих предвыборных речах заявлял, что социализм — это «серость однообразия», что «тоталитарная организация — это моральная дисциплина, пресечение диалогов, дебатов, всего, что поддерживает духовную и творческую жизнь внутри свободного общества…» Ушедший политик — аристократ, интеллектуал, отметивший, что в СССР остался всего лишь «пепел угасшей свободы» (цитирую по собственному «Календарю мировой истории», 8-я тетрадь, май).

От блистательного Жискара к простым нашим людям. Две гибели. 14-летняя школьница на севере столицы выбросилась из окна и погибла, оставив записку, что не нашла смысла в жизни. Девочка из вполне благополучной семьи, ни в чем не нуждалась… А 33-летний охранник из 5-го отдела Управления личной охраны президента Михаил, что ему мешало жить и почему он свел счеты с жизнью? Личные проблемы? Но отнюдь не разочарование в личности своего патрона… «Еще одна потеря, умер Виктор Понедельник». Форвард, защищавший цвета сборной СССР. 84 года. Долго болел…

Нет, лучше о пришедших в этот мир. На днях

«МК» в своем информационном подвале последних новостей сообщил о популярных именах только что родившихся малышей в Москве: Люды, Светы, Коли, Васи… И два необычных имени, родители точно выпендрились: девочка Россия и мальчик Люцифер. Если со временем девочка станет популярной звездой шоу, то это вздыхательно: вот это Россия! А если ее удел кассир в продовольственном затрапезном магазине, где ее будет затаскивать в укромное место детина-грузчик, тискать, снимать трусы и… Это что: бедная поруганная и изнасилованная Россия?..

А взрослый Люцифер, скажем, Иванович, он что? Определен следователем следственного комитета или охранником в СИЗО или тюрьме, чтоб творить или защищать зло, как представитель Сатаны?.. О чем думают родители этих детей? Или не думают, ибо думать нечем? Мозги нынче в дефиците, и моя книга явно не для них…

8 декабря — не было сил закончить страницу. Сегодня продолжу. Тупость — застарелая русская болезнь. Особенно поражен ей чиновничий люд. Для которых главное — не логика, не понимание и сострадание, а сухой циркуляр и указ. Тупость, глупость — не одного ли корня? Когда-то старый русский писатель Виктор Жемчужников сказал:

«всякой глупости свое время». Нынешнее время — пора рассвета и расцвета глупости, тупости, безответственности и, вообще, абсурда. Рассудок и логика отдыхают…

Примеров тьма. Идиотская идея в Сталинграде вызвать повесткой в контору ФСБ 94-летнего жителя города, от которого хотят получить сведения о злодеяниях фашистов в 1942–1943 годах. Не прийти к ветерану домой с коробкой конфет и поговорить про прошлое, а вызвать повесткой в следственный комитет, да еще в период пандемии, что это? Идиотизм, цинизм, аморализм, а может быть, за этим скрывается желание ущучить Германию за то, что пригрела у себя Навального и отказывается признать, что его отравили? Дураки всегда мстительны…

А охота ФСБ на российскую науку? «Ученых со стажем и именем все чаще обвиняют в шпионаже и измене родине». Вера Челищева в «Новой» от 30 ноября: «Шарашки хотя бы открыли…» А обвинения детей, школьников и студентов в терактах — «Теракты до 18» («Новая газета», 2 ноября) — еще одно расследование журналистов. Кругом враги, а если нет, то выдумаем. Громадному аппарату слежки и насилия нельзя сидеть без дела. Железный Феликс завещал нам перманентную

борьбу. Борьба борьбою по борьбе, — и никаких заморочек. Наши — ваши. Свои — чужие. Покоя нет. Не дремлет враг, коварно что-то замышляя…

Еще немножко, и вышел бы стих для рубрики «Игры патриотов». Но я в них не участвую…

12 декабря — и зачем я это все записываю и отмечаю? «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» — восклицал Гёте. А сегодня нужна поправка: не прекрасно, а ужасно! И уходи скорее!

«Новая газета», 11 декабря. На первой полосе — «Взбесившийся каток» — «у Госдумы новая стадия принятия: чем безумнее идея, тем скорее она становится законом». И подборочка новаций: Любой из нас может стать иноагентом — бывший президент может вас избить (закону он не подотчетен) — полицейские могут сделать с вами все что угодно — протестовать против этого нельзя… На второй полосе: «Начальству все, людям– закон». Госдума решила напоследок придушить в стране остатки гражданской жизни… Целая серия запретительных законов… На 4-й странице «Давящее чувство» — гарантийный срок на права человека в России истек, власть готова преследовать любую инакость… Подарок к 10 декабря, к Дню прав человека. Лев Пономарев: «Грустный праздник…»

Такое впечатление, что российская власть напугана многомесячными протестами против многолетнего правления Лукашенко и боится, что подобное народное недовольство вспыхнет и в России, и принимает превентивные меры возможного насилия. А тем временем, как пишет «МК» от 10 декабря: «Лукашенко дурачит Россию. Вместо досрочной отставки планируется фарс». Батька несвергаем?!.

И еще один комментарий в «МК», 11 декабря — «Обман поневоле. Почему в интернете и по ТВ показывают абсолютно разное». По официальным каналам — все чудесно и распрекрасно, а в ютуб-роликах в интернете (лично я их ни разу не видел — я из прошлого времени) — то там ужасно и даже кошмарно. И автор, публицист Игорь Фунт (его тоже не знаю и раньше не читал) с симпатией вспоминает советское прошлое:

«И были праздники — так праздники, и было горе — на всю улицу горе, и было счастье — со всем двором делились радостью…»

Судя по фото автора, ему об этом рассказывали предки, и он верит в эти мифы, Фунт — фамилия автора. И, стало быть, фунт изюма…

Сегодня мы имеем другую картину жизни, отраженную на экранах ТВ и на личных элек-

тронных устройствах. Новое поколение людей — это стримеры, для которых высшее наслаждение — показать миру треш-стрим, показать в открытом эфире что-то скандально ужасное и чудовищное. И об одном таком случае рассказала в «Новой» Ирина Петровская: «Смерть в прямом эфире». Один такой «орел» (орел-стервятник) бухал с девицей, потом бил ее, издевался, насиловал и в итоге выставил за дверь балкона почти голую. Она замерзла и отдала Богу душу. Этот мерзавец-стример все это снимал в эфир, и даже приезд полиции. Полный кайф и улет. Фрагменты его отвратного репортажа разлетелись по многим ТВ-каналам с лживым негодованием «Откуда берутся такие люди и куда исчезают представления о нравственности и справедливости?..» ТВ последних 20 лет постаралось в своих ток-шоу и сериалах, чтобы зрители позабыли, что такое стыд и совесть, что можно и что недопустимо. И вот теперь все вкушают эти плоды «мочения в сортире». Вот мы какие бесстрашные и лихие!.. Как вздохнула Петровская: «Парад уродов в эфире федерального ТВ бесконечен». Вываливается напоказ вся грязь и нечисть. Что было ранее неприличным, стало модным и интересным. Пу-ТВ, путина кошмаров и нечистот.

И я чувствую, что со своими историко-беллетристическими изящными книгами не ко времени, не ко двору, не для этого читателя с криком «Крым наш!». Наш-то наш, а что творится кругом?..

Даже миловидная и молодая министр культуры Любимова в разговоре с президентом подняла вопрос о социально значимых картинах в кино (нет, не про этику и благородные чувства, а исключительно про танки). И в разговоре вспомнила, что и «Пушкин писал много комедий» («Борис Годунов», «Маленькие трагедии» — это комедии?). Это тоже кошмар, и об этом открыто написал Минкин в «МК» — «Путину про Пушкина рассказала министр». Самое интересное, что президент при этом не вздрогнул: Пушкин писал комедии — интересно… Как тут не вспомнить строки Булата Окуджавы:

Сталин Пушкина листал
и постичь его старался,
но магический кристалл
непрозрачным оставался…

На этом, уф! Закончу на этом. Устал…

16 декабря — все о мире, о других, пора и о себе

что-то написать. Вечерами темно, и даже под лампой не могу ни писать, ни читать, кукуем с Ще вместе. И вдруг идея: поставить Костин диск о танго. С моим текстом об истории танго и прекрасными мелодиями (ныне таких не сочиняют). Тягуче-завораживающие Tango Dia More, «Черные глаза», «Признайся мне», «Прощальный луч» и т. д. 13-го ходили в нашу рощу, настоящий зимний день с летящими снежинками. И мы с Ще погрузились в благостное состояние. И была еще хорошая программа Сати «Нескучная классика» об оперных басах. Башкир Ильдар Абдраззаков. Но сначала старый кадр с Федором Шаляпиным. Действительно, великий и народный артист (и по какому недоразумению это звание прилепили к только что ушедшему Гафту, или нынче все девальвировано и обесценено?).

И еще были два телефонных звонка, к радости Ще: тебя помнят!.. С РЕН-ТВ пригласили в программу о ковбоях, ковбойских шляпах, «Великолепной семерке» и прочих увлечениях молодежи в советские времена. Я отказался. И позвонил какой-то журналист Гагик (фамилию не разобрал), интересуется Андреем Тарковским и пропел мне дифирамб о моей старой публикации об Андрее в «Неделе». Начало 90-х. Значит, кто-то

до сих пор помнит! И попросил: а можно мне еще раз вам позвонить?..

Это плюсики. А вот негативчики: «Динамо» проиграло «Зениту» в Питере. Только что Шварц вселил надежду на возрождение… Во вторник 15-го к вечеру почувствовал, что заболеваю, на следующий день утром померил температуру (давно не мерил) — 37,9. Принял пенталгин, и сегодня вроде лучше. Кашля нет, но общее состояние неважнец. Второй день сижу дома. Вроде обычная простуда, не коронавирус, впрочем, я специально не читаю газетные публикации о симптомах и о ходе протекания заболевания. Уповаю на Бога: пронесет?..

Побывал в больнице и выписался вылечившийся Ширвиндт, Александр Анатольевич привычно юморит: «Мне бы больше хотелось иметь неизвестность здоровым, чем славу в реанимации». И констатация: «Страшно усилился падеж друзей». И не только друзья Ширвиндта. В 76 лет Евгений Хорошевцев, ученик Юрия Левитана, вел в последние годы репортажи с Праздника Победы, на Красной площади… В 64 года не стало музыканта Андрея Сапунова, я его не знаю, так как муз. группами не интересуюсь, но его отказ поехать с концертами в Крым уважаю…

И еще Валентин Гафт. «Гафт — это душа», — разразился «МК». «Не стало великого народного артиста». Это перебор! Популярный хороший артист, да еще писавший едкие эпиграммы, — но не более. Не Смоктуновский, не Евгений Леонов, про Федора Ивановича Шаляпина молчу. Это все, наверное, пандемия делает людей слезливыми и патетичными, в последние годы Гафт долго болел, и его появление на ТВ вызывало недоумение: зачем он появляется в таком абсолютно развальном состоянии, да еще делает попытки читать стихи.

Конец года. Самочувствие, события и прочее

Не записывал ровно месяц, и из 16 декабря 2020-го прыгнул в 15 января 2021-го. Куча газетных вырезок, собственных записок, — поди разберись в них! Сошлюсь лишь на разворот «МК» от 30 декабря, где подведены итоги «Важнейшие события». Их много. О некоторых писал сам, а многие не зафиксированы и ушли в бездну забвения. Одна лишь «МК»-ская выдержка: «ВЕСЬ ГОД»:

«Пандемия. Локдаун. Масочной режим. Социальная дистанция. “Красные зоны”. Закрытие границы и вывозные рейсы. Раздача денег семьям с детьми (и фиг пенсионерам! — *Ю.Б.*). Все

— впервые, внове, тревожно и пугающе… ИВЛ, антитела и т. д. По состоянию на 29 декабря в России от коронавируса скончались 55.627 человек. Заболели — 3.105.037 человек, выздоровели 2.496.163 (в точность цифр не верю. — *Ю.Б.*)».

Пугающие списки уходов в газетах. «Реквием по гамбургскому счету. Прощание с прекрасной эпохой» («МК», 21 декабря). Писатели, артисты, режиссеры, деятели культуры, общественные деятели — более 40 медийных имен. Ирина Антонова, Жванецкий, Леонид Зорин, Эдуард Лимонов, Армен Джигарханян, Валентин Гафт, Николай Губенко, Инна Макарова, последний советский маршал Евгений Шапошников, экс-президент Франции Валери Жискар д'Эстен, Диего Марадона, писатель, автор шпионских романов Джон Ле Карре и т. д. Под конец года ушел великий кутюрье, император моды Пьер Карден. О каждом можно написать книгу, и кто-то еще напишет, но уже не я.

Не все ушедшие — звезды. Есть просто личности, оставившие небольшой, но след, к примеру, писатель Игорь Яркевич. Мыслил и писал оригинально:

«С Пушкиным и Сталиным плохо, но без Сталина и Пушкина еще хуже. Оба тираны, но оба

держат на себе Россию. Если не они, тогда царство тьмы. Неизвестно что. Развал. Крушение всего, распад на атомы…»

И еще одно имя — Александр Гордон, режиссер, немного поработал с Андреем Тарковским, муж Марины Тарковской. Прожил в тени гения Тарковского. Умер на 89-м году жизни в декабре…

Но, наверное, хватит об угасших звездах и звездочках. Светлая им память. Поговорим о себе, любимом и болезненном. Где-то числа 8 декабря прихватило, я думал, ОРВИ, в основном горло, да так, что хоть меняй фамилию на Плювакин, особенно по утрам. Вызвали врача из РАМБАМА — Лидия Михайловна. Куча лекарств и полосканий. Температуры нет, грудь сдавило, дышать тяжело, и главное — носоглотка. Пропал аппетит, общая вялость, слабость. Временами захватывало отчаянье: и книги не дождусь. Но потом брал себя в руки и вспоминал песенку о бомбардировщиках времен войны, которую пел Леонид Утесов:

Мы летим, ковыляя во мгле.

Мы летим на подбитом крыле.

Бак пробит, хвост горит, но машина летит

на честном слове и на одном крыле…

Никак не могу закончить книгу дневников. Хочется пополнее и поинформационнее, но все ползет из рук. Причина: самочувствие. Еще в магазины вместе с Ще дохожу и сумку с продуктами несу, а вот подняться на 4-й этаж — Господи, помилуй! Задыхаюсь и какое-то время не могу прийти в себя. Тридцатилетние в своем кругу козыряли обращением «Старик!» с чисто абстрактным звучанием, не догадываясь, что представляет собой преклонный возраст. И вот настал, грянул, скрутил, и как кто-то сказал: «Это такая гадость!..»

Снова к книге. Она идет со скрипом, а уж как скрипит и буксует издательство! Мария все время отодвигает сроки издания, — и к Новому году не получилось! А тут днями вдруг вспомнил, что так и не изданной осталась книга «Погода и слово» (только небольшие выжимки в «Науке и религии»). Не удалось опубликовать маленькое исследование о Великой французской революции и очерк-эссе о Рихарде Вагнере. И сколько планов и идей так и останутся невыполненными, увы и ах!..

Не могу остановиться на названии 4-го тома, может быть, использовать строчку Юнны Мориц: «На лучший мир не уповай!..»

Возвращаясь к событиям 2020 года. О политике

молчу. Обнулили конституцию. Топтали свободу гражданских прав. Возня вокруг Навального. Политический Чернобыль («Новая», 23 ноября) …Экономика в пролете. Бедные беднеют, богатые богатеют. А уж как плохи дела в футболе. Прощай, европейские кубки: Еврокошмар, Европровал, «Не наша лига?».

Какую отрасль ни возьми, везде провалы и минусы. Но потуги на величие! Путинисты полны гордости по самое горло. И в общем хоре все слышнее голоса молодых прилепинцев (движение Захара Прилепина), и кругом враги, враги, враги. Откуда взялись — непонятно, может быть, с Марса?.. (17 января 2021 г. 13:12. Мороз под 20 и поэтому немного светло).

2020 год творчески был не богат. Вел дневник, с прицелом, с прищуром на книгу. Примерно 80 стр. Всего два выступления:

13 февраля — в амфитеатре зала МЕОЦа. 25 человек. Тема: о жизни, о книгах, о возрасте…

25 сентября — творческий вечер в «Доме поэта» (Трехпрудный пер.). Впервые представил себя как поэта с многочисленными оговорками. 15 человек. Рассказывал и читал стихи. Отклики в «Экслибрисе» и в «ЛГ». Запоздалый дебют. В Москве бушевал вирус, а я читал стихи…

Ну, и последнее: встреча Нового года. Немного посмотрели дурацкие программы ТВ и в 23:30 легли спать. Без курантов и президентских поздравлений, без шампанского и прочего алкоголя.

Сто лет назад – 1921 год

Нынешнее время тревожно, драматично, агрессивно, кроваво, загадочно в своем непонятном хаосе… Вот и 2021 год начался бурливо и устрашающе. 6 января сторонники президента Трампа ворвались в Вашингтоне в Капитолий и осквернили цитадель американской демократии. 17 января в Россию, вопреки логике, вернулся «берлинский пациент», как уничижительно называет власть самого яркого российского оппозиционера Алексея Навального. По мнению аналитиков, знаковое событие в истории России. Вернулся и тут же был арестован, превратившись мгновенно из жертвы отравления в преступника режима. 23 января по стране прошли многолюдные несанкционированные митинги и шествия по поводу жестокого акта режима. Даже в Нижнем Тагиле нашлось более одной тысячи смельчаков-протестантов выйти на улицу в 30-градусный мороз. И было, как предсказал Алексей Венедиктов, «ме-

силово» между народом и силовиками. Короче, прозвенел грозный звонок режиму, от которого большинство россиян просто устало, и чаша народного недовольства стала расплескиваться. И это только начало…

Полезно вспомнить, что происходило, бурлило и угнетало 100 лет назад — в 1921 году. Увы, миллионы обывателей не знают историю своей страны — не читали, не учили, не интересовались, что там было когда-то. Они доверяют лишь государственной *лжи*, созданным мифам и легендам о прекрасном прошлом страны под названием Советский Союз.

Вспомним лишь самую малость. ИТАК, 1921 ГОД.

В середине февраля советские войска Кавказского фронта захватили Тифлис и растоптали грузинскую демократическую республику во главе с Жордания. Грузия была объявлена советской социалистической республикой.

26 февраля — 18 марта — Кронштадтский мятеж — восстание Балтийского флота и гарнизона Кронштадта. Принятие экипажем броненосца «Петропавловск» резолюции с требованием переизбрания Советов, свободы слова и печати, освобождения политзаключенных. Словом, до-

лой власть.

7 марта — начало кровавого подавления восставших. Руководителем подавления был Тухачевский, будущий маршал СССР. Мятеж был подавлен, и одновременно была прекращена деятельность всех политических партий.

8–10 марта — в условиях острого социального и политического кризиса, охватившего всю страну, состоялся X съезд РКП(б). Он провозгласил переход от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике (НЭП). Еще новация: ЧК переименовано в ГПУ (затем в ОГПУ).

3 апреля — Сталин избран Генеральным секретарем партии.

Март — массовые аресты партии левых эсеров.

Весна-лето, голод в Поволжье и гибель более 5 млн человек. Голодомор. На борьбу с голодом началась кампания по конфискациям церковного имущества, в основном золота и драгоценностей.

Летом свергнут режим барона Унгерна в Монголии и освобождена столица Урга советскими войсками под командованием Блюхера (впоследствии как «враг народа» расстрелян).

Другой очаг неприятия советской власти —

Хабаровск: оплот Белоповстанческой армии. В феврале следующего года Волочаевская операция по разгрому белоповстанцев армии генерала Молчанова. И народ распевал лихие песни о победах:

И останутся, как сказки,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Ну, и далее: «Разгромили атаманов, / Разогнали воевод / И на Тихом океане / Свой закончили поход».

Нет, братцы, не закончили. Можем повторить! Выросло новое поколение бравых ребят, которые мечтают поиграть в «войнушку». И как призывал товарищ Маяковский: «возьмем винтовки новые…»

1921 год — не только били атаманов. Еще пульсировала культурная жизнь. А у кого-то оборвалась. Две страшные гибели: Александр Блок (7 августа) и Николай Гумилев (24 августа).

О Блоке и Гумилеве писано много, написал и я — «99 имен Серебряного века» (2007). Там кратко, но достаточно прикладисто, и приведено множество свидетельств. Только одно — Иванова-Разум-

ника: Блок был «конкретным максималистом» и умер от «великой любви и великой ненависти». Немного не дожив до 41 года.

«Двадцатый век… еще бездонней, / Еще страшнее жизни мгла…» А двадцать первый?!.

Второе потрясение 100-летней давности: беззаконный расстрел Николая Гумилева, в 35 лет. Писал точно и жестко:

Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы – смешные актеры
В театре Господа Бога.

Уход двух больших поэтов (избегаю слова «великих») погрузил интеллигентную Россию в транс, ту часть интеллектуалов, которые не уехали в эмиграцию, а остались в России. В октябре 1921-го покинул Совдепию больной и не приемлющий проводимую партией политику Максим Горький.

И еще два события: массовая высылка за границу писателей, ученых, философов и религиозных деятелей (Бердяев, Сергей Булгаков и другие звезды российской культуры). Ну, и попутно установление государственной цензуры: образован Главлит — Главное управление литературных

дел. Запрет на инакомыслие. Только да здравствует и вперед! «Нам думать неча, коли думают вожди», — сыронизировал Маяковский.

Выходили и книги 100 лет назад. Без них никак! Роман Бориса Пильняка «Голый год», повесть Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69» и т. д. Ну, а Владимир Владимыч (ну, Маяковский) организовал с Осипом Бриком «Левый фронт искусств» (ЛЕФ). ЛЕФ, НЭП, ГПУ. Абракадабра и карамба!

2021 год – 88/89 лет, старт в неизвестность

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза…

Ранний Осип Мандельштам

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи на десять шагов не слышны…

Поздний Мандельштам

Не хотелось залезать в 2021 год, но как-то жалко расставаться с книгой, дневником, с пульсирующей жизнью. Еще немного, еще чуть-чуть. Самочувствие немного лучше, но задыхаюсь, поднимаясь на 4-й этаж, да еще сумки. И уже в январе событий на новую книгу. 6 января был то ли штурм трампистами Капитолия, цитадели американской демократии, в Вашингтоне, то ли взрыв какого-то негодования, и это дало повод сладострастно отечественным пропагандистам надсмехаться и издеваться над Америкой (вечная ненависть школьных двоечников к успешным

отличникам).

Привычная картинка: сводки по заболевшим и умершим от ковида. Создатель «Ералаша» был убит вирусом на 72-м году жизни. Относился к ковиду легко, с улыбкой. А ковид не шутил… 18-го «МК» поведал о громадной популярности основателя «Ералаша», и тут же обывательский вопрос: «Кому достанется наследство». А нормальные люди благодарственно вспоминают лучезарную улыбку Бориса Грачевского.

Листая досье Евгения Рейна, натолкнулся на его строки:

Саксофонист японец, типичный самурай,

играет на эстраде: «Живи, не умирай».

Скажи мне, камикадзе, ужасен, волосат,

Неужто нет возврата куда-нибудь назад?

Куда тебя, японец, безумец, занесло…

В том смысле, что выступает в Европе…

Вышел первый номер «ЛГ», и там отметили юбилеи двух поэтов одного года — по 85 лет — Евгения Рейна и Николая Рубцова. Рейн родился 29 декабря 1935-го, а Рубцов — в январе 36-го. Два

равных поэта. Рубцов представлен у меня в книге, а Рейн в пухлом досье вырезок ждет своего часа. Судьба столкнула меня с Рейном, и я благодарен ей. До сих пор в ушах крик Жени в вестибюле ЦДЛ: «Безелянский! Проходишь мимо — зазнался!..» Эпатажный Рейн. Хотел пригласить на свой юбилей 80 лет и часто звонил из разных мест, то из Италии, то из больницы: «Думаю о тебе… мечтаю встретиться, поговорить». И ничего не последовало. Жена Надя оберегала воды Рейна от чужих незнакомых литературных влияний.

Рейн и Рубцов — два поэта на рычащую букву «ррр!..». Один — выходец из простого народа, с щемящей любовью к родине:

Звезда полей, во мгле заледенелой
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою…

«Тихая моя родина! Ивы, река, соловьи…»

И никакой коммунистической партии, никакой «Единой России», никаких генсеков, вождей и президентов. Родина с покорным, замордованным народом. И поэт смиренно вздыхает:

Печальная Вологда дремлет

На темной печальной земле.

И Рубцов о себе: «Случайный гость, / Я здесь ищу жилище…» И печальное понимание: «Не купить мне избу над оврагом / И цветы не выращивать мне…» И удивительное «Прощальное»:

И сдержанный говор печален
На темном печальном крыльце.
Все было веселым вначале,
Все стало печальным в конце.
На темном разъезде разлуки
И в темном прощальном авто
Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто.

Рубцов не дожил до старости и не мог дожить. Он прожил всего лишь 35 лет, и над ним сомкнулся «ужас ночи». «А где-то в солнечном Тифлисе / Ты ждешь меня на той горе, / Где в теплый день, при легком бризе, / Прощались мы лицом к заре…»

Совсем иной поэт Евгений Рейн. Питерский иноходец. Богема. Птенец из гнезда Анны Ахматовой. Друг Бродского. Кто не воспитан мировой культурой и литературой, тому Рейн непонятен и чужд со своими итальянскими восторгами. У

него какие-то свои личные сюжеты и заморочки. Исторический факт, исполненный геройством, когда пламенная ненавистница лидеров французской революции Шарлотта Корде в ванной комнате убила ножом Марата. Рейн представил это событие как некую шутку:

Хороша последняя суббота,
Банный день.
Неужели и тебе, Шарлотта,
Убивать не лень.
Если передумаешь, разденься,
Голову помой,
Наверти тюрбан из полотенца,
Поиграй со мной…

Шутка явно не к месту. Но Рейну простительно, он весь ирония и насмешлив без предела. Он весь в себе, в своих метаморфозах. В одном из стихотворений он обронил:

В конце концов, в конце –
Эпоха как эпоха.

Среди собранного пухлого досье Рейна мне встретилось лишь одно стихотворение диссидентского толка, но опять же на иронической

подкладке:

Я полюбил НКВД
Любовью поздней и взаимной,
Теперь мы с ним наедине
В какой-нибудь прогулке зимней.
Я на Лубянку выхожу
И вижу темную громаду.
Здесь к неземному этажу
Свободно подниматься взгляду.
Вот это темный кабинет,
Где обитают пять наркомов,
И здесь они, и как бы – нет –
Среди убитых миллионов…

А далее Рейн снижает тон и вспоминает Кампанеллу, Христа, Дантона, Пугачева, теорему Пифагора и т. д. А потом снова ввысь:

И вот одна лишь темнота,
Пустой морозный крематорий,
И всем погубленным – тщета,
Сгубившим душу – суд нескорый.
А потому они молчат
И бронзовеют год от года,

Лишь тяжко дышат в аппарат
Ежов, Дзержинский и Ягода.
А я? Мне поместиться где?
В каком окне, в каком подвале?
Я полюбил НКВД
За вечный мрак его печали…

Можно прокомментировать эти вывернутые наизнанку строки, но не буду. Вернусь к Осипу Эмильевичу Мандельштаму — 130 лет гению Серебряного века.

Мандельштам пытался адаптироваться к большевистской власти: «Я должен жить, дыша и большевея…» Но «большеветь» не получилось (как у некоторых нынешних поэтов и писателей «путенеть»). В «Четвертой прозе» Осип буквально кричал: «Я срываю с себя литературную шубу и топчу ее ногами… лишь бы не видеть 12 освещенных иудиных окон похабного дома на Тверском бульваре (где гнездилась литературная элита. — *Ю.Б.*), лишь бы не слышать звона сребреников и стука печатных машин…»

Мандельштам искал спасение в иронии, в печальном еврейском юморе. Подбадривал себя вымышленным героем: «Жил Александр Герцович, / Еврейский музыкант. / Он Шуберта

наверчивал, / Как чистый бриллиант…»

Помогало? Только отчасти. И временами тонул в волнах безнадежности.

Что, Александр Герцович,
На улице темно?
Брось, Александр Сердцевич,
Чего там? Все равно.

Власть задавила, задушила, растоптала Осипа Мандельштама. Он погиб, не дожив каких-то двух недель до 46 лет, в конце декабря 1938 года.

…Прошло 82 года. Декабрь 2020 / январь 2021. И снова «на улице темно?».

Эх, вдохнуть бы полной грудью, выдохнуть спертый воздух и очертя голову броситься в уничтожающий огонь публицистики. Но нет никаких сил. Может быть, ужо чуть позже… (25 января 2021 г., в день рождения Владимира Высоцкого, он о многом написал, спел и сказал. Поэзия Высоцкого: «Я Гамлет, я насилье презирал…»)

Тревожный январь

Самочувствие не улучшается. Сил не прибавляется. Выходим с Ще лишь накоротке в магазин и

аптеку, а так дома, ловлю немного света, чтобы напечатать хотя бы полстранички, но большую часть времени темно (а глаза плохо видят), и поэтому много слушаем радио «ЭХО» (заставка: «Эхо! — Хо-хо-хо») и совсем мало ТВ, и вырезаю и складирую газеты, чего-то пропускаю, чего-то игнорирую. И ежедневных событий вал. Только три заголовка из «Новой газеты»:

13 января — Борис Вишневский: «Крепость, осажденная изнутри. Кремль, поссоривший Россию со всем миром, принялся за “внутренних врагов”».

И 13-го в унисон в «МК» полоса «Как не сесть в тюрьму (правило первое — сидеть дома)» — принят пакет репрессивных законов…

«Новая», 15 января — рецензия на аудиосериал Алексея Иванова «Тени тевтонов» — «Мы строим не прекрасную Россию будущего, а СССР-2».

25 января отчет о событиях субботы, 23 января — «Осажденное Бульварное кольцо». Акция в поддержку Алексея Навального: «Силовики громили мирные митинги по всему центру Москвы и не жалели журналистов…» Вышло не менее 40 тыс. человек, по оценкам МВД, цифра в 10 раз меньше… На первой полосе снимок группы молодежи и заголовок «Легко ли бить молодых» — перифраз

старого заголовка «Легко ли жить молодым?».

Новация: дети. «Мам, что такое автозак?»… Завучи паниковали, родители ругались, а дети ржали…

Минкин в «МК» вовремя вспомнил стишки Корнея Ивановича Чуковского:

Папочка и мамочка под деревом сидят,
И папочка и мамочка детям говорят:
– Маленькие дети! Ни за что на свете
Не ходите в Африку, в Африку гулять!
Африка ужасна, да-да-да!
Африка опасна, да-да-да!
Не ходите в Африку, дети, никогда!
В Африке ужасный Бар-ма-лей!
Он бегает по Африке и кушает детей.
Но папочка и мамочка уснули вечерком,
А Танечка и Ванечка – в Африку бегом!

Школота вышла, но их было мало. Пропутинская «Комсомолка» выдала оценку властей: «По России прокатился “бунт сытых”». И в поддам ТВ, известный бешеный патриот Сергей Кургинян вопил на каком-то ТВ-шоу: «Пусть обожрутся

своей свободой!» У Кургиняна лично все хорошо: он сыт и прикормлен, сделал карьеру в известных коридорах. А молодым нужны перемены в стране, воздух и свободно строить свое будущее, а не СССР-2.

После 25 января оппозиционеров обыскивают и задерживают по подозрению в том, что их идеи распространяют коронавирус (ничего умнее придумать не могли?). И начали штамповать «Санитарное дело»: нарушение санитарных норм… Хочется запеть старую песенку: «Эх, хорошо в стране советской жить!..» И вспоминается и другая брызжущая оптимизмом песня: «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых!..» Какие мечтатели, какие ученые? На первом месте силовики: армия, полиция, нацгвардия.

«Новая газета» 23 января в статье «Внутренние уши» приводит данные: 2,6 миллиона человек работают в силовых органах (а еще ФСИН — Федеральная служба исполнения наказаний — тюремщики?).

…За окном навалило много снега, с утра было минус 3, скользковато. Немного попечатал, и стало темнеть. Знакомый крик Банана времен моего Иновещания: «Ну не дают работать!..» А

так хочется работы, творчества и свободы. Да здравствует Либерти!.. 30 января 2021 г.

* * *

Жаль, что не могу описать события единым куском, на одном дыхании, а лишь фрагментами и урывками. Если бы скинуть лет 20! Но это невозможно, поэтому «простите дядьку!» за фрагментарность и прерывистый стиль изложения.

К событиям 25 января в сетях вышел фильм Алексея Навального о «Путинском дворце», и это весьма подогрело определенную часть населения страны: более 100 миллиона просмотров! Народ смотрел и возмущался: да еще громадный дворец за миллиарды кровных народных денег. Оборзели совсем!.. На мысе Идокопас в 20 км от Геленджика у Черного моря (утесовская песня «ах, Черное море мое!..») уже несколько лет строится нечто грандиозное и охраняемое с моря и с воздуха (неполетная зона). Таинственный дворец или целый комплекс. Юлия Латынина в «Новой» 22 января назвала его восточным «Сералем» и отметила: «Европейские дворцы были рассчитаны на общество, пусть высшее. Этот рассчитан на одного человека»… Шестизвездная гостиница в нищей стране, предназначенная для одного

человека… Есть все для отдыха и развлечений, но нет личного кабинета, комнат для переговоров, библиотеки. Совсем не Шенбруннский дворец императора Франца Иосифа, который в нем жил, работал и принимал многочисленных посетителей…

Одним дворцы (точнее, узкой группе богатеев и приближенных к императору-царю), а народным массам… «Новая газета», 13 января — публикация «Праздники для крепостных. Почему россияне много работают, но ничего не зарабатывают…» Автор Дмитрий Прокофьев пишет: «Работать и надеяться, что твои достижения будут признаны в России, не имеет смысла, уровень вашего достатка все равно определяет элита…»

Ах, эта элита! И кто ее посадил на шею трудового народа? Нынешняя элита из выходцев советского госаппарата и партийных органов, предприимчивых деляг, которые развернулись в условиях падения СССР и появления свободного рынка «купи-продай!» и нажили мгновенно миллионы и миллиарды. И элита выдвинула на высшие посты своих людей, а те, в свою очередь, своих и т. д. А сегодня мы с удивлением осознаем, что нами правит сословный класс: власть передается от отца к сыну, от деда к внуку и далее по

семейной цепочке: племянники, племянницы, жены, любовницы. И летят чайки по стране. И все это было в мире и не раз, во многих временах и странах. Как говорил классик: «Ну как не порадеть родному человечку!..»

Но вернусь к слову «элита», хотя у нас это скорее: из грязи в князи! В советские времена процветала поэтесса Людмила Щипахина (почти моя ровесница, 1933 год) и писала, как я помню, восторженные стихи о СССР, социализме, партии и комсомоле, короче, ура-патриотка. А тут днями раскрыл «Литературку» от 3 января и в изумлении читаю: Щипахина, стихотворение «Элита»:

Современная элита –
Властный клан с душой бандита.
Денежные аферисты,
инвалютные артисты…
Кто не вьется у корыта,
Тот сегодня – не элита,
А непрошеный имплант,
Будь хоть гений, хоть талант.
…Такова для нас расплата,
Хоть у нас –
Ума палата,

Но в палате той давно

Смутно, пасмурно, темно…

Н-да, зигзаг в творчестве. От поклонения к отрицанию, от пафоса и радости — к критике и печали. И такое бывает… (31 января 2021 г.)

Элита не только кремлевцы, силовики, прокуроры и судьи. А еще шоу-бизнес, не деятели культуры, а шоу-развлекатели народа, поющие, танцующие, паясничающие, гримасничающие, анекдото-юмористы и прочие шоуменчики. В одном из декабрьских «Собеседников» дано фото: ласково прислонившиеся друг к другу Филипп Киркоров и Басков с подписью «Попсовое политбюро» — кумиры зомбированного народа. Или вот еще: неувядаемая Анастасия Волочкова, экс-балерина, задолбавшая всех своим умением садиться на шпагат. «Вы читали Библию, Толстого, Пруста…» — «А зачем? Я умею делать шпагат». Я не знаю, но, возможно, в наше сумасшедшее время шпагат приносит хороший доход.

Вот ТВ-программа «Дом-2» сколько вывела в люди и миллионерши бедных девочек, которые благодаря пиару, раскованности и силикону добились колоссального успеха: их знает вся страна: Алена Водонаева, Ксения Собчак, Ольга

Бузова. Последняя — ведущая, певица — купается в деньгах, меняет бойфрендов и, как написала «Комсомольская правда», «открывает мир других мужчин». Оп-па! Эротика, секс, светские скандалы — и ты уже на вершине внимания всей страны.

А были другие времена, советские, когда женщина садилась на трактор, и это вызывало восхищение всей страны. Трактористки, летчицы, ткачихи и прочие нужные стране профессии увлекали сотни тысяч молодых женщин. О них писали, их портреты украшали полосы газет, о них слагали песни: Паша Ангелина, Гризодубова, Осипенко, сестры Виноградовы и прочий блистательный ряд. В феврале 1937-го (в год террора) комсомолка Хетагурова обратилась ко всем девушкам страны с призывом ехать на новостройки Дальнего Востока, на этот призыв откликнулись тысячи отважных девушек. И этот порыв тут же был освещен песней, текст написал Евгений Долматовский: «К борьбе, к работе, к бою / Зовем друзей с собою…»

В жару, в дожди и вьюги
Всегда пойдут подруги
На близкий и любимый

Такое это было время, героическое и трагическое одновременно: одни строили прекрасное будущее — социализм, другие активно искали «врагов народа», третьи сажали и сторожили осужденных на зоне, в том числе и на прекрасном Дальнем Востоке.

Но хватит об этом. Социализм построили с изъянами, к коммунизму так и не подошли. А в 1991 году рухнула вся конструкция СССР и от союза отвалились большие куски, впрочем, об этом в предыдущих томах дневника. А сейчас необходимо вернуться к 31 января, ко второму всероссийскому сбору в поддержку Алексея Навального. В качестве эпиграфа можно взять слова популярного, но лично мне неизвестного поп-музыканта Васи Обломова. В «МК» на полосе «Звуковая дорожка» приведены его слова то ли из песни, то из интервью: «Совершенно непонятно, как дальше здесь нужно жить». Это мнение молодых.

31 января — «Новая» газета», 1 февраля — Вторую неделю Россия живет в нескончаемом потоке возбужденных уголовных и административных дел. По всей стране независимым журналистам,

освещающим митинги в поддержку Навального, приходят угрозы. Одна из них: «31-го, падаль, тебе отрежут голову…» В публикации Анны Мухиной: «Власть настолько ужесточила наказания за любую активность, что даже мысли скоро будут считать несанкционированными…» А протесты не стихают, и не только в поддержку Навального, но и общие требования перемен и с криками «Долой!» и «Уходи!».

Кирилл Мартынов в той же «Новой»: «То, что сейчас происходит в стране, мы рутинно и справедливо описываем как диктатуру. Но мне кажется, в происходящем есть другой, более важный для нашего будущего аспект. Постсоветское пространство от Минска до Хабаровска и дальше превращается в гигантский тренажер солидарности…»

Эх, взялись и эй — ухнем?.. Не уверен, все может рухнуть по другой неизвестной нам причине. И в одночасье. Поживем — посмотрим, а кому-то уже не доведется. Хотя умершему в январе Бенджамину Ротшильду из могущественного клана Ротшильдов можно воскликнуть: «И деньги не помогли!..» Один из клана — барон Ги Ротшильд (французский филиал) говорил о целях финансовой империи: «Добиться богатства, процветать,

защищать себя». Цитата по книге Алена Монестье «Легендарные миллиардеры» (1996).

И моя любимая цитата из Шолом-Алейхема (он родился 2 марта по новому стилю): «Будь я Ротшильд… — размечтался касриловский меламед однажды в четверг, когда жена потребовала денег, чтоб справить субботу, а у него их не оказалось…» (рассказ «Будь я Ротшильд…»).

И две утраты из артистического мира: певица Алла Йошпе (трогательный дуэт со Стаханом Рахимовым) и, как представила «Комсомолка»: «Офицер и джентльмен Василий Лановой». Народный артист СССР, умер от коронавируса через считаные дни после того, как отметил 87-летие. Как сказал кто-то из друзей: «До последнего дня он бегал через ступеньку». И отбегался. Красивый мужчина и в старости. Но не мой артист, не Михаил Козаков, не Андрей Миронов и даже не Равикович. Актер-патриот, всегда говоривший правильные вещи. И удостоился грандиозных похорон на Новодевичьем. Сам президент приехал попрощаться с Лановым, а заодно подошел к памятнику Бориса Ельцина (юбилейные 90 лет) и, как сказала корреспондентка НТВ: «Президент возложил цветы и Ельцину — тоже не менее яркая фигура…» «Не менее» — это прозвучало!..

Лановой — патриот, или иначе: витринный патриот власти. А актер? Скажем: неплохой. Лучшая роль в эпизоде фильма «Полосатый рейс», где он, молодой, красивый, в черных очках, разлегся на шезлонге, увидел плывущих к берегу тигров — «Хорошо плывут!» И вдруг осознал, что это тигры — хищники, и истошно заорал «а-а-а!!!» и помчался с пляжа. Сыграно профессионально… В кино складывалось все хорошо, а в Театре Вахтангова карьера начиналась со скрипом. Долго не получал настоящих ролей и пребывал в массовке, к примеру: в соцреалистической «Стряпухе» выходил в группе колхозников. С благородным тонким лицом и колхозник!..

Почти ровесник Ланового Ларри Кинг (настоящее имя Лоуренс Харви Зейгер) ушел из жизни на 88-м году (родился 19 ноября 1933). Умный и импозантный, один из лучших телеведущих в мире. Из семьи еврейских эмигрантов Австрии и Белоруссии. Сделал оглушительную карьеру в США: провел более 50 тыс. интервью, рекорд в Книге Гиннесса. Ларри Кинг — эталон, ему подражал Влад Листьев.

* * *

Немного истории. 1 февраля исполнилось 90 лет Борису Ельцину.

Кто-то сказал про него: «Он все время купался в борьбе, напоре и натиске» (это не плюшевый вялый экс-президент Медведев). И еще фраза, сказанная Борису Николаевичу: «Вы — Минин и Пожарский нашего времени». «Новая» посвятила Ельцину две полосы и фотомонтаж: Ельцин на фоне кремлевской башни и лозунги «Нет фашизму!» и «Хаммунизм назад!». И, конечно, откликнулся «МК»: «Ельцин вчера, Навальный сегодня».

И еще юбилей: 140 лет Клименту Ефремовичу Ворошилову (2 февраля 1881). Слесарь из Луганска стал первым маршалом СССР. Дважды Герой Советского Союза и 8 (!) орденов Ленина. Уникум. 15 лет был военным министром и членом Политбюро. Выдвиженец Сталина. Герой Гражданской войны, но проваливший Великую Отечественную на Ленинградском и Волховском фронтах. Карьеру Ворошилова пресек Хрущев в 1960-м. Ворошилов был самым обеспеченным пенсионером в СССР: дача, «ЗИЛ» и 10 человек прислуги, плюс 6 человек охраны. И никаких дворцов в Геленджи-

ке с 16 подземными этажами. Пуританское время власти. Лишь закатывали пиры, где собирался ближний круг Сталина, о чем сохранилось много свидетельств.

И еще одно историческое воспоминание: Зоя Космодемьянская.

29 ноября исполняется 80 лет со дня казни 18-летней комсомолки-партизанки. О ней сняли фильм «Легенды о Зое». Что-то не то, передали другому режиссеру и поменяли название, просто «Зоя», много претензий: «Немцы получились слишком хорошие». После переделок главгерой не Зоя, а Иосиф Виссарионович («Надо приподнять Сталина»). О самой личности Зои спорят до сих пор, героиня или не героиня, с нормальной психикой или нет. В советское время Зою втискивали в образ советской Жанны д'Арк. Советской стране нужны были герои, и их было немало. Заказ на героев? Чешско-немецкий афорист Габриэль Лауб говорил: «Герои нужны в минуту опасности, в остальное время герои опасны».

И Бертольт Брехт: «Несчастна страна, которая нуждается в героях».

Я — пацифист и не приемлю военных решений ради каких-то исторических идей или обид. По-испански: но милитар!.. Мне без войн и кон-

фликтов посидеть бы тихонечко за письменным столом, написать, посочинять. Как признавался Виктор Шкловский: «умею только читать, писать и клеить…» Вот и я такой, как Виктор Борисович. С молодых лет этим занимался, в том числе клеил небольшие альбомчики для черчения. Других в советское время не было — там фотографии, картинки, какие-то личные бумажки и первые публикации из многотиражки «Советский студент». А потом пришло время больших, можно сказать, роскошных альбомов (некоторые привозил Эдуард из Парижа), и в них я отразил вехи своей жизни, в основном творческие: публикации, рецензии, интервью, путешествия и т. д. Таких альбомов более 27. Подниму-ка я один из первых альбомов и полистаю его, может быть, кому из читателей книги это будет интересно. А если нет, то не читайте и не вникайте. Итак, первый альбом из периода начала 90-х годов прошлого века. Листаем:

Первый альбом творческих шагов и достижений

Годами когда-нибудь в зале концертной

Мне Брамса сыграют – тоской изойду…

Борис Пастернак

Первая вырезка — «Дневник судеб» (газета «Мегаполис-Экспресс», 13 декабря 1990).

Начало: «Чего только не собирают коллекционеры: книги и марки, спичечные и винные этикетки, брелоки и календарики, самовары и замки… Москвич Юрий Безелянский 50 лет собирает даты, выуживая их из различных календарей, книг, журналов, газет. Собранные даты составили календарь, который насчитывает около 4 тысяч машинописных страниц. В отличие от всех прочих этот календарь рассказывает, что произошло в мире в тот или иной день. Даты отобраны не для того, чтобы их отмечали, а чтобы вспомнить историю, поразмышлять, погрустить или улыбнуться».

А далее выборка из 14 декабря. Возьмем только две:

1892 — по старому стилю родился Семен Надсон в Петербурге… Сгорел в 24 года… В эпоху Евтушенко-Вознесенского мало кто помнит о поэте-демократе, а зря.

Друг мой, брат мой, усталый страда-

ющий брат,

Кто бы ты ни был, не падай душой, –

призывал Надсон, и это обращение, увы, не теряет актуальности.

1954 — начало работы второго съезда советских писателей. В докладе Алексея Суркова отмечалось, что «успех советской литературы, колоссальное распространение ее произведений в нашей стране и за рубежом означает победоносное, триумфальное шествие по странам мира нового героя — советского человека».

Сегодня, 7 февраля 2021 года, спустя 66 лет, я добавлю, что похвальбы, пафоса и откровенного вранья стало не меньше, а даже больше, и вместо гордого определения «советский человек» широко распространено унизительно-презрительное слово «совок», у которого нет достоинств, а взамен — презрение и насмешка в его адрес. Совок из страны Зимбабве с ракетами.

Я тоже был советским человеком, но не покорным, а мечтающим о какой-то неведомой мне свободе, да разве я один. Вот Женя Евтушенко:

Вся жизнь – борьба с болотом,

измотан, как и все.

Я брежу поворотом
на чистое шоссе.

«Заняться чем-нибудь — лучшее спасение от отчаяния и кошмара», — считал другой поэт Александр Кушнер.

И я нашел или интуитивно нащупал делать календарь мировой истории «в стол», для себя, меня раздражали «белые пятна», вычерки и умолчания цензуры, и мне хотелось правды и полной информации. Развалился Советский Союз, и наступила свобода слова и печати. И тогда я достал свой календарь, на который потратил годы, и понес его в газеты и журналы. «Мегаполис-Экспресс» — первая ласточка, потом «Вечерний клуб» — газета для интеллигенции. В «ВК» мой календарь встретили радушно, и первый выпуск пошел под названием «Сдувая пыль с календаря», потом он поменял название и выходил просто как «Календарь Ю.Б.» — эта первая публикация и открывает первый альбом.

А дальше в альбоме приклеены отдельные публикации различных модификаций календарей: российской истории, Москвы, литературный, криминальный, любовный, числа «13» и другие, они выходили в разных изданиях — в «ВК», «Ве-

черке», в «Огоньке», «Москвичке», «Щите и мече» (издание МВД) и т. д., и даже в «Крокодиле» — «Прогулки в саду Календаря».

Но главное издание, которое и принесло мне популярность у читающей публики, — маститый журнал «Наука и жизнь» с миллионным тиражом. Календарь «Некруглые даты» выходил с января 1991 года по июнь 1995 года — полновесный, на многих страницах. А первый выпуск появился по соседству с публикацией академика Сахарова — повод для гордости.

Я из безвестного журналиста (Иновещание, «СПК», «Лесная промышленность») получил ИМЯ: стали приглашать, печатать, хвалить. И первым это сделал журнал «Спутник», майский номер 1991 года, поместив фото и текст «Изобретатель нового времени». Подобных календарей до меня — не выходило! Без преувеличения можно сказать, что я вызвал календарный бум в стране. С моей легкой руки календари стали печатать многие СМИ. И, собственно говоря, мои календарные подборки были прообразом интернета, но это, кажется, никто не отметил.

В начале 1994 года года вышла первая моя книга «от Рюрика до Ельцина». По существу, первый нецензурируемый календарь россий-

ской истории — 342 стр., тираж 50 тыс. экз. В альбоме вклеены вырезки из «Книжного обозрения», где представлены бестселлеры Москвы на 5 марта 1999 года. Два раздела: Худлит и «Другая литература». Первыми идут Гороскоп и «Тайны кремлевских смертей», а на 5-м месте — «От Рюрика до Ельцина». В альбоме помещены и рецензии на Рюрика, в том числе профессора М. Моргенштерна (кафедра библиографии Челябинского института культуры). Выделю только одно: «В книге отчетливо выражены близкие автору духовные ценности: свобода слова, демократия, уважение прав личности, сохранение богатства культуры…»

В альбоме есть отчет организации «Международная книга» от продаж «От Рюрика до Ельцина» по зарубежным странам, длинный список от США до Китая, кто сколько приобрел, но шрифт бумаги выцвел и не могу привести точных данных. Ясно одно: книга была востребована.

А потом другая — книга «Терра детектива» (истории преступлений и злодеяний), сделанная совместно с Виктором Черняком. И тоже попала в бестселлеры и было много рецензий. В книготорговом бюллетене представлено так: «Рождение уникального произведения — результат встречи

двух талантливых людей» (Витеньки и Юрочки, как мы по дружбе называли друг друга).

Много чего хранят страницы первого альбома. Ценная для меня публикация об Андрее Тарковском в последнем номере 1992 года еженедельника «Неделя» — «Проходят дни густой лиловой тенью…» (строка из совместного стихотворения с Андреем). Воспоминания «Мой старый друг патефон», «Тот самый старый Лещенко», «Фарфоровая душа» о Михаиле Глинке, «Афоризмы без лести», «Отечественные записки. Строки дневников и писем из коллекции Юрия Безелянского», журнал «Огонек». И там же в «Огоньке» публикация «1932-й в стиле ретро», которая спустя годы расширилась до книги «Клуб 1932»…

Одна из первых публикаций из Серебряного века — «Темные аллеи Ивана Бунина». Рецензия на книгу Славкина «Памятник неизвестному стиляге», подборка в «Вечерней Москве» — «Московские даты — события, люди»… «В Пушкинском состоялся бомонд Андрея Вознесенского»… Календарные подборки литературного календаря из какого-то красочного нового книжного журнала (был и сгинул). В одном выпуске на дату Владимира Жемчужникова строки:

С ума ты сходишь от Берлина,

Мне больше нравится Медынь.
Тебе, дружок, и горький хрен – малина,
А мне и бланманже – полынь.

Очерк об Италии в газете «Культура» — «Страждущий россиянин в стране вечной красоты». Это старая публикация — в стране «Русской грезы» я впервые побывал в декабре 1989 года, а вырезка попала в 90-е.

Ну, и о заграничных изданиях. Издатель Менджерицкий, узнав о моих писаниях, пригласил в свой журнал «Русская Америка» и ввел даже в редколлегию (среди прочих Юрий Рост, Юрий Щекочихин, Сергей Юрский, Сванидзе, Розовский, Эльдар Рязанов и Ю.Б. Хорошая компания!). В «Русской Америке» я выдавал какие-то календарные вариации…

А Георгий Вайнер, с которым у меня были теплые дружеские отношения, напечатал несколько моих материалов в старейшей американской газете «Новое русское слово», где печатались Горький, Троцкий и прочие знаменитости. Одна из публикаций там — «Венера в мехах на площади Ленина» о Захер-Мазохе.

Был принят и обласкан в международном шикарном журнале «Космополитен». «Космо»

в одном из номеров представил своих авторов, в том числе и меня: «Бессменный автор захватывающих очерков о знаменитых женщинах никогда не заставляет себя ждать…» Точно, был всегда пунктуален и аккуратен. Написал для «Космо» более 10 женских портретов, которые потом включил в книгу «Вера, Надежда, Любовь» (1998).

Господи, не могу расстаться с первым альбомом (и другие в стиле «ах!»). И как не пропустить несколько текстов о живописи и художниках. Была грандиозная выставка в Манеже под названием «Россия». Я не мог не откликнуться и дал, то ли в «ВК», то ли в «ВМ», свой субъективный опус «С красками сейчас туго». Концовка такая:

«Да, российские художники выступили бледно, под стать осенней распутице и экономической неурядице. И все же хорошо, что выставка “Россия” открыта. Сначала такая, а потом… Ах, как любит русский человек ждать и надеяться…»

Еще одна выставка «Ню в советском изобразительном искусстве 1920–1980 гг.». И такой вернисаж пропустить было никак нельзя. Грешен, я люблю ню, а если вульгарно, то обнаженку, посмотрел и разочаровался, и быстро написал отчет, который вышел в «ВК» под заголовком «Разглядывая обнаженную натуру» и ниже: «Нет,

это не взбитые сливки».

«ВК», 16 августа 1994 года — «Все знают Дали, но кто помнит Дельво?». Выставку Сальвадора Дали я проигнорировал, но зато громко вздыхал и вспоминал увиденную когда-то в Голландии выставку Поля Дельво, который своими мрачными женскими обнаженными фигурами на фоне не менее мрачных урбанистических громад произвел сильное впечатление…

Да, было время: ходил на выставки. А сейчас коронавирус привязал к дому (и транспортная карта заблокирована). Сплошное сидельство! «ВК», 30 июня, Манеж, выставка Ильи Глазунова. Прорва народа, ажиотаж. Многие в восторге, я — нет. И не случайно озаглавил свой текст «Черная аура Ильи Глазунова», большая публикация. Приведу только несколько суждений: «Это живопись? На мой взгляд — живописно-политическое шоу…» Из глазуновского призыва «Россия, проснись!» прорастает не гуманистическая идея возрождения, а практические семена ярости и бескомпромиссной борьбы…

Не из глазуновских ли семян пророс «Крым наш!» — это я добавляю четверть века спустя. А еще примерно в это же время, но другая газета, «Сударушка», написала о совсем другом худож-

нике, для которого главнее была красота, а не борьба, как у Глазунова. И это кто?

«Нежный, как вздох Боттичелли…» Вот так и жили тогда в лихих годах. Писали, печатали, я много, Ще меньше. Но оба были при деле, а сегодня только диванные воспоминания… 8 февраля 2021 г.

Кстати, а не привести ли статистику моих публикаций по первой половине 90-х:

1992 — 67 публикаций
1993 — 163
1994 — более 130
1995 — 176 (рекорд)
1996 — 147…

Этапы большого пути и исторические вехи прерываю, цифры пестрят глаза. И кто-то наверняка подсчитывает заработанные деньги. Да, гонорары, но главное — признание. В феврале 1994-го получил диплом почетного кавалера газеты «Вечерний клуб». Первая пятерка кавалеров, среди авторов — Юрий Нагибин и Ю.Б.

Ну, а на закуску, нет, на десерт — интервью.

Первое коротенькое в «Спутнике» (1991) — иллюстрированном цветном дайджесте советской прессы. Основательное интервью провела Наталья Зимянина, дочь секретаря ЦК КПСС Михаила

Зимянина и музыкальный критик («ВК», 3 июля 1994). Во врезке она написала: «Юрий Николаевич Безелянский — человек тихий, незлобивый, на скандальных, напористых изобретателей вечного двигателя не похож…» Далее о календарях: «Продукцию Безелянского — исторические календари особого подбора с тонкими, интеллектуальными комментариями — в любой редакции отрывают с руками…» В интервью я оценил свою работу как «Календарь одинокого интеллигента».

Следующее интервью провел Олег Чечилов («Журналист», февраль 1995). Заголовок «Число, которое способно стать сенсацией». В интервью Чечилов назвал меня громко: «Человек-архив» и определил, что он провел разговор с журналистом, хобби которого стало профессией.

Второе большое интервью в «ВК» (23 февраля 1995) провел маститый Эдуард Церковер (увы, рано ушедший из жизни). В заголовок он вынес мои слова «Чувствую себя уже не человеком, а какой-то печатающей машиной». И в интервью первые жалобы на усталость. И в разговоре позволил себе вспомнить одно из ранних стихотворений:

Я – все одно непостоянство.

Я соткан из противоречий.
Пестро души моей убранство,
Язык мой – перезвон наречий.
В себя вобрал я нежность лани
И в то же время ярость тигра.
Нет для меня других желаний:
Разнообразить жизни игры…
Сегодня я в тоске грозовой,
А завтра – смех и безмятежность.
Люблю во взоре бирюзовом
Я пламенеющую дерзость.

А потом были и другие интервью (всего 100, не меньше) и многочисленные опросы по разным поводам. К примеру, в каком-то «Утреннем курьере» о жизни и музыке. И я в удивительной компании: Иосиф Кобзон, Алла Баянова, Зураб Соткилава, Махмуд Эсамбаев… Выходит, в 90-х был знаковым и медийным лицом.

Но хватит себя расхваливать. Да, чего-то достиг, что-то сделал. 44 изданных книг, более 2 тысяч газетно-журнальных публикаций, еще ТВ и радио, творческие вечера и презентации. Как в романсе: «То было раннею весной…» Во время «Утреннего курьера» (и он ушел с горизонта СМИ). Теперь

впору издавать газету «Вечерний пенсионер». Но нет сил, +80!.. Да и то, что хотел сказать, уже сказано в книге «Плач по возрасту» (2013) за свои кровные деньги — 100 экз. Какой-то мизер!.. Не мог найти спонсора (этого таланта, увы, нет).

Что сказать в конце? Альбомчик листать было интересно и весело. А жизнь в преклонные года… Нужно ли расшифровывать? Три точки, три точки. Или процитирую свое стихотворение 2013 года:

Как два бедуина в пустыне
Брели, спотыкаясь, они.
Закат догорал, и над ними
Довлели унылые дни…
…И ветер, зловредный и синий,
Жевал безутешные дни.

Нет, такая концовка в книге воспоминаний и дневников не годится.

Нужна иная. Надо подумать… (9 февраля 2021 г., зимний снежный день, полуясно, кажется, минус 12)

РФ на марше

Хватит! Позабавились альбомчиком о про-

шлом. Вернемся к нынешнему. В феврале президент РФ встречался с руководителями ведущих российских СМИ. Бодро заявил, что государство еще не достигло пика своего развития, оно на марше, уверен Путин. На марше и куда маршируем уже 20 лет? Когда-то была высказана цель: догнать по уровню жизни Португалию — и что, догнали? Разумеется, нет, и падаем по многим экономическим и социальным показателям далее вниз. Одни только марши на марше, громкие обещания, сотрясение воздуха какими-то мнимыми победами. У России нет будущего, она вся повернула в прошлое, там истинные победы и марши. Я часто открываю книжечку «Песни Страны Советов» (Политиздат, 1940): сколько там бодрости, уверенности, металла:

Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужеством полны.
В строю стоят советские танкисты,
Своей великой родины сыны!
Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин

И первый маршал в бой нас поведет!..

Ура! Кто написал эту боевую прелесть? Борис Ласкин, был такой поэт (кажется, юморист и сатирик, но писал огненно-патриотическое). И авиационный марш, слова Павла Германа:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор.

Ну, и припев: «Все выше, и выше, и выше / Стремим мы полет наших птиц…»

И многим советским людям казалось, что все время выше, быстрее, мощнее, бодрее идем к заветным высям коммунизма. Сегодня никаких высей. У большей части населения былой великой страны одна забота: жить. «Вместо сердца — пламенный мотор»? Нет, исключительно кошелек. Мани-мани. Проблема не только в уровне жизни, а в том, что уничтожена мечта и, как рубанул Матвей Ганапольский из Киева (в Киеве все можно): П. уничтожил страну, растоптал все демократические институты. Страна поставлена на край гибели, хотя «броня и крепка», и — о,

ужас! — президент обещает: «Донбасс не бросим!» Что захватили, то наше? Имперская сказка становится былью. Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью? Увы, это так…

Одна только тема здравоохранения и медицины. «Собеседник» № 6: «Больницы при смерти, но еще дышат» — «В России продолжают закрывать больницы. В маленьких городах и крупных селах. Неэффективно, говорят чиновники, лечить там людей…»

В информационном коммунистическом бюллетене «Правда» дана таблица сравнительных данных за 30 лет о снижении важных показателей: тракторов, экскаваторов, гражданских самолетов, тканей х/б аж на 89,3%, чулочно-носочных изделий и т. д. Везде вниз, везде снижение. Но рост богачей, миллиардеров, дворцов и т. д. Экономика топчется на месте. И, как следствие, цены на еду снова колбасят (выражение из «Комсомолки», я так не говорю).

Прервем эконом-печаль и поговорим о погоде. Москва подверглась атакам зимы. С катаклизмом такой интенсивности столица не сталкивалась давно, вечером в пятницу, 12 февраля, снегопад заметал Москву. И поставил ряд рекордов. Высота московских сугробов выросла почти до 60

см, превысив климатическую норму в два раза. Жуткие пробки на дорогах, и, как написал «МК», «снегопад высшей пробки». Фуры заблокировали МКАД, машины скрылись под сугробами. Снегом завалило и наш двор, мы выходили в магазин и тонули в сугробах, с трудом добираясь от и до подъезда. Очки под маской запотевают, ничего не видно, дышать тяжело. Короче, не зима, веселуха…

Погода погодой, а политика политикой, прессуют Алексея Навального, суд за судом. Другой бы сломался, а Навальный в ответ на прессинг шел в атаку, устраивая из позорного судилища политическое шоу. Судью Бабушкинского суда называл бессовестной и оберштурмбанн-фюрером, замечая: «Вам бы еще автомат на стол положить», ветерана Артеменко называл «куклою с медальками». Словом, Навальный мужественно защищался и немного хамил. «Королем самострела» назвала Навального «Комсомолка». Навальный мочил судей и этот «Холуйский процесс», а «Комправда» мочила Навального, называя его «стендап-комиком». «Ставленник Запада», «троянский конь». Та же «Комсомолка» 10 февраля сочинила биографию «лидера уличных протестов», мол, «и молодой

Ельцин, и поп Гапон», и уже книга вышла «Был ли отравлен Навальный». Короче, для народа, недовольного режимом, Навальный — герой, подвижник, бесстрашный критик, для власти и патриотов — «засланный Западом казачок». И все это на фоне обращения просвещенной интеллигенции России «Немедленно прекратить насилие и вернуться в правовое поле» («Новая газета», 10 февраля). Длинный список подписантов, от Бориса Акунина и Антона Долина до Шендеровича и Льва Шлосберга.

А в итоге приговор Навальному и колония. Драматическая сага с продолжением… Дай Бог здоровья и сил «русскому Манделе». Нельсон Мандела был приговорен к пожизненному заключению, но был освобожден и стал президентом ЮАР.

Немного о протестах. Протестные акции, которые захватили Россию в январе, зашли в тупик. Возможно, и погода с холодом повлияли. «Собеседник» поставил вопрос: «Протест сдулся или еще реанимируется?» Отличился лидер ЛДПР Жириновский, предложив строить специальные публичные дома для молодежи. Чтобы та могла остужать там протестный пыл. Григорий Явлинский, как всегда, лишь теоретизирует, выступив с

публикацией «Против путинизма и популизма».

В своем репертуаре, служа трону и отечеству, Никита Михалков, ретивый Бесогон. Он возмутился молодыми актерами, которые успешно выступают в сериалах и при этом недовольны режимом: «Получается, что вы страдаете от режима Путина, получая от 180 до 300 тысяч за один съемочный день, вы чем недовольны?» По Бесогону: деньги есть — свобода не нужна. Вот и Филя Киркоров призвал не раскачивать лодку, «всем обнулиться и объединиться вокруг нашего лидера». Виват, Киркоров! К Киркорову подведем комментарий заслуженного учителя РФ Евгения Ямбурга: «Кто школоту научит родину любить. К педагогу приставят комиссара?» Забыли? «И комиссары в пыльных шлемах…»

Ну, и всю интеллигенцию возбудил Константин Богомолов, его манифест «Похищение Европы 2.0» взорвал интернет и вызвал ожесточенные споры. Основная идея: гибнут старые европейские ценности, современный западный мир оформляется в «Новый этический рейх со своей идеологией “новой этики”»… Короче, продолжается по Шпенглеру закат Европы, и Запад гибнет, ну, а мы, Россия, не страна вертухаев и рабов, а хранительница традиционных устоев. И это что?

Богомолов подсюсюкнул власти, мол, обратите на меня внимание: я свой, я хороший…Ну, а Запад с его улыбкой добра, это «улыбка вырождения». Лихой малый этот Богомолов, недаром на регистрацию брака с Ксенией Собчак отправился на катафалке. И вновь шок: «С больной головой на Европу» («МК»), «Богомолов как Заратустра» («Новая»).

Ну, Константин! Ну, Ксюша, — идеальная пара. Ксения в Валентинов день выложила напоказ всему миру себя в купальнике, вид сзади. Как написал «МК» под самим снимком: «Собчак показала неидеальную пятую точку» (народ выражается проще: жопу!). 39 лет бабе — и не поумнела, только реклама и пиар.

Еще один шок: бодибилдер из Казахстана Юрий Толочко официально женился на секс-кукле. Силиконовая возлюбленная Марго. И сразу вспыхнули строчки: «Хочешь с бабой, / Хочешь с куклой, — / Жизнь не может быть так тусклой…» А у продюсера «На-На» Бари Алибасова в шестикомнатной квартире золотой унитаз. Богатые с жиру бесятся, да и только. Бог им судья…

Все. Устал. Ставлю точку. Солнечный зимний день с сугробами, 23 февраля, 12:30.

Литературные юбилеи: Лесков, Нагибин…

4/16 февраля Николаю Лескову 190 лет (1881). Один из самых непрочитанных классиков, был неугоден власти и в царское время, и в советские времена. Был чужаком. Пришел в изящную словесность неизвестно откуда. Да кто это вообще такой? Позволю себе параллель: и меня воспринимала лит. общественность так. Некоторые критики делали вид, что это имя им неизвестно и книги не читаны. В автобиографической заметке Лесков писал: «Под давлением неодолимой скуки, которую ощущаю и с которой бесплодно борюсь, хочу набросать кой-что на память о моей личности, если она может кого-нибудь занимать…» Я начал писать не от скуки, а от пустоты советской жизни, которая меня окружала. Да и эта задумка с воспоминаниями-дневником из той же серии, а может, кому-то мой извилистый и бурный путь интересен.

Ну, а Лесков, как истинный кудесник слова, меня привлекает своим узорчатым письмом. В феврале 2011-го в «Московской правде» в трех номерах вышел мой опус о Лескове: «“Очарованный странник” и гневный гражданин». Жаль, что не включил его в какую-то свою литературоведче-

скую книгу.

Парадокс, но сегодня мы живем по формуле Лескова. «В России что ни шаг, то сюрприз, и притом самый скверный», — говорил Лесков устами одного из своих героев. «У нас на Руси происходят иногда вещи гораздо мудрёнее всякого вымысла».

К примеру, нынешняя Дума, которая принимает с бешеной скоростью глупейшие и абсурдные законы: это запретить, этого нельзя, об этом не говорить и т. д. Господа думцы: а дышать можно?..

Юрий Нагибин — 100 лет со дня рождения, сегодня почти забыт. Правда, в прошлом году вышло 7-томное собрание сочинений и его дневник, в котором он оттянулся по полной программе и резал правду-матку. Нагибин был интересным и закрытым человеком, себе на уме. Чувствовал свою силу и презирал удачливых середняков и пошляков. Модник, западник. Очерк-эссе о нем «Писатель-плейбой» я поместил в «Профессия: писатель» (2013). Мы вместе с Нагибиным стали первыми кавалерами газеты «Вечерний клуб». И замечу, намечалась творческая дружба, но смерть в 74 года не позволила состояться сближению. Осталась надпись на одной из нагибинских книг: «Юрию Безелянскому — который держит

в своих руках наше бессмертие — с уважением, Юрий Нагибин, 1992».

Еще один кадр, о котором я писал — «Кто, кто? Агния Барто!» «Спутница нашего детства» — так я назвал материал о ней в книге «Золотые перья». С юбилеем только неувязочка: родилась в 1901 году — стало быть, 120 лет, а по документам иначе: 1906, то есть ей 115 лет. Замечательная детская поэтесса. Сколько звонких стихов написала она, к примеру, девочку Любочку: «У меня уроков много, Я за хлебом не пойду!» Барто потеряла 18-летнего сына, много помогала людям и отлично знала детскую психологию: «У детей нет вчерашнего дня, у них все — впереди». И это печально точно, когда тебе +80, то какое впереди. Одни только воспоминания на диване или в лучшем случае — на бумаге.

А вообще-то жизнь — это только тире между двумя датами: родился и умер. И в самый раз вспомнить только что ушедших.

В Лос-Анджелесе в возрасте 73 лет скончался создатель популярного американского журнала для взрослых Ларри Флинт. Противоречивая и яркая личность. Его жизнь экранизировал Милош Форман — «Народ против Флинта» (1996). Миллионер, порнограф и активист гражданских

прав, — как букет?..

13 февраля умер Юрий Власов. Великий штангист ушел из жизни в 85 лет. Родился 5 декабря 1935 года в Макеевке. Пятикратный чемпион СССР и четырехкратный чемпион мира. Рано ушел из спорта, в 30 лет, по дневникам отца написал книгу «Особый район Китая». На Первом съезде народных депутатов выступил с критикой КГБ. Тогда же вышел из рядов КПСС. Баллотировался в президенты России, но набрал только 0,2 процента. После выборов ушел из политики и с горечью сказал: «Подхалимам хорошо живется при любом режиме…»

В морозную ночь 18 февраля ушел из жизни Андрей Мягков, мягкий, тихий, интеллигентный человек и замечательный артист. «С любимыми навек прощайтесь, когда уходите на миг». Прославился ролью Лукашина в «Иронии судьбы» и совсем забыт в роли Ленина в фильме Марка Донского «Надежда», где Мягков играл молодого, влюбленного в Надежду Крупскую Ленина. Ирония судьбы — это про жизнь Мягкова. Прославился киноролями больше, чем театральными. В последние годы замкнулся и ушел, как вспоминала Немоляева, «в скорлупу». Был счастлив с женой — актрисой Анастасией

Вознесенской. Детей у них не было, бездетная пара… мягкий, интеллигентный, ироничный, мне Мягков нравился, а вот прямой, незатейливый, патриот-офицер Лановой — нет.

22 февраля остановилось сердце Екатерины Градовой (6 октября 1946). Радистка Кэт из культового сериала «Семнадцать мгновений весны». Мария Райкина в «МК» насчитала 17 особых мгновений из жизни Градовой. 8-е мгновение — встреча с Андреем Мироновым, а далее 5 лет жизни с популярнейшим актером, для которого жена и любовницы были одно и то же, без разницы. Потом была вера в Бога. Но ничего не спасло радистку Кэт. Судьба перестала давать ей жизненные поручения и инструкции. Конец связи…

* * *

И что дальше? Сегодня 27 февраля, день памяти, подлое убийство крупного оппозиционера режиму Бориса Немцова. Кто отдал приказ ликвидировать его, до сих пор неизвестно. Зато известно, что 27 февраля официальный праздник День сил специальных спецопераций. Тайных, скрытых, подлых. Если бы только против внешних врагов России, нет, и против своих, по мнению власти, опасных для существующего

режима, против любых нелояльных и думающих иначе граждан. Главное, сохранение самодержавно-тоталитарной власти. Вот в последнем номере «Собеседника» Дмитрий Орешкин выдал комментарий о том, что «Владимир Путин одним указом присвоил сразу 62 генеральских звания силовикам». До этого крупных чинов чаще увольняли. Президент ищет опору у тех, у кого в руках сила?.. Штыки как опора власти? В 1917-м российский поезд тронулся в другую сторону, подальше от Европы, и, наконец, добрался до чистой азиатчины с феодальными скрепами. Маршрут обозначен, до станции «Бездна». И гей, славяне! И Навальный не поможет: он в колонии под семью замками, а остальные лидеры оппозиции, записные либералы, тихо сидят под домам и бурчат себе под нос, обличая полицейское, неправовое государство. Мели, Емеля, твоя неделя!..

А пока идут словесные маневры и баталии на отвлечение внимания от острейших проблем. Кого ставить на Лубянке? Упыря Дзержинского или Александра Невского, князя с темной биографией? Ал. Мельман рубанул в «Комсомолке»: «Поставьте на Лубянке уж сразу Сталина!» Четко и ясно.

На этом снова перерыв. Нет, не рекламная па-

уза, а горячий чай, чтобы промочить больное горлышко… 27 февраля, таянье снега, гололедица и половодье. Плюсовая температура.

2 марта — 89 лет. Дотянул книгу дневников и воспоминаний до 89 лет, и, пожалуй, на этом надо оборвать книгу, а то она (точнее, 4 тома) становится неподъемной для чтения.

Итак, 89 лет. Солидно. Тут в «МК» Алексей Симонов (с которым я так и не познакомился), говоря о русской истории, вспомнил классическую поэзию: «Буря мглою небо кроет», и еще: «Мчатся тучи, вьются тучи» — двустопный хорей, и в этом ритме: «Сталин, Брежнев, Ленин, Путин». Или на мотив советских песен: «Сталин — наша слава боевая! Ленин нашей юности полет, с Ельциным борясь и побеждая, наш народ за Путиным идет…»

И от себя: жил по воспоминаниям о Владимире Ильиче, с «мальчиком кудрявой головой». Все юные годы пронизаны ленинизмом, ну и, конечно, до 21 года жизнь при Сталине, который ночью и днем неустанно думал о каждом советском человеке, кого возвысить в герои, кого расстрелять или упечь в ГУЛАГ как врага народа. А потом Хрущев, я благодарен ему за развенчание культа личности и реабилитацию сотен тысяч людей,

в том числе моего отца. Ну, а художества Никиты, — простим ему их. Бровастый пятизвездный Брежнев (5 или меньше?) — эпоха застоя, тупика и жуткого дефицита товаров. Подавление «Пражской весны», война в Афганистане. Короткие промельки царствования чекиста Андропова и никчемного чиновника Черненко. Конец эпохи старцев, и явление Михаила Горбачева, но всего лишь на 6 лет. Он дал всем вкусить свободу, возможность читать запрещенные книжки, ездить за границу и соединил СССР с Западом. Ну, а потом Борис Ельцин с его «загогулинами», какой-то непонятный гибридный капитализм.

Такова историческая картинка. А теперь о себе: прожил, выдержал, устоял, не согнулся, не продался и кое-чего добился: задолго до интернета создал исторический календарь, издал 40 книг, написал более 2 тысяч газетно-журнальных статей, многократно выступал и вел рубрики на многих каналах радио и ТВ, стал автором одного телефильма о Марлен Дитрих, провел множество творческих вечеров и презентаций и т. д.

Имел популярность, добился некоторого успеха, а сейчас — диванный пенсионер, короче: «Глория мунди…» Основные друзья, приятели и знакомые сошли с дистанции, и мы с Ще вдвоем

оказались почти в одиночестве.

Но тем не менее: 2 марта было 24 телефонных звонка, подарки из Нью-Йорка от Людочки: конфеты «Линдор», большой шоколадно-кремовый торт, роскошный кашемировый шарф. Букет цветов. И еще один большой букет от Эдика (это уже Израиль), конвертик и большая бутылка «Мартини». Грех жаловаться!.. И помощь из Франкфурта-на-Майне, как жертве фашизма, — 1260 евро (родное государство обещало что-то подкинуть, в рамках программы «Дети войны», но не сподобилось). «Только себе, только себе», — как говорил коллекционер уникальных музыкальных записей Петр Мамонов.

Так что день 2 марта прошел спокойно и достойно, правда, при плохой снежно-скользкой погоде и при нулевой температуре. Вечером по ТВ очередная хрень, а вот по «Эхо» была беседа Муратова и девочек из р/с с Михаилом Горбачевым. Слушать было трудно: сбивался, терял мысль, загорался, лишь когда вспоминал свою любимую супругу Раису Максимовну. А я вспоминал, как ходил в Фонд Горбачева на Ленинградском проспекте, выступал в «Клубе Раисы Максимовны», дарил ей свою книгу. И знаменательная беседа с Михаилом Сергеевичем:

— Знаете, Михаил Сергеевич, мы с вами родились в один день — 2 марта.

— Как, вы тоже?! — от души искренне удивился Горбачев. Поговорили с ним не как экс-президент и журналист, а как два ровесника одной и той же эпохи.

Вот, пожалуй, кратенько и все… (4 марта 2021 г., 13:15, за окном тускло, мглисто с чернеющим снегом)

Михаил Горбачев – 90 лет

Что я? Человеческая единичка, окунек и пескарик, закинутый в океан бытия с ограниченными возможностями только спасти самого себя и немного повлиять на 2–3 близких мне людей, таких же мелких рыбешек. И это не уничижение, а данность. А есть люди, которые влияют на окружающий мир и меняют его: Лютер, Наполеон, Бисмарк, Ленин, список можно дополнять и варьировать: пассионарных людей история знала немало. Михаил Сергеевич Горбачев — один из них.

«В истории XX века он останется человеком с большим плюсом, потому что мирно остановил холодную войну, которая в 80-е годы могла перейти в горячую».

Это внешняя политика, а внутренняя? В беседе со своим другом чехом Млынаржем Горбачев еще на раннем этапе говорил: «Наш выбор состоял в том, чтобы через демократизацию в рамках социалистического выбора очеловечить и обустроить страну».

Заметим, что Россия времен Ленина и Сталина была малочеловеческой и негуманной в отношении своих сограждан. Да и другие вожди продолжали эту антинародную практику. И вот пришла пора Горбачева, и наступила «настоящая весна в истории советского общества» (профессор Борис Славин, статья «Главный прораб перестройки» в «ЛГ», 3 марта).

«С Горбачевым связана лучшая эпоха нашей жизни — эпоха оплеванная, оклеветанная, по сути весьма опасная и трагическая, но счастливая. Так вышло. Когда рушатся гнилые стены, всегда хорошо…»

«СССР треснул и развалился по объективным физическим законам».

Это «Собеседник»: «Михаил Горбачев: правитель с человеческим лицом». «Любимый всеми, обожаемый Западом реформатор, избавивший мир от страха глобальной войны…»

То, что не получилось в Чехословакии в 1968

году, Горбачев втайне мечтал в душе по поводу своей родины, не случайно кто-то сочинил строки:

Знаю я, что будет лучше,
Потому что по земле
Ходит наш, советский Дубчек,
Скоро будет он в Кремле.

И сбылось: в Кремле, в Политбюро, среди полоумных старцев появился молодой энергичный первый секретарь Ставропольского обкома партии Михаил Горбачев. Как заметил кто-то из аналитиков: «оказался на вершине огромной государственной пирамиды в самом конце ее отмеренного историей пути…» Увы, это так.

Да, он делал карьеру как советский аппаратчик и стремился наверх, но при этом не был кровожаден, как многие властители России. «Ему не были свойственны хрущевские приступы ярости, сталинская азиатская хитрость и презрение к человечеству, он не был одержим великими и смертельно опасными идеями вроде национального мессианства…»

«При Горбачеве Россия стала страной мечты». А Ельцин вернул Россию к «пресловутому медведю, который сейчас смирен и кажется униженным,

но легко может сорваться в свое обычное состояние тоскливой озлобленности…» («Собеседник», № 7, «Настоящий русский»).

Короткое горбачевское правление, короткое, но бурное и сверх-эмоциональное. Новость за новостью. То борьба с пьянством. То ускорение. То с Западом замирение и новое мышление. Впрочем, этих «то» как грибов в лукошке. А разве всем гражданам страны это нравилось?

Конечно, нет. В «Новой газете» писатель Дмитрий Петров написал: «Мой папа не любит Горбачева. За что? За то же, за что и большинство не любивших его. Он изменил их жизнь. И заставил менять себя. А это — противно…»

Геннадий Зюганов, лидер КПРФ, в «Комсомолке»: «Это была эпоха великого предательства. Первый руководитель, по сути дела, сдал всех союзников, всех друзей. Сдал и предал свою партию…» Громыхал Зюганов и добавил: «Остальное доломал Ельцин»

Судя по статистике, 20 лет назад о Горбачеве положительно высказывались 16 процентов опрошенных, в 2016-м — лишь 9. Свободы, ускорение, гласность и прочие демократические ценности, кому они нужны? Колбаса, водочка, хороший начальник, — и жить можно.

Аналитик Александр Аузан в «Новой» отметил, что «в течение 7 лет Горбачев показывал чудеса искусства политического маневрирования — находясь практически непрерывно в меньшинстве…».

Горбачев открыл ящик Пандоры и… Это «и» можно расшифровывать не один час, не один день и даже не месяц. Кто-то спросил Горбачева, почему он не пошел дальше, как это сделали в Польше или в Венгрии, Горбачев ответил вопросом: «Вы хоть представляете численность номенклатуры в СССР?» Он хотел этим сказать, что подавляющее большинство из 20 миллионов советских начальников разного ранга не в восторге от горбачевских начинаний…

Да, царьки в республиках, областях, районах, в министерствах, различных конторах — всем им было удобно править подчиненными под знаменем КПСС и под сиянием кремлевских звезд, при полном послушании народа. А демократия и свобода обрушили сразу все: и иерархию, и чинопреклонение. И ничего в итоге не получилось. Зато блестяще получилось в последние 20 лет: махровая полицейщина с оглядкой на старое, якобы полностью героическое прошлое. Все было сделано, чтобы деградировала интеллигенция и

погас факел свободы… Но это уже совсем другая история.

Вернусь к Михаилу Сергеевичу. 90 лет — это не шутка. Он плохо себя чувствует, болеет. Но не теряет оптимизм и чувство юмора. В «Новой» Дмитрий Муратов опубликовал отрывки из телефонных разговоров с Горбачевым. Он по-прежнему живет в бетонной коробке с балконом на казенной госдаче, которую построили маршалу Гречко в начале 70-х. И никаких дворцов. Шутит: «Если найдете — берите, ваше». Вспоминает прошлое, в частности, Афганистан, когда сказал военным: «Прекратите воинственный клекот». Как отметил Муратов, Горбачев злится на Раису до сих пор, что она ушла…

Человечный человек…

* * *

Михаил Горбачев, безусловно, герой, респект и мои симпатии ему, а вот совсем другой деятель нынешнего времени, писатель Александр Проханов (февраль 1938), русский имперец, как он называет себя сам. Ярый поклонник красной империи. Метафорист и восхититель всего советского, чемпион России по количеству навешанных на него ярлыков. Соловей Генерального

штаба — один из них. «Русское сознание — это имперское сознание», — убежден Проханов. В интервью в «ЛГ» 3 марта назвал Ельцина чудовищем. «В ельцинскую эру я жил в черной дыре, в которой не было ни государства, ни народа, я жил в этой поднявшейся со дна русской истории черной мути».

И апофеоз. Интервьюер спрашивает Проханова: «Самая большая ошибка в жизни Александра Проханова?» Ошеломительный ответ: «Несколько женщин, которыми я не овладел».

Вот это откровенность! Это личная мечта г-на Проханова, но даже не она меня отвратила, как его имперский милитаристский стиль: «не овладел». Прямо из военных сводок: «Наши войска овладели городом». Не соблазнил женщину, не увлекся, не разжег в ней огонь желания, а по-солдатски завалил ее, стащил трико или трусы и водрузил знамя победы. «Наши войска сломили сопротивление противника и овладели городом Марибановск…» И салют, спецоперация, разработанная в Генеральном штабе. Словом, Проханов — это особое явление, это какое-то нечто… Ладно, отпущу его, пусть живет и в мечтах овладевает женщинами, этот господин Гексоген… (6 марта 2021 г.)

Продолжение темы. Неожиданно в памяти всплыли строчки великого Байрона, который тоже испытывал тяготение к женщинам, но не так, как имперец Проханов овладеть и взять двух недосягаемых женщин. Байрон в своих желаниях стремился к космическим высотам и мечтал поцеловать всех женщин мира в «единые уста». Всех, а не двух избранных. Но это Джордж Гордон Байрон! А кто такой Проханов?..

Но хватит о нем, так и до Прилепина можно докатиться и попрощаться совсем с литературой. Поэтому переменим тему и погрустим. Побудем в миноре в связи с очередной утратой, кстати, как трактует минор музыкальная энциклопедия (уже 89 лет, а любопытство не покидает меня). Оказывается, бывают три направления в музыке: гармонический, натуральный и мелодический. Пример гармонического — хор поселянок из 4-го действия оперы «Князь Игорь», а вот минор мелодический чаще всего использовал Григ.

Так о ком минор? Рановато, 60 лет, ушел спортивный комментатор футбола и хоккея Юрий Розанов. Его слушал, но не знал, говорят, милый человек. Кто-то бухнул, что его репортажи переживут века. Трагедии Шекспира — да, а футбольно-хоккейные репортажи, — что за преуве-

личенная глупость! Полное неумение владения языком. А вчера нынешняя звезда репортажей о спортивных событиях истерически кричал о подвиге российского лыжника. Орал, надрывался. И таких крикунов, истериков, патриотов пруд пруди в нашем самодержавном отечестве. Говоря о них, можно вспомнить Гоголя:

«А вот эти все, что юлят во все стороны и лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и се. Аренды, аренды хотят эти патриоты! Мать, отца, Бога продадут за деньги, честолюбцы, христопродавцы!»

Как точен в оценке провластных прихвостней Николай Васильевич.

И опять перерыв. После выхода в магазин за продуктами и выноса мусора на помойку да подъема на 4-й этаж без лифта с сумками — сил на книгу не хватило, отложу до следующего раза. (8 марта, 13:27. Весь двор в сугробах. Зима не сдается.)

11 марта — сегодня мне 89 лет и 9 дней, в «МК» Райкина взяла интервью у Александра Ширвиндта в связи с днем рождения Андрея Миронова — 7 марта. Ему исполнилось 80 лет, но прожил Андрей Миронов лишь 46. Уникальный актер: «Ощущение танцевальности, вокальности, шам-

панского 24 часа в сутки» (Ширвиндт). Райкина спросила Ширвиндта: «Очень тяжело, когда никого из друзей не осталось? Как справиться?» Ширвиндт не нашел точного ответа, хотя и без этого ясно: крайне тяжело и печально. «Остается говорить и вспоминать Мейерхольда с самим собой», — ответил Ширвиндт. Вот и я все время вспоминаю старых писателей и поэтов, читаю их книги и стихи, — это хорошо, но живых и теплых ровесников уже никого нет. И Борис Давидовский не скажет мне при игре в футбол: «Юрок, что ты делаешь?» А Юрок косил соперников направо и налево… А какой футбол нынче? Только стул за столом с машинкой на кухне. Общее только через радио и газеты (по ТВ умное слово не услышишь неделями, и, увы, в основном говорят самодовольные придурки да ретивые пропагандисты за большие деньги).

«Мы живем в очень интересное время, в котором абсолютно не видно будущее».

«Литературка» отметила 3 марта Всемирный день писателя. Статья «Хроника безвременья», и в частности, о поэзии: «Если имперские нужды не призывают поэзию к служению, она превращается в филиал сумасшедшего дома…» «То, что сегодня происходит с поэзией, есть буйство лю-

бительщины, студенчески безалаберный шабаш людей, не обладающих и сотой долей мастерства…»

В той же «ЛГ», когда я вижу поэтические подборки, то быстро пробегаю глазами и тяжело вздыхаю: это не Блок и даже не Рюрик Ивнев, это что-то далекое от истинной поэзии, это жалкое блюдо любовь-морковь…

Поэзия, песни, «социалка», попирание прав человека, геополитика с отрицанием всего, что мы вытворяем: це не мы!.. Дороги, экология, медицина и т. д и т. п. И вздох Ирины Петровской в одной из ее колонок в «Новой газете»: «Бог мой, неужели и вправду в этой стране никогда ничего не изменится?»

«Возьмут ли Россию в будущее?» — исследование доктора экономических наук Евгения Гонтмахера в «Новой» (10 марта). Печальное перечисление, к чему пришли за последние 20 лет, и вывод:

«Поэтому экономическая стагнация и сопутствующая ей деградация всех государственных институтов, с чем мы живем уже не один год, и дальше будет продолжаться. Как это скажется на жизни и, главное, настроении людей?..»

Среди прочих бед — остановка «социальных

лифтов» — «отцепленные вагоны поезда, который мчится к новым цивилизационным горизонтам…» «Даже новый харизматический вождь не может вытащить Россию из исторической аллеи отсталости, потому что XXI век требует коллективных действий не по вертикали, а по горизонтали…»

Более 100 лет назад Андрей Белый в отчаянии писал:

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой, –
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

И в том же сборнике «Пепел» (1909), посвященном Некрасову, Андрей Белый почти прорыдал:

Довольно: не жди, не надейся –
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволья,
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать…

Рыдай — не рыдай, а все идет по безумному сценарию Истории. И остается только читать своих единомышленников, что рассказывают, что думают, как оценивают сегодняшнее время.

Режиссер Андрей Смирнов (1941) вспоминает Отечественную войну и свой фильм «Белорусский вокзал», как готовился, как был встречен. Хотела сценарий снимать Лариса Шепитько, но почему-то потом отказалась, бесхозный сценарий нашел своего создателя, Андрея Смирнова, и закрутилось. Киноначальство все время вмешивалось и мешало созданию фильма. Директор студии Сурин навязывал Смирнову Инну Макарову вместо выбранной режиссером Нины Ургант. Картину 4 раза останавливали, поддержал фильм один лишь Михаил Ромм. Все-таки сняли, и руководство решило показать «Белорусский вокзал» делегатам XXIV партийного съезда, что, мол, картина посвящена именно съезду. Смирнов возмутился, и его тут же отстранили от картины. И только счастливый случай — фильм отвезли Брежневу, и тот его посмотрел на даче, и одобрил, и даже спел с друзьями «Десятый батальон».

А далее в интервью «Новой» (10 марта) Смирнов смело заявил, что «в национальном масштабе побеждает победобесие»… День Победы должен

быть не днем воинствующего милитаризма и угрозы, а днем скорби. И я согласен на все сто с Андреем Сергеевичем, хотя он и младше меня на 9 лет. Артемий Троицкий, культовый человек и музыкальный эксперт, еще моложе (он с 6 июня 1955 года). Троицкий покинул Россию и живет в Прибалтике, и в интервью «Собеседнику» № 9 он сказал, что он в шоке от режима в России, ибо «вижу, что количество ненависти со всех сторон аккумулировалось невероятное». Принимаются все новые и новые репрессивные законы, сажают все больше и больше людей… А тем временем «Россия в технологическом, в экономическом и в военном отношении — страна достаточно заурядная». А без огромного количества стран-сателлитов практически одна-одинешенька… Пустеют деревни, катится в тартарары вся российская провинциальная культура… Что касается Навального, то, по мнению Троицкого, он пошел на самопожертвование…

Может, хватит ужасов и стонов? Президент по-прежнему на экране (из бункера?) уверен и улыбчив, уверяет свой подданный народ, что у нас все хорошо и распрекрасно, а вот на Западе все плохо, и он загнивает, ну, прямо по подсказке Константина Богомолова в его манифесте.

13 марта — я хочу оборвать и закончить книгу, и не получается. Ну, еще немного марта. События как снегопад, того и гляди, засыпят с головой. Хотя аналитик Пастухов из-за рубежа говорит, что все события в России замыливаются и превращаются в длинный и нудный сериал: 86-я серия — Навального отправляют в одну колонию, 87-я — переводят в другую, 88-я серия — от Навального нет никаких известий, он изолирован и блокирован и т. д. И теряется интерес, так же как с протестными выступлениями. На пороге — «Война проснулась» («Новая», 12 марта) — «С нового года перемирие на Донбассе — скорее фигура речи, чем реальность». Пастухов считает, что война — маленькая, победоносная — выгодна всем: и России, и Украине, ибо консолидирует народ. «И вечный бой, покой нам только снится…»

В «Новой газете» публикация о молодых поэтах 18–24 лет. Основной мотив их поэзии: «Мне страшно и душно». Не ходи. Не скажи. Не делай. Сиди смирно и слушай старших: из «Единой России».

Я далеко не молод. Мне не страшно, и относительно свободно, печатая свои воспоминания. Но вот стоит ли их оставлять в книге, — вопрос. Сегодня в ночь на 13-е проснулся и начал сочинять

стихи, наслушавшись «Эхо» об арестах, иноагентах и врагах. Запишу-ка, чтобы не пропали:

Солнце скрылось – и ни зги!
И кругом – враги, враги…
Вот сосед-интеллигент,
Был таким и вдруг агент.
Сыт, обут и приодет.
Кто спонсировал? Госдеп.
Или вот соседка Маша,
Выяснилось, совсем не наша.
И прикид, и внешний вид,
И совсем не инвалид.
Неожиданный презент:
Президент – иноагент.
Ночью спят. А он – в хоккей,
Шайбу бросит, кто сильней?
Утром сразу виден враг.
Цап его – и в автозак.
И вздохнули: нет врагов.
Всех схватили – вот улов!
Снова стало всем светло,
И уютно, и тепло,

Сели вместе в домино.
Нет врагов, одно д…

Такие строчки могли прийти в голову только во время ночного просыпания. А кто-то заснул навсегда. Людмила Лядова, композитор, пианист, певица. Коронавирус, не дожила немножко до 96 лет. Она сочиняла и исполняла мажорные песенки (никакого минора), типа «чудо-песенка», и их написала около 800… Во Владимире, в день 8 марта, скончалась в возрасте 61 года (онкология) детективщица Татьяна Полякова. Создала более 90 детективов, но не стала Агатой Кристи. Но все равно жалко.

Кстати, средний уровень жизни понизился до 71 года. А президент наметил повысить его до 78 лет к 2030 году. Приказано жить, надо выполнять указы и капризы Владимира Владимировича, а то, как кто-то его назвал, «маленький мститель» может обидеться. Не приведи Господи!

Это дожитие. А положение женщин? В мире международные организации ведут подсчет по 8 позициям: трудоустройство, з/п, брак, бизнес и т. д. И каково место России? 129-е в мире после Бурунди и Уганды! Стыдобище! А впереди Бельгия, Дания, Швеция, Канада, Франция и т. д. Ну и

страна! По иронической песенке: «Тетя Хая, вам привет от Мордыхая!»

16 марта — подводит память: написал о встрече с Горбачевым и не могу вспомнить, когда это было. Пришлось поднимать настоящий полный дневник — № 50 (1 августа — 31 декабря 1998), всего 5 месяцев и машинописных страниц 112, то есть дневниковая книга в несколько раз тоньше и не все в ней отражено. Разговор с Горбачевым состоялся 24 декабря, ему 67 лет, мне — 66. «Выходит, мы из одного поколения», — сказал Михаил Сергеевич. Он в отставке, а я на пришпоренном коне мчусь дальше: книги, радио, ТВ, газеты, журналы, творческие вечера и презентации…

И вот тоже прискакал куда-то, сел на диван в свои 89 лет и растворился весь в воспоминаниях и мемуарах. 8 марта наконец-то разблокировали социальные карты для проезда на общественном транспорте, рванули на Сокол, несколько месяцев там не были и с ходу решили себя побаловать, купив небольшой кусочек за 700 ре грюйера. И наплыв из памяти: 14 сентября 2011-го были в Швейцарии, в городке Грюйер, где лакомились сыром, пили восхитительный кофе со сливками и кусочек грюйера привезли в Москву. О, Швейцария! Сыр и шоколад, Женевское озеро. Городочек

Монтрё, отель у озера, где жил мой любимый Набоков. Точно можно сказать, что в Монтрё мы не попадем уже никогда, и в Париж тоже. Пандемия, самолеты не летают, а главное — здоровье: до Сокола можем добраться, до Ниццы или до Сан-Ремо не попадем, не доедем, не долетим. А воспоминания остались!..

14 марта — неприятное происшествие со здоровьем. Часок гуляли по нашей роще, любуясь зимним пейзажем: снега, снега!.. Вечером после футбола смотрели программу Георгия Черданцева, и я бурно возмущался его непрофессионализмом в построении программы.

Понервничал, и что-то вступило в голову, встал — качает, и все плывет. Ще перепугалась и от страха уронила радиоприемничек, и он мистически замолк. Пришлось срочно ложиться и лечиться сном. Но прежде чем заснуть, в сумеречном сознании возникали мрачные и печальные мысли о том, что не дождался выхода первого тома дневников, о том, что после меня будет с архивом, с тщательно подобранной личной библиотекой, а что будет с Ще и т. д. А что произойдет дальше с Россией? Короче, как сказал польский писатель Стефан Паперский (1899–1940): «Смерть: мир за вычетом тебя»…

И у нашего Владимира Даля в пословицах русского народа: «Умереть сегодня страшно, а когда-нибудь — ничего». И, наконец, Гораций: «Всех ожидает одна и та же ночь».

Словом, все очень оптимистично, в кавычках, разумеется.

14-го вечер был несколько ужасненьким, а вчера, 15-го, редкий подарок от ТВ, программа Сати «Нескучная классика» была посвящена американскому танцовщику, хореографу и режиссеру Бобу Фоссу (Роберт Фосси). Родился в 1927-м или в 1925-м, умер в 60 лет. Необычный «товарищ»: экстравагантная выдумка и гротескный юмор, но вместе с тем и лиризм. У нас такого не было и не могло быть. Фосс — полная свобода: алкоголь, наркотики, страсть, женщины… Оскароносное «Кабаре» (1972) с Лайзой Миннелли, «Весь этот джаз» (1979) и другие фильмы, которые мы не видели, типа «Целуй меня, Кэт!», «Милая Чарита» и др.

20 марта, суббота — первый весенний голубой день, с солнцем, и температура перевалила за ноль и полезла в плюс, но еще кучи и сугробы неубранного грязного черного снега, что портит весеннее настроение. Господи! Как хочется тепла, травки и уверенности под ногами без этой

ужасной гололедицы. И страны хочется другой, без засилья силовиков и безумных параноидальных депутатов, которые мечутся в поисках, что бы еще запретить, законопатить, исковеркать. В «Новой» от 15 марта сквозной мотив истории российской: «Караул устал!» «Это дело обоим фигурантам надоело».

Устали перст прикладывать к устам,

Устали ждать, витийствовать и плакать.

Сажать, сидеть, обыскивать и прятать,

Борец устал, и караул устал.

О, скудный мир дубинок и орясин,

Где всякий гомо сапиенс опасен,

А все права имеет троглодит!..

Языки развязаны, и отдельные левые трансляторы разносят нынешний режим по кирпичику, а тот рычит, и опять же цитата из «Новой газеты». Дан комментарий Леонида Никитинского в рубрике «Великий почин» (18 марта): «В России официально вводится единомыслие. Дума окончательно утвердила, чему можно учить людей, а чему — нельзя». Очередная паранойя, конкурс

мракобесия. Ни слова критики, только любовь и обожание режима личной власти того, кто олицетворяет собой Россию. Знаменитый афоризм Володина: «Россия — это Путин, Путин — это Россия». Наш Цезарь и Александр Македонский, немного Иван Грозный и частично Сталин, но без сапог и усов.

В честь 7-летия присоединения Крыма в Лужники свезли из многих городов на автобусах истинных и квазипатриотов, за деньги, разумеется. Попотчевали их концертом, и они вовсю голосили то, что надо: захлеб восхищенного патриотизма. И никакой боязни вируса и соблюдения социальной дистанции. Ура! — и в полное ликование, орлята учатся любить!.. «Новая» опубликовала репортаж с полуострова Крым, и выяснилось, что он отдан российским олигархам и кланам местных чиновников. «Ополченцы Крыма, которых в феврале-марте 2014-го люди воспринимали как защитников, спустя год уже прочно ассоциировались с другим словом — рейдерство…» («Новая», 17 марта). Прочие подробности не привожу… Лишь еще одна фраза из «Новой»: «Руки по локоть в Крыму».

«Крымнаш!» — это самая громкая победа режима. А вот американцы празднуют иную победу

Науки и Разума: марсоход Perseverance (Настойчивость) приземлился на Красной планете и уже ищет признаки жизни на Марсе.

О, эта Америка! Давнишняя мечта и зависть к богатству и могуществу Америки. Скрипим зубами и не можем догнать мирового лидера. И все время, втайне восхищаясь, постоянно ей тыкаем: «А у вас негров линчуют!» Маяковский предлагал закрыть Америку, почистить и открыть снова. Вознесенский во времена Хрущева назвал Америку гипертоничкой, отстающей в соревновании с нами. Много чего было в отношениях между США и СССР. Я даже когда-то написал об этом эссе. И вот в постоянно тлеющий очаг пожара подбросили еще дровишки.

Короче говоря, мягко не будет — так эксперты оценили будущие отношения с США. Доживем — увидим. Мировые события так ужасны и так интересны!

А если говорить отдельно о России, то она — страна святых чудес. Какие только удивительные метаморфозы ни происходят. Кинорежиссер Андрей Смирнов: «В национальном масштабе побеждает победобесие».

Борис Вишневский: «Правоохранительные органы превращаются в охранку» («Новая», 16

марта).

«Конец эпохи просвещения» (принят закон, запрещающий читать лекции без справки от правительства, — «Новая», 20 января).

Экономика — «Трясина стагнации» («МК», 6 января).

«Почему в наших магазинах гвозди китайские, а обувь турецкая?» («Комсомольская правда», 13 марта).

«Новая». Рубрика «Как это устроено» — Как власть сжигает десятки миллиардов на «патриотических» проектах типа парка «Патриот» и прочее.

Рецензия в «МК» на новую книгу Михаила Веллера «Шайка идиотов» — «Жизнь бесценна, дорога, а лезем к черту на рога».

Скандал за скандалом — политические, экономические, культурные, какие угодно. В Роттердам решено отправить на конкурс «Евровидение» Манижу Сангину, 23-летнюю уроженку города Душанбе, с иронической песенкой о женской доле. И скандал: как посмела! Высмеивает русских женщин! Вадим Степанцов откликнулся в «ЛГ»:

> *Слышу вопли опять в соцсетях: «Ненавижу!*

Гастарбайтеры всюду, довольно терпеть!

На позорище Маню отдай, не Манижу!

Нерусь вон из страны, Евровиденью смерть!»

Ну, и прочее, на что нет уже сил перечислять, и в голове мгновенно сложились строчки:

О родина великая скандалов!

О, сколько вывалено грязи,

И все ей мало!..

В «ЛГ» список лауреатов национальной премии. Длинный, там Юрий Поляков — сборник интервью, Захар Прилепин «Ополченский роман», Марк Розовский «Драматургия» (между прочим, «Никитские ворота»). А меня нет. Три тома эмиграции не взволновали критиков и жюри. Тем более что за моей спиной ни лоббистов, ни денег. Нищий внутренний эмигрант из закончившейся эпохи Просвещения… (21 марта, 11:00, за окном яркое солнце и остатки грязного снега)

Есть 41-я!

Вчера, 22 марта, позвонил Марии и с 3-го звонка узнал, что книгу доставили в издательство. 12

июля 2019 года я отвез рукопись в «Никитские ворота», и вот спустя один год 8 месяцев и 10 дней книгу издали. Доехать за ней не было сил, привезет Карен, когда будет возможность. Книга вышла, но в руках ее нет. Как говорили в царские времена: ждем-с! Через 20 дней после дня рождения — 89 лет! — она все-таки вышла, хотя твердо обещали к Новому году.

Как статистик, сразу стал вспоминать, а какие книги были быстрые (в смысле сдал рукопись — вышла книга) и какие самые медленные, тягучие, душеизматывающие. И вот картина:

Самая быстрая, можно сказать, стремительная, оказалась книга в ЭКСМО — «Кинозвезды: плата за успех» — весь процесс уложился в 100 дней! За 4 месяца «Радуга» издала книгу «Прекрасные безумцы». «Ангел над бездной» готовился более 4 месяцев. «Улыбка Джоконды» — 5 месяцев. «99 имен Серебряного века» вышли за 5 месяцев, хотя до этого долго мурыжились в издательстве «Жираф» и никак…

«В садах любви» готовилась в «Вагриусе» — 15 месяцев, а до этого делалась и пробивалась издательницей «Пенатов» в Газпроме лет 5. Одна из драматических по судьбе книг.

Почти 2 года шла подготовка «Московского

календаря». Более 20 месяцев издавались «Золотые перья», «Огненный век» — 2 года без одного месяца.

А вот «Тысяча и два поцелуя» в «Радуге» готовилась ко Дню Валентина и была отпечатана ударно — за 3 месяца. Удивительно, но «Никитские ворота» напечатали дневник «Наедине со временем» о лихих 90-х тоже всего за 3 месяца. А ныне нон-ностальгия по СССР ползла долго (пандемия, пандемия!).

А пока я занимаюсь статистикой — книги нет, и я, как хирург в больнице, ворвавшийся в палату к моей койке, грозно спросил: «А где моя книга?!» Он был в обиде и гневе, что я книгу уже вручил лечащему врачу. Да, книга дневников и воспоминаний — есть что вспомнить!..

23 марта 2021 — а далее обещания привезти книгу. Мы с Ще напряглись и ждем. О, это мучительное ожидание книги! Только писатели могут представить это тяжкое ожидание, ну когда же!.. К вечеру 25-го появился Карен с двумя тяжелейшими сумками, 7 книг, каждая весом более 1,5 кг. Самая тяжелая и самая многостраничная из всех моих книг. «О СССР — без ностальгии. Воспоминания и дневник москвича» (книга первая, 30–80 годы). 740 стр. плюс оглавление. Шикарная

вкладка фотографий: отец, я с мамой, мы с Ще в Питере, с Хачей на фоне Кремля — ирония и хохот. Начал читать первые странички, и в ушах зазвучал голос оператора Грачика на съемках «Академии любви»: «Слюшай, хо-ро-шо!..» Ну как не любить родителю свое дитя?.. Книга совпала с плохим самочувствием Ще — весеннее гриппозное обострение? Короче, пир во время чумы, или Книга — дневник во время коронавируса. И 29 марта я поехал один в «Никитские ворота», что было маленьким подвигом (и у меня хрипы, кашель, насморк). На такси туда и обратно: по 500 ре в конец, — сдачи не надо!.. Писатель-аристократ. Самое смешное и горькое, как я вылезал из такси. Затекали ноги, и я буквально выползал из двери машины на асфальт, и при этом меня качало из стороны в сторону. Ощущение возраста меня настигло: все дается с превеликим трудом. «Надо все это бросать», — уверенно заявила нижняя соседка. И что, только диван? Нет, будем сражаться до конца?..

В издательство я отвез книгу «Наедине со временем», которую будут сканировать и превращать с новым вступлением и эпилогом в книгу «Драма лихих 90-х». Мария обещала набор-верстку в мае. Отвез ликер «Бейлис», который я хотел начать

пить потихоньку, но так и не распечатал, коробку конфет «Мерси». И 10 тысяч ре в конвертике. Словом, издаем на паях с издательством. А дальше — 3-я и 4-я книги. Грандиозный проект, который продлевает жизнь и придает ей смысл. «Жизнь из последних сил» — это 4-я книга. Еще несколько дней — и надо с ней завязывать. Сказать «стоп!» и заняться упорядочением архива — тоже дело… С утра сходил в магазин «Пятерочка», попил еще раз чай, сел за машинку, и хватило сил только на страничку. Ладно, допишу потом…

30 марта, 12:00, какой-то мглистый свет пробивается через облака. Во дворе остатки снега, а дороги уже сухие.

Да, забыл написать, вместе с Ще проснулись сегодня в 4 утра: нос забит, кашель, и пили горячий чай, премиленькая картинка…

Конец марта

Книга радует глаз, а Ще ее все время гладит. Я пытаюсь почитывать, но все время что-то отвлекает. Но главное, она есть — концентрат воспоминаний и творческого труда. Но пора все-таки заканчивать, финишировать грудью, падая на ленточку финиша. Чем закончить? События

валят валом, и хочется их зафиксировать для памяти. Вот сегодняшний «МК» — «Бесплатно нам остается лишь патриотизм» — в стране нет средств на детские кружки, но появится программа для родителей. И научат родину любить? «Новая газета» от 29-го — рубрика SOS! «Власти намерены побороть не нищету, а нищих. Победить должна статистика…» Фокусники из Кремля!.. И в том же номере «Новой» — «Оборона парадной истории». Министр Шойгу отменил приказ о рассекречивании военных архивов. Прежде всего стремятся скрыть советские планы нападения на Германию в 1940–1941 годах или, например, планы нападения на Турцию в 1942 году. Цель: не допустить исследователей к документам. Скрыть реальные советские потери, преступления советских военнослужащих в Европе, сохранить в сознании народа официальную парадную картину войны… История Великой Отечественной превратилась в гражданскую религию… (историк Борис Соколов).

Это история, а сегодняшнее время? Сплошные аресты, борьба с коррупцией, нет, тут что-то другое, недостаточная лояльность, управляемость. Последняя неделя вся посвящена Ивану Белозерцеву, миллиардеру из Пензы, из беднейшего

региона России. Кто-то из пензенцев говорил: «Белозерцев открывал у нас памятник Матери, Петру и Февронии, кентавру. На эти деньги людей можно было бы расселить из аварийного жилья…» Перечислять можно много всего: и как садистски издеваются в лагере над Навальным, убивая морально и физически. И как арестовывают родственников оппозиционеров. О силовиках: «Им нужно совершить что-то особенно подлое» («Новая», 31 марта). Арестовали отца Ивана Жданова (66-летнего пенсионера) за какие-то старые грехи. Короче: мы живем в поганое время (Виктор Шендерович, «Собеседник» № 12): «Русский народ жил при Батые, при Иване Грозном, при Троцком (а он перечислен зачем?), при Черненко. Он просто пережидает всех, кого Господь пошлет им на голову…» Что сказать в ответ на это? Только горько хмыкнуть: н-да!

И опять затошнило. Сменим тему. На более мажорную? Кругом только веселье. Короче, 20 марта в Вене умер народный артист СССР Евгений Нестеренко, «золотой бас». Покинул Россию и в Вене жил 28 лет. Там же в Вене живет другой наш солист Большого театра Владимир Атлантов. Это так, к вопросу о патриотизме…

Трагически погиб один из основателей леген-

дарной группы «Звуки Му», символ русского рока, просветитель Александр Липницкий — провалился под лед и утонул, спасая собаку. Легенда 80-х.

Нет, лучше о живых. В РАМТе состоялась премьера «Горе от ума» — актуального спектакля про комплот людей, притертых к кормушкам, и героя, бросающего вызов подлости века. Как написала Токарева в «Новой»: «Увы, я давно не хожу в театры и довольствуюсь лишь рецензиями на спектакли». В «МК» Михаил Швыдкой: «Мюзикл веселее, чем жизнь! Надо оставаться людьми — и выживешь в любой ситуации». Швыдкой в роли мудреца.

Оппозиционно настроенный актер Алексей Серебряков вернулся из Канады в Россию на заработки. Газеты вспоминают его высказывание, сделанное Юрию Дудю в 2018-м: «Национальной идеей в России является сила, наглость и хамство…» Отличилась Ксения Собчак, взявшая интервью у «скопинского маньяка». Собчак для разговора с убийцей вырядилась в свободный голубой кардиган с вырезом дальше некуда (так пишет Ирина Петровская), чтобы усладить взор своего «героя». Ксюша в своем репертуаре!..

Мариинка поставила оперу Родиона Щедрина,

члена «Клуба 1932», по роману Набокова «Лолита». В жанре музыкально-театрального триллера. Интересно было бы посмотреть и послушать, но увы. Какой Питер?! Я ныне до Сокола еле доползаю, а кругом гордо вышагивают и — увы и ах! — матерятся московские Лолиты, крутые девчонки, в годы моей молодости таких не было…

В Москве проходит прелюбопытная выставка «Лики / Лица / Морды» — образы художников-шестидесятников, с откликов в разные эпохи. Варвары предпочитали изображать морды, христиане писали лики, а после Великой французской революции на смену ликам пришли лица, так считает куратор проекта. Добавлю: да, лица есть, умные и внимательные, но морд больше, хамских и наглых, особенно среди чиновников и силовиков — бенефициаров современной российской жизни.

Продолжается атака на таджикскую певицу Манижу. Совет Федерации определил ее песню для «Евровидения» как бред «русской женщины». Главная женщина в стране Валентина Ивановна Матвиенко метала громы и молнии, позор, как это можно, надо срочно разобраться. Любое отклонение от курса партии — это происки вражеских сил.

А тут подоспел и скандал с Владимиром Познером, он с компанией друзей отправился отметить в Тбилиси свое 87-летие, и облом. Познера закидали яйцами и криками «Убирайся!». Газеты и радио сочувствуют Познеру и ругают Грузию. У меня иная позиция: Я на стороне маленькой Грузии, которую чуть не сожрала великая Россия, — это раз. Во-вторых, Познер — один из пропагандистов неправовых действий российского режима, из-за чего его и не любят в Грузии. Я ему лично не симпатизирую: надменный, кичащийся своей особой жизнью, так и оставшийся американцем в душе. При встрече, кажется, в ЦДЛ я ему напомнил про Иновещание и о том, что мы были секретарями партбюро: он в редакции вещания на США и Канаду, я — на Латинскую Америку. Он поморщился и стал отнекиваться: не знаю, не помню. В подтексте: а вы кто такой, чтобы меня спрашивать об этом? Не отшутился, а огрызнулся. Я это запомнил и с тех пор все умствования Познера, что он знаком с Марселем Прустом, считаю дешевой шуткой. Нет, Познер мне чужд и неприятен. А вся радио-газетная шумиха вокруг него — это всего лишь маневр для отвлечения от мучительства в колонии Алексея Навального. То, что Познеру не удалось вкусно по-

кушать и произносить витиеватые тосты, — это житейская мелочь по сравнению с объявленной голодовкой Навального. Навальный — герой, борец и мученик. А кто такой Познер? Медийный глубокомысленный говорун, не более…

Автор в растерянности

События захлестывают меня с головой. И как записной хроникер и исторический наблюдатель, не знаю, что оставить для памяти, а что проигнорировать и забыть. Целую неделю крутили по ТВ пленку, как президент Байден споткнулся, поднимаясь по трапу самолета, и с трудом поднялся. «А недееспособен ли американский президент?» — задала телезрителям ликующий вопрос в программе «60 минут» со сладострастным ощущением Скабеева. Мол, нужно всей Америке делать прививку, но не от ковида, а от… бешенства, у американцев бешенство от ненависти к России. А какая паранойя в России по отношению к США? Программа семейной пары Скабеева — Попов — это настоящая академия ненависти, а я когда-то вел на «Дарьял-ТВ» совсем другую программу — «Академия любви», несовременный человек и замшелый романтик.

2 апреля в «Новой газете» написала статью-стон Ирина Петровская «Кругом Скабеева» о том, как журналист Константин Гольденцвайг побывал в Покрове, где в колонии содержится Навальный, а заодно в Петушках, когда-то воспетых Венедиктом Ерофеевым. И там и там местные жители смотрят столичное ТВ и ненавидят Ерофеева и Навального. Ерофеева за то, что очернил Петушки, ну а Навального: «Мало ему дали… А чего он подстрекает все время к фашизму… Ворюга. В Америке получает бабки, а здесь гадит…» и т. д. Живут плохо, бедно, получают по 15–20 тысяч и свято верят в то, что им говорят Скабеева, Соловьев, Симоньян прочие отвязанные и прикормленные властью пропагандисты (пропагандоны, как любит выражаться Невзоров). Дремучее и необразованное население, и государство все делает для того, чтобы таким оно и осталось. Долой просвещение, ибо оно, то есть его задачи — «научить людей думать своей головой и вырабатывать критическое мышление. С этим как раз глобальная проблема…» (И. Петровская).

А вокруг!.. «Ничто не вечно под луной, кроме госбезопасности. В Иркутской области ФСБ запретила наблюдать за звездами» («Новая», 24 марта). В той же «Новой газете» 2 апреля реки вы-

шли из берегов. Рост цен на продукты не может остановить даже президент! Реальность хуже данных Росстата: с начала года все стало дороже на 20–30%… Все социальные программы в провале. Массмедиа предупреждают: мы на пороге нового столкновения России и Украины, война зачеркивает все проблемы и объединяет все слои общества, убийственное лекарство!..

И почему-то вспомнился Александр Галич и его «Ночной дозор» о том, что когда на улицы поздней ночью из государственных запасников выходят памятники, и идут по лунной дорожке, «и случайные прохожие кувыркаются в “неотложке”».

И бьют барабаны!
Бьют в барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

Сколько написано горьких песен о бедной советско-российской жизни, о ее тиранах-вождях и народе, терзаемыми комплексами и страхами. И сколько их спето, тихонечко поют сегодня и сочиняют новые. И иногда звучит и Галич:

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака.

Им тепло, небось, облакам,
А я продрог насквозь, на века!..

Века идут и проходят, но ничего не меняется к лучшему — такая российская карма!

Все! Ставлю точку, тем более что самочувствие плохое, а можно и по-народному, наихреновейшее. В четверг, 1 апреля, был какой-то гриппозно-простудный приступ с ознобом и температурой утром 38,3. Лечился в основном сном и 4 раза припадал, прикладывался к дивану и тотчас куда-то проваливался. Три дня не выхожу из дома, полубольной-полуздоровый. Не печатал, а немного читал книгу «О СССР — без ностальгии» о своей жизни (как звучит!). А как отнесутся к моей хронике и многостраничной исповеди читатели? Но еще вопрос, если купят книгу, ибо она будет стоить наверняка под тысячу ре (толстенная!).

Но цена — это еще не все. Есть и другая грустная реальность: угасание читательского интереса к книгам и к литературе вообще. По последним выкладкам ВЦИОМа, 35% российских граждан никогда не читает книг. У 15% их нет вообще. Страна отвернулась от книг и повернулась в сторону развлекательных шоу-программ: легкие песенки, забойные анекдоты, истории без стыда

и совести, кто кому дал, изменил, от кого дети, проверка ДНК, кто кого обманул, объегорил, обворовал и т. д. И еще криминал: убийцы, маньяки, насильники, педофилы. Вот днями в Питере появился еще один расчленитель (Питер — столица расчленителей?). Все это пользуется широкой популярностью потребителей ТВ, да и прессы тоже. Вот к чему мы пришли за последние 20 лет после вставания с колен. Или опять на четвереньках? Печально, друг Горацио, печально (3 апреля).

Мой знакомый Сергей Зенкевич, внук поэта Серебряного века, в «Экслибрисе» написал рецензию на стихотворения в 3 томах Юрия Кублановского и отметил, что «трехтомники не издаются». «Трехтомники — треножник осанны». Ну, а 4 тома воспоминаний и дневников за 89 прожитых лет разве годятся для негромкой осанны или, по крайней мере, бытового удивления: не хухры-мухры! Впрочем, это не мое уже дело давать оценку. Мое дело отчитаться, как говорят бюрократы, за проделанную работу. Точнее: за жизнь, за миссию, которую возложил на меня, возможно, сам Господь. Не об этом ли когда-то написал серебрист Федор Сологуб:

Когда меня у входа в Парадиз

Суровый Петр, гремя ключами, спросит:
«Что сделал ты?» – меня он вниз
Железным посохом не сбросит.
Скажу: «Слагал романы и стихи
И утешал, но и вводил в соблазны.
И вообще, мои грехи,
Апостол Петр, многообразны.
Но я – поэт». И улыбнется он…

Нет, я не поэт, а так, немного стихотворец. Писатель жанра нон-фикшн, журналист, немного публицист, историк, культуролог и прочее. То есть бедный сочинитель при Луне. Преданно власти не служил, выполнял библейский завет: «Не сотвори себе кумира». Всегда в сторонке, как правило, в одиночестве, как говорится, во внутренней эмиграции. Писал только о том, что мне интересно, особенно в серии ЖЗЛ, точнее, в мини-ЖЗЛ: Шекспир, Джоконда, Достоевский, весь Серебряный век. Замыслил свою Литературную энциклопедию, но сумел сделать лишь малую часть. Издал лишь две книги о художниках, блок о философах: о Вольтере, Канте и Кьеркегоре удалось издать, а Ницше остался неопубликованным

в столе. Книги об артистах и кино, о политиках, о России — «От Рюрика до Ельцина», «Огненный век» — о двадцатом, о национальных проблемах «Коктейль “Россия”». Три тома об эмиграции, о писателях и поэтах, о тех, кто уехал, кто вернулся, и даже о тех, кто остался в России. Ну и т. д. Более 40 изданных книг.

Более двух тысяч публикаций в газетах и журналах, более 100 напечатанных интервью, рубрики и отдельные выступления на многих каналах радио и ТВ перечислять даже скучно. Один телефильм — о Марлен Дитрих, на канале «Культура». Так и не смог подсчитать количество выступлений в различных залах, площадках и библиотеках — ЦДЛ, Цветаевский музей и т. д. Вечера и презентации в книжных магазинах. И одно выступление на Западе — в Дортмунде, среди русских эмигрантов, в секции «Русский чай». Все это более или менее подробно отражено в 4 томах воспоминаний и дневников.

Это — творчество, прибавим и журналистские командировки, тоже дело творческое. От экономического журнала, от «Лесной газеты» и от Иновещания Радио — 48 командировок по советской стране — от Бреста до Владивостока (9302 км от Москвы). Первая командировка — 1961 год,

Иваново, Шуя, поселок Мыт. По России: Рязань, Куйбышев (ныне Самара), Волгоград, Челябинск, Киров (Вятка), Вологда, Ленинград, Новгород и т. д. Почти по всей Беларуси, ну и, конечно, Витебск — родина отца. По Украине — от Киева до Львова и, конечно, Жмеринка и Житомир. Вся Прибалтика, Азия — Ташкент и Бухара. Еще три издательские поездки для встречи с читателями от «Радуги»: Тверь, Ленинград, Воронеж. Итого 51 поездка, да еще умудрился несколько раз взять с собой Ще, что вызывало удивление и ропот принимающей стороны — так вместе были в Витебске, во Львове, в Карелии и в Петрозаводске…

И вспоминается бедный дружок Боречка Линский, который ездил в командировки от своего предприятия, как инженер, только в Кимры. О чем он признавался почти со слезой: «Представляешь, я видел только Кимры!..» Что такое Кимры? Маленький провинциальный городок в Калининской области с несколькими предприятиями обувной промышленности и трикотажа. До революции кустарные промыслы, пристань на Волге да учительский институт. Для романа на выбор: швея или учителка… А Елисейские поля, Нотр-Дам в Париже, пирамиды Каира, Кельнский собор и т. д. и т. п. Советские люди все это видели

лишь по телику в программе «Клуб кинопутешествий».

Конечно, я не великий путешественник и открыватель новых земель, не Христофор Колумб, не Америго Веспуччи, не Миклухо-Маклай, не Крузенштерн и, конечно, не Юрий Сенкевич и т. д. Как житель СССР поначалу только отдых, отпуска, служебные командировки, а начало — 1953 год, поездка в Сибирь, в Красноярский край, и далее за Канском, поселок политических ссыльных. Первый отпуск с Ще — Ялта, отель «Массандра», Алупка, Алушта, на теплоходе «Колхида» в Одессу. 1965 — Вардане, под Сочи. 1973 — Ленинград, Петергоф, Павловск. Прибалтика: Каунас, Вильнюс, Тракай, Паланга, Рига, Смоленск, Ярославль, Коктебель, Симеиз, дома отдыха и пансионаты в Подмосковье: «Полушкино», «Софрино», «Полет», «Вороново», «Лесные поляны», «Звенигород» — два года подряд почти каждый месяц творческие вечера за отдых и т. д. Этим не удивишь, а вот заграница — это да!

22 зарубежных поездки, 18 стран: Бельгия, Голландия, Люксембург, Швеция, Дания, Чехия, Словакия, Греция, Кипр, Египет, Германия, Италия, Франция, Испания, Австрия, Швейцария, Сан-Марино, Хорватия… Возможно, для богатень-

ких — эта так, мелочь, но для основной массы жителей СССР и РФ — это о-го-го! Пять раз в Париже, где в общей сложности прожили (гостили) 66 дней и ночей! Впечатление о заграничной жизни рассыпано по годам Хроник.

Последний выезд на Запад и последний Париж — 12-й год (мне 80, Ще 72), а далее ку-ку, даже не из-за денег, а главным образом из-за самочувствия (ноги, глаза). Ляжешь на диван, смежив глаза, и наплывом идут картины прошлых путешествий: Северное море, Довиль, Женевское озеро, Монтрё — отель, где жил Владимир Набоков, пирамида Хеопса, берег, где из пены морской вышла Афродита, Лувр как столица мировой живописи, Моцарт и Зальцбург и т. д. и т. п.

Вчера, 6 апреля, как-то само собой появились на бумаге строчки:

Какие поездки! Какие прогулки!

Немного перефразируя Александра Кушнера:

Весь мир лишь комната с диваном и портретом.

И сам я стал забывчивым и даже с приветом.

А все итог большущих лет

В борьбе, в труде и в лени.

Оглянешься – увидишь слабый след

И слышишь за собою храп погони.

И вот догнали. Смяли. Ты погиб.

Как глупо в эту жизнь напрасно влип…

Конечно, это не стихи, а так, рифмованное настроение, но оно удивительным образом совпало с состоянием Шарля Бодлера, которому исполнилось 200 лет (он родился 9 апреля 1821). «Экслибрис» отметил бодлеровский юбилей. А я горд, что написал о нем давно — в книге «Поцелуй от Версаче» (1998) — 26 книжных страничек — «“Цветы зла” вчера и сегодня». «Обнаженное сердце» — это Бодлер. С поразительными признаниями: «Игра идет к концу!..» И Бодлер спокойно расставался с толпой, «под шиканья глупцов». Он презирал людскую бездушную массу:

Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?

Тоска, унынье, стыд терзали вашу грудь?

И ночью бледный страх… хоть раз когда-нибудь

Сжимал ли сердце вам в тисках холод-

ной стали?

Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?..

Ангел радости? Да, есть, больше других, нерефлектирующих, тупых, не понимающих, в каком мире живут. А еще дьяволы и ненавистники. Как выразилась Ирина Петровская: «Кругом Скабеевы…» Они кипят, истерят, негодуют, пылают гневом против врагов России, а эти враги кругом, мы же осажденная крепость. И вот мы на пороге нового вооруженного конфликта, новой гибридной войны. Пока не посадили всю страну, ее подневольные жители развлекаются сравнениями, параллелями, парностью и т. д. И снова Бодлер:

«Для того, чтобы не быть страждущим рабом времени, опьяняйтесь, опьяняйтесь непрестанно! Вином, поэзией или истиной — чем угодно!..»

Пишите дневники, хватайте время за хвост, собирайте в копилку абсурд и глупость, освобождайте себя от гнета времени, постарайтесь быть вольными и независимыми, как презираете власть и ее железный порядок. А если невмоготу, страдайте и рыдайте. Жизнь конечна, и все имеет конец.

И немного библейского. Ветхий Завет. Книга Иова. Глава 7.

«Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наемника?»

И, конечно, суета сует, — все суета (книга Екклесиаста).

Вагнер у Гёте восклицал:

«Но мир! Но жизнь! Ведь человек дорос, чтоб знать ответ на все свои загадки…»

На что Фауст возразил: «Что значит знать? Вот, друг мой, в чем вопрос. На этот счет у нас не все в порядке».

Немногих, проникавших в суть вещей
И раскрывавших всем души скрижали,
Сжигали на кострах и распинали,
Как вам известно, с самых давних дней…

Читайте Библию, читайте «Фауста» Гёте, много чего читайте и разумейте, хотя знание — это не услада, а мучение и боль.

И поставим точку в этой книге. 8 апреля, четверг, год 2021, 13:47, серовато мглистый день, и, как говорил Карамзин: «Непроницаемым туманом покрыта истина для нас».

Еще немного, еще чуть-чуть…

Ну, никак не могу расстаться с дневником, как со старым другом. А надо оборвать эту некоторую бесконечность, пока дышу и мыслю (или попроще: соображаю).

Сегодня 1 мая. В далеком 1830 году Николай Станкевич отмечал:

Все цветет, благоухает,
Всюду радость разлита…

Позднее, еще в царской России, Алексей Будищев недоумевал:

Был май, веселый месяц май, –
Кому же грустно в мае?
Цветов в полях хоть отбавляй,
А лес, а птичьи стаи?..

А моя современница, правда, уже ушедшая Ирина Снегова, восторженно писала:

Май льет черемуховый мед
И чадом трав манит и гложет…

Ах, поэты, ах, лирики, как вы любили май до восторга, до услад. А потом первый день мая стал

праздником рабочей солидарности и отмечался в СССР шумно, цветисто и звонко: праздничные шествия, громкие призывы, музыка и песни. Всем чудилось славное и светлое будущее. А что происходит ныне, «кому же грустно в мае?». Открываю газету «МК» от 21 апреля 2021 года, рубрика «Свободная тема», заголовок: «Первомай в мире звериного капитализма», с подзаголовком: «Социальные завоевания трудящихся все больше становятся воспоминаниями». Как в цирке после исполнения сложного трюка: оп-па!.. И рисунок: перекрещенные пальцы в кулак с каким-то гибридом: ручка серпа и просящая рука, вместо молота. И надпись: «Хватит просить!» с подтекстом: никаких подаяний и подачек, все обретается только в борьбе!..

В «Новой газете» переформатированный лозунг: «Май, мир, труд, пряник и кнут!» Конечно, пропагандисты от власти разливаются соловьями: все прекрасно! «Наше все» рисует Федеральному собранию радужные картинки (наша вакцина — лучшая в мире!) и подкидывает детям какое-то мелочишко, полностью игнорируя мелких предпринимателей, обедневших пенсионеров и детей войны. Бедные птенцы с раскрытыми клювами. Как написал историк

Леонид Млечин («Новая», 25 января 2021): «Три десятилетия назад мы были уверены: худшее позади. Но что-то пошло не так. Время надежды почти истекло».

Евгений Ямбург, заслуженный учитель РФ, в комментарии в «МК», 28 апреля 2021: «Дух или вонь? — Жизнь по принципу трех “Д”: доедаем, донашиваем, доживаем».

«МК», апреля, писатель Лидия Сычева: «Рывок от тоталитарного счастья к демократическому. Нас умело ведут по пути управленческой и хозяйственной немощи». Убийственные цифры по экономике, и по сельскому хозяйству в частности…

«МК», 16 апреля, рубрика «Злоба дня» — «Сказочное снижение бедности» — это о фокусах социологии и статистики.

«Собеседник», 20 апреля, комментарий в связи с приближающимся ростом цен кондитерских изделий: «Все! Кончилась при Путине сладкая жизнь!»

Для народа? Да. А для элиты и столпов режима — нисколько. «Новая газета», 20 апреля — расследование «Депутатовка» со списком топ-10 самых разбогатевших депутатов в 2020 году, и, конечно, единороссы, циферки в миллиарды и миллионы.

Подзаголовочек «Палата лендлордов» — по Некрасову «Кому на Руси жить хорошо?».

«Новая», 10 апреля, комментарий Кирилла Мартынова «Что сломалось в России?» — «Нормальная жизнь — вот что сломалось в России».

Все это фиксировалось и писалось 1 мая. А сегодня уже 2-е. Продолжение. Пасха. Вчера показали благодатный огонь, сошедший в Иерусалимском храме. Сегодня встали: крашеное яичко, кулич, творожная сладкая масса, кофе, яблочный сок. Достал свою запись мудрых книг, и вот Екклесиаст:

«Время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру. …Еще видел я под солнцем место суда, а там — беззаконие; место правды, а там — неправда…»

Все суета сует. А уж какое время сегодня: все неправда, ложь, фальшь, обман, ненависть, агрессия, брань и ругань, слюна и злоба и несправедливые законы в угоду тем, кто царствует и правит. Кто не в общем строю, тот враг, «криминальные демократы» — колонка Бориса Вишневского в «Новой» (21 апреля):

«Несогласие с властью официально объявляется враждебной деятельностью, антикоррупционная деятельность — преступной, митинги и пикеты с критикой властей и намерение ле-

гальным путем сменить власть на выборах — покушением на основы конституционного строя…» Всплывает незабвенный Ильич, который учредил специальный орган «по борьбе с инакомыслящими», — отсюда явление и Дзержинского. И приказ: «Напрячь все силы, навести массовый террор, расстрелять…» Кого? Всех врагов советской власти, чтобы политическая поляна была чистой от вредных партий, группировок и отдельных людей.

И еще: почистить историю, выпрямить, спрямить, убрать все трагическое и темное, как написал Евгений Ямбург о современной фальсификации истории — «Постправда или беззастенчивое вранье» («МК», 22 апреля). Полоса в «МК» (11 декабря 2020) — «О жертвах фашизма помнить, о жертвах Сталина забыть», — все просто. Александр Минкин задает вопрос: «Тот, кто погиб на войне с Гитлером, — достоин памяти, это понятно. Но почему не достоин памяти тот, кого уничтожила сталинская система?..»

Для нынешних властителей история страны во многом неприятна, и поэтому ее подчищают, подрумянивают, и уже Иван Грозный — не грозный тиран и душегуб, а милейший покоритель и усмиритель чужих земель, ну и так далее, без

остановок…

И вот спешно готовится новый закон о просветительской деятельности, об освещении истории страны. «МК», 17 марта — «У нас настала эра просвещения»? В прениях по принятию закона внук Молотова Вячеслав Никонов сурово заявил: «К тем, кто против принятия закона, у меня вопрос: на кого вы работаете?» Внук правой руки Сталина не допускает мысли о каком-то личном, субъективном мнении, а сразу: этот толкователь истории поет с голоса дяди Сэма!..

«МК», 26 апреля — «Ученье — свет, просвещенье — тьма». К лекторам и экскурсоводам предъявляют драконовские требования. Справочки о судимости, из псих– и наркологических диспансеров и об опасных заболеваниях.

И на следующий день та же газета «МК» (27 апреля): «Беспросветное будущее науки и культуры». Запреты, табу, согласования и утверждения сверху и т. д. «МК» (30 апреля) — «Просвещению создадут свой черный рынок». Старая русская забава: закон топтать нельзя, но топтаться вокруг него можно, и где наша не пропадала?!.

Параллельно идет наступление на студентов и их организации: «Главный друг диктатуры — тишина. Главный враг диктатуры — молодость»

(«Новая», 16 апреля).

Вышел аудиосериал (а это что такое?) писателя Дмитрия Глуховского: «Спасти, сохранить, сдохнуть».

У каждого свои песни, своя благость, свои надежды и разочарование, страдания и слезы, солнце из-за туч и тяга «к мрачной бездне на краю».

А кто-то ищет утешения в музыке, поэзии, живописи, изживает свои тревоги и страхи и ищет утешение. Вот и я, помимо дневника, иногда — «внезапу» (выражение Державина) слагаю строки, и вот строки от 27 апреля:

Я не поэт. Я – стихотворец.
Ни Белый. Черный. Ни Бурлюк.
Но слышу я в своем подворье
И четкий ритм, и ясный звук.
Небес гармонии прекрасной
Для услаждения души.
А жизнь прошла… Но не напрасно,
Не затерялася в глуши…

И это отражено в 4 томах дневников и воспоминаний, иногда пролистываю и удивляюсь: неужели все это было со мной? А может, сон? Но

жизнь — это и есть сон… Иногда золотой, но чаще угрюм-сон с «садящим режимом», как пошутили в «Новой газете». Сидящая Русь — это наш исторический сон. Прерываю писать: сосед за стеной дрелит, и это ужасно… (4 мая 2021 г., вторник, 12:13, пасмур за окном и осадки)

* * *

10 мая, последний праздничный день десятидневки, подаренной народу Путиным (на праздники щедр, а на деньги скуп). Газеты не выходят, и нет описания и оценок очередного Дня Победы (еще одна глупость или нелепость, что не выходят газеты, а может, это умышленно?). Мы с Ще посмотрели начало парада. Выступивший по «Эхо Москвы» режиссер и художник Гарри Бардин (король мультипликации) откровенно сказал: все чудовищно и тошно. Вместо скорби о миллионах погибших и заботы об остатках ветеранов власть позорно откинула каждому по 10 тысяч. И что ужасно, нагнетается милитаристский угар. Как написала в «Новой газете» Ирина Петровская: «Федеральный эфир буквально пронизан предчувствием и даже радостным предвкушением грядущей войны. “Хотят ли русские войны?” Ответ на вопрос из знаменитой

антивоенной песни, если смотреть телевизор, очевиден. “Хотят! Хотят!” — поет слаженный хор телепропагандистов всех мастей…»

Из сетки телепрограмм на 9 мая — только фильмы: «Офицеры», «Сталинград», «Подольские курсанты», «Солдатик», «28 панфиловцев», «Т-34», «Прощать не будем», «Ни шагу назад!», «Щит и меч», «Последний бой» и т. д.

Даже странно, что некоторые газеты отметили 200-летие со дня смерти Наполеона Бонапарта — 5 мая 1821-го, умер в 51 год. Пушкин писал про смерть Наполеона:

Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила
И луч бессмертия горит…

Увы, ненависть народов, а точнее, властей и правителей не устает кипеть неприязнью к другим и испепеляющей ненавистью к врагам.

Не знаю почему, но Наполеон был кумиром моей юности. И позднее о нем я написал эссе в книге «Ангел над бездной: кумиры моды, кино, литературы и политики» (2001). Эссе называлось «От развлечений к династическому браку» — о личной жизни французского императора.

После Наполеона не очень ловко говорить об

ушедших в апреле-мае современниках: знаменитый спортивный врач Александр Ярдошвили, ТВ-ведущий Олег Марусев и еще кто-то. И не кто-то, а 99-летний принц Филипп, который был мужем английской королевы Елизаветы II и примерным семьянином, что бывает не так часто в королевских семьях. Как написали в «МК», один из самых счастливых и долгих браков в истории. Королева и герцог Эдинбургский прожили в браке 70 лет.

Рад за живущих: знаток старины и писатель Валентин Лавров отметил свой 86-й год рождения. Когда-то в 90-х мы с ним выступали на втором этаже «Библио-Глобуса» и подписывали в разных концах зала свои новые книги, соревнуясь, кто подпишет больше. И мило разговаривали друг с другом. В интервью «МК» Лавров считает себя счастливым человеком: выходят книги, молодая жена Элизабет (иностранка). Две дочери, у которых все сложилось хорошо, одна работает психологом в Барселоне. Не беспокоит пока нездоровье. У Лаврова все хорошо. А у меня единственная дочь и громадные проблемы, о чем писать даже не хочется…

Все хорошо и у Андрея Яхонтова, ему исполнилось 70 лет. «МК» предоставил целую полосу

под интервью с ним (он один из авторов газеты): «Ловец исчезнувших троллейбусов». Коллекционер бытовых и исторических фактов. Мы как-то с ним разговаривали на книжной ярмарке, и он отметил, что меня знают в литературных кругах, хотя я не ловец троллейбусов. «Нет, я не Байрон, я другой». Если кто-то прочтет четыре тома этих воспоминаний и дневников, тот сам вынесет суждение, кто такой Ю.Б. в современной русской литературе. А пока вышел только первый том. Второй — в издательстве. И бьюсь с окончанием четвертого тома «Из последних сил».

Действительно, сил мало. Ковидный год (с марта 2020) подкосил последние остатки силы: атмосфера, карантин и прочее. А тут еще в нынешнем мае, как сообщают медики, гуляет «погодная гипоксия», приводящая к кислородному голоданию, трудно дышать. Поднимаюсь на 4-й этаж просто задохнувшимся. Повышенная сонливость. Упадок сил. Печатаю с трудом и никак не могу завершить последнюю книгу, а в голове уже крутится мысль: хорошо бы издать отдельной книжечкой сборник своих стихов с 1949 года! Какой все-таки неугомон этот Юрий Безелянский. Иногда я так недоволен им…

Пока печатал эту страницу, в кухонное окно,

около которого я сижу и работаю, ввалилось яркое солнце. И выгоняет с кухни: хватит, братец, работать, хватит! Хватит — так хватит: с солнцем не поспоришь. (10 мая 2021 г., 13:28)

14 мая, пятница. Три дня не мог сесть за машинку. Дыхание затруднено, сердце пошаливает, надо бы к врачу. Надо. Многое чего надо. А во дворе буйствует зелень. Казалось бы, гулять и наслаждаться, но трудно заставить себя надевать одежки и выходить. А тут еще уходы (как-то болезненно ими интересуюсь). Ушел легендарный «красный мамонт» Егор Лигачев, успевший отметить 100-летний юбилей. В комсомольскую бытность был обвинен в троцкизме. Но обошлось. Был успешным руководителем Томского обкома КПСС и оттуда призван в Кремль. И стал опорной колонной советской власти. В последние годы Лигачева упрекнули, что он один из вымирающих динозавров (свято верил в Маркса и Ленина), на что Егор Кузьмич ответил, что после эпохи динозавров начинается эпоха крыс. «Вы еще о нас, мамонтах, пожалеете». Крысы и пришли…

В 85 лет ушел из жизни актер Кахи Кавсадзе, незабываемая роль басмача Абдуллы в фильме «Белое солнце пустыни». В 80 лет не стало оператора «Белорусского вокзала» Вадима Алисова.

Биографическая странность: родился в год начала войны и ушел в День Победы. В 73 года не стало Владимира Качана, актера и прекрасного исполнителя песен. Как вспоминают его друзья: тонкий и легкий человек. В молодые годы в ТЮЗе играл д'Артаньяна. И — «Уноси готовенького».

А 17 мая бойня в Казани, в школе 175. Повторение событий в Керчи от 17 октября 2018 года, там был террорист-одиночка Владислав Росляков, в Казани — 19-летний стрелок Ильяс Галавлиев, «тварь стреляющая». 9 человек погибли: 7 учеников и 2 учительницы. «Кретин убил — умные торгуют», — написал Минкин в «МК». Траур — товар. Телеканалы обеспечены работой на несколько недель. Они привезут в студию папашу убийцы, тетю, бабушку, соседку. А все, что станут орать участники в шоу, зрители, ведущие, — будут показывать на фоне кровавых кадров и жутких сцен первого допроса. А власть начала извлекать свою выгоду: новые запреты, отщипнуть себе еще кусочек свободы у граждан. И, конечно, подражатели найдутся всегда… Жажда величия! Вот и казанский стрелок вообразил себя Богом и легко расправился с «биомусором». Впрочем, хватит: мир давно сошел с ума, и кровь льется везде, опять же Палестина и Израиль

начали колошматить друг друга. Палестинцы из русского оружия бьют по русским-израильтянам, ветеранам Отечественной войны. А наша власть? Зюганова на 1 мая не допустили возложить цветы к павшим около Кремля, его с соратниками тормознули, он обиделся: «Бездарная власть».

Интересно, власть собирает высказывания своих и чужих о себе? Кладет в папочки? Читает и что? Возмущаются, чертыхаются, вот, мол, неблагодарный народ, мы для них усе, а где ответное уважение и любовь? Только критика, раздражение, брань и хула. «Нашу родину любить труднее, чем Голландию», — заявил писатель, драматург, режиссер и прочее Евгений Гришковец («Собеседник», 17-2021). И он же: «Мир сейчас переживает какой-то абсолютно кошмарный период». И по мелочи: «Талант всегда раздражает».

Ой, хватит! Что-то моя пишущая машинка все время заезжает не туда, не в ту степь. Нет чтобы выбрать что-нибудь поинтереснее, покрасивее. Вот, к примеру, сообщение в «МК» от 5 мая «Миллиардеры тоже разводятся» — Билл и Мелинда Гейтс неожиданно решили расстаться после 27 лет совместной жизни. Интересно? Обыватель подвизгивает от жажды желания узнать подробности, как будут делить миллиарды?..

Или вот громкий скандал с голыми девушками в Дубае, где украинские секс-модели, привезенные туда для арабских шейхов, на открытом балконе демонстрировали для улицы свои роскошно-привлекательные попы, а «Комсомольская правда» перепечатала 14 апреля фотоснимок голых девиц, и все как на подбор!..

И сразу в памяти возникает Нонна Мордюкова из фильма «Бриллиантовая рука» в роли бдительного управдома: «Наши люди голые задницы никому не показывают!..» Действительно, «наши люди» — очень скромные и стыдливые. Приходят в Эрмитаж, а там такое! У отдельных граждан крыша от мраморных гениталий едет постоянно, запретить! Отрезать! Не показывать! Снова возвращение к римскому папе Иннокентию X и его фиговым листкам! По заметке в «Собеседнике» — «Развратный Эрмитаж».

Ой ты, гой еси, добрый молодец, как же трудно стало жить на Руси! Бесы кругом! И РПЦ подготовила в апреле документ, регламентирующий практику экзорцизма. Будем изгонять дьявола публично и открыто! И что — дойдут до Кремля? Наверняка и там найдут и дьявола, и бесов, и любую нечисть. Даешь чистку 2021!.. Неплохой лозунг текущего дня. (Эти крамольные строки на-

писаны 15 мая в 13:43 — дьявольская точность.)

Без руля и без ветрил продолжил письменное плавание о жизни по бумаге. 16 мая.

Голова забита бог знает чем, по радио и ТВ безрадостные новости: аресты, преследования, конфликты, ЧП с нефтью и пожарами, вражеское окружение, вот и Чехия уже «недружеская страна», но с другой стороны, а разве раньше было лучше, в Советском Союзе, там были свои проблемы и закорючки, а уж пустые полки магазинов и громадные очереди за тем, что «выкидывали» голодающим гражданам, расскажи — не поверят. Многим кажется, что была все же какая-то благодать. Думал об этом, и в памяти возникли светловские строки: «отряд не заметил потери бойца», вспомнил и написал с ходу на свой лад:

Народ не заметил потери Союза,

О нем он лишь вспомнил потом со слезой.

И многим казалось, что было то ЧУДО!

Но все вдруг исчезло. Ушло в мезозой.

Буржуи повсюду в своих кадиллаках

И с туго набитым сполна кошельком.

А нищий народ только чай с этим «та-

ком»,

А кто побогаче, то стон под хмельком.

Н-да, веселуха на дворе. И опять эта память подсказывает горечь и печаль старой песни: «Ву их-ин зал их гейн, / Сиз фаршлосн едэр тир». Что означает по-русски: «Куда мне идти, кто мне ответит? Куда мне идти, когда закрыты все двери…» Или, как говорят сегодня: нет социальных лифтов, мне уже ничего не нужно, а молодым? Как им? Или в патриоты, или в бандиты? Или продать душу и совесть задорого?.. Нет, не хочу быть молодым и начинать все сначала. Тяжела эта дорога по жизни, кривая и ухабистая, с риском завернуть в какую-нибудь чащу. Конечно, можно не бездумно идти к своему тупику или пропасти. Можно по-разному. «Или — или», — как рассуждал Кьеркегор, датский Сократ.

Чтобы не сбиться с пути, мне помогли книги, поэзия и дневник, три стрелочки единого компаса.

Возвращаясь к истокам

Первую запись в дневнике я сделал 9 ноября 1948 года, в 16 лет.

С замечательного признания: «Сижу дома вместо школы». Конечно, был глупый. Конечно, был наивный. Конечно, был непутевым. Но при этом хотелось разобраться в самом себе, кто я, зачем я и куда идти? Копался в уголках своей души, искал «скрепы» задолго до нынешнего президента. И совсем не интересовался жизнью страны и политикой государства. Был аполитичным и «плавал» только у берегов территории проживания: Волхонка, Замоскворечье. Но потихоньку расширял ареал и выходил из берегов своей речушки. Накапливал знания, опыт, но как-то постепенно и медленно, никаких знающих и умудренных людей не было, равно как и интеллектуалов. Учился по книгам и сдавал экзамены, если говорить образно, в дневнике.

Почти всю жизнь вел, с небольшими пропусками, свои дневники и внимательно читал чужие, учась уму-разуму и расширяя горизонты жизни. Далее можно привести множество примеров (в 90-е годы я даже вел в журнале «Огонек» выдержки из дневников и писем знаменитых людей и хотел составить из прочитанных мемуаров книгу). На финал собственных дневников и воспоминаний приведу только три имени, три знаменитости, которые вели дневники: Шатоб-

риан, Ольга Берггольц и Андрей Тарковский.

Шатобриан

«А кто такой Шатобриан?» — спросит рядовой российский читатель, не филолог, не книгочей, не литеротуровед, не… впрочем, зачем перечислять. Пять-десять имен знает каждый, а дальше тишина, Шатобриан! А кто знает Сумарокова или Тредиаковского. А для начитанного читателя имя Шатобриана не пустой звук. Знаменитый политик, публицист, путешественник. Пушкин, Горький, Луначарский называли Шатобриана мастером своего дела, считали его представителем разочарованной аристократии. В советское время Шатобриана считали главой реакционных романтиков, в отличие от Байрона, романтика революционного.

11 октября 2008 года в «Московской правде» вышло мое эссе о Шатобриане: «“Замогильные записки” — вечно живые», и возьму кое-что оттуда.

Виконт Франсуа Рене де Шатобриан (4 сентября 1768 года). Французский аристократ, который объехал полмира и приложил руку к войнам и мирным договорам. Он служил Наполеону и способствовал восстановлению монархии Бурбонов.

Он знал всех членов королевской семьи и всех знаменитых людей своего времени.

Шатобриан прожил 79 лет и оставил свои мемуары — 31 том о себе и о судьбе Европы. В конце жизни он пытался опубликовать свои «Замогильные записки», чтобы заработать деньги, но не вышло, записки увидели свет после его смерти в 1848-м. В России его мемуары (почти дневник) вышли полтора столетия спустя — в 1995 году. Боюсь, что прочитали написанное Шатобрианом единицы, а что, сочинения Ленина читала вся страна?! Нет, Шатобриан — для избранных, для гурманов истории. В своих «записках» Шатобриан писал не только о себе и европейских странах, но и обществе в целом, горько предсказывая, что старого мира больше нет и он не вернется никогда, ибо придут новые властители мира, диктаторы, самодержцы, тираны и будут кроить мир на свой лад. Эти печальные предположения продолжил Александр Блок:

> *И вечный бой! Покой нам только снится…*

Ольга Берггольц

От французского политика и писателя Франсуа

Рене де Шатобриана к советской поэтессе и мемуаристке Ольге Федоровне Берггольц (1910–1975). Она включена в мою книгу «Опасная профессия: писатель» (2013). «Дневные и ночные звезды Ольги Берггольц» — эссе, полное горечи и слез, с начальной фразой: «Ее судьба — это судьба нашей Родины. Вместе с нею она испытала все — гордость за страну, любовь к ней, а вместе с тем боль, унижение и позор. Испила чашу страдания до дна». Свою жизнь Берггольц оценила так:

Нет, судьба меня не обижала,
Щедро выдавала, что могла:
И в тюрьму ежовскую сажала,
И в психиатричку привела…

Ей, Ольге, молодой журналистке, поэт Борис Корнилов посвятил стихи, впоследствии ставшие популярнейшей песней, которую распевала вся страна:

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня, страна встает со славою
на встречу дня.

Трудовые подвиги и непонятные аресты. В 1933 году арестовали и расстреляли мужа Берггольц поэта Бориса Корнилова. 13 декабря 38-го аре-

стовали и Ольгу Берггольц. Беременную Ольгу тюремщики били ногами в живот, и она потеряла неродившегося ребенка… Не буду дальше описывать все ужасы, выпавшие на долю Ольги Берггольц. Она все перенесла и выжила. Сохранились дневники 1928–1930 годов. И в 2020 году бы издан полный корпус документальных свидетельств Берггольц: «Ольга Берггольц. Мой дневник, 1941–1971». Многие дневники, более 70 тетрадей, советская власть не разрешала показывать и хранила в тайне, ибо они якобы «позорили честь и образ советского поэта». Ну, как же, Берггольц — это гордость советской поэзии, как пронзительно писала о блокаде Ленинграда! А в дневниках какие-то откровения, какая-то ненужная критика, наветы… Да, дневники Ольги Берггольц — «Беспощадный документ о том тоталитарном государстве» («НГ», Экслибрис, 13 мая 2021).

До конца своих дней Ольга Берггольц (она умерла в 65 лет) не боялась писать правду, но власть не решилась еще раз арестовывать блокадную Мадонну, праведницу и жертву безжалостного режима.

Я стала так редко смеяться,

Так злобно порою шутить,
Что люди со мною боятся
О счастье своем говорить…

Ольга Берггольц не скрывала своих взглядов и чувств в общении с знакомыми и незнакомыми людьми, она имела на это право своей выстраданной жизнью. Ну, а в своих дневниках отводила душу по полной программе по отношению к власти и ее палачам. «Я круглый лишенец, — записывает она. — У меня отняли все, отняли самое драгоценное: доверие к советской власти, больше, даже к идее ее…» Взрывалась гневом в адрес палачей сталинского режима, к сотрудникам НКВД: «О, мерзейшие сволочи. Ненавижу! Воюю за то, чтобы стереть с лица советской земли их мерзкий антинародный переродившийся институт. Воюю за свободу русского слова…» И писала огненные стихи про репрессии и ужасы тюремного заключения…

Так что дневники бывают милые, спокойные, с цветочками и тихой радостью спокойной жизни. А есть и иные, с болью, дрожью, с пылающей ненавистью. Дневники-взрыды, один из таких вел мой школьный товарищ Андрей Тарковский.

Андрей Тарковский

Андрей Арсеньевич, а для меня Андрюша, прожил недолго. Его планомерно убивала власть, а точнее, бонзы советского кинематографа, а болезнь (от стрессов и негодований) окончательно его добила. Он ушел из жизни 29 декабря 1986 года, в 54 года.

Андрей оставил дневник, который назвал «Мартиролог». Он был издан во многих странах мира, и только Россия никак не могла найти деньги, чтобы издать этот уникальный документ — сплав духа, боли и страдания. Творческие взлеты, но и препятствия, препоны, неприятие и злобная критика-зависть. Так что тяжело издавался дневник. Помогли итальянцы, и 21 февраля 2008 года состоялась презентация «Мартиролога» в «Российской газете». Большая книга, увесистый том, 621 стр.

Книге предпослан эпиграф: «В скуке, когда весь день сидя против тушеницы, без какой-либо цели записываешь всякую всячину, что приходит в ум, бывает, что такого напишешь, — с ума можно сойти» (Кэнко Хоси, «Записки от скуки», XIV век).

Нет, Тарковский записывал не от скуки, а от горячего желания сделать, создать, претворить что-то мудрое и поучительное, заставить людей

мыслить и размышлять о главных ценностях жизни, о высоком бытии.

Только несколько отрывков:

27 января 1993 года: «Как грустно жить на белом свете! Я завидую всем, кто способен заниматься своей работой независимо от государства. Да, практически все — кроме кино и театра, я не говорю о телевидении, ибо это — не искусство! — свободны. От заработка они даже свободны, но по крайней мере они могут работать. Какая хамская власть! Разве нужна ей литература, поэзия, музыка, живопись, кино!»

4 июня 1981 года: «Пожалуй, я маньяк от свободы. И физически страдаю от отсутствия свободы».

17 августа 1981 года: «Нельзя здесь жить. Так загадить такую замечательную страну! Превратить ее в холуйскую, нищую, бесправную».

И горькое восклицание: «Бедная Россия! Кругом ложь, фальшь и гибель!»

25 мая 1983 года: «Очень плохой день. Тяжелые мысли. Страх. Пропал я. Мне и в России не жить, и здесь не жить… В Москве распространяется слух, что я в Канне провалился (фильм “Ностальгия”. — *Ю.Б.*) Это последняя капля, ей-богу…»

И последняя дневниковая запись 15 декабря

1986 года: «Все время в постели… Боль в спине и в тазу. Ноги не двигаются… Химиотерапия. Болят очень две руки… Очень слаб. Умру?..» В ночь с 28-го на 29-е в клинике Хартмана в Нюи-сюр-Сен Андрей Тарковский скончался. Отпевание прошло 3 января 1987 года в соборе Александра Невского на улице Дарю в Париже. Лариса Тарковская отказалась от предложения советских властей похоронить Тарковского в Москве. По завещанию прах Андрея Арсеньевича покоится на русском православном кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. В 90-е мы побывали с Ще на Сент-Женевьев-де-Буа и склонили головы. Бедная Россия. Бедный Андрей!.. (18–19 мая 2021 г.)

Андрей Сахаров

21 мая 2021 года столетие академика Сахарова. Век Сахарова. По такому случаю в Москве запретили фотовыставку его памяти. Это глупо. Почему запретили? «Потому что боятся», — ответил Александр Минкин в «МК». И до сих пор в Москве нет памятника. Калашникову есть, а Сахарову — нет. Один безмолвный служитель режима. Другой, помимо гениальной физики, отчаянный правозащитник, «гуманист термоядерной мощности»

(«ЛГ»).

Минкин написал: «С академиком Сахаровым справиться невозможно. На него рычали депутаты Верховного совета, его пытали кагэбэшники, на него клеветали в газетах бесстыжие “журналисты”. Никто не помнит их имен. Живые они или лежат в могилах — все равно, из памяти людей они исчезли.

А Сахаров остался. Остался дважды: как отец водородной бомбы и как несгибаемый герой-правозащитник, в одиночку противостоящий гигантской системе государственного подавления свободы… Сахаров — Совесть нации. Он был Совестью нации до самой смерти в 1989 году. Место вакантно уже 32 года, никто не занял… А кто до Сахарова был Совестью нации? Кто был Отцом народов, в том числе русского, известно точно: Джугашвили. А Совестью не был никто, она была отменена».

Молодец Минкин! Его рубрика «Лучше не думать» — «Бессмертный и обреченный на забвение» — снайперски точная. Оглянешься вокруг, послушаешь, почитаешь, — нет выдающихся людей, нет кумиров, нет светочей. В основном мелкота, людишки, шушера, плохо образованные и плохо владеющие русским языком, про

литературный молчу. Преуспели только в брани, ругани, в матюгании. Имена и примеры приводить противно…

Немного яда в адрес журналистов-пропагандистов. «Новая газета» 14 мая посвятила им спец. номер, подготовленный Верой Челищевой: «Портреты пропагандистов: адюльтер с собой, язвы патриотизма и распродажа ненависти. Пороки в своем отечестве», весьма ядовито о Киселеве, о Владимире Соловьеве, о Тигране Кеосаяне и Маргарите Симоньян. Они преданно служат режиму, и, как выразилась Маргарита: у нее отношения с государством «нежные и пламенные». Еще бы! Любовь и верность за бо-ль-шие деньги! А еще Норкин, Прилепин и т. д. О врагах режима все они говорят страстно, грязно и мерзко, как наставлял их главный: «мочат в сортире».

* * *

Не хочу копаться в этом пропагандистском г. и д. Лучше немного сдвинемся в сторону. Тем более что в прессе можно прочитать всякое, к примеру, 12 мая веселенькая публикация «Привет, беззубая Россия!». Это о чем? О потерянных в молодости и в средние годы зубах? (Я потерял почти все зубы в лихие 90-е, бешено вкалывая,

пользуясь свободою творчества.) В публикации приведена статистика, как россияне теряют зубы (стрессы, питание), и сочувствие соотечественникам, которым нечем жевать, и таких становится все больше. Виват, Россия! Все ясно и понятно, но меня поразило некое совпадение зубной темы. 21 мая, в день 100-летия Сахарова, та же газета «МК» дала репортаж о заседании оргкомитета «Победа».

Плохой язык для дипломатических контактов и переговоров. Но угодил «глубинному народу»: он хочет новых побед и выбить зубы всем врагам России. Как настоящим, так и вымышленным. Появился и новый термин «недружественные РФ государства», вроде Чехии. Чем кнедлики обидели русского самодержавца?.. Никак не хотим жить в мире и согласии, а привычно находиться в условиях осажденной крепости, а кругом враги, враги… Не случайно в 1871 году композитор Александр Серов сочинил оперу «Вражья сила». Она никуда не ушла. Дышит в затылок, вызывает учащенное сердцебиение и страх. (22 мая 2021 г.)

25 мая — с книгой беда, никак не могу ее завершить: и сил нет собраться и придумать нужный финал, и все время что-то отвлекает, и зрение. На кухне, где я работаю, можно печатать только

с утра, примерно до 12-ти, пока солнце не бьет в окно, а потом до 18 часов. Идти в кабинет, но там темень, а под лампой печатать тоже плохо. В итоге одни метания. А события идут наплывом. От смешных и гротескных до ужасающих драматических. Президент играл в хоккей с профессионалами для сохранения физического тонуса. В особый хоккей хол-хоп (холуйский хоккей) и забросил 8 шайб! Пододвигали ворота, и вратарь специально куда-то исчезал, бросок — гол!!! И овации в честь гения хоккея и геополитики. Короче, ни стыда ни совести, а наглый пиар. Фу… Вновь отличился картофельный фюрер Лукашенко, который посадил самолет с помощью военного истребителя, чтобы арестовать очередного оппозиционера.

Закончился конкурс «Евровидение» в Роттердаме: Маниже — 9-е место, таджичка с песней о рашен вумен, «Комсомолка» сквозь зубы: «Это победа здоровой России», и рядом мнение «настоящего великорусского шовиниста, квасного патриота, мастера лаптем щи хлебать и вместе с медведем на балалайке наяривать», — за шуткой скрывается недовольство и раздражение.

И утрата с ленты новостей: «Ушла Маргарита с Таганки» — Нина Шацкая на 82-м году. Играла

на Таганке в эпоху его высшей славы при Любимове, жена Леонида Филатова, который оставил булгаковскую Маргариту одну в 2008 году.

В «Новой газете», 24 мая, портрет явления о независимом хип-хопе (замечу: я не в теме). О молодежи, которая жаждет свободы и перемен. Новый хип-хоп-андеграунд, поют и читают о том, что непросто сейчас живется. В их рэпе нет «ничего общего со звездами жанра, купающимися в деньгах и сотрудничающими с властями. Им веришь, а звездам нет…» (Данил Гордеев).

«Узнали систему изнутри и начали огрызаться», и отрывочек из рэпа Василия Зоркого:

И ничего не работает, не живет, не дышит.

Все смотрят себе под ноги – никто никого не слышит.

Никто ничего не говорит – рот заполнен деньгами,

улицы набухают уродливыми домами…

Я не общаюсь, увы, с молодыми: их нет в нашем окружении. То, что слышу по радио, мне подчас непонятно. Я — человек Прошлого, скорее Серебряного века, чем путинской милитар-империи.

42 года назад, Хакасия, тайга

В те советские времена я часто ездил в командировки и вникал в жизнь трудового народа. Сегодня в свои 89 лет я никуда не езжу и не хожу дальше нашего Сокола, занимаюсь воспоминаниями. Читаю вслух Ще первый том 30–80-е годы. Ще считает, что это почти детектив. Но это только литературно оформленные выдержки, фрагменты, эскизы. К примеру, о поездке в Абакан, в Хакасию, только упоминание, что туда летал, а потом мучился с материалом о знатном бригадире лесорубов, 28 июня вышел в газете «Лесная промышленность» очерк о Мариане Цибульском (поляк?). В книге несколько строк, а в дневнике 5 страниц убористого машинописного текста с интересными подробностями. И, пожалуй, кое-что восстановлю для своей истории.

Командировка в Юго-Восточную Сибирь, в Хакасию, в столицу Абакан, в тайгу от газеты «Лесная промышленность» началась с 13:55 16 мая 1979 года, с автобуса на аэровокзале на Ленинградском проспекте (ныне его нет). Домодедово, задержка с посадкой, и лишь в 21:35 Ту-154 поднялся в воздух, чтобы преодолеть 4.210 км до Абакана. Неожиданная и необъяснимая посадка в Сверд-

ловске. Кукуем два часа. Гуляем по аэропорту, он наполовину в строительных лесах.

В два часа ночи, а это уже 17 мая, объявили посадку, в 3 часа ужин: два яйца, кусок курицы, булочка и нечто кофейное. Прилетели в Абакан по московскому времени в 4:30. Никто не встречает. Кругом серо и утло. На автобусе в город, и нахожу контору «Хакас-лес». Генеральный директор тут же собирает своих подчиненных и определяет маршрут, куда ехать: Верхнетомский леспромхоз — более 250 км. Выделен сопровождающий. А пока гостиница, где то ли сплю, то ли дремлю. Встал и пошел знакомиться с Абаканом. Улица Пушкина, деревянные дома и лишь обком партии с мраморным цоколем. Обком — для дела, книжный магазин — для интереса. Заход в гостиницу, а там подселенцы из Ташкента с бабами для разгула. Беру сумку и на вокзал. В 22:30 уже по местному времени мы с сопровождающим едем на станцию Балыксу.

В пять утра 18 мая уже на месте. Далее газик и в гостиницу. Кругом все деревянное: дома, тротуары, во дворах горки дров, на улице бревна, щепа и прочее, связанное с лесоповалом, встреча с местным начальством и выезд в леспромхоз с приключениями: вышла из берегов река, показа-

лось, мелководье, но когда вода достигла уровня кабины, то пришлось возвращаться назад. Попробовали поехать через сопки, тоже не получилось. Осталось любоваться кедрами, соснами и пихтами — хакасская тайга или предтайга. Заповедная тишина, быстротекучие ручьи и пьянящие запахи. Но в конечном счете все же прорвались на лесосеку, доехали вопреки здравому смыслу. В вагончике-столовой перекусили и вели разговоры в основном о тракторах и трелевке леса да о разбушевавшейся Балыксе. Реки тут с норовом…

Обед завершился чифирем — крепчайшим чаем, и пошли в контору, где под портретом Владимира Ильича Ленина местный Ильич — Владимир Ильич Бикин вершит лесозаготовительные дела. Бушует, увещевает, кричит, упрашивает, хрипит, просит, приказывает, грозит — по всему спектру руководящего работника.

19 мая. Для встречи с бригадой моего героя пришлось экипироваться: крутил портянки и влез в данные мне сапоги. Приехали на делянку: огромные кедрачи и душистые пихты. Цветет все кругом, от черемухи до волчьего лыка. Общаюсь с рабочими, которые с подозрением смотрят на мой блокнот, рабочие в основном бывшие зэки, конечно. Хакасия не Колыма, но все же одни и те

же лагерные песни:

Здесь, на русской земле, я чужой и далекий,

Здесь, на русской земле, я лишен очага.

Между мною, рабом, и тобой, одинокой,

Вечно сопки стоят, мерзлота и снега…

Я расспрашиваю, как работа, как душа, какие затаенные мечты. Отвечают скупо, без эмоций, потом обед: кус хлеба, шмат сала и только что добытый березовый сок. Где-то в низине тарахтит драга: намывают золото, благодатные места: кругом природные богатства, но куда это все уходит, кому и на что?..

20 мая. За ночь снесло мост между Томью и Балыксой. В доме у Цибульского пытаюсь расспрашивать его о слагаемых «лесных успехов». Он мучается с ответами: валить лес легче, чем удовлетворять профессиональное любопытство журналиста. Повариха тетя Клава заставляет нас сделать перерыв и потчует полевыми щами из щавеля. Попутно жалуется на скуку: «У нас никто не бывает, Юрий Николаевич, а не могли ли вы пригласить к нам Аллу Пугачеву или кого-нибудь

из цыган?» Да, «Арлекино» в тайге — это нечто!..

21 мая. Продолжение сбора информации, даже читал заметки в стенгазете, и там, о ужас! — я и не знал, что в тайгу нельзя ходить без прививки. Клещ-энцефалит — страшная штука. А я даже находился в тайге без головного убора! Неосторожный глупыш!..

В конторе у начальника жаркие разговоры: «На фуя ты мне ребус загадал?!.» Ребус — это проблемы, а они на каждом углу.

22 мая. В начале первого ночи к гостинице подошел лесовоз и отвез меня к поезду. Залезаю на верхнюю полку, очень дует, и пришлось обматывать голову полотенцем. В 7:50 приезжаем в Абакан. У меня билет на 26 мая, мечусь по разным кассам, чтобы осуществить обмен. С ходу не получилось, и я отправляюсь спать в гостиницу. Ночью от напряжения свело ногу, да так, что думаю: хана! Кое-как отошло, и продолжил борьбу за билет, точнее, за бронь через лесных командиров. А на улицах Абакана ураганный ветер, молнии, дождь. Поехал в аэропорт ловить удачу на самолет из Благовещенска. Коротал ночь в ожидании удачи.

23 мая. Наконец-то меняю билет, стало быть,

лечу, испытывая состояние счастья, шесть часов лету, и уже дома, не в тайге в Хакасии, а в престольном граде Москва, на улице Куусинена, несостоявшегося президента социалистической Финляндии.

9 июня в «Леспро» вышел очерк «Призвание: бригадир». Концовка очерка: «…Для него работа — это прежде всего творчество. Вот почему мысль его не знает покоя».

А через 12 дней снова командировка в почти курортный городок Пярну, но я не обрадовался, и в нем вместо командировочных 8 дней провел только 4, и, можно сказать, быстро сделав дела, сбежал, ретировался. Домой и только домой!..

5 июня сел в поезд Москва — Таллин, а утром 6-го прибыл на таллинский перрон. Далее на экспрессе до Пярну. Такси и мебельный комбинат «Вийснурк». Представление руководителю, Иосиф Вайценберг, — истинный прибалт: уравновешен, вежлив и похож на кардинала. Гостиница «Пярну» — скромная и аккуратная, рядом с дурно пахнущим Рижским шоссе. Нашел выход к морю и с тоскою посмотрел на залив, почти роскошный песчаный пляж почти пуст, не сезон. И «делать было нечего» пярнуским вечером.

7 июня на комбинате томительные разговоры

с разными работниками о качестве продукции комбината. Качество — это злоба и фишка дня. 8-го опять комбинат. Море разговоров и с секретарем партбюро (а как же без него!), и с конструктором мебели, и с работницей, которая «делает» лыжи, и т. д. Кто-то хорошо говорит по-русски, кто-то с трудом. Устал и отдыхал в скверике у памятника Лидии Койдулы.

9 июня — как решил Шпрингфельд в фильме «Сердца четырех»: «Я сматываю удочки!» Без Ще как-то скучно и неинтересно. На этот раз фирменный поезд «Эстония».

Если не ошибаюсь, то в Пярну в послевоенные годы жил Давид Самуилович Самойлов (Кауфман), друзья его звали Дезиком (а меня в школе — Безиком). О нем я написал в «Золотых перьях» — «Поэт эпохи старых мастеров»… Проверил: Давид Самойлов (1920–1990) в последние 15 лет жил в Пярну (по Бродскому: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в провинции, у моря…»). И когда я был в Пярну, то Самойлов уже там жил лет пять. О, если бы я знал, что он там! Я бы напросился в гости к старшему и мудрому товарищу, поговорить, пообсуждать, повздыхать. Ведь Дезик тоже, как и я, вел дневник. Вот только одна запись от 1 августа 191 года:

«Власть неминуемо бездарна, ибо призвана фиксировать и охранять, а не провидеть и изменяться».

Ироник, задумывавшийся о судьбе России:

На нас, как ядовитый чад,
Европа насылает ересь.
И на Руси не станет через
Сто лет следа от наших чад.
Не будет девы с коромыслом,
Не будет молодца с сохой,
Восторжествует дух сухой,
Несовместимый с русским смыслом…
……
В Руси должна быть только Русь.
Татары ж и киргиз-кайсаки
Пусть платят легкие ясаки,
А там – как знают, так и пусть…

Н-да, меланхоличный взгляд на прошлое и будущее России. Вот уже много веков поэты и мыслители пытаются разгадать суть, матрицу, код России, и не могут. Одни версии и предположения. Вот и сегодня в последний день весны, 31 мая 2021 года, в «Новой газете» стихотворные

рассуждения под названием «Гордое». Вот только отдельные строки:

«Наше местное рванье… Мне кажется Россия Эвридикой, / Которой на фиг сдался ваш Орфей… / К нам на поклон летает Лукашенко, / Нам — не к кому. Над нами лишь Господь… / Свою огромность истово любя… / Любого зла мы верная опора… / Мы — поперек и логики, и смысла…»

Какая-нибудь девица с низким лобиком скажет: «Прикольно!» А суровый мужик отзовется: «Зубодробительно!»

Но вернусь к Пярну. Мой отчет о командировке в виде корреспонденции или очерка о работе мебельного комбината в Пярну вышел в газете 26 июня под рубрикой «Герои десятой пятилетки» с названием «Слагаемые качества». После подобных публикаций хочется пропеть что-то исключительно патриотическое, типа «Россия — родина моя» или «А Ленин такой молодой!».

Но не запою, а примолкну, немного порозовев от стыда воспоминаний! Шагал недалеко от правофланговых 10-й пятилетки. В экономический и социальный тупик.

И сакраментальная фраза: «Прошло 42 года…»
31 мая 2021 г.

Лето 2021. Календарь Ю.Б

1 июня — первый день нового для меня 89-го лета.

Май кончился! Земля прогрета.
Живицей брызнула сосна.
Порадуйся – настало лето.
Я промолчу – прошла весна, –

написал когда-то Игорь Шкляревский, и я вздохнул по поводу прошедшей весны и ушедшей давно молодости.

Итак, июнь — румянец года, хлеборост, разноцвет… Открыл календарь Ю.Б., том 9, с 1 по 21 июня, и жутко загрустил: кому это богатство достанется? Сколько лет и труда в него вложено, что напечатано в различных газетах, журналах и книгах, но в целом он пылится в моем личном архиве и передавать некому…

В одном из фотоальбомов (а сколько еще и альбомов составил за долгую жизнь!) нашел тексты поздравлений на 2 марта 1993 года — на мое 61-летие. Первый вариант:

Как в странной опасной игре на цыпочках ходит он

Меж дат, биографий, событий и главных имен…

Во мраке истории светит волшебный фонарь –

Юрия Безелянского календарь.

И другой вариант:

Какое, милые, столетье на дворе?

Что отмечаем мы в своем календаре?

По юлианскому ль живем, григорианскому?

Нет, нет – по Юрию, по Безелянскому!

Что он в «ВК» в субботу начертает –

То весь читающий народ и отмечает.

Шутка, но приятная. Действительно, в 90-х мой исторический календарь с различными вариациями — исторический, московский, литературный, детективный, любовный и еще какие, — скажу без преувеличения, гремел и будоражил читающий люд. Я вызвал в стране календарный бум и был назван «изобретателем нового времени». Но, скажем по романсу: «То было раннею весною…»

Я — насквозь литературный человек, и без цитат из книг ну никак нельзя. И признание Давида Самойлова о прошлом:

Тогда я был наивен…

…Тогда я был возвышен…

…Тогда я был прекрасен…

…Тогда я был не этим,

а был совсем другим…

Но что об этом? «Тогда» — звучит печально, а есть ТЕПЕРЬ, и это совсем другое существование, измерение, ощущение. «Другое волненье, другая печаль…» (опять Самойлов).

Пишу ныне мало и тяжело, вот никак не закончу 4-й том дневников-воспоминаний. Все время отвлекаюсь. Вот сегодня случайно натолкнулся на листки, посвященные Михаилу Зощенко (это эссе вошло в книгу «Опасная профессия: писатель»; ЭКСМО, 2013). Концовка:

Писатель, спускающийся в «сырой подвал подсознательного». Ну, а уж когда вышло постановление ЦК партии «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», то тут жизнь Михаила Зощенко и вовсе подкосилась. Он был обречен на гибель. Лидия Чуковская записала в августе 1955 года свои впечатления о писателе: «Михаил Михайлович неузнаваемо худ, все на нем висит. Самое разительное — у него нет возраста, он — тень самого себя, а у теней возраста не бывает… Старик?

На старика не похож: ни седины, ни морщин, ни сутулости. Но померкший, беззвучный, замороженный, замедленный — предсмертный…»

Все это Лидия Чуковская рассказала Анне Ахматовой, и та всплеснула руками: «Бедный Мишенька!»

Жизнь раздавила Зощенко, а точнее, не жизнь, а власть. Все к одному — и выбранная женщина оказалась совсем не той, какая была ему нужна. Загубленный талант! И Исчезнувший солнечный зайчик! И остались только «Страдания молодого Вертера» (рассказ Зощенко, 1933 год):

«Рисуется замечательная жизнь. Милые, понимающие люди. Уважение к личности. И мягкость нравов. И любовь к близким. И отсутствие брани и грубости…»

Где этот рисунок? В нежных и воспаленных грезах и мечтаниях? А так — «лежит, знаете, на полу скучный. И кровь кругом».

Вы догадались? Это цитата из рассказа Михаила Зощенко.

«И кровь кругом» — это ведь про наше сегодняшнее газово-нефтяное время. Выходит, Михаил Михайлович никак не устаревает. В сумерках эпохи он четко видел суть.

* * *

2 июня. От Зощенко в наши дни. Ничего не меняется в нашей прекрасной стране. Несвобода, давящая власть, террор, ну, не 37-й год, но в другом формате. Перед сентябрьскими выборами в Думу тотально зачищают политическую поляну от оппозиционеров всех мастей: обыски, аресты, штрафы, ощущение какого-то полицейского безумия: историческая слепота и нравственная глухота чиновников, и, как утверждает Евгений Ямбург, заслуженный учитель России, «косноязычие людей во власти, и отсюда мутность духовных помыслов» («Новая», 31 мая). Реформ нет, туманные планы, экономика в пролете, «картошка уже по 50, дальше — больше?» — вопрошает «МК» от 1 июня.

Господи, опять меня понесло, ну, пусть нажрутся до отвала своею властью. Как пел в одной из песен Булат Окуджава:

Пока Земля еще вертится, Господи, – твоя власть!

Дай рвущемуся к власти навластвоваться всласть.

Дай передышку щедрому хоть до исхода

дня,

Каину дай раскаянье… И не забудь про меня…

Все давно написано, сказано и пропето. Только ничего не меняется, властвующие властвуют и не хотят уходить. Что делать нам? Копать свою картошку на огороде да что-то сочинять в тетрадке, утирая падающие слезы…

С Ще собирались поехать на Тверскую, в магазин «Москва» и посмотреть, как продается первый том «О СССР — без ностальгии», а вчера позвонил Костя и радостно сообщил, что были с Ириной в магазине и купили последний экземпляр (наверное, в магазин отвезли 10–15 книг, не более) — 720 р. за 740 стр., по рублику за страницу. Образно говоря, моя жизнь пошла в читающий народ… И снова вспомнился Окуджава:

Счастлив дом, где звуки скрипки наставляют нас на путь

И вселяют в нас надежды… Остальное как-нибудь…

6 июня — день рождения Пушкина. По новому стилю — 1799 год. У Пушкина можно найти все: и о юности с ее желаньями, которые «истлели быстрой чередой, как листья осенью гнилой». И

о зрелости:

О нет, мне жизнь не надоела…
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милых снов воображенья…

И это: «Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю…»

И совет друзьям-поэтам:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум…

Ну и т. д. Пушкин — это наше все. Но, увы, есть и еще кое-что, что не в силах помочь и посоветовать Александр Сергеевич: это жуткий быт. Течет ванна, нужно менять устаревшую газовую плиту, Ще донимают анализы по обследованию раз в год, у меня всякие проблемки и навалившаяся усталость от жизни, хотя пушкинское любопытство не исчерпалось… На Тверской порция «О СССР — без ностальгии» закончилась, а в Доме книги на Арбате еще есть, а там по 760 (на 40 ре дороже, я подорожал?!). В «Библио-Глобус» не дозвонюсь никак.

Продолжаются уходы: два одноклассника из 554-й школы, класс «Б»: Коля Алексеев с задней

парты и Юра Кочеврин с первой. Не друзья: но все равно жалко… Ушел из жизни один из знаковых журналистов советского времени — Мэлор Стуруа, ему шел 94-й год. Он говорил: «Смерти не боюсь, боюсь не узнать, что будет дальше». Странное имя Мэлор составлено из революционных понятий: Маркс-Ленин-Октябрьская революция… У меня сразу побочная ассоциация на нашего главного, соединить партию «Единая Россия» с фамилией, и получилось Ерпут, великий плут, злодей и шут. Все эти ухмылочки, противные словечки. Если Ерпут, то в детстве могли звать Ерпутиша, а позднейших потомков: Ерпутята, то есть несмышленые цыплята…

Есть оскорбительное слово «быдло» о биомассе, которая мычит, жует траву и принимают на веру все, что ей внушают сверху, о Разине и Пугачеве она даже не знает, что были такие дерзкие герои. Ну, а средний класс, в него иногда заносят граждан с доходами не ниже 20 тысяч ре. Гонтмахер в «Новой» 4 июня написал, что нынешняя экономическая политика похоронит стабильность, уничтожив социальную опору власти. Гонтмахер стратифицирует все население на 4 группы: богатые, средний класс, класс ниже среднего, малообеспеченные, вплоть до маргиналов из

социального дна.

Оставим в покое экономику, с ней все ясно: деградирует и успешно. Поговорим лучше о театре (мы, кажется, с Ще уже года два не были в театре, а ТВ редко балует телеспектаклями), но вчера это «баловство» произошло: в честь 80-летия Алексея Бородина, главного режиссера РАМТа, показали по каналу «Культура» бессмертную для России комедию Грибоедова «Горе от ума». Осталось двойственное впечатление: стихотворный текст Грибоедова отменный и не стареющий, на злобу дня:

Прямой был век покорности и страха!..
Все под личиною усердия к царю…

А рабская покорность?

А дядя! что твой князь? что граф?
Серьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб…

А «времена Очакова и покоренья Крыма»? Цитировать можно без конца. Текст прекрасен и ядовит, но не для Запада, не «вишневый сад» и не «Бесы», ни Чехов, ни Достоевский, «Горе от ума» — только на российских весях.

Игра, декорации, музыка, равно как и режиссура слабенькие, не впечатлили. Особенно лица артистов, не московские вельможи, не аристократы, не знать, а какие-то простецкие конторщики и менты, какие-то сериальные со стертыми лицами и не умеющие управлять своими эмоциями, да и есть ли они? — вопрос. А раньше! Не поленился и открыл том Театральной энциклопедии (1963), там перечень постановок и играющих актеров за все времена, с 1824 года, на профессиональной сцене. Чацкий — это Каратыгин, Южин, Иванов-Козельский, Рощин-Инсаров, Далматов, Царев в Малом, Качалов в МХТ и там же сам Станиславский в роли Фамусова и т. д. Одни звезды русского советского театра. А ныне какая-то мелочевка, недопрофессионалы сцены… И текст как-то проговаривают без акцентировки и без души, грибоедовские хрестоматизмы, о которых Пушкин писал «слушал с наслаждением» из письма к Вяземскому.

О самом Грибоедове. У меня в Календаре выписка из статьи Юрия Тынянова об авторе «Горе от ума»: «Грустное и горькое отступничество Грибоедова, его затаенный декабризм и открытая дипломатическая карьера — все это в образном типологическом выражении через перерожде-

ние Чацкого в Молчалина…»

Да и Молчалин нынче не тот, не бессловесный, тихо услужливый, а горлан и патриот, истово любящий кормящую его власть. Громко выражает свои восторги и поет осанну, для чего совсем не нужно ума.

А критик, оппозиционер и ироник Чацкий сегодня не ко двору. Не нужны режиму просвещение и культура, «Собрать все книги, да и сжечь!». И очень уместен и угоден прямолинейный Скалозуб, и уже не чистый военный, а исключительно силовик: запретить, взять, арестовать, скрутить, отобрать все имущество, весь бизнес, разорить, короче, вырвать зубы, дать по зубам. И пусть навсегда забудут Дунаевского с Лебедевым-Кумачом: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!»… А если вы не успокоились и помните старый «Интернационал»: «Кто был никем, тот станет всем!», то мы вам покажем, кем вы можете стать на самом деле. Все блага и все счастье только избранным и назначенным сверху, остальным — болото и ква-ква! Поняли, идиоты! Ах, поняли, тогда сопим в тряпочку, не навлекайте на себя «барский гнев». Минуй нас пуще всех печалей!.. 7 июня 2021 г., 13:23

* * *

19 июня. Никак не могу завершить дневник. То мучила серость и невозможность прочесть текст. Теперь мучает и слепит солнце.

В кабинете темновато от зелени, на кухне ослепительно от света, и, конечно, самочувствие. Не для читателей хочу записать, а исключительно для себя, два «облома»: 12 июня Ще на кухне после обеда стала мыть посуду и вдруг: «Мне что-то нехорошо». Я подошел, и она в моих руках, как мешок, осела на пол. Еле пришла в себя…

А 18-го после трехдневного запора утреннее представление: с 7 часов в течение почти двух часов, извините за физиологизм, никак, боль и почти обморочное состояние. Какая-то зацементировка. Лекарства, свечки, ничего не помогало, и хотелось кричать: братцы, погибаю!.. Но не погиб, а разрешилось. И два дня приходил в себя. Какой дневник! Какие книги — 17-го открылась книжная ярмарка на Красной площади, но и в мыслях не было туда поехать. Только с дивана на кухню и обратно. Вот такая диспозиция и картина дня…

Маленькое утешение. 12-летняя Стася с приятелями на даче развлекается со своими гаджетами

и говорит Лиле: «Бабушка, а Юрий Николаевич написал несметное количество книг!..» А соцработник Оля рассказала, по словам работающей в детской больнице в Калининграде племянницы, маленькие пациенты тоже возбудились от книг Ю.Б.: то ли достали, то ли выписали. А в это время автор кряхтел и тужился и с тоскою смотрел на пирамиду Хеопса из своих книг и думал, что с собой ничего не возьмешь…

А еще сдаю анализы: моча, кровь, рентген и т. д. У Ще свой онко-тур, у меня свой мед-тур. Да, провериться надо. Подымаюсь по лестнице и задыхаюсь. А тут Боря Кузнецов постоянно сообщает о Лиде, которая загремела в больницу, в реанимацию, и причитает: «Ну, не знаю, что это такое?!» Старость, болезни, финиш…

На этом фоне. Что на этом фоне? У Булата Окуджавы:

> *На фоне Пушкина снимается семейство,*
>
> *Фотограф щелкает, и птичка вылетает…*

А может, не птичка? Коршун или ястреб жесточайшей диктатуры, выклевывающий все инакомыслящее, доброе, умное, справедливое и

т. д., оставляя лишь ядовитые зерна зла и ненависти. На этом запал мой закончился и обрываю текст… 13:25, шпарит солнце, по «Эхо» сказали: +28.

20 июня, воскресенье, праздник Троицы. 12:07, солнце еще не заглянуло на кухню и милостиво разрешило еще немножко попечатать. Обещали под 30. Пришли из магазина, вдрызг усталые и задохнувшиеся. Чувствую себя участником Тур де Франс по южным дорогам Франции, то подъем, то склон, кручу педали из последних сил. Глаза застит, голова подкруживается, но ноги крутят педали. Так иногда — в 89 лет! — пишутся книги, чтобы некий читатель фыркнул: скучно, неинтересно, где драйв, где кайф и прочее гав-гав. Но что мне читатель: мне в важно закончить книгу.

Итак, «На фоне Пушкина снимается семейство…». Редкий случай отдыха, а так, живет, трудится, выживает, кряхтит, бурчит, возмущается, и многие солидаризируются с высказыванием старого оппозиционера Геннадия Гудкова: «Оттепели не будет».

А в Питере прошел очередной международный экономический форум: отчеты, достижения, грандиозные планы, космическая лапша на уши, или, как выразился на «Эхо» Максим Шевченко:

«Золотая пыль». Другой мир, другое измерение, как отметил «Собеседник»: «Миллион за встречу с Путиным», чтобы лицезреть и задать вопрос. А буфет? «Буфет обнаглел, как весь форум» — в «Новой газете». Чтобы запить и заесть «бизнес-план ГУЛАГ» (идея привлечь заключенных к великим стройкам — Сталин возвращается?). Экономика снова в рост, «Цены растут? Вам показалось».

Громко прозвучал на форуме на возмущение основательницы сети семейных кафе «Андер-Сон» Анастасии Татуловой: «Вы на нас плюете, а мы вас ненавидим» («Собеседник», № 21). Зал вздрогнул от смелых высказываний предпринимательницы: «Хочу, чтобы имидж предпринимателя был не про жуликов, жадин и “нахлобучниц”, а про то, что это — уважаемая профессия».

А пока бенефицианты — силовики, которые ничего не производят, а только запрещают, отнимают, арестовывают. Бенефициары путинской эпохи. И все больше достойных, умных и предприимчивых людей уезжают из России. Вот и младший Дмитрий Гудков покинул отечество… Зачищена политическая поляна от всех критиков власти, остались только верные и преданные режиму, а лояльность дорого стоит. Комментарий в «МК» от 11 июня — «Жирная Россия пятисот

граждан» Дмитрий Попов. И эти 500 богатеев не расстанутся со своим богатством, вцепившись в него. В «Новой газете» от 11 июня большое интервью Александра Сокурова: «Остается только перестрелять таких, так я…» Большое интервью: «Выдающийся режиссер об удушающей силе немощного авторитаризма». Сокурову исполнилось 70 лет, о нем мне говорил как о подающем большие надежды в конце 80-х Андрей Тарковский.

В интервью Сокуров говорил об отсутствии понимания, что делать.

«Мне люди, занимающие высокие посты, говорили, что не знают, куда двигаться, как работать в нашем государстве…»

Подводит память, кто ответил, что делать? — Служить и никаких цветочков. Розанов или Кузьма Прутков? «Душа озябла» — это точно: Василий Васильевич. А ныне еще душа трясется, ибо могут ни за что ни про что — схватить и арестовать: не так служишь, не так веришь и салютуешь власти, не так говоришь, не так думаешь. А старший оруэлловский брат все видит. Он рядом…

13:15 — а вот и солнце грянуло в окно кухни. И надо убирать машинку, которая тоже возмуща-

ется и барахлит, как какой-нибудь иноагент или оппозиционер.

Главка, которую можно пропустить

А почему? А потому что частности из жизни 89-летнего автора, но для меня они ценны, а для читателя излишне подробны. Итак, вторая половина июня была чрезмерно жаркой, от 30 до 34 плюс, и это побитие 110-летних рекордов. Соответственно мы с Ще себя чувствовали, еле ползая по комнатам, но самоотверженно посещая ближайшие магазины. Ну, и помогает соцработник Оля, добрая и теплая женщина из Оренбурга. Спасибо синагоге, а наш социальный центр Сокол холоден, как замороженная рыба, никакой помощи, кроме звонков: «Вы будете вакцинироваться?» Их интересуют только отчет и нужные цифры, впрочем, так поступает и власть: их интересует только положительная динамика, ну, а холопы-избиратели потерпят, со своими нуждами и проблемами.

Опять сбился, я, собственно, хотел написать о другом. В четверг почувствовал себя не так: защемило сердце, трудно стало дышать, затяжелела правая сторона живота, ну и прочее.

Смерил температуру, оба не можем разглядеть,

сколько, еле-еле определили: 38,5. Позвонили Лене — Елене Валентиновне, бывшей девочке, жившей над нами в доме и ставшей хорошим врачом. Она назвала, что надо пить: Но-шпа, Ароснатан, Фосфе-форте какой-то. Начал принимать, и заколотил озноб. Ще звонит снова Лене: та — вызывайте скорую. На меня напала слабость, и не могу встать с дивана, Ще помогла… 2-го приехала утром скорая, а к этому времени мне уже стало легче. Сделала анализы, прослушала сердце, легкие, давление, все более или менее в норме. «В больницу не нужно, от ковидных там можно заразиться», — а я категорически в больницу не хотел. Постепенно стал приходить в себя. И вот на 3-й день уже за машинкой. Слабость, выйти на улицу не могу. Но главное — кризис или приступ позади, что это было? Такой вопрос поставила «Спорт-Экспресс» после матча России с Данией — 1:4.

А тем временем произошла масса событий, которые надо непременно зафиксировать для истории, для памяти. Но. Напечатал полстранички — и дух вон. И снова откладывается концовка книги. 3 июля, суббота, 2021 г., 11:17

8 июля, четверг, восьмой день не выхожу, выполняя предписание врача: не выхожу из дома,

пью лекарства, прежние, и плюс какое-то итальянское для восстановления печени. Диета. Вчера наконец-то помылся с большим трудом и предосторожностями, сегодня побрился, и тоже с трудом, смотрю в зеркало и не вижу своего лица, бреюсь вслепую и по памяти. Сесть за машинку — проблема. Опять неимоверная жара, +30 и более. Беда! Как выжить? Эпидемия не утихает, в какой-то день умерло более 700 человек. Народ в Москве терзается, привиться или нет — прививочники и антипрививочники. У многих сомнение и недоверие к власти, которая постоянно врет и обманывает. По «Эху» аналитики произносят жесткие слова в адрес власти, она лютует и асфальтирует поляну оппозиции, бесконечные аресты, посадки, суды. Сплошная осатанелость. И как все это пережить?

Первый том продается, и вроде уже второй тираж, некто «Лабиринт» умудрился продавать «Ностальгию» за 1200 ре. Верстка второго тома задерживается…

Безумство храбрых, или хроника пикирующего автора

14 июля, среда, с утра +28, а обещают за 30, бьются все погодные рекорды. Жара и духоти-

ща. Испытание пеклом. Все предыдущие дни собирался сесть за машинку и не мог. Мозги в полурасплавленном состоянии, и сознание полусумеречное. И все же взялся за книгу — труба зовет, безумству храбрых поем мы песню, и пусть не осудят меня читатели за эту пикирующую хронику. Никакой стройности, гармоничности, смысловой точности, а так: ТЕКСТ И НЕЧТО. Ще, бедненькая, поехала к врачу-онкологу, а я тикаю на машинке из последних сил. И скорее все сдать и закончить с литературной деятельностью. Все вдохновение вычерпнуто.

В целом пришел в себя, болей нет, на улицу выполз после 11 дней самокарантина. Летают какие-то мошки. Хочется пить, и с помощью Оли в какой-то момент в холодильнике стояло 5 бутылок воды «Святой источник», газированный «Боржом» противопоказан. Пьем и позволяем себе абрикосы и черешню. Хорошо, что кончился поздневечерний футбол, но о ЕВРО напишу специально. Пока надо разобраться с кучей накопившихся газетных вырезок.

Главное событие — встреча Байден — Путин. «Схватка двух волков в Женеве», «МК», 18 июня — «Фраза управляемой конфронтации». «Лидеры понимают, что мировая война — катастрофа,

но у них есть желание поиграться» (академик Арбатов, «Новая», 16 июня).

И как играются? 23 июня английский атомный эсминец «Дефендер-36» зашел в черноморскую акваторию и был атакован и отогнан российскими пограничниками, были сброшены 4 бомбы — «БОМБАНУЛО» (заголовок в «Новой», 25 июня). Пока где-то рядом, но Верховный заявил, что могут и потопить пришельца, как будто это просто железо, а люди, команда? Это что, геополитическая мелочь?

5 июля — «Новая» поместила статью «Путь изгоя. Куда ведет внешняя политика России». Только суть: «Эпоха полураспада руководящего сознания… Мания величия, мания преследования, комплекс неполноценности… Одинокая держава, говорящая на языке подворотни»…

Это здравомыслящий голос, а сколько безумцев, с упоением предсказывающих о грядущей победе в новой холодной войне? Господи, вразуми безумцев и сумасшедших. Не наигрались взрослые дяди в коротких штанишках?.. Политолог Александр Ципко разразился большой публикацией в «НГ» 8 июля: «С Христом в душе, со Сталиным в башке». Только заголовок о том, «Когда русские перестанут давать уроки миру». Из-за жары не

вникаю в статью, ужо потом до нее дойду. Не могу читать все…

Немного о внутренней политике славного путинизма. «Диагноз: застой» («МК», 10 июня). «Хроники пикирующего благосостояния». «Богатые слуги нищего народа» («МК», 7 июля). Советы «МК»: «Денег нет, держитесь и дальше». Редактор отдела политики и экономики «Новой газеты» Кирилл Мартынов раскритиковал прямую линию Путина, о том, как Владимир Путин управляет страной без посредников и институтов. В стране нет больше ни публичных оппонентов, ни собеседников. Таковы новые контуры российской политической жизни. Никакой оппозиции, одно доминирование бюрократического левиафана («Новая», 2 июля). Это из статьи Вл. Иноземцева «Кончина российской оппозиции». «Диссиденты могут будоражит общественное “болото”, но сами не могут стать властью…», «Ку-ку!.. И всего лишь крик актрисы Яны Трояновой: «Рабы — они, мы — свободные люди». Но это даже не крик, а писк придушенной свободы… Вот и Татьяна Доронина в своем театре голосит о помощи. С культурой и просвещением такая же беда, как и со всем остальным от экономики до футбола: тупики управления, непрофессионализм, забюрокра-

чивание, равнодушие и хамство чиновников и управленцев, подавленность, отчаяние беднейших слоев населения…

Хватит. Снова беру тайм-аут.

Дневниковая вермишель

25 июля, воскресенье. Жара сменилась прохладой, утро, +21. Можно вернуться к книге, но, увы, в голове нет ясности и ворох непрочитанных вырезок, в которых не так-то просто разобраться. «Но надо Федя, надо!..» Хотя я и не Федя. В пятницу 16-го Карен привез верстку 2-й книги, 480, кажется, страниц. С трудом осилил, и, конечно, ошибки, к примеру, вместо фресок Врубеля в «Метрополе» — «трески», ну и т. д. В четверг 22-го вернул Карену рукопись (отвезти самому — страшно подумать). И отдал машинописную рукопись тома «Нулевые, боевые, пенсионные…». Процесс идет, и, может быть, к концу года выйдут два тома, 4-й попридержу, авось, что-то поменяется в стране, и обстановка смягчится и будет меньше держимордизма, а заодно и вождизма. «Блажен, кто верует…»

О книгах. Том «О СССР — без ностальгии» читаю Ще вслух, сама она читать не может. Стрижев прочитал «Ностальгию» за 10 дней и с восторгом

что-то о ней говорил, но во рту у него каша, почти ничего не понял. С чужих слов хвалил Самсин (сам еще не читал). Лиля самоотверженно поехала на Никитскую, купила за 400 ре (какой разлет цен!), но еще не читала. «ЛГ» молчит. Никто пиаром не занимается, и сразу вспоминается Володя Вишневский, который говорил, как он суетится, пристраивает, рекламирует, нужна «ручная работа». А я этим уже совсем не могу заниматься, и поэтому Вишневский весь в премиях (одна национальная премия «Любовь народная» чего стоит!..). Прочитал последнюю Володину подборку в «ЛГ» и подивился мелкотравчатости, вот строки о лете: «В белых брюках надо ходить. Пока есть возможность такая…» Или вот «Утренние стихи»:

Проснуться, опознать со взгляда день…
Привычных действий цепь не торопя.
И – содрогнуться, и похолодеть:
А мир-то отписался от тебя…

Нет, мне такая сатирическая поэзия чужда, как, впрочем, и анти-пафосного поэта Валентина Сорокина в связи с его 85-летием («ЛГ» рассыпалась в комплиментах). Его слова «Беречь Россию не устану» и «Снова — думы, думы, думы / И о себе, /

И о земле». Иногда и критически мыслит: в «ЛГ» привели старые строки Сорокина о Пугачевском восстании: «…Вам забава, смердам иго, / Тяжкая нужда, / Ведь у них от ваших выгод / Меж собой вражда». Не мой поэт, в один ряд Клычкова-Клюева-Заболоцкого и прочих истинных не поставлю. Простите, Валентин Васильевич. У меня свои пристрастия и, соответственно, свой выбор.

Ну, а тема ига и смердов продолжается на святой Руси, правда, в новых вариациях, конфигурациях и какой-то смешанной гибридности. Достаточно пробежаться по заголовкам и натолкнутся на отдельные ключевые фразы.

«Новая газета» от 18 марта, публикация Дм. Прокофьева. Основной тезис: три пункта новой экономической политической модели России: продукты должны дорожать, люди должны платить еще больше, народ должен нищать. Власть вернула страну в сталинские колхозы… Люди работают «за еду».

«МК», 13 апреля, политолог Автандил Цуладзе: «Имитация СССР. Российская экономика застряла между рынком и планом»… «МК», 14 апреля, доктор эк. наук Игорь Николаев: «До пустых прилавков — недалеко».

«МК», 12 июля, Игорь Николаев: «Страна бо-

гатая, а люди бедные: как такое может быть? Национальные ресурсы перераспределяются несправедливо и неэффективно…»

«МК», 16 июня, профессор Ал. Бузгалин: «А капитализм-то голый! России пора сменить обветшалые одежки архаично-рыночной системы…»

«МК», 24 июня, публикация «Цены тянутся к солнцу» (продукты питания, жилищно-коммунальные услуги, бытовая техника и электроника, автомобили, одежда и обувь)… Инфляция разогналась не на шутку…

14 июля. «МК», Евг. Гонтмахер: «Безлюбая Россия. Почему население страны сокращается год за годом…»

«МК», 16 июля, Ал. Ципко: «0т ковида спасет национальное единство, с духовным здоровьем нации что-то не в порядке…»

Снова «МК», «Русский язык: эволюция», и подзаголовок «Зло исходит не от слов, а от человеческого бескультурья». И далее: «Современные первокурсники — инопланетяне. Они не знают в лицо Ленина, не берут в университетской библиотеке бумажные книги и, кажется, умеют выходить в астрал с телефона…»

«Новая газета», 18 марта, рубрика «Великий

почин», Леонид Никитский: «Нелюбопытные варвары». В России официально наводится единомыслие: Дума окончательно утвердила, чему можно учить людей, а чему — нет. Как не вспомнить проект Козьмы Пруткова «о введении единомыслия в России». Всякое публичное выступление ныне должно быть «залитовано» (от слова «Главлит»)... Пересмотр истории — подрыв конституционного строя...

«Новая газета», 9 июня, на первой полосе: «О Сталине и репрессиях теперь нельзя писать даже в школьных сочинениях...» Что Сталин — теперь о Роснефти вообще ничего нельзя писать!..

В книжном «Экслибрисе» «НГ» прошелестела подборка неизвестного мне Михаила Попова, актуален его стих «Жалобы»:

У меня нет мнения о Гоголе,
У меня нет мнения о Сталине,
Я хочу, чтобы меня не трогали,
Но притом чтоб не совсем оставили.
Мысль моя боится выйти смелою,
Но при этом жаждет быть свободною.
Ничего, пожалуй, я не делаю
Лишь тогда, когда вовсю работаю.

Хочется, чтоб знанье было точное,
Но отчаянье от этого не полное,
Чтобы государство было прочное,
Но желательно – чтоб добровольное.
Все вокруг неудержимо вертится,
Ничего при этом не случается.
Бог ведь есть, но мне в него не верится,
Смерть страшна, а жизнь не получается.

Да, прав Михаил Попов: «жизнь не получается», не получается у миллионов россиян, а у маленькой прослойки при госкормушке все прекрасно и чудесно. Время от времени какого-то зарвавшегося богача арестовывают, и народ ахает: столько наворовал, построил дворец с унитазами из золота. Об одном таком громком деле поведала «Новая» от 3 июля. Герой — начальник дорожной службы по Ставропольскому краю Алексей Сафонов. «Гаишное дитя барокко», — отметил «МК». На словах этот Сафонов боролся с коррупцией, а сам обложил данью все, что двигалось по дорогам Ставрополья. И построил дворец — чудо роскоши и безвкусицы. Когда Феллини показали нашу ВДНХ, то он определил: «Это просто бред пьяного

кондитера». Пересказывать богатства разгульного дорожного полковника не могу, — тошнит. Как тошнит от всех наших буржуинов новой формации с их дворцами и яхтами. Сафонова поменяют на другого, но лучше не станет — вот в чем ужас. Систему надо менять, а не полковника. И золотые унитазы, как написал Минкин в «МК», «не отмыть». А пока «сезон охоты на золотые унитазы» продолжается…

Народ возмущается, но как-то вяло, наверно, понимая, что зло мздоимства, воровства, коррупции и «кормление» начальников на местах на Руси неискоренимо. Привыкли.

Композитор и философ Владимир Мартынов (где такое можно прочитать? Только в «Новой газете» — 23 июля): «Конец света — это когда света нет, а ты есть».

А тут новая беда: «Исторический припадок» — так обозначила все та же «Новая» новый закон, новацию: «Российская власть установила монополию на прошлое… По российскому образованию нанесен патриотический залп: теперь школьников будут учить любви к России на обязательной основе…» Воспитание строгого режима?.. Что школьники! Даже седовласым историкам нельзя доискиваться до правды о Великой Отечествен-

ной войне — табу, архивы закрыты.

Что тут сказать: тоталитарный держимордизм в полной красе! И, конечно, на это откликнулся Александр Минкин в своей рубрике «Лучше не думать», «МК», 16 июля — «Мы тебя научим родину любить». Заголовок как угроза власти. Не научишься — выпорем!.. Батюшки-светы, до каких прелестей мы дожили. Да, в России надо жить долго.

Итак, мы на пороге учебника любви к родине, в школах будут преподавать патриотизм какие-то косноязычные и тупые тети и дяди из «Единой России»? Газета поместила фото парадного подъезда Думы, где работают патриоты. Ни одной отечественной машины. Да и одежда у всех только импортная…

Минкин не мог не вспомнить проникновенную песню: «С чего начинается Родина? С картинки в твоем букваре…» А кто сочинил эту душевную прелесть? «Слова написал Михаил Матусовский — еврей из Луганска, музыку сочинил Вениамин Баснер — еврей из Ярославля, а проникновенно спел Марк Бернес (Менахем-Ман Неухович Нейман) — еврей из Нежина. Три случайно уцелевших безродных космополита. Зато безупречно по-русски…»

Несколько афоризмов на тему патриотизма.

«Патриотизм: убеждение, что твоя страна лучше других потому, что именно ты в ней родился» — Джордж Бернард Шоу.

«Иные так расхваливают свою страну, словно мечтают ее продать» — Жарко Петан, словенский афорист.

«Патриотизм — последнее прибежище негодяя» — Сэмюэл Андерсон (1709–1784), английский писатель.

Закрывая тему, вспомним и русского пророка Герцена: «Россия отчасти раба потому, что она находит поэзию в материальной силе и видит славу в том, чтобы быть пугалом народов».

Что вы все о серьезном, о политике, о патриотизме, о чем-то мутном и непонятном, — подумает иной читатель этой книги. Лучше о чем-то веселеньком, как писал Шолом-Алейхем: «Как там холера в Одессе?»

О боже мой, ни слова о холере, пандемии, коронавирусе, ни о Кубе, которая разлюбила коммунизм и бородача Фиделя Кастро (там идут волнения). Нет, лучше о погоде, она всегда волнует всех, бедных и богатых, победителей и побежденных. И что?!

Кругом аномальные явления, катаклизмы,

лесные пожары, наводнения, разрушения и человеческие жертвы. В Москве — жара, в Кувейте — 73 градуса на солнце, 55 — в тени. В Африке, сказали по «Эхо», 26 июля, кое-где выпал… снег. Что делается, что делается!.. Ну, и в России. Колонка в «МК», 20 июля: «Что с Крымом? Он утонул». По мнению климатологов, нынешняя катастрофа — это только начало. Оптимистично…

Жара, и вот уже в газетах полезные советы: «На жаре ты ее не буди». Интим вреден. Сексу — нет! Ну, все плохо, а как плохо бедной Европе: в Бельгии и Германии жуткие наводнения, кое-где домики и машины ушли под воду, много жертв. Наши патриоты пишут и говорят об этом с плохо скрываемым злорадством: так им и надо! Ненависть и зависть к благополучию Европы удивительным образом сплетаются в патриотических душах россиян. Противно…

Утраты, утраты…

Идет активный, как горько пошутил Ширвиндт, падеж… уход знаковых людей. В это лето, июнь-июль, ушли с жизненной сцены многие персоны. 5 июля ушел «Человек преодоления» режиссер Владимир Меньшов, поставивший культовый фильм «Москва слезам не верит».

О Меньшове пресса выдала много публикаций и восторгов: великий! Великий не великий, но профессионально добротный. «Он никогда не поддавался панике» и снимал кино о счастье простого человека. Не дворцы и яхты, а «Любовь и голуби».

В июне умер Анатолий Лысенко, 84 года, один из столпов отечественного ТВ. Его звали «папой». Основатель программы «Взгляд». И кто теперь устроит на ТВ «Оттепель»? Анатолий Григорьевич был человеком добра и гуманизма…

2 июля — Николай Сличенко, на 87-м году. В своем амплуа истинно великий, его и проводили под цыганскую музыку. Настоящий самородок…

15 июля — Петр Мамонов, основатель группы «Звуки Му». Музыкант, поэт, актер. В 70 лет. «Умирать не страшно, — говорил он, — умирать не страшно, страшно стоять перед Богом. Надо отвечать за прожитую жизнь…»

В начале июня Грузия потеряла свое маленькое большое чудо, как написал «МК», Резо Габриадзе, сценарист, театральный режиссер, художник. «Не горюй», «Мимино». Большой фантазер и умелец. «Он обладал глазом ребенка», — сказал кто-то из друзей Резо.

В Париже скончался Олег Целков. Иосиф Бродский называл его «самым выдающимся русским художником-нонконформистом всего послевоенного периода», а Михаил Шемякин увидел в живописи Целкова гремучую смесь из светотени Рембрандта, пышной плоти Рубенса, помноженную на русское безумие и мощь варварского духа.

В середине июля еще одна утрата: умер Александр Стефанович, режиссер, сценарист, второй муж Аллы Пугачевой, к моему удивлению, в «МК» поместили материал, где в основном все крутилось вокруг Аллы, как ей помогал двигаться к славе Стефанович, как жили, как ругались, как расстались, как делили имущество, — не это главное. Судьба столкнула меня со Стефановичем, он был моим заказчиком ТВ-сериала о советском времени. Я готовил сценарий, он его одобрял и платил полновесной монетой — долларами, на которые мы с Ще еще раз побывали в Париже. Но кто-то из завистников зарубил в «Останкино» проект, и идею сериала отдали Николаю Сванидзе. И мы вместе со Стефановичем оказались в роли потерпевших, ибо надеялись на успех своей совместной работы. Так что о Стефановиче я вспоминаю с теплотой…

Но особенно мне жалко Сергея Мнацаканяна, он умер в июне, ему было 76 лет. Мы иногда пересекались с ним около ЦДЛ и обменивались репликами о жизни. Я немного жаловался на издательства, а Сергей говорил: «Вам ли жаловаться — у вас все хорошо, вас знают, читают, не прибедняйтесь…» Мы с Мнацаканяном испытывали симпатию друг к другу, и у меня было желание сблизиться с ним, подружиться, он обещал подарить мне только что вышедший дневник. Но ни дружбы, ни книги Мнацаканяна. Не сложилось, и я виноват в первую очередь. Мнацаканян был хорошим поэтом, нет, отличным. Вот его строки, напечатанные в некрологе:

Пошла седина – в бороду,
а бес – в ребро,
оказывается, поэты до пенсии доживают,
и в этом виной,
наверное, словесное серебро…
…Поэт – всегда одиночка, поэтому обречен
На жизненное забвенье,
на призрак посмертной славы,

особенно если пророчествует,
и вдруг за его плечом,
дрожа, как мираж в пустыне,
разваливаются державы!

И в этом стихотворении: «Россия, как мясорубка, работает без помех».

Сергей Мнацаканян — армянин, но коренной москвич. Его уход «это не утрата и не потеря, это — катастрофическое сужение…» «ЛГ», 7 июля. Юрий Поляков: «…мало сочинить и напечатать, их должны еще услышать и понять современники. Не услышали, не поняли… Это поколенческая травма…» Эти слова Полякова бьют и по мне… 27 июля 2021 г.

Еще один нацмен — Георгий Мамиконов, 76 лет, музыкант, джазмен, руководитель группы «Доктор Ватсон» — жертва коронавируса. Отрицал, что он — легенда, и утверждал, что, если тебе есть что сказать, значит, ты живешь. Задумал книгу об истории городов России (это было его хобби), но не успел написать…

Не стало главного дирижера Большого театра Александра Ведерникова. Он держал в голове множество партитур, знал огромное количество музыки, знал 5 языков. И все это ушло, превра-

тилось в небытие. Умер старейший космонавт Земли Владимир Шаталов, на 94-м году жизни. А мать кинозвезды Катрин Денёв, тоже актриса, Рене Симоно (Дорлеак) скончалась на 110-м году жизни.

В 50 лет ушел солист «Хора Турецкого» Борис Горячев. В 32 года покончил с собой сын Александра Башлачева Егор, повторив уход отца. Он покончил с собой в 1983 году в возрасте 27 лет.

Погиб в автомобильной катастрофе дьякон Симеон Аветисян, основатель и руководитель детского хора «Московские колокольчики». Дети участвовали не только в церковных песнопениях, но и в хоровой музыке Чайковского, Рахманинова, Глинки… И еще не стало одного священника, знаменитого отца Мефодия (прожил 60 лет). Директор православного культурно-просветительского центра «Свет Валаама». И вот — погас свет Валаама…

И чем заключить этот новый мартиролог? Культовая актриса и режиссер Рената Литвинова в интервью «МК» грустно заметила: «Старость неизбежна. Но лучше быть старой, чем мертвой…» Но при этом, как говорили римляне: Memento Mori — Помни о смерти. Помни, но не забывай о жизни — Carpe Diem — лови день. Как

сказано в «Энеиде» Вергилия: «Иди своей дорогой и соверши начатое дело». О, сколько существует крылатых латинских изречений! Но кто ими пользуется? Увы, единицы.

Евро-2020

Переключимся на футбол. Футбол — это борьба, бег, единоборство, скорость, точность передач и ударов. «А ударчик — самый сок, / Прямо в верхний уголок!» (Вознесенский). И итало-русское восклицание «О, мама, мимо!..». Тренер сборной России перед турниром: «Мы хотим победить на Евро, как и любая другая команда». Победили? Позорно провалились и не вышли из группы.

12 июня — Бельгия, 0:3; 16 июня — Финляндия, 1:0; 21 июня — Дания, 1:4. Последнее место в группе «В», и плей-офф нам только снится.

С Бельгией Россию похоронил чернокожий Ромелу Лукаку (1993 год, 190 см рост, 94 кг.) Лукаку исправно забивает нам и на уровне сборной, и в клубе. Он — герой, а наш Дзюба — квазигерой. С финнами мы победили, но были неубедительны. И последний «матч жизни», как написал «Спорт-Экспресс». И что: получился разгром от маленькой и скромной Дании. Черчесов вы-

нужден был признать: «Мы сделали максимум того, что могли». А этот максимум оказался минимумом. Плоха команда, худшая на турнире, бездарный самовлюбленный тренер. Заголовок: «Кто на Евро всех старее?» Оказалось, сборная России — одна из самых возрастных команд. Но при этом Черчесов был одним из самых высокооплачиваемых тренеров, чемпион по зарплате.

После чемпионата на пресс-конференции Черчесов говорил 150 минут, но его не поняли. Он утверждал, что работа была проделана хорошо, ну, «а результат — разные вещи». То есть провал — это не результат работы Черчесова, он работал хорошо. Каков этот гусь!.. Даже РПЦ признала, что игроки команды «духовно слабенькие». И танцуй, Европа! Но без нас…

В итоге сборную и Черчесова критиковали в хвост и в гриву. «Дзюба и сборная? Стоячий футбол давно закончился везде, кроме РПЛ» (Валерий Газзаев). «Позор» — статья в «Новой газете». Другая публикация «Голова в песке»: «Никто из ответственных за российский футбол и не собирается посыпать голову пеплом». 2 июля. «Спорт-Экспресс» коротко: «Дно». «Новая» — «Звезды деревянного футбола».

Черчесов не подал в отставку, не сгорел от

позора, и его не слили сразу, а подумали, ведь он назвал себя государственным человеком и служит исправно, ну, а результат — это нечто другое, от работы не зависит. И только после глубоких раздумий РФС все же снял Черчесова. Этот тренер, похожий на всемогущего лавочника, мне давно не нравился. И кто взамен? Иностранца не нашли, никто не захотел идти на гиблое дело, и назначили амбициозного Валерия Карпина. «Заткнули дыру», как кто-то выразился.

* * *

29 июля. Неутолима моя жажда информации, но, увы, все не охватишь. Полоса в «МК», 27 июля: «Пиши президенту, все равно ничего не изменится...» «Хватит, прославились, больше не надо». Власть знает, что надо, и грохнули грандиозный праздник ВМФ. Нева вскипала от грохота кораблей, подлодок и авиации. «Парад одного зрителя», — язвительно заметил Борис Вишневской в «Новой газете». Главнокомандующий получил полное удовольствие. А сколько это удовольствие стоило казне? Как всегда, тайна.

Все проблемы в стране решены? А этих проблем куча. И «МК» 27-го поместил комментарий, используя слова популярной песни: «Родина слы-

шит, родина знает, как село на корню вымирает». За прошедшие 10–15 лет из 150 тысяч сельских населенных пунктов полностью обезлюдели (не осталось ни одного человека и, соответственно, ни одной курицы во дворе) 20 тысяч! Около 5 миллионов человек покинули деревню. Эксперты считают, что сегодня в России осталось только понятие сельских территорий…

Добавлю от себя: забросили деревни, и сели на нефтяную и газовую трубу, и наваривают кэш или попроще: суперприбыли. Для дворцов, силовиков, парадов и прочих имперских удовольствий. А села? Как писал крестьянский поэт, названный в советское время кулацким, Сергей Клычков:

Мы отошли с путей природы
И потеряли вехи звезд…

От прежней крестьянской страны остались только печальные воспоминания, ахи да вздохи. Как писал Николай Рубцов:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи…

Не тихая, а надуто-агрессивная, и не соловьи, а угрожающие ядерные ракеты, имперские амбиции, и, короче, трепещите наши враги!..

И вподверстку. 15 июля в Англии, в графстве Суррей, в театре Гранд-Парк-Опера состоялась премьера оперы «The life and death of Alexander Litvinenko» («Жизнь и смерть Александра Литвиненко»). Премьера прошла с большим успехом, и билеты стоили 100 фунтов стерлингов, сюжет: отравление в 2006 году радиоактивным полонием-210 в Лондоне бывшего сотрудника ФСБ Литвиненко. О сюжете оперы рассказала ««Новая» газета» 13 июля под заголовком «Отравиата» — «Травиата» в трактовке КГБ-ФСБ или какой-то еще карательной конторы. А потом последовали другие отравительные «штучки» — сюжеты для новых опер, драм и трагедий.

Вышла книга «Россия-2050, утопии и прогнозы», из которой вытекают три основных вывода:

1. Быть может все…

2. С населением России можно сделать все что угодно…

3. Вячеслав Володин был глубоко прав: нет Путина — нет России… Россия может быть или путинской, или никакой. На перемены у нее нет ресурса, но быть путинской — то есть ресурсной, умеренно изолированной, словесно агрессивной — она может бесконечно долго… Это очень стабильная конструкция…

А как же прогноз профессора Соловья, что Россия вот-вот рухнет, ибо Путин неизлечимо болен, живет на лекарствах и т. д. Это что, липа? Остается поддакнуть Венедиктову на «Эхо»: «Будем наблюдать». А вдруг к берегу приплывет золотая рыбка — старая русская надежда. Сопротивление, не бунт, а тоскливое ожидание: вот приедет барин. Естественно, новый барин, — и тогда?!

Суровый реалист Глеб Горбовский в начале 90-х выпустил сборник «Ненапечатанного», задавал сакраментальный вопрос:

Что же будет потом?
По прошествии нового времени?
Славный будет дурдом.
Ни России, ни роду, ни племени.
И придут комиссары опять.
И начнут заниматься ошибками.
Те же, к свету способные звать.
Только форма – с другими нашивками.

Пока нашивки привычные. А какие будут? И снова вопрос (30 июля 2021 г.).

Для истории: «Независимая газета» опубликовала список 100 ведущих политиков России в июле 2021 года, вот только первая десятка под

грифом «Очень сильное влияние»: Путин, Мишустин, Вайно, Шойгу, Медведев (Пупсик опять наверху?), Кириенко, Сечин, Собянин, Лавров, Набиуллина Эльвира — Центробанк… Миллер, Силуанов — министр финансов, Патрушев, Бастрыкин — Следственный комитет, Бортников, Володин — путинский запевала в хоре и т. д. Интересно: Патриарх Кирилл на 26-м месте…

А что будет через год? Кто вылетит из списка рулевых с треском? Высокое место правителей сладкое, но ненадежное и опасное. История помнит, как Сталин сильно почистил и убрал ленинскую гвардию (Каменев, Бухарин, Рыков, Крестинский и т. д. и т. п. Целая книга невинно расстрелянных и посмертно реабилитированных). А сколько высших руководителей страны покончили с собой, предвидя страшный финал, — Михаил Томский, Серго Орджоникидзе и др. Людоедское время. После смерти Сталина конкурентов и соперников за власть тихо отправляли вниз карьерной лестницы или на пенсию. Пострадал лишь Лаврентий Берия, который «потерял доверие» и был объявлен шпионом. Какой шпион? Что за бредни? Опасный соперник для членов Политбюро, отсюда и ликвидация. Из путинской эпохи самая яркая отстраненная и

убитая фигура — Борис Немцов. Ну, и заточенный на веки вечные Алексей Навальный.

Нынешняя власть хочет зачеркнуть все эти черные страницы истории, чтобы в ней остались достижения и победы, но о них можно поспорить. Народу не дают знать, да и сам народ не хочет знать и сторонится от всего темного и страшного. Какой ГУЛАГ, кто его видел! Какая Катынь? Какой пакт Риббентропа и Молотова? Вот у меня в огороде такие помидорчики-огурчики выросли, — обалдеешь! Быт обывателя выше всякой истории и политики, и да здравствует борщ (щи, салат оливье, шашлык и т. д.). А сейчас идет Олимпиада в Токио. Тоже интересно. Вполне ничего, первую золотую медаль завоевала в стрельбе из пистолета Виталина Бацарашкина (вот уж не замарашка!). Стреляла точно в цель, это наше национальное умение. Бац — и Ленского не стало! — как говорил мой дружок Боря Давидовский, давно ушедший из жизни (его сгубил Чернобыль). Интересно, что бы он сказал, если б дожил до сегодняшнего дня и читал эту взрывчатую, вулканизированную книгу? Боря был патриотом…

170 лет на двоих

1 августа — команданте Ще (домашний Че Гевара) исполнился 81 год, а если прибавим мои 89, то в итоге 170 лет на двоих — целый кусок мировой истории, хотя мы на своем Соколе находимся на краюшке этой истории, почти ни с кем не общаясь. Литературные затворники. Вчера из Нью-Йорка от Людочки курьер принес большой букет розовых роз и корзину фруктов, которую венчал большой ананас. Я тут же написал:

Нам прислали ананас,
Но, увы, он не для нас.
Не скажу, что он не в моде, –
По здоровью не проходит.

Людочка — молодец, лучше всех вялых родственников. Ананас мы отдали соцработнику Оле, а она появилась тоже с большим букетом из белых астр и с вкраплением ирисов. Тоже теплый, хороший человек. А родная Оля: не хочу даже о ней вспоминать, это мой скелет в шкафу… И идут звонки: сестра Светлана, Эдик, Полина, Эльвира: «А сколько сегодня у вас будет гостей?» Свалилась с Луны, что ли, какие гости? Пандемия, все сидят

в своих норках. Наш гость: мороженое с малиной под кофе, а Валечка Тучнина заявила Ще: давно ничего не жду… А я жду исправленной верстки второго тома и, возможно, набор третьего…

Читаю Ще первый том, и в памяти всплывают пустые полки магазинов в 70–80-х годах, отвратительное слово «дефицит» и противный глагол «достать», деревянные рубли. Сегодня, при всех мерзостях и пируэтах режима, полки насыщены, ну, а кто может и кто не может купить, то это уже вопрос другой, мы пока можем… Хотел вподверстку процитировать «Ананасы с шампанским», но вместо них приведу другие строки Игоря Северянина, июль 1909 года:

Улыбалась, мягко целовала –
Все по-старому…
Но чего-то все недоставало –
Все по-старому.

Действительно, чего-то всегда не хватает, нет полноты ощущений. И сразу в голове закрутился афоризм: мешок желаний без дна, то есть их много, и надо всегда соразмерять желания с возможностями. Ну, не перепрыгну планку высотою в метр, ну, не смогу. Ну, и так далее.

А любимое «Динамо» начало новый чемпионат

с двух побед. И на всякий случай вспомню: динамовцы не были чемпионами страны уже 45 лет, с 1976-го, если не ошибаюсь…

1 августа, воскресенье, 2021 г. 12:52, дымчато, жары нет…

5 августа, четверг. Первое августа прошло, два букета еще стоят, на улицу выходим, хоть и недалеко. Первый том дочитываю вслух, и с ужасом встает картина конца 80-х с пустыми полками и дефицитом. Ну, а сейчас продукты есть, денежки есть, по крайней мере, нам хватает, но другая напасть, как кто-то выразился по «Эхо», «движухи нет, все схвачено за горло перед сентябрьскими выборами, власть хочет все заморозить, искоренить, затоптать, чтобы никто не пикнул». Я на митинги не хожу, не горланю и не пикую, тихо стряпаю свои воспоминания-хронику и жду выхода второго тома и третьей верстки. Так что о политике ША!

Закончился 6-й сезон программы «Три аккорда», неровная программа, подчас не совсем шансон (что-то личное, интимное, страдальческое), а блатняк с бандитским разгулом. «Спрашиваю Маню, что мы будем пить? Пильзенское пиво, самогон, вино, “Душистую фиалку” иль боле ни-

чего?...» А Маня капризно в ответ: «У меня голова болит...» Это вполне, но когда какие-то дурацкие инсценировки или увлечения подтанцовками, уже не шансон, а балет «Лебединое озеро» или какая-то «Эсмеральда» в джазовой обработке, — это плохо. И если бы я был в жюри «Трех аккордов», я бы почище Александра Новикова высказал свое решительное «фе!». Но меня в жюри не приглашают, поэтому как-то включили диск и слушали с удовольствием песню-шансон про утомленное солнце, которое нежно прощалось с морем. Классная вещь!

Не удержался и написал свой вариант:

Энергичное солнце утром рано проснулось,

Засияло в окошко, где мяукала Ще,

Та, конечно, взбрыкнула:

Какой непорядок, неуют и вотще!..

Ну, а вечером солнце потихоньку слиняло,

По углам притаилась надрывно тоска.

Настроенье упало и,

Как в половодье, разлилась река.

Так живем мы на качелях,

То взлетаем вверх, то бросает вниз.

Не мели же, Емеля, что судьба злосчастна,

Жизнь, пожалуй, проще:

Миг или каприз.

Возможно, нескладно, но шлифовать нет сил, и не поэт я, а всего лишь умелый версификатор. Ироник, насмешник, пересмешник, попадавший не раз в совсем не смешные истории.

К примеру, умер Ясен Засурский, «Человек-журфак», как написали в «МК». Родился в октябре 1929 года, декан факультета журналистики с 1965 года, был горячим сторонником свободы СМИ. В нулевых годах мне пришла в голову идея выступить на журфаке, предполагая, что молодым будет интересно узнать, как из ничего некий Ю.Б. сделался журналистом и писателем. Пришел к Засурскому в его кабинет на Моховой с длинным перечнем того, что сделал. Он поахал и сказал, что будем готовить творческий вечер. А тем временем в МГУ захотел выступить Медведев, тогдашний то ли президент, то ли премьер, местоблюститель, и, конечно, все другие встречи были отменены. Ясен не мог отказать Пупсику, и моя встреча с будущими журналистами не состоя-

лась, была такая песня «Я спросил у ясеня…». Нет, я не спросил, почему Медведев, а не я, я просто понял ситуацию… Ну да ладно, а Ясена Засурского очень жалко: он успел восхититься моим списком творческих достижений. Он многим выдал путевку в журналистскую жизнь, но вряд ли одной спортсменке-медалистке в Токио, которая на просьбу рассказать о своих ощущениях победы закричала: «Ну, прям вау!»… И да здравствует великий русский язык новых российских дикарей новейшего разлива.

7 августа, суббота.

Вчера «МК» «порадовал» «злобой дня»: «Россия на пороге смертельного рекорда, убыль населения может достигнуть миллиона человек».

Избыточная смертность в период пандемии… Заголовок «Чумазая Россия будущего». Только вот уходят в основном хорошие люди, а, скажем так, иные продолжают жить и пахнуть.

«Новая» от 2 августа в рубрике «Паста неприкасаемых» (поместила вместо касты более уничижительное: паста) показательный списочек: «Депутаты и уголовные дела»: народные избранники со шлейфом криминальных дел, Алексей Митрофанов и его 16 коллег: взятки, подозрительный бизнес и даже «мокрые дела».

Ну, цвет нации.

И еще одна красавица — Элла Памфилова. «Новая» от 4 августа расписала ее во всех красках. Она начинала как защитница свобод и превратилась в одного из главных их «душителей». Из комсомольской и партийной активистки в игрока на демократическом поле, была главной правозащитницей, а далее — председатель Центральной избирательной комиссии. И драма Эллы Санны, как пишет Вера Челищева, драма именно в том, что она стала заложником системы как раз по собственному выбору. Глава ЦИК, и с ее легкой руки прошли поправки к Конституции «на пеньках». «И что у нее внутри?» — спрашивает Челищева. — Никто не знает…» В разговоре по «Эху» с «Веником» Памфилова призналась: «Меня многие ненавидят». Ненавидят за измену демократии и правам человека. Но она держит удар и даже утверждает «Я горжусь собой!» А также гордятся собой Владимир Соловьев, Дмитрий Киселев, Скабеева, Симоньян и прочие говорильники, говорящие и пишущие головы, поддерживая и защищая несправедливую власть, о которой так нелестно писали русские классики: Пушкин, Чаадаев, Лермонтов, Герцен, Салтыков-Щедрин, Некрасов, Андрей Белый, Волошин и т. д.

И вот свету явился еще один Михаил Лермонтов, пред общественного совета при Минкульте РФ: он выступил с инициативой проверить театры на соответствие Концепции нацбезопасности. На что «Новая газета» 4 августа возмутилась: «Не позорьте фамилию, господин Лермонтов!» А этот современный служака верно служит «мундирам голубым» «в стране господ, в стране рабов» — как видел бедную свою отчизну великий поэт Лермонтов.

Тут же подсуетился «29-й панфиловец» Владимир Мединский, ставший главой комиссии по историческому просвещению, которая будет оборонять официальные представления о российском прошлом от лишних сомнений… Оп-па! Как закрутили! В новую комиссию Мединского войдут представители высших органов страны, в том числе Генпрокуратуры, МИД, МВД, Минобороны и ФСБ, короче, все видные историки, как пошутил Кирилл Мартынов. То есть прокуроры, министры и силовики, главный враг для России: русофобия и зловредные мифы о России. У России исключительно славное прошлое и одни победы и, соответственно, никаких трагедий и провалов.

«Новая» продолжила тему 4 августа в пуб-

ликации «Сажающее средневековье». «Россия вступила в период неомедиевализма. Придется ли теперь отвечать по закону за очернение Ивана Грозного?» Иван Грозный — это лживый миф, на самом деле он — Иван Бархатный… Возвышающие средневековые метафоры нужны, чтобы представить террор неизбежным механизмом управления обществом. Вот такая цель? Руководящая идея? Нас толкают в мрачное прошлое? Заставляют говорить на охранительном языке?.. Новые повелители истории?

Новые повелители истории, диктаторы и злодеи, самодержцы и монстры, и один из них белорусский тиран Александр Лукашенко, Лукашеску, картофельный фюрер. В тихой и уютной Беларуси ныне новая реальность — страх и растущее раздражение в обществе. Усиление репрессий и закручивание гаек. Сажают и убивают, одна из последних жертв — 26-летний Виталий Шишов, руководитель общественной организации «Белорусский дом на Украине». Во время утренней пробежки по парку был схвачен и повешен со следами побоев. Месть Лукашенко, исполнители «эскадроны смерти». И сколько крови на руках Луки. В Токио на Олимпиаде белорусская легкоатлетка Кристина Тимановская посмела покри-

тиковать свое олимпийское начальство и тут же была объявлена предательницей. Понимая, что ее ждет на родине, она попросила политическое убежище на Западе. По известному роману «Беги, кролик, беги!» она первая и, судя по событиям, не последняя. А как отчаянно бежали наши люди из прекрасного СССР? Олимпийские чемпионы по фигурному катанию Протопопов и Белоусова, шахматисты Виктор Корчной и Гарри Каспаров, хоккеист Могильный, а балетные звезды из Большого театра, короче, перечислять и перечислять. Эмигрировали, бежали ради свободы.

О другом: погода, цены. Об аномалии «МК» 23 июля: «Климатический шок: в шаге от “траектории смерти”» — Земля на пороге конца света. В подробности вникать не хочу. К примеру — «Кто спустил цены с поводка» («Новая», 6 августа). Пожары. За 11 лет Россия потеряла 7% своей территории в пожарах, и эти леса можно было спасти…

Об атмосфере в обществе. Мастер (кто-то даже называет его гением) Илья Кржановский в интервью в «Новой газете», 6 августа: «Внутри России вполне удобно, даже уютно, но нельзя дышать, работать нельзя вообще…»

И в том же номере «Новой» Кирилл Мартынов:

«Разгром и шатание, новый исход: как люди убегают от России-2021…» «Россия совсем не ценит своих людей. Эти уедут, но при поддержке материнского капитала оставшиеся нарожают новых…»

И совет Кирилла: «Самый популярный способ выживать в России в 2021-м — постараться ни о чем не думать и не задавать себе лишних вопросов».

А раз так, то отложите эту книгу, она вызывает какое-то беспокойство и возбуждение, ну, и мысли: кто виноват? и что делать? Вековые русские вопросы.

А что говорил мудрый Николай Бердяев? «Мы живем в эпоху, когда истину не любят и ее не ищут». Истина все более заменяется пользой и интересом, волей к могуществу. «Если наша эпоха отличается исключительностью, то ложь эта особенная. Утверждается ложь, как священный долг во имя высших целей…»

Николай Александрович Бердяев умер 24 марта 1948 года в Кламаре, под Парижем. В начале 37-х годов Большая советская энциклопедия ругала Бердяева за «национал-шовинистический бред» и «реакционно-мистические фантазии». Ну, и дальше: реакционный русский философ, а этот

«реакционер», по сегодняшним меркам, точно — иностранный агент, писал: «С горечью надо признать, что свобода мысли дорога лишь людям, у которых есть творческая мысль. Она очень мало нужна тем, которые мыслью не дорожат…»

* * *

К 85-летию Людмилы Вас. Щербины «МК» опубликовал с ней интервью и вынес в заголовок ее слова: «У меня на столе лежит книжка “Когда умрут печатные СМИ”, а я верю, что они, как и сама журналистика, будут жить вечно».

Щербина — замечательная женщина и такой же трудоголик, как я. Но, как председатель московского союза журналистов, она обязана сохранять оптимизм. Лично я настроен пессимистически. Как Станиславский: «Не верю!»

Не верит в светлое будущее СМИ и Слава Тарощина. «Наказание родиной. О буйстве запретов всегда и сегодня» («Новая газета», 11 августа)

«Вопрос: “А что запретили сегодня?” — похоже, войдет в сокровищницу вечных русских вопросов…» «Буйство запретов — привычное для отечества явление». Все правители России всегда что-то запрещали. Павел I вел кампанию против слов, заменил «отечество» на «государство»,

«гражданина» на «обывателя», а «общество» вообще запретил употреблять, и дальнейшие цари кого-то всегда боялись: декабристов, народовольцев, бомбистов и т. д. Сталин одним махом запретил все прошлое — с помощью «Краткого курса истории ВКП (б)». А народ в основном находился в состоянии безмолвствия. «Вчера катком давили сыр, сегодня — журналистов». И ничего. И ничего, глотают. Так, слегка поморщились. А привластная служивая публика лишь потирает ручонки, их все запреты и накаты на сыр и на журналистов не касаются. Они умеют только ненавидеть и запрещать.

100 лет назад умер Александр Блок

Раньше я жил по датам, особенно литературным, и печатал календари, кто из поэтов и писателей родился, кто умер. Даты — точные помощники помнить о знаменитых и великих людях, не только о Пушкине, но и, скажем, об Апухтине. А тут в атмосфере пандемии и политических событий и истерик пропустил дату ухода моего любимого Блока. Напомнила «Новая газета». Алексей Поликовский выдал хороший материал, взяв в заголовок строчку поэта: «Все будет так! Исхода нет». И он стреляет в наше

время. Я много раз писал о Блоке, но пройдусь по тексту Поликовского.

О женщинах поэта: «Он хотел изъять из любви тело с его желаниями, потому что чувствовал в животных желаниях пошлость. “Хочется святого, тихого и белого”. Весь мир для него был залит пошлостью, пошлостью плотских желаний и страстей, неизбежной пошлостью постели…»

Все эти пошлые предложения на Невском: «Незнакомочку не хотите?» И тут же в памяти ассоциация с другим поэтом Эдуардом Багрицким: «– А вам не хотится под ручку пройтиться? — Конечно, хотится…»

А Блок «уходил вверх, в утонченный мир чистых строк и символов, а земная пошлость тянулась и поднималась за ним мутным облаком…»

«Жизнь как мерзость, люди как мерзость — это тайный Блок, предпоследний и последний Блок наедине с собой…»

Первые страшные годы Совдепии. Нам не понять, не ощутить всеми собой огромное, ужасное, катастрофическое падение с изысканной высоты Серебряного века в грязь и холод революции. Это — «темно-мордное» время.

К весне 1921 года Блок забыл свои стихи… Те-

перь страданием было — остаться без пайка. И мерзнуть, не достав дров для печки. В отчаянии Блок взял кочергу и разбил статуэтку белоснежного Аполлона.

Из дневниковых записей Блока того последнего года: «Россия все та же — лирическая величина. На самом деле ее нет, не было и не будет…»

А что есть и что будет?!.

Александр Блок умер 7 августа 1921 года, в 40 лет, в мучительном страдании. Его мог спасти выезд за границу на лечение, но до этого дело не дошло. У революции нет жалости. И как писал Блок:

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!

Блок умер 7-го, а в конце августа жестокая власть расстреляла еще одного большого поэта — Николая Гумилева.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию духа купить билет?

Эти строки Гумилева я привел в почти энциклопедической книге «99 имен Серебряного века»

(2007) и заключил маленькое эссе о Гумилеве так:

«Серебряный век кончился, “Индию духа” закрыли и никаких билетов туда не продавали. В этом смысле смерть Гумилева выглядела закономерной».

Сегодня я добавлю, что поэты и творцы для построения тоталитарного государства были не нужны. Нужны были послушные человеко-винтики, работники-гвозди. Трубачи, барабанщики, балалаечники и прочие, пляшущие вприсядку, что и было доказано в последующие сталинские и послесталинские десятилетия, за вычетом краткой оттепели… (13 августа 2021 г.)

* * *

А вот совсем свеженькое mori — по-латыни «смерть». Сергей Адамович Ковалев (2 марта 1930 — 9 августа 2021). Один из авторов российской декларации прав человека 1991 года и 2-й главы Конституции России, в которой говорится о правах и свободах человека и гражданина, первый уполномоченный по правам человека в России, многолетний руководитель организации «Мемориал», ныне признанной иностранным агентом. Один из первых диссидентов в СССР. Человек-

кремень, родом с Украины. «Я всегда находил в себе силы спорить». И защищать свои убеждения, неудобный человек для власти. В декабре 1974 года был арестован. Далее 7 лет лагерей, 3 года ссылки… Его арестовали за антисоветскую деятельность и распространение «Архипелага ГУЛАГ». За что получил прозвище «гаденыш». Нет, он-то был настоящим человеком с большой буквы, гуманист и демократ. А вот те, кто его клеймил, арестовывал и сажал, они-то и были истинными гадами, ядовитыми змеями, тупыми охранителями.

Как сегодня России не хватает таких честных, отважных и умных людей, чтобы отстоять последние остатки свободы, которая тает с каждым днем, как весною снег… А как отметил профессор Владимир Пастухов, уехавший на Запад и работающий в Англии: «От диктатуры люмпен-пролетариата к диктатуре люмпен-элит», — так считает Пастухов в статье о будущем России («Новая», 11 августа).

Нынешний режим — промежуточное звено между посткоммунизмом и национальным государством… «Путин не боится оппозиции, потому что народ не поведется на разговоры о свободе, равенстве и братстве».

Это значит, что народ молчит и жует жвачку госпропаганды, запивая ее пивком. Ну, а интеллигенция, как пишет Пастухов, «как всегда в России, одновременно и страшно далека от народа, и свято верит в него, вместо того чтобы всерьез побороться за массы».

На 100-летие со дня смерти Александра Блока откликнулась «Новая газета» (19 августа):

…Окончен русский бред.
Оборван русский след.
Погашен свет с Востока.
Нет скифов. Сфинксов нет.
За эту сотню лет,
Прошедших после Блока,
Прервав любой обет,
Забыв любой ответ,
Как мы успели стоко?..

Это народное «скоко» от Жванецкого, когда изумленный советский человек, придя на рынок, изумляется ценам: «Скоко, скоко?!»

И от себя: а мрачная власть отвечает: «Терпи, брат, терпи и довольствуйся тем, что предлагают…»

30 лет путча ГКЧП

Юбилей — 30 лет ГКЧП. Роковая дата в истории России: первый разлом Советского Союза. Заговорщики пытались остановить набирающий обороты демократический процесс в стране, но не остановили, а сильно подтолкнули к краху. 8 октября «Новая газета» посвятила началу тех трех дней в августе, 19–21. Специальный выпуск газеты:

«30 лет назад группа товарищей попыталась свергнуть Михаила Горбачева и вернуть в страну страх. Как провалился путч: кооператив “Лебединое озеро”».

«Лебединое озеро» — балет Петра Чайковского, первое исполнение 20 февраля 1877 года, Большой театр. И вот спустя более 100 лет вместо четырех балерин и танца юных лебедей на телевизионных экранах страны возникли хмурые фигуры с тревожными физиономиями заговорщиков: Крючков, Язов, Бакланов, Янаев, Павлов, Пуго, Стародубцев и Тизяков. Не четко и не совсем ясно они сообщили народу о перевороте в стране, причем у вице-президента (номинального по должности) дрожали руки. По картинке они выглядели не как счастливцы, захватившие

власть, а скорее как жертвы, бредущие в сторону плахи… Неумелые заговорщики, без отваги и жесткости, точнее — плюшевые непрофессионалы. Сегодня никого нет в живых из этой восьмерки, хлебнувших сладко-горький напиток заговора. Последним ушел из жизни Бакланов, кажется, 2 июля этого года. Все гэкачеписты были выкормышами советского проекта, который был исторически обречен на неудачу. Кровавый взлет и крушение…

Так случилось, что мы с Ще именно 18 августа отправились поездом в отпуск в Пушкинские Горы и узнали о перевороте уже в вагоне, и в последующие дни слышали лишь обрывочные новости по радио да видели лишь однажды колонну боевых танков, и это тоже произвело впечатление…

Я пытался прочитать все 24 страницы «Новой», а там даже выдержки из допросов гэкачепистов и многочисленных участников и свидетелей путча, но не смог до конца (зрение: читать тяжело), но ясно, что заговор готовился с осени 1990-го, к тому времени руководитель КГБ Вл. Крючков начал «разочаровываться» в Горбачеве. А с выдвижением Ельцина Крючков почувствовал, как у него уходит почва из-под ног, возникла угроза его

карьере и вообще рушилась система ценностей Крючкова…

В субботу 17-го на совещании у Крючкова было решено предъявить ультиматум Горбачеву передать власть Янаеву. 18 августа делегация заговорщиков отправилась в Форос к Горбачеву, но он ее не принял. Утром 19-го по ТВ зачитали воззвание ГКЧП и начался ввод в Москву войск, «Спасать отчизну». А тем временем Ельцин выступил со своим воззванием к народу. Кстати, в ГКЧП не вошел осторожный Лукьянов и отказался еще министр иностранных дел Бессмертных, который предупредил заговорщиков, что Запад перекроет все кредитные линии, и «мы не получим ни зернышка»… Геннадий Янаев куда-то пропал и запил, когда его нашли, то он стал отнекиваться от главной роли и, как вспоминает премьер Павлов, возмущался: «Почему именно я?» Боялся подставиться. Не боялся Болдин, помощник Горбачева, и он, по существу, предал своего босса.

Много драматических и пикантных подробностей изоляции Горбачева в Форосе. 21 августа, спустя 73 часа своего пленения, Горбачев отправился в Москву. Он уезжал в отпуск из столицы СССР, а вернулся уже в другую страну — Россию…

Ал. Проханов винит Крючкова, что он не отдал приказ об аресте Ельцина, и тот «беспрепятственно залез на свой пресловутый танк». «Телевидение мне не дают, радио не дают, поэтому зачитываю обращение…»

Проханов считает, что ГКЧП — это итог огромной секретной операции под названием «Перестройка». Отсюда и «распад великого русского времени», большой метафорист г-н Проханов!..

Ник. Сванидзе в том же номере «Комсомольской правды» 17 августа на вопрос, возможен ли сейчас ГКЧП-2, ответил, что нет, ибо сейчас у власти представители силовых структур и фигуры гораздо меньшего масштаба, чем были тогда…

Не комментирую. Ныне тихо, зачищено и отутюжено, почти Божья благодать. И власть не очень-то хочет вспоминать ГКЧП и дальнейший распад СССР, она увлечена скрепами, чтобы сохранить РФ, и пресекает даже одиночный пикет протеста, на патриотическое воспитание молодежи брошены миллиарды, для того чтобы отечественной истории придать благолепие: никаких трагедий и катастроф, только победы и достижения…

И указующая рука человека-вождя в кепке: «Вперед, товарищи!..»

А если там пропасть? (19 августа 2021 г.)

Нет, надо еще что-то добавить. Два главных антигероя путча: Крючков и Янаев. Типичные совлюди, отнюдь не с Марса.

Главный закоперщик, устроивший весь этот политический хипеш: Крючков Владимир Ал. (2 февраля 1924) — родился в Сталинграде. Шел по прямой дороге комсомольского активиста, дорос до секретаря советского посольства в Венгрии (1954–1959), по существу, наводчик вооруженного подавления венгерского восстания 1956-го. Из МИДа в КГБ в 67-м. И вершина — председатель всемогущего КГБ с 1988-го. Генерал армии. Не одобрял демократическую перестройку в стране, затеянную Горбачевым, и исподволь начал готовить переворот.

Янаев Геннадий Ив. (1937), родился в деревне под Нижним Новгородом. Сын колхозника. Окончил два вуза: с/х и юридический. Карьерные взлеты: председатель комитета комсомольских организаций СССР и возглавлял профсоюзы — ВЦСПС, с 1990-го секретарь ЦК КПСС и член Политбюро, вице-президент. Испытал страх перед ролью первого лица.

Из восьмерки гэкачепистов выпадает Борис Пуго, глава МВД. Его отец Карл Пуго был латыш-

ским коммунистом в годы запрета компартий. Борис Пуго (1937) окончил Рижский политех, но избрал политическую линию — ВЛКСМ, КПСС, КГБ. Был вызван в Москву на пост председателя партконтроля. С декабря 1990-го — министр внутренних дел. Верный человек, крепкий товарищ, но не совсем разобрался в ситуации, к кому примкнуть, что защищать, и после провала путча, 22 августа, в московской квартире покончил жизнь самоубийством, в предсмертной записке написал: «Совершил совершенно неожиданную для себя ошибку, равноценную преступлению. Да, это ошибка, а не убеждения… Знаю теперь, что обманулся в людях, которым очень верил. Все это ошибка».

Борис Пуго сам заплатил за свой промах, не за ту ставку… Захотел быть честным с самим собою. «Последний рыцарь» — так назвал его на «Эхо Москвы» один из участников воспоминаний о том далеком августе.

Признание своей ошибки для советских начальников любого ранга вещь редчайшая. «Це не мы!» — раздается почти каждый день. Виноват не министр, не губернатор, не чиновник. Ошибаются и совершают преступления кто-то другие. А мы чистенькие и честные с украденным чемоданом

денег, никто не хочет признаваться и каяться…

Но что мы говорим о плохих людях, о мерзавцах и мошенниках, о ловчилах и прилипалах, о всякой нечисти и шантрапе.

В те августовские три дня 1991-го на улицы вышли сотни тысяч хороших людей, жаждущих перемен к лучшей жизни. В Москве погибли в результате путча трое: архитектор Илья Кричевский, афганец Дмитрий Комарь и экономист Владимир Усов. Три обычных гражданина, которые вышли защищать свободу и демократию…

Сегодня, спустя 30 лет, высказываются различные версии и оценки событий августа 91-го. В номере «МК» 19 августа Александр Ципко щегольнул заголовком «Русский путч — бессмысленный и беспощадный. Две правды августовской революции 1991 года». Две правды? Может, больше? Порыв к свободе и боязнь свободы? А властолюбие отдельных сильных фигур? Жажда власти — это ведь тоже мотор исторических событий. И закончу детской песенкой: «То ли еще будет? Ой-ой-ой!» (20 августа).

Думал, точка. Нет, 23 августа «МК» выдал еще полосу: «Августовский путч: заключение». Интервью со следователем-криминалистом Следственного комитета России Владимиром Соловьевым,

ныне на пенсии. Он вел следствие и допрашивал заключенных гэкачепистов в «Матросской Тишине». Вот отдельные факты и фактики.

Почти все поначалу пребывали в шоке: вершина власти — и вдруг тюрьма и расстрельная статья! Потом начали рассказывать, их «раскалывал» Соловьев. Варенников кочевряжился и уповал на свои заслуги. И получил: «Генерал, вы провели свою последнюю военную операцию и теперь сидите в тюрьме. Так что вы не генерал Победы, вы в тюрьме, и я, старший лейтенант, вас допрашиваю. Вы генерал проигранной войны». И генерал армии Валентин Варенников увял.

У премьер-министра Павлова при обыске квартиры нашли сотни подарков: чемоданы-дипломаты, а в них дорогие коньяки. Но сам Павлов имел пристрастие не к французским коньякам, а к чистейшему русскому самогону, недаром у него нашли брошюру о самогоноварении. В первый день путча, когда в Москву входили танки, Павлова и Янаева не могли найти: оба были пьяны вдребадан…

Маршал Язов, будучи в тюрьме, просил Горбачева простить его, «старого дурака». Язов искренне каялся, что ввязался в эту авантюру, но — измена родине, расстрельная статья. Но в

результате каких-то таинственных движений наверху расстрел не состоялся. Кто решил так — неизвестно. Следователь Соловьев отмечает, что «это живые люди, и в конце XX века на плаху вести их нельзя…».

А мучить, издеваться и пытать в тюрьмах простых людей можно? Или у начальников и в тюрьмах привилегии? Господи, наивный вопрос. Тысячелетия живут повсюду люди в тисках несвободы и только мечтают о справедливости и о правах человека. А мечты реализуются лишь в песнях. До войны советские люди с гордостью пели: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Какая превосходная лапша на уши (текст песни Лебедева-Кумача). Особенно вольно дышалось в лагерях ГУЛАГа безвинным людям. Вот и сегодня та же лапша: на 800-летии Нижнего Новгорода овации, салют, фейерверки… никаких проблем. Никаких несправедливостей. Кто-то верит, а кто-то горько смеется.

25 августа. Среда, 12:55. За окном солнце и пожухшая и поредевшая листва деревьев. Не жарко. Прохладненько, до +20. В смысле погоды все нормалек, не пожары в Якутии. Но на душе противно: послушаешь «Эхо» — «Слухай, эхо»,

откроешь «МК» или «Новую газету» и — тошно. Какой накат на свободу и права человека, такая свирепая ненависть на все человеческое разлита в воздухе, что диву даешься! Это куда мы пришли? К воротам ада или туда уже вошли?..

Не я один в недоумении, в возмущении. Поддерживают коллеги-интеллигенты. Молодой Александр Мельман в сегодняшней «МК», ядовитые заметки об иностранных агентах:

«Они хорошо устроились, эти ребята из власти: чуть что, лепят лейбл “иноагент” — и дело с концом. Черная метка, желтая звезда, а теперь носи ее».

Выходит, журналистика разрушает эту нашу страну. Потому как страна от таких разоблачений может не выдержать, рассыпаться, как карточный домик, как Советский Союз. Так чего стоит тогда эта наша страна?

«Нормально все, что выгодно пролетариату», — говорил Ленин. Эти нынешние переиначивают: нормально все, что выгодно нам. А тот, кто мутит воду… нет, еще пока не к стенке, но свою черную метку получите, пожалуйста. А еще Ленин говорил: «Революция ничего не стоит, если она не умеет защищаться», хоть они и защищаются, только у них контрреволюция.

Это делается постепенно, не сразу… Вот так, не спеша, и дошли до 37-го года.

Я не пугаю, я просто размышляю, но опять же по Ленину: видя, что происходит, хочется криком кричать: отечество в опасности! Ваше отечество, наше.

И портретик Ленина в кепке с его пророческими словами, очень актуальными в 2021 году. Мудрый был вождь и беспощадный…

А в этом же номере в рубрике «Лучше не думать» сатирический комментарий Александра Минкина (1946, Москва, роддом им. Клары Цеткин): «Я — иностранный агент-диверсант»… Вот начало:

«Иностранные агенты буквально заполонили Россию. Множатся с ужасной быстротой. Они заразны гораздо сильнее, чем проклятый ковид… поводом могут быть несчастные 10 рублей, кем-то перечисленные с Запада, — и поэтому сразу агент! А кругом все иностранное: “Когда я покупаю русский хлеб, даже думать не хочется, что в него подмешали иностранные дрожжи…”, это значит, что я постоянно инвестирую в чужую экономику и не могу остановиться. Я публично каюсь через газету… прошу считать это явкой с повинной».

И третий материал из «МК» от 25 августа. Заслуженный учитель РФ Евгений Ямбург в «Свободной теме»: «Утомленная Клио вновь с отчизной прощалась, и история в России стала лженаукой», возврат к сталинскому краткому курсу? Создана межведомственная комиссия по историческому просвещению во главе с Мединским. Ямбург цитирует бельгийского историка Антона ле Бейтса, который ввел понятие «преступление против истории», которое включает:

— разработку законов, препятствующих развитию гражданского общества, ограничивающих свободу выражения мнений по разным вопросам истории;

— создание атмосферы нетерпимости, страха среди независимых историков;

— ограничение доступа к архивам;

— ужесточение ограничений на памятные и другие публичные мероприятия;

— клеветнические кампании, преследующие историков…

Боже мой, как все это узнаваемо в «нашей чудной стране». А еще приводит цитаты из эссе Умберто Эко «Вечный фашизм». Его признаки:

— во-первых, это культ традиции, опора на консерватизм и анти-просветительские законы,

то есть фактический запрет на развитие знания. Антиинтеллектуализм в сочетании с культом действия, то есть прокламированная ненависть к мыслям, рефлексии, сомнению — при громогласном воспевании простых, монолитных, результативных людей с крепкими кулаками;

— во-вторых, культ иррационального…

— в-третьих — ксенофобия…

— в-пятых, для фашизма характерен культ количества в ущерб качеству, массы — в ущерб единице. Самая большая территория, самая массовая партия, самые дорогие торжества, праздники…

Короче, в колонке «МК» фашизм сопоставлен со сталинизмом. Какой ужас!.. Но кончается текст Ямбурга ссылкой на Евангелие от Матфея: «Имеющий глаза, да увидит, имеющий уши, да услышит».

Не хочу читать и слышать о политике, но она назойливо лезет отовсюду.

Кирилл Мартынов, «Новая», 5 августа: «На страну опустилась стабильность репрессий… Наша общественная стабильность все больше напоминает кладбище, по которому бродит вооруженный человек. Государство одиноко, и скоро ему больше некого будет преследовать…»

Не знаю, по какой ассоциации, но вспомнилась популярная песня Александра Новикова «Вези меня, извозчик». К первой строчке я приписал свой вариант, и вот что получилось:

Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой,

А если я засну – будить меня не надо.

Я точно знаю: жизнь отнюдь не шоколад,

Боль, слезы и страданий горький ряд,

И нет в душе покоя, ну, никак…

Ну, и дальше покатил, по выражению Ильи Ильфа, «потный вал вдохновения» и пошли другие строчки в другом ритме, с каким-то гумилевским отсветом:

Не берите меня на испуг,

Я с открытою грудью иду.

Не сегодня, так завтра – каюк.

И, наверное, в ад попаду…

В этом есть что-то от Гумми. Он был яркий, заносчивый и насмешливый. 100 лет назад, 3 августа 1921 года, Гумилева арестовали, он несколько дней провел в общей камере на улице

Шпалерной. Писал стихи, играл в шахматы и читал Гомера. 26 августа его убили подручные новой власти из ведомства зловещего Феликса.

Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы – смешные актеры
В театре Господа Бога.

Так представлял жизнь Гумми, Николай Степанович Гумилев. Ну, а в роковом августе ушли не только Блок и Гумилев, но много других драматических и трагических событий произошло в России, не считая ГКЧП. Год назад, 20 августа 2020 года, был отравлен боевым ядом «Новичок» оппозиционный политик Алексей Навальный. Он посмел не только не умереть, как написал «Собеседник», но и с блеском разоблачить своих убийц.

15 лет назад, 7 октября, подло убили замечательную журналистку и критика режима Анну Политковскую, и этот скорбный перечень все увеличивается и увеличивается. А ныне убивают в целом свободную журналистику, не пулями, а иезуитским законом о СМИ.

Стоп-стоп! Опять заехал не туда, «Что-то кони мне попались привередливые…»

29 августа, воскресенье. А о чем писать, если слушать и смотреть на этот безумный мир? Кажется, у Игоря Волгина есть строки:

…Милая, выруби этот дурдом.
Дуй за заначкой.
Или еще перечти перед сном
«Даму с собачкой».

Дама с собачкой — это успокаивает и тешит взор, а вот маньяк с ядерной кнопкой или, если сузить масштаб, дебил-полицейский с дубиной, то это не есть хорошо…

А листая дневник 30-летней давности, завидки берут: читали много книг, ходили в театр, на выставки, вращались среди людей, жизнь бурлила вовсю, да все время планировали поездки на Запад. Все это куда-то ушло, кануло. Возраст подкосил: ноги, зрение, слабость, и Сокол далеко, вроде Монте-Карло или Флоренции. И плотная дружба с диваном, приляжешь и отдохнешь. От чего? От напечатанной странички в 4-й том? Грустно все это, грустно. И никто не поможет, и ничего не поделаешь, как я ныне говорю: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, к которой надо привыкать…

А на планете бушуют пожары, то там, то здесь наводнения. ЧП следуют одно за другим: в Под-

московье, под Кубинкой, потерпел крушение опытный образец самолета Ил-112В. Разбились летчики-асы… На Камчатке крушение туристического вертолета. В итоге он рухнул на дно Курильского озера, и, конечно, жертвы… Грандиозное событие: талибы захватили Кабул, в Афганистане теракты, взрывы, сотни жертв.

«А у вас? А у нас в квартире — газ», — был такой стишок в моем детстве. В августе в Воронеже взорвалась бомба в автобусе. А школьников ждут уроки виртуальные патриотизма. Дмитрий Попов в «МК», 26 августа: «Растраты, воровство, аферы, махинации. О какой духовности и нравственности можно говорить, если само социально-экономическое устройство государства просто по определению предполагает отсутствие духовности и нравственности? Когда единственный Бог — это деньги?..»

Деньги и новый кумир истории — Александр Невский. Середина XIII века — какой простор для необходимых мифов! Мы переживаем турбулентное, заковыристое настоящее, полное тревог и неожиданных кульбитов. Будущее покрыто туманом и совсем непредсказуемо, но зато прошлое России — оно великолепно (согласно новой мифологии). Освободились от татаро-монгольского

ига, победили немцев в Великой Отечественной, победили французов и дошли до Парижа, а какие герои и лидеры: князь Владимир, Александр Невский, Иван Грозный, Петр I, Сталин, — дух захватывает, не устаем гордиться и восхищаться. Какие скрепы! Жаль, настоящее немного подвело, все рейтинги катятся вниз, но напряглись и выделили пенсионерам аж 10 тысяч за всю пандемию, великая щедрость, и катятся слезы умиления от такой отеческой заботы. «Единая Россия» — партия, как мать родная. А вот эти злопыхатели иноагенты считают, что это партия воров и жуликов.

В «Новой газете» от 3 августа приведен плакат народного творчества «Воруешь? — Патриот. Протестуешь — иностранный агент».

И эти 10 тысяч навязли на зубах — аттракцион неслыханной щедрости. «Собеседник», 24 августа: «Скучно заниматься однообразным критиканством, надо похвалить то, что безоговорочно хорошо» — и заголовок комментария: «Российская власть безальтернативна, как смерть».

Вот это выверт, ну, прямо как антраша в балете — прыжок, и ножка ножку бьет. И текстовое подтверждение из «Новой» (25 августа):

«Невский вместе с Иваном Грозным и Стали-

ным должны символизировать псевдомемориальный “дух нации”».

И еще цитата: «Российские новости переполнены средневековьем, как если бы Невский получил ярлык на великое княжение от современного Кремля». Ледовое побоище в XXI веке — захватывающее шоу.

30 августа. Вышла очередная «Новая». Кирилл Мартынов открыл газету статьей «Рождение иноопричнины. Выборочное применение законов про “иноагентов” как признак сословного государства». О деградации качества принимаемых законов… Ну и, конечно, Быков:

Спасибо, Господи, спасибо
За то, что я еврей –
Доисторическая рыба
Из высохших морей,
Былого замысла осколок,
Как Ездра говорит,
Читатель, жрец, халдей, астролог,
Твой прежний фаворит…

Признаюсь: в моих книгах много цитат канонических, разговорных и стихотворных. И что

есть ЦИТАТА:

Мишель Монтень, французский эссеист (1533–1592), утверждал:

«Если я цитирую других, то лишь для того, чтобы лучше выразить свою собственную мысль».

Польский сатирик Станислав Ежи Лец: «И Бог говорил цитатами».

Я широко пользуюсь цитатами, особенно теми, которые комментируют исторические события, и особенно текущие, только с целью, чтобы доказать самому себе, что я так думаю или считаю, как и другие — народ, интеллигенция и отдельные уважаемые лица — журналисты, писатели, деятели культуры, оппозиционеры… Я не одинок в своих мнениях и оценках, и моя критика режима — не вопль одинокого заблудившегося путника в песках. Прямо как по давнему своему стихотворению «Как два бедуина в пустыне…». Просто голосующих «за» и орущих «ура!» значительно больше.

Продолжу цитирование. Ирина Петровская, «Новая газета», 20 августа: «Журналистика. 30 лет спустя. Почему победители остались побежденными. Почему все так хорошо начиналось и так плохо кончилось?»

…Это когда журналисты легли под ельцинскую

команду, в 96-м, это был гвоздь в крышку гроба. Андрей Васильев констатирует: журналистика превратилась в обслуживающий персонал — официанта, бармена, уборщицу… Нет контроля над властью. Да и общества-то нет как такового…

Действительно, общества, солидарного и сплоченного, нет. Его все время раскалывают на части, чтобы легче режиму им крутить и вертеть, ну, а несогласных и протестующих сажать. И не случайно в ТВ-программе «Три аккорда» популярны тюремные и лагерные песни вроде такой:

А забор высокий не пускает,
Проволока в несколько рядов,
Конвоиры ходят вдоль забора,
И собаки рвутся с поводов…

Зал сочувствует и аплодирует, песня ведь не про далекие планеты, а про нашу грешную многострадальную Россию…

В «Трех аккордах» звучат песни рыдательные, рвущие душу, времен Гражданской войны:

Не нужно грустить, господа офицеры,
Что мы потеряли, ничем не вернуть…

А далее строительство социализма с неизменным ГУЛАГом.

На море спускался туман,
Ревела стихия морская.
Вставал впереди Магадан –
Столица Колымская края.

Виктор Шендерович посетил эти края и удивился историческому определению нынешней власти, что это край «трудовой доблести и славы». Господи, кругом цирковые кульбиты! Так извратить память бедных трудяг-заключенных…

Но не хочется петь боевых песен типа:

Эх, бей, моя винтовка, метко, ловко,
Без пощады по врагу!
Я тебе, моя винтовка,
Острой саблей помогу!

(сборник «Песни Страны Советов», 1940)

Нет, не надо. У меня в руках мирная шариковая ручка. Я открываю другой сборник «Песни. В нашу гавань заходили корабли» (1996).

Тут уже совсем другие песенки с иностранным прищуром. Вот одна из них из моей стиляжьей молодости:

В Кейптаунском порту
С пробоиной в борту

«Жанетта» поправляла такелаж.
Но прежде чем уйти
В далекие пути,
На берег был отпущен экипаж…

И матросы идут на берег: «Они идут туда, / Где можно без труда / Достать себе и женщин, и вина, / Где пиво пенится, / Где пить не ленятся, / Где юбки новые трещат по швам…»

Печатал на «Олимпии» и напевал про «Жанетту» и ее лихих моряков. Вспоминал свои молодые годы и некоторую лихость по части «женщин и вина». «Неужели это все было?» — думал я, еле подымаясь утром на 4-й этаж с небольшой сумкой, где были хлеб, масло, виноград и шоколадные вафли…

Три аккорда отзвучали. Хватит.

1 сентября.

Дай оглянусь. Простите ж, сени,
Где дни мои текли в глуши.

Это из «Евгения Онегина». Почему он возник? Да, в связи с 75-летием Александра Минкина. И хочется узнать, как живет, что делает и что думает молодежь (молодежь в кавычках). Минкину 26 августа исполнилось 75 лет (он с 1946-го). «МК»

посвятил ему целую полосу «Минкин и наше все». Он заслужил. Работает в «МК» 43 года! (Я б столько не смог, я тяготею к переменам.) Начинал как театральный критик и занимался Чеховым, написав исследования о «Вишневом саде» и «Чайке». И 8 лет занимался, отдыхая от публицистики (писал даже в «МК» письма президенту), литературоведением, и в итоге создал роман о Пушкине — «Немой Онегин». «Фехтуя Набоковым, Лотманом, Белинским, расчленяя Дмитрия Благого — доказывая с текстом в руках, сколько ими всеми написано белиберды по поводу как Пушкина, так и его героев. Никакого трепета и страха авторитетов..» (Алла Боссарт).

Минкин совершал подвиги в литературоведении, а критика молчала. О «Немом Онегине» была написана единственная рецензия, да и то спустя 3 года. Такая же история и со мной: о трехтомнике эмиграции — лишь две рецензии. Ирина Павлова в своем дифирамбе о Минкине пишет: «Возможно, причина в том, что раньше была культурная среда и обмен информацией внутри нее. Теперь — ни среды, ни информации. Бедное сердце автора!..»

«Немой Онегин» — это подвиг Александра Минкина, и я восхищаюсь им, седовласым и

благородным рыцарем литературы. Дай Бог ему здоровья!..

31 августа — 70 лет кинематографисту Алексею Учителю (1951, отец — документалист Ефим Учитель). Алексей работает в документальном и игровом кино — первая картина «Мания Жизели» о балерине Ольге Спесивцевой. И еще ряд фильмов, в том числе нашумевшая скандальная «Матильда». Режиссер Алексей Учитель — трудоголик, как и я. Сам снимает и учит молодежь, даже во время заболевания ковидом консультировал студентов. «Круговерть у меня всегда», — признается Учитель. Вот и я, за вычетом двух последних лет, был весь в круговерти. Последняя идея Учителя — фильм о Шостаковиче, над которым интенсивно работает. Боится двух вещей, «чтобы вдруг не увидеть на экране, что повторяю самого себя, и чтобы, не дай Бог, вручили бы мне приз за заслуги в кинематографе…».

Я понимаю: нынешние награды и премии — это знаки верноподданства и сервилизма. Минуй нас, барская любовь!..

45 лет — Олегу Сенцову (13 июля 1976). Украинский писатель и кинематографист. В мае 2014-го был арестован, выпущен из тюрьмы в сентябре 2019-го. Не признал «Крымнаш». Считает, что «ге-

рои очень нужны, но мертвые. Живые неудобны и вечно разочаровывают…». По поводу прессинга властей и посадок, Сенцов: «Люди понятия не имеют, как быстро они скурвливаются и какие они сволочи. Но трудно их упрекать…» И еще одно высказывание Сенцова, как вулканическая лава: «Если Навального там не убьют, он станет президентом» («Собеседник», 1 сентября).

Неюбилейный Дмитрий Быков, 53 года (20 декабря 1967). В том же номере «Собеседника», где Сенцов, комментарий «Агенты нормы». По мнению Быкова, в современной России все занимаются чем-нибудь противозаконным, законного ничего не осталось. «Одни выполняли преступные приказы. Другие участвовали в коррупционных схемах. Третьи распространяли лживую пропаганду, четвертые ходили по квартирам, предлагая написать новое заявление на Навального. Пятые имитировали трудовую деятельность в офисах, душили свой или чужой талант и вообще всеми способами старались не допустить будущее. И только две категории населения окажутся неподсудны, поскольку делали единственно полезное, естественное дело: те, кто учился, и те, кто учил».

Я пишу и продолжаю учиться…

2 сентября – 89½ ЛЕТ

Да, полгодика еще — и грохнет 90 лет. С одной стороны, достижение, не всем удается дотянуть жизненную лямку до столь почтенной цифры. Но с другой стороны — тихий ужас и страшный вопрос: а что дальше?!. Но не будем рисовать картин в стиле Босха. Будет то, что будет. И переменим тему.

3 сентября исполняется 80 лет Сергею Довлатову. Он закончил счеты с жизнью 24 августа 1990 года в Нью-Йорке, на пороге 49 лет. Боже, какой молодой! Эссе о Довлатове «Соло на ундервуде» я завершил книгу о современной литературе «Опасная профессия: писатель». Опасная, скользкая, ухабистая, где можно упасть и не подняться: то ли государство замучает и убьет, то ли коллеги по цеху затравят или высокомерно не заметят. Мне это чуточку знакомо. Довлатов хотел и умел писать, но не был признан в новом ленинградском журнале «Аврора», который стал выходить в 1969 году. Довлатов не входил в неофициальный список ленинградских гениев, и никто Довлатова не принимал за писателя. Можно было услышать такой отмах: «А-а, Довлатов!..» Как вспоминает

редактор «Авроры» Елена Клепикова: «Сережа был для них никто».

И этот «никто» уехал в Америку и вскоре стал знаменитым, а посмертно — одним из лучших русских прозаиков XX века, утер нос всем ленинградским гениям, за исключением, конечно, Иосифа Бродского. Ныне о Довлатове снимают документальные фильмы, пишутся воспоминания, издан путеводитель «Ленинград Довлатова», есть сквер Сергея Довлатова, есть даже памятник его любимой собаке Глаше. И, конечно, море изданных книг, не романов, а рассказов, как написал писатель Валерий Попов: «Хлебнешь рюмку довлатовской прозы — и можно жить дальше. И ты не просто живешь — ты дышишь духовной свободой».

В Ленинграде, на улице Рубинштейна, 3, всепокоряюще стоит памятник Сергею Довлатову. И обязательно надо привести немного ароматных и ироничных цитат писателя:

«Талант — это как похоть. Трудно утаить, еще труднее — симулировать».

«Эпоха возраженья».

В 23 года Сергей Довлатов в письме написал отцу: «За десять лет сознательной жизни я понял, что устоями общества являются честолюбие,

страх и продажность. Или выражаясь языком поэтическим:

Земля стоит на трех китах:
Продажность, себялюбие и страх.

«Человек, как моральный представитель фауны, труслив и эгоистичен…» (12 октября 1964 г.).

Разговор из трех фраз:

— Какой у него телефон?

— Не помню.

— Ну, хотя бы приблизительно.

Это Довлатов. Он писал не приблизительно, а снайперски точно.

* * *

4 сентября, суббота. С утра +9, но солнце выныр-нуло из-за туч и осветило осенний пейзаж. По песне: «Осень. В небе жгут корабли…» Не только корабли, но многое чего. Нескончаемый поток уходящих.

В 74 года скончался знаменитый нападающий «Баварии» и сборной Германии Гердт Мюллер, в последние годы страдал болезнью Альцгеймера. На счету форварда 366 голов. И вот судьба нанесла точный удар по воротам Мюллера… На 74-м году умер легендарный советский нападающий в хок-

кее Владимир Шадрин… Потеря в мире музыки — ушел из жизни «отец Сиртаки» греческий композитор Микис Теодоракис в 96 лет. Эмигрировал от «черных полковников», а потом, когда их скинули, вернулся на родину. Славу Теодоракису принесла музыка к фильму «Грек Зорба».

Господи, зачем я об этом пишу? Какой-то энциклопедический зуд.

Ушла и родственница — Лида Кузнецова, 80 лет. Два месяца пролежала в больнице, и не спасли, и два месяца на связи был Борис и подробно рассказывал, как ее лечили. А я сочувствовал и поддерживал его. На большее способен не был. Мы с Ще, оба, живы из последних сил. И нет обложки и верстки, последнего спасительного лекарства.

Грядут выборы в Думу. Почти всех оппозиционеров не допустили к выборам, и едиными рядами шагают единороссы, плюс якобы конкуренты из других партий — дедуля Зю, не утративший крикливость Жирик, что-то изображающий, но практически никакой Миронов и т. д. Рвутся в первый политический ряд Лавров и Шойгу. А где молодые, умные, перспективные политики? Их нет. Громыхает только старая колымага, а в ней персонажи лживо-обманной пьесы. И пьесу снова

поставят, и народ, как пассивные зрители, будет ее смотреть и чертыхаться: «Как все надоело!»

Скептик Владислав Иноземцев в статье «От единой России — к общей» («Новая», 1 сентября) с горечью пишет, что «никто и ничто не избавит нас от новой, еще более сервильной и более агрессивной Государственной думы».

«В России нужно “смести с доски” все фигуры и начать новую политическую реальность».

Надо. Но как? Навальный в стране один. Его единомышленников всего лишь горстка, интеллигенция онемела от страха арестов и преследований, народ безмолвствует. У режима мертвая хватка, от власти не оторвешь. И что? Ждем-с у моря погоды…

Все, закрыли тему. А может, попить чай с вареньем, как советовал Василий Васильевич Розанов?..

Розанов из Серебряного века. Сколько там философов, мыслителей, публицистов: Бердяев, Гершензон, Лосский, Владимир Соловьев, Степун, Франк, Шестов и другие, нельзя не вспомнить блистательный сборник «Вехи», где о России, о ее народе и интеллигенции было написано столько справедливых и горьких слов: что все нынешние «мыслители» просто пигмеи по сравнению с

серебристами. А я тихо горжусь, что в нулевые годы издал сборник эссе «99 имен Серебряного века» (2007), в котором хотя бы немного окунулся в бездны русской философской и литературной мысли и рефлексии.

И Бог велел вспомнить Марину Цветаеву.

Цветаева мужественно сумела определить, что ей нет места в этом мире, и, в частности, в Совдепии:

На твой безумный мир

Ответ один: отказ…

«Я не хочу умереть, я хочу — не быть». Вот ответ Цветаевой, вернувшейся в Советскую Россию эмигранткой, которую не приняли и отторгли. Ее талант был ненужным и опасным для власти. И 80 лет назад, 31 августа 1941 года, в Елабуге, Марина Цветаева закончила счеты с жизнью самоубийством.

Отказываюсь – выть.

С акулами равнин

Отказываюсь плыть –

Вниз – по теченью спин…

И крик отчаянья Марины Цветаевой:

Жизнь – это место, где жить нельзя:
Еврейский квартал…

После Цветаевой писать о персонажах и фигурах категорически не хочется, тем более о чудовищах и людоедах, вроде Лукашеску, и о других более крупных авторитарных товарищах и самодержцах. Если не Гаага, то божеский суд будет обязателен.

Начал печатать утром, большой перерыв, и вот уже 18:10, солнце медленно падает за крышу высокого дома. И скоро — «Спокойной ночи, малыши и россияне»…

* * *

7 сентября. Тону в событиях — радио и газеты, и тошно их перечислять. Афганистан. Радостное улюлюканье наших патриотов в связи с позорным поражением и выходом американцев из Афганистана. Лакомое слово «бегство», а вот мы-то уходили из Афгана со знаменами и музыкой. Вторая тема: выборы в Думу. Памфилова на голубом глазу твердит о честных и прозрачных выборах, а идет зачистка оппозиционеров и просто честных кандидатов, и грязные реки лжи и фальсификаций текут и текут.

И удивляет ВП своим «знанием» российской истории: с его подачи Малюту Скуратова хотят канонизировать, как верного стража и защитника государства и царя. Сущий образец для нынешних силовиков.

Я не поленился и достал Энциклопедический словарь (1996), а там справочка:

Скуратов — Бельский Григорий Лукьянович (рождение — 1573, погиб в бою в Ливонии). Из дворян. Приближенный Ивану IV. Глава опричного террора. Участник убийств князя Владимира Старицкого, митрополита Филиппа и др. В 1570 руководит карательным походом на Новгород… По Путину: «А может, мимо проезжал?..»

Малюта Скуратов — нынешняя скрепа власти, ну, что тут скажешь, какая галерея защитников самодержавного строя — от Малюты и Аракчеева до Дзержинского, Ежова, Берии и многих других верных царедворцев-силовиков. Равнение на Малюту! И веселился, славный росс!.. Нам Запад с его гнилой демократией и разнузданной свободой — не указ! Мы в кольце врагов, нам бы отбиться и удержаться до завтрашнего дня. И низкий поклон Григорию Скуратову-Бельскому.

Закроем тему. Перейдем к действительному положительному персонажу — Александру Но-

викову (1953 года рождения). Тут на днях перед «Тремя аккордами» был показан документальный фильм о нем. Молодежный кумир 70-х. Был осужден и сослан в лагерь за колючие песни, имеющие «растлевающее влияние» на молодежь. Не за родину и партию — за патриотизм, за любовь и что-то личное, а это — растление, вот логика власти. В 1990 году Новиков вышел на свободу и дал триумфальный концерт из запрещенных песен, за которые его и посадили. Словом, «вези меня, извозчик, по гулкой мостовой…».

Полез в книжный шкаф и натолкнулся на книгу Максима Кравчинского «Песни, запрещенные в СССР» (2008) с краткими биографиями авторов и исполнителей песен. Галич, Розенбаум, Аркадий Северный — да, знал и напевал. А сколько мне неизвестных имен: Сорокин, Алик Фарбер, Саша Комар и другие. Замечательная и вкусная тема, но как плохо, бездарно написанная, да еще плохо читаемый мелкий шрифт, — измучился. Кажется, когда-то купил и по какой-то причине прочитал. Сейчас полистал с разочарованием, блекло написано, мало приведено текстов песен, и вообще, пожалуй, самое интересное: запрет московского градоначальника генерала Андросова концерта «Песни каторжан в лицах»: «…проводить не

дозволено».

111 лет прошло с тех пор, и все «не дозволяют», запрещают, отменяют, штрафуют, арестовывают и прочие прелести самодержавия и власти.

Ни-зя! И жаловаться некому. Кругом глухой бетон.

А как не вспомнить популярную и запрещенную «Мурку»:

Здравствуй, моя Мурка, Мурка дорогая,
Здравствуй, моя Мурка, и прощай!
Ты зашухерила всю нашу малину,
А теперь «маслину» получай…

Ах, моя послевоенная юность: двор, блатные песни, девочки и желание какой-то свободы, которой не было. У многих была своя «малина», я тоже много знал отсидевших и вернувших парней, но в их среду, слава Богу, не прописался. Еще пару лет — и стиляга, танцы, танцзалы. Отсчитаем десяток лет — и увлечение Западом: французское и итальянское кино. Шикарные красотки — клубника с грудями! — и герои-любовники Ален Делон, Мастроянни, Бельмондо. Увы, последний не попал в мою книгу «Кино.Story. Взлеты и падения звезд» (2006). Бельмондо умер на днях в возрасте 88 лет. Лихой мужчина, брутальный, с

перебитым носом, но зверски обаятельный. Кстати, его роли дублировал Николай Караченцов. В нулевые Бельмондо перенес инсульт, и на этом его блистательная карьера прервалась, последний его фильм «Человек и его собака», а кто еще может быть рядом?..

В последнем «Собеседнике» на развороте интервью с Сергеем Никитиным, композитором и исполнителем песен со своей женой Татьяной. «Собака бывает кусачей от жизни такой собачьей…» Никитин живет в Америке (Боже мой, сколько их уехало!), жалуется, что в России его не показывают на ТВ, где «засилье низкопробной попсы».

Никитинские песни «культуры, души и мыслей». Ничего этого режиму не нужно, только вера, преданность и патриотизм. Верить в лапшу на уши. Сергей Никитин: «Если власть лжет, то я против нее» (8 сентября).

А кто власть? Помимо кооператива «Озеро» и созданной корпорации, еще куча властных органов, к примеру, думаки. «Новая» от 8 сентября поместила материал «Смотрите, кто» (была такая пьеса: «Смотрите, кто пришел»). В газете дан рейтинг самых богатых кандидатов — политических толстосумов. А самые богатые в «Единой России»,

на первом месте — самый богатый — Андрей Горохов, доход — 7,5 млрд рублей. И это вам не шут гороховый, а богатей из богатеев, ну, и далее: Кошелев, Нечаев и т. д. И так во всех главных партиях — КПРФ, ЛДПР и т. д. Перечислять тошно. Они правят, они принимают или лоббируют законы, они — сытые буржуа, против которых восстали в октябре 1917 года рабочие и крестьяне (так красиво было сказано в учебниках), и вот победили: даже в КПРФ блистают богатые — 212 человек указали свой миллионный доход. А сколько скрыли?..

Фу, хватит! Лучше о себе, любимом и стареющем. Дошли до Сбербанка — это маленький подвиг, получили пенсию и господачку по 10 тыс. ре. Благодетели! А на днях пришли из Мосэнерго: надо срочно менять счетчики. Мол, устарели, — как нам, не ведающим, проверить? Пришлось выложить 19 тыс. ре. И еще из мира денег: пару месяцев назад или больше заблокировали карту «Пятерочки», обнаружили в сетях магазинов воровство и пошли проверки. Повис наш остаточек — 7 с чем-то тысяч, но обещают разблокировать… Короче, в новом цифровом мире людям за 80 разобраться трудно… Кругом какие-то электронные аппараты и, как иронично признался Александр

Вулых в «ЛГ» под Сергея Есенина:

Никогда я не был на «Фейсбуке»!
Ты меня не спрашивай о нем.
Что за радость в клавиш перестуке?
Пусть горит сиреневым огнем!

Фейсбук, Ютуб и прочие китаизмы не для меня. Я опоздал учиться и переходить на новые технологии, отчего и страдаю: машинка, лента, буквы не пропечатываются, не работа, а одно страдание. Пришлось прибегнуть к поэтическим строчкам:

Я – дремучий человек
Из 6-го, что ли, века.
Для меня компьютер или сеть,
Как веревка или плеть.
Ничего не понимаю,
Ничего не нахожу
И от страха затихаю,
В жизни, как в лесу, брожу.
Жу-жу-жу…
Я, наверно, заблудился
И, кажись, уже пропал.
Коршун надо мной кружился

И гневливо рокотал…
Братцы, братцы, помогите
Мне вернуться в новый век
Иль записочку прочтите
И пошлите на возврат
Неподъемный ныне чек…

Как написали обо мне в одном из интервью: «Человек без интернета». Компьютер стоит, пылится, я в нем ни бум-бум, а Ще не может помочь из-за зрения. Жалоба турка… Но что мои проблемы, когда на просторах России и Беларуси тысячи людей подвергаются репрессиям и насилию, и их жизни топчут сапогами. «Новая газета» от 8 сентября, на обложке «Мария. Знак»: «Отправив Марию Колесникову и Максима Знака в колонию (Марии — 11 лет заключения, Максиму — 10 лет) на долгие годы, Лукашенко думает, что победил, но это не так. Это история о силе зла и бессилии добра. Всем все понятно, и никто ничего не может сделать». Жестко и точно написал комментарий Алексей Поликовский, и кое-что надо обязательно перепечатать для истории, для тех, кто хочет разобраться в современных событиях:

«Ее судили за причинение вреда госбезопасности… Вред безопасности причинила женщина,

играющая на флейте, красивая женщина с яркими губами… Ее судили за создание экстремистского формирования, обвинили в заговоре с целью захвата власти неконституционным путем… Суд был закрытый… Они называют государством захватившую его банду, и расправу называют судом…

В центре Европы выживший из ума человек, наделенный утробным инстинктом власти, захватил в заложники целый народ, бросил Марию в тюрьму — и никто ничего не может сделать. Америка ушла в себя. Евросоюз отводит глаза. Германия занята выборами. Франция озабочена событиями в Афганистане. Швеция привыкла к спокойной жизни… Йоко Оно устала, а папа римский не вмешивается в политику. А Штутгартская школа музыки, где училась Мария? Школа музыки занята музыкой. Все вертится и крутится своим чередом, кошмар становится частью бытия, сознание смиряется с ним как с чем-то неизбежным. “Ну, а что мы можем сделать?” Нам остается только жить рядом с кошмаром, за тонкой стенкой…»

Мария Колесникова могла уехать из Беларуси, но разорвала свой паспорт. В своем последнем слове на суде она говорила о нравственном выбо-

ре, совести и любви к людям…

У диктаторов и людоедов совести нет, как и любви к людям, у них лишь одна ненасытная жажда власти, — это уже пишу я, а не Поликовский. Даже не жажда, а какая-то патология, или, как говорят, клиника.

11 сентября. Продолжим наши летописные игры, а можно проще: ахи, вздохи, слезы и всхлипы. Российская жизнь все время «подкидывает» (вполне подходящий глагол) сюжеты ужасов, драм, комедий, фарсов и абсурда. Какой-то комик (его не знаю, прочитал в газете) — Идрак Мирзализаде. Родился в Азербайджане, гражданин Беларуси, прославился в Москве. В конце июля неудачно пошутил, и обиженная власть наказала его по полной катушке: его пожизненно лишили российского гражданства, чугунное слово «пожизненно». Ныне шутить никому не позволено. Ни шутить, ни критиковать. А как же Пушкин в одном из писем к Вяземскому написал: «Я презираю отечество мое с головы до ног». Сегодня бы дерзкий Александр Сергеевич услышал бы от власти: «Пушкин, вон из России!»

«МК», 9 сентября, шапка: «Черный день российских спасателей».

Евгений Зиничев, 55-летний глава МЧС, погиб

как спасатель. Хотя история весьма противоречивая: то ли он спасал кинорежиссера Александра Мельника, то ли кинематографист спасал министра: они оба сорвались на краю плато Путорана, где притих древний вулкан. Красивое место для съемок. Нелепая смерть, но СМИ обставили ее как героическую. Пиар на смерти…

Одновременно в Ногинске произошел взрыв бытового газа в жилом доме, ну, и раненые, и погибшие. «Газовая плита стала могильной» — заголовок в «МК». А это далеко не первый случай, опять же «МК»: «Удобство массового поражения». Екатеринбург, Магнитогорск и прочие адреса смерти результата «газовой атаки».

Ужасы бывают разные. «МК» от 10 сентября, ироничный заголовок: «Рост числа изнасилований? Радоваться надо!» Число изнасилований по сравнению с прошлым годом увеличилось на 32,4%, а число убийств снизилось на 21,2%. То есть насилуют больше, чем убивают.

Хотите еще цифири: рост производительности труда в России снизился в 2,5 раза.

Новации семейной жизни. Многие звездные дамы отдают предпочтение молодым мужьям: Алла Пугачева старше своего мужа Максима Галкина на 27 лет, Лера Кудрявцева старше своего

мужа-хоккеиста на 16 лет, ну и т. д. Но в звездном мире не такое еще бывает!..

Школа. А что там происходит? «Новая», 1 сентября. Тема: чужие среди чужих. Страна не знает, что делать с детьми эмигрантов в российских школах — поэтому предпочитает их бояться. Куча подробностей: эмигрантские дети не знают русского языка и еще кое-что, плюс на конфликт власть как бы закрывает глаза, задача школы — научить родину любить. Цитата из «Новой»: «Сколько бы сладких слов о стабильности ни было написано в учебниках, дети приходят домой и слышат от родителей: цены растут, зарплаты падают, дороги разбиты...» И в «МК», блогер Игорь Фунт: «Светлое настоящее российской молодежи». Миллениалам (родившимся в начале двухтысячных) наплевать и на патриотизм, и на иноагентов. Автор колонки вспоминает Высоцкого:

Я никогда не верил в миражи,
В грядущий рай не ладил чемодана, –
Учителей сожрало море лжи –
И выплеснуло возле Магадана...

И нужна нашим повзрослевшим отпрыскам не мифологическая Россия будущего, а Россия

сегодняшняя, с перспективами, надеждами и, увы, с зарплатами. Куда ж без денег-то…

И добавим из «Новой» плакат: «Свободная журналистика, а не вот это все». Упоение прошлыми победами, пафос, закаливание патриотизма, а параллельно несвобода и репрессии… Исполнилось 80 лет известному правозащитнику Льву Пономареву. Он борется за свободную Россию, а лжепатриоты нынешней России его травят, и в день юбилея на лестничной клетке дома, где живет Пономарев, намалевали: «Логово защитника террористов». А власть на эти безобразия закрывает глаза. Возможно, надеясь, что бесстрашный Лев эмигрирует?..

А тем временем календарь полон всевозможными датами. 80 лет назад, в сентябре 1941-го, началась блокада Ленинграда. «Новая» публикует воспоминания блокадников о бомбежках, голоде и холоде. И, конечно, о мужестве. «Я не сожгла ни одной книги», — вспоминает почти 100-летняя Нина Сахарнова. А партийная верхушка Ленинграда не испытывала ни голода, ни холода: у них все было, подробности приводить не хочется…

100 лет — Станиславу Лему. Три «ф»: фантаст, футуролог, философ. О нем биография-эссе «Та-

инственный Солярис» в книге «Знаменитые писатели Запада, 55 портретов» (ЭКСМО, 2008). Самый переводимый польский писатель в мире. 18 романов и 14 сборников рассказов. В юбилейные дни в Тель-Авиве открыт центр «Планета Лема» и устраиваются обеды из описанных у Лема блюд: спутниковое шампанское, кактусовый сок, гамбургеры из водорослей… А я иногда вспоминаю замечательный фильм Андрея Тарковского «Солярис» о мыслящем Океане. Повторять всё эссе не хочу, а приведу лишь несколько афористических высказываний Лема:

— Люди не хотят жить вечно, люди просто не хотят умирать.

— Чтобы что-то узнать, нужно уже что-то знать.

— Политик не должен быть слишком умен. Очень умный политик видит, что большая часть стоящих перед ним задач совершенно неразрешима.

— Современная цивилизация: обмен ценностей на удобства.

— Никто ничего не читает; если читает, ничего не понимает; если понимает, немедленно забывает.

* * *

85 лет — Александру Кушнеру, прекрасному ленинградскому поэту.

Не спрашивают нас, где лучше нам родиться.

Отмеренная жизнь – волшебный чудный дар.

Спасибо, что Нева, что грозная столица, –

Могли быть Мозамбик, Найроби, Занзибар…

И как точно и жестко Кушнер написал об обывателях, погруженных исключительно в свой бытовой мир:

На даче, где речка да поле,

Да куст у плеча моего,

Приезд президента де Голля

Не значит почти ничего…

А вот Игорь Шкляревский не дотянул до 85-летия, ушел из жизни в 83 года (род. 25 июня 1938). Хороший поэт. Замечательны строки о крестьянском труде:

Руки болять! Ноги болять!
Клевер скосили. Жито поспело.
Жито собрали. Сад убирать.
Глянешь, а греча уже покраснела.
Гречу убрали, лен колотить.
Лен посушили. Сено возить.
Сено сметали, бульбу копать.
Бульбу вскопали. Хряка смолить.
Клюкву мочить. Дрова пилить.
Ульи снимать. Сад утеплять.
Руки болять! Ноги болять!

Это стихотворение Шкляревского «Жалоба счастья». А у городского жителя, урбаниста, свои проблемы и жалобы, у журналиста-писателя свои хлопоты и тяготы. Еще 5–10 лет назад я метался от радио на ТВ, рубрики, комментарии и материалы к памятным датам в различные газеты и журналы, книги (а какая морока с издательствами), творческие вечера и презентации, интервью. А к этому помощь по хозяйству: магазины и прочее. Пакеты с мусором на помойку — мелочь, а в итоге «руки болять, пальцы от машинки болять, ноги от каждодневных походов болять». Таково журналистско-писательское счастье!

Да, еще времена бегут и жизнь меняется. Тот же Шкляревский вспоминал, как он в детстве с другими мальчишками воду пили прямо из Днепра, черпали ладошками или шапкой.

А потом случился Чернобыль, и куда ни кинь взгляд — жуткие проблемы с экологией. А в итоге ковид — и конец… Да, Шкляревский родился в городке Белыничи Могилевской области. Я там бывал во время своей второй командировки от «СПК» осенью 1961 года…

15 сентября. Домашнее событие: затопили, а то в квартире было прохладно и неуютно.

Возвращаюсь к Шкляревскому. В сегодняшней «ЛГ» о нем полоса. Свой первый сборник «Я иду!» поэт издал в Минске в 1962 году, в 24 года:

Я иду и смеюсь
От безумной, пронзительной радости,
Что иду по земле
И когда-нибудь вдруг упаду,
Не дойдя до усталости,
Подлости, робости, старости,
Потому что иду и пою
У людей на виду!

Это «когда-нибудь» было далеко-далеко. Несмотря на многочисленные награды и премии, он жил в последние годы одиноко и угрюмо. Чупринин вспоминал, как на свой творческий вечер Шкляревский пришел немощный, почти слепой с палочкой, но при этом бодрился. Победители не сдаются? Не сдаются, но уходят. Как написал поэт Красников:

Он ушел. Никого. Ничего.
Завершилось последнее действо…
Ничего не скопил, налегке,
Груз земной не томит и не тянет…

О недавно погибшем у скалы водопада Китабо-Орон Зиничеве. «Собеседник»: он мог умереть только как герой. Все остальное под грифом «гостайна». Как на самом деле погиб Зиничев, мы не узнаем.

А все ли известно о трагедии 11 сентября 2001 года? 20 лет назад террористы на самолетах врезались в Нью-Йорке в две башни-«близнецы». Погибло 2977 человек, еще 24 считаются пропавшими без вести. Место налета превратили в объект паломничества. Там, где стояли «близнецы», теперь два черных бассейна, в которые низвергаются водопады, как неостановимые

потоки слез…

На 20-летие были устроены встречи с иностранными делегациями, но российских не пригласили. «Новая газета» (13 сентября) обиделась:

Не нас, страну возвышенных идей,
Не пригласили на юбилей злодейства!

Так жестко нам показывают, что Россия — агрессор и носитель зла. Мы, конечно, бурно протестуем: мы хорошие и пушистые.

13 сентября «Новая» (одно из редких оппозиционных изданий) поместила исследование «Проживем ли мы без государства?». Вот главки: «Государство — зачем оно?», «Монополия на принуждение», «Государство как бандит», «Порядок без начальства» и т. д.

О том, как строится правовое демократическое государство на Западе, мы знаем, а новое российское, оно постоянно совершенствуется в сторону не демократического, а тоталитарного. Вот трехдневное голосование в Думу, считай: парламент. «Новая» 13 сентября — «Глубинный избирком». На местах даже не слышат обещания Москвы обеспечить прозрачность выборов — тут обеспечивается результат, методы любые, от «каруселей для бомжей» до секретных инструкций

и инструктажей…

«Независимая», 6 сентября — «Об основных тенденциях думской кампании». Основной конфликт выстроился вокруг допуска на выборы отдельных кандидатов и блокирования оппозиционных технологий… Телевизионные дебаты стали формальностью… и т. д.

А что в итоге получим? Послушный и выдрессированный парламент с космонавткой Терешковой и фигуристкой Родниной. Приказ дрессировщика — и прыжок через пылающий огнем обруч. Цирковой номер!..

Послушаем бывшего матерого аппаратчика и политтехнолога Глеба Павловского (1954, Одесса). Из выступления по «Эхо»: «Власть выкатила на выборы бак с мусором…» «Собеседник», 5 сентября, на первой полосе: «Власть готова к войне со всем населением страны».

Отрывки из интервью: «Электорат существует лишь в тот момент, когда опускает бюллетень в ящик, а за его пределами электората не существует.

Выборы — на самом деле это смотрины аппарата, а не политических предпочтений избирателей…

Мы страна выжидания… выжидания… выжи-

дания…

Лукашенко наращивает круги безумия в своих действиях и каждый раз добивается от России, чтобы она его поддерживала…

(о внешней политике) — Россия где только не отметилась. Она создала себе врагов по всему миру. У нее нет ни одного искреннего союзника…

(о внутренней политике) — После Путина будет коллективный Путин, ближайший круг — биография любого из людей нынешнего ближнего круга — готовое обвинительное заключение… В случае поражения власть пойдет до конца. Никогда не сможете представить себе, что она может натворить.

В острый момент система пожертвует чем угодно. Форма, в которой она это сделает, скорее всего, будет омерзительной. Но система так устроена…»

Короче, Глеб Павловский наговорил много ужасного. В интервью «Новой» 15 сентября он заявил, что не намерен «собирать в корзинку опавшие листья надежд». Но при этом отмечает: «К сожалению, 70 лет СССР плюс 30 лет РФ — это было столетие упадка гуманитарного мышления, когда люди привыкли описывать политику в лучшем случае по Александру Дюма: там есть

мушкетеры, есть гвардейцы кардинала…»

А что говорят мастера культуры? К примеру, один из последних могикан, который всегда против течения, — Глеб Панфилов (21 декабря 1934, Магнитогорск), этот КиноГлеб утверждает: «Самая ценная категория человека — сострадание». Какие замечательные фильмы он поставил: «Начало», «В огне брода нет», «Прошу слова» и др. Сейчас Глеб Панфилов снимает фильм «Иван Денисович» по повести Солженицына. Об «Одном дне Ивана Денисовича» Анна Ахматова писала: «Эту повесть обязан прочитать и выучить наизусть каждый гражданин изо всех двухсот миллионов граждан Советского Союза». Должен. Но кто, кроме интеллигентов, прочитал? В конце 1997 года было решено ввести в школьную программу некоторые произведения Александра Солженицына. А сейчас снова звучат призывы изъять из программы… История снова переписывается: в героях — палачи и силовики, а не жертвы насилия и беззакония. В Нобелевской речи Солженицын говорил: «Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом».

Глеб Панфилов отмечает, что современный человек не хочет развиваться. Иной раз пора-

жает, насколько тупо и быстро люди реагируют, не могут, даже не желают разобраться в самых простых явлениях.

Выборы 2021 года

19 сентября, воскресенье. Пасмурно-мглистое утро, без солнца и надежды, +5.

Трехдневные выборы (слава Богу, не на пеньках) в Госдуму. Итоги работы уходящего состава думаков подвела «Новая газета» (17 сентября). «Что вы принимаете?!» Железная дисциплина, голосование только «за» и коллективное законотворчество. Две тысячи депутатов приняли 26 тысяч законопроектов (и Дума получила ярлык «бешеный принтер»).

У «Единой России» было конституционное большинство — 74% мест, «Новая» в своем исследовании разбила текст на главки: «Все понимают», «Не любит дискуссии», «Поощряет дисциплину», «Дружит с правительством», «Любит быть в большинстве» — вот принципы уходящей Думы. Такая вот законотворческая Дума, воплотившая мечту нацлидера. Как определил режиссер Павел Лунгин: «Мечта авторитарного правителя — остановить время». Отсюда и обнуление президентского срока: «Править вечно» при при-

кормленной Думе. Нынешние Думы — это вроде хрусталя и ковра, символизирующих Достаток и некоторое Преуспевание.

И вот формальные оппозиционеры, к примеру ЛДПР, тешат народ надеждой: Россия станет великой державой! На что можно ответить: держи карман шире! А ЛДПР заливается соловьем: «Мы треть века сражаемся за Россию, помогите Родине! Помоги ЛДПР, голосуй за нас». Да? Отвечу:

Я не буду Лириком

И не побегу, задрав штаны, за Жириком!

Мне, конечно, ближе «Яблоко» с прекраснодушным и благородным Явлинским (Чацкий нашего времени). Обращение «Яблока» звучит как песня:

«Эти выборы — референдум личной свободы!

Эти выборы — референдум о правде и лжи.

Эти выборы — последний шанс не допустить массовых репрессий в стране, не допустить насилия.

Помните, что мы — граждане. Деритесь. Преодолейте сомнение. Поддержите “Яблоко”, защитите и поддержите самих себя. И перемены придут!»

Но в перемены уже мало кто верит. Кругом бе-

тон и асфальт. Заборы и запреты. В «Собеседнике» (14 сентября) публикация — «Спрячка»: «Мы все глубже, все отчаяннее убеждаемся, что в России в принципе нельзя ничего изменить — только обрушить конструкцию, после чего, по словам, “все выстроится снова за час”».

В ночь на 21-е долго не мог заснуть и в голову пришли строки:

Ах, выборы, выборы, выборы,
Хотя и выбора нет.
От Востока – Курил и до Выборга
От свободы остался лишь след…

А почти 200 лет назад, в 1817 году, Александр Пушкин в тоске, но и в ярости, написал оду «Вольность», вот только строки:

Увы! Куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – рабства грозный гений
И славы роковая страсть…

Было напечатано при жизни Александра Сергеевича, что захотели (конечно, было нельзя). «Вольность» была напечатана посмертно, и не в России, в Лондоне, в альманахе «Полярная звезда» в 1856 году. Сколько воды утекло, а все нескончаемые бичи и железы, и герой Иван Грозный, Малюта Скуратов, Сталин, Дзержинский, васнецовские богатыри…

22 сентября — два маленьких подвига (пару км от дома — уже подвиг, и забыл, когда ездил на метро). В понедельник 20-го сопровождал Ще к офтальмологу в дальнюю поликлинику на Красноармейской, 18. Первый шаг к оформлению инвалидности по зрению. И ничего молодая врач не сказала утешительного. Я сидел, ожидая Ще, под серовскими портретами (естественно, копии) — Девочки с персиками и Николая II. Император тоже вел дневник, как и я, но на этом сходство и заканчивается.

А вчера в нудный осенний дождь пошли-поехали на Шишкина, 7, в Управу, офис «Жилищник», отдел газификации (?) — в большой жутковатой комнате сотрудников 20, компьютеры, шнуры, какой-то раздрай, — удел мелких чиновников. Получили справку об устарелой нашей газовой плите, и теперь хлопоты о покупке новой че-

рез синагогу (господи, хоть кто-то помогает!). Обратно еле преодолели подземный переход — темнота, мокрые ступеньки, ничего не видим и преодолеваем все на ощупь, а рядом молодые бегут, прыгают, легко преодолевая подъем. Наглядная разница в возрасте! И романс: «Были когда-то и мы рысаками». Да, были. Вот сейчас, как кадры из фильма Феллини — постаревшие танцоры Мастроянни и Мазина, со смущенной улыбкой, что вызывают жалость.

По ТВ идут юбилеи: Анна Нетребко — 50, Александр Розенбаум — 70. Боже, какие еще молодые! А тут 170 на двоих (89 и 81). Что касается Нетребко — она в самом соку, но мы смотрели только начало ее юбилейного вечера — шумно, помпезно, без выдумки, как-то топорно. И перебивки на рекламу. После зачитывания поздравительной телеграммы Путина — реклама «Петелинки» — мультяшные веселящиеся курицы из «Пятерочки», как-то оскорбительно по отношению к фигуре президента. Но ТВ-продюсеры этого не чувствуют, для них главное бабло, они гонят рекламу, а Нетребко — досадная пауза в рекламогоне…

Ну, а к программе Розенбаума претензий нет, сделано все достойно и просто. В общем, гоп-стоп!

В «Трех аккордах» блеснули Нина Шацкая и Дюжев — прекрасная пара, статные, красивые и почти с дореволюционным взглядом.

Гусарская рулетка –
Смертельная игра.
Гусарская рулетка –
Дожить бы до утра…

И почти крик: «Ставки сделаны! Ставки сделаны, господа!» Песня как-то тронула меня, и я написал свой вариант:

Российская рулетка,
А что тут выбирать?
Мошенники и воры,
Запреты и заборы,
Вздохнуть здесь невозможно,
Лишь помереть возможно, –
Такая вот российская игра…

Прошли выборы, все СМИ полны отчетами, комментариями и возмущениями. «Единая Россия» в результате манипуляций сохранила в Думе свое большинство. «Ставка на страх» — заголовок в «Новой» (22 сентября). Разбираться в мелком шрифте не позволяют глаза, но вот вы-

делено красным: «Недовольство будет копиться или находить выход в ксенофобии и насилии».

В рубрике «Жизнь и кошелек»: «Рекордная стоимость гречки — важнейшая веха в истории России». Страна готова к тотальному регулированию цен. А это значит: дефицит и черный рынок, дальнейший рост цен, дешевые товары пропадут с прилавков, спекуляция — пока она не наказуема…

А тут еще один террористический акт (после мая в Казани), в Пермском университете. 18-летний Тимур Бекмансуров (Тимур и его диагноз). Психолог: «Глубокое разочарование в обществе и людях: неспособность снять непроходящий стресс и невозможность с кем-то поделиться своей болью…» Итог: трупы и раненые…

23 сентября — обычный день: позавтракали и вышли. Стандартный набор: вынос мусора, в киоск за газетами, немного прошли по роще, подышали кислородом, зашли в магазин: мясо, сыр, слива «Президент». Потом Ще готовила обед, а я на своей половине кухонного стола резал газеты, что в досье, что на вынос. За окном серебристая серость.

Завтра, 24-го, открывается 34-я Международная книжная ярмарка, я был почти на всех, а на эту

не пойду, избегаю скопища людей, не езжу в метро, сложное оформление с билетами, какие-то сеансы посещения, — нет, это не для меня. Обойдусь. На ярмарке анонсируют новых литзвезд, которых я не читал и не знаю: Водолазкин, Салазкин и т. д. и т. п. Не мои это авторы, да и я для них чужой незнакомый Икс. Поэтому обещание «ЛГ» — «Согреемся книгой» не для меня, и потом эта эпидемиологическая обстановка отторгает. Тут отказался и от встречи в ЦДЖ с ветеранами-журналистами (ехать на метро — фи!). И отказался от встречи с ветеранами ТВ. Спасибо за приглашения, но только без меня. Я ныне сыч домашний или кот на диване. Я слушаю беспрерывные новости: бу-бу-бу про «Не горькую Думу Путина», проломили все-таки «Единую Россию». Послушный цирк на Охотном Ряду сохраняется. КПРФ собрала голоса, но остается политической «фабрикой грез» (мнение «НГ»). «МК»: «Выборы ряженых» — «Кони, драконы и водолазы пришли голосовать за депутатов Госдумы». И эхо из «Трех аккордов»: «Ставки сделаны, господа!»

25 сентября. +10, потеплело, пока сухо, но давящая серость неба. Днем еще пытаюсь что-то делать, а вечером не могу читать (мелкий шрифт приводит меня в отчаянье). В основном разбираю

свой архив и свое написанное, и чужое напечатанное. У Ще проблема вечера еще хуже, по ТВ почти ничего не видит и в основном «Эхо»: ругают власть последними словами. А вчера была Таня, соцработник, учительница из Саратова (а была и майор из Элисты) — выброшенные за борт жизни — брошены на заработки. Подарил Тане первый том эмиграции («Убираюсь, а книг ваших не читала»). А нам ее уборка и в помощь, и в тягость: чужой человек в доме… Вот такой парадокс!

Почти никто не звонит. Круг знакомых и полублизких сузился, и мы вечерами в основном перемываем косточки своих воспоминаний. Вчера попробовал почитать Ще любимые стихи своей молодости. Самуил Маршак, сборник «Английские баллады и песни», изданный накануне войны, в мае 1941 года.

Королева Элинор

Королева Британии тяжко больна.
Дни и ночи ее сочтены.
И позвать исповедников просит она
Из родной из французской страны.
Но пока из Парижа попов привезешь,

Королеве настанет конец.

И король посылает двенадцать вельмож

Лорда-маршала звать во дворец…

Это начало, дальше: «“Кайся, кайся!” — сурово ответил один, / “Кайся, кайся!” — ответил другой».

Иосиф Уткин, «Повесть о рыжем Мотэле», о портняжке, который захотел жениться на дочери раввина Риве, но ее отец заявил, что ей нужен большой дом.

Так мало, что сердце воет,

Воет как паровоз.

Если у Мотэле все, что большое,

Так… это только нос…

…Так что же?

Прикажете плакать?

Нет так нет! –

И он ставил заплату

Вместо брюк на жилет…

Бедный рыжий Мотэле! «Мотэле мечтает о курице, / А инспектор курицу ест…»

А вот другой мечтатель и ловец удачи, «моло-

дец и хват». (Черные краги, в петлице «Добролет», / Во рту папироса «Дукат»).

И что? Однажды пофартило. В пивную вошла «в картузике с козырьком, картиночка, красота»:

Вошла, как будто бы отдохнуть
(С нею никто не вошел),
И спокойно так говорит: «Кто-нибудь,
Вытрите этот стол».
«Кто-нибудь» в грязном фартуке стол обтер,
Села она у стены.
Васька Свист глядит на нее в упор,
А она хоть бы хны…

Ну, а далее операция-комбинация:

– Вырезать стекло алмазом –
Пара пустяков.
Зашибешь, говорит, классно,
Кошельки готовь.
Ты, говорит, возьмешь, говорит,
себе, говорит, кассу,
И, говорит, мою, говорит, любовь…

Финал: милиционер стрельнул в Ваську Сви-

ста, и Васька понимает, что это конец: «Крышка. Убили. Главное — жжет. / В плохой ты, Василий, попал в переплет…»

А в газете заметочка: «Ограбление склада (петит), / Обдуманное заранее. / Товар найден. / Грабитель убит. / Милиционер ранен». А милиционера отвлекала наводчица — «Женщина, в чем мать родила, / На голове кэпи».

Годов, примерно двадцати.
Ну, думаю, однако…
А она: «Яшенька, не свисти»…
А я, как на грех, Яков…

Книжечка Веры Инбер «Стихи» была издана издательством «Федерация» 5 апреля 1932 года, когда мне не исполнилось и двух месяцев.

Вот так немного отвлеклись, а то выборы-выборы, прозрачная Памфилова. Жизнь катится своим чередом, по дорожке, определенной судьбой…

27 сентября. Понедельник.

Опять на небе серятина, и на кухне, где я творю и вытворяю тексты, полуясно. Все кругом «полу» и ничего нет цельного. Режиссер Юрий Бутусов считает, что «главный вопрос жизни — в каком настроении ты просыпаешься». Щекастик тяже-

ло приходит в себя, я полегче, давит груз каких-то постоянных бытовых забот и проблем. Вчера Ще вместе с Олей купила смартфон «Самсунг», произведено — Индия, 10 тыс. с встроенными какими-то программами, неужели я от дремучести сделаю первый шаг к прогрессу. А пока, как кот, смотрю на коробочку, но к ней не прикасаюсь.

Пока сплошное информационное пережевывание итогов выборов. Памфилова: самые честные и прозрачные выборы; оппоненты: самые грязные и сфальсифицированные, электронный мухлеж. И горькая реплика в «Новой газете»: «Делаете вид, что это выборы, — мы делаем вид, что выбираем, — власть радуется: проломили, обдурили». Даже в «Комсомолке» появилась рубрика «Фабрика обмана» — «Разбитый нос и крепостное право», «Гоняли енота по участку» и т. д. Единороссы упивались итогами: «Чистая победа», «Народная программа». Счастливы и коммунисты: «Такой поддержки, как сейчас, у нас не было с 1996 года». Все выпивали, а вот созданная властью партия «Новые люди» нет. Председатель партии Андрей Нечаев не пьет, «и остальные за ЗОЖ» («здоровый образ жизни»), «Мы тут все такие». Новые непьющие думцы — какая прелесть!.. А провалившееся «Яблоко»

считает, что ничего страшного не произошло…

А что произошло? Полицейщина, тотальный контроль и несвобода, и особенно это наглядно было по картинке Евроньюс о выборах в Германии: тысячные толпы, вышедшие на улицы беспрепятственно, колыханье флагов, выступления ораторов, крики, шум, восторг, эйфория и никаких росгвардейцев и полицейских дубинок. Половодье свободы. А у нас? Чуть что — в глаз! Написал, подумал и сочинил незатейливый стишок:

А у нас? Чуть что – и в глаз!
Заведут и скрутят руки,
Что испытываешь муки,
Свет в глазах погас.
Вот такая для народа
Полицейская свобода…

Написал и снова подумал, что кто-нибудь прочтет и попросит: а нельзя ли что-нибудь повеселее и посветлее? На сегодня трудно подобрать иное, оптимистическое. Ширвиндт решил покинуть пост худрука Театра сатиры: «Трудно стало, играть еще в вертикальном положении могу, а руководить, извините…» Дмитрий Певцов получил

мандат в Думу и покинул «Ленком», а попутно признался, что его кумирами являются Сталин и ВП. А почему не Иван Грозный? Короче, поменял Певцов искусство на бабки, притягательная сила злата и денег. Как не вспомнить Генриха Гейне, сказавшего, что «великая причина мирового зла в том, что Бог создал недостаточно денег».

Ну, а выборы? Демограф и социолог Алексей Ракша в «Собеседнике» 26 сентября — «Выборы были лживыми». Электронное голосование способствовало фальсификации. Оп-ля!..

Но не все голосовали так, как хотела власть. В том же «Собеседнике» дан рейтинг протестных регионов — «В едином порыве против “Единой”»: «Свободный Север», «Марийская аномалия», «Не сдался Хабаровск» и т. д. И различные плакаты, типа: «За честные выборы! За достойную жизнь!» И на первой полосе «Собеседника»: «Единороссы получили Госдуму, но потеряли доверие народа».

И закроем тему, хотя выборы и пермский стрелок не сходят с газетных полос. «Черный человек из серого района» («МК», 23 сентября). Об охранниках Пермского университета: «Не под пули же нам бросаться!» И жалоба: получаем 75 рублей в час… А в итоге — «Страна напрасных жертв» («МК»). И кто виноват в очередной трагедии? У

нее нет ни имени, ни отчества, и некому нести ответственность. Нет, ребята, виновник один: власть… «Непрофессионализм — норма жизни» — комментарий Евгения Ямбурга в «МК» 27 сентября.

Власть что хочет, то и делает: Четвертое «обнуление губернаторов», постановление правительства о том, что полиция, именно она, должна вернуть мигрантов в Россию в 2022–2030 годах не менее 500 тыс. соотечественников. И они вернутся? Держи карман шире! В страну, где каждый день арестовывают оппозиционеров за слова, за плакат, за упоминание Навального, за любую мелочь и где меняют плитку каждые полгода, где треть населения едва сводит концы с концами, а одна треть благоденствует и жирует? Нет — скажут русские, осевшие на Западе, нам это не нужно, и об этом хлестко написал Минкин в «МК».

Физик Андрей Гейм покинул родину и в 2010-м получил Нобелевскую премию, его уговаривали вернуться, на что он ответил: «Я что — сумасшедший?» Отказался вернуться и нобелевский лауреат Иосиф Бродский. Отток квалифицированных кадров продолжается (модное выражение: утечка мозгов), только за 2020 год в «дальнее

зарубежье» уехало 61.400 человек, всего в настоящее время за границей живут минимум 11 миллионов русских. И вот заманивают вернуться на родину, ведут волчью рекламную кампанию, что, мол, надо «обеспечивать путем обеспечивания». «Какой отвратительный, мутный язык, намеренно перегруженный канцелярскими выкрутасами», — возмущается Минкин.

Но Красная Шапочка хорошо помнит про волчьи зубы… И заголовок публикации Минкина — «Полиция вернет эмигрантов в Россию!» («МК», 28 сентября). Пикантное дополнение в мой трехтомник об эмиграции. Только к поэтам и писателям присоединяются программисты и прочие специалисты по современным технологиям. Они нынешней власти не нужны, у нас на дворе архаика со всполохами мракобесия и в моде Малюта Скуратов, и вот уже чекисты ставят по стране памятники Железному Феликсу.

1 октября, пятница, с утра +8, сухо, двор полон желто-зеленой листвой, солнце скрыто, небо серебристо-мутное. Надо и о себе что-то записать. В понедельник 27-го под вечер в своем «кабинете» сидел, разбирая бумажки, и услышал, по телевизору говорят о «Спартаке», — любопытно! — резко встал с кресла, зацепился левой

ногой за провода компьютера и медленно, как в замедленной съемке, свалился на пол. И хорошо, что не разбился, только повредил указательный палец на левой руке, ударился правой коленкой и что-то в поясницу, падая, пытался за что-то зацепиться и махнул рукой по книжному шкафу, и пострадал сборничек Александра Галича, повредил переплет. Потом долго приходил в себя, неприятное падение на ровном месте, вот уж истинно «нас всех подстерегает случай»… Коронавирус, общая обстановка в стране плюс возраст подтолкнули нас с Ще к какой-то неловкости и дряхлости. Все время валятся предметы из рук, натыкаемся на что-то, с трудом читаю газеты, ругаясь на мелкий шрифт. А тут еще все время требуют какие-то справки (синагога оказывает помощь, но и постоянно чем-то теребит), «Покоя нет!» — сокрушается Ще. А можно процитировать и Лермонтова:

Моя печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет.

Это из «Демона». А можно привести и другие строки: «Я б хотел забыться и заснуть…»

Не знаю, почитал ли Кирилл Разлогов Лермонтова, а может, поклонялся лишь кино — зна-

менитый киновед. Кирилл Эмильевич умер 26 сентября от сердечной недостаточности, в 75 лет. Спешил, торопился: фестивали, просмотры фильмов, какие-то симпозиумы, преподавание во ВГИКе и т. д. Где-то в 90-х меня попросили по каналу «Культура» заменить Разлогова в анонсе предстоящей кинонедели, и я был, кажется, не хуже. Мы тоже можем не убого сказать, а красиво, как Разлогов, — с ходу пришла строка.

«ЛГ» отметила 90-летие Юрия Ряшенцева (16 июля) — «Юрий Ряшенцев — трагический жизнелюб». Приведены трагически забавные строки:

Наверное, скоро, наверное,
будет – наверно,
иль очень уж здорово нам,
или здорово скверно.

Наверно, скверно. Все идет к этому. Историк отечественных медиа («Говорит и показывает Россия») Аркадий Островский дал «Новой» интервью «Выключите телевизор», где с горечью отмечает, что «процесс маргинализации телевидения запущен». «Люди с атрофированным чувством совести» господствуют на ТВ: «На российском ТВ очень немного людей, которые рефлексируют и понимают, что сделали что-то нехорошее…», «В

конце 90-х журналисты превратились в проповедников». В пропагандистов, зазывал власти, которую они обожают за большие деньги. Лично я в другом стане: гуманист и просветитель, моя сфера — русская история и русская литература, незаслуженно забытые имена, запреты и гонения… как и некоторые другие, не продавшиеся, не в тренде, не в строю бодро шагающих. И автор книги Островский подводит итог: «Я думаю, у журналистов больше никогда не будет такой власти, которая была у них в 90-е годы…»

Можно сказать, что я успел глотнуть немного настоящей свободы слова и писал исключительно то, что меня интересует и волнует.

Сегодня только в некоторых СМИ, да и то все они дышат на ладан, можно прочитать что-то настоящее, стоящее, а не провластную хрень-дребедень под барабанный бой. С электронными «дождями» и «зонами» я не знаком, и читаю только «Новую», «МК» и «Собеседник». «Новая» от 28 сентября поместила интервью с Виктором Ерофеевым (я выступал в его ТВ-программах и один раз на «Свободе»). Заголовок: «Мы живем под солнцем гопника». Гопничество — это стиль поведения, культ силы. Гопники никогда не извиняются, не стесняются, наглость приветствуется, гопник ра-

дуется, когда удалось наступить кому-то на ногу. Насолить, нагадить, сделать больно. Агрессия, жестокость, гневливость — достаточно послушать выпуски новостей… Было зло — царизм. Свергли. Борцы поменялись местами. И кровь полилась потоками… Интеллигенция сейчас — исчезающий объект… Гопничество торжествует. Мы отстаем от мира, плохо работаем, даже не ленимся, а балдеем… Короче, нужны перемены, чтобы жизнь была свободнее, комфортнее, но где взять нового Петра Первого, решительного реформатора?.. Ерофеевский вопрос повис в воздухе, без ответа…

2 октября — сегодня мне 89 лет и 7 месяцев. Солидно. Среди догоняющих — Эдвард Радзинский, исполнилось 85. Как написал о нем Минкин: «Рыжий, очень талантливый. Эдик рыжий и очень хитрый. Как толкователь исторических персон интересный, как их рассказчик — забавный Э». Но все же в моих любимцев не входит. Из молодых мне даже Дмитрий Глуховский ближе — актуальнее и острее. В сентябре его признали автором года, а он, получая премию, заявил, что награду («вот эту штуку-дрюку стеклянную») нужно было бы вручить Джорджу Оруэллу за его книгу «1984» или Джанни Родари за его книги

«Приключения Чиполлино» и «Джельсомино в Стране лжецов», ну, просто про нас: оккупационный режим фруктов против народа овощей… («Новая», 24 сентября).

Ну, а я? Пока ни слова не написано о том, как удачно или нет выглядела на книжной ярмарке «Об СССР — без ностальгии». Заметили — отметили — или прошли мимо?

Короче, ждем-с откликов и второго тома (издательство не торопится). А мы с Ще придавлены бытом. Сегодня вышли в магазины, которые рядом, и еле вернулись с небольшими закупками, — тяжело, перехватывает дыхание. Ох, тяжела эта новая возрастная реальность. И знаменитый телефонный вопль покойной Ларисы Копниной: «Ну все болит!» А теперь Боря Кузнецов, раздавленный жизнью, все время восклицает: «Ну не знаю, что это такое?!.» А Марина Цветаева не спрашивала, она четко знала: «Жизнь — это еврейский квартал, где жить нельзя…» Страна как палата № 6.

Лишь отдельные мелкие радости на культурном фронте. Вышла книга Максима Лаврентьева «Весь я не умру…». Предчувствия и пророчества русских поэтов, интересно!..

Еще сборник — антология «Уйти. Остаться.

Жить» — о рано ушедших поэтах конца XX — начала XXI века. Мне они незнакомы, один из представленных в антологии Гоша (Игорь) Буренин. Его первый и пока единственный сборник вышел после смерти поэта. Владимир Полетаев погиб в 18 лет, ну, и другие подающие надежды… Я знал лишь одного из представленных в сборнике — Бориса Рыжего и написал о нем в третьем томе «Огни эмиграции»: «Борис Рыжий: оборванная жизнь — “только без меня…”» Писал удивительные стихи:

Что Ариосто или Дант?
Я человек того покроя –
Я твой навеки арестант
И все такое, все такое…

Никакой лирики, голая, обжигающая нарочитая недосказанность.

Жалуйтесь, читайте и жалейте,
грейтесь у огня,
вслух читайте, смейтесь, слезы лейте.
Только без меня…

Борис Рыжий родился 8 сентября 1974 года в Челябинске. В ночь с 6 на 7 мая 2001 года поэт

покончил жизнь самоубийством, ему шел всего лишь 27-й год…

Так не вышло из меня поэта,
И уже не выйдет никогда.
Господа, что скажете на это?
Молча пьют и плачут господа…

Думаю, у Бориса Рыжего причины ухода из жизни были более личного характера, нежели общественно-политические… Сегодня причин до крыши. Один список «иноагентов» пугает — Минюстом заклеймены и физлица (один из первых Лев Пономарев), и НКО: «Мемориал», «Насилию — нет», «Открытый Петербург», «Эра здоровья», издательство «Парк Гагарина», «Человек и Закон» и др.

Удивление, недоумение, возмущение и прочие чувства. На первой полосе «Новой газеты» 1 октября — какая-то жуткая пила, с человеческими фигурами вместо зубьев, и подпись: «Итоги выборов в Думу легализовали фигуру врагов народа». И что молодым, амбициозным и ретивым, надо вырываться из железных объятий режима?.. Известный поэт хихикнул:

Если я уеду – хрен-то я вернусь,

Но, похоже, хрен-то я уеду.

Народ пока сидит смирно, никаких волнений и протестов, хотя, конечно, — цены, инфляция. «Цены на еду — это свинство» («МК», 4 октября). «Золотые куры — золотые яйца», даже цены на вино вышли из берегов, и итог: «В ожидании худшего».

Мы с Ще пока держимся, у нас другие проблемы: плохое самочувствие, глаза, машинка и лента, хлопоты по замене газовой плиты, зависли «Никитские ворота», надо разбираться с «ЛитРесом» и т. д. Хватает беспокойства, и никакого покоя. Ждем показа сериала о Вертинском. И все время вспоминаются его печальные ариетки:

«Вы сегодня нежны, / Вы сегодня бледны, / Вы сегодня бледнее луны…» И далее:

В синем и далеком океане,
Где-то возле Огненной Земли,
Плавают в сиреневом тумане
Мертвые седые корабли.
Их ведут слепые капитаны,
Где-то затонувшие давно.
Утром их немые караваны
Тихо опускаются на дно.

Ждет их океан в свои объятья,
Волны их приветствуют, звеня,
Страшны их бессильные проклятья
Солнцу наступающего дня…

(1927, Польша, Краков)

А ранняя «Минуточка» (1914–1915):

Ну погоди, ну погоди, минуточка,
Ну погоди, мой мальчик-пай,
Ведь любовь – это только шуточка,
Это выдумал глупый май…

7 марта 1943 года Вертинский писал из Шанхая Молотову: «Разрешите мне вернуться домой. Я — советский гражданин… Я еще буду полезен Родине. Помогите мне, Вячеслав Михайлович. Я пишу из Китая…»

А в 50-е годы, уже на родине, вкусив все прелести советского государства, отторжение и непризнание, Вертинский писал:

И в хаосе этого страшного мира,
Под бешеный вихрь огня
Проносится огромный истрепанный том Шекспира
И только маленький томик – меня…

Но этот маленький томик для немногих людей, подверженных повышенной рефлексии, дороже и интереснее Ромео и Отелло, — пишу я в серый осенний день, без солнца, 5 октября 2021 года. И хочется напеть:

Мадам, уже падают листья,
И осень в смертельном бреду…

Немного вычурно, но аристократично и изысканно. Но Вертинский мог и иначе: проще и жестче:

Это осень меняет кочевья,
Это кто-то уходит навек.
Это травы, цветы и деревья
Покидает опять человек.

Ариетки Вертинского — это прекрасно. Это Солярис наших комплексов, надежд и крушений. Это часть моей молодой жизни. А еще футбол: и сам играл, и фанател на трибунах, как болельщик любимого «Динамо». С осени 1945 года! В юности привелось работать подавальщиком мячей на стадионе «Динамо» и вблизи наслаждаться игрой своих кумиров. А во взрослом возрасте входил в пресс-центр клуба «Динамо» и писал программки к матчам, как для «Дина-

мо», так и для Лужников, была возможность стать спортивным журналистом, но, к счастью, не стал им, а с головой погрузился в историю и литературу. Об этом подробно в первых томах воспоминаний и дневников.

С «Динамо» по существу прошла моя жизнь, с ее взлетами, чемпионством и падениями. Последние медали чемпионов страны вручались 45 лет назад! Однако!..

Весной 1976 года проходил экспериментальный чемпионат СССР в один круг — 15 матчей, и в последнем туре 17 июля динамовцы в Ленинграде победили «Зенит» со счетом 1:0, гол забил капитан команды Олег Долматов. И золотые медали чемпионов, вот эти последние чемпионы: Гонтарь, Никулин, Новиков, Бубнов, Лосев, Якубик, Долматов, Петрушин, Максименков, Минаев, Маховиков, Ёврюжихин, Гершкович, Шепель и др. Кое-кого уже нет… Нет и тренера-чемпиона Александра Севидова…

Долгие годы ходил на стадион, да еще с театральным биноклем. А в начале нулевых из-за интенсивного творчества (газеты, журналы, книги, ТВ, радио) перешел в другой статус: болельщик-надомник, смотрю все динамовские трансляции по ТВ, активно болею, а по утрам

после матча чуть нервически читаю отчеты о прошедших матчах. Вздыхаю, переживаю, отчаиваюсь.

20 июня 2000 года Игорь Добронравов вручил мне толстенный том летописи динамовского клуба «На бессрочной службе футболу». К этой летописи и я приложил руку: вел статистику матчей, состава игроков, забитых и пропущенных мячей и т. д. Подражая и соревнуясь с Константином Есениным.

Футбол и Серебряный век, блистательная плеяда русских поэтов сопровождали всю мою сознательную жизнь. Украшали, утешали, развлекали…

Хотел привести какие-то оптимистические лирические строчки, открыл свою домашнюю антологию поэзии, и взгляд упал на стихи Георгия Иванова, полные страха и ужаса:

…Облетают белила, тускнеют румяна,
Догорает заря, отступают моря –
Опускайся на самое дно океана
Бесполезною, черною розой горя!
Все равно слишком поздно.
Всегда слишком рано.

«Догорели огни, облетели цветы» –
Опускайся на дно мирового тумана,
В непроглядную ночь мировой пустоты.

Ладно, хватит, цитировать стихи можно без конца. Поэзия бьется вместе с ритмом человеческого сердца…

7 октября, 13:20, бледно-голубое небо и лучи солнца, подобие бабьего лета, +12.

8 октября — дневниковая книга начинает раздражать, никак не могу закончить, а самочувствие и глаза все хуже. Не случайно заголовок тома «Из последних сил». Собираю остатки сил и воли, и запишем немного о нынешнем времени. Как жахнул Александр Невзоров по «Эху»: «Жуткое время, жуткая страна!..»

Но начну нейтрально: с валюты. Доллар 72,26. Обменный курс евро 83,60. Новостей всяких — до крыши небоскреба. Как ехидно написала Слава Тарощина в «Новой» 6 октября: «Угасая на земле, Первый канал решил спасаться космосом». Запустили ракету с актрисой и режиссером для снятия космического фильма (утереть нос американцам?). Юлии Пересильд уготована роль

Родины-матери, и ей срочно пришлось набрать вес: минимальный вес для космонавта — 60 кг. Теперь на экране актриса и непотопляемый руководитель Роскосмоса Рогозин. В кадре он, как и ракета, — неотъемлемая часть байконурского пейзажа. Знай наших!..

А еще манипуляции с газом: «Европа посинеет от холода без российского газа».

Госдума определилась с 450 мандатами депутатов. Есть молодые активистки: одна жгучая брюнетка, другая пепельная блондинка — Мария Василькова и Юлия Дрожжина.

Еще один информационный взрыв — расследование «Архива Пандоры»: 600 журналистов из 120 стран собрали почти 12 млн документов. И открылся «О дивный офшорный мир». Открылся ящик Пандоры, и что? Все ахнули? Нет, сглотнули слюну от негодования. Богатеи, толстосумы, миллиардеры, алчные хищники, — и это не российское изобретение.

Но есть честные люди наверху, к примеру, Ангела Меркель, самая влиятельная женщина на планете, покидает пост канцлера Германии — ауфвидерзейн, фрау Меркель! Такая простая, но умелая домохозяйка. Будучи канцлером, живет в обычной городской квартире, получает

жалованье — 1,6 млн рублей в месяц в пересчете на наши. Сама ходит в супермаркет и закупает продукты, не то что наши хозяева Кремля и страны, — о чем говорить? Даже в Думе заседают миллиардеры, в отсутствие скромности и стыда. Жаль мир без Ангелы Меркель…

Да, забыл написать: з/п депутатов Госдумы 380–450 тыс. в мес. У меня пенсия 30 тыс. с добавками, и это примерно в 15 раз меньше, и вспоминаются советские времена, журнал «СПК» и вопль художника Генриха Абрамовича Рогинского на очередные денежные поборы: «Я не скуп, я нищ!» Тогда я отреагировал строчками:

Среди хибар и хилых крыш
Раздался стон: «Не скуп я – нищ!»
Из глаз текла слеза ледяная
О том, что могла быть жизнь другая…

Ах, эта жизнь, ах, эти повороты судьбы! Советский сказочник Евгений Шварц погибал от голода в блокадном Ленинграде. Он согласился на эвакуацию в декабре 1941-го. С собой было разрешено взять только 10 кг. Писатель взял в самолет самую важную вещь — желтую пишущую машинку, а перед этим уничтожил целый

чемодан рукописей и дневников, которые вел с 1926 года…

В послевоенном Ленинграде одного мальчишку часто избивали старшие, и он мечтал им отомстить. И отомстил, можно сказать, всей России и показал кузькину мать Западу. Планетарный поворот судьбы… Да, удивительное садо-мазо!..

И еще на эту тему. Актер Евгений Стычкин (1974, Москва) признавался, что с диктаторами ему повезло: ему довелось играть роли и Гитлера, и Ленина, и парочку Сталиных. «Интересно играть сложных персонажей» (уж куда сложнее!) — «Собеседник», № 37. Причудливая актерская судьба.

А жизнь царей и императоров из династии Романовых в России. Царствовали и благоденствовали до революции 1917 года, а потом расстрел царской семьи с наследником и детьми. И весь период советской власти поношение царизма и гнусь в адрес царской семьи.

Казалось бы, все без возврата. Но исторический кульбит. 1 октября в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга состоялось венчание дочери итальянского дипломата Ребекки Беттарини и бывшего сотрудника Европарламента Георгия Романова. Первая за 120 лет монаршья свадьба в

имперской столице — новость для мировых СМИ. Жуткая помпа, государственная охрана, караул, сопровождение и приезд в город на Неве почти 20 монарших династий! В страну рабочих и крестьян, как было провозглашено в 17-м году. Хоть стой, хоть падай! Монаршее венчание в бывшей стране социализма и строящегося коммунизма. Зигзаг эпохи Путина…

А тем временем ВП решил восстанавливать систему советской школы (публикация «Детство, отрочество, Путин» — «Новая газета», 4 октября). Военно-патриотическое воспитание, дисциплина, кружки, спорт. И без всяких мыслей о замене режима, курс прежний: бой с врагами. «Зато будет славный кегельбан» («Баллада о гвоздях» Николая Тихонова). Транзит власти, как в Германии? Ни боже мой! Даже стишок сочинил:

У них транзит.
У нас – Гранит.
Скала непоколебимая такая.
Что не дает к воротам рая
Ни прошмыгнуть, ни проползти.
Сиди в аду и трепещи…

Все. Надо перевести дух, тем более что уже 9

октября.

22 октября, пятница, полуясно, сухо.

Прервем череду внешних событий по стране, вернусь потом. А пока о личных. Но личные неотделимы от общих. Цифры по заболеваемости от ковида и смертности: уже по 3 тысячи умерших в день, вакцинироваться или нет? Мы в числе многих сомневающихся, что надо, и находимся в статусе непривитых пенсионеров, и государство грозит с 28 октября новыми запретами, в том числе и блокированием социальных карт на транспорте, сидите дома и кукуйте. А мы и так кукуем, только ковыляние вокруг дома: помойка, газетный киоск, аптека, магазины. И в этой нервной обстановке Ще затеяла оформление инвалидности по глазам, к врачам — туда, сюда. «Может быть, натянем на третью группу». Обдумали и на семейном совете решили отложить до весны, сейчас не время. И я отложил поход по зубным делам и отказался от повторных анализов в поликлинике. Надеемся с Ще на Бога и на самих себя, что выдержим и проскочим этот злосчастный ковид. А кругом все ноют, жалуются, паникуют и не знают, что делать и как спасаться. А режим в своих корыстных целях нагнетает страх, или, как сказал по «Эхо» профессор Пасту-

хов, живущий на Западе, режим торгует страхом и всячески демонизирует обстановку. Запугать и без того запуганный народ: постоянными арестами и внесением интеллигентов, интеллектуалов и оппозиционеров в списки иноагентов. Может быть, у правящей элиты есть мечта: засадить полстраны, а у другой половины отрезать языки. Разговорились и раскритиковались! Молчать! К ноге! Смирно! Сплошная скалозубия и держимордизм.

Трудно описать пируэты и прыжки власти. «Новая» 20 октября. Сиятельный Бастрыкин, весь в орденах и лентах, то ли генерал, то ли уже маршал, газета шутит, что он уже возглавляет комитет по чистоте крови, бабахнув, что «просто понаехали. То азиаты поджимают, то киргизы, то таджики, и вот еще краснодарцы понаехали…» Ну, не дают спокойно жить и властвовать. «Новая» задает вопрос: попадет ли фраза Бастрыкина под обвинение в разжигании национальной розни. Обычно СК (Следственный комитет) применяет 282-ю статью без колебаний… А Бастрыкину?!.

Стоп! Не кипеть! Или, как говорил внук Бори Давидовского, не надо нервничать!.. И лучше поговорим о наших делах. Идет эпопея замены

газовой плиты. Доставили новую — «Гефест», более 23 тыс. Звонил, чтобы подключили, — целая история, еле дозвонился и договорился: 25-го должен прийти мастер, пока в квартире две плиты: старая и новая…

Привезли исправленную верстку второго тома, гнал, читал, маялся из-за мелкого, плотного шрифта, одолел 389 страниц, лежит.

Один футбол отвлекает. Был огненный матч «Динамо» — «Спартак», 2:2, динамовцы вели 2:0, могли забить третий, а в итоге упустили победу. Начались Еврокубки, и три наших клуба — «Зенит», «Спартак» и «Локо» — дружно проиграли, провалив европейский экзамен. А что мы вообще можем? Победить бедность? «НГ» от 21 октября: «Падение доходов будет продолжаться 10 лет». «МК» от 17 октября: «Россиянам придется затянуть пояса». От отчаяния многие ищут утешение в алкоголе. «Новая» от 20 октября: большое исследование, «Как спиваются в глубинке и травятся поддельной водкой в больших городах…».

24 октября, воскресенье. Воздух туманно-мглистый, а я после похода в «Пятерочку» (затарились продуктами) сел за машинку, ох эта охота пуще неволи! Потонул в ворохе интересных вырезок и вряд ли в них разберусь. Начну с глобальных.

«Новая» от 20 октября — «Весь мир струхнул» в связи с испытаниями китайской гиперзвуковой ракеты, похожей на российский «Авангард». Теперь впереди ядерного уничтожения всего сущего мы, США и Китай… «МК» от 22 октября: «Японцы готовят человечеству водный ад». Что это? 11 марта 2011 года произошла катастрофа на атомной станции «Фукусима-1». Японцы спустя 10 лет приняли план: спустить ядерную воду в Мировой океан, что грозит экологической катастрофой всем странам, отравлением подводного мира, всех видов рыб и т. д. И последняя жертва — человек. «Это тот же фашизм!» — сокрушается «МК».

А ковид? Тот же «МК» от 21 октября бьет тревогу: «Россия сдалась на милость коронавирусу». За последние две недели в Великобритании от ковида умерло 1557 заболевших, в России — 2472. Ужасы, связанные с эпидемией, не привожу, рассказы об эпидемии и вакцине противоречивые и мутные, кто-то на ковиде и лекарствах зарабатывает миллиарды. Мы с Ще против прививок и, соответственно, антивакционеры или ковидные диссиденты…

А еще провалы в экономике, инфляция, цены, брошенная на произвол судьбы бедность. Но «фи-

лософ на троне», он же Марк Аврелий XXI века, по определению льстеца и восхвалителя Сергея Маркова, утверждает, что в России все хорошо, а Запад загибается и гибнет. Профессор Нью-Йоркского университета Михаил Ямпольский высказывает мнение, что мы «между имперским безумием и капиталистическим» («Новая», 1 октября). Только одна цитата: «Власть зациклена на “врагах России”. Это паранойя — навязчивая идея обороны, которая всегда выворачивается в агрессию». И в том же номере «Новой»:

Мозги теперь не ко двору,
И, так сказать, открылась бездна им.
На скудном нынешнем пиру
Должно быть сладко только бездарям…

Ну, а что делать нормальным и умным? К примеру, актрисе Алле Демидовой, которая ни на кого не похожая, одна, одинокая, ни капли не тусовочная? 29 сентября у нее был юбилей (1936) — о ней сняла удивительный фильм Любовь Аркус, и он был неожиданно показан по Первому каналу ТВ. Демидова живет, выживает, борется и остается сама собой, что удивительно в социуме по соседству с Соловьевым, Киселевым, Марковым,

Володиным и т. д. Демидова — антитерешкова: у нее свой космос: театр, литература, написанные ею книги…

30 октября, суббота. Ясное утро, белые облачка с голубыми просветами. Дневник-книга идет туго, надо бы не спешить, отложить, профильтровать, но не могу, нет сил, пускай будет так, отрывочно, клочковато, путано, с повторами, главное — довести до конца и заняться чем-то другим. Если честно, то изнемогаю.

Вернусь к себе, любимому. 25 октября закончилась эпопея «плита», которая не давала покоя несколько месяцев. В понедельник 25-го приехал мастер — включатель газа кавказец Тенгиз баскетбольного роста и за 40 минут отключил старую и подключил новую. А я договорился с дворником Фаридом, и он за «тыщу» с помощником вынесли старую плиту из квартиры — этот Геракловый подвиг не для меня. Новая плита стоит и украшает своей белизной кухню. Одной проблемой меньше.

25-го утром приехал Карен за прочитанной сверкой, лежащей дома две недели. Потом позвонил Марии, сказала, что к концу ноября, возможно, напечатают книгу…

Тенгиз, Фарид, Карен — это что гастарбайте-

ры?..

26 октября с подачи Лены Сылко решилась и проблема с лентой для машинки. Лена узнала магазин, где продается, по компьютеру, сказала мне, я позвонил, и курьер привез: 500 ре — две катушки плюс 350 доставка. А Ще, не видя, на ощупь, доблестно вставила ленту в машинку «Traveller C». А я мучился-мучился со своей обесцвеченной лентой, поправляя ручкой плохо пропечатанные буквы. «О, если б знали, из какого сора растут стихи…» (цитата по памяти), а если бы знали, с каким трудом и с какой мукой сочиняются книги! Печатаю на новой ленте первую страницу и думаю, хорошо бы перепечатать с десяток предыдущих полуслепых страниц. И это при компьютере, который я так и не освоил, консерватор, ретроград и отставший от новых технологий, ругаю себя последними словами. Но вот такой!..

А вчера, 29-го, сюрприз. С утра встал, и кружится голова, и по комнате передвигался, держась за стеночки, и возникла боязнь: упаду и… Естественно, отменили выход на улицу, и целый день подремывал на диване, вот цена книг и прочих нагрузок и волнений. Ще, естественно, перепугалась, а мы одни, практически без родных, близких и друзей, так сложилось. Три близких

человека живут за рубежом: Эдик в Израиле, Наташа в Германии, Людочка в США. А сколько ушло из жизни.

И вот последние уходы: журналистка Майя Пешкова, книжница, несколько раз брала у меня интервью… Режиссер Александр Рогожкин на 73-м году жизни, автор многих народных фильмов: «Особенности национальной охоты», «Кукушка», «Жизнь с идиотом» и т. д. В последние годы потерял жену, замкнулся и… вот это окончательное «и». А пока печатал, Ще услышала по «Эхо»: умер Игорь Кириллов, диктор «Останкино», мой ровесник, член «Клуба 1932». Когда я предложил ему пробить программу о ровесниках на ТВ, он с горечью сказал: «Блестящая идея!.. Но что я могу, меня никто не слушает…» Непонятный корифей центрального телевидения. Но все равно жалко…

Какая-то ерунда и деградация идет в двух МХАТах — имени Чехова и имени Горького. «Слить или не слить — вот в чем вопрос» («МК», 13 октября). Не хочу вдаваться в подробности: везде одно и то же — зависть, подсидки, ненависть…

Дмитрий Муратов — лауреат премии мира (точнее: в газете «Новой»). Муратов объяснил, за что: «Мы сражаемся за факты», то бишь за правду и справедливость. И 11 октября в рубрике рас-

следование «России изуверные сыны» (изуверы, садисты) — «Самая чугунная скрепа России — ее тюрьма и истязания заключенных. И чтобы сломать эту скрепу, нужна политическая воля. Но ее нет и не будет».

Оптимистично!.. И, конечно, Нобелевка у «Новой» вызвала у многих коллег-журналистов скрип зубов недовольства и зависти… А тем временем упорно идет «Искажение истории» (Минкин, 14 сентября). В Симферополе и Краснодаре открыты памятники Дзержинскому. За что? За организацию террора? Железный Феликс был первым организатором террора, а потом пришли другие «организаторы». Тут днями «ЛГ» опубликовала материал об актере Георгии Жженове, он оставил о себе память не только фильмами о судьбе резидента, но и книгами: «Моя жизнь — биография советской власти». Три ареста и 17 лет лагерей. Как и Варлам Шаламов, в своих книгах Жженов открыл страшный мир сталинских лагерей, в том числе и Норильлага.

После XX съезда и заклеймения Сталина как преступника наступила некоторая оттепель, реабилитация многих невинных жертв, в том числе и моего отца, а потом все потихоньку начало возвращаться и пошло гонение на диссидентов, пра-

возащитников и прочих «критиканов». Апогей наступил в последнее время, когда был запущен каток репрессий в связи с давлением на Россию со стороны Запада. Россия — осажденная крепость, враги вовне и внутри. И вновь заработал конвейер обвинений, арестов и пыток. Попавшее на волю видео ужасных нечеловеческих пыток потрясло весь мир, а власть на разоблачение своей жестокости почти не реагирует, более того, как заявила адвокат Марина Бирюкова: «Сейчас тюремная система государством оценивается как эффективная», ибо посеяла страх в народе, снизила протесты и накал возмущения и критики.

Писательница Людмила Улицкая: «Закручивают гайки, значит — боятся» («Новая газета», 15 октября).

И неожиданный вывод Улицкой: «Злая власть вообще-то для литературы неплохо. Литература от ее злости только крепчает». Когда-то Николай Глазков писал на эту тему: чем свирепее власть, тем интересней происходящие события для историка… Историкам интересно, а каково рядовым гражданам.

«МК», 6 ноября, обозреватель Каманин: «Здравствуйте, я ваша Дума!» «Скучно жить на свете, господа. Но если бы на свете не было Госдумы

с ее забавным содержанием, было бы, право, куда скучнее…» Жестокие, нелепые и абсурдные законы, все для укрепления власти богатых и все против граждан: обобрать, унизить, оскотинить (тут уже на сцену выходит ТВ-ящик…).

12 октября в эфире «Дождя» Познер, Парфенов, Шевчук, Макаревич, Гребенщиков и другие выступили в телеэфире против законов об «иноагентах». «Иноагенты» не встанут на путь исправления, дискриминационные законы можно только отменить…

Борис Вишневский: «Это — неправовой механизм государственной дискриминации неугодных. Пытаться его смягчить — бессмысленно и нужно просто отменить» («Новая газета», 13 октября).

Может быть, хватит? Я не верю, что сегодня можно изменить эту новую Пу-реальность. Только в отдаленном будущем. Свобода Россию обходит стороной… Наш удел — пока! — дремучая архаика с Малютой Скуратовым… И как не вспомнить «Поэму о Сталине» Александра Галича о том, как в лагерь пришло известие о смерти Сталина и о развенчании культа личности:

Кум докушал огурец

И закончил с мукою:
«Оказался наш Отец
Не отцом, а сукою»…
Полный, братцы, ататуй!
Панихида с танцами!
И приказано статуй
За ночь снять со станции…

Александр Мельман выдал в «МК» 20 октября комментарий о неожиданной программе по Первому каналу о Галиче — он родился 19 октября 1918 года, и Александр Мельман откликнулся на это событие комментарием — 20 октября в «МК» «Галич наш»: «Не только народа, но и элиты. Галича выдворили из страны, как последнего изгоя, и возникает вопрос: для кого он жертвовал собой, пел, исполнял всю правду, высмеивал эту гнусь, выдавливал из себя раба?..» Впрочем, как и Владимир Высоцкий. А наша элита, отмечает Мельман, «так ничему и не научилась. Элита с удовольствием слушает эти успешные, сытые, предавшие идеалы. Если, конечно, они когда-то у них были…»

Лишенный родины, Галич пел и спрашивал не себя, а судьбу:

Когда я вернусь.

О, когда я вернусь!..

Господи, как Галич проникновенно пел, не форсируя звук:

Мы с каждым мгновеньем бессильней!

Хоть наша вина не вина.

Над блочно-панельной Россией,

Как лагерный номер, – луна…

6 ноября, суббота, почти 12 дня, а темень, никак не рассветет. Мучаюсь. С трудом заставил себя сесть за машинку, угнетает гора вырезок: хочется побольше оставить в книге событий и фактов современной жизни, какой-то хроникер отчизны, действительно, охота пуще неволи: не за деньги, а за интерес. Скажут спасибо или дадут по шее? — и это мучает. Вдохновляют люди, которые бесстрашны во имя свободы народа, а народу эта свобода совсем не нужна, как пели в советские времена: «Была бы только водочка…», уникальный пример Алексея Навального, отважного борца за свободу. А тут нашелся еще один бывший зэк саратовского ОТБ-1 Сергей Савельев, который сумел вынести из колонии уникальные видеосериалы пыток в исправительных

учреждениях. По заданию администрации он занимался видеоописанием пыток, копировал их, прятал и вывез на волю, и вместе с автором проекта «Gulagu.net» Владимиром Осечкиным нашел убежище во Франции, и в результате этого суперрискованного проекта мир узнал о процветающих пытках в России.

Савельев: «Я поставил на кон свою жизнь», увы, один из миллионов. Мир вздрогнул от издевательств, унижений, истязаний российских тюремщиков. Покорная и сонная Раша только вздыхает: а что мы можем? Смельчаки и герои знают ответ. Только их единицы…

А тем временем в России много чего происходит, что находится за гранью зла и ужасов, на Северном Кавказе изгоняют из женщин джиннов (в России — бесов) с помощью жестокого насилия. «Новая газета» 20 октября, рубрика «Как это делается» — расследование «Женщины стонали, дергались, мычали». Подобным образом лечат и гомосексуальность…

В стране бушует эпидемия оскорбленных чувств по любому поводу, даже голая грудь или выставленная напоказ задница вызывают дикое раздражение. Впору открывать Министерство обиды и жалоб, а можно и комиссию поисков

национальных скреп. Ничего умного придумать бюрократия и чиновники не могут: только запреты и агрессию… Как только касаюсь политики, то сразу позывы тошноты, настолько все это омерзительно. Лучше о футболе.

«Зенит» — первый парень российского футбола на деревне разгромил «Спартак» 7:1 и «Динамо» — 4:1, и продолжил выступление в Лиге европейских чемпионов. И снова баранка: поражение от итальянского «Ювентуса», на что «Спорт-Экспресс» не без ехидства про проигранный матч: «Достойно, но без очков». В России все валится, и футбол не исключение.

О себе и о Ще — развал, плохое самочувствие, быстрая утомляемость. По Игорю Кириллову: «Все было хорошо, но тут не спросясь пришла старость». Я в юности писал рыдательные стихотворные строчки и на склоне лет вновь к ним вернулся:

Причитаю, причитаю, причитаю
Все о том, что жизнь – тупик.
Умных книг уж не читаю,
Только все переживаю,
То ли слезы, то ли взрыд.

Прочитал Ще, она возмутилась: ну зачем ты

так? А что старость — это тупик, дальше путей нет — ни сил, ни возможностей, ни родни, ни друзей-приятелей, ни помощников, никого, пустыня. Нет, грешу: помощники есть из синагоги (ирония судьбы!) — последняя и уходящая уборщица Паша из-под Тирасполя, а то все Оренбург да Саратов, нигде работы нет, и все тянутся в Москву. Я им всем сочувствую. На сочувственной ноте и закончу.

Неужели все так безысходно и мрачно? А шоу «Три аккорда»? В последнем выпуске зажигала Нонна Гришаева (нынешняя Гурченко), с таким задором выдала старую песенку: «Мама! Я жулика люблю! Жулик будет воровать, а я буду продавать. Мама, я жулика люблю!»

Насчет воровать — это прямо про сегодняшний день. Воруют все!.. Или берут взятки, которые называются откатами. Воровской капитализм.

Спрашиваю Маню,
Что ты будешь пить?
Пильзенское пиво,
Самогон, вино,
«Душистую фиалку»
Или ничего?..
А Маня отвечает,

Что голова болить…

Господи, зачем я вставляю подобное в книгу? Исключительно для разрядки, для снисходительной улыбки, простые люди — это их забавы, и это чище, чем дьявольские игры «верхушки», так называемой власти, квазиэлиты, будь она неладна!..

13:05, чуть рассвело, но и силы кончились. Листва почти вся опала, по небу бродят мрачные тучи. Ковид-19 делает свою черную работу. Все при деле. И сразу вспомнилась Мера, переехавшая в Хайфу. По телефону спросила (это было давно), что я делаю. Я ответил: пишу книгу. А она: «Боря (мой кузен Борис Безелянский) тоже работает: выгуливает собаку…» Без комментариев: но коммент!.. Тем более что давно нет Бориса, ушла и Мера…

7 ноября, воскресенье. Я вспоминаю, какой был грохот, музыка, ликование 70 лет назад, когда я жил в Арсеньевском переулке, и толпы шли около нашего дома в направлении Серпуховки. Счастливые, ликующие лица — праздник после трудовых будней и какая-то неясная надежда, что впереди будет еще лучше… А сегодня вышли на улицу — малолюдно и тишина. Все сумрачные,

озабоченные проблемами и тронутые страхом, как бы не заразиться ковидом. И впереди плотный туман.

Политолог и публицист Владимир Пастухов, ныне живущий и работающий в Лондоне, выдал в «Новой газете» (1 ноября) статью, нет, дал интервью «Великая Октябрьская нравственная революция», в которой, между прочим, заметил: «Единственная возможная сейчас в России форма революции — это революция коричневая. Ничего другого просто не может быть».

Н-да, перспектива! Только военной диктатуры нам не хватает… После октября 17-го «коммунисты не создали нового человека — и русские остались русскими, самодержавными, дремучими и прочими… Русские — самый фаталистический европейский народ… Очень трудно поднять русских на какое-то историческое действие, а потому что существует твердое убеждение: все предрешено… В России вообще легче принимают смерть, чем жизнь. Многих проявлений жизни в России боятся гораздо больше смерти…»

После Пастухова весело читается Слава Тарощина («Новая» от 3 ноября) — «Народ к единению готов» — «Когда ненависть становится эквивалентом развития». Какое единение? Количество

фронтов приумножилось. Отныне великая держава мужественно сражается не только с Украиной и Америкой, с Западом и заморскими углеводородами, но и с отечественными голыми ягодицами. Армия оскорбленных увеличивается… и уже нужно создавать Министерство обиды… Страна, как никогда прежде, готова ко дню народного единства…

И вот уже Юрий Шевчук «воспевает» в своей песне токсический сорняк «борщевик» — примитивный организм, пожирающий все и всех. Шевчук сравнивает его с силовиками, с деньгами, с небоскребами, которые вырастают на живом теле города. Казалось бы, что между ними общего? Но общее есть: все хотят жрать, все уничтожают живое… «У власти вновь жирела сволочь…» О песнях протеста Шевчука написал Ян Шенкман в той же «Новой» 3 ноября.

И 3 ноября нашему с Ще брачному союзу исполнилось 54 года. Немного порадовали себя вкусненьким и не выпили ни грамма спиртного, даже пива, возрастное слабство. У Мани «голова болить».

9 ноября, вторник. Да, что о себе писать? Уже нет ничего интересного: ни прогулок дальше пятачка вокруг Песчаной, ни встреч с интересными

людьми, ни творческих вечеров, только «Эхо» да ТВ и одни и те же эксперты и толмачи, только Марков и Проханов радуют своим красным патриотическим краснобайством, а в остальном, если говорить о р/с, то зубодробительно вопиющие акты и зубодробительная критика. Сегодня проснулся в 6 утра и сочинил строки:

О родина, родина, родина,
Куда пропастился твой лик?
Одни лишь ухмылки уродины,
И вместо молитвы лишь рык.

Далее как-то не пошло, набили оскомину аресты, посадки, насилие, издевательства. Одновременно громкие рулады людей при кормушке, вот и певец Олег Газманов (тот еще певец власти!) напал на Ельцин-центр, какая-то выставка его оскорбила (ну, конечно, свято верующий), и он выдал спич: «Ребята, але, прислушайтесь, сделайте то, что хотят люди! Мы хотим сплотиться вокруг красивых благородных идей, а нас дергают на какую-то фигню!..» Красивые дворцы и белоснежные яхты для богатых и развалюхи без канализации и газа для нищебродов, красивая жизнь для элиты и нищенски скудная для народа. По этому пути славно шествует режим, давняя

сталинская песня «С каждым днем все радостнее жить!..».

Веселые песни, красивые идеи! И не надо цитировать Лермонтова про немытую Россию — «страна рабов, страна господ...». Ошибался классик. В сегодняшней России все равны и все счастливы, всё честно и всё справедливо. Короче, гей, славяне!..

Стоп-стоп! Извиняйте дядьку, занесло, голова малость закрутилась. Кругом пандемия, немудрено... Не за горами весна, травка, цветочки, птички, и месяц май — баловник и чаровник. И Манилов с удовольствием предался мечтам...

Откроем «Мертвые души», 1-й том, глава вторая:

«– А знаете, Павел Иванович, — сказал Манилов, — как было бы в самом деле хорошо, если бы жить этак вместе, под одною кровлею, или под тенью какого-нибудь вяза, пофилософствовать о чем-нибудь, углубиться!..

— О! Это была бы райская жизнь! — сказал Чичиков, вздохнувши. — Прощайте, сударыня! — продолжил он, подходя к ручке Маниловой. — Прощайте, почтеннейший друг!..»

Бессмертный Гоголь! Термин «маниловщина» вошел даже в советскую энциклопедию, как обо-

значение отвлеченной мечтательности, лености, слащавости, лицемерия. И главное то, что слово «маниловщина» использовали Ленин и Сталин в борьбе с либералами… А Ноздрев разве не распространенный тип — ухарь и хам, хулиган и драчун. Готовый силовик нашего времени.

* * *

Три недели перерыв. Какие-то мелочные бытовые проблемы, не то самочувствие и ноябрьская темень: нельзя что-то писать, всматриваясь в каждую букву. Боже, как село зрение! И что впереди? Ще совсем плохо видит, я просто плохо, и нам обоим суммарно 170 лет. 89+81. Ни детей, ни внуков, по существу, и близких уже нет. Вот уж провидческие слова когда-то написал: «как два бедуина в пустыне». Или как Боря Кузнецов после смерти Лиды весь в растерянности и раздрызге среди навалившихся проблем: «Ну, я не знаю, что это такое?!.» Так и не понял, что это — жизнь!..

И у каждого своя вариация со своими разбитыми надеждами, досаждающими тревогами и проблемами. Разыгралась целая история вокруг карточки «Пятерочка»: в связи с копеечными гонорарами бдительные люди из синагоги зачислили меня в статус работающего пенсионера и

заблокировали карточку. Пришлось связываться с «Лит-Рес», с юристом Юлей, и разорвать договор по электронным книгам. Приезжал курьер, потом бумаги пошли в фонд «Надежда». Теперь никаких, даже копеечных гонораров.

Последние данные: с 1 января 2020 по 1 ноября 2021 продано всего 57 книг (из 7 предложенных), а количество показов (или просмотров?) — 5.890. Мизер. А столько неприятностей!..

А тут на днях засор в ванной. Ще в полуобмороке. Вызвали мастера Диму, пришел с тросом, 5 минут работы — и все исправил, за 500 ре. И зачем быть писателем? Шахтером, летчиком опасно, чиновником сытно, но рутинно и скучно. А водопроводчиком, слесарем — в самый раз. Но мы — белая кость, гнилые интеллигенты, с юных лет рвались в писатели, в творцы, к аплодисментам, комплиментам, овациям, к букетам цветов… И что? 43 изданных книги (сбился со счета, надо проверить), и вот последняя книга — второй из дневников застрял в типографии, а третий — вычитанный набор «Нулевые, боевые, пенсионные…» давно готов, но Мария никак не пришлет за ним Карена. А я никак не могу закончить четвертый том. Но писатель! Полон самоуважения. В «Никитские ворота» все время

звонят читатели, спрашивают, когда выйдет следующая книга?.. Стало быть, интересно…

Сегодня 3 декабря, и, глубоко и печально вздохнув, надо написать о тех, кто ушел недавно. Но сначала строки Семена Кирсанова:

Время тянется и тянется,
Люди смерти не хотят,
С тихим смехом: – Навсегданьица! –
Никударики летят…
Никударики, куда же вы?
Мне за вами? В облака?
Усмехаются: – Пока живи,
Пока есть еще «пока».

Семен Исаакович Кирсанов — «Зябкий инкубаторный холеныш» — так называлось эссе о нем в моей книге «Золотые перья» (2008) — годы жизни 1903–1972, прожил не густо — 56 лет.

Ну, а теперь надо вспомнить свеженьких ушедших «никудариков», ковид ускорил их уход «в облака».

Вчера была по ТВ программа Борисова об умершей Валентине Малявиной, манкая женщина, почти красавица, с большими распахнутыми глазами. Актриса с трагической судьбой. Шлейф

мужей и влюбленных поклонников, среди которых Андрей Тарковский, Кайдановский и многие другие, и последний по списку — Станислав Жданьков, молодой официальный муж уже зрелой Малявиной. Роковой день 13 апреля 1978-го, ссора, и 24-летний Стас ушел из жизни. То ли суицид, то ли убийство, но кем: Малявиной или еще кем-то. Полный мрак и тайна. Малявина призналась в убийстве, попала в тюрьму, потом ее выпускали, снова сажали, ее судьбу решали на самом верху. Вышла, стала пить, и ее судьба покатилась по наклонной. Последние 20 лет провела в учреждении для престарелых, потеряв зрение и почти слух, и ее возили на коляске. Кто оплачивал все это, кто ее навещал? Опять мрак и тайна. И вот в октябре Валентина Малявина умерла (пока нет некрологов, и она не вошла в энциклопедию «Кино» (1985) — криминал). Потом допишу, когда узнаю. Малявина снялась в фильме Тарковского «Иваново детство» — как-нибудь посмотрю, что писал Андрей о ней в своем дневнике. Какая мрачноватая судьба! Это вам не Игорь Кириллов, «человек большого стиля», всего лишь произноситель чужих текстов, «голос времени» (еще одно определение из газет).

Никаких тайн в судьбе Нины Руслановой нет.

Умерла в 75 лет. «Самая народная», и прощание открытое, без тайн, со слезами и аплодисментами — «Браво, Нина Ивановна!» Ее знали, ее любили, хотя ничего особенного она не сыграла. Просто яркий типаж русской бабы…

А вот Валерий Гаркалин, умер на 68-м году жизни, потянул за собой много воспоминаний. Умел «там быть здесь». Знаменитая роль в фильме «Ширли-мырли». Умный, забавный, ироничный, теплый… Любопытно: Гаркалин был сыном слесаря и кассирши, об актерстве мечтал с детства и добился своего…

О Руслановой, Гаркалине и о Мариэтте Омаровне Чудаковой написал в колонке «Собеседник» (23 ноября) Дмитрий Быков: «Все три вертикали… все трое успели вдохнуть свободу и надежду, и этого заряда хватило на годы безвременья, когда они реализовались, не опуская планку… Так уж СССР был устроен — сначала давал шанс, потом душил. Но у людей этой эпохи имеется навык сопротивления…»

Мариэтта Чудакова, заголовки из газет: «Подвижница, романтик, бесстрашная женщина», «Человек убеждений», «Не знавшая равнодушия», «И на том свете всех построит»… Премия «Нонконформизм» — 2017. Мне довелось однажды

пересечься с Мариэттой Омаровной и пообщаться, — приятный человек.

Еще из пишущих ушел из жизни известный литературовед Скатов. «Счастливый след Николая Скатова» — публикация в «Литературке», вызвавшая у меня удивление: когда ушел, сколько было лет, причина смерти — ничего этого нет. Только «счастливый след».

Нормально выступила «Вечерка», написав об ушедшем сатирике Викторе Коклюшкине — «Человек со светлыми мыслями» — умер 11 ноября от сердечной недостаточности, не дожив две недели до 76 лет. По «Эхо Москвы» дали одно из выступлений Коклюшкина. Вспоминая детство, он отметил, как его, малыша, мать брала с собою в баню. «Было интересно?» — спросил корреспондент Коклюшкина, он ответил, нет: «А что интересного? Одни треугольнички… А вот когда в баню брал отец, то там было интереснее: татуировки кораблей, якорей и прочее…»

29 ноября ушел «Свидетель века» кинорежиссер Владимир Наумов. Несколько дней не дожил до своего 94-летия. Вместе с Александром Аловым поставил много хороших картин, в том числе «Бег» по Булгакову. После смерти соавтора ставил фильмы в одиночку, в том числе «Джоконда

на асфальте» (увы, не видел). Он не поддавался идеологическим давлениям и учил молодых режиссеров: «Не избегайте неудач». Брак Наумова с Белохвостиковой считался в кинокругах безупречным…

Евгений Иванович Чазов (10 июня 1929 — 11 ноября 2021). Эскулап Кремля. Но мог и не стать им, ибо в молодые годы, имея хороший голос, пел в ресторанах и неплохо зарабатывал. Пренебрег деловой популярностью и пошел в медики. В 37 лет возглавил Кремлевку, 4-е управление, и лечил всех генсеков: Брежнева, Андропова, а еще 22 лидеров из 16 стран, в том числе Насера. А нашего последнего Фараона консультировал или нет?..

Еще один долгожитель — Герман Зонин, игрок и тренер. Возглавлял сборную СССР, сделал «Зенит» чемпионом страны в 1972-м. Годы жизни: 1926 — умер 26 ноября 2021.

Не пощадил коронавирус молодую и красивую известную танцовщицу Кристину Асмаловскую (шоу «Танцы со звездами»). И вот, как ни горько, танец со смертью…

И вот последняя громкая утрата — Александр Градский, 72 года, певец, композитор, один из отцов русского рока и наставник шоу «Голос».

На похоронах Градского кто-то сказал: «Он был

недосягаем, человек-восторг». Стоило уйти, как неподражаемый, великий и прочее. А к этим овациям он шел долго и трудно. Помню, как в 70-е, когда я работал в Госкомитете по ТВ и радиовещанию, на парт-творческих активах председатель Сергей Лапин требовал убрать с экрана этого лохматого! Лапин не терпел ни бородатых, ни длинноволосых и, соответственно, идеологически опасных. Одна из песен Александра Градского 1987 года:

Колоски наших юных годов отшумели,

Выше липы и ели над прахом отцов.

Мы не спим на земле, завернувшись в шинели,

Мы – в шелку и в шанели, в ряду подлецов.

А из этого ряда куда нам податься?

Коль молчал – все одно не отмоешь клейма.

Стоит только лишь раз на посулы поддаться –

Не успеешь продаться, сгниешь задарма.

Это уж точно антисоветчина. Он писал лириче-

ские, политические, трагические строки.

Ах, время наше сучее!
Летучее, ползучее
И прочее жулье.
И партии разучены,
И рукава засучены –
Готовы под ружье!

Все это написано в середине 80-х и что, потеряло актуальность?

Колонны перестроены,
Удвоены, утроены
Штабные штабеля.
И на вершине случая
В тоске благополучия
Цепные кобеля.

Да, что добавить? Но коммент!.. Комментарий Александра Минкина «…Не для славы и пел, и жил» («МК», 29 ноября) вполне исчерпывающий!

И рядом материал Артура Гаспаряна «Не забыть нам родные глаза». Как не забыть, как Градский с каким-то невероятным надрывом пел:

Как молоды мы были,

Как искренно любили
И верили в себя…

Ну, не все. Кто-то верил в себя, а кто-то растоптал собственное «я» и бросил его клочья к царскому трону. «Первый тайм мы уже отыграли!» …Господи, и не только первый, но и второй. И вот иссякает дополнительное время, а за ним финальный свисток судьи. И на табло застывают цифры… А далее:

Когда меня у входа в Парадиз
Суровый Петр, гремя ключами, спросит:
«Что сделал ты?» – меня он вниз
Железным посохом не сбросит.
Скажу: «Слагал романы и стихи
И утешал, но и вводил в соблазны,
И вообще, мои грехи,
Апостол Петр, разнообразны.
Но я – поэт». И улыбнется он,
И разорвет грехов рукописанье.
И смело в рай войду, прощен,
Внимать святое ликованье…

Это — Федор Сологуб, родившийся 1 марта по

нов. ст. 1863 года. Тянет порассуждать на тему, кто войдет в рай, а кому суждено гореть в аду (я знаю этих людей), но не буду — 5 декабря 2021 г.

7 декабря, вторник, за окном все завалено снегом, минус 3. С Ще вышли героически из дома и побрели в киоск за газетами, а потом в «Пятерочку» за маргарином «Хозяюшка». Проход не везде убран, и мы проваливались в снег, со стороны — зрелище! Увы, два старых человека, не сдающихся и не выкидывающих белый флаг. Какой флаг! У нас победный: 3 декабря к вечеру Карен привез пять штук второго тома «Драма лихих 90-х. Воспоминания и дневник москвича», кажется, 41-я книга по счету, рукопись отвез в издательство 12 июля 2019-го, и, соответственно, готовилась один год 8 месяцев и 10 дней. А первый том «Об СССР — без ностальгии» вышел 20 марта, т. е. две книги за один 2021 год!..

Книги держат на плаву и не позволяют рассыпаться.

И все время кто-то уходит с жизненной сцены. Ленинградская актриса Нина Ургант из знаменитого «Белорусского вокзала» на 93-м году жизни. «Великая “Нинка-плакса”» — из некролога в «МК»: очень эмоциональная актриса, по мнению Ширвиндта, только она понимала пьющих му-

жиков. Странное достоинство.

8 декабря. Одни некрологи. В 75 лет ушел из жизни продюсер, устроитель кинофестивалей «Кинотавр», «Кинотаврик», «Золотой Дюк» и других — Марк Рудинштейн. Прожил бурную жизнь (на книгу точно), в 90-е годы спасал отечественный кинематограф, написал книгу про звезд «Кинотавра», и откровенность Рудинштейна ему не простили. В конце жизни диабет, проблемы с ногами, сердце, инсульт, инфаркт. Плата за активность и гедонизм?..

А простые трудяги — шахтеры и горноспасатели — 52 человека. «МК» — «Большое горе Кузбасса и России. Случайность? Нет, закономерность». «У нас газ метан убивает, во всем мире — эффективно используется». Президент опять, как и в прежние катастрофы (в мае 2010 года на шахте «Распадская»), говорил правильные слова об ответственности и бережливом отношении к людям. Но все это лишь сотрясение воздуха: метан взрывается, и люди гибнут… А какая-то поэтесса в «ЛГ» романтично пишет: «И налегают ангелы на весла…» Какие ангелы? Наши доморощенные людоеды-начальники…

Перебьем тему. В той же «Литературке» (24 ноября) в рубрике «Белорусский дневник» неожи-

данно натолкнулся еще на одного ровесника, члена «Клуба 1932». Давид Симонович родился 26 июня 1932 года в Наровле, райцентре на Гомельщине. В отличие от меня, байрониста и серебриста, чистый патриот. С 1946 года вел дневник и писал стихи на сливочном масле:

Я хочу поэтом стать в боевой стране
И хочу стихи писать в мирной тишине,
О труде, о родине, о ее сынах,
О дорогах пройденных, о счастливых днях.

Чистый продукт без примеси Серебряного века. И все же с Давидом меня сближает жажда знаний и просветительство, только я замахнулся на мировой уровень (мне подавай Кафку и Джойса), а он замкнулся на Витебщине, где жил долгие годы, и писал о Марке Шагале, о Репине и других знаменитостях, посетивших или живших в тех краях. Выпустил несколько книг, в том числе «Витебский вокзал, или Вечерние прогулки через годы» (Минск, 2006). Умер Давид Симонович 9 мая 2014 года. Филолог, учитель, краевед…

Только распечатался, и опять тьма египетская. Отложил машинку в сторону. 13:15, вот уж третий день, как лежит снег, и мглистое серое небо.

9 декабря, 11:33, чуть посветлее, и даже пробиваются солнечные лучи. Хватаюсь за машинку. Скопилось много интересных вырезок, и не успеваю их переварить и встроить в книгу. Не утихает пандемия, и появляются все время какие-то новые штаммы, ужасающие цифры заболевших ковидом и смертей, демографический удар по России. И если бы только это! Инфляция, рост цен, экономика в пролете. Угроза войны. Левая пресса озвучивает планы нападения России на Украину и будет ли Америка защищать Украину? Словом, «в воздухе пахнет грозой…». Состоялся заочный разговор по дальней связи между Байденом и Путиным.

Хватит! Лучше об Александре Вертинском.

В ариетке «Прощальный ужин» Вертинский подвел итог:

Я знаю, даже кораблям
Необходима пристань.
Но не таким, как мы, не нам –
Бродягам и артистам…

Я с юных лет любил печальные и иронические ариетки Александра Николаевича и напевал их знакомым девочкам:

Пей, моя девочка, пей, моя милая,
Это плохое вино.
Оба мы нищие, оба унылые,
Счастия нам не дано.
Нас обманули, нас ложью опутали,
Нас заставляли любить…

(1917, Одесса)

Каждая ариетка Вертинского — это печальная сага о жизни, греза о счастье и о разбитых надеждах.

Все кругом печально,
И день так пуст и сер.
Грустит в углу ваш попугай Флобер,
Он говорит «Jamais» и плачет по-французски.

А наше с Андреем Тарковским стихотворение из ноября 1949 года (нам по 17 лет) — «Проходят дни густой лиловой тенью…» не из «Лилового негра» Вертинского?

Свое обожание к Вертинскому я отразил в книге «Серебряные трели судьбы». Звезды ретроэстрады Америки, Франции и России, и в ней главка «Чужие города Вертинского». Сегодня я вспоми-

наю о шальном российском Пьеро и возмущаюсь телесериалом «Вертинский» — вульгарной подделкой биографии Вертинского. Где печаль? Где артистизм? Где утонченность и грациозность чувств? Где раненая душа артиста? Где все это? Я посмотрел 4 отрывка и в гневе выключил «ящик». Пошло, бездарно. Не узнаю Авдотью Смирнову, Дуня сотворила какую-то дулю, пшенную солдатскую кашу и с изюмом. Изюм — это ресторанные сцены: шампанское, шутки, смех, голые руки и обнаженные спины манких женщин, и Вертинский — какой-то ловкач, проныра и авантюрист, какое извращение жизни Вертинского, какая гадость!.. Позвали бы меня, нет, сотворили сами это несъедобное варево. «Литературка» тоже выразила свое возмущение Дуниным «творением».

Вертинский был страдающим артистом уникального жанра.

«В вечерних ресторанах, / В парижских балаганах, / В дешевом электрическом раю, / Всю ночь ломаю руки / От ярости и муки / И людям что-то жалобно пою…» А в Рождество:

С потухшей елки тихо спрыгнул желтый Ангел –

И сказал: «Маэстро юный, Вы устали,

Вы бледны.

Говорят, что Вы в притонах по ночам поете танго.

Даже в нашем добром небе были все удивлены»…

Создатели телесериала «Вертинский» не удивлены и лишены понимания, сочувствия и сострадания. Они рубят бабло и только, и это весьма прискорбно.

До Вертинского как-то был по ТВ документальный фильм об Эдите Утесовой, о ее несостоявшейся судьбе: и из Театра Вахтангова выперли, и из эстрады вытолкнули, а у нее был все-таки дар и нежное мягкое сопрано. Фильм сделан с любовью и с сопереживанием, а Вертинский Дуни Смирновой просто халтура, недаром Ал. Градский как-то сказал о телевизионных разбойниках и халтурщиках…

Ладно, на этом закончим. Чайник выкипел… И хочется подпеть Вертинскому:

Но дни бегут,

Как уходит весной вода,

Дни бегут,

Унося за собой года.

Время лечит людей,
И от всех этих дней
Остается тоска одна,
И со мною всегда она…

(1932 – год моего рождения, Вена)

На сегодня все. Выдохся и устал.

10 декабря. 13:50. Снег и морозец.

«А дни бегут…» Вот уже и 11-е. Из рецензий на сериал о Вертинском «Не в том свете», «Зачем и кому это нужно?». Фальсифицированный коммерческий сериал. А какой прекрасный фильм был сделан об Алле Демидовой! В октябре я хотел написать о нем, но закрутился и не написал. Есть в стране профессионалы, но больше жаждущих денег ремесленников. У каждого свой конек или фишка. К примеру, Александр Масляков: «Самым значительным в моей биографии остается КВН», у Анастасии Волочковой — шпагат, в ноябре ее попросили покинуть отель в Турции, где она после алкоголя к месту или не к месту демонстрировала свой шпагат, ну, а я одержим изданием книг, но это совсем не значит, что я лучше всех. «Нет, я не Байрон, я другой».

Кстати, о классиках. Сплошные юбилеи. 12 декабря — 200 лет Гюставу Флоберу. Потрясающая

книга «Мадам Бовари» и человеческая черта «боваризм». А «Лексикон прописных истин»! По мнению критиков, Флобер открыл и закрыл XX век.

220 лет — Владимиру Далю. И опять же общее место: русская словесность не может существовать без использования богатейших ресурсов словаря Владимира Даля. А я не могу себе простить, что в середине своей жизни пожалел денег и не приобрел словарь Даля, хотя к далевским словечкам и речениям многократно обращался.

200 лет Николаю Алексеевичу Некрасову — родился 10 декабря 1821 года. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!» Н-да. Где граждане в современной России, где гражданское общество, где гражданские институты (и «Мемориал» грозятся закрыть). Вчера по «Эхо» Глеб Павловский с гневом сказал, что в РФ нет граждан, есть поселенцы. Безъязыкие холопы, в большинстве своем боящиеся слово свободное молвить. В книге «69 этюдов о русских писателях» (2008) я назвал эссе о Некрасове — «Вечный злободневный Некрасов» с его роковым вопросом: «Кому на Руси жить хорошо». Знаем, знаем, без всяких сомнений. Некрасов — с большим запалом морального беспокойства и упорно бьющий

в одну точку.

Пожалуй, на этом и закончим. 11 декабря 2021 г., 12:39.

14 декабря, вторник, 12:30. Удивительно зимняя погода: навалило кучи снега, ближайшие дома в белом одеянии, у деревьев белые ветки. Дворники разгребают сугробы, другие отважные сбрасывают снег с крыш, к подъезду почти не пройти. Еле добрели до газетного киоска и до «Магнолии». Пришли и долго приходили в себя. Внешняя зимняя красота контрастирует с остатками сил, и тут хоть плачь. Нет, я не плачу, а мужественно достал «Олимпию» и продолжаю не то дневник, не то мемуарную книгу. И на чем остановились? А, да, на Некрасове, который декларировал на всю несчастную Россию: «Кто живет без печали и гнева, / Тот не любит отчизны своей».

А вот высшая элита ныне живет в роскоши и самодовольстве и пристраивает своих сыновей и прочих домочадцев на нефтяные, хлебные и прочие лакомые местечки. Интеллигенция и средний класс бурчат, недовольны, кто посмелее, эмигрирует, а так только критикует на «Эхо» и других оставшихся площадках. И все время кого-то из ряда инакомыслящих и недовольных выдергивают и сажают. Все в полной красе!..

А есть еще болото, топь, «глубинный народ», который кряхтит о постоянно растущих ценах, с трудом сводит концы с концами, выживает и уже ни на что не надеется, ну, а Некрасов, возвращаясь к нему, «его душа вмещала огромное горе и страдание людей» (Алексей Поликовский, «Новая» газета», 3 декабря).

А 11 ноября СМИ широко отмечали 200-летие Федора Михайловича Достоевского. Много было пафосных, громких, кровоточащих публикаций, и я пополнил досье на Достоевского (сам о нем писал не однажды), но вот один мемориум меня поставил в тупик. Это — сынок Дима Быков (по возрасту он годится мне в сыновья) — его текст в «Новой газете» от 8 ноября «Достоевское»:

«Прямо скажу, господа: уважаю, но, страшно признаться, я его не любил никогда. Ряд обсессий, шершавости слога, страсть к еврейству и злобный оскал… Он как будто не чувствовал Бога, которого-то всю жизнь и искал… Памфлетист в нем сильней, чем художник, что заметил еще и Толстой…»

И далее Быков выдает настоящий апперкот: «Достоевский, ты русская жопа! / Пахнет истиной каждый абзац. / И приятно, что любит Европа / Эту жопу со страхом лобзать…»

Дмитрий Львович, ну, это уже ниже всяких этических приличий. Пережим, перегрев и топтанье табу… и лихая концовка: «Мне приятней считаться евреем, потому что он нас не любил».

А в качестве эпиграфа, что ли, вынесены слова: «Наслаждаться подпольем, быть клопом, паразитом, блохой… Ты один нас действительно понял, потому что ты тоже плохой».

Плохой, хороший — это не та парадигма, в которой надо рассматривать Достоевского. Вот Станислав Белковский заявил, что Достоевский «метавселенен», его масштаб личности — космос. Писатель Платон Беседин («МК», 11 ноября) — «Достоевский. 200 лет одиночества».

«Он умирает и перерождается, чтобы получить истину на краю безысходности». И, пожалуй, хватит. Достоевский — бездонная тема. И это не ж… на золотом унитазе. Это о тех, кто управляет миллионами «тварей дрожащих».

Уф, устал от напряга и возмущения, нет, надо брать темы полегче, как это сделал Ал. Мельман в «МК» 8 декабря: «Вертинский и Дуня». И разнес режиссерку по кочкам. Чуть сам не написал это неприличное розовое округлое словечко на букву «ж». И тут же услышал грозный оклик внутреннего цензора: «Юрий Николаевич, не переходи

красную линию…»

16 декабря, суббота. Шабат. Какой шабат, нет, шабаш, пандемия гуляет по миру, более миллиона людей умерли только в России. Новостей (и все неприятные) так много, что не знаю, фиксировать их или нет. Режим в последней стадии…

И надо выделить уникальное событие: 10 декабря в Осло состоялось вручение Нобелевской премии мира Дмитрию Муратову (главный редактор «Новой газеты») и филиппинской журналистке Марии Ресса. Они посвятили свою Нобелевскую премию мира всем погибшим и пострадавшим коллегам-журналистам. В номере «Новой» от 13-го снимок лауреатов и их слова: «Мы — антидот от тирании».

В своей нобелевской речи Муратов вспомнил слова Андрея Сахарова, которые озвучила его жена Елена Боннэр при получении премии мира 11 декабря 1975 года:

«Я убежден, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой прогресса… Мир, прогресс, права человека — эти цели неразрывно связаны».

Далее Муратов сказал: «Почему это так необходимо сейчас для нас, для меня?

Мир разлюбил демократию.

Мир разочаровался в правящих элитах.

Мир потянулся к диктатуре.

Возникли иллюзии, что прогресса можно достигнуть путем технологического насилия, а не соблюдением прав и свобод человека.

Такой вот прогресс без свободы…»

И Муратов о войне: «Власть активно продает идею войны».

Нынешние идеологи продвигают идею смерти за Родину, а не жизни за Родину.

И Муратов вспомнил слова Горбачева во время Афганистана, обращенные к своим воинственным коллегам по Политбюро: «Прекратите ястребиный клекот!»

Муратов: «Народ для государства или государство для народа? Это главный конфликт сегодня. Этот конфликт Сталин решал массовыми репрессиями», далее о сегодняшних репрессиях и пытках в тюрьмах. И как следствие: «Журналистика в России сейчас переживает темные времена…»

И добавлю от себя: куда темнее!.. А Муратов: «Да, мы рычим и кусаем, у нас клыки и хватки. Но мы — условие движения. Мы — антидот от тирании».

Дмитрий Муратов — классный молодец! Мало

кто из интеллигентов отважится произнести что-то подобное. А он смог, как и Навальный.

И в том же муратовском номере газеты «Подражание Некрасову» от Дмитрия Быкова, но с цыганочкой и выходом: «Порыдаю-ка я, как Некрасов, на потеху заморских гостей над судьбою родных лоботрясов, лоялистов, борцов и властей…»

И прорыдал: «Было вольное русское слово, но потом его время ушло…» «Все в России теперь малоросло, слова правды не скажешь вопче — разве только на лекции в Осло или, страшно сказать, в СПЧ (в Совете по правам человека, на всякий случай, кто не знает)… И в какую ужасную бездну мы несемся на грязной волне!..»

На этом точка, опять потемнело и почти не вижу текста. А вчера был день отчаяния: совсем темно, и я, рыдая, написал строки:

Не денег прошу, а света,
Чтоб буковки различать.
Не зиму люблю, а лето,
Чтоб книги читать и писать.
Не надо карьеры и славы,
Ни званий, ни премий, ничто.
Пускай они будут все правы

В бронированном грозном авто.
Мне лишь уголок и потише,
Никто чтоб не трогал меня,
Ни боссы, вожди и ни мыши
И прочая власти фигня…

Еле-еле написал, нагибаясь и почти носом читая свои бумажки. 12:23, и свет меркнет, и тьма потихоньку сгущается. Господи, а будет ли весна?!. О переменах молчу.

19 декабря, воскресенье, 12:25. Так надеялся, что рассветет, ничего подобного: много снега, дома и деревья припорошены снегом. Минус 3. И все тонет в какой-то мглистости. Сел за машинку и не знаю, получится или нет. Ушедшая в отставку фрау Меркель заявила, что будет отныне только спать и читать. Я все время прикладываюсь к дивану, но читать и печатать почти не могу, — и это беда. Эта беда давно у Ще, и, кажется, я стремительно ее догоняю, о будущем не хочу даже думать. Живу одним днем. Вот надо закончить эту четвертую книгу воспоминаний-дневников. О Муратове написал, теперь надо и об Алексее Навальном, который находится в заключении в исправительной колонии. Но во Владимирской

области, и ему, как герою и мученику, присудили премию Андрея Сахарова «За свободу мысли». Многим нашим силовикам можно вручить премию за свободу пыток и истязаний. В Осло премию Сахарова вручили дочери Навального, 20-летней Дарье Навальной, студентке американского колледжа. В Страсбурге она выступила с прекрасной речью на английском языке. Она поблагодарила Европейский парламент. И сказала: «Я езжу и выступаю, а он остается за решеткой». «Почему тех, кто борется за права человека, нельзя спасти в XXI веке из тюрем? Одни разговоры и уговоры, неизбежное умиротворение диктаторов и тиранов ни к чему не приводит. Сама суть авторитарной силы предполагает постоянное увеличение агрессии и поиск новых врагов…» Устами молодой Даши глаголет истина! И с горьким сожалением: «Под вывеской прагматизма прячутся цинизм, лицемерие и коррупция…» И тем не менее: «Европейский союз — это удивительное чудо, созданное нациями, которые на протяжении всей своей истории воевали друг с другом. Несмотря на все проблемы и сложности, ЕС продолжает существовать…»

Европейские депутаты аплодировали Дарье стоя («Новая газета», 17 декабря).

А что у нас? Как кто-то выразился на «Эхо Москвы»: все гниет и все хреново, войска в полной боевой готовности куда-то все время перемещаются, поближе к границе, новейшие ракеты постоянно испытываются. Идет постоянное бодание с Западом на уровне дипломатии, и вежливых слов мы не выбираем, и подтекст такой: как жахнем!.. Как французский король, забыл, кто именно: «После нас хоть потоп» (по-французски, кажется, лелюж).

Ну, а что простым людям, особенно пожилым, что делать, когда полыхает крутом огонь ненависти и вражды? «МК», все тот же день 17 декабря, комментарий на злобу дня: «Умри до пенсии, товарищ…»

Какая лучезарная перспектива, это вам не строительство коммунизма, которым десятилетиями морочили голову советским людям. Ныне стагнация экономики, инфляция, рост цен, а пенсии растут на ноль целых и хрен десятых…

Хватит причитать, не старик еще. Третью книгу жду, а четвертую делаю. И давай переменим тему. Что там интересное по «ящику»? На неделе по каналу «Культура» неожиданно показали французский документальный фильм про Альфреда Хичкока. Мне было интересно, тем более что я

писал о Хичкоке в книге «Прекрасные безумцы» (2005, последняя книга, изданная в «Радуге») — «Леденящие ужасы Альфреда Хичкока», о том, как Страна Советов не принимала режиссера — короля ужасов (партия оберегала народ от несчастий и ужасов), и о том, каким был Хичкок как режиссер и человек, и какой у него был прекрасный брак с женой Альмой… Я все время проверяю себя на ТВ-программах о людях, о которых я вспоминал: «А как я написал? И неплохо, а о Вертинском — Дуне подобное и не снилось на чубайской перине…»

Умер в несчастливое число — 13 декабря — наш кинорежиссер Сергей Соловьев, 77 лет, сердце… Хорошие картины снимал (кроме «Анны Карениной»). А его фильм «Асса» получился культовым, где прозвучала песня «Перемен!» Виктора Цоя. Сергей Соловьев снял много фильмов и много выступал на ТВ с рассказами о кино. Был оригинальным и умным человеком. Одно лишь высказывание:

«Человек, ты кто? — Тварь дрожащая, готовая исполнить любой приказ любого правителя, или же собрат Леонардо? Ты — человек и можешь все. Разве можно прекрасных дам с портретов да Винчи назвать телками? Во всех нас чего-то от твари дрожащей, но мы — люди, и надо чаще

вспоминать об этом».

«Единственная идея, которую надо поддерживать, — это талант».

20 декабря, понедельник, 12:12. Много снега. С утра минус 7. Печатаю отрывками, в световой просвет. Только распечатаешься — и темень.

Вернусь к Сергею Соловьеву, все вспоминают его: легкий, теплый, «все грелись его теплом». Ну, а нынешних вершителей наших судеб как будут вспоминать? Плевками и ненормативной лексикой? С содроганием и отвращением.

Ну, а Соловьев страшно переживал потерю любимого сына Мити, он ушел в 40 лет, и эта смерть подкосила Сергея Александровича. Он был созерцательным и глубинным человеком. Мечтал снять фильм о Тургеневе и Полине Виардо, но не сбылось…

Из интервью конца 2013 года:

— О каком несовершённом поступке вы сожалеете?

— О целой жизни.

— Назовите проблемы, которые в России надо решать незамедлительно?

— Все, если еще не поздно. Но, думаю, поздно. Поэтому можно не решать никаких.

А песня Виктора Цоя звучит и требует: «Мы

ждем перемен». Ну, а Соловьев знал, под каким ударом окажется, если начнет говорить о том, что его беспокоит безнравственность и бессовестность нашего времени. Ну, а его оппонента Никиту Михалкова беспокоит другое: недостаточная патриотичность нашей интеллигенции и ее нежелание служить царю-батюшке, как служит Никита Сергеевич, по прозвищу Бесогон. Он был моим героем, когда молодой и дерзкий «шагал по Москве» — «А я иду, шагаю по Москве…» А сейчас подсчитывает бабки у своего кафе на Большой Никитской, когда я иду в издательство «У Никитских ворот». Солидный «Отче наш» с большим барышом…

Уход Сергея Соловьева был смазан на ТВ 100-летним юбилеем Юрия Никулина. Даже «Литературка» вздохнула и над своим логотипом на первой полосе вынесла этот вздох: «Ленина забыли, а Никулина помнят». Это так, и вполне справедливо. Ленин с товарищами-революционерами поломал старую Россию и начал строить миф о народном счастье, а Сталин его достроил лагерями и зонами, укрепил народный дух арестами и расстрелами. Но это уже другая история…

А Юрий Никулин? Он — больше, чем клоун. И не только комик, а еще и драматический талант.

16 декабря ему исполнилось 100 лет. О Никулине на ТВ сделали хорошую теплую программу, не формальную, а от души. Как он человечно сыграл заурядного человека («Наши люди в булочную на такси не ездят!..») в «Бриллиантовой руке». И песня Зацепина про зайцев: «А нам все равно!..» Косят траву и косят. А что остается?! Кто траву, а кто государственные миллиарды.

Открыл свою шикарную книгу «XX век. Календарь российской истории» и день 18 декабря: 1921 — родился Юрий Никулин, 1933 — премьера «Оптимистической трагедии» в Камерном театре. По сей день власть ставит свою «Оптимистическую трагедию» на всех подмостках жизни.

1971 — умер Александр Твардовский, 50 лет назад, и кажется, его никто не вспомнил. А Василий Теркин Твардовского точно говорил:

Смерть – она всегда в запасе.

Жизнь – она всегда в обрез.

В этой книге, в иллюстрированной хронике, я привел и не такое.

«Олма-Пресс» отважно издала «XX век» в 2005 году. Сегодня такое абсолютно невозможно.

21 декабря, вторник, 12:30. Выскочили на улицу. Смешно: выскочили. Точнее: выползли, кряхтя и

охая, держась друг за друга. Мороз, –18. Но ничего. Помойка, газетный киоск, магазин с творогом. Пришли, горячий чай, более-менее светло, достал машинку, и крик Ще: «Иди смотри телевизор!!!» Недовольный, поплелся. Слова команданте Ще, почти Че Гевары, как приказ. И не пожалел. 11:10, «Культура». «XX век. “Я возвращаю ваш портрет”». Режиссер Виноградов, документальный, фильм, 1983. «Я возвращаю ваш портрет / И о любви вас не молю. / В моем письме упрека нет, / Я вас по-прежнему люблю…»

Небольшая программа с выцветшими кадрами: Рассказчик и исполнитель песен Андрей Миронов. Какой артистизм, какое изящество, какая легкость! Ныне нового Миронова нет. Он уникален, и в сегодняшнем «Собеседнике» фото Фили Киркорова, весь в пышных одеждах и стразах. Шут гороховый XXI века. Артист музыкальной пустоты… Ну, а в фильме старые лица актеров моей молодости: Утесов, Шульженко, Гердт, Мария Миронова, Менакер и др. И Миронов танцует со старенькой Изабеллой Юрьевой, — как трогательно!.. А далее молодая Эдита Пьеха с ее милыми непритязательными песенками. Молодая, прекрасная в своей дерзости и немного сумасшедшая Алла Пугачева, Макаревич со своим

«поворотом». И апофеоз — Высоцкий с горькой жалобой: «Что-то кони мне попались привередливые…» «В гости к Богу не бывает опозданий. И почему ангелы поют такими злыми голосами!..» Высоцкий, конечно, уже не эстрада, а сплошная боль высокого искусства…

А в целом такая милая и щемящая программа. С одной стороны ужасное, с другой — вполне милое по молодости лет и недомыслию. И были проблемы с деньгами и товарами. Сейчас этого нет, но время стыдное и полыхающее. Вот-вот рванет! На очереди лежат кровоточащие вырезки из «Новой газеты», и вставлять их в книгу нет психологических сил. Вот о давно прессуемом властью историке Юрии Дмитриеве — 15 декабря, «Хроника абсурда…». Людоеды закончили с закусками. Абсурд преследования без всякой логики. В СИЗО находится тяжелобольной ректор Шанинки Сергей Зуев. Крупно на первой полосе «Новой», 10 ноября — «Изуверы». 24 ноября — о РПЦ: наши иерархи всегда были и остаются лакеями. Ирина Петровская вспомнила перл Черномырдина: «Никогда такого не было, и вот опять». «Новая газета» 18 ноября, цитировать можно долго, обливаясь горючими слезами и трепеща от негодования, но что толку «мы жаж-

дем перемен». Какие перемены? Наивные люди. В популярном стихотворении: «С любимыми не расставайтесь!» Нет, с властью не расставайся, ее любят на всю жизнь и вечно, полет под куполом цирка!.. Опасно, но так приятно…

Кажется, у Аркадия Северного есть песенка: «А я один синдю на плинтуаре…» Нет, не синдю и не сижу, а сочиняю и пишу. Новая идея: краткая библиография Ю.Б. Когда-то пытался составить, но не до конца и бросил. Может, закончить и вставить в 4-й том?..

Кража в квартире № 27

24 декабря, суббота, католический Сочельник. Снежно и мглисто, –10. Жизнь без особых событий: ходим только вокруг дома, делаю книгу, жду верстку. Ни с кем не общаюсь: только соцработник Паша. Да раз в месяц Таня-педикюр. Много слушаю «Эхо Москвы», да иногда что-то вылавливаем хорошее из «ящика», вроде Сати Спиваковой «Нескучная классика», да еще интервью Дмитрия Борисова с ледяным тренером по фигурному катанию Этери Тутберидзе. А еще прикладываюсь по несколько раз к дивану. В футболе зимняя пауза до февраля. Пока «Динамо» на втором месте. А в остальном рутина и скука. И вдруг!..

22 декабря, в 14:00, нагрянули два молодца якобы из Мосэнерго. Проверка проводки и розеток. Молодые и почти симпатичные ребята. Пока высокий Сергей ковырялся с каким-то инструментом и лампочками, плотный Вася отвлекал мое внимание: «Судя по афишам, вы писатель?.. Давайте посмотрим на вас в смартфоне» и открыл картинку. Высветилась «О СССР — без ностальгии». Интернет-магазин, поставлены 9 звезд (из 10) по опросам (или вызовам), и стоимость что-то вроде 1.200 ре. И такие же радужные цифры по другим книгам. Пока мы с Васей сидели на кухне, Сергей метался по комнатам и что-то колдовал с розетками, Ще еле поспевала за ним, чтобы держать электрика под контролем. Вся эта катавасия длилась 2 часа, две розетки поменяли на новые, и я, разомлев, подарил Васе «Улыбку Джоконды», которая мелькнула в смартфоне. Попрощались за руку. Довольные закрыли дверь: ушли, слава Богу!.. А вечером полез в сервант достать деньги для завтрашнего похода в магазин, и — нас, лопухов, ограбили. В конверте с деньгами вместо 166 тысяч лежали всего лишь 25. Сто сорок одна тысяча растворилась, как будто и не было. В какой-то момент, когда Ще вышла, Сергей открыл дверцу серванта и на верхней полочке — конверт, взял и

— вот удача: деньги, предновогодний подарок.

Ворюга был отнюдь не Кант,
Он шасть в сервант, а там удача.
Он хапнул и оставил сдачу…

Почему не взял все? Загадка для Агаты Кристи. Остатки совести и милосердия к двум пенсионерам? Ответ неясен. Ясно одно: пограбить богатеньких — милое дело, а потрясти бедных и старых — это уже подлость…

Рассказал Ще, и оба в шоке, хотя без слез и истерики, и корил себя, что нельзя так полупрятать деньги, чтобы их можно было легко найти. Ну, лопух. Но затем взял себя в руки и успокоился, вспомнив строки какого-то современника, который утешился, что украли кошелек, но хорошо, что не убили… Деньги приходят и уходят, как прилив и отлив морской воды. Подсчитал, сколько в последнее время нам перепало: бесплатно газовая плита, несколько «траншей» в «Пятерочке» по карточке, Люда из Нью-Йорка прислала денежку, оренбургский платок и мед от Оли и т. д. Короче, были даяния, как благо: и вот кража, потеря. И вспомнился детский стишок: «Если от многого берут немножко, то это не кража, а просто дележка». Короче, литератор успокаивал

себя литературными строчками. Когда-то и в Германии у меня совсем незаметно вытащили то ли 300, то ли 500 долларов, — не помню…

Кража, воровство — неискоренимые язвы общества, как мздоимство, коррупция, алчность, жадность и прочие пороки. И вспомним с улыбкой: «Раз пошли на дело я и Рабинович…» Правда: пошли на дело, не прикрываясь, что они — электрики из Мосэнерго. Может быть, для них пример, как грабят граждан по линии ЖКХ, и кругом ворье и жулики. «Эх, хорошо в стране советской жить!..» — была такая песня довоенных времен.

Идти жаловаться, искать правду — себе дороже. Надо просто это пережить, как неприятный эпизод из жизни. Подумаешь, кража в квартире № 27, а вот Батька Лукашенко целую страну украл у граждан Беларуси.

А тут по «Эхо» пожаловался Михаил Леонтьев (рупор Газпрома?), что его грабанули на миллион с чем-то, и вообще, сказал он, нет ни одного знаменитого актера или актрисы, которого бы не ограбили. Время грабежей, насилия и беспредела. И только в лирических песенках: «Как прекрасен этот мир!..»

* * *

25 декабря, Рождество. «Плывет в тоске необъяснимой / среди кирпичного надсада…» — так Иосиф Бродский начал свой «Рождественский романс» 25 декабря 1961-го. Эту тоску необъяснимую хочет высказать, излить и развеять по ветру. Но как без нее, этой тоски? Это — сама жизнь.

А сегодня с утречка пошли в «Пятерочку» — магазин для бедных, пробирались сквозь снег и сугробы, как сказали по «Эху», высота снежного покрова 30 см. Немного затарились и еле поднялись на свой 4-й этаж. Господи, каждый шаг дается с трудом. «Дожили!» — как сказал попугай из «12 стульев», но он не это имел в виду, а что-то другое.

Умер Зимин, великий благотворитель и просветитель России, но почтальоны не работают, газеты по воскресным дням не выходят, и не могу прочитать о нем. А я с ним встречался дважды и просил деньги на издание своей книги, уже не помню какой, он отказал, сказал, что сейчас улетает в Китай. А потом предложил мне написать что-то иное, и уже отказался я. Но это детали. По делам он великий человек и был потрясен, что власть зачислила его в иноагенты. Агент,

который вкладывал свои деньги в просвещение России. «Свирепые чудаки» (чудаки на букву «М») — так сказал вчера о власти, о силовиках и о судьях (судья судит, а перед ним статья, а я сижу, а да подо мной статья…») — так сказал Пархоменко. Страна с повернутой головой назад, одни грезы о восстановлении советской империи. Только славное и доблестное прошлое. И никакого будущего! И мне жалко своих молодых соплеменников, вступающих в жизнь, что их ждет под строгим оком «Большого брата» (это уже Оруэлл).

12:55, и стало смеркаться. Финиш.

27 декабря, понедельник, минус 12, и по часам 12. С утра совершили очередной маленький подвиг: пошли по маленьким бытовым делам. Снежно, скользко, ледяной ветер. С крыш сбрасывают лед, и все огорожено, не пройдешь. Входишь в помещение, очки под маской запотевают, и ничего не видишь, как слепой, и обратно — сумки, 4-й этаж. Что раньше был пустяк, то сегодня, в возрасте — не хочу писать: в старости — это уже трудности…

И потом нескончаемый ковид, новый штамм, все взъерошенные, колючие, злые, и аналитики по «Эхо Москвы» всерьез обсуждают тему грядущей войны, вот, мол, на пороге, и просочилась

информация по захоронению тысяч трупов: бульдозер, траншеи, спецпакеты и «мама, не горюй!», и когда-то очень давно, а точнее, в 1991 году в одной из своих исторических, философских и иронических песен оповещал «гнилых интеллигентов»: «А в условьях океана негде прятаться в кусты…» Только в бункере. Но это для избранных.

В «Новой газете» от 24-го на развороте сценарий «Год сурка» — иронический и печальный, там актриса Юлия Пересильд, побывавшая в космосе, спрашивает при приземлении: «Господи! Это что? Земля? Господи! Почему так темно и холодно? Это вообще Россия? Где я?!» Кто мне может сказать, где я? Короче, авторы острят, троллят, но от этого еще горше…

И подборка Юрия Сафронова «Цветы войны». «Эй, небожители кремлевских холмов, вам сколько еще войн нужно “выиграть”? И кем вы хотите войти в историю?..»

Еще материал о поп-группе «Яхонт», которая задорно исполняет песню про ракету «Сармат» — оружие судного дня. И текст: «Глубинная Россия поет Рогозину и московским генералам. Это новые песни — с гибельным восторгом и уже потусторонней страстью». Словом, лихо и патри-

отично, но похоже на какое-то безумие.

Разворот Александра Рубцова «Год открытого перелома». Текст — сплошной ужас и нескончаемые слезы, «рецепт сохранения доверия общества: не надо врать…»

И резкие слова из дерзких песен, в том числе Юрия Шевчука:

Но время замазано ложью и кровью,

И моя философия резонирует болью.

Ну, номерочек выдала «Новая»: «Мы действительно проснулись в другой стране? Или просто проснулись?» А это вам не книга про одиссею капитана Питера Блада, где действуют благородные пираты и корсары. Нет, сегодня их заменили «свирепые людоеды», как выразился по «Эхо» уехавший из России Пархоменко. Мы живем в какой-то новой жуткой реальности. Пахнет дьявольской серой…

2022 год – 89/90 лет

В качестве эпиграфа песня времен Великой Отечественной войны про подбитого бомбардировщика. Автора текста не знаю. Песню исполнял Леонид Утесов. Песня несколько измененная на свой лад:

Ну, дела! Ночь была.
Мы с успехом бомбили врага.
Ну, а враг нам в ответ
Слал смертельный «привет».
Мы уцелели, слава Богу,
Летим в обратную дорогу,
Там дом, земля, родная страна,
Которая нам дорога,
И мы, несмотря ни на что,
Сквозь огонь и дым –
долетим!
Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы летим, прижимаясь к земле.
Бак пробит, хвост горит,

Но машина летит
на честном слове и на одном крыле…

2 января — воскресенье, 12:20. Немного света пробивается через нахмуренное небо, довольно снежно. Минус 7.

Канул в историю 2021 год, как написали в «МК», непростой год.

Год с запахом войны.

21-й — год на дне, снова «МК». И сплошные сюрпризы под новый 22-й. Ликвидирован правозащитный «Мемориал». В суде вердикт судьи сопровождался криками «Позор!». Ликвидирован и правозащитный «Мемориал», который собирал сведения и факты о сталинских преступлениях, об убиенных и узниках ГУЛАГа. И как выразился Станислав Белковский, властям не нужно покаяние, их одолевает гордыня. Власть бережет покой взрослых детей палачей режима. Она считает, что информация о чудовищном прошлом «может вызвать депрессивное состояние у потомков палачей и у просто граждан» — так сказал на суде прокурор (статья в «МК», 30 декабря). «“Мемориал” ликвидирован: больше никаких депрессий». Мосгорсуду хватило трех часов. Какая роскошная Фемида проживает в нынешней РФ. Хочется ры-

дать от счастья…

Инфляция, цены, бедность — все это бушует вовсю. «Время нестабильности» — еще одна публикация. А тут еще патриарх российских судебных органов Валерий Зорькин выдал «Приглашение на казнь», и в своей книге разглагольствовал о том, что для нынешнего времени хорошо бы снять мораторий на смертную казнь («МК», 30 декабря). А не восстановить ли заодно и крепостное право, тем более что ныне создан класс богачей, помещиков и капиталистов и их надо обслуживать?..

Разудалое, лихое время. Каждый день в новостях доминируют репрессии: обвинения, аресты, посадки. Растет список иностранных иноагентов: перед Новым годом в него включили Виктора Шендеровича, Марата Гельмана, одну из «Пуссей» Надежду Толоконникову и других физлиц (новенький термин). В Шанинке и в других вузах идет массовое увольнение руководителей и преподавателей. «Новая газета» пошутила: «факультет ненужных профессоров». Независимые и свободомыслящие интеллигенты-ученые не нужны, более того, опасны, и их сажают (престарелых и больных даже). Какая-то жуть творится, мракобесие, абсурд, средневековье и т. д.

И снова «МК», 30 декабря, полоса с фотографиями «Они ушли, не покидая нас…» — 34 утраты за 2021 год. Не все знаковые имена вошли, Зимин, например, а так по списку: Сергей Соловьев, Градский, Андрей Мягков, Меньшов и др. Это ужасное «и др.». Покинул белый свет и мой приятель по Иновещанию Игорь Кудрин. Политический обозреватель, но некролога не удостоился.

Короче, ушедший 2021 год был грустным, печальным и ужасным. Но не для всех, разумеется: кто-то ликовал, жирел и богател, радовался жизни, надувал щеки. Бог с ними: на небесах разберутся. Но были и просветы хорошего: у меня вышли две мемуарные книги, сделанные по дневникам. Две книги в 89 лет — это нечто!.. Порадовал творческий вечер Юлия Кима по «Культуре» к 85-летию, хотя запись показали от 2006 года. «Нет кита, нет кита, нет кита, не видно. До чего, до чего, до чего обидно…»

И кита нет, и свободы нет. Поляна оппозиции ровно зачищена, как английский газон. У фараона развязаны руки…

В последний день старого года не выходили из дома, впрочем, как и первого числа. Телефонных звонков было мало, но все же были. Праздничное застолье сотворили из фруктов, орехов, сухофрук-

тов, пирожного: коробка «Восточная поляна», кофе с мороженым и бутылка «Боржома». Ирония жизни: в серванте большая бутылка «Реми Мартин» (изобретено в 1724), бутылочка черного бальзама «Рига» и две бутылки вина: французское «Шавро» и вино «Город Манделотти» (Бордо). Эх, бы лет в 20 до 70-ти, — шиканул бы, но не теперь. Просто боюсь…

Мило вдвоем с Ще посидели до 1:30. В этот раз петардисты не докучали, щелкали пультом управления ТВ — одна хрень с Басковым, Киркоровым и Меладзе, и старые фильмы, порадовала в сотый раз сцена ссоры Фрейндлих и Мягкова из «Служебного романа», а Ивана Васильевича проигнорировали…

И последнее: курс валют на 30 декабря доллар — 73,65, евро — 83,20. Это для истории. Книга заканчивается, а история продолжается. Весь вопрос только в том, чем она будет заполнена: каким абсурдом, безумием, драматизмом, трагизмом, распадом, хаосом и т. п. Где-то я сделал футурологические записки. Если найду, а это не просто, то обязательно воспроизведу в последней книге. А сейчас заканчиваю, ибо начинает смеркаться. Фрагмент света — потемки. А глаза плохо видят. На этой «жалобе турка» и заканчиваю.

* * *

Итак, будущее. Не заглядываю в Библию, нарисую свою картину. Лидеры основных стран мира, безумцы, параноики, монстры и вурдалаки, одержимые своими фобиями и идеями, они даже говорят о своей исторической миссии, к примеру, воссоздать империю рухнувшую. И никто не хочет уступать, идти на компромиссы и жаждет сокрушить соперника.

Величие и ненависть — вот их мотор, и они готовы рвануть. И боюсь, что все кончится мировой бойней. Оружия, ракет и прочих изобретений смерти предостаточно. И… вот это знаменитое «и» футбольного тренера Валерия Карпина. И сколько будет уничтожено, разрушено? Половина земного шара или больше? Другая половина укроется в бункерах и пещерах. И оставшиеся будут медленно и мучительно умирать.

А потом Бог, Создатель или властелин Вселенной, мыслящий океан Солярис (вспомним Лема) вместо муравьев-людишек, только что и умеющих ненавидеть и пожирать друг друга, они будут заменены новыми гибридными существами, пятиглазыми с хвостами, которые будут создавать новый мир и строить какую-то

неведомую нам цивилизацию. И все повторится с начала, по кругу. Это потом, потом, а у истоков новой реальности, по посланию Иоанна Богослова: «И увидел я новое небо и новую землю, и все прежнее миновало…»

И придут вера, труд, согласие и счастье?.. Ах, как хочется верить. Но не уверен был и Карамзин: «Непроницаемым туманом покрыта истина для нас».

Истина, будущее — все в непроницаемом тумане. Летит только маленькая точка, песчинка бытия — 90-летие Ю.Б. Через пару месяцев.

И пусть кто-то напишет свою книгу воспоминаний и дневников, и, может быть, даже в цифровом варианте, технологии стремительно врываются в нашу жизнь. Ну а мне вся эта «музыка» изрядно надоела. Я устал. И чао, бамбино!.. Я легкой, вихляющей походкой отправляюсь на диван, отдохнуть и вздремнуть, напрочь выкинув из головы картины грядущего…

3 декабря 2021 года, 12:45, нескончаем туманный пасмур.

А пока начал громыхать 2022 год.

6 января, четверг, 12:36. Только что пришли из магазинной прогулки. На улице ноль, и как сказал руководитель метеоведомства: «Тепло,

но комфорта не будет». Какой комфорт? Что он говорит? Мир сходит с ума и клокочет, пандемия сдружилась с политикой и душат бедного маленького человека почти во всех странах мира, везде вводятся драконовские ограничения, запреты, какие-то ковидные паспорта и т. д. Ограничено передвижение, социальные проездные карты блокированы. И в каждой стране своя «спесифика», как юморил Аркадий Райкин. В Северной Корее почти голод, и третий вождь Ким Чен Ын даже похудел, о чем свидетельствует опубликованное фото. Ким заявил народу, что стал есть меньше «ради страны», поскольку ощущается нехватка продовольствия.

Совершенно неожиданно запылал Казахстан. Там не «стаканчики» бросают в полицейских вышедшие на улицы протестанты, а уже жгут машины, врываются в госучреждения, где все громят, грабят магазины и т. д. Транзит Назарбаев — Токаев не сработал. Повышение цен на бензин, — и народный взрыв гнева, что невольно отзовется в России. «Ночные кошмары Путина» — так определила Юлия Латынина. А газеты наши не выходят, опять каникулы! И мы с Ще припадаем к «Эхо Москвы», слушаем расклады аналитиков. И все сходятся на том, что 2022 год

будет драматическим и кровавым. Но лично я уже не могу быть летописцем эпохи: нет ни физических, ни психологических сил. Надорвался. Будь что будет!.. Будем фаталистами…

А тут ночью проснулся и вспомнил песню про бомбардировщика, отбомбившего врага в Отечественную войну и еле вернувшегося из тяжелого воздушного боя. Эту песню пел Леонид Утесов:

Мы летим, ковыляя во мгле,

Мы летим, прижимаясь к земле.

Бак пробит, хвост горит, но машина летит

На честном слове и на одном крыле…

Вот и я, как старый потрепанный бомбардировщик, только сбрасываю не бомбы, а тексты. Пишу, творю «на честном слове и на одном крыле». Плохо вижу, плохо хожу, плохо слышу, еле ковыляю. И сражаюсь с 4-й книгой дневников и воспоминаний.

И кто оценит? И кому это нужно?.. А тут еще никак не справлюсь с еще одной работой: творческим отчетом за всю жизнь 90 лет — это не шутка! И темень, было бы светло, врубился бы в бумагу, как горняк в угольный пласт, ан нет. Буквы плывут — ни то, что написал о руки, ни то,

что напечатал на машинке. Просто караул! Жду с нетерпением весну Света. Под ворчанья старого попугая: дожили! И что?.. На этот вопрос когда-то ответил Андрей Вознесенский:

Но итоги всегда печальны,

Даже если они хороши.

А мой итог? Хорош или плох? «Любезен» и интересен я народу, как спрашивал классик, нет, не спрашивал, он был в этом уверен, что:

И назовет меня всяк сущий в ней язык,

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий

Тунгус, и друг степей калмык…

Так мнилось Александру Сергеевичу. Он был романтиком, мечтателем. Писал пламенные строки Чаадаеву (1818 год):

Товарищ, верь: взойдет она,

Звезда пленительного счастья,

Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья

Напишут наши имена!

И уж никак Александр Пушкин не мог угадать

будущее, что через 200 лет будет создана организация «Мемориал», который будет за свою деятельность по восстановлению памяти борцов за свободу, веривших в «звезду пленительного счастья», и именно за это «Мемориал» будет признан «иностранным агентом» и запрещен. А самовластье неизменно, возрождается и укрепляется. И разные модификации режима никак не хотят сдать в архив «оковы тяжкие». Это не музейный экспонат, а историческая скрепа, необходимый инструмент власти.

Пессимизм и мрачность, как известно, вредят здоровью. Поэтому больше радости, света, оптимизма, вспомним, как в довоенные годы распевали песни о Сталине:

От края до края по горным вершинам,
Где вольный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасную песню слагает народ…

Эти вирши сочинил не народ, а некий М. Инюшкин (сборник «Песни Страны Советов», Политиздат, 1940). А песня о Кагановиче (был такой сталинский соратник):

Темноглазый, заметного роста,

Отработал и ночью, и днем,
Говорил по-рабочему просто,
Но слова обжигали огнем…

Молодое поколение не знает, что построенное в Москве метро долгое время носило имя Лазаря Моисеевича Кагановича. Потом, естественно, он попал в опалу и вернулся к своей первой профессии сапожника. Хорошая профессия, и зря Лазарь полез в коммунисты.

Плохой выбор А вообще, при чем тут Каганович? Каким ветром занесло его в эту книгу? Это все фантазии автора и шкодливая рука Ю. Б. Слишком вольный сын пера. Простим его. Тем более что он, еле передвигаясь, идет к своему 90-летию. Может быть, кто-то и поздравит.

А если нет, не найдется какого-нибудь тунгуса или калмыка, то ответим, как ответил рыжий Мотэле, бедный портняжка, когда ему отказали в женитьбе на Риве, дочери раввина, которой было нужно «большое счастье», а у Мотэле был большой только… нос. Мотэле вздохнул:

Ну, что же?
Прикажете плакать?
Нет так нет!..

15 января, суббота. Половина первого дня, более-менее просвет в снежном мглистом воздухе, улицы завалены снегом, и тороплюсь хоть что-то напечатать. Решили не выходить, а вчера вышли и практически ползали по заледенелой плитке Собянина, будь она неладна!.. Самочувствие по Ларисе Копниной: «Ну все болит!» Садится зрение, пытаюсь читать без очков, водя носом по бумаге. И смех и грех! Пугающая новая реальность: мы с Ще плохо видим. Ще больше, я чуть меньше, плохо слышим, плохо ходим. И мы практически одни, если не считать приходящей Паши. О дальнейшем не хочу думать. Мы против вакцины и, как фаталисты, под угрозой ковида, правда, стараемся избегать контактов, и маски-маски. А намордник прямо душит.

А пока идут переговоры-пугалки с Америкой, неожиданно рвануло в Казахстане, да как! Неудачный транзит власти: Назарбаев — Токаев. И понеслось!.. 30 лет удерживал власть, как все считали, мудрый Назарбаев, очевидно, устал, ушел немного в тень, с титулом Елбасы (то ли вождь, то ли фараон), а в стране начался дележ власти и богатств, подробности до сих пор не обнародованы. «Молчание Елбасы», как написали в «МК», 12 января. Но одно ясно: из кумира на-

ции, любимца и бессменной «колбасы» пришло развенчание и ненависть. Тот же «МК» об отце-основателе: «Семья на 20 миллиардов долларов» (награбили? присвоили или что?..) И вот уже памятник Нурсултану (при жизни!) в каком-то городе порушили. «От любви до ненависти один шаг». А тут не шаг, а прыжок. Газеты живописуют ужас и кровь, ввод контингента русских и других союзнических войск для наведения порядка. И что дальше? И какой урок для остальных тоталитарных олигархических государств? Не хочу гадать, я не политолог, а так, дилетант-историк, и уже голова моя раскалывается от всех творящихся «художеств».

Меня волнует моя страна, Россия, что будет с ней? Растоптали «Мемориал», заклеймив его как «иностранного агента», выдавливают из страны, опять же с клеймом «агентов», критически настроенных людей, последняя порция перед Новым годом, и наконец добрались до Виктора Шендеровича. Он покинул страну, и тут же вдогонку: «подвернулось теплое местечко» и прочие гнусности. К этому шло давно.

В «Новой», 14 января, Петровская вспомнила эпизод из ТВ-программы «В нашу гавань заходили корабли» накануне нового, 2003 года, и там в

приличной компании (боже мой, да Элла Памфилова и Владимир Соловьев, тогда еще приличные люди!) Виктор Шендерович играл на рояле и пел свои присочиненные куплеты к «Сиреневому туману»:

Ты смотришь мне в глаза и руку пожимаешь –

Уеду ль я на год, а может быть, на два.

А может, навсегда ты друга потеряешь?

Еще один звонок, и уезжаю я…

Провидческие слова, а вообще та компания 2003 года уже распалась: уедут одни — в никуда, а другие — в князья… Каждый выбирал, что ему милее и роднее. А далее Ирина Петровская написала о «князе» Илье Резнике, когда-то писавшем тексты песен для Пугачевой и Вайкуле, теперь «пришла пора гимнов» — для прокуроров, следователей и других стражей порядка. Как не вспомнить персонажа Ильфа и Петрова, поэта-приспособленца, который варьировал один и тот же мотив: «Служил Гаврила хлебопеком. Гаврила булки выпекал». Так и Резник: то оды милиции, то пограничникам, то иным силовикам. Хлебное это дело — воспевать власть.

А Авдотья Смирнова в «МК» рассказала, как сочиняла сериал про Вертинского. Почему о нем? — Потому что «не хотела про современность, с которой перестала совпадать». Разошлись? Простите, я тоже.

13 января был День российской печати. «МК»: «День печали». Председатель союза журналистов России Владимир Соловьев: «Журналистика переживает трудные времена». Эх, батенька, мягко сказано… А моя мемуарно-биографическая книга? Тоже порождение этих трудных времен. Слабое утешение, что «Времена не выбирают…». Прошли куртуазные времена французских королей, русский Серебряный век и даже НЭП продержался недолго. Все прошло и растворилось. Сегодня мы имеем то, что имеем. Без выбора и без никаких альтернатив.

Живи. Дыши. Наслаждайся.

22 января, суббота. 12 часов дня. Все бело и серо. Сугробы, и накидывает дальше, то ли метель, то ли пурга, сижу у окна и почти не вижу буквенные клавиши пишущей машинки. А как брился в ванной! Песня. Лицо не видно, и бритье вслепую. Кое-как побрился и кое-как постриг усы, и тут не один десяток попугаев кричат над ухом: «Дожили!» Не думал, что доживу до преклонных

лет, когда все становится тяжело, от бритья до завязывания шнурков на ботинках, хоть «Караул!» кричи. Но никто не поможет. Только Паша приносит воду «Святой источник» да капусту с морковкой, да слегка убирается, и на том спасибо. А тут еще никак не закончу 4-ю, заключительную книгу, уже не дневников и воспоминаний, а текущих событий и самочувствия, а в минуту отчаяния хочется бросить в корзину всю эту «бодягу». Но надо, Федя, надо! — как говорят в народе.

Пресса продолжает подводить итоги ушедшего 2021 года, года нестабильности, угрозы войны, страшных цифр заболевших и умерших от ковида (штамм за штаммом), и «чудесная» публикация в «МК»: «Мы убили бесплатную медицину. Скоро не будет ни денег, ни вариантов: осталось примерно пара лет до конца текущей системы». «Что делать?» — спрашивает автор публикации Екатерина Пичугина. Как что? Надо заканчивать милитаризацию в стране, прекращать закачивать деньги в танки и ракеты, бредить «войнушкой» и прочее. Надо срочно поднимать уровень жизни, побороть бедность и укреплять «социалку».

«МК», 19 января, статья: «Жалкие, кровные,

свои?» — это заголовок, далее: «Зарплата 34 000 — запредельная мечта: заработки России из регионов поражают!» И подзаголовочки: «Алтайский край: хорошо быть гардеробщиком», «Ставрополь: переезд в Москву или голодная жизнь», «Крым: 20 000 рублей — норма» и т. д.

Колонка экономиста Евгения Гонтмахера: «Год экономического выгорания». «Собеседник», № 2 — «Записки нищих». Лев Гудков: «Ядро сторонников Путина сократилось вдвое». «Протесты подавлены и разгромлены». «Болотная сейчас невозможна».

Кавээнщица Елена Борщева: «О политике теперь лучше не шутить». А тем временем стремительный рост цен. Лендлорды «набивают едальники» россиянам, а заодно собственные кошельки. Какой замечательный режим для богатеев-буржуинов (было такое определение в революции 1917 года).

В первом номере «Собеседника» ностальгическое воспоминание о том, что 10 лет назад были митинги протеста (материал «Когда тошнило крысу»). На фото Дима Быков с развернутым плакатом «Не раскачивайте лодку — нашу крысу тошнит!».

Эту самую лодку раскачали в начале января в

Казахстане. И «Новая газета» 10 января — «Погромная империя: десятки жертв и сожженные города — так теперь выглядят внутриэлитные разборки новых ханов». Ханы — это прежние коммунисты?.. И пикантный момент — «молчание Елбасы» — отца нации Назарбаева. А потом другая публикация «Казахстан без Елбасы». «Куда пропал Назарбаев?» И на днях нашелся: «Я — пенсионер. На заслуженном отдыхе». Пенсионер отрекся от престола. «Алма-Ата затихла, но не замолчала». Награбил, но о его миллиардах и его кланах писать не хочется, противно. Как кто-то написал: «убежал, как крыса». Урок для других Елбасы — диктаторов и самодержцев?..

23 января, воскресенье, 12:22. Снежно, а можно иначе: сугробно и серовато, минус 5. Печатаю урывками, в короткий дневной просвет, и от этого мучаюсь и злюсь. С утра ходили в магазин, пришли с сумками и еле поднялись на 4-й этаж. Каждодневные бытовые подвиги. А другим легче? Мы хоть не ограничиваем себя в питании и не обращаем внимания на ценники, которые скачут и скачут наверх.

Так на чем остановились? На тоталитарных штучках-дрючках: «ах, запрещу, ах, накажу, ах, арестую, ах, вытолкну из страны!» Это как

раз о Шендеровиче. Большое интервью в «Собеседнике» от 19 января: «Иноагентство — это политическое клеймо. Но никого этим не заткнешь». И заголовок интервью: «Мало что делаю молча». И сразу вспоминается «Дракон» Шварца:

Бургомистр: Что в городе?

Тюремщик: Тихо. Однако пишут.

Бургомистр: Что?

Тюремщик: Буквы «Л» на стенах. Это значит — Ланцелот.

Бургомистр: Ерунда. Буква «Л» обозначает — любим президента.

Тюремщик: Ага. Значит, не сажать, которые пишут?

Бургомистр: Нет, отчего же. Сажай…

Возвращаясь к реальному Шендеровичу, который отметил в интервью, что ему 63 года, и его откровения, что он успел сделать: пьесы, юморески, запрещенные «Куклы», «Плавленый сырок» и т. д. «Своего рода прижизненный некролог». Признание о том, как власти «в последние 20 лет с безумной злобой травили» и «что они вообще могут, кроме этого?..» А вот, как говорил классик: «Прощай, немытая Россия!» Ну, и вы, «мундиры голубые»…

И далее о себе: «Я не политик… и не Томас Манн,

чтобы говорить, где я, там и родная литература… Но как писатель я ничего не потерял: я увез с собой набор буковок, горстку алфавита. С ними я и работаю…» Шендерович пообещал новую книгу «Нерегулярный дневник». Решил пойти по моим стопам? Сплести себя вместе с Россией. «Там все: новости, воспоминания, мнения. К длинной сюжетной прозе я никогда не чувствовал расположения…»

И еще одно высказывание Шендеровича, хотя не ахти какое оригинальное: «Жизнь — личное дело каждого». О народе: умеет выжидать и пережидать. «Это не лояльность, а именно способность затаиться и вынести все: беду, опричнину, Смуту…»

«Будем наблюдать», — говорит о своей жизненной позиции главный верховод «Эха Москвы» Алексей Венедиктов.

Есть небольшой набор жизненных позиций и установок. Переберем некоторые. Герои и борцы, крошечная часть народа, и среди них Алексей Навальный, который ради свободы народа положил свою жизнь на алтарь Отечества. 17 января 2021 года он вернулся из Берлина в Россию — «берлинский пациент» — и был заключен во владимирскую колонию ИК-2. Но в колонии

Навальный продолжает мужественно борьбу. «Новая» от 19 января посвятила герою Навальному несколько своих полос.

Подобные герои — единицы. А вот тех, кто поддерживает режим и закрывает глаза на проблемы, безобразия и преступления власти, таких достаточно много. Лоялисты, путинисты, конформисты и новая элита — олигархи, чиновники, силовики, региональные власти, артисты, журналисты и прочие «мастера культуры» при кормушке — этих тьма. Яркий представитель этого кормушечного класса — Никита Михалков «на кинотроне» («Собеседник», 1-2022) — «фаворит императора». Гонитель всех независимых и левых — «Бесогон».

Особый подкласс — «золотая молодежь», подкормленная ТВ — певица, артистка, кумир «Дома-2» Ольга Бузова. Скандальная ведущая, любящая отдыхать в Куршавеле, в начале года шокировала всех своим Инстаграмом, заявив: «Смотрю, все выставляют свои с… и ж… Ну, я тоже выставила все свое» (сиси, писи и, конечно, задницу). Оп-па! Пускай Волочкова рыдает со своим шпагатом. У кого лучше розовая плоть?!.

Ну, а простой народ думает и мается в основном выживанием, и для них власть придумала

благотворительные «Елки желаний»: записки с пожеланиями от каких-то отобранных детей из бедных семей. И-оп! еще одно антраша! — «Президент подарил семье квартиру и… разозлил россиян»(«Собеседник», 1-2022). Какой-то маленький мальчик мечтает стать пожарником, так ему быстренько устроили зрелище: нацепили на голову каску пожарника и отвезли на пожарной машине на настоящий пожар: малыш в восторге! Родители в слезах умиления. Режим упражняется в цирковых номерах. Але-гоп!.. И что, победили уже бедность! Нет, бедность остается, только рядом функционирует цирк.

Если продолжать тему о российском социуме, то основная масса народа малообразованная и насквозь пропитанная госпропагандой. Не хочу употреблять такие определения, как биомасса, чернь, быдло, совок и прочие обидные определения. В основе народ простой, без фокусов, доверчивый и наивный, его можно купить за две копейки. Его угнетают, над ним экспериментируют, его дрессируют, чтобы окончательно вернуть крепостное право и бесправное холопство. Забыть старые понятия, как гуманизм, демократия, мир, дружба, добрососедство и т. д. И внедряют активно новояз из оруэлловского романа «1984».

Но, может быть, хватит о негативах и проблемах? В «Новой» от 17 января очередная филиппика «Метеорическое»:

Россия многим чем болела
И это все перенесла:
Горячка белая белела,
Порой падучая трясла,
Шизофрения, паранойя,
Разнообразный паразит…
Но нынче все совсем иное –
Урчит, бурчит и всем грозит…
…«Диагноз» до сих пор не признан,
Но видно, в наши времена
она больна метеоризмом,
Болезнью газовой больна…
В России очень много газа…
И вечно пучит нас, как путч…
…Что нас раздуло, что визжим!..
Таким потоком древней вони
Нас захлестнул угрюмый скиф…

Прервем газетный текст и сделаем отсылку к Александру Блоку: «Да, скифы мы с раскосыми

глазами…»

Все нам подсовывают старые рецепты: «И терпентин на что-нибудь полезен» (Козьма Прутков).

Но, как советовал Мопассан: ближе к телу!.. Ну, а я-то что? Позиция, кредо, план действий?

18 января что-то накатило и что-то набросал, стихи не стихи, но что-то выдохнул. С эпиграфами:

Злобою сердце питаться устало…

Николай Некрасов, поэма «Сашка»

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью…

Николай Некрасов, «Рыцарь на час», 1866

Я – не боец на баррикадах,
Совсем не воин в битве злой.
На мужество совсем не падок
И на геройство – стороной.
Я тихо-тихо в уголочке
За столиком сижу. Пишу.

И лишь бумагу рву я в клочья
И от бессилия дрожу.
Нет рыка. Взмаха кулаков.
И чем сразить врага, не знаю.
Не порицайте: не Бакунин!
И не Матросов никакой.
И остропишущий не Бунин,
И не певец, как Виктор Цой.
Природу, суть не переделать.
В печали весь, – ну, что тут делать?
Кричать, вопить, рыдать и выть?
Судьбу свою ругать иль крыть?
Иль просто потихоньку жить?
Ответь мне, Гамлет: быть – не быть?
Какому Богу мне служить?..

25 января, вторник. 12:27. «Дали» немного света, и притащил на кухню — рабочее место «Олимпию», чтобы немного попечатать. Чтобы оторваться от застрявшей, увы, на зубах политики, внутренней и внешней. Сверху вырезок лежит «ЛГ» от 19 января, а там Бродский, но, увы, к 30-летию знаменитого стихотворения «На независимость Украины», — боже, опять политика!

Но строки любопытные:

Не нам, кацапам, их обвинять в измене!

Скатертью вам, хохлы, и рушником дорога!

Ступайте от нас в жупане, не говоря – в мундире…

Прощевайте, хохлы! Пожили вместе – хватит!

С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухаи…

«ЛГ» отметила 90-летие Умберто Эко. Умнейший собеседник для любого читателя: криминальная интрига, экзотический колорит — для массовой аудитории, идейный заряд, ироничность и игра с литературными ассоциациями — для интеллектуалов. И я горжусь собой, что прикоснулся к текстам этого удивительного автора и написал книгу «От Э до Э — от Эразма Роттердамского до Умберто Эко» (2004).

Эко — это жгуче интересно, а вот Ленин «вождь мирового пролетариата» почти забыт, ну, а для молодых он — белое пятно истории. «МК» посвятил Владимиру Ильичу полосу в связи с 98-й датой кончины, и что в ней главное: «Сифилис па-

циента № 1: как умирал Ленин». Рассекреченная история болезни первого руководителя советского государства. И это все?! — что интересно обывателю? А ведь, кроме крушения царской империи и попыток создать нечто лучезарно-новое, был удивительный любовный роман с Инессой Арманд, и об этом я написал в книге «Вера, Надежда, Любовь».

Повезло Юрию Левитанскому с его 100-летним юбилеем. И документальный фильм по ТВ-каналу «Культура», и публикации в газетах. Телевизионщики подготовили бездарный фильм с каким-то дурацким акробатическим оживляжем двух женщин — ни к селу, ни к городу. Да все стихи Левитанского практически замылили, видно, кто-то все это делал без души, без восхищения прекрасными стихами поэта. А он, фронтовик, не стал воспевать прошедшую войну и Победу и написал удивительные строки:

Ну что с того, что я там был,
В том грозном быть или не быть,
Я это все почти забыл…

О встречах с приятелями и друзьями: «День прошел — как не было. / Не поговорили».

А признание Левитанского: «Я поздно научился

жить…» — дорогого стоит, не каждый способен на такую откровенность.

И хрестоматийное: «Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!» А его вздох: «Если б я умел играть на флейте…» На события в стране он смотрел пессимистически, как Евтушенко: «Нам нехотя дали свободочку слова», как смолкает скрипка в руке скрипача и последняя флейта замирает в тишине — музыканты уходят — «скоро-скоро последняя в нашем оркестре погаснет свеча».

25 января 1996 года Юрию Левитанскому довелось выступить в Георгиевском зале Кремля, он взволнованно требовал прекратить гибель мирных жителей в Чечне. Сердце плакальщика и печальника не выдержало и разорвалось. Прожил негусто — 74 года.

Юрий Левитанский вошел в мою книгу «Золотые перья», эссе о нем названо «Нетипичная фигура». Куда нетипичней…

27 января, четверг. Ровно 12. Чуть посветлело, и тут же врубаюсь в печатание. Продолжая тему Левитанского. На стихотворение «Не поговорили» сочинил свои строки о лжебиблиофилах:

Спорили о книге. Мечтали.
Наконец достали.

Открыли. Листали.

И… не прочитали.

25 января 2022 г.

Можно, конечно, написать об утреннем походе. Еле вышли из подъезда — сбивают лед с крыши. Открыли входную дверь, под ногами сбитые льдины и льдинки, чуть не навернулся. Ще в слезы от ужаса. Но пошли по маршруту помойка — газетный киоск — магазин «Магнолия». Очки над маской мгновенно запотевают — ничего не видно. Из носа течет. Господи, когда кончится эта вакханальная снежно-метельная зима, как написала Слава Тарощина: «Кажется, зима не кончится, в стране, буксующей между гонкой вооружений и гонкой мутаций, хорошие новости отсутствуют…» Одни негативы: аресты, посадки, преследования, то где-то горит, то где-то что-то взрывается. И заголовок в «Новой» от 24 января: «Все лучше, и лучше, и лучше». И все ликуют?..

Директор Центра исследований постиндустриального общества Владислав Иноземцев: «Счет в пользу богатых. Важным трендом экономики стало сформировавшееся разделение путей государства и общества». Растут прибыли от нефти и газа, а помощь государства народу — «скупая

и вынужденная». Знаменитый лозунг «каждому свое». Кому бублик, а кому-то дырка от бублика. Кушайте и наслаждайтесь, это уже не Иноземцев, а ваш покорный слуга.

А министр культуры Ольга Любимова доложила президенту, что в области культуры все прекрасно: успешные гастроли хора им. Пятницкого, дагестанского ансамбля «Лезгинка» и т. д. Не только ликуют, но и танцуют!.. И Тарощина в «Новой»: «Начинаешь понимать: культура от Любимовой и культура вообще — две вещи почти несовместимые»… Остается уповать на ушедшую культуру: на собранные реликвии в Литературном музее: пенсне Чехова, браслет Марины Цветаевой, манжеты Михаила Булгакова. Да, были люди, и какие!..

А ныне нас покидают последние остатки некогда гремевших имен: поэты Александр Тимофеевский, Анатолий Найман из «гнезда Ахматовой», актриса Анастасия Вознесенская (директор рынка в фильме «Гараж») на 79-м году, преподаватель школы и студии МХАТ, вдова Андрея Мягкова, — «Они нуждались, но не жаловались. Жили скромно».

«МК» 30 декабря рассказал об ушедших: «Они ушли, не покидая нас…» Юрий Грымов: «На-

верное, это последние островки честности, последний островок душевности…»

Вчера звонил в издательство «У Никитских ворот» — многие болеют, и 3-я книга «Нулевые…» под угрозой задержки. Неужели ко 2 марта не выйдет?..

Кстати, о книгах. В «ЛГ» 26 января публикация о Валентине Катаеве «Влюбленный в жизнь» с подзаголовком «И избравший память как инструмент для обретения бессмертия». Автор Ал. Памфилов пишет: Катаев безумно любил жизнь, ему требовалось все «сверх» и «навсегда». Н-да… Я тут же полез в свою книгу этюдов о русских писателях (2002), и там мое эссе «Два Катаева» о противоречивости личности и творчества Катаева (и совпадение с «ЛГ»). Катаев умер 12 апреля 1986 года в возрасте 89, на его рабочем столе стояли 9 томов полного собрания сочинений. Десятого тома (стихи, письма) он не дождался… Молодой Шаргунов написал книгу «Катаев. Погоня за вечной весной».

Да, 10 томов сочинений. А у меня издано 42 книги. Нет-нет, я не соревновался с Катаевым, просто так получилось, много написал, о степени популярности В. К. и Ю. Б. говорить не будем. Разная судьба. Разные установки. Разный дар. Катаев

— типичный советский писатель, хотя последние его книги являли явный отход от соцреализма… Ну, а я?..

Подождем до 2 марта, может быть, кто-то скажет что-то новенькое. А в прошлом «исторический пессимист», «Человек-архив», «рыцарь Серебряного века и летописец Огненного», «Упорнограф Безелянский» и т. д. Окончательные оценки будут лет через 25–50, если, конечно, на карте мира еще будет существовать Россия и будут жить люди, читающие книгу. Homo Legens — «Человек читающий»…

29 января, суббота. С утра снежно, сугробы, минус 4. Вчера два маленьких события. Звонок с канала «Доверие» (давно не звонило ТВ) с вопросом: не могу ли я рассказать о Блантере? Я отказался. Куда-то ехать или приглашать к себе — не хочу категорически, а Матвей Исаакович Блантер (1903–1990) — не мой композитор, поэт-песенник с его легендарной «Катюшей» и громкокипящей песней утверждением, что «Сталин — наша слава боевая…» (1939). Мне близок Александр Вертинской со светлой грустью неполучившейся любви: «Мадам, уже падают листья, и осень в смертельном бреду…» Даже 14 лет работы в логове пропагандизма на Иновещании

в Радиокомитете я остался верен галантному и изящному Серебряному веку.

Так что Блантер мимо кассы! И как говорил бессмертный Омар Хайям: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, / И лучше будь один, чем с кем попало быть».

На удочку пропагандизма или по-другому: в невод пропагандизма не попал молодой историк Сергей Медведев лет 40, выступавший тут на «Эхо», заявивший, что у нас в стране два цирка: цирк Кадырова и цирк Лукашенко: что ни фраза, то стой или падай!..

Владимир Вольфович голову уже потерял, вместо головы — тыква. И никто из Кремля не одергивает этого политика и заседателя Госдумы. Только посмеиваются в кулачок. А он — истинный поджигатель войны. Цитаты его античеловеческих перлов привела Ирина Петровская в номере «Новой газеты» от 26 января, и заголовок публикации: «Трактор в поле дыр-дыр — мы за дружбу и за мир».

Да, по Жирику плачет печально знаменитый доктор Жозеф Гильотен, большой поклонник музыки и игры на клавесине. Ну, а отсечение головы от тела — всегда лишь развлечение для народа, как нынешние шоу на ТВ.

Ладно, не будем заводиться. Высоцкого на них нет. Он пел, как кричал. Вчера был концерт, посвященный дню рождения Владимира Семеновича, власть, скрипя зубами, терпела Высоцкого при жизни, а он надрывался, рвал душу за правду, за справедливость, за свободу, негодовал против проблем и ужасного советского быта.

Подумаешь – с женой не очень ладно,
Подумаешь – неважно с головой,
Подумаешь – ограбили в парадной, –
Скажи еще спасибо, что – живой!..

Цитировать можно бесконечно. Вот песня «Профессионалы»:

Профессионалам зарплата навалом, –
Плевать, что на лед они зубы плюют.
Им платят деньжищи –
огромные тыщи, –
И даже за проигрыш и за ничью…

По себе знаю эту подлую зависть завистников: «Книги издаешь, деньги гребешь лопатой!» Так было в 90-х и в нулевых, когда я был на пике популярности.

Ну, а концерт Высоцкого был не очень хорош,

только отдельные номера, а Лепс, Лариса Долина, Гвердцители и другие были не к месту: Высоцкий — это не их репертуар, рубашку на груди рвать не могут. Сплошные вокализы… Но все равно это было лучше, чем беспрерывная тема готовящейся вот-вот войны.

13:47. Начало темнеть, и уже текст почти не различаю.

30 января, 12:12. Сквозь снежную мглу пробивает свет, и я тут же притаранил «Олимпию» на кухню — мое рабочее место. Вчера вечером показали документальный фильм о Высоцком, кажется, впервые обнародовали детали его детства: не нужный ребенок ни отцу, полковнику, который разошелся с матерью Володи и женился на другой женщине, ни матери, сражавшейся за жизнь. Мальчишеские годы в Германии с новой семьей отца, бои русских мальчишек с немчурой, возвращение в Москву. Воспитывал сам себя, по существу не зная, что такое семейная жизнь, дом и теплота. Три неудавшихся брака — тому свидетельство. Вольный сын улицы…

До Высоцкого успел прочитать воспоминания о Римме Казаковой. Пошли 90-летние юбилеи, только она, бедненькая, не дожила до юбилея, умерла 19 мая 2000 года. Хорошая была женщина

и поэтесса, на другом полюсе с Беллой Ахмадулиной. У нас с Риммой Федоровной были сначала разногласия из-за книги «Клуб 1932», а потом примирение и симпатия. Последние годы жаловалась: «Мне так надоело болеть, что хочется или выздороветь, или умереть…» Нездоровье на фоне личных, литературных и семейных проблем (сын — наркоман).

Приходит слава, а здоровье кончилось,
Но, может быть, еще не насовсем? –

писала Казакова. Незадолго до ее ухода вышел сборник стихов «Пора» (пора чему?). У Казаковой был сильный социальный темперамент (пыталась идти дорогой Высоцкого, а не по парковой аллее Ахмадулиной). Шла как бы наперекор. Трудная, но достойная жизнь.

Натолкнулся в дневниках на 1986 год, мне 54 года, где я активно погружен в социальную тематику жизни советского села (потребительская кооперация) — это целая отрасль народного хозяйства СССР.

Хвалю передовиков, бичую недостатки, пытаюсь решить местные проблемы, с которыми сталкиваюсь в командировках по стране. Минимальный, но все же и мой вклад в социализм.

В 1986-м в «СПК» вышли две яркие публикации «Стяжательству — заслон» и «Честно жить и работать». Интересное словечко «стяжательство», ныне забытое. Согласно словарю русского языка Ожегова, стяжатель — корыстолюбивый, стремящийся к наживе человек. Наживы эти по современным меркам — какая-то мелочевка: бидон молока, машина дров, какие-то строительные материалы и т. д. Миллионы мало кто хапал, пожалуй, одно громкое узбекское дело о хлопке. Короче, не было размаха, и органы строго следили за объемом воровства. А ныне!.. При олигархическом капитализме крадут миллионы и миллиарды, покупают яхты, строят дворцы. Фантастический для советских времен размах коррупции, воровства, а вот стяжательство както в этот ряд не входит, слово мягонькое.

Да, словарь меняется. Никто прежде не козырял восклицанием «Круто!». А ныне кругом нахально, цинично, круто! Империя пухнет на дрожжах воровства. Как тут не процитировать в который раз строки Льва Лосева:

Что делать – дурная эпоха.
В почете палач и пройдоха.
Хорошего – только война.

Что делать, такая эпоха.

Другая пока не видна.

Дурная эпоха. Нерадостная книга. Жизнь, уходящая за горизонт…

* * *

3 февраля, четверг, снежно, скользко, холодновато. Продолжим тему дурной эпохи. Слава Тарощина в «Новой» 31 января вспомнила строки Евтушенко, датированные 1972 годом:

Куда несешься ты, Русь –

Птица-тройка «чрезвычайки»?

Проекты национальных скреп. Все хотят скрепить то, что разваливается на глазах. «Российские вымираты» — статья Бориса Бронштейна в «Новой», 2 февраля. «Еще две беды нашего населения: убыль и рубль. В 2021 году в стране умерли 2 миллиона 445 тысяч 509 человек, миллионам людей не хватает денег на качественное питание, полноценный отдых, на лечение… Пустеют и вымирают села и деревни…» «Вымираты» — новенькое словцо!.. Новая валютная реальность: доллар — за 80, евро — за 90. Цены, инфляция. «Масло все выше в цене и все меньше похоже на

масло» — «МК», 25 января.

А куда смотрит царь, фараон, отец нации? Весь погружен в геополитику, и ему не до мелочей жизни народа. Он от него далеко. 27 января он посетил в Питере Пискаревское кладбище в 78-ю годовщину снятия блокады Ленинграда. В честь этого посещения запретили всем блокадникам вход на могилы, то есть заблокировали, поставили крутом снайперов, заклеили камеры, чтобы не было ничего лишнего, и обработали сугробы какими-то химикатами, чтобы, не дай Бог, В. П. не подхватит какой-то вирус, ну, и венки до возложения побывали на карантине. Это что? Единение с народом? Кстати, аналитики утверждают, что новогоднюю речь В. В. произносил снова в гордом одиночестве — ни людишек, ни собачек, и под плащом угадывался бронежилет, а вдруг кто-то от большой любви возьмет и стрельнет? Такой охраны и безопасности товарищу Ленину и не снилось! Кто знает, может, где-то в кустах Сокольников или парка Горького залегла новая Фанни Каплан? Народная любовь — страшная штука…

На эту тему изгалялся Олег Ролдугин в «Собеседнике» от 1 февраля. По сути, президент ведь очень одинокий человек. И перед Богом одинок — настолько, что встречал Рождество в гордом

одиночестве, даже без Собянина. Одинок и перед людьми, ведь бывшие друзья уже и не друзья, друзья на бюджете. А что это за дружба за деньги.

Чудные дела творятся в РФ: что ни день, то новация, то архаика в сторону опричнины времен Ивана Грозного, то новая концепция преподавания истории в средней школе. Как кто-то написал: «С евроцентризмом покончено — теперь акцент будет сделан на истории Китая, Средней Азии, Африки и Латинской Америки». «Вперед в Африку», колонка в «Собеседнике». Прощай, Гутенберг, Лютер, Жанна д'Арк, Вольтер и прочие знаменитые имена, французские короли и германские императоры, нас ныне хотят увлечь Хуаном Доминго Пероном, Фиделем Кастро, Роберто Мугабе, а людоед Бокасса — интереснейшая штучка! Ну и т. д. История диктатур и кровавых режимов — это увлекательно!..

Может, хватит? У нас есть свои кумиры и герои, один Малюта Скуратов чего стоит! Бог с ней, с политикой! А вот культура: сколько замечательных людей в отечественной культуре, особенно тех, кто верою и правдой служат Отчизне. «Жил такой парень» — «МК» от 11 января, и целая полоса об актере Леониде Куравлеве. Добротный средний актер, но полоса, но эпитеты: великий,

народный… Да, милый, простодушный и параллельно лукавый «совок», за что и был популярен у массового зрителя. Не Смоктуновский, а именно Куравлев! Из смерти Куравлева СМИ устроили настоящее шоу — «Король комедии».

А как громко отметили юбилей живого Льва Лещенко — «Поющий Лев всея Руси» («МК», 1 февраля). Свет в окошке. Достижение нашей культуры и т. д. Рад за Лещенко, что он живой, но этот перебор возвеличивания как-то коробит.

А вот ушел Виктор Мережко, сценарист и режиссер, на 85-м году, все потише, поскромнее, хотя на его счету более 50 фильмов и сериалов: «Полеты во сне и наяву», «Одинокая женщина желает познакомиться», «Вас ожидает гражданка Никанорова» и т. д.

Ну, ожидает какая-то гражданка (хотя лучше — дамочка) и ожидает, а нам с вами нужно двигаться дальше, а не буксовать на одном месте. Воспользуемся заголовком в «Собеседнике»:

«Февраль: взять ТВ-пульт и плакать…»

Хорошо, что по касательной вспомнили Пастернака, но Бориса Леонидовича на экране нет. Есть хрень, муть и абсурд, вроде сериала «Цыпленок жареный», — ну, не умеют ни писать сценарий, ни работать режиссером, да и артисты какие-то

недотеписты: не Гердт, не Аронова… А в понедельник включил «Футбольное обозрение» — то же самое, полный непрофессионализм и скучища, — и это о футболе! Господи, деградация и маразм по всем фронтам и отраслям, куда ни ткнешься. Нет демократии — нет конкуренции, и в итоге суп из топора под автоматом Калашникова. Мейерхольды уехали за рубеж, а оставшиеся молчат в тряпочку, лишь Лещенко с Газмановым вспоминают молодость: «Первый тайм мы уже отыграли…» Какой первый? Уже давно прозвучал финальный свисток, и пора в душ смывать всю грязь и пот после служения великой империи…

4 февраля, пятница. 11:13. Чуть посветлело, но снега за окном навалом. «МК», 31 января — веселенькая публикация «Долежать до весны», и действительно, долежать, дожить… Ну, и как не вставить в книгу одно из мрачных стихотворений Георгия Иванова, написанное в эмиграции:

Россия счастие, Россия свет.
А может быть, России вовсе нет.
И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,
И нет ни Петербурга, ни Кремля –

Одни снега, снега, поля, поля…
Снега, снега, снега… А ночь долга,
И не растают никогда снега.
Снега, снега, снега… А ночь темна,
И никогда не кончится она.
Россия тишина, Россия прах.
А может быть, Россия – только страх.
Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.
Веревка, пуля, каторжный рассвет
Над тем, чему названья в мире нет.

Георгий Иванов погружался вдали от Родины в бездну отчаянья, но Советскую Россию не принял. В июне — сентябре 1980 года мне дали на три дня и три ночи зарубежный томик стихов Георгия Иванова, и я переписал захватившие мою душу и сердце стихи Жоржа (так его звали). И еще:

Я надежда, я жизнь, я свобода,
Но снегами меня занесло.

Какое отчаянье, какая безнадега. «…О русском снеге, русской стуже… / Ах, если б, если б… да кабы…»

В советской поэзии, насквозь патриотичной

и гордо пафосной, ничего подобного не было, если только что-то мелькало в самиздате. В своем дневнике от 1980 года натолкнулся на выписанные строки Евгения Дворникова из Пушкинского цикла:

Музе сроду суждена
Не холопская карьера –
а грозовой язык барьера,
если праведна она.
Тайный холод и вражда –
Но не только в зале бальной.
Поперек души опальной
Только так. И навсегда…

А что сегодняшняя молодежь: о чем думает, тоскует, издевается, смеется? Понятия не имею, ибо вокруг нас никаких молодых людей нет, мы в некотором вакууме. Но вот «Новая газета» 2 февраля в рубрике «Смотрите кто» представила Алену Трубицину, «новое имя вошло в поэзию со страниц фейсбука» (для меня он неизвестен, я человек без интернета). Вот выдержки из стихотворения Алены, которые взорвали фейсбук:

Моя подруга может улететь,

В любой момент мотнуть к аэропорту

И первым самолетом сделать вжух,

Заранее прикинуть направленье,

Не выйдет так – утонет самолет.

Мой друг собрал тревожный чемодан

На случай предсказуемого «если»…

…мой брат по мыслям платит пятый штраф

за то, что смеет говорить открыто…

…моя сестра по крови греет ужин

себе и мужу, неплохому парню…

Они хотят успеть продать квартиру,

Родителям пока не говорят.

А пока муж сестры учит английский… Алена признается, что стихи пишет давно, лет с 10, но никогда себя не идентифицировала как поэта, она — музыкант.

Вопрос корреспондента: «Почему вам страшно?» Ответ Алены: «От того, что может произойти. От вариантов. Страшно за своего ребенка. Я понимаю, в каких реалиях ей придется расти, если она не уедет». Это и пугает, и хочется ехидно спросить: несмотря на «Елку желаний» в Кремле. Так

чувствуют и думают много людей, — это глобально плохо. Что называется: приехали! Достигли пика свободы и счастья! А на десерт сладенькое: война с Украиной. И вопрос Георгия Иванова к современникам: «Весело вам?»

Мне больно и скорбно. Я убираю машинку, а то напишу что-то лишнее и крамольное. Смотрю на часы: 13:02. И слава Богу — еще светло. Хотя снега, снега, снега…

6 февраля, воскресенье, 12:32. Плохая лента в машинке, недостаточный свет, но все же продолжу долбить подходящий глагол. Понемножечку читаю Ще вслух «Драму лихих 90-х». Как хорошо, что вел дневник и издал книгу. Читается как фантастическая жуть, но это не фантазия, а жизнь, быль того времени — 1992 год, я тружусь, мечусь, изнемогая, бьюсь — «на честном слове и на одном крыле», — этот безумный полет. Как выдержал? Загадка… Поэт Всеволод Емелин выпустил книгу о том, как было в эти последние 30 лет в России, в жанре между трагедией и пародией, да еще со стихами. «Новая» 4 февраля дала отрывки под заголовком «Зачем империи обычные люди? Тут нет места таким, как мы».

Начал читать с интересом, а в итоге не очень интересно, плоско, и я бы сказал: нехудожествен-

но. Да, мыкался, в 90-х был экскурсоводом по шаляпинским местам в Москве, пытался заработать: что-то купить и продать, но неудачно, ибо не было коммерческой жилки. Только поэт. «Победа пришла, вся страна кверху дном, / У власти стоят демократы». Август 1991-го: «больше карнавала, чем революции и серьезной схватки…» «Я согласен с тем, что многие потеряли себя в 90-х. Но ведь многие и нашли…» Емелин вспоминает движения пропутинские «Наши» и «Идущие вместе» — «чистые карьеристы. Продажная беспринципная сволочь»… Емелин говорил одному другу: «Сильный напал на слабого… За твоей спиной — злобная лязгающая танками держава. И кто-то ехал на бойню от скуки: “Прощай, жена фригидная, нас ждет война гибридная”…» Какие на фиг пенсионеры, когда надо империю возрождать?..

1 февраля поздравлял Юру Германа с 90-летием, открыл юбилейный сезон. У него жуткая ситуация со страдающей деменцией Люсей. Чтобы не сойти с ума, он делает хронику своих туристических выездов и походов за всю свою жизнь, — в слайдах с минимумом текста, только обозначения: где и когда? Я — книгу, он — слайды, чтоб запечатлеть прекрасные мгновения; чем дальше,

тем они кажутся прекраснее, — парадокс!

А что у нас? «МК», 3 февраля, в колонке «Злоба дня»: «Охотники за головами». Важный депутат Госдумы чеченец по имени Адам предупредил всех противников Чечни: «Будем вас преследовать, пока не отрежем ваши головы и не убьем вас…» И это XXI век?..

И тут же в газете «Водка остается с человеком» о спиртном контрафакте. Ровно 5 литров водки выпил каждый россиянин за 2021 год. Не считая контрафакта. Так что голову можно потерять по-разному.

19 февраля, суббота, 12:21. Серо, мглисто, плохо вижу текст, но надо отразить последние события.

Читал верстку 3-го тома и удивлялся собственной жизни, какая насыщенная, буйная, с каким огромным напряжением сил. Как всюду успевал: книги, ТВ, радио, газеты, журналы, творческие вечера, презентации, постоянные переговоры, надежды и разочарования, и вряд ли кому-то такая жизнь пришлась бы по нраву. Ледовое побоище и Куликовская битва. Аустерлиц и Ватерлоо — победы и поражения…

А тут еще юбилей на носу, или убылей, как говорил Самуил Маршак. Знакомые спрашивают, где

будете отмечать, в каком ресторане? Встречный вопрос: а с кем?! Не с кем, мы с Ще одни в пустыне. Наташа, Эдик, Людочка — они далеко, в разных странах. Знакомые москвичи больны, немощны и боятся выйти из-за пандемии из дома, ну, а многие просто прекратили марафонский забег и ушли в мир иной. Так что юбилей только вдвоем, можно снимать новый фильм «Два бойца».

Ладно, хватит, а то еще разрыдаюсь, как женщина, а это не положено, я прохожу по рангу: крепкий старик.

21 февраля, понедельник. С утра трудный поход за пенсией до улицы Алабяна. И погода, и снег, и лед, и возраст, соответственно, глаза и ноги, и ничего с этим не сделаешь, не поправишь, только вздохи и ахи. И разве можно оспорить Юнну Мориц: «Хорошо быть молодым, / Лучше, право, не бывает…»

К юбилею обстановка в мире все накаляется. Как перед войной с фашистами: «Если завтра война…» И каждый день по радио и ТВ ссылки на экспертов: такого-то числа начнется. Война по расписанию? И самое ужасное то, что война выгодна многим сторонам: и России, и Украине, и США, и НАТО, только не старушке Европе, которая содрогается перед возможностью новой бойни.

Как точно сказал режиссер документального кино «Бабий Яр», посвященного жертвам холокоста, Сергей Лозница: «ВОЙНА — всегда отвратительный способ нерешения никакой проблемы», это — тупик и катастрофа.

Купил «Новую» (21 февраля) — там стихотворение, посвященное памяти Янова, и попутно воспоминание о русской весне и больших надеждах после присоединения Крыма:

Тогда мы все от счастья окосели,

Казалось – будем завтра же в Брюсселе,

Вот-вот дойдем до Англии, до Франции,

И всюду будет русская весна…

А нынче мокрый снег, сплошные санкции,

И в головах какая-то дрисня…

От последнего быковского слова меня аж передернуло. Ну, а дальше… При всем старании нет других сценариев:

Напасть и пасть, и их не остановишь.

Так стоит ли протестовать, натужась?

Есть ужас без конца и просто ужас.

И коль на этот путь встает страна,
Она надежно приговорена.
Она устроит мерзость без изъянов,
И это будет крайний самострел…

И автор ссылается на профессора Янова, мол, он все это предсказал.

«Собеседник» № 5 — полоса «О чем говорят». Другой Дмитрий — Орешкин «Грядет война гибридная». «МК», 9 февраля, рубрика «Злоба дня» — «Война в прямом эфире».

Экс-военачальник генерал Ивашов в «Новой», 14 февраля: «Забыть о войне как о способе решения вопроса с Украиной». Ивашов: «У меня масса вопросов к Путину», «…Мы интеллектуально отставшие суетимся внизу: вот Украину сейчас победим, и все будет прекрасно. Последствия абсолютно не просчитываются».

Ну и т. д. И первые жертвы, и сломанные судьбы: тысячи детей с матерями и стариками вывозят из ДНР и ЛНР в Ростовскую область подальше от возможной войны, и главнокомандующий дает каждому 10 тысяч на проживание-пропитание. Как в той давней пугачевской песне: «то ли еще будет!..»

Люди как игрушечные фигурки на геополити-

ческой доске, где взрослые дяди-ястребы двигают их туда-сюда. И надо срочно ставить точку, пока не разыгрался вселенский тайфун… Серое безрадостное небо.

27 февраля, воскресенье. Еще неделя просвистела. Прежде чем написать о главном, о ВОЙНЕ, сначала о последних мирных днях. С трудом одолел верстку 2-го тома, Карен приезжал и забрал его, и плюс мой монолог в «ЛГ». Удивительно, но у них нет человека, который бы сделал интервью с юбиляром, и — «напишите сами». И то «Литературная газета», пришлось написать некий монолог на 4,5 стр. В процессе потерял одну страничку, и пришлось печатать заново, — как будто все против меня! Да, и Карен привез обложку 3-го тома, а книга? Ясно одно, ко 2 марта не выйдет и, соответственно, после 15-го. Марина Райкина из «МК» не реагирует на юбилей, а тут еще наплыв ужасных украинских событий. Но неожиданно объявилась «Московская правда», и приезжала какая-то Яна Маевская и взяла интервью. Я удивлен: разве «МП» выходит?..

Ну, ладно. Один подарок уже есть: вчера динамовцы в возобновленном чемпионате победили «Химки» — 3:0 и вышли на первое место. Единственная приятная новость, а так: безумие,

кошмар и ужас. Один человек принял решение начать войну, потом это слово запретили, следует писать: спецоперация по демилитаризации и денацификации, так, кажется? Брошено на подавление военной мощи или немощи.

И тут же возмущение всего мира: грозные санкции, запрет на все культурные гастроли и спортивные соревнования: мы токсичны, и нас боятся. Россия — страна-изгой. Провластные газеты и всякие каналы полны патриотического восторга, немногочисленные оппозиционные издания полны гнева. На первой полосе «Новой»: «Россия бомбит Украину». Редакция «Новой газеты» признает войну безумием. И уже можно с ходу написать целую книгу о новом российском кошмаре. И сколько его было после моего рождения: война с Финляндией, Великая Отечественная, подавление восстания в Венгрии, подавление чехословацкой «весны», Суэцкий кризис, Карибский с ракетами на Кубе, две Чеченских войны, путч 1991 года, а до этого — кошмар многолетней войны в Афганистане, Крымнаш, Донбасс, и вот апофеоз: российские танки двигаются на Киев…

Сдерживаю себя, чтоб не написать лишнее. Несчастная страна Россия. Сколько мрака, нищеты,

крови… На этом и закончу. Горький подарок к 90-летию. Плохое психологическое самочувствие, и, как говорила Лариса Копнина: «Ну все болит!..» А Яна Маевская заявила, что берет интервью у долгожителей, и почти все одинаковые с затуманенной головой, неясной речью, плохой памятью и в полумаразме. А моя бедная голова работает и работает, ночью просыпаюсь и что-то пишу. «Упорнограф Безелянский», — как когда-то написала «Российская газета».

* * *

Ну а как мой юбилей? Прошел в горьких разговорах с боевой подругой, без единого грамма алкоголя, без праздничного застолья (а кого звать? НЕКОГО)… Лишь более 30 телефонных поздравлений. Людочка прислала коробку конфет и фрукты, Эдуардо — корзину роз и хорошую денежку на книгу. Представитель Управы «Сокол» принес очередную грамоту (грамот — вагон, а лит. премий — нет) и крохотную денежку и какую-то бытовую «бандуру». Из звонков неожиданный из ЦДЛ от Наташи Познанской с поздравлением. Домжур промолчал, и не откликнулась Райкина, даже в датном уголке меня не упомянули. Конечно, несправедливо, конечно, обидно. Даже

если соединить весь коллектив газеты, то они со своими книгами и публикациями не дотянули до моих грандиозных цифр сделанного, но по каким-то причинам я для них чужой. Ну, хрен с ними!..

2 марта вышла «ЛГ», а там мой монолог «Под дырявым зонтом, без интернета и вне тусовки». И со стихотворением из 1950 года — 18 лет: «Я — все одно непостоянство. / Я соткан из противоречий. / Пестро души моей убранство, / Язык мой — перезвон наречий…» И колонка Сергея Нещеретова (он же Зенкевич) в «НГ», в книжном приложении «Экслибрис» колонка: «Российскому энциклопедисту — 90 лет». С фото: «Юрий Безелянский сам себе интернет». И о моем личном архиве: «донкихотский арсенал против мельниц вселенского инфоблудия».

Еще приходила Яна Маевская и брала интервью для «Московской правды» — еще жива? Вот и весь юбилейный улов. Не густо, но что-то. А у многих коллег по цеху — НОЛЬ. Грех жаловаться…

Самочувствие так себе, нет, наверно, похуже. Общее безумие в мире весьма придавливает. Агрессия и ненависть не могут быть мотором и двигателем жизни, это — тормоз. Опять не то, это — вселенская беда. И жалко юное поколение

— у них отобрали и растоптали будущее. Кругом санкции и все отечественное рушится, у нас практически мало чего есть для технологических прорывов. И это скажется на экономике, на товарах, на еде и, как написали в «МК»: санкции начали душить домашних животных, ибо своего питания для кошек у нас нет. И смешно, и печально. Есть только ржавые скрепы из далекого прошлого. Иван Грозный и Малюта Скуратов страшной тенью нависли над российском народом. Мракобесие с потухшим солнцем надежд…

5 марта, суббота, 12:25. На улице ветер, дрожь в теле, серое, набухшее небо…

8 марта, вторник. Международный женский день. «Костяная нога» — последний комментарий в «Собеседнике». Благодарность России — за балет, литературу, за лучших женщин, лучших программистов, даже лучших хакеров. Остальное — вранье, цинизм, бездарность, воровство. Расправы и прямая агрессия. И вместо молодой прелестницы России — злобная старуха, вымещающая все комплексы на соседях…

Таков портретик. Его рисуют эксперты и аналитики, выступавшие на «Эхо Москвы», — профессора Пастухов, Сонин, публицисты Пархоменко,

Невзоров, писатель Шендерович, Орешкин и многие другие. Сегодня их нет на «Эхо», как нет самого «Эха»: забанили, отключили. Слушаем с Ще «Говорит Москва», и ужас: патриотическая истерика, надрыв, площадная ругань — «аналитика» цветет и пахнет! Какой-то разнузданный Леха учит ненавидеть врага. Братская Украина ныне злобный и коварный враг, возможно, там есть часть нечисти, но не все же украинцы! Нечисти и дряни полно и у нас в России. А тут еще и «Динамо» проиграло «Спартаку», не выдержав гонки за газпромовским «Зенитом». Все к одному. Плохо.

А тут еще «Держиморды строят нам культурную казарму» (статья Ал. Минкина в разделе «Лучше не думать» — «МК», 15 февраля).

Ваши рожи и хари не скрыть за вуалями,

Не напялить на морду изящный сюртук… –

как пел Александр Градский. Кажется, эти строки я уже цитировал. Мир стоит на ушах. И я не вижу никакого выхода.

Я коней напою, я куплет допою,

Хоть мгновенье еще постою на

краю!.. –

надрывался Владимир Высоцкий в 1972 году, 50 лет назад. А сегодня мы все на краю.

…А с утра выпал снежок, снова все бело, минус 8. И радуют только цветы: три эквадорских розы, которые купили сами, ведерко, полное маленьких розочек, и 5 красных гвоздик — принесла Паша, соцработник. А в остальном?.. Сегодня поздравлял Марину Тарковскую — слава Богу, жива, — занимается архивом отца, Арсения Тарковского.

Последние страницы 4-го тома, в отчаянии, в судороге и раздрызге. Вот уж по Ник. Рубцову: «Все было веселым вначале, / Все стало печальным в конце». Но и в начале были времена отнюдь не веселые, а со сдавленным горлом и скрежетом зубов.

9 марта, среда, 9:45, светлый и морозный день. Ще уехала к онкологу на Войковскую: раз в 3 месяца получает лекарства. Ще чувствует себя неважнец, ну, а я как развалины Помпеи, «ну все болит», как говорила Лариса Копнина. Хрестоматийная фраза, как и восклицание Бори Кузнецова: «Ну я не знаю, что это такое!..» И классика от Бабкена: «Ну не дают работать!» Три

крика, они и сопровождают меня. Перечислять, что болит, — нудно и противно. Надо проверяться, то ли начинать с зубного, то ли с терапевта. И ехать. А сил нет.

Личные проблемы? Кому это нужно! Вот кремлевские!.. «Собеседник», № 7, кое-что раскрыл в материале «За кремлевские стены зараза не проникает?». И на это тратятся миллионы рублей. Длинные столы для переговоров с кем-то в 6 и 8 метров. Проверка тех, кто соприкасается с САМИМ: под контролем кровь, слюна, кал — сплошные анализы. Всех проверяют, держат на карантине во имя здоровья главного человека страны, оберегают от ковида… а население страны? Пусть выживают, как хотят. Меньше людей, тем меньше проблем.

Не буду об Украине, все это больно и стыдно. Вчера приходила Яна Маевская, позвонила снизу: «Это почтальон Печкин!» И принесла 10 штук «Московской правды». Странно, что газета выходит. Усилия Шода Муладжанова, тираж 61.250 экз. В заголовке использована фраза Юрия Нагибина: «Юрий Безелянский: в его руках — бессмертие великих». И фото седого Барбоса. Вроде все хорошо: 3 публикации. Но Зенкевич посетовал, что бракоделы в «Экслибрисе» испортили его текст, кое-что

сократив, а «энциклопедист № 1» остался.

А в «Мос. правде» публикация какая-то любительская, не «фундаментальная». Зацепило только описание, что я в свои 90 лет — «живой пример того, каким надо быть в таком возрасте: достаточно подвижным с живым умом, иронией и самоиронией, юмором и неистощимым интересом к жизни».

Так и хочется воскликнуть словами Корнея Чуковского: «Неужели в самом деле?..» Может быть, кому-то так кажется, но внутри я — развалина, один бедуин в пустыне. И никак не закончу 4-ю книгу дневников и воспоминаний. Надо на чем-то резко оборвать. Чувствую, как читатель утомился, зевает и заглядывает в конец: а сколько еще страниц осталось?.. И надо к читателю идти навстречу.

* * *

12 марта, суббота, 11:35. Было пару ясных дней, а сейчас опять серость, хмарь. Мне 90 лет и 10 дней. Настроение швах, и куча причин тому. Планета трещит так, что вот-вот развалится, а два героя современности Пу и Лука встречаются в сотый раз и радостно обнимаются. Братья по крови и ужасу. Остановлюсь и вернусь к себе. 10

марта проснулся под утро в 4:30, и закрутились спросонья строки в голове:

Ах, я ничего не знаю
И честно: знать не хочу.
И чувствую, что погибаю!..
В гулком пространстве лечу.
Жизнь прежняя закончилась быстро,
А может, тихонько ушла.
Исчезли большие надежды,
Утихли бои и дела…
Все тихо. Смиренно, убого.
Никто не поможет. Никто.
Не надо просить и у Бога
Ни милости и ничего.

Прочитал строки Ще за завтраком, она: «Ну не надо так!..» А как надо? Кричать «ура» и ликовать, славить творца новых побед, как это сделал Александр Проханов в передовой своей газете «Завтра» (март, № 9):

«Отброшенная в проклятом 1991-м со своих исторических рубежей Россия, превращенная в ничто, в ноль, в пустоту, сегодня контратакует. Русские танки под Мариуполем, русский десант

под Одессой, русское кольцо вокруг Киева, русский спецназ на улицах Харькова, это русская контратака…

Русская контратака началась в 2000-м, когда мы выиграли бой на Кавказе. Затоптали суверенитеты… укоротили осатанелую Грузию, обвенчались с Крымом, братски поддержали восстание в Донбассе, дернулись на Ближний Восток со своими кораблями и самолетами… Русская государственность пульсирует… Это грозное рождение русской галактики, которую не удалось погасить мировой тьме… Сегодня на Украине сражаются американская крепость и русский храм… Пятая колонна в Москве шипит, как брошенная на сковородку мокрая рыба… Ужасно и восхитительно рождение новой галактики».

Цветистый Проханов, уникум и метафорист, названный когда-то певцом Генерального штаба. Бард войны и величия. И он не один такой, без штанов, но с автоматом Калашникова. Воин идеи… Специально вставил прохановские цитаты, для объема, для разномненья и разновзглядья.

Проклятая политика морочит мне голову, бередит душу, разрывает сердце. Я — пацифист, хочу мира и тишины, хочу контактов и братства,

хочу примата культуры и литературы. А кругом раздрай, агрессия и ненависть. Милитаризм пышным цветом.

Тут разбирал архивные папки и натолкнулся на стихотворение Юрия Левитанского из 70-х годов (полвека назад!) о том, как живут поэты.

– Ну, что ты, читатель, да ты не волнуйся напрасно!

Живем мы неплохо, и даже скорее – прекрасно.

Питаемся сытно, на завтрак – вино и бекасы.

А после нам денежки на дом приносят из кассы…

…Вот так и живем мы и пишем бессмертные строфы –

И дуем коньяк под лимоны и черное кофе –

вблизи от Парнаса и все-таки ближе –

к Голгофе.

Хороший поэт Юрий Левитанский, и сколько было этих хороших и замечательных, и сегодня они есть, но страна как была с имперскими замашками, так с ними и осталась, только дерзости

и хамства прибавилось, и отсюда разнузданные, по Проханову, контратаки. Нет, хватит обо всем этом сегодняшнем. Лучше о чем-то хорошем. Как там из детских стихов: «– А что у вас? — А у нас в квартире газ…» А вчера пришел Карен, прямо истый джентльмен, притаранил мигом третью книгу…

11 марта, в 18:30 — «Нулевые, боевые, пенсионные». 432 стр.

И сказал, что многие звонят в издательство, а магазин «Москва» требует еще досылы книг «любимого автора». Карен ушел, а я впился в книгу и натолкнулся на опечатку: «69 ЭТАЖЕЙ русских писателей» — не эссе, а этажей, — мило и удивительно. Три книги дневников и воспоминаний, я действительно гигант и трудоголик, и надо завершить четвертую, которая разбухает и разбухает. А уж как надо ее вычитать, чтобы не было лишних этажей!..

10 марта, суббота, 10:35. Где-то рядом около окна на кухне бродит яркое солнце. Кончились серые дни, пошли косяком яркие, весенние, и теперь я страдаю от переизбытка света. Ну все не в масть! Такая планида, такая судьба, такая Россия.

Но прежде, чем о России, надо записать о себе, сердечном. Вчера светило солнце, сухой асфальт

и возникла идея: пойти пешком до Сокола (давно там не были, все около дома да около) к армянам за вкусным хлебом и хачапури, а заодно — в угловой магазин под кодовым названием «Придурок» (прозвище с конца 80-х годов). Бодро собрались и пошли. И дошли! А вот обратно с превеликим трудом мы оба еле шли — а нам на двоих 172 года! Под конец я молил Бога, чтобы не упасть от изнеможения. Такого еще не было! «Дожили!» — как сказал попугай из бессмертных «12 стульев». Пришли домой и долго приходили в себя. Сегодня многочасовые хождения по Парижу кажутся безумной фантастикой!..

А тут еще надо завершать 4-ю книгу, соединить события и акты в единое целое, а они расползаются, и голова в отчаянье начинает трещать. Хочется все бросить и поставить жирную точку. Время писать книги и время отложить их в сторону и смотреть на них краем глаза. Прости меня, читатель, не рассчитал я своих сил: и вместо эффектной ударной концовки на бумаге какой-то бессвязный лепет. Куда мне до президента, он четок и как жесть, и провозгласил новую реальность для России (опять живем в новой стране!).

И там же в «МК» заметка обозревателя Дм. Попова: «Нокаут от президента». Новая Россия

— послушная, покорная, волевая и отважная по приказу Главнокомандующего. Экономика? Как-нибудь справимся, подкуем блоху, как лесковский Левша. Кстати, валюта на 17 марта: доллар — 108,06, евро — 118,76. Это для памяти, как будем скакать дальше на деревянной лошадке!

Пора заканчивать воспоминания и дневниковые записи

Пора! Жизнь бесконечна, а книги имеют свой предел.

23 марта не стало 93-летнего Юза Алешковского:

Товарищ Сталин, вы большой ученый –
В языкознанье знаете вы толк.
А я простой советский заключенный,
И мне товарищ – серый брянский волк.

Юз умер не в Брянске, а в Тампе, в американской Флориде. Его я представлял в каком-то томе об эмиграции. Какие были люди!..

Забыта пандемия, «маски сброшены», как радостно сообщила какая-то газета. О коронавирусе и о заболевших не говорят и не пишут, забыт

узник Навальный. Забыты тюремные пытки и швабры, забыты выступления театральных деятелей против цензуры, ушел в тень запрещенный «Мемориал». Не обсуждается новое направление в образовании — «За парты! За Сталина!» — «МК», 8 февраля.

Забыта даже героиня сетей Ольга Бузова. Можно порицать Бузову, возмущаться, но фото женских прелестей, согласитесь, лучше ужаса войны. Вспомните офорты Гойи!

24 марта, четверг. Все залито солнцем, но пока оно до кухонного окна не добралось и не дает возможность немного попечатать. Страдаем вместе с Ще от отсутствия иной позиции. «Эхо Москвы» закрыто, «Новая» не выходит. Еще держится «Собеседник», но уже без комментарийных уколов Быкова. И проскальзывает то, чего нет в официозе: «больше половины россиян хотят уехать из страны». Новая эмиграция (№ 10). Уволен Дворкович, бывший сановник Кремля, за высказывание о том, что война — это худшее, что может быть, с чем может столкнуться человек. Не видно всесильного ТВ-человека Эрнста. «Сыграл в ящик» Иван Ургант. Исчез с экрана Максим Галкин и т. д. Кто уехал, кто отстранен, кто замолк, кто притаился. Лишь дядюшка Зю продолжает

призывать отказаться от капитализма и перейти снова к социализму («Правда Москвы», март). И полоса: «Скрепы вместо масла: насколько мы обнищаем в этом году?» Вопрос интересный: на сколько?! А вчера президент объявил отказ от иностранной валюты (подробности не уточнял), вчера доллар был 104,07, а евро — 114,78. Но Бог со всем этим: как-нибудь переживем, если здоровье позволит…

21 марта на 94-м году жизни не стало режиссера Виталия Мельникова. 30 картин от «Начальника Чукотки» до «Здравствуй и прощай». Мельников печально отметил, что «все было при такой длинной жизни».

* * *

4-й том дневников и воспоминаний резко обрываю. Что будет с Россией, Украиной, миром, со мной — одному Богу известно. Я не футуролог и не буду предсказывать.

Завтра планирую отвезти рукопись в издательство и надеюсь на ее издание. Большой проект из четырех книг. И я вижу виртуальную картинку, как встретились автор и читатель на развилке жизненных дорог: они встретились, молчаливо обняли друг друга, скрывая свои чувства. Глубоко

вздохнули. И каждый пошел по своей дороге дальше. Ничего нельзя было разглядеть. Так, нечто что-то куда-то двигалось. А тут еще налетел ветер и закрутил опавшую осеннюю листву…

24 марта 2022 г. 11:55

* * *

Книга закончена? Увы, нет! Надо еще написать что-то вдогонку. А поэтому — 2022 год.

Эпилог

Машинописный набор рукописи в 570 страниц с кучей ошибок и опечаток мы с Ще 25 марта 2022 года отвезли в издательство на такси (одни расходы, а где доходы?). Там царит уныние: издание книг, как и вся экономика, переживает тяжелое время: бумага и прочие полиграфические услуги дорожают, и это сказывается на всей цепочке: автор — издатели — книжные магазины — читатели. Всем нелегко, всем тяжко. И тем не менее — «Без надежды надеюсь!» — как писала Леся Украинка.

19 мая 2022 г. 13:37. Двор зеленый, небеса в облаках.

Можно, конечно, разбиться на исторические

детали, но повременю и остановлюсь на некоторых публикациях, которые я отложил для чтения. Моя точка зрения — это одно, но есть и другие, которые имеют поддержку в народе, и тут без Александра Проханова никак нельзя. В пасхальном номере газеты «Завтра» № 16 он выдал передовую «Воистину!», в которой утверждал, что русская история пасхальна… «русская лазурь, пасхальный фаворский свет». И тут же лягнул горбачевскую перестройку:

«Перестройка была для России весенним крестом, поношением и истязанием. Беловежское расчленение было крестной мукой и смертью. Ельцинские 90-е годы были сошествием во гроб, гибельным исчезновением… А потом пришел новый повелитель, и произошло «чудесное восстание из гроба, чудесное воскрешение — от победного сражения на Кавказе до лучезарного богооткровенного Крыма… Россия поднялась во весь рост, раздвигая своими могучими плечами стискивающие ее континенты. Континенты скрипят, скрежещут, стараясь расплющить Россию…»

И концовка в прохановском стиле: «Христос воскрес, братья! Воистину воскрес! Огонь! Огонь!» Разумеется, по всем врагам сразу.

И в том же номере «Завтра» интервью с ху-

дожником-евразийцем Алексеем Гинтовтом под заголовком «Все-таки империя!» Ну, а ты, читатель, что думал? Никаких альтернатив. Западная демократия — это химера! Гинтовт называет себя «красным художником» и говорит: «Красный проект — это большой стиль, посетивший наш народ и нашу цивилизацию в середине XX века…»

Художник-евразиец восторгается российскими пространствами. «Народ, порожденный этим пространством, гуляет — не прогуливается, не фланирует в переносном смысле, а гуляет, пребывает в движении. Это или блаженные, очарованные странники, или казаки в поисках доброй воли, или экспедиционные корпуса, отправившиеся на границы империи с тем, чтобы расширить ее насколько возможно…»

Бедная золотая русская литература, несчастный Серебряный век, куда мы скатились и как оскотинились, и виден ли край пропасти, куда мы падаем?..

«Неуемные фантазии русской идеи»

Не буду изображать из себя мыслителя, философа, политолога и публициста, а обращусь к специалисту — Александру Ципко из Института

экономики РАН. «Неуемные фантазии» — целая полоса Ципко в «Независимой газете» от 12 мая.

Начало таковое: «Владимир Путин 24 февраля 2022 года привел Россию в иной мир, отличный от России, рожденной августовской революцией 1991 года. Мы стали жить в непредсказуемом мире. Но иное не значит новое: 7 ноября 1917 года тоже было выходом из матрицы европейской буржуазной цивилизации во имя коммунистического идеала».

Сегодня трудно понять, что подразумевает автор недавно опубликованной статьи «Уйти из матрицы» Василий Бровко под чистой русской цивилизацией. Скорее всего, для него это СССР конца 1980-х, который еще не начал двигаться к Западу. Для него СССР, еще не совершивший ошибку Горбачева и Ельцина, попытавшихся сделать Россию частью западной цивилизации, ближе к идеалам русской чистоты, к возвращению к русской идее, которая связывала чистоту русской жизни с монастырским образом жизни, с нищетой, с долготерпением крестьянина. Над русской идеей всегда стояло какое-то изуверство, желание созерцать муки народа. Русский мессионизм всегда был призывом к страданиям человека во имя великой цели… В философии

русской чистоты есть что-то от тоталитаризма… Протестантизм тоже жесток в своих ограничениях, но, как показал Макс Вебер, именно он создал современный капитализм, современную культуру разнообразия потребления… Актуализация идеи отстранения от Запада, от потребительства — это предвестник очередной беды… За нашим неуважением к ценности человеческой жизни стоит неуважение к истине…

Далее в статье упоминается Константин Леонтьев, который призывал «подморозить Россию, чтобы она не гнила». Леонтьев не скрывал, что его враг — гуманизм. Леонтьев сожалел, что Александр II увел русских крестьян от обид помещиков, даровал им свободу, «лишил радости смирения перед несправедливой и жестокой властью».

В статье вспоминается и Тютчев, который писал, что «народ хочет землицы, а вы ему сулите Византию да крест на Софии. Он хочет к бабе на печку, а вы ему внушаете войну до победного конца». Вот это Федор Иванович! А что проповедовал в стихах?

Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет…

От себя добавлю: народный фатализм. Народ отдает свою судьбу на волю царей, генсеков и президентов — «и быть чему, то будет». Целая философия оправдания русской бедности и рабства. Идеологи русской идеи рассматривали народ как материал, из которого строится русская государственность… В заключении статьи Александра Ципко: «За нынешним “Россия — не Запад”, которое привело к появлению России 24 февраля 2022 года, как раз стоит русская неспособность пустить в свою душу ценность человеческой жизни, неспособность понять, что другой человек, как и я, имеет всего лишь одну жизнь, и великий грех — лишать этого человека жизни во имя очередных фантазий русской идеи».

Александр Сергеевич Ципко, а вам не страшно за свое инакомыслие? И как не вспомнить русского печального эмигранта Сашу Черного?

Восемь месяцев зима, вместо фиников морошка.

Холод, слизь, дожди и грязь – так и тянет из окошка

Брякнуть шалой головой…

Ведь тянет правда?

* * *

В истории России было немало роковых поворотов, когда решалось или — или: навскидку — Стрелецкий бунт, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов на Сенатской площади, падение династии Романовых, свержение Временного правительства и т. д. А десять лет назад, 6 мая 2012 года, в Москве произошла одна из крупнейших протестных акций — «Марш миллионов» в ответ на очередную рокировку Путин — Медведев. Шествие возмущенных людей от Калужской до Болотной площади. Могли и Кремль взять, но не сложилось. «Увязли в Болотной», как написал «Собеседник» (№ 17). И закипели болотные судебные дела. Подзаголовочек в «Собеседнике» — «Образ России за решеткой». Болотную не комментирую, могу лишь привести огненные строки из классиков русской литературы. К примеру, «Северовосток» Максимилиана Волошина:

Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба;
В этом ветре вся судьба России –
Страшная, безумная судьба.

В этом ветре – гнет веков свинцовых,
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса –
Чертогона, вихря, свистопляса –
Быль царей и явь большевиков.

Далее Волошин ставит вопрос: «Что менялось?..» И отвечает: «Знаки и заглавья. Тот же ураган на всех путях…» и т. д. Читатель этой книги может сам вспомнить или узнать извилистый и мучительный путь российской истории с его взлетами, падениями, войнами и кровью.

Взрослые дяди и тети многое чего знают, помнят и соображают, и не все находятся под наркозом госпропаганды. А вот дети. Малышня, как с ними? Что закладывают им в кудрявые головки?

Обратимся к «ЛГ», номер от 27 апреля. Полоса «Проект “нужны потребители” закрыть!» А кто нужен? Па-три-оты! Естественно. Подзаголовок полосы: «Какие ценностные ориентиры должны приниматься в школе?» И далее. С 1 сентября каждый понедельник в школах будет начинаться с исполнения гимна и поднятия государственного флага, а первоклашек в рамках предмета «Окружающий мир» и во внеурочное время будут

знакомить с историей Отечества… Лично я это проходил: «Взвейтесь кострами, синие ночи, / Мы пионеры — дети рабочих». Ну, слово «рабочий» устарело, а кто они такие вообще, о них что, пишут в прессе, говорят по радио и ТВ, берут у них интервью? Какие Паши Ангелины и Алексей Стаханов, — забудьте! Нет, мы — дети великой страны. Газета «МК»: «В школах начался патриотический подъем. Историю начнут изучать с 1-го класса». Не сомневаюсь, что история России будет исключительно позитивна: военные и трудовые подвиги, победы и достижения, рекорды и высокие мечты. Разумеется, без Гражданской войны, ГУЛАГа, 37-го года, Голодомора, «дела врачей» и много чего прочего. Ну, не было такого, неслучайно закрыли общество «Мемориал» и многие исторические страницы затушеваны или вырваны.

Вот только последняя катастрофа: затонул в результате взрыва и пожара флагман Черноморского флота — крейсер «Москва». Бронированный исполин, которым гордилась вся страна. Случилось это в ночь с 13 на 14 апреля 2022 года. «МК» сообщил об этом в рубрике «Караул» — «Прощай, флагман!» И что об этом печальном событии расскажут школьникам? Нет, это не вписывается

в эпоху отечественных побед и достижений. И не надо детям морочить головы.

Или вот еще специальный репортаж в «МК» 11 апреля сего года: «На родине Гагарина забыли о дне космонавтики» о жизни жителей деревни Клушино Смоленской области, на родине первого космонавта мира… Только два подзаголовочка из репортажа: «Просвета нет» и «Привыкли корзину на пузе таскать и вагонетку с навозом возить». То есть запущенность и безотрадность. Подвигом Гагарина гордимся, а как живут и работают его односельчане — об этом молчок. И властям не стыдно ни капли! И, конечно, детям об этом знать не надобно. Только подвиги, достижения и парады. Ура, товарищи!..

История в школе (а в вузах?) однобокая, отшлифованная до блеска. Главное — миф, и чтобы он был геройский и оптимистический. Как пели в довоенном фильме «Цирк»: «Шик, блеск, красота!..» Тра-та-та…

А вот правильному русскому языку, грамоте и полноте русской литературы в школах не очень-то учат. Литература — вообще вещь опасная, не случайно я написал книгу «Опасная профессия: писатель» (2013), они такое писали про Россию, власть и народ, что, уверен, цензоры

от власти давно мечтают всю эту писательскую «лавочку» — от Пушкина и Чаадаева до Галича и Аксенова — прикрыть. Откроешь какую-нибудь книгу, а там — крамола, про какую-то несвободу пишут, про гнет, про кандалы и прочие прелести самодержавия и великой империи. «И вы, мундиры голубые, / И ты, им преданный народ» (до сих пор кто-то пытается доказать, что Лермонтов этого не писал, ну, не может быть!..).

Люблю отчизну я, но странною любовью…

Опять Михаил Юрьевич.

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не страдал.

Это — Некрасов, Николай Алексеевич. Его не цитируют. Он не в тренде. У нас плавное импортозамещение, утереть нос Западу, ну, с собственной бедностью успешно боремся лишь в правительственных бумагах.

А вот Сухово-Кобылин и его отчаянные слова, полные гнева и бессилия:

«Богом, правдою и совестью оставленная Рос-

сия — куда идешь ты в сопутствии твоих воров, грабителей, негодяев, скотов и бездельников…»

Кто-то возмутится: да это написано про старую, царскую Россию, а с октября 17-го года все пошло иначе, ярко вспыхнули кремлевские звезды, и засияли коммунистические дали.

Так-то оно так. Разве сегодня исчезли все эти негодяи и скоты, удобно устроившиеся у подножия самодержавного трона?..

Но опять же классика: а что писали и кричали Герцен, Чехов, Бальмонт (даже он!). Нет, не буду больше цитировать, ибо все эти выдержки бьют по сердцу и терзают душу.

Как говорится: баста!

25 мая 2022

* * *

А тем временем идет война, то бишь специальная военная операция. И кто-то наверху пытается проводить параллели с Великой Отечественной войной. Но нет, это совсем другое. Тогда страна была в едином порыве защитить свою родину, добиться Победы. А сейчас? Почти все заняты своими житейскими делами и посматривают на голубой экран: что разбомбили, что расколошматили, сколько убили «бандеровцев и фашистов».

И слабые, любительские попытки мастеров культуры отобразить сегодняшние события. Кто-то в газете вздохнул: «Где сегодняшние Шостаковичи и Прокофьевы? Клавдия Шульженко и Лидия Русланова? Где Симоновы и Долматовские? Бергольц и Тушновы? Где современные “Синий платочек”, “Василий Теркин”? “Сережка с Малой Бронной”, Седьмая симфония?.. Где это военное искусство, хватающее за душу?..» Нет, как нет образовательных программ «Клуб кинопутешествий», «Кинопанорама», «Театральные встречи» и т. д. Сплошное «Поле чудес» с поиском сбежавших отцов — «ДНК». О, Господи!..

Экономика? Как кто-то сострил: доллар исчезает в полдень. И доллар, и евро в районе 50–60. Экономист Дм. Прокофьев: «С рублем могут сделать примерно все». За 3 месяца доллар вдвое подешевел. А цены растут: «Пришел, увидел, не купил». Очень смешно. «В России заканчивается бытовая техника» — последствие санкций. Одежда, обувь и косметика подорожали на 5–30 процентов. Россию покидают сотни иностранных компаний. Прощай, Макдональдс!.. Трудности с авиапромом и автопромом. Ну и т. д. А власть утверждает, что мы от санкций только крепнем и быстро развиваемся: «Все хорошо, прекрасная

маркиза, все хорошо, все хорошо!..» А 14 марта случился казус в «Останкино»: редактор программы «Время» Марина Овсянникова вышла в эфир с плакатом во время эфира Кати Андреевой: «Здесь вам врут». Ее, конечно, уволили, и, слава Богу, что не расстреляли… Бывший глава Минэкономики Алексей Улюкаев вышел на свободу. А Анатолий Чубайс покинул Россию…

А пока идет война. «Ни дня без стрельбы, без гулкого огня, / Где был квартал — руина за руиной, / А ты сегодня спрашивал меня: / Зачем война России с Украиной?» Валерий Лебединский (1940) в «ЛГ».

А как заголовочек в «МК» «От гвоздей до троллейбусов» о плане спасения российской экономики. Импортозамещать придется практически все. Довели страну большие рулилы, бывшие троечники в школе… Ну и, конечно, запреты, цензура, табу, и вот деятели и кумиры масскультуры побежали из страны. «Культура обетованная»: Израиль, Западная Европа, Латвия, Турция, США, Эмираты, Армения… От Пугачевой до Жасмин. «Народные и инородные» — шутит «МК». Я не порицаю, Бог им судья… Я с темой эмиграции разобрался в своих книгах — в трехтомнике.

Печатал и устал, все-таки 90 лет (не верю!), и на-

до сокращать свою летописную деятельность: все не охватишь! Но надо хотя бы немного коснуться жгучей темы о русофобии, которая запылала почти во всем мире. «Из нас сделали пугало, врагов мирового сообщества» (Мих. Швыдкой, «МК», 29 апреля). «Разрушен миропорядок». Рвут контракты с Россией, отменяют гастроли, запрещают все русское, Чайковский попал под запрет. И смешно, и печально. Мир сошел с ума или сбрендил.

И в самый раз поговорить о тех, кто ушел из этого безумного мира. Ушли два экс-президента: украинский — Леонид Кравчук, «президент, который словчил» («МК», 12 мая), «Воплощение и палач советской мечты» (там же), и белорусский руководитель Станислав Шушкевич, которого Лукашенко лишил даже государственной пенсии и промолчал о смерти первого президента свободной Беларуси.

А вот о смерти «божьего человека» правозащитника Андрея Бабушкина скорбели многие. Бабушкин бился за права человека и помог многим осужденным… Ну, и главная потеря — Владимир Жириновский, «самородок по отчеству Волк». Не хочу его расписывать, но он был мастером по жизни и добился многого, даже прощались с ним в Колонном зале, как со Сталиным.

Мир его праху…

Но это чужие, незнакомые лично мне люди. А вот настоящие потери. Пока не вел книгу-дневник, ушел из жизни Саша Стрижев, как замечательно в годы Плехановки мы ходили с ним по библиотекам, книжным магазинам, писали стихи…

Донеслось сообщение, что ушел Сперанский, владелец фирмы и журнала «Аккорд» — тоже определенная веха в моей жизни. И тоже очень жалко человека… Умерла жена Яшина Валентина Тимофеевна, хорошая женщина, я с ней встречался еще тогда, когда работал на радио, и с ее помощью записал интервью с самим Львом.

Да, круг сужается, и старых знакомцев все меньше… Ну, а теперь надо поговорить о себе.

Май выдался жутко холодным (давно такого не было), батареи отключены, и дома прохладно и некомфортно. И чувствуем себя оба не так, как хотелось бы. И, конечно, главное событие — дневной творческий вечер в Государственном литературном музее им. Вл. Даля (Зубовский бульвар, 15).

Афиша: «Одноклассники, Андрей Тарковский и Юрий Безелянский»

«В рамках выставки “Андрей Тарковский: про него и про кино”:

К 90-летию со дня рождения выдающегося кинорежиссера — в субботу 14 мая в 15:00 состоится встреча с Юрием Безелянским.

Писатель, публицист, автор мемуаров о своем поколении и знаменитых одноклассниках — Андрее Тарковском и об Андрее Вознесенском.

Юрий Безелянский также недавно отметил свой 90-летний юбилей и слывет легендарной личностью. Услышать в его изложении характеристику XX века и живо представить многих его современников предстоит участникам встречи».

Вот такая встреча. Особенно меня насмешило выражение «легендарная личность». Это вроде Чапаева, что ли? Да, Анка есть, но нет ординарца и пулемета. Но есть пишущая машинка «Олимпия».

Идея вечера принадлежит Марине Тарковской, которая дала мой телефон одной из руководительниц музея — Ларисе Константиновне Алексеевой, и та пригласила меня. Из-за плохого самочувствия (да к тому же без зубов, челюсть не

ношу) я переживал, смогу ли выступить? И смог, к собственному удивлению. Привезли на такси туда и обратно (уже благо!). Пришло немного — более 20-ти. Я выступал, сидя за столом и с микрофоном, и попивал чай. Начал говорить — и понеслось! По общим откликам — это был фантастический вечер (Зенкевич). Детали, шутки, стихи и трепетанье эмоций. Молодец! Выдержал. И привел стихи Федора Сологуба: «Когда меня у входа в Парадиз, гремя ключами, / апостол Петр спросит: / Что делал ты?..»

Выступление выложили в интернете, и уже пошли восторженные отклики. Альберт сообщил, что в интернете обо мне 11 800 разных ссылок, сообщений и прочего, и куча фотографий. Мы с Ще, к сожалению, лишены этих просмотров. Как сказала одна участница вечера, я выглядел и говорил изысканно. О-го-го!

Последний аккорд в 4-й книге дневников и мемуаров. 90-летний летописец устал. Отпустите автора на диван…

26 мая 2022 г., время 11:55. Облачно и очень зелено

* * *

Конец нам только снится. Рукопись никак не заканчивается: все тянется и тянется. Хочется еще что-то добавить, вместить приметы времени, типа «Еда, увы, нам все дороже» («Собеседник»). То какие-то пенсионные каламбурчики из «ЛГ»:

Да, брат, стареем и стареем,
Сидим все ближе к батарее…

То публикация, что «Кина не будет» — после ухода из страны западных киностудий российские кинотеатры начали массово закрываться. Короче, смотрите, кто ушел… В книжных магазинах убирают с полок книги иноагентов. Под вопросами Акунин и Быков, всех прогрессистов теснит Захар Прилепин. «Галя сидела в гимнастерке и больше без всего» (Прилепин. Роман «Обитель»). Нагой патриотизм?.. И от всей бредятины новой российской жизни бегут многие звезды… «Уехала эпоха», — шутит «МК». Худрук Театра Вахтангова Туминас из Мастера превратился во врага («Собеседник»). Много себе позволяет…

Наезжают на Максима Галкина, и Пугачева, наша суперзвезда, заявила, что если на Максима

заведут дело, тогда «я начну говорить и уже не остановлюсь». Одни восхваляют власть, другие сохраняют молчание, третьи бесстрашно высказывают свое мнение, как артист Андрей Мерзликин, сыгравший роль Ярослава Мудрого в опере «Сказ о Борисе и Глебе» и заявивший: «Между народом и государем — большая дистанция».

Восхищает композитор Александр Зацепин, ему 96 лет, живет один (все близкие за рубежом) в Москве, в квартире с роялем и синтезатором и сочиняет музыку. Песни «Этот мир», «Есть только миг» и прочие, среди них песенка о зайцах: «А нам все равно!..» И катитесь вы со своим режимом куда подальше… Тоже позиция для этого безумного мира.

Молодой романист Алексей Сальников: «Мир сошел с ума». «Ну не можем мы все мыслить одинаково и ходить строем». Да, не можем. Сальников с 1976 года, боже мой, какой молодой!..

Оставим все это и поговорим лучше о футболе, прекрасной модели человеческой жизни: борьба, цель, причуды судьбы. Боже, сколько лет я отдал футболу, дворовому, любительскому и профессиональному болению. Начинал играть в военные годы при фонарях и, главное, в тряпичный мяч (о кожаном и не мечтали!). Полюбил «Динамо»

после турне динамовцев в Англию, долгие годы ходил почти на все матчи динамовцев, вел статистику по игрокам: матчи, мячи. Приятельствовал с Константином Есениным, заядлым болельщиком и статистиком футбола. Писал футбольные программки для стадиона «Динамо» и Лужников, ну и т. д.

А ныне, и уже давно, только дома и у экрана телевизора. Но болею, иногда даже страстно. «Динамо» давно не было чемпионом (последний раз в 1976-м) и не выигрывало Кубок. И вот вчера, 29 мая, очередное фиаско со «Спартаком» — финал Кубка, 1:2, с незабитым пенальти на последних секундах матча. Невезение? Нет, играли хуже, без огня, без страсти, без кубинского лозунга «Свобода или смерть». В ходе чемпионата динамовцы могли побороться с «Зенитом» за золотые медали, но… провалили весеннюю стадию, а в последнем, 30-м туре упустили и серебро в матче с «Сочи», потерпев сокрушительное поражение 1:5, а голы им забивали отчисленные когда-то из «Динамо» Юсупов и легионер Нобоа. Позорище. И, честно говоря, я, как и все динамовские болельщики, устал ждать ренессанса клуба с великим прошлым. Жизнь — это вечный вокзал ожиданий.

Не только книги, но и футбол — часть моей

жизни. Когда-то джаз, танцы, девочки, поездки по стране, турне по Европе, книги, выступления, вечера, интервью… «Все было!..» Вот это «было» и отражено в четырех томах мемуарно-дневниковых книг. Кстати, на вечере о Тарковском меня попросили подписать две старые книги «От Версаче» и «Вера, Надежда…». Читают и ценят.

Ну, а как мы с Ще? Держимся, хотя чувствуем себя неважно. Ще поехала на плановый визит к онкологу, я — за машинкой, завтра пойдем в управу, в офис «Жилищник» сдавать документы по водосчетчикам горячей воды, тоже целая эпопея. Хочется забыться, нет, по ТВ и радио только война и проклятия в сторону Запада. ТВ практически забыло культуру и перешло на одну пропаганду. Из последнего — старый фильм «Рудин» (1971) по Тургеневу. Но это не кино, а сплошные разговоры, русская болезнь «Слова без дел». Что есть истина? А истина, — ин вино веритас! — конечно, только в вине, в опьянении и тумане, где и спряталась истина по Карамзину.

Ну, а в фильме (как и в романе) краснобай Рудин (плохо сыграл Олег Ефремов, не его это роль) только разглагольствует об истине, цели жизни и прочих высоких материях, а практически — никаких дел. О русской расхлябанности,

пассивности, лени писали почти все классики, — читайте знаменитые «Вехи», там — приговор русской матрице. Сегодня то ругали введенные Западом санкции, теперь сменили пластинку — санкции подтолкнули к активным действиям, импортозамещению, получили пинка и рады, вот мы теперь как развернемся, как вдарим, да мы самые сильные в мире и так далее. А почему раньше сидели и грелись у печи?!

У меня пропал запал,
И выпало из рук перо,
И жизнь прошла давным-давно.
А ныне снится эта быль,
Пылит дорога и ковыль…

Откуда-то непонятно возникли эти строчки, буду считать: от усталости. Понедельник, 30 мая, 13:27, и в кухонное окно ворвалось без звонка и разрешения солнце. А Корней Иванович считал, что какой-то крокодил наше солнце проглотил.

Один из авторов «Собеседника» считает, что: «современную русскую литературу власти легче тотально выжечь калеными железом, чем “перевоспитать”. Дмитрий Глуховский, Людмила Улицкая, Борис Акунин, Виктор Ерофеев, Михаил Шишкин, Михаил Веллер — это верхушка айс-

берга, формировавшая литературный ландшафт России последнего десятилетия. Задача скрутить в бараний рог по сути поколение инакомыслящих, вкусивших свободу слова…»

А на обороте страницы в «Собеседнике» вопросец: «Что лучше: ПРОРУБИТЬ В Европу окно или заколотить?» Опять же в эти дни славят Петра I в связи с 350-летним юбилеем. Он прорубил, а сейчас лихо заколачивают, чтобы не проник в Отчизну тлетворный дух Запада. Мы сами с буденновскими усами. Запад нам не пример, не указ, не ориентир, не маяк. Только мы-мы-мы. И виват, Россия!.. Кто не с нами, тот против нас! «Кто там шагает левой?!» — ох, как кстати Владимир Владимирович Маяковский… И в том же «Собеседнике»: «Чулпан Хаматова. Святая или грешница?» Она позволила высказать свои мысли и свое мнение вслух. В эпоху единомыслия. Нет, это не годится… А у меня в ушах звучит старая довоенная бодрая песня-гимн: «Я другой страны такой не знаю, / Где так вольно дышит человек…»

Человек, знай свое место и не пыхти, как паровоз! Стой спокойно, благостно, тихо. Тебе потом обо всем расскажут. Наверное. И зря я долблю эту книгу… (17 июня 2022 г.)

70 лет тому назад

14 июня 1952 года — страшный день в моей жизни. Я возвращался из школы с экзамена на аттестат зрелости, поднялся на 5-й этаж и в конце коридора (дом гостиничного типа) увидел прислоненную крышку гроба у нашей двери. Мгновенно понял все и потерял сознание…

Мне было 20 лет, а маме (Ольге Алексеевне Кузнецовой-Безелянской) 43 года. Она давно мучилась головными болями после травмы во время фашистской бомбежки… Мама предчувствовала свою кончину и боялась, что будет с ее единственным сыном, без матери и отца (он был репрессирован). В 20 лет я был НИКЕМ И НИКТО. Мечтательный юноша, немного байронист и стиляга — джаз, танцы, девочки, футбол. Не задумывался вовсе о своем будущем, и мама тревожилась, что будет с ее бедным «мальчиком», без маминой любви и заботы наверняка он пропадет, и никто не поможет ему встать на ноги.

Это было ровно 70 лет назад. «Мальчик» выжил, выкарабкался. При этом совершил роковую ошибку: скоропалительно женился и не на той женщине. Не поступил с первого раза в институт, съездил в Сибирь к ссыльному отцу. Родилась

дочка, материальные проблемы брали за горло, приходили мысли о самоубийстве. Но все стерпел, преодолел. Поступил в Плехановский институт и в нем нащупал свою будущую профессию журналиста, сотрудничая в многотиражке «Советский студент».

Встал на ноги, выстоял. Этапы пути: контора Мосхлебторга, журнал «Советская потребительская кооперация» (поездки по всей стране, от Бреста до Владивостока), редактор и обозреватель Иновещания Госкомитета по радиовещанию и телевидению (престиж и опыт). Отточил мастерство в газете «Лесная промышленность», возвращение в «СПК» и в лихие 90-е в 60 лет получил пенсионное удостоверение и бросился в свободную жизнь. «Фриланс» — свободный журналист. Печатался почти во всех газетах и журналах, от «Вечернего клуба» и «Вечерней Москвы» до «Огонька» и «Космополитена» — более 2 тысяч публикаций.

А еще радио и ТВ — различные радиостанции и каналы. Авторская программа «Академия любви» на «Дарьял-ТВ», фильм о мировой кинозвезде Марлен Дитрих. А книги! 44 изданные книги после 62 лет — это, наверное, некий рекорд. «Ленивый мальчик» (школьное определение)

с бешеной энергией. Мама была бы довольна… Сын не пропал, а сделал себе имя и стал, без ложной скромности, популярным лицом. Навскидку несколько газетно-журнальных определений и ярлыков: «Человек-архив», «Рыцарь Серебряного века и летописец Огненного», «Упорнограф Безелянский», «Феномен успеха», «Легендарная личность» и т. д. Если это и преувеличение, то все равно приятно.

О своей бурной жизни я написал в этих четырех книгах, и все они пронизаны нежной благодарностью к маме, которая дала мне все, что могла, любовь и веру в себя. Все остальное я сделал своими руками.

Мне 90 лет (никогда не думал, что доживу), и 4-я книга воспоминаний и дневников носит название «Жизнь из последних сил». Благодарю Бога, что их немножечко осталось. И мечтаю издать маленький сборничек своих стихов. Грустных, печальных, мрачных.

Бесстыдство и порок
И зла кривая морда.
Не выучен урок –
И что мы видим? Орды…

Ликуют и кричат,

Грозятся уничтожить.
Не жизнь, а сущий ад,
И дрожь идет по коже…

Это концовка стихотворения «Байрон, Лермонтов и сегодняшний день» (9 декабря 2014 г.).

Господи, как все безысходно и мрачно. Может быть, привести что-то веселенькое. После тяжелого обеда — сладкое. Вот новая редакция стихотворения «Пионерское»:

И, разгладив усы,
Он с подруги снял трусы.
А она сказала: «Ох», –
Неожиданный подвох.
А затем без лишних слов:
«Пионер? – Всегда готов!»

Это к тому, что возрождается пионерия, галстуки, отряды, марши и прочее. Сталин улыбается в усы: «Правильно делаете, правильно!»

Ответил поэт Борис Рыжий: «Но только без меня!» (2 июня 2022 г.)

5 июня. С утра с Ще вышли в ближайшую аптеку и магазин, вернулись — и дух вон. 90 лет меня стали раздавливать. «Хорошо быть молодым,

лучше, право, не бывает…» — как замечательно написала когда-то Юнна Мориц, а в конце мая ей исполнилось 85 лет, и уже нет прежней игривости, ну, и ланит и всего прочего уже нет. Вялость, дряблость и печаль-тоска. И нет прежней неистовости и ярости против зла и произвола: хрестоматийные строки «Памяти Тициана Табидзе» (погиб в 42 года в годы сталинского террора, был расстрелян 16 декабря 1937 года).

На Мцхету падает звезда…
…Кто разрешил ее казнить,
Кто это право дал кретину –
Совать звезду под гильотину?
Кто разрешил ее казнить,
И смерть на август назначал,
И округлял печатью подпись?
Казнить звезду – какая подлость!..

Ну, и так далее, что рвет душу. Юнна Мориц — молодец, виртуозное владение стихом, хотя к ней и применим мой заголовок о Зиновьеве, который написал «Зияющие высоты»: «От оппозиции к державности». Такие кульбиты кто только не совершал…

Вернусь к себе. Мы с Ще ведем какую-то стран-

ную вспоминательную жизнь: я вслух читаю ей третий том, и вдвоем погружаемся в волны теплых воспоминаний (явная примета старости). Как справедливо отмечал Уильям Фолкнер: «Человек — сумма своего прошлого».

А что, может быть, на этом и закончить 4-ю книгу дневников и воспоминаний. Ясно и просто.

5 июня 2022 года, 12:11. За окном солнце пробивает густую зелень.

У каждого из нас свои проблемы,

тревоги, страхи, война

22 июня 81 год тому назад — в 1941 году — началась Великая Отечественная война.

Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началася война…

Парадокс истории: тогда и сегодня Украина, но тогда священная война, а сейчас военная спецоперация. Но бомбы и снаряды более мощные и дальнобойные (ученые работают!), — и жертвы, раненые, искалеченные, трупы, — все

как водится. Ордена и награды… Закрываю эту неприятную тему. Мы с Ще тоже в состоянии войны с Судьбою, с нездоровьем, недугами. И тут, как говорится, шутки в сторону. А я еще попал в зубную воронку. Все оттягивал, да еще и этот коронавирус, и дождался, что мои спасители переехали с Аэропорта на далекий Кронштадтский бульвар, и понял, что надо поближе, и отправился в медцентр «Трилогия» в конце нашего двора — солидный офис. И началось. Вчера была кульминация: выдернули зараз 7 зубов, и теперь я действительно 90-летний старик без единого зуба. Лунки подживут, и новые съемные протезы (не имплантанты!), но и они тянут за 170 тысяч! Операцию по дерганию зубов я выдержал стоически, как герой, на очереди испытания финансовые. Параллельно приводит в порядок свой рот и Ще. Оба еле живые. Но пока живые… И как-то потерял сразу интерес к 4-й книге (она задерживается, а я не тороплюсь). И книжная ярмарка на Красной площади не волновала (3–6 июня), Мария лишь сказала скупо, что первые три тома там продавались. Но как — ни слова.

14-го к нам приезжали Зенкевич и фотокор Леонид, он снимал и интервьюировал, для кого и чего — не понял. Тоже хочет «Мемориал», а я

хочу закончить зубную эпопею и покоя. Устал и задергался, как в песне: «Ни минуты покоя!..» Я весь издерган, и меня не волнуют газетные вскрики: «Инфляция съела индексацию» и «Лапы прочь от Пугачевой». Обожали, боготворили, а ныне ненавидят: не патриотка! Им патриотизм подавай на белой скатерти!.. Пожалуй, из всех новостей выделю утрату Алексея Бегака, ведущего ТВ-программы «Правила жизни», и он рассказывал, как жить, как не волноваться, как питаться, как холить и укреплять свое здоровье (бег, штанга и т. д.), и этот Зубр (так его звали) ушел из жизни в 62 года.

В 62 года скончался мой ровесник Роберт Рождественский, член «Клуба 1932». Его 90-летие отметили почти все СМИ. Леонид Филатов при жизни написал шуточные строки о большой популярности Рождественского:

Можно Лермонтова знать плохо,
Можно Фета пролистать вкратце,
Можно вовсе не читать Блока,
Но всему же есть предел, братцы!

Не знать в 60–80-е Рождественского — это!.. «Да сейчас любой олень в тундре / объяснит вам, кто такой Роберт!..»

По «Культуре» прошла программа о Рождественском, неплохая, но не глубокая, не отвечающая на вопрос, как он, который славил страну и социализм, затем в 90-х разочаровался в ней. Был воспевателем соввласти:

Никогда не спрячусь
За кондовой завесой…
Но национальности я
Советский.

А потом лихие 90-е. В первом номере «Огонька» за 1990 год Роберт писал: «Мы — боящиеся озоновой дыры, СПИДа и кооператоров, / нашпигованные с детства лекарствами, / слухами и нитратами…» Большое зубодробительное стихотворение с концовкой:

слушавшие и неслышавшие,
мы – равняющиеся на красное,
черное или белое знамя,
спрашиваем самих себя:
что же будет с нами?

А сегодня разве есть ответ на этот сакраментальный вопрос?

…Полстраны – преступники,

Полстраны – охранники.
Лейтенант в окно глядит,
Пьет – не остановится…
Полстраны уже сидит,
Полстраны готовится.

Эх, Роберт Иванович, сегодня за такие нокаутирующие строки не поздоровилось бы вам, но вы вовремя ушли, в чем мы варимся сегодня. Сегодня шагать надо только вместе и думать одинаково. Никаких других соображений! Кто там шагает левой?! «Они виноваты! / Всех бы их — / в бараний рог!..» Двухполюсный Рождественский: советский и инакомыслящий. Да не Роберт Иванович, а Роберт Станиславович, и если по родному отцу, то поляк, значит. Не знал, а то бы красовался в книге «5-й пункт, или Коктейль “Россия”».

И последнее. Рождественский трезво смотрел в будущее:

Возвратившись из небытия,
прозвучит фамилия моя.
Девушка в коротеньком пальто
спросит удивленно: «Это кто?..»
А ее приятель-аспирант
показать ученость будет рад.

Скажет, в сторону махнув рукой:
«Что-то помню… Вроде был такой…
С юности зачитанный до дыр,
он потом ушел в разряд “и др.”…»

Молодец, Роберт Иванович-Станиславович! Посмертная слава — чушь и химера, за исключением, пожалуй, двух имен: Шекспир и Пушкин! Шекспир — для мира, наш Пушкин — исключительно для нас, русских… А кстати! 6 июня по новому стилю в 1799 году родился Александр Сергеевич Пушкин. Он актуален для нас и по сей день. Классик, лирик, певец свободы, женских ножек. «Экслибрис» привел и отклики современных поэтов о Пушкине: «И как дитя стремится к маме, / так Пушкин устремился к даме…» — Иван Ахметьев. Писали, сравнивали с кем угодно: Пушкин и Ленин, Пушкин и Сталин. Генрих Сапгир издал «Черновики Пушкина», где дописал (домысливал) строки за великим поэтом. И вообще Пушкин воспринимается как культурный знак. Его можно приклеить к любой проблеме. Но об этом ли написал в 1982 году «Список действующих лиц» Андрей Дмитриев, и о том, как А.С. вписывается, влияет или нет в любую эпоху:

А Пушкин – это не про нас,

Про нас писали Достоевский,
Твардовский, Бедный, Исаковский,
А Пушкин – это не про нас…

А кто же «про нас»?

«“Вопросы ленинизма”, Вышинский, Зощенко и Визбор». Такой расклад — сокрушается автор пушкинской подборки в «ЛГ» Борис Колымагин. От державника Пушкина (держава и свобода — пушкинский вариант) ушли и пришли к великой державе, которая бросила вызов всему западному миру. И никакого комильфо, а просто: «Дадим в зубы!»

Эти строки я пишу в пятницу, 24 июня, после страшного дня 21 июня, когда я пошел на подвиг, и хирург Иван Сергеевич (отнюдь не Тургенев) выдернул сразу семь зубов, и вот я тикаю на машинке в состоянии полугрогги, как боксер после нокаутирующего удара соперника. «Эх, братцы, любо, любо, братцы, жить, с нашим атаманом не приходится тужить!..»

Во рту разбомбленные Мариуполь и Мелитополь. Голова соображает плохо, но мы летим — по песне — «на честном слове и на одном крыле». «Мы летим, ковыляя во мгле…» Мы летим не на бензине, а на овсяной каше и на творожках

«Данон».

Возвращаясь от Пушкина к Рождественскому. Приведу концовку стихотворения «Аббревиатуры». От первых — РВС, ГОЭЛРО, ВЧК в начале и в конце:

Снова музыка в небе! Пора перемен.

АПК, ЭВМ, КВН…

«Наша доля прекрасна, а воля – крепка!»

SOS!

тчк.

Ну, Роберт, погоди!.. А вы, Юрий Николаевич, не путайтесь под ногами. Отойдите в сторону! Вам на баррикады нельзя. Опоздали по возрасту… Сидите в уголке и сопите со своими дневниками и воспоминаниями. И задавайте себе потихонечку вопросы, которые задавал себе Пушкин, находясь в безвыходном положении:

Куда нам плыть? Какие берега

Мы посетим?..

Эти строки я привел из эссе о Пушкине в книге «69 этюдов о русских писателях» (2008) и в конце: «Власти молчат. Народ, как и во времена Бориса Годунова, безмолвствует».

* * *

2 июля, суббота, 9:47, пока яркое солнце не зальет лучами мое рабочее место на кухне, попробую дописать книгу, она, как летучка, тянется и тянется.

Коротко о себе. 14 июня приезжали Зенкевич и фотокор Леонид, интервью и фотографии. 21 июня — подвиг. Выдернули сразу 7 зубов, и я оказался в положении беззубого писателя. Одновременно смешно и горько. Последующие дни — сплошное мучение: отек, распухли губы, болезненное состояние, прикладывал бутылочку с ледяной водой, питался только кашей и т. д. Но при этом пытался печатать.

28-го приезжал дуэт — редактор Людмила с фотокором Антоном из научно-информационного и просветительского центра «Мемориал». Снимали на камеру мой рассказ: их интересовали биографии детей репрессированных родителей, как они выжили и кем стали во взрослой жизни. Создают коллекцию биографий сталинских жертв. Три часа рассказа без зубов — и как выдержал?! И удивил Людмилу термином «конформизм» — такого никто не говорил… А в остальном болезненное некомфортное состояние, но держусь и помогаю

немного Ще: чищу картошку, морковку, цветную капусту и т. д. Ще тоже еле держится, короче, веселая парочка, и только соцработник Паша (из Молдавии) приносит продукты, в основном воду и овощи, и немного убирается в квартире. «А в основном, прекрасная маркиза…»

Спецоперация на Украине продолжается: наши молотят невесть откуда взявшихся «фашистов», украинцы от бессилия стреляют по мирным кварталам городов и поселков. Враги несут потери, о наших — молчание, в общем, людоедский помолот. А вчера вспомнил сборник Андрея Вознесенского «Треугольная груша», 1962 год, «Совпис». 60 лет назад Андрей, можно сказать, с восторгом писал об Америке и о том времени:

А время свистит красиво
Над огненным Теннесси,
Загадочное, как сирин
с дюралевыми шасси…

Какой образ: «время свистит красиво», и вот за 60 лет все поменялось до неузнаваемости, и Америка — первейший враг. И я написал соответствующие строки — антитезу Вознесенскому:

А время рычит свирепо,

как разъяренный бык.
И над обреченной планетой
разносится ядерный рык.
А люди? Ах, бедные люди,
Кому они разве нужны,
Их подают на блюде
С закускою в полстраны.
Другие потом народятся,
их тоже съедят и сожрут.
И вместо мира и братства
Мы слышим повсюду: «Капут!»

P. S.
Нет мира и нет труда,
а был такой слоган мирный,
А ныне «туман и ерунда», –
Как сказал один поэт, тихий и смирный…

И в поддам — утраты. Неожиданная смерть звезды «Ласкового мая» Юрия Шатунова, — некролог в «МК» «Мы его 30 лет любили»… Умер Бурбулис, политик, который поучаствовал в развале СССР. И еще один литовец — актер Адомайтис, фильм

«Никто не хотел умирать». А кто хочет?! И еще один фильм с Адомайтисом «Из жизни отдыхающих». Тоже неактуально: не отдыхающих, а перепуганных и дрожащих… ушедшие уже не увидят новый мир, который свирепо грядет. «Мы скифы с раскосыми глазами».

А теперь оглянемся вокруг и отведаем немного информационного салата, горького и печального. «Собеседник» № 23 — «Старикам везде у нас почет» в рубрике «Портрет явлений»: «Число пенсионеров в России стремительно сокращается не первый год, отчитался Росстат. Виной всему — пенсионная реформа, эпидемия ковида и общая бедность… В 2021 году умерло 1,93 млн пенсионеров. Ого!.. “Старикам здесь не место” — в России средняя пенсия — 15 тысяч рублей. “Людей выдавливают”».

А в Петербурге проходил очередной экономический форум. «Собеседник» был краток: «Иллюзия оптимизма». Планы, обещания, потемкинские деревни — знакомая картина… Даже Наташа Королева полна оптимизма: «Горилка есть всегда», есть надежда, что российский шоу-бизнес не сдохнет. Слава Богу, а я так волновался за Киркорова: неужели свои прекрасные одежды будет распродавать…

«А там еще немного — и аванс. Около 60 процентов россиян с трудом дотягивают до зарплаты» («МК»). А тут еще пугают костлявой рукой голода — «Голодомор 2.0» («Собеседник» № 20). Отъезд Анатолия Чубайса из России — «Уехала эпоха» («МК») — зачистка остатков либерального блока… И еще один заголовочек: «Ценам дали команду фас»… По ТВ неожиданно показали последний концерт Цоя с программной песней «Мы хотим перемен!». В скобках отмечу, что я не поклонник Цоя, но он для многих молодых был истинным кумиром. Мне и «Ласковый май» чужд, я не изменяю кумирам своей молодости: Вертинский, Петр Лещенко, Утесов… Позднее Галич, Окуджава… Строки Галича о Пастернаке:

Разобрали венки на веники,
На полчасика погрустнели…
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели…

8 июля. «Ах, лето! Ах, лето!..» — когда-то восторгалась Алла Пугачева, да и мне оно нравилось. А сейчас!.. Я страдаю от пылающего солнца, и вот дождался 7 часов вечера, чтобы сесть на кухне за обеденный стол и можно немного попечатать, солнце где-то за крышей соседнего дома. Как оно

меня мучает. А безумный мир вокруг, роковые события на Украине, а кризисы и угрозы (пандемия уже забыта, и никто не носит маски), а личные проблемы с глазами, а полное беззубье. Не мечтаю похрустеть молодым огурчиком из знаменитого Луховицкого района, да и на рынке мы с Ще, кажется, не были почти два года. Плотно сидим на диване, коротая время, не имея возможности ни читать, ни писать. Катастрофа!..

Отвлек телефонный звонок: кузен Боря с придыханием рассказывал, как он решает свою зубную проблему (тоже без зубов), как поставили челюсть, а есть почти невозможно. В общем, «Шире круг!» — была такая ТВ-программа с песнями и танцами. Сейчас другие песни и танцы, в основном минорные и скорбные. И главное — УЖЕ КРУГ! Близких, приятелей, хороших знакомых — почти не осталось. А кто есть, тот непременно мучается со своими проблемами, как Юра Герман с Люсей (у нее жуткая деменция), а дальше перечислять не буду. У всех своя судьба, особая спецоперация с разрушениями и ужасом. Ладно, на этом закончим. Может быть, будет просвет, и напишу дальше про жизнь горемычную…

Да, не забыть бы: взвесились: я вешу 71,2 кг, Ще — 57,4. Без комментариев…

13 июля. На сегодняшний день я как хроникер и летописец дня не гожусь. Голова забита тревогами и бытом, занимаюсь протезированием, то бишь зубами. Ем только мягкое. А тут нагрянули июльские грозы, и жара за 32 градуса. И в таком состоянии никак не могу разобраться с концовкой книги, ну, не идет! И бросать мой биографический «сериал» нельзя. Мнение Ще: «Бросишь — и сразу рассыпешься». Ну, ладно, скрипя всеми мозговыми клеточками (так говорил, кажется, Эркюль Пуаро у Агаты Кристи), продолжаю долбить, тик-тик. И книга не в радость, а в тяжесть, — насмешка возраста.

И утраты, каждый день кто-то из известных «дает дуба». 2 июля на 102-м году жизни скончался классик отечественной анимации «добрейшей души художник» — Леонид Шварцман. «Отец» кучи персонажей — крокодила Гены, Чебурашки, забавных обезьянок и т. д. Не убийственный автомат изобретал, а забавных зверушек для улыбок и хорошего настроения. Каждому — свое!.. Продолжаются стоны по поводу Юрия Шатунова: «Облетели розы лепестки»... Прошли, как написали в «МК», веселые похороны «шоколадного зайца» Пьера Нарцисса, уроженца Камеруна, покорившего московскую попсовую публику. И

фургон алых роз — у народа свои приоритеты. Умер человек-театр Сергей Сосновский. В море у египетского курорта Хургады акулы-людоеды загрызли двух российских туристок — отдых — супер-пупер.

А что Россия? Неунывающее «Поле чудес» с вечным Якубовичем. Всерьез обсуждается вопрос: заменить слово «президент» (иностранное, пахнет Западом) на «правителя России». А почему не самодержец?.. Еще один слух: «Развод Медведевых» — «Они вам не чета» («Собеседник» № 25). А как же праздник Февронии — любовь и верность?.. «Все идет к Госплану. Россия становится единым народно-хозяйственным комплексом». А Госдума закручивает гайки, и принят закон о невозможности проводить митинги. «МК», 23 июня — плакатик «Ищу работу» и заголовок публикации «Бездонный бассейн безработицы».

А вот судьба одного человека: ученого с мировым именем Дмитрия Колкера, с тяжелым онкологическим заболеванием. «Апогей бесчеловечности» («МК») — с момента задержания до смерти ученого прошло чуть более суток. Такие замечательные эти ребята — чекисты. Апогей… А в Японии террорист зарезал экс-премьера Синдзо Абэ: чем-то не угодил убийце. Безумный мир. Су-

масшедшая планета. Убийственное время! Как я написал: «А время рычит свирепо, как разъяренный бык!..» Вселенская коррида. Беззащитных и слабых выпустили на арену на растерзание, и бык упивается человеческой кровью… Бык? А бывший премьер Украины Юлия Тимошенко (милая панночка) презентовала на каком-то вечере колбасу «Бандеровская» и «Смерть москалям». Тоже апофеоз! Уже ненависти…

Нет, лучше глупые шалости, вроде того, как пару месяцев назад в Лувре какой-то придурок метнул кремовый торт в пуленепробиваемое стекло бессмертного холста Леонардо «Джоконда».

Многозначительное «н-да…».

Еще один эпилог?

Удивительно, но так. Пока солнце в облаках, пользуюсь моментом, чтобы наконец-то закончить книгу, а точнее, биосериал. 20 июля, среда, первый час дня.

Отбрасываю хроникальные события последних дней, лишь упомяну две публикации. «МК», 20 июня — «Страна иностранных агентов» с подзаголовком «Под новый закон можно подтянуть любого» (чтобы страна затихла и замолкла окон-

чательно — ни стонов, ни критики, ни-ни!..). И вторая публикация, 20 июля, «МК» — рубрика «Злоба дня» — «Путин посетил будущее России» — Иран, где проходит узкий саммит: Россия, Иран, Турция. Лично я такого союза опасаюсь… Ну, ладно, будь что будет!..

Меня больше всего интересуют литературные имена, и поэтому закончу 4-й том дневников и воспоминаний поэтами Маяковским и Евтушенко, два знаковых имени.

«Культура» неожиданно представила сериал «Маяковский. Два дня» (неудачное название). И вообще странный сериал: не поэт Революции, как было до нынешнего времени. Восхититель и воспеватель нового времени:

главное – душ и свежая рубаха:
глажу и думаю,
Очень правильная
эта наша
советская власть.

Ну, а дальше из широких штанин поэт достает советский паспорт и тычет им в фейс разным иностранцам: «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза».

Когда-то на заре своей юности я увлекался

Маяковским и многое знал наизусть: ранний Маяковский замечателен: дерзкий, отважный, эпатажный, поэт обиженных, обездоленных и нелюбленных. И про звезды: «Послушайте!..» И хотелось читать, декламировать. Но с возрастом разобрался, что к чему, что хотел и за что боролся со своим выпирающим Эго. И разлюбил Маяковского, его стихи померкли в стихах многих замечательных поэтов Серебряного века. И тем не менее он представлен в книге «Ангел над бездной» («Радуга», 2001) в подборке: Есенин, Северянин. Заголовок «Перо, штык и любовь». Кто захочет, тот найдет книгу и прочитает. Вырывать цитаты из текста не хочу…

И вот сериал по ТВ. Подобрали похожего на Маяковского актера и сотворили удивительно невыразительное варево, в котором практически нет раннего эпатажа, гимна революции и поклонения советской власти, а акцент сделан на женщинах Маяковского. «Мария, дай!» — и все. Адюльтерно-любовное, плаксивое и мелкотравчатое. Фи! И где-то фоном прошла дружба с чекистами. В итоге не совсем ясно, в чем состояла трагедия Маяковского, почему он задолго до смерти писал: «Все чаще думаю — не поставить ли лучше точку пули в своем конце». И поставил,

хотя до этого не одобрял Есенина за его самоубийство. Короче, талантливый человек, но его сгубил эгоизм и жажда быть первым, и чтобы произносились на заседаниях Политбюро доклады о стихах Маяковского наряду с выплавкой чугуна и стали. Поэт с большим самолюбием.

О Маяковском и Есенине написала неизвестная мне Мария Степанова, об этом сообщил «Экслибрис» («НГ», 23 июня) — «Они стремились быть обласканными властью». Они — это Маяковский и Есенин.

Вот кратенько. А теперь о Евгении Евтушенко. Все время считалось, что он с 1933 года, а тут поменяли на 1932 год, и тут подсуетилась «Культура», и на ТВ дали несколько программ о 90-летии поэта.

Странно, что я не включил Евтушенко в свои книги (забыл или что?). Хотя в далеком марте 1986 года я написал эссе о Евтушенко на 47 страницах машинописного текста «Третьего не дано...». Или «Евтушенко в зеркале своих книг». Прилежно прочитал все его сборники.

Честно говоря, я об этом тексте забыл, вот достал и читал с большим удивлением. 52-летний Ю.Б., работник экономического журнала «СПК», написал и что отметил? «Качельный механизм,

встроенный в характер самого Евтушенко: сегодня — сюда, а завтра — качну-ка я в другую сторону. Так мелькает перед глазами, как Адам Козлевич на своей “Антилопе”: эх, прокачу»:

Я, как поезд, что мечется столько уж лет
Между городом Да и городом Нет…
Мои нервы натянуты, как провода,
Между городом Нет и городом Да.

Антипод и конкурент Андрея Вознесенского:

Я формалистов обожал, глаза восторженно таращил, а сам трусливо избежал абракадабр и тарабарщин…

В 20 лет Евтушенко беспокоился и тревожился:

Щемит: неужто я не выйду,
неужто я не получусь?

Получился. «Возмутительно нелогичный, непростительно молодой». Открыто провозглашал: «Я делаю себе карьеру». Карьера была громкоголосая и звонкая. Многие стихотворения и поэмы Евтушенко сразу пошли в народ: «Наследники Сталина», «Бабий Яр» и другие. Евтушенко писал о том, что находилось в фо-

кусе общественного внимания: Братская ГЭС, КамАЗ, БАМ, Вьетнам, Куба, Ольстер… И все было звонко, патриотично, сердечно, с неподдельной искренностью. Критики корили его за документальность, чрезмерную прозаичность. Евтушенко оправдывался: да, документалист, но гражданская позиция — это лицо писателя. «Я жаден до людей», — признавался поэт.

Евтушенко упивался собою, но при этом не терял искренности.

Проклятье – я профессионал.
Могу создать блистательную штучку…

И создавал раз за разом. Ему не хватало истинной поэтичности, и поэтому в моем списке любимых поэтов Евтушенко был далеко не в первых рядах. Но кое-что в его текстах и меня пленяло, к примеру, «Казанский университет»:

Какая погода сегодня в империи?
Гражданские сумерки…

Или еще такой маркер: «Царь на Руси не так уж страшен — / страшнее царские царьки…» «Вся — от головы и до хвоста — / ты гниешь, империя чиновничья…»

Ярый критикан? Но нет.

Люблю тебя, отечество мое,
не только за частушки и природу –
за пушкинскую тайную свободу,
за сокровенных рыцарей ее,
за вечный пугачевский дух народа,
за доблестный гражданский стих…

Но вот последние две строки «Казанского университета» я бы вычеркнул: «за твоего Ульянова Володю, / за будущих Ульяновых твоих». Вот этого не нужно: не надо Ульянова, Ленина и прочих вождей. Нужна России только Либерти — свобода!.. А не ярмо и холопство!..

И в замечательном стихотворении «Москва — Иваново» (1978), где поэт тяжело выдохнул:

Самого себя я спрашивал
под гудки и провода:
«Мы узнали столько страшного –
может, хватит навсегда?»

Да, жаль, что это «исследование» о Евтушенко я не включил в книгу. А теперь довольствуюсь короткими цитатами. Виноват. Каюсь. Евтушенко был редким поэтом боли и сострадания к русско-

му народу.

Жить невозможно русским на Руси,
И без Руси и вовсе невозможно.

Напиши кто-то сегодня подобное, и тут же получит по полной программе, а любимцу Жене прощали многое и многое позволяли, и он объездил чуть не весь земной шар.

Границы мне мешают… мне неловко
Не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка.
Хочу шататься, сколько надо, Лондоном,
со всеми говорить – пускай на ломаном.

И себя Евтушенко с гордостью называл гражданином страны «Человечество». Возможно, в поэте играли гены, ибо в нем смешалось много кровей — белорусской, польской, латышской и даже немецкой крови, и они весьма разбавили русскую кровь. Вообще он, как дала заголовок «Литературка» к его 90-летию, «неповторим — во всем». И поэтому смело отозвался на события в Чехословакии в 68-м:

Танки идут по Праге,

Танки идут по правде.

А за эту правду Евтушенко била власть, и покусывали «литсобратья». А он, критикуя и возмущаясь, только призывал: «Любите Родину, но только не расчетливо…» Сегодняшние мои коллеги по цеху любят режим только за деньги, и большие, многие из них просто разбойники пера и микрофона. Совесть Евгения Евтушенко была чиста…

Он много пережил и много страдал, на последних съемках он выглядел человеком многострадавшим. Он покинул белый свет 1 апреля 2017 года в США, в городе Талса (штат Пенсильвания).

* * *

Но вернусь к себе. И надо все же ставить точку. Нервы не выдерживают следить за тем, что происходит в мире. Мир без мира, и все воюют друг с другом. Безумны правители, безутешен народ. И как отмечал Василий Розанов: «Душа озябла». Нет покоя, одни проблемы, тревоги и страхи. Пугающее будущее. Но и в прошлом не спрячешься. И никакой ностальгии по СССР у меня нет. Одни миражи прошлого.

И вдруг наплывом выплывает картинка и

звучит музыка (клиповое сознание) — одна из ариеток Александра Вертинского на стихи поэта-эмигранта Серебряного века Георгия Иванова из сборника «Отплытие на остров Цитеру». Приведу слова по памяти.

Над розовым морем вставала луна,
Во льду зеленела бутылка вина.

И томно кружились влюбленные пары
Под жалобный рокот гавайской гитары.

– Послушай. О, как это было давно.
Такое же море и то же вино.

Мне кажется, будто и музыка та же…
Послушай, послушай – мне кажется даже…

– Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой.
Мы жили тогда на планете другой.

И слишком устали, и слишком мы стары
Для этого вальса и этой гитары.

И для этой книги дневников и воспоминаний тоже. Отложим ее в сторону. У каждого из нас

свои воспоминания, а у кого-то даже остались надежды. Что ж, имеют право. И поэтому я желаю таким оптимистам приятных снов и сладких иллюзий. Надейтесь, господа читатели, надейтесь…

Книга закончена 22 июля 2022 года. Московское время 13:37. Мистика цифр…

Анонс событий из жизни Ю.Б

2011 год — главные события: две книги и тур «Классическая Швейцария». 30-я по счету книга «Наедине со временем, или Дневник интеллигента в очках». Самиздатовская в мягкой обложке, «изумрудная книга», тираж 60 экз. Период 1950–1989 годы. Держал в руках 28 февраля. Вторая книга «Серебряные трели судьбы» — Ретроэстрада была отпечатана в ноябре 2011-го, а на руки — февраль 2012-го. Швейцария 10–16 сентября. В течение года много печатался и выступал. Так, 11 января утром в газете («МП», эссе об Альфреде де Мюссе), а вечером в МЕОЦе — «О времени, о книгах, о себе». В «МП» среди прочего опубликованы «Юпитер музыки» (Бетховен), три части эссе о Лескове, Ренуар. М. Булгаков, Анатолий Рыбаков, Александр Гладков, «Заметки Ворчуна», Василий Розанов, Виктор Некрасов и т. д. В «Алефе» — Сергей Довлатов, в «Аккорде» — «Вечно живой умирающий лебедь» (Камиль Сен-Санс) и «Первая труба Европы» — Эдди Рознер. Забыл, а 7 ноября, «МП» — Достоевский: «Человек есть тайна». Но и две неудачи: несостоявшиеся творческие вечера

на факультете журналистики в МГУ (переговоры с Засурским) и вечер-отчет в Плехановской академии бывшего плехановца…

2012 — юбилей 80 лет. Много поздравлений. «Наша самая яркая звезда» (журнал «Алеф»), «Собиратель мудрости» («Наука и религия»), «Ловец информационного жемчуга» («МК»). Творческие вечера: в галерее Гинзбурга, в МЕОЦе, в Тургеневке, в доме-музее Цветаевой, в квартире-музее Алексея Лосева на Арбате и т. д. В «Аккорде» опубликованы «Три юбиляра» (Гайдн, Паганини, Россини) и поздравления с юбилеем Ю.Б. Много публикаций: в «МП» — Вяземский, Денис Давыдов и т. д. В «Алефе» — Робер Фальк и много других знаковых персон. Вышла книга «Ретроэстрада. Франция, США, Россия». В «Науке и религии» печатались отрывки из книги «Погода и слово», Ворчуны, датные материалы. В «Алефе» — 13 материалов, в альманахе «Орех» — два. Из имен: «Моцарт живописи — Коровин», генсек советской литературы Фадеев, реформатор Столыпин, Орфей русской сцены — Собинов, «Поэтический сад Беллы Ахмадулиной» и прочее. И в конце года Париж, 14–21 октября, встреча с Людочкой из Нью-Йорка, многочисленные прогулки от базовой точки — ступени Гранд-Опера. И выезд в

Фонтенбло. Это был последний Запад…

2013 — год начался с больницы. 4 января отвезли, 6-го сделали операцию по удалению желчного пузыря. 17-го выписка. Первый материал начал писать 22 января о Вадиме Шершеневиче. Вышли две книги: «Опасная профессия: писатель» (57 очерков-эссе, от Луначарского до Льва Лосева) — 28 марта, а 23 сентября — «Плач по возрасту». Кроме того, для будущих книг: «Анна Каренина на экране, на сцене и в книге», Рихард Вагнер, Рахманинов, Петр Лавров, Джордж Оруэлл и др. Публикации в 12 журналах «Алефа»: «Серебряные перья», Даргомыжский, Александр Кугель, Наум Коржавин, Борис Ефимов, Георгий Померанц и др. В «Аккорде» — Вадим Козин. В «Науке и религии» — 12 публикаций «Погода и слово». В альманахе «Лесной орех» — Ольга Берггольц. В «МП» — 16 материалов, в том числе Леонардо да Винчи, Лев Копелев, «Всегда рядом с властью» (Сергей Михалков), «Путь к правде» (Александр Яшин), «Самый известный декадент Европы» (Габриэле д'Аннунцио), Адам Смит: «Государство и человек». И сделано в стол — «Фаворит власти» (Константин Симонов). 8 апреля ЦДЛ — «О времени, о книгах, о себе». В кафе «Черри-берри» для читателей библиотеки им. Тютчева рассказ

о советском кино. 8 сентября — на ТВ-канале «Ностальгия» выступление в рубрике «Рожденные в СССР». И еще несколько выступлений в библиотеках.

2014 — новые книги не выходили, но заделы к ним готовились, и в частности эссе-исследование о Шекспире. В январе вышли очередные юбиляры месяца в «Науке и религии», в том числе Питирим Сорокин. В день рождения 2 марта ездили на выставку Зинаиды Серебряковой. 21 марта — съемки историко-документального фильма «28 июня» о Первой мировой войне, был приглашен на съемки в качестве историка-эксперта. Еще слег с артритом, еле ползал, но все же умудрился печатать про Великую французскую революцию. В апреле умер Анисим Гиммерверт, он мечтал о новых ТВ-программах и видел меня в них в качестве ведущего… Много печатался: в «МП», в «Науке и религии», «Алефе», в газете «50+». Писал о Чаадаеве, о Тарасе Шевченко, об Окуджаве, о Галилее, Лермонтове и т. д. Более 10 выступлений, от библиотеки Ключевского до Управы «Сокол».

2015 — в апреле вышла 30-я по счету книга «Избранное из избранного, или Салат воспоминаний» — солидный том в 590 страниц. В литературной части — Шекспир, Анна Карени-

на, Лермонтов — «Жизнь — вечность», смерть — «лишь миг», Валерий Брюсов, Оруэлл, «Легенда советской интеллигенции» — Аркадий Белинков, Паустовский. Окуджава, Андрей Тарковский… Блок стихотворений «Лирика и импровизация» и «Личный архив, важные события и даты». Была подготовлена книга о театре и кино, актеры, режиссеры, — подана на грант, но грант не был получен. Пытался заняться книгой о путешествиях (командировки, отдых, зарубежные туры), но отложил. Контакты с заявками в других издательствах, — пустые хлопоты. В июле попал во власть новой идеи: русские поэты и писатели за рубежом. Идея оказалась плодоносной и вылилась в конечном счете в трехтомник. А в остальном — молотьба в газетах и журналах. В «МП» следует выделить «Лейтенант Бакланов» и «Писатели и поэты на войне и о войне». В «Алефе» — Евреинов, Михаил Ромм, Николай Эрдман в трех номерах, в декабре — «Королева арт-деко Тамара де Лемпицкая»… В «Науке и религии» — юбиляры 2015 года, «Весна, март, женщины», 70-летие Победы и др. Выступления в библиотеках, в Вересаевской — «Музы поэтов — Лиля Брик и Вера Набокова».

2016 — год запуска трехтомника «Эмиграции». Первый том «Отчизна. Дым. Эмиграция»

привезли 31 августа — 432 с. 10 сентября она презентована на Международной книжной ярмарке, в литературной гостиной. И сразу рецензии, в «ЛГ» — «От календаря к ЖЗЛ». Рецензия в «Алефе» — «Культурная катастрофа в октябре 1917-го». Творческие вечера в ЦДЛ, в Доме русского зарубежья, в «Библио-Глобусе» и т. д. И начал делать 2-й том — «И плеск чужой воды». Выходили публикации в «МП» — Добролюбов, в «Алефе» — «Авербах, Лелевич, Родов — гвардейцы вождя», в «Науке религии» — «Мария Кудашева — жена Ромен Роллана и тайный агент Кремля». Еще в «Алефе» — «Бабель и Пастернак в Москве и Париже». Эссе о Юрии Карабчевском. В кафе Комраковой показывал свой фильм о Марлен Дитрих и после просмотра дополнительный рассказ. Перед Новым годом вышел январский «Алеф» с публикацией «Правители новой России — Керенский и Ленин». Выезд в гости в коттедж художницы Аиды в Домодедово, домашнее выступление для кучки интеллигенции с чтением стихов. В апреле в Третьяковке — выставка английских портретов «От Елизаветы до Виктории» — как бы взамен поездке в Англию. 21 мая — удар по сердцу футбольного болельщика: «Динамо» из премьер-лиги вылетело в ФНЛ. 11 октября — ЦДЛ,

почти полный малый зал. Тема: эмиграция.

2017 — вышли две книги и рухнул журнал «Алеф». Книги: «Жила-была женщина», совместное издание А.Б. и Ю.Б. Мой вклад: Екатерина Дашкова, Софья Потоцкая, Каролина Собаньская, Эльза Ласкер-Шюлер, Агата Кристи, Вера Инбер, Ханна Арендт и др. И второй том эмиграции: «И плеск чужой воды». Более 100 эмигрантов: от мадам Кусковой до Анны Ахматовой, от Вертинского до Вернадского. Презентации книги на Международной книжной ярмарке, в Доме книги на Арбате, в Литературном музее и т. д. И занимался третьим томом «Огни эмиграции». Публикация в «НГ», в «Экслибрисе» — «Мы все тут сумасшедшие». Печальная весть об «Алефе» (международный еврейский журнал Нью-Йорк — Иерусалим — Москва). Почти 18 лет сотрудничества с 2000 года, «Персоны месяца», затем «События», «Знаменитые женщины», «Золотые перья». В итоге более 400 публикаций. Последние творческие взрыды: январь 2017-го — правители новой России Керенский и Ленин к 100-летию революции, февраль — «Исторический пессимист» о Ю.Б. к 85-летию и «Красный граф Алексей Толстой», март — рецензия на книгу «Культурная катастрофа 1917 года». Апрель — «Поэты-тру-

бачи Михаил Голодный и Джек Алтаузен», май — «Ровесники из 1932 года», июнь — «Философ Кьеркегор — гений одиночества». Июль — «Жан-Жак Руссо, который мечтал об общем счастье». Август — «Необычная судьба Аркадия Штейнберга». И август — известие о закрытии московского филиала журнала. Не успели выйти в свет эссе об американском писателе Соле Беллоу и художнике Казимире Малевиче…

Из прочего. Рецензия Максима Замшева в журнале «Читаем вместе» на книгу «Эмиграции»: «Бесценное пособие… дивные портреты». Совместное выступление А.Б. и Ю.Б. в «Библио-Глобусе», презентация «Жила-была женщина». 22 февраля — областной университет культуры, выступление перед студентами-филологами «Серебряный век на родине и в изгнании». 2 марта — интервью в «Вечерней Москве» — «Поздняя ягода» и т. д. В июле короткий отдых-передых в санатории в Переделкино. И много чего другого в почтенные 85 лет.

2018 — в марте Ще попала в больницу — онкология, операция. В апреле Эдуардо собрал родственников и друзей в ресторане в синагоге на свое 80-летие. Книжная ярмарка на Красной площади, на стенде «У Никитских ворот» книга

«Огни эмиграции», 3-й том. Первое эссе «Беглец Печерин: ненависть и любовь к России». Далее хроника бегства, отъездов и высылок, начиная с 1960 года. Тарсис, Аллилуева и прочие шестидесятники. Всего где-то более 150 персон, и какие звонкие имена: Солженицын, Наум Коржавин, Андрей Синявский, Александр Галич, Виктор Некрасов, Александр Пятигорский, Гладилин, Буковский, генерал Григоренко, Аксенов и т. д. и т. п. И в самом конце — Юрий Влодов и Борис Рыжий… В 2018-м уход из жизни ровесника Владимира Войновича… После смерти Александра Егорунина закрылась для меня хорошая литературная площадка в «Московской правде». И я остался без памятных дат и ворчаний Ворчуна… В Домжуре состоялась встреча журналистов-ветеранов, Щербина обо мне «Он печет книги, как пирожки». 1 февраля — интервью и съемки по теме «Домашние библиотеки» для газеты «Юго-Запад Москвы» — и мои книжные полки заняли какое-то призовое место в конкурсе домашних библиотек. Потом была публикация «Большая пирамида Юрия Безелянского». 2 ноября — в магазине «Москва» на Тверской презентация книг об эмиграции за столиком и с микрофоном.

2019 — вышла одна книга «Мужские игры во все

времена», совместная с А.Б., как бы продолжение «Жила-была женщина». В моей части — Руссо, Кьеркегор, Франц Кафка — «Я весь литература». Фаддей Булгарин, Константин Симонов, Александр Яшин, Борис Слуцкий, Александр Володин, Юрий Трифонов, Глеб Горбовский и в конце «Властелин “Черного квадрата” — Казимир Малевич». Без журналов, газет, выступлений, даже книжная ярмарка в Гостином дворе оказалась для меня пустой. Порадовало лишь интервью в «ЛГ» — «Формула Вольтера». И притча (или апокриф) в стол об Андрее Платонове. И огорчили уходы Григория Вайсмана (а сколько было надежд с неизданной книгой «Погода и слово»), Элины Быстрицкой (она мечтала о создании института культуры, где меня прочила в профессора), ровесник, экс-президент Франции Жак Ширак. И много других смертей в связи с началом пандемии «Ковид-19». Обрыв контактов, сидение дома, выходы только в масках и т. д.

2020 — творчество забуксовало. Газетно-журнальных рубрик нет. Только книги. В производственном процессе 1-й том воспоминаний и дневников «Об СССР — без ностальгии». Изредка возвращение к текстам в стол: эссе о Феллини и Мастроянни. Один творческий вечер в МЕОЦе

«О жизни, о книгах и возрасте». Коронавирус во всей красе. Газеты о трех «К»: коронавирус, экономический кризис, поправки к Конституции — обнуление… Введение карантина: все по домам. Отдельные выходы в аптеку и в магазин. И много уходов знаковых людей. Анекдот-апокриф «Взятие Бастилии». 25 сентября впервые выступил как поэт в «Доме поэта». Персоналии: юбилей Бунина, закончилась эпоха Жванецкого, ноябрьские взрыды…

2021 — историческая хроника 100 лет назад — 1921 год. Выход в свет двух томов дневников и воспоминаний: «Драма лихих 90-х» и «Нулевые, боевые, пенсионные». Юбилеи Юрия Нагибина и Лескова. Шатобриан и его дневники. Написаны: Ольга Берггольц, Андрей Тарковский (новый вариант), академик Андрей Сахаров. О своем прошлом: командировка к лесорубам Хакасии. И Пярну. Хроника пикирующего автора. К 100-летию смерти Александра Блока. Олимпиада в Токио… По всей стране вакцинация от коронавируса, мы с Ще в числе антиваксеров…

2022 — 2 марта — 90 лет на фоне военной спецоперации на Украине. Поздравления, неожиданно от Управы «Сокол». Три публикации в «ЛГ» — монолог «Под дырявым зонтом, без интернета и вне

тусовки». В «НГ», в «Экслибрисе» — «Баснословный Безелянский, российскому энциклопедисту № 1 — 90». И в «Московской правде» (еще выходит, но только чуть более 60 тыс. экз.) — «Юрий Безелянский. В его руках — бессмертие великих». Панегирическая публикация… А «МК» и другие издания ни гугу. Русские классики о России. 70 лет тому назад — смерть мамы. У каждого из нас свои проблемы, тревоги, страхи, война… «А время рычит свирепо…» И в качестве эпилога Вертинский «Над розовым морем вставала луна…».

Юбилеи в «Клубе 1932»: Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко.